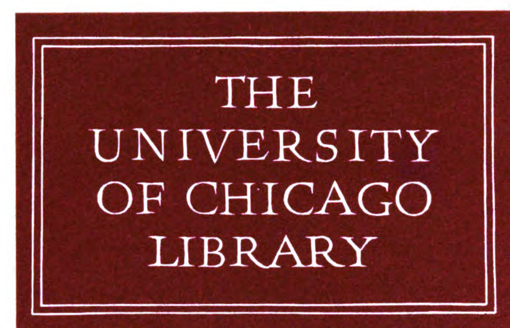
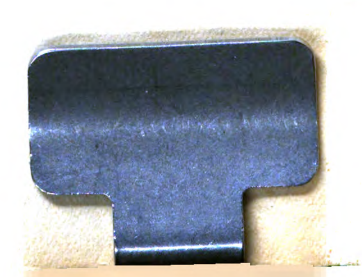
Русское Богатство

№ 11. Ноябрь 1907 г.

3320.

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

3320.
НАУКА

НОЯБРЬ. 1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1907.

Открыта подписка на 1908 годъ

(XVI-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и [illegible], на 6 мѣс.—**4** р. **50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; [illegible]—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 [illegible]

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная [illegible] р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—**1** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

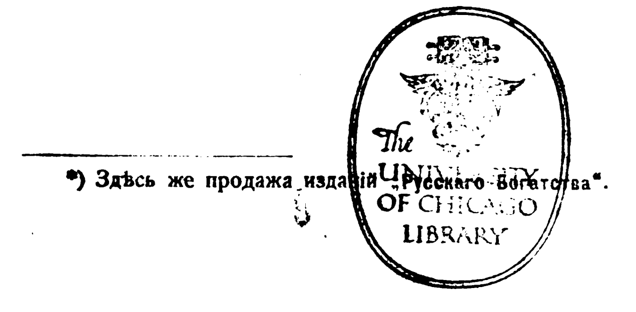
Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго,—*Пассажъ* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ **могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп.,** ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. **отъ нихъ** НЕ ПРИНИМАЕТСЯ **до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.**

---

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства".

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

ВЪ ТЕМНУЮ НОЧЬ.

VIII.

Электрическій звонокъ непрерывно звенѣлъ надъ дверями фойе Общественнаго собранія. Гулявшая тамъ публика поспѣшно расходилась по разнымъ направленіямъ. Огромный залъ быстро пустѣлъ и отъ этого начиналъ казаться еще больше. Въ зеркальныхъ стѣнахъ отражались лишь яркіе огни люстръ да блестѣвшія переливающимися цвѣтами бутылки на бѣлоснѣжной скатерти буфета. Варыгинъ, затянутый въ безукоризненно сидѣвшій на немъ студенческій сюртукъ Подгурскаго, торопливо шелъ вслѣдъ за Татьяной Михайловной, приглаживая на ходу растрепавшіеся волосы.

— Такъ и есть... Конечно, мы пропустили все первое отдѣленіе... Какая досада! — Татьяна Михайловна обернулась къ Варыгину.—Ну, давайте же вашу руку—будьте, наконецъ, кавалеромъ!..

— Синьора, разрѣшите?..—Варыгинъ сдѣлалъ торжественную физіономію и галантно подалъ руку Татьянѣ Михайловнѣ.—У васъ сегодня видъ неаполитанской королевы во время пріема иностранныхъ пословъ, — продолжалъ онъ, указывая на тянувшійся по паркету шлейфъ ея чернаго платья.—И какъ вы съ этой штукой управляетесь—не понимаю... Я бы, кажется, на каждомъ шагу спотыкался...

Дѣвушка мелькомъ взглянула на себя въ зеркало.

— Привычка, милостивый государь. Однако гдѣ же наша ложа?—Она вынула изъ маленькаго плюшеваго мѣшечка билетъ и посмотрѣла номеръ. — Мы не туда идемъ, нужно черезъ тѣ двери.

— Мы съ вами развѣ въ ложѣ сидимъ?..—спросилъ Варыгинъ, — скажите, пожалуйста, какъ важно!.. А я и не подозрѣвалъ...

— Да... въ ложѣ... И, знаете, мы будемъ совершенно одни: наши знакомые, вмѣстѣ съ которыми я взяла эту ложу,

сегодня послѣ обѣда прислали сказать, что быть не могутъ... Но это еще лучше!..

— Разумѣется,—согласился Варыгинъ.—Больше почету, когда только двое сидятъ!.. А то набьются, какъ сельди въ бочку, и всѣмъ ясно, что люди по полтиннику сложились... Въ аристократическомъ одиночествѣ куда пріятнѣе... Для большей же вѣроятности, вы на этотъ вечеръ можете вообразить, что я, положимъ, графъ Монте Кристо, или который-нибудь изъ вашихъ поклонниковъ-гвардейцевъ!..

— Не ерундите, Варыгинъ,—недовольно замѣтила Татьяна Михайловна, снова доставая изъ мѣшечка билетъ и показывая его капельдинеру. — Никакихъ поклонниковъ гвардейцевъ у меня нѣтъ...

Варыгинъ скептически усмѣхнулся.

— Тысячу извиненій, синьора!.. А какъ же вашъ баронъ Притвицъ, этотъ бѣлобрысый, въ пенснэ?.. Вы же сами мнѣ разсказывали, что онъ къ вамъ всякій разъ съ букетомъ является и потомъ цѣлый вечеръ душитъ васъ разговорами насчетъ своего геральдическаго древа?..

— Мало ли что, просто такъ себѣ человѣкъ приходитъ... А вы ужъ рады случаю прицѣпиться!.. Ну, вотъ и наша ложа...

— Однако, чортъ возьми, какъ здѣсь шикарно!.. — объявилъ Варыгинъ, усаживаясь въ свое кресло и осматриваясь по сторонамъ.—Давненько я не бывалъ въ такъ называемомъ порядочномъ обществѣ!.. Отвыкъ даже; пожалуй, скоро совсѣмъ одичаю на своей дачѣ и начну бѣгать на четверенькахъ...

— Скажите, пожалуйста, какой отшельникъ. А сюртукъ-то этотъ откуда у васъ?.. Надѣюсь, вы его не для своего Сысоя соорудили!..

— Чужой, Татьяна Михайловна, чужой, — возразилъ Варыгинъ.—Неужели вы думаете, что у меня есть теперь время заниматься подобными вещами?.. Да и къ чему онѣ мнѣ?.. Прошли славные дни Аранжуэца, когда я былъ аркадскимъ принцомъ и ходилъ въ воротничкахъ до ушей... Теперь— увы!.. Mon oncle субсидію давнымъ-давно прекратилъ „за превратный образъ мыслей“; тутъ еще нелегальное положеніе подоспѣло, и я, какъ видите, могу сказать про себя съ глубокимъ вздохомъ: „ахъ, нынѣ я не тотъ!..“ А что касается того, что сюртукъ этотъ имѣетъ на мнѣ до нѣкоторой степени приличный видъ, то вѣдь сами знаете: нѣтъ такой вещи, которая не пришлась бы впору бѣдному человѣку!..

Дѣвушка бросила на Варыгина одинъ изъ своихъ внимательныхъ взглядовъ, которые почему-то всякій разъ вызы-

вали въ немъ смутное волненіе, и отвернулась. Варыгинъ сталъ разсматривать усаживавшуюся по мѣстамъ публику.

Продолговатый залъ съ бѣлыми колоннами, служившій въ обыкновенное время для танцевъ, былъ весь залитъ призрачно матовымъ свѣтомъ трехъ огромныхъ электрическихъ фонарей, спускавшихся съ расписаннаго фресками потолка, съ летящими голыми амурами, фіолетовыми облаками и прочими аксессуарами живописи этого рода. Повсюду, внизу въ партерѣ, во всѣхъ ярусахъ обитыхъ бархатомъ ложъ, въ особенности на хорахъ, между строго бѣлѣющими колоннами виднѣлась непрерывно колыхавшаяся живая масса людей, заполнявшая всѣ свободные промежутки. Нарядные туалеты дамъ выдѣлялись пестрыми пятнами среди общаго чернаго фона штатскихъ сюртуковъ, кое-гдѣ ярко бросались въ глаза мундиры военныхъ, почему-то по преимуществу — кавалеристовъ... Многочисленныя лысины блестѣли и лоснились то тутъ, то тамъ, между однообразно темнѣвшими рядами головъ, еще не успѣвшихъ пріобрѣсти себѣ это солидное украшеніе... Мелькали голыя плечи, глубокія декольте, красивыя почти обнаженныя тѣла въ дорогомъ, сверкающемъ нарядѣ, стройныя женскія фигуры, оживленныя, улыбающіяся лица, то обаятельно прекрасныя въ своемъ стремленіи къ наслажденіямъ жизни, то напыщенно важныя отъ избытка переполняющаго ихъ ничтожества.

Было душно,—и весь залъ казался окутаннымъ какой-то бѣловатой дымкой. Общій разбросанный гулъ разговоровъ неясно волновался, перекатываясь по рядамъ партера, подымаясь по ярусамъ переполненныхъ публикой ложъ наверхъ, къ самымъ хорамъ, и тамъ уже окончательно расширяясь въ рѣзко переплетающуюся сумятицу звуковъ. Въ жаркомъ воздухѣ, насыщенномъ дыханіемъ сотенъ людей, было неуловимо разлито какое-то настроеніе красивой праздности.

Блескъ электрическихъ лампочекъ, холодный свѣтъ чуть слышно шипящихъ подъ потолкомъ матовыхъ фонарей, доносящіеся отовсюду отрывки разговоровъ, довольныя лица, мягкое бряцаніе шпоръ, смутно напряженная атмосфера ожиданія—все это какъ то странно волновало воображеніе Варыгина. Онъ почувствовалъ, что уносится мыслями, незамѣтно для самого себя, все дальше и дальше отъ своей обычной, вчерашней еще жизни. Ему вдругъ показалось, что и онъ тоже есть часть этой красиво одѣтой беззаботной толпы, что онъ тоже живетъ съ нею одной жизнью, одѣвается съ изысканнымъ вкусомъ, ѣздитъ на хорошихъ лошадяхъ, платитъ дикія деньги за то, чтобы послушать цыганскую пѣвицу, и, какъ этотъ, сидящій рядомъ съ ними въ

сосѣдней ложѣ, гусаръ, отправится сегодня послѣ концерта въ шикарный ресторанъ, чтобы тамъ прокутить съ товарищами до разсвѣта...

Въ этотъ моментъ передъ его мысленнымъ взоромъ неожиданно появилась угрюмо растрепанная физіономія Сысоя, съ папиросой въ зубахъ лежащаго въ пустой комнатѣ на диванѣ. Варыгинъ невольно усмѣхнулся.

— Вы чему смѣетесь?..—спросила все время наблюдавшая за выраженіемъ его лица Татьяна Михайловна:—что васъ такъ вдругъ обрадовало?..

— Глупости, Татьяна Михайловна... Ей-богу, я, кажется, начинаю уже здѣсь акклиматизироваться!.. Вы знаете—мнѣ вдругъ сейчасъ показалось, что и я веду ту же жизнь, что и они всѣ... Игра воображенія на тощакъ!.. Вредно ходить на цыганскіе концерты!..

— Вы, я вижу, тоже иногда любите выраженія à la Сысой... Отъ него вы заразились, или это у васъ самостоятельный недостатокъ?..

— Знаете, Татьяна Михайловна,—улыбаясь при одномъ только воспоминаніи, продолжалъ Варыгинъ,—сегодня, когда Сысой узналъ, что я съ вами на концертъ иду,—вотъ онъ ругался!.. Ужасъ прямо!.. Это, говоритъ, подлость... Сознательное заглушеніе совѣсти и еще чортъ знаетъ что... Обѣщалъ отдуть меня, когда вернусь... Только, говоритъ, вернись оттуда—изобью, какъ собаку!.. Такъ и жди!..

Татьяна Михайловна сочувственно засмѣялась:

— Бѣдненькій, какъ мнѣ васъ жаль!.. Васъ, значитъ, сегодня дома ждетъ нахлобучка?.. Вотъ если бы я тамъ съ вами была—я бы, навѣрное, васъ защитила...

— Ну это, положимъ, еще какъ придется,—возразилъ Варыгинъ.—Сысой человѣкъ серьезный и стоитъ за полное равноправіе...

— Я Сысоя не боюсь, мы съ нимъ друзья. Онъ мнѣ очень нравится. Несмотря на всю свою оригинальность, онъ никогда не ломается, какъ ломалось бы большинство нашей публики на его мѣстѣ. Онъ всегда такой искренній!..

Татьяна Михайловна замолчала и перегнулась черезъ барьеръ ложи.

— Смотрите—они уже выходятъ,—сказала она, оборачиваясь назадъ.—Сядьте-же ближе: вамъ ничего оттуда не видно.

Варыгинъ пододвинулъ свое кресло къ барьеру. На эстраду входили, располагаясь полукругомъ, цыгане и цыганки. Яркіе восточные костюмы, смуглыя лица, отрывистый звонъ подстраиваемыхъ гитаръ, тихое позвякиваніе колокольчиковъ на бубнахъ,—все дышало чѣмъ-то далекимъ и

незнакомымъ, возбуждающимъ какія-то смутныя воспоминанія.

— Вотъ она!..—Дѣвушка показала кончикомъ вѣера на высокую и уже пожилую цыганку, всю въ черномъ, выходившую на средину эстрады. Во всѣхъ углахъ залы послышались отдѣльные всплески апплодисментовъ, перешедшіе сейчасъ-же въ общій неистовый шумъ. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея морщинистомъ, неподвижномъ, какъ камень, лицѣ; сурово сжатыя губы даже не шевельнулись при этомъ взрывѣ восторга, вызваннаго ея появленіемъ,—только огромные черные глаза сверкнули съ какимъ-то безразличіемъ на бѣснующуюся повсюду публику и опять горделиво закрылись подъ темнѣющей тѣнью рѣсницъ.

Цыганка медленно сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и, сложивъ руки на груди, остановилась въ позѣ безжизненной статуи на самомъ краю эстрады. Публика начала понемногу успокаиваться. Цыганка ждала—весь хоръ тоже, точно замеръ вмѣстѣ съ нею.

— Это ея манера пѣть,—сказала Татьяна Михайловна, близко наклоняясь къ Варыгину.—Она поетъ самыя дикія и развеселыя вещи, не мѣняя выраженія лица...

— Но кто это?..—спросилъ Варыгинъ.

— Это та самая—помните: у Апухтина есть стихотвореніе „Цыганка“, посвященное ей... она одна изъ послѣднихъ оставшихся пѣвицъ прежнихъ, настоящихъ цыганскихъ хоровъ...

— Слушайте, она начинаетъ!..

„Въ часъ печали, тоски и сомнѣнья...“

Призывной волной прокатился съ эстрады по всѣмъ уголкамъ затихшаго зала необычайно низкій, грудной голосъ—

„Ты мой милый, ко мнѣ приходи
И найдешь ты покой и забвенье
У цыганки на смуглой груди!..

Гитары аккомпанимента порывисто и сдержанно зазвенѣли. Мелодія пѣсни развертывалась все привольнѣе и шире:

„Какъ страница чарующей сказки,
Эта ночь для тебя промелькнетъ...
Кровь разбудятъ горячія ласки,
На устахъ поцѣлуй мой замретъ...

„На устахъ поцѣлуй мой замретъ!..“—съ тоской повторилъ ея дышащій мучительной страстью голосъ. Морщинистое

лицо оставалось по прежнему неподвижно. Непроницаемая гуща рѣсницъ прикрывала устремленные куда-то въ пространство, казалось, никого и ничего не замѣчающіе черные глаза.

— Какъ странно, — подумалъ Варыгинъ,—точно это не она поетъ, а звуки выходятъ откуда-то изъ-подъ эстрады...

Онъ откинулся на спинку кресла и весь отдался влекущему куда-то его сознаніе неопредѣленному потоку мыслей. Безформенные образы, безъ начала, безъ конца, похожіе на клочья разорваннаго тумана, заструились и исчезли... Варыгинъ почувствовалъ, какъ эта страсть, дико звучавшая въ переливахъ ея низкаго, почти мужского голоса, какимъ то вихремъ охватила его воображенье; что-то широкое, привольное съ буйнымъ размахомъ переполнило его сознаніе—казалось, въ груди мало мѣста для этого новаго, непреодолимо расширяющагося чувства... Здѣсь, въ этой залѣ, и душно и тѣсно—нужно сейчасъ, чтобы вмѣсто этого потолка, расписаннаго цвѣтами и амурами, открылось бездонно сверкающее звѣздами ночное небо, чтобы вѣтеръ свистѣлъ, налетая изъ волнующейся травами степи, чтобы вмѣсто этихъ каменныхъ стѣнъ повсюду были просторъ и безпредѣльная воля!.. И тогда, среди сумрака ночи, нужно мчаться впередъ на порывисто хрипящемъ конѣ, чтобы дыханье захватывало отъ встрѣчнаго вѣтра, чтобы сердце билось ожиданіемъ близкаго свиданья... Тогда, и только тогда, будетъ весело на душѣ отъ этой пѣсни: она родилась среди вольнаго простора степи—и въ душныхъ залахъ она умираетъ... Варыгину казалось, что его вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ охватывать какое-то ощущеніе безпричиннаго разочарованія; онъ смутно чувствовалъ въ себѣ, что въ наслажденіи пѣньемъ этой цыганки для него есть что-то неполное, недосказанное: ему мѣшала, во-первыхъ, вся эта, такъ не идущая къ дикимъ и страстнымъ звукамъ, обстановка фешенебельнаго концерта и, главное, ему казалось, что онъ смогъ бы быть всецѣло захваченнымъ ихъ обаяніемъ только тогда, когда бы зналъ,—что его самого тоже сейчасъ любятъ и ждутъ и съ такою-же страстью призываютъ гдѣ-нибудь среди мрака ночи!..

Могучій контральто по прежнему несся изъ груди высокой старухи съ огненными глазами, но ея морщинистое лицо было по прежнему неподвижно и даже мрачно со своими властно сошедшимися въ одну линію густыми, черными бровями. Варыгинъ перевелъ глаза съ эстрады снова на публику и, скользнувъ взглядомъ по пышнымъ прическамъ дамъ, наряднымъ декольте, сверкающимъ брилліантами, глянцевитымъ лысинамъ, пуговицамъ и эполетамъ,

остановилъ его, наконецъ, на облокотившейся около него на барьеръ ложи Татьянѣ Михайловнѣ. Она смотрѣла куда-то передъ собой слегка затуманившимися карими глазами, и, повидимому, мысли ея были далеко отсюда. Варыгину вдругъ показалось, что въ этотъ моментъ она лучше и красивѣе всѣхъ находящихся въ этой залѣ женщинъ, и что только къ ней одной онъ могъ бы почувствовать ту захватывающую страсть, которая звучала сейчасъ въ голосѣ старой цыганки. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на всѣ виднѣвшіяся изъ ложъ и между колоннами на хорахъ женскія лица и отвернулся.—„Ну... куда-же имъ всѣмъ!..“—подумалъ онъ.—„Конечно, она лучше!..“ Это открытіе почему-то наполнило его совершенно ужъ непонятной даже для него самого горделивой радостью, и онъ почувствовалъ, что ему стало вдругъ какъ-то весело и хорошо на сердцѣ.

„Наша жизнь—это только мгновенье,
Наша вѣчность и счастье—любовь!..

закончила свою пѣсню цыганка. Хоръ гитаръ прозвенѣлъ и смолкъ, оборвавшись побѣдно-торжествующимъ аккордомъ. Публика съ секунду оставалась неподвижна. Внезапный взрывъ рукоплесканій, раздавшійся въ одномъ концѣ зала, нарушилъ наступившую тишину. Бѣшеная лавина апплодисментовъ пронеслась затѣмъ по всколыхнувшимся рядамъ, и все слилось въ какомъ-то хаосѣ восторженныхъ криковъ, рукоплесканій и неистоваго рева со стороны особенно яростныхъ поклонниковъ цыганскаго пѣнія. Повсюду, черезъ барьеры ложъ, черезъ перила хоръ свѣшивались красныя, возбужденныя лица, мелькали ожесточенно апплодирующія руки, виднѣлись широко раскрывавшіеся рты, безъ устали кричавшіе что-то, тонущее въ общемъ шумѣ. Только сама виновница всей этой бури оставалась, не двигаясь, на своемъ мѣстѣ, съ прежнимъ безстрастнымъ видомъ утирая платкомъ струящіяся по лицу капли пота.

— Бисъ!.. бисъ!..—неслось со всѣхъ сторонъ.

— Коробейники!.. Ко...ро...бейники!..—гудѣлъ съ хоръ чей-то протодьяконскій басъ.

— Иву... иву!.. Плакучую иву!..—визжала одна растрепавшаяся и неистово апплодировавшая дѣвица.

Какой-то почтенный господинъ съ побагровѣвшей отъ напряженія физіономіей свѣсился черезъ перила хоръ между колоннами и, не переставая, вопилъ изступленнымъ голосомъ:

— Вчера я видѣлъ васъ во снѣ!.. Вчера я видѣлъ васъ во снѣ!..

— Троечку!.. Троечку!..—кричали изъ партера. Цыганка стояла на краю эстрады, въ ожиданіи, пока все это кончится, и Варыгину показалось, что ея снова плотно сжавшіяся, гордыя губы тронулись чуть замѣтной усмѣшкой презрѣнья.

— Почему вы не аплодируете?.. — обратилась Татьяна Михайловна къ Варыгину среди общаго шума и криковъ.

— Не имѣю привычки...

— Не слышно, говорите громче.

— Я никогда...—Варыгинъ наклонился къ самому уху молодой дѣвушки.

— Подождите, — сдѣлала она ему знакъ рукой.—Пойдемте въ корридоръ...

Татьяна Михайловна, обмахивая вѣеромъ свое разгоряченное лицо, вышла изъ ложи.

— Почему вы не хлопали? Развѣ вамъ не понравилось?..

— О, страшно!—возразилъ Варыгинъ.—Но чѣмъ больше что-нибудь мнѣ нравится, чѣмъ сильнѣе захватываетъ, тѣмъ труднѣе бываетъ мнѣ выразить внѣшнимъ образомъ свое настроеніе... Я какъ-то стѣсняюсь бѣсноваться, кричать, неистовствовать, какъ неистовствуетъ сейчасъ вся эта публика... Я ни на минуту не перестаю наблюдать самъ себя и всегда боюсь показаться смѣшнымъ въ проявленіи своего чувства... И потомъ... знаете, Татьяна Михайловна, мнѣ даже какъ-то странно говорить вамъ объ этомъ. Я вѣдь никогда еще до сихъ поръ не былъ охваченъ всецѣло ничѣмъ, что могло бы заставить меня забыть все на свѣтѣ и отдаться окружающему, не разсуждая!.. Когда мнѣ приходилось, напримѣръ, говорить на большихъ рабочихъ митингахъ, когда я видѣлъ вокругъ себя сверкающіе глаза, возбужденныя лица тысячной толпы, я чувствовалъ, что и меня тоже захватываетъ эта волна всеобщаго воодушевленья. Но... никогда, Татьяна Михайловна... никогда—и въ этомъ-то все мое горе!..—я не переставалъ быть наблюдателемъ, даже въ тѣ моменты, когда мнѣ приходилось быть дѣйствующимъ лицомъ. Я всегда замѣчалъ выраженіе лицъ окружавшихъ меня людей, ихъ настроеніе, ихъ красивые или смѣшные жесты—словомъ, все то, чего я не долженъ былъ бы видѣть, если бы умѣлъ отдаваться непосредственному чувству... И мнѣ очень тяжело бываетъ иногда отъ этого сознанія!..

Татьяна Михайловна ничего не отвѣтила, и они молча прошли нѣсколько шаговъ вдоль пустыннаго корридора. Доносившійся изъ концертнаго зала неистовый шумъ затихъ: сквозь запертыя двери ложъ неясно долетѣли звуки прежняго контральто.

— Она опять поетъ... Хотите вернуться?.. — спросилъ Варыгинъ.

Дѣвушка отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, тамъ очень душно сейчасъ... Если вамъ все равно, то посидимъ лучше немного въ фойе...

Татьяна Михайловна оправила передъ зеркаломъ прическу и сѣла на маленькій диванчикъ. Варыгинъ помѣстился рядомъ, и съ минуту они оба молчали.

— О чемъ вы думаете, Татьяна Михайловна?..—спросилъ Варыгинъ.—У васъ такой грустный видъ, точно вы собираетесь впасть въ самую черную меланхолію?..

— Ну, вотъ, съ какой-же стати!.. Просто думаю объ одной вещи...

— О какой-же именно?

— Затрудняюсь вамъ объяснить. Такъ... Неопредѣленное что-то... Мнѣ кажется ужасно страннымъ вотъ что: сейчасъ мы съ вами сидѣли здѣсь въ ложѣ рядомъ съ людьми, безконечно далекими намъ по духу, по стремленіямъ, по всему... Между ими и нами лежитъ пропасть, и даже моста нельзя черезъ нее перекинуть: такъ она широка и непереходима. Однако-же, вотъ нашлось и для насъ съ ними что-то одно, общее, что объединило насъ хотя бы на одно только краткое мгновенье!.. Я говорю о томъ настроеніи, которое вызвало во мнѣ и во всѣхъ ихъ пѣніе этой цыганки. Понимаете, Варыгинъ: вѣдь вѣка еще пройдутъ, какъ они уже прошли съ сотворенія міра и до нашихъ дней, всѣ наши споры, вся вражда, вся злоба, все это куда-то исчезнетъ, уйдетъ, замѣнится чѣмъ-нибудь инымъ, непохожимъ,—а любовь все останется по прежнему, какъ и сейчасъ, какъ и во времена какихъ-нибудь крестовыхъ походовъ или нашествія Тамерлана!.. Значитъ, есть цѣлый міръ внутри насъ, который выше и больше всей нашей остальной жизни, разъ только онъ одинъ неизмѣненъ и вѣченъ, а все другое измѣнчиво и преходяще. Я знаю напередъ, что я не буду согласна ни въ одномъ словѣ съ большей половиной присутствующей здѣсь публики, которая слушала ее вмѣстѣ съ нами... Но въ тотъ моментъ, когда она пѣла, я видѣла, какъ на самыхъ пошлыхъ, на самыхъ безнадежно чуждыхъ мнѣ лицахъ отражался тотъ же лучъ чего-то огромнаго и мощнаго, который властно и неожиданно озарилъ мою душу. Я думаю: въ порывѣ любви, въ захватывающей страсти не можетъ быть ни для кого различія, всѣмъ одинаково это чувство дорого и близко: оно какъ бы уравниваетъ всѣхъ, сглаживаетъ всѣ существующія въ жизни перегородки!.. Но, знаете, Варыгинъ, я думала еще вотъ что: сейчасъ всѣ эти люди кричатъ, бѣснуются, выражаютъ свой восторгъ, кто какъ

можетъ... Они кажутся всѣ охваченными обаяніемъ чего-то непохожаго на ихъ обыденную жизнь, чего-то яркаго и красиваго... Но вѣдь это только на одинъ моментъ!.. Вернутся они всѣ домой, забудутъ все,—и снова потянутся для нихъ прежнія сѣрыя сумерки, прежнее мелочное существованіе!.. И мнѣ кажется, что и я сама... и всѣ мы, которые боремся сейчасъ противъ этихъ людей за свободу и счастье жизни, тоже, какъ и они, способны лишь на минуту поддаться влеченію чего-нибудь непосредственнаго, живого... Потомъ у насъ снова явится имъ на смѣну разочарованіе, анализъ, просто привычка къ обычному укладу жизни, и все, что непохоже на эти, разъ навсегда уже отлитыя для насъ формы,—будетъ казаться намъ безсмысленнымъ и неумѣстнымъ... Но вѣдь строители будущаго должны быть смѣлы и горды!.. У нихъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній или колебаній... А мы?.. Мнѣ кажется, что, разрушивъ старый міръ, мы или ничего не сумѣемъ построить на его развалинахъ, или построимъ то же самое, только подъ другой крышей!.. Мы слишкомъ долго толкались по низамъ, чтобы у насъ могли отрости орлиныя крылья,—а на тѣ вершины, на которыя мы зовемъ за собой другихъ людей, безъ нихъ вѣдь невозможно подняться?.. Не знаю: понятно ли вамъ, Варыгинъ, что я хочу этимъ сказать?.. Боюсь, что я выражаюсь недостаточно ясно!..

— Нѣтъ, я васъ понимаю, — возразилъ Варыгинъ.—Но мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ правы... Вы забываете одно обстоятельство, которое, между тѣмъ, и есть самое важное для отвѣта на всѣ ваши сомнѣнія: вѣдь, какъ бы мы съ вами ни говорили, что мы работаемъ постольку, поскольку эта наша работа связана съ нашимъ духовнымъ міромъ, съ требованіями нашего внутренняго „я“ и т. д.—все же, какъ никакъ, она сводится къ тому, чтобы всѣ эти милліоны людей, томящихся сейчасъ въ подземельи, вышли, наконецъ, изъ мрака на свѣтъ Божій... Я думаю, что когда они оттуда выйдутъ—наша роль будетъ окончена... Мы можемъ только лишь указать имъ дорогу—не больше!.. Мы можемъ лишь сказать имъ: „вотъ смотрите: здѣсь тьма и смерть, тамъ-же—жизнь и блескъ яснаго солнца... Пойдемте-же за нами, если вы хотите быть людьми, а не слѣпыми, подземными кротами!..“ И вотъ, если они послушаютъ насъ и выйдутъ, если они подымутъ, наконецъ, свои склоненныя подъ рабскимъ ярмомъ головы и увидятъ вмѣсто сводовъ своей темницы безпредѣльное небо,—они поймутъ, Татьяна Михайловна, куда имъ нужно будетъ идти, и безъ насъ сумѣютъ на развалинахъ разрушеннаго нами прошлаго построить зданіе своей будущей жизни... И тогда въ новомъ мірѣ уже

не будетъ никакихъ остатковъ пережитаго; они не станутъ загораживать собою людямъ ихъ дальнѣйшую дорогу, а мы съ вами... мы къ тому времени, быть можетъ, тоже исчезнемъ, уйдемъ со сцены, какъ исчезаютъ и уходятъ, освобождая мѣсто другимъ актерамъ сыгравшіе свои роли статисты... Что-жъ?.. Пускай!.. Я счастливъ, Татьяна Михайловна, сознаньемъ, что сейчасъ, среди этой предразсвѣтной мглы, я различалъ уже вдали свѣтъ новой жизни, что въ сердцѣ моемъ горѣла неудовлетворенная тоска по далекому и прекрасному идеалу!.. Мнѣ хорошо при этой мысли, и я думаю, большаго я не могу и требовать отъ жизни!..

— Да, да, это прекрасно... Конечно... Но бываетъ иногда такое настроеніе, Варыгинъ, чувствуешь, что все какъ-то смѣшалось и спуталось!.. Жизнь, что ли, ворвалась въ твои теоретическія построенія и все въ нихъ взбудоражила; самъ ли ты нѣсколько измѣниля... Какъ то не такъ отчетливо представляешь себѣ, что сейчасъ нужно дѣлать, чтобы испытывать нравственное удовлетвореніе?.. Я помню, какъ по пріѣздѣ изъ заграницы я начала ходить въ кружки къ рабочимъ... Право, мнѣ теперь стыдно становится за все, что я тамъ говорила тогда!.. Меня слушали взрослые люди, измученные жизнью, ищущіе правды, бродящіе во тьмѣ, такъ жадно слушали. Мнѣ казалось, что я снимаю съ ихъ глазъ какую-то повязку, и они начинаютъ видѣть свѣтъ... Но какъ безконечно сложны оказались теперь всѣ эти вопросы, которые я имъ излагала тогда такъ просто!.. Я боялась тогда лишь одного: какъ бы меня кто нибудь, что называется, „не срѣзалъ"... Я усиленно готовилась къ каждой лекціи, я добросовѣстно старалась предусмотрѣть всѣ возраженія... А теперь, Варыгинъ!.. Прошло какъ будто немного времени, а какъ все усложнилось и замутилось въ жизни и въ душѣ! Непосредственность порыва какъ будто исчезла...

— Однако, Варыгинъ, не курьезно-ли въ самомъ дѣлѣ... Пришли люди на цыганскій концертъ, а сами сидятъ себѣ въ пустомъ фойе и занимаются скучными разговорами!..

Татьяна Михайловна чуть замѣтно усмѣхнулась и поднялась съ дивана.

— Вернемся, что ли?..—спросила она.

— Не стоитъ, однако?..—полувопросительно отвѣтилъ онъ.

Она опять поколебалась.

— А и то пожалуй!.. Еще заразимся общимъ настроеньемъ. Слышите?..

Изъ залы доносился глухой шумъ, топанье сотенъ ногъ и дикое хоровое пѣнье, порой прерываемое восторженными рукоплесканіями.

Ахъ, Наташа,
Затѣйница ты наша...

Съ удалью расливался могучій контральто—

Постой—не уйдешь,
Сама ты пропадешь!..
„Живо!.. живо!.. живо!..
Налей стаканчикъ пива!..“

Бѣшено подхватываетъ хоръ съ трескомъ бубенъ и пронзительными взвизгиваніями—

„Люби меня, мой милый!..
Я... вся... твоя!..“

— Браво!.. Брава... а... а!..—ревѣлъ чей-то голосъ, одиноко тонувшій въ общемъ шумѣ и топотѣ. Разошедшаяся публика подпѣвала, присвистывала, притопывала ногами. Настроеніе, очевидно, все повышалось.

— Пойдемте, Варыгинъ, — повторила Татьяна Михайловна.—Вы меня проводите до дому, а потомъ уѣдете. Вы не боитесь опоздать?..

— Нѣтъ, еще успѣю!..—взглянувъ на часы, сказалъ Варыгинъ.—Только нужно торопиться, послѣдній поѣздъ идетъ въ 2 ч. 10 ночи.

Они одѣлись въ прихожей, съ дремавшими около вѣшалокъ капельдинерами, и вышли на улицу. Тамъ было тихо и слегка морозило. Пустынныя улицы угрюмо чернѣли передъ ними. Возвышавшіяся громады домовъ были мрачны. Варыгинъ подъ руку съ дѣвушкой прошелъ блестѣвшую огнями рѣдко разставленныхъ фонарей темную площадь и повернулъ на ту улицу, гдѣ была квартира Татьяны Михайловны. Обоимъ почему то не хотѣлось говорить, и они молча шагали по тротуарамъ.

Какая-то темнѣющая масса показалась вдали: она двигалась къ нимъ на встрѣчу. Нѣсколько свѣтлыхъ точекъ сверкнуло въ темнотѣ надъ нею и исчезло.

— Солдаты!..—вздрогнувъ, прошептала Татьяна Михайловна.—Мнѣ жутко, Варыгинъ... Тамъ было такъ хорошо... А здѣсь!...

Она замолчала и слегка прижалась къ плечу Варыгина, какъ бы ища у него защиты. Темная масса съ мѣрнымъ топотомъ приближалась... Штыки угрюмо поблескивали надъ однообразно движущимися рядами. Среди ночной тишины этотъ отрывистый стукъ тяжелыхъ солдатскихъ сапогъ былъ странно жутокъ и неподвиженъ. Черезъ нѣсколько минутъ

весь отрядъ протянулся мимо невольно остановившихся молодыхъ людей.

— Они, кажется, въ районъ Михайлы направляются...— вполголоса сказалъ Варыгинъ, слѣдя за послѣдними удалявшимися въ темноту штыками. Потомъ все снова стихло. Пустынная улица загадочно чернѣла впереди между одиноко мерцавшими фонарями. Наступило прежнеее мертвое молчаніе.

— Варыгинъ,—какъ-то странно дрогнувшимъ голосомъ произнесла вдругъ Татьяна Михайловна. — Слушайте: вы должны мнѣ обѣщать...—Она остановилась на секунду и продолжала еще тише:—Если вы должны будете.. Вы скажете мнѣ... да?.. Слышите—вы обѣщаете... я этого хочу!..

— Что такое, Татьяна Михайловна,—наклоняясь къ ней, спросилъ Варыгинъ,—я васъ не понимаю...

Изъ-подъ мѣховой шапочки на Варыгина глянули два тѣмныхъ глаза, ставшихъ неожиданно огромными среди ночного мрака.

— Вы должны мнѣ сказать непремѣнно!.. Слышите?—порывистымъ шепотомъ повторила Татьяна Михайловна.—Когда вы пойдете на рискъ и, быть можетъ...

— Развѣ вамъ это?..—началъ было неувѣреннымъ тономъ Варыгинъ, но сейчасъ-же умолкъ, встрѣтившись глазами съ ея глубокимъ и радостнымъ взглядомъ.

— Глупый!.. Да неужели же вы до сихъ поръ?..—Какая то смутная и горячая волна ударила въ голову Варыгину. Все кругомъ завертѣлось въ яркомъ, сверкающемъ вихрѣ. Онъ прижалъ къ себѣ безсильно подавшуюся къ нему упругую талію Татьяны Михайловны и почувствовалъ въ тотъ же мигъ на своемъ лицѣ легкое прикосновеніе ея щеки, похолодѣвшей отъ вѣтра. Горячій, длящійся поцѣлуй обжегъ ему губы... Съ секунду они оба молчали.

— Нѣтъ,— пустите!.. — прошептала она, высвобождаясь изъ его рукъ.—Потомъ... Послѣ.. Мы еще увидимся...

— Когда же?.. Гдѣ?..—несвязно бормоталъ Варыгинъ, удерживая ее около себя и снова прижимаясь губами къ ея пылавшей щекѣ.

— Я напишу вамъ... Пустите, мы пришли!.. — Татьяна Михайловна выскользнула отъ него и остановилась.

— Милый, вы такъ долго меня мучили... Я думала, что вы совсѣмъ даже... Какой-же вы глупый!..

— Но когда же?.. Татьяна Михайловна, когда?..—продолжалъ прерывистымъ голосомъ Варыгинъ.—Ей Богу, я съ ума схожу!..

— Мы увидимся... Мы скоро увидимся!—сжавъ ему руку, тихо сказала Татьяна Михайловна.—Милый, мнѣ такъ тя-

жело было одной, но вмѣстѣ съ вами я буду сильной!.. Вы вѣдь тоже тоскуете, но все это пройдетъ—теперь все хорошо будетъ... свѣтло... ярко!.. Любите только меня, Варыгинъ!.. Я такъ ждала васъ, а вы всегда... Нѣтъ, нѣтъ, оставьте!...

Дѣвушка снова вырвалась изъ рукъ Варыгина и быстрыми шагами подошла къ темному парадному подъѣзду своего дома.

— Прощайте!.. Скоро увидимся!.. Торопитесь же: я не хочу, что бы вы изъ-за меня опоздали на поѣздъ...

Она нажала кнопку электрическаго звонка и обернулась къ Варыгину.

— Уходите-же!.. Вонъ ужъ швейцаръ идетъ со свѣчей... До свиданья.

Она махнула ему рукой и скрылась въ отворившихся изнутри дверяхъ. Варыгинъ медленно повернулъ обратно. Голова его горѣла. Началъ накрапывать мелкій дождикъ. Но онъ не замѣчалъ его; разстегнувъ пальто и снявъ шапку, онъ шелъ себѣ впередъ, обдуваемый холоднымъ вѣтромъ. Въ груди его захватывающе расширялась неудержимая радость. Она какъ-то стремительно рвалась наружу: ему хотѣлось пѣть, декламировать вслухъ стихи, пробѣжаться бѣгомъ по тротуарамъ... Но кругомъ все было тихо и безмолвно. Городъ спалъ, и только шаги Варыгина нарушали сонное молчаніе. Пройдя черезъ пустынные и освѣщенные мертвеннымъ электрическимъ свѣтомъ корридоры вокзала, онъ вошелъ въ стоявшій уже около платформы послѣдній ночной поѣздъ. Слышалось сердитое пыхтѣніе паровоза. Впереди, среди темноты виднѣлись уходившіе вдаль огни станціонныхъ фонарей, за ними уже начинался сплошной непроницаемый мракъ, и оттуда вѣяло холодомъ.

Въ своемъ вагонѣ Варыгинъ оказался единственнымъ пассажиромъ. Поѣздъ тронулся. Въ окнѣ проплыли и исчезли красные и зеленые сигнальные огни, промелькнуло какое-то освѣщенное зданіе, колеса вагона отрывисто стукнули нѣсколько разъ по скрещеніямъ рельсъ—и все вокругъ неожиданно погрузилось въ темноту. Невдалекѣ мелькнула еще разъ какая-то свѣтящаяся точка, какой-то едва мерцающій огонекъ, и потомъ снова наступила безмолвная тьма открытаго поля.

Поѣздъ, выйдя на просторъ, помчался съ стремительной быстротою. Вагонъ закачался изъ стороны въ сторону. Колеса застучали внизу съ ритмически прерывающимся гуломъ. Варыгинъ ходилъ взадъ и впередъ по вагону, вглядываясь въ темноту, необъятно разстилавшуюся за окнами, и на душѣ его что-то пѣло и смѣялось.

— Вашъ билетъ?—послышалось сзади. Усталый и сонный кондукторъ нетерпѣливо протягивалъ руку.

— Обратный, милостивый государь, обратный!..—съ какою-то подмывающей радостью сообщилъ ему Варыгинъ.— Извольте-съ!.. Съ громаднѣйшимъ удовольствіемъ!..

Кондукторъ подозрительно посмотрѣлъ на Варыгина и, отобравъ билетъ, прошелъ дальше. Ему, очевидно, смертельно хотѣлось спать и совсѣмъ не было никакого дѣла до этого жизнерадостнаго пассажира.

— Несчастный,—съ сожалѣніемъ подумалъ ему вслѣдъ Варыгинъ,—спать хочетъ!.. И ничего-то ты, братецъ, вижу я, не понимаешь...—Варыгинъ вспомнилъ въ этотъ моментъ, что дома его дожидается Сысой, и невольно разсмѣялся — вотъ и онъ тоже... Ну, что онъ понимаетъ?.. Навѣрное, ругаться начнетъ сейчасъ... Всѣ свои теоріи опять выложитъ... Какой онъ милый, право!.. Ужъ я и похохочу же сегодня надъ нимъ!. Удивляться будетъ: ты, молъ, чего это—бѣлены объѣлся?.. Или съ послѣдняго спятилъ?.. Если бы онъ зналъ только!.. Впрочемъ, онъ все равно не пойметъ... Чортъ его знаетъ—какія у него разсужденія!.. А хорошо, чортъ возьми, жить на свѣтѣ!..—Варыгинъ придержался рукой за косякъ двери отъ неожиданнаго толчка вагона — Что это нашъ машинистъ влюбленъ, что-ли?.. Никакихъ закругленій пути не признаетъ!.. Лупитъ себѣ во всю—и никакихъ!.. Какъ это въ „Карменъ“ цыганки поютъ?.. Ахъ, да!—это сама вѣдь Карменъ поетъ:

Звучитъ такъ бойко тамбуринъ,—
Гитары струны чуть не рвутся...
И дико въ пляскѣ всѣ несутся—
Цыганскихъ дѣвъ звучитъ напѣвъ!..
Цыганскихъ дѣвъ...

Нѣтъ, вру!.. Какъ же это?.. Да, вотъ какъ:

Цыганскихъ дѣвъ...

Тьфу, чортъ!.. Опять не такъ!.. Слонъ, что ли, мнѣ на ухо наступилъ?..—Варыгину стало вдругъ почему то смѣшно, что онъ не можетъ вспомнить этого мотива изъ своей любимой оперы, и онъ вслухъ разсмѣялся...—Ну, вотъ ужъ если бы теперь меня кондукторъ увидалъ, то, навѣрное, бы убѣдился, что я пьянъ въ дребезги!.. А я совсѣмъ не пьянъ— я только веселъ безконечно... Тпру!.. Пріѣхали!..

Поѣздъ на минуту остановился, и Варыгинъ поспѣшно выскочилъ на погруженную въ мракъ платформу. Поѣздъ

съ грохотомъ помчался дальше, разсыпая среди ночи тысячи красноватыхъ искръ изъ трубы локомотива.

— Отчаливай!..—пробормоталъ Варыгинъ, подымая воротникъ пальто отъ пахнувшаго ему въ лицо свѣжаго вѣтра.— Гладкой дорожки!.. А, должно быть, Сысой меня сейчасъ съ самоваромъ дожидается, скучно ему, поди, одному-то—у печки сидитъ грѣется...

Варыгинъ быстрыми шагами направился по лѣсной дорожкѣ къ своей дачѣ. Въ лѣсу было темно и пустынно. Казалось, кто-то огромный и безформенный притаился за деревьями въ угрюмомъ ожиданіи. Варыгинъ вошелъ въ незапертыя ворота. Кругомъ была тишина, на станціи и въ ближайшей деревнѣ всѣ спали. Нѣтъ огня... „Уснулъ, значитъ, гусь лапчатый,—подумалъ про Сысоя Варыгинъ, — не дождался... Ну и чортъ съ нимъ!.. Ему же хуже будетъ, какъ разбужу...“ Онъ чиркнулъ спичкой и при ея исчезающемъ свѣтѣ поднялся вверхъ по лѣстницѣ. Спичка погасла. Варыгинъ досталъ и зажегъ другую. Странно: почему это ключъ снаружи торчитъ?..

Варыгинъ толкнулъ дверь—она оказалась запертой. Еще болѣе удивившись этой неожиданности, онъ повернулъ ключъ въ замкѣ и вошелъ въ темную комнату. Куда же онъ могъ дѣваться?.. промелькнуло у него въ головѣ.—Должно быть, вышелъ куда-нибудь и сейчасъ вернется... Варыгинъ снялъ съ себя пальто и, вѣшая его на гвоздь, случайно натолкнулся въ потьмахъ на печку. Она была холодной.—Очевидно, Сысой или совсѣмъ ее больше не топилъ сегодня, или же уѣхалъ вслѣдъ за Варыгинымъ. Какое-то смутное предчувствіе шевельнулось въ его сознаніи. Онъ подошелъ къ столу и зажегъ лампу. Неровное мерцающее пламя плохо подрѣзаннаго фитиля озарило желтоватымъ свѣтомъ стѣны комнаты. Чувствовался холодъ оставленнаго людьми помѣщенія. Сердце Варыгина какъ-то болѣзненно сжалось: онъ увидѣлъ на столѣ бѣлѣющій квадратъ запечатаннаго конверта. Надписи на немъ никакой не было, но Варыгинъ и безъ того уже зналъ, кому предназначается содержащаяся въ немъ записка.

Онъ, не спѣша, взялъ конвертъ, надорвалъ его и, вынувъ оттуда клочекъ бумаги, на которомъ виднѣлся знакомый твердый почеркъ Василія Петровича, присѣлъ на краешекъ дивана.

„Это очень нехорошо, что вы уѣхали, не предупредивъ... Я заѣзжалъ за вами, и васъ не было дома. Изъ-за этого я потратилъ напрасно время, и теперь придется все отложить до вторника. Потрудитесь эти дни никуда больше не уѣзжать: я могу еще разъ пріѣхать. Сысой остается со

мной. Вы же должны явиться ко мнѣ послѣ завтра утромъ. Необходимо всегда держать свои обѣщанія".

Прочитавъ это, Варыгинъ аккуратно сложилъ записку и, зажегши ее у огня лампы, сталъ слѣдить за перебѣгавшей струйкой пламени, самъ не понимая, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Когда отъ бумажки остался лишь небольшой кусочекъ пепла, онъ бросилъ его подъ столъ и поднялся съ дивана.

Половица сухо скрипнула подъ ногами. За темнымъ окномъ прошумѣлъ и стихъ налетѣвшій откуда-то порывъ вѣтра. Варыгинъ почувствовалъ вдругъ, что сознаніе охватила какая-то зіяющая бездна, и оттуда на него повѣяло холодомъ неизбѣжнаго. Невольная дрожь пробѣжала по его тѣлу: ему стало какъ-то сразу жутко въ этой нетопленной сегодня, неуютной комнатѣ. Онъ подошелъ было къ печкѣ, но сейчасъ же вернулся обратно.

— Что-жъ?.. Придется, значитъ, написать Татьянѣ Михайловнѣ, что все кончено!..—тупо шевельнулось у него въ неожиданно опустѣвшемъ мозгу.—До свиданья, молъ, на томъ свѣтѣ свидимся!.. Но зачѣмъ же?..—Онъ самъ не понялъ, къ чему и по какому случаю появился у него этотъ послѣдній обрывокъ мысли и, сейчасъ же позабывъ о немъ, сталъ искать въ столѣ бумагу для письма. Онъ долго шарилъ между различными находившимися тамъ вещами, нѣсколько разъ машинально вынимая и снова вкладывая обратно пачку конвертовъ и почтовой бумаги, которую искалъ, и, наконецъ, замѣтивъ что давно уже вертитъ ихъ въ рукахъ, взялъ одинъ листокъ и присѣлъ къ столу.

„Татьяна Михайловна,—писалъ Варыгинъ:—я сижу одинъ сейчасъ среди тишины моей комнаты. Кругомъ притаились по темнымъ угламъ какія-то уродливыя тѣни: онѣ ползутъ на меня отовсюду, безформенныя, ужасныя... онѣ окутываютъ мракомъ мою душу... Это кошмаръ, должно быть, начинается!.. Мнѣ страшно, Татьяна Михайловна!.. Мнѣ жизнь такъ улыбнулась сегодня!.. Я вижу васъ сейчасъ передъ собой, дорогая моя, любимая!.. Ваши милые глаза смѣются мнѣ изъ-подъ мѣховой шапочки, которую я такъ люблю, потому что она ваша... Ваши руки протягиваются ко мнѣ,—но я не могу уже больше прижать васъ къ своему сердцу, я не могу обнять васъ крѣпко, крѣпко, чтобы безъ словъ — я не умѣю высказать сейчасъ свои мысли, дорогая моя,—чтобы безъ словъ вы поняли меня, какъ безконечно люблю я васъ, какъ мучительно страстно хочется мнѣ счастья... Но все теперь кончено... Я не принадлежу съ сегодняшняго вечера самому себѣ: моя судьба уже находится въ другихъ рукахъ, и вы поймете, что наша встрѣча съ вами никогда не можетъ со-

стояться!.. Вы сейчасъ гдѣ-то далеко отъ меня... А кругомъ меня снова прежняя холодная тьма, снова прежнія, неподвижно ползущія тѣни, весь ужасъ, вся тоска моего одиночества!.. За окномъ такъ уныло шумитъ вѣтеръ... Угрюмая ночь смотритъ мнѣ съ улицы прямо въ душу... А тамъ такъ сѣро, такъ безсмысленно пусто!.. Вы просили меня, Татьяна Михайловна, сказать вамъ „когда" и т. д. И я говорю вамъ сейчасъ: прощайте!.. Забудьте скорѣе меня!.. Я такъ желаю вамъ счастья!.. Я желаю... Нѣтъ, не могу писать.. Слова такія безцвѣтныя, чужія... Мнѣ кажется, что это не я вамъ пишу, а кто то другой... Прощайте!.. Прощайте, дорогая моя, любимая!.. Оставайтесь въ жизни: она хороша... Я такъ любилъ всегда солнце, я такъ хотѣлъ всегда... Помните: только о васъ одной буду думать я, когда наступитъ для меня послѣдняя минута. Умирая, я буду вспоминать только ваше имя... Прощайте!.."

Окончивъ письмо, Варыгинъ заклеилъ конвертъ и надписалъ адресъ. Потомъ медленно одѣлся, взялъ письмо и пошелъ на станцію. Небо было беззвѣздное, темное. Непроглядная тьма сливалась повсюду съ тишиной осенней ночи. Письмо, упавъ, глухо стукнулось о пустое дно желѣзного ящика. Варыгинъ повернулъ обратно. Передъ нимъ чуть виднѣлась лѣсная дорога, неподвижно чернѣя среди угрюмаго мрака. Вершины сосенъ о чемъ-то едва слышно шептались въ темной высотѣ. Ночной шорохъ загадочно и мягко пробѣгалъ по заснувшему лѣсу. А Варыгинъ одиноко шагалъ по дорогѣ, не торопясь, потому что никто теперь не ждалъ его возвращенія въ нетопленной и холодной комнатѣ опустѣвшей дачи.

IX.

— Больше ничего не угодно?..

Лакей первоклассной гостиницы, въ лучшемъ номерѣ которой остановился Варыгинъ, прописавшись „поручикомъ Звягинцевымъ съ Дальняго Востока", поставилъ на столъ подносъ съ бутылкой краснаго вина и вопросительно взглянулъ на Варыгина.

— Ничего! Можете итти!.. — отрывисто произнесъ Варыгинъ, расхаживая взадъ и впередъ по мягкому ковру, застилавшему номеръ.

— Разбудить когда прикажете?..—пятясь спиной къ дверямъ, продолжалъ лакей вѣжливымъ тономъ.

— Разбудить?.. Ахъ, да!.. Въ шесть часовъ... Только смотрите—не опоздайте!.. Ровно въ шесть...

— Слушаю, ваше благородіе.

Лакей осторожно притворилъ за собой двери. Варыгинъ прошелся еще раза два по комнатѣ и присѣлъ затѣмъ къ столу, подперевъ голову руками.

— Вотъ и все,—подумалъ онъ.—Какъ все это просто!..

Передъ его глазами проплыло серьезно-сосредоточенное лицо Василія Петровича съ пронизывающимъ сквозь очки взглядомъ.

— „Главное, будьте болѣе непринужденны, старайтесь держать себя совершенно свободно, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ развязности... Помните, что вы играете роль богатаго офицера изъ маменькиныхъ сынковъ, которые вездѣ и всюду у себя дома. Вы приходите къ генералу за протекціей, но у васъ солидныя рекомендаціи, и вы впередъ уже знаете, что вамъ не откажутъ. Вотъ внѣшняя линія вашего поведенія; а что касается... Но я вижу, что вы спокойны. Это хорошо... не нужно волноваться!.. Если вы играли когда-нибудь въ любительскихъ спектакляхъ, то вообразите, что вы сейчасъ изображаете фата... Въ этомъ костюмѣ у васъ видъ великолѣпный,—я даже не ожидалъ!.. Будьте хладнокровны, и вы уйдете во время суматохи, не возбудивъ подозрѣнія. Въ случаѣ надобности, можете даже прикрикнуть начальственнымъ тономъ: внѣшность у васъ сейчасъ подходящая...—Старайтесь только поскорѣе выбраться на улицу, къ Сысою, — я убѣдился лично, что онъ правитъ мастерски, такъ что, разъ вамъ удастся сѣсть въ карету—васъ уже не догонятъ!.. За это я ручаюсь!..“

Варыгинъ невольно усмѣхнулся, вспомнивъ эти методически-спокойныя слова, которыми Василій Петровичъ напутствовалъ его сегодня утромъ, передъ уходомъ. Во время разговора съ нимъ Варыгинъ дѣйствительно чувствовалъ себя какъ-то странно, невозмутимо спокойнымъ. Это не укрылось отъ всевидящаго глаза Василія Петровича, и онъ даже похвалилъ его за самообладаніе. Но въ глубинѣ своей души Варыгинъ сознавалъ, что это спокойствіе есть нечто иное, какъ апатичное и мертвенное безразличіе. Съ того момента, какъ онъ рано утромъ явился сегодня къ Василію Петровичу для послѣднихъ инструкцій, его охватило это состояніе полнаго равнодушія ко всему окружающему. Какъ во снѣ, передъ нимъ мелькали дома, церкви, улицы, идущіе и ѣдущіе люди. Откуда-то извнѣ доносился шумъ, грохотъ колесъ, крики разносчиковъ, утренній благовѣстъ въ церквахъ, но внутри его была неподвижная, пустая тишина. Съ этой же тишиной на душѣ онъ выслушалъ наставленія Василія Петровича и молча простился съ нимъ, на мгновеніе почувствовавъ на своей щекѣ колючее прикосновеніе его

усовъ; съ нею же, съ этой жуткой, наполнившей все его существо, тишиною онъ сидѣлъ сейчасъ одинъ въ просторномъ, аляповато-разукрашенномъ номерѣ богатой гостиницы, устремивъ остановившійся, ничего не видящій взглядъ на противоположную стѣну. Большая кровать съ нелѣпо возвышавшимся балдахиномъ занимала чуть-ли не половину комнаты. Гардины на окнахъ были опущены. По стѣнамъ висѣли въ тускло блестѣвшихъ золоченыхъ рамахъ картины, изображавшія купающихся голыхъ женщинъ. Электрическая лампочка подъ абажуромъ ярко горѣла посреди комнаты. Покрытый бархатной скатертью столъ, на которомъ стояла откупоренная бутылка вина и стаканъ на мельхіоровомъ подносѣ, былъ освѣщенъ ровнымъ, бѣловатымъ свѣтомъ. Изящный чемоданъ, набитый газетной бумагой, и двѣ дорожныя корзины, долженствовавшія изображать багажъ поручика Звягинцева,—темнѣли въ углу около кровати. Снаружи доносился затихавшій шумъ улицы.

Варыгинъ продолжалъ сидѣть, не шевелясь, подперевъ по прежнему голову руками. Ему казалось, что за эти два дня онъ какъ-то внутренно выросъ, что-то значительное и большое появилось въ его сознаніи. И это новое, неизвѣстное ему до сихъ поръ чувство почему-то позволяло ему относиться теперь съ какимъ-то невольнымъ превосходствомъ къ окружающимъ его, остальнымъ людямъ. Когда онъ слушалъ утромъ разсужденія Василія Петровича, ему было тяжело и скучно. Самъ Василій Петровичъ вдругъ показался ему совсѣмъ непохожимъ на того человѣка, какимъ онъ представлялся ему раньше: онъ точно уменьшился въ его глазахъ, сталъ обыкновеннѣе... Слова его, которыя онъ говорилъ сегодня, были тоже какія-то мелкія, незначительныя... Произносилъ онъ ихъ тоже какъ-то спутанно, точно не совсѣмъ вѣря самому себѣ и конфузясь чего-то. Все это было для Варыгина неожиданно и непріятно. Онъ замѣтилъ невольно, что Василій Петровичъ какъ-то сразу же утратилъ въ его глазахъ все свое прежнее обаяніе, и что въ этотъ моментъ гдѣ-то въ глубинѣ его души шевельнулось даже какое-то непріязненное чувство противъ его хладнокровной невозмутимости...

Варыгинъ протянулъ руку къ бутылкѣ и, наливъ себѣ въ стаканъ вина, жадно выпилъ его большими глотками.

„Ну что-жъ,—подумалъ онъ,—пора подводить итоги!.. Время идетъ... Чего-же я, собственно, жду?.. Какая мысль мѣшаетъ мнѣ обдумать спокойно свое положеніе, взвѣсить его, разсудить, какъ это сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ самъ Василій Петровичъ, и затѣмъ—явиться завтра туда непреклоннымъ, холоднымъ, „какъ рука карающей Немезиды?..“

Варыгинъ досталъ изъ бокового кармана мундира фотографическую карточку и положилъ ее передъ собой на столъ. Это былъ поясной портретъ тучнаго старика въ генеральскомъ мундирѣ, съ выпяченной впередъ грудью, на которой виднѣлся рядъ орденовъ, и сѣдыми закрученными усами. Глаза его были полуприкрыты опухшими вѣками и не имѣли никакого выраженія. Въ общемъ скорѣе создавалось впечатлѣніе какого-то грубоватаго добродушія, и ничто не говорило о жестокости. — А какія звѣрства онъ продѣлывалъ!..—Варыгинъ сталъ всматриваться въ неопредѣленныя черты обрюзглаго старческаго лица.—Откуда у него эта расчетливая, холодная жестокость?.. Неужели-же погоня за карьерой такъ ослѣпила его, что онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ вокругъ себя и только лишь исполнялъ приказанія?. Но все равно теперь, завтра онъ умретъ... „Умретъ!..“ Какъ странно звучитъ это слово... И я вѣдь, быть можетъ, завтра тоже умру!..

Варыгинъ отложилъ карточку въ сторону.—Пристрѣлитъ какой-нибудь солдатъ на мѣстѣ—и все кончено!.. Какое это должно быть ощущеніе?.. Навѣрное, все вокругъ сдѣлается... Фу, какъ глупо!.. Къ чему загадывать, когда я могу еще уйти?.. Тамъ Сысой... карета... Сысой не выдастъ!.. Недаромъ его самъ Василій Петровичъ экзаменовалъ... Умчимся сразу, — догнать невозможно!.. Пока шумъ, крикъ... суматоха... Пока разберутъ еще, въ чемъ дѣло—мы будемъ уже далеко!.. Ну... а если вдругъ... ну... случайность какая-нибудь?.. Запнусь, упаду, дорогу кто-нибудь загородитъ?.. Но зачѣмъ же я думаю обо всемъ этомъ?.. Безполезно; все равно—завтра все узнаю!.. Сейчасъ это какъ въ потьмахъ, безъ свѣчки... Какой смыслъ!.. А какъ онъ?.. Интересно бы прослѣдить всю его жизнь съ самаго начала... Навѣрное, былъ сперва въ корпусѣ: ходилъ такимъ маленькимъ кадетикомъ, стриженнымъ, съ торчащими ушами... Смѣшной, должно быть, былъ, неуклюжій!.. Потомъ выровнялся—сталъ стройнымъ старшеклассникомъ... Усики уже начали пробиваться... Говорилъ искусственнымъ басомъ и, навѣрное, имѣлъ уже цѣлую кучу романовъ, поэтическихъ, кадетскихъ... А можетъ, и самыхъ прозаическихъ—кто знаетъ?.. Въ это время онъ уже началъ пріобрѣтать себѣ необходимый свѣтскій лоскъ, манеры... сталъ даже... Но какъ странно: развѣ объ этомъ долженъ думать человѣкъ, идущій убить его?.. Развѣ меня могутъ интересовать тѣ или другія подробности его жизни?.. Онъ не человѣкъ для меня сейчасъ! Онъ не живое существо, которое дышетъ, улыбается, любитъ жизнь, къ чему-то стремится, хотя бы даже къ двойному окладу жалованья!.. Сейчасъ онъ для меня лишь олицетвореніе той темной силы,

которой онъ служитъ и противъ которой я борюсь!.. Но откуда же приходятъ тогда эти странныя мысли?..

Варыгинъ всталъ, подошелъ къ окну и, поднявъ занавѣску, сталъ смотрѣть внизъ въ темноту сверкавшей фонарями улицы. Ставни въ магазинахъ были уже закрыты. Ночное движеніе затихало.

— Развѣ могу я смотрѣть на него иначе, какъ на вредный предметъ, подлежащій уничтоженію?..—снова появилось въ головѣ у Варыгина.—Когда убиваютъ змѣю, не задаются вопросами, какимъ образомъ и откуда она получила свой ядъ?.. Ее просто давятъ безъ всякихъ разсужденій... Почему же я сейчасъ разсуждаю?.. Или я считаю, что онъ былъ правъ, разстрѣливая десятки неповинныхъ людей, сѣя вокругъ себя смерть и разрушеніе?.. Нѣтъ, это невѣрно... Онъ бросался, какъ звѣрь, на людей, только поднявшихъ голову подъ своимъ рабскимъ ярмомъ, потому что они увидѣли свѣтъ вдали, среди сумрака ихъ жизни,—какъ звѣрь, онъ и долженъ погибнуть!.. Ну, такъ что же мѣшаетъ мнѣ чувствовать удовлетвореніе?.. Я сознаю же, что я дѣлаю необходимое и полезное для общества дѣло?.. Къ чему эти безполезныя сомнѣнія, эти колебанія... къ чему это?.. Или я такъ ужъ боюсь ожидающей меня смерти?.. Нѣтъ!.. Заглянувъ себѣ въ душу, перебравъ мысленно все, что я знаю въ себѣ самомъ недостойнаго, мелкаго, — я могу отвѣтить самъ себѣ безъ малѣйшаго колебанія: нѣтъ, смерти, какъ таковой, я не боюсь!.. Когда будетъ нужно, я сумѣю умереть безъ всякаго сожалѣнія о жизни!.. Значитъ... Неужели мнѣ кажется сейчасъ, что *именно это*, что я долженъ сдѣлать завтра, не стоитъ моей жизни?.. Нужно разобраться!.. Я иду убивать этого человѣка за то, что онъ мѣшаетъ другимъ людямъ жить и быть счастливыми, за то, что онъ, какъ черная тѣнь, загораживаетъ отъ нихъ солнце... Да, такъ, только за это... Лично противъ него я же вѣдь ничего не имѣю: я не ненавижу его, не презираю, я просто отношусь къ нему безразлично, пожалуй, даже съ нѣкоторой долей любопытства: онъ интересенъ для меня, какъ яркій образчикъ того „стараго міра“, отъ котораго всѣ мы уже отрѣшились... Онъ для меня—лишь представитель вражескаго стана—не больше!.. Онъ борется за свое,—мы за свое... и это все!.. Злоба и ненависть ослѣпили его: онъ чувствуетъ, что почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ; все то, что онъ испоконъ вѣку считалъ незыблемымъ и непоколебимымъ, начинаетъ вдругъ шататься, колеблется и грозитъ паденіемъ... Я понимаю его психологію: это психологія собаки, когда у ней тянутъ прямо изъ пасти украденную кость, которую она глодала давно уже безъ

всякой помѣхи и которую привыкла считать своимъ достояніемъ... Слѣдовательно, смерть его нужна не мнѣ, а дѣлу—и только лишь дѣлу, да еще, пожалуй, тѣмъ людямъ, которыхъ онъ осиротилъ и изувѣчилъ тамъ, на мѣстѣ своихъ подвиговъ. Но вѣдь я же знаю, что для дѣла непосредственно польза отъ этого небольшая... Я убью его, меня повѣсятъ, на мѣсто его появится другой такой же, который такъ же будетъ жечь и разрушать, какъ и онъ, но только меня-то ужъ никто больше не замѣнитъ!.. Странно: сейчасъ я стою здѣсь, вижу эту темную улицу, фонари тамъ, внизу, дома... все такъ знакомо, близко... И вдругъ ничего этого не будетъ!..

Варыгинъ отошелъ отъ окна и сталъ ходить изъ угла въ уголъ.

— Конечно, долженъ же я когда-нибудь умереть, но вѣдь это когда еще будетъ,—продолжалась въ его мозгу все та же, начатая мысль.—Можетъ быть, не скоро еще... А то вѣдь — завтра, послѣзавтра!.. На этихъ дняхъ!.. И я самъ, совершенно свободно, безъ принужденія, безъ насилія со стороны иду къ ней и говорю: вотъ я пришелъ къ тебѣ—бери меня!.. Я готовъ!.. Но вѣдь я же не готовъ еще?.. Для этого вѣдь нужно, чтобы душа моя жаждала смерти, чтобы я рвался къ ней, хотѣлъ ея такъ, какъ хочу сейчасъ жизни... Не то!.. Не то все!.. Какъ раньше все было ясно и просто, и какъ теперь стало темно... запутанно... Какой-то узелъ противорѣчій!.. Если бы грохотъ битвы шелъ вокругъ—развѣ сталъ бы я колебаться?.. Развѣ не бросился бы въ первые ряды, чтобы тамъ погибнуть?.. Нѣтъ, тогда бы сердце мое горѣло радостью и гнѣвомъ: тогда бы смерть и жизнь были для меня равноцѣнны. Но сейчасъ... Съ сомнѣніями на душѣ, неувѣренно, безъ сознанья необходимости... Ни поэзіи борьбы, ни красоты подвига—ничего нѣтъ!.. Какая-то „непріятная необходимость“ и больше ничего!.. Какой-же тутъ къ чорту подвигъ, когда я вовсе не герой?.. Герои за жизнь не цѣпляются!.. А я хочу жизни...

Варыгинъ бросился на неподвижно возвышавшуюся подъ балдахиномъ широкую постель и спряталъ голову въ подушкахъ. Внезапная и отчетливая картина появилась передъ его мысленнымъ взоромъ: онъ увидѣлъ себя самого сидящимъ около пылающей печки на другой день послѣ отправки къ Татьянѣ Михайловнѣ прощальнаго письма. Близилась опять ночь, и угрюмая тьма глядѣла снаружи въ окна. Красное пламя кровавымъ отблескомъ освѣщало бревенчатыя стѣны. Варыгинъ не зажигалъ въ этотъ вечеръ лампы. Онъ сидѣлъ съ наступленіемъ сумерекъ въ темнотѣ

на диванѣ, смотрѣлъ на огонь и думалъ о ней. Передъ глазами проходили отдѣльные моменты ихъ знакомства, картины бѣглыхъ и мимолетныхъ встрѣчъ среди дѣловой обстановки конспиративной работы, длинные вечера, проведенные въ спорахъ на всяческія темы въ кругу товарищей и друзей, когда приходилось встрѣчаться случайно, не по дѣлу...

Полузабытыя и вновь оживившіяся въ памяти воспоминанія!.. Онъ вспомнилъ, какъ сначала она казалась ему типичной свѣтской барышней, изъ моды ударившейся въ революцію. Ея манера одѣваться, вести разговоръ, ея обращеніе съ остальной публикой—все не было похоже на другихъ партійныхъ работницъ, и Варыгинъ какъ-то инстинктивно держался въ сторонѣ отъ этой, какъ онъ мысленно называлъ ее, „генеральской дочки". Случай, который однажды свелъ ихъ на одномъ опасномъ и отвѣтственномъ порученіи, гдѣ Татьянѣ Михайловнѣ пришлось, будучи его помощницей, выказать хладнокровіе и присутствіе духа не меньшія, чѣмъ у него самого, — заставилъ его перемѣнить предвзятое мнѣніе. Съ этого момента онъ началъ внимательнѣе присматриваться къ ней и замѣтилъ, что его прежнее представленіе было невѣрно.

Варыгинъ и самъ не зналъ, когда именно онъ сталъ относиться къ Татьянѣ Михайловнѣ не просто, какъ „къ товарищу по работѣ". Это пришло какъ-то исподволь, незамѣтно, и Варыгинъ обратилъ на это вниманіе, когда уже было поздно. Сначала онъ было вознегодовалъ на себя за „неумѣстную влюбчивость", но потомъ ему стало какъ-то странно бороться съ самимъ собой противъ такъ властно и неожиданно охватившаго его чувства. Теперь, однако сидя передъ пылающей печкой, онъ все время думалъ о своемъ письмѣ, и какая-то свѣтлая тоска подымалась въ немъ неяснымъ порывомъ. Варыгинъ мысленно представилъ себѣ, какъ она получила конвертъ, надписанный его рукою, какъ карія глаза ея весело засмѣялись, какъ она вынула почтовый листокъ съ его размашистыми каракулями—и... похолодѣвъ, застыла въ мертвенной неподвижности. О, неужели она скоро меня забудетъ, и черезъ годъ какой-нибудь даже воспоминаніе обо мнѣ станетъ ей безразлично?..

Что-то щемящее подступило Варыгину къ горлу. Онъ помѣшалъ кочергой въ печкѣ. Затихшее было пламя вспыхнуло съ новой силой. Отсырѣвшія дрова весело затрещали. Вдругъ послышалось, что внизу стукнула входная дверь.

— Вѣтеръ,—подумалъ онъ. Но... чьи-то неувѣренные шаги стали подниматься по лѣстницѣ. Варыгинъ остался сидѣть неподвижно. Онъ зналъ, кто можетъ придти къ нему сюда,

среди ночи, и почему-то появленіе Василія Петровича было ему тягостно. Въ дверь сильно постучали.

— Войдите,—не поднимая головы, отрывисто произнесъ Варыгинъ. Темная фигура неподвижно остановилась въ дверяхъ.

— Варыгинъ!..—тихо донесся до него звучащій тоской и упрекомъ знакомый голосъ.—Развѣ вамъ непріятно, что я пріѣхала?.. Я такъ боялась опоздать... такъ спѣшила... Я только вечеромъ сегодня вернулась домой и нашла ваше письмо у себя на столѣ...

Мягкія руки обвились вокругъ шеи Варыгина. Онъ почувствовалъ, какъ на него пахнуло чуть слышнымъ ароматомъ духовъ и свѣжестью осенней ночи. Онъ молча, безъ словъ, крѣпко прижалъ къ своей груди наклонившуюся къ нему въ темнотѣ голову любимой дѣвушки.

— Я знаю все!.. Я угадала!..—шепнула она.—Боже мой!.. Вѣдь для васъ... для васъ это я сдѣлала, узнала то, о чемъ вы просили.. И вы молчали... Тоска... Мракъ какой-то... Варыгинъ, неужели же вы умрете?..

Потомъ все какъ-то сразу потускнѣло. Яркія краски исчезли. Варыгинъ снова увидѣлъ самого себя, но уже на площадкѣ вагона рядомъ съ Татьяной Михайловной. Онъ провожалъ ее въ городъ. Поѣздъ мчался съ стремительной быстротой среди утренняго тумана. Поля были покрыты инеемъ. Сѣрая дымка висѣла на горизонтѣ. Унылыя оголенныя рощи бѣжали по сторонамъ. Осеннее утро тоскливо пробуждалось послѣ тяжелаго мертвеннаго сна безконечной ночи. Дулъ рѣзкій и холодный вѣтеръ. Бѣлые клубы дыма изъ трубы паровоза низко стлались по землѣ, иногда окутывая густымъ облакомъ мчащійся поѣздъ. Татьяна Михайловна и Варыгинъ стояли молча. Обоимъ было холодно и неудобно здѣсь на вѣтру, но имъ не хотѣлось входить въ вагонъ, и они продолжали всю дорогу стоять на площадкѣ.

Варыгинъ смотрѣлъ, прислонившись къ двери на разстилавшуюся передъ нимъ убогую равнину, и на душѣ его было пусто. Замелькали неподвижно торчащія на свинцовомъ небѣ закопченныя трубы заводовъ и фабрикъ. Нахмуренные городскіе дома потянулись вдоль полотна дороги. Поѣздъ замедлилъ ходъ и съ шипѣніемъ и грохотомъ сталъ подходить подъ крышу вокзала.

— До свиданья!.. Я вѣрю... Слышите!.. Я вѣрю...

Татьяна Михайловна положила свою озябшую холодную руку на руку Варыгина.

— Впереди еще будетъ счастье!.. Вы не погибнете!..

— Нѣтъ!.. Это было бы слишкомъ нелѣпо!..

. . . .

Варыгинъ вздрогнулъ и поднялъ голову съ подушки. Электрическая лампочка подъ зеленымъ абажуромъ свѣтила ровнымъ, мягкимъ свѣтомъ. Въ комнатѣ была тишина.

— Нелѣпо!.. Да!.. Къ чему все?.. Не то... не то!.. Но вѣдь я умру?..

Онъ почувствовалъ, что внутри его шевельнулось что-то томительное, тоскливое. Ему вдругъ показалось, что на него уже легли откуда-то, изъ невѣдомой и холодной тьмы, безстрастныя тѣни смерти. Сердце его какъ будто на мгновеніе перестало биться... Внезапное и дикое отчаяніе охватило затѣмъ все его существо... Онъ вскочилъ съ кровати и остановился среди комнаты съ вихремъ безумно переплетшихся мыслей въ головѣ, неподвижный, уничтоженный, весь во власти неудержимо поднявшейся въ немъ жажды жизни. Какъ человѣкъ, хотѣвшій убить себя и случайно оставшійся невредимымъ, неожиданно приходитъ къ заключенію, что онъ поторопился, что жить хорошо и умереть всегда еще есть время, — такъ и Варыгинъ испытывалъ въ этотъ моментъ сознаніе своей ошибки, но съ тою лишь разницей, что поправить ее для него уже было невозможно. Онъ метался изъ угла въ уголъ по своему номеру, смотрѣлъ поминутно на часы, открывалъ форточку и подолгу дышалъ врывавшимся въ нее холодомъ ночи. Ему было душно и какъ-то тѣсно въ своей застланной коврами и завѣшанной портьерами комнатѣ; хотѣлось бѣжать отсюда, бросить все и сохранить для себя только одну лишь жизнь, которая показалась ему сейчасъ ослѣпительно яркой и прекрасной. Подъ конецъ онъ почувствовалъ утомленіе, и его стало клонить ко сну. Онъ снова подошелъ къ кровати, легъ на нее ничкомъ и мгновенно забылся въ дремотѣ.

Осторожный стукъ въ двери вывелъ его изъ этого полузабытья. Онъ вскочилъ, протирая глаза, и прислушался. Стукъ повторился сильнѣе.

— Будятъ,—подумалъ Варыгинъ,—пора!.. Значитъ — все кончено!..

— Ваше благородіе,—послышался снаружи неувѣренный и заспанный голосъ,—приказывали разбудить... Вставайте—шесть часовъ!..

— Хорошо!.. Спасибо!..—торопливо произнесъ, подходя къ дверямъ, Варыгинъ:—можете идти къ себѣ, я встаю.

По корридору послышалось удаляющееся шлепанье калошъ на босую ногу. Все стихло.

Какъ трудно подниматься такъ рано. Спать хочется... Тоскливо... Почему вѣшаютъ тоже на разсвѣтѣ?.. Днемъ лучше бы: не такъ сѣро все кругомъ... Впрочемъ--глупо!.. Не все ли равно!.. Но какъ странно: сейчасъ я здѣсь... Я

думаю... Я ощущаю самого себя... Испытываю какое-то настроеніе... А потомъ все куда-то провалится, исчезнетъ... И никто... никто не будетъ знать: о чемъ я думалъ... что переживалъ, къ чему стремился?.. Мелькнетъ въ газетахъ никому неизвѣстное имя... Прочтутъ... Забудутъ... И ни одна живая душа не представитъ себѣ, что̀ находилось когда-то подъ этой ничего не говорящей линіей буквъ въ газетномъ сообщеніи!..

Они увидятъ въ моемъ выстрѣлѣ одинъ только жестъ— и ничего больше!.. Движеніе руки никому невѣдомаго человѣка—и все, что есть во мнѣ, мои сомнѣнія, мои порывы къ красотѣ и счастью жизни... моя любовь къ Татьянѣ Михайловнѣ, наша послѣдняя встрѣча съ ней—все уйдетъ вмѣстѣ со мной, и никому до всего этого не будетъ рѣшительно никакого дѣла... Къ чему же все тогда?.. Зачѣмъ?...

Варыгинъ тщательно одѣлся, пригладилъ волосы и, закончивъ свой туалетъ, приказалъ принести себѣ кофе. Передъ уходомъ онъ еще разъ посмотрѣлся въ большое висѣвшее на стѣнѣ зеркало. Чья-то незнакомая фигура въ новенькомъ, блестящемъ свѣтлыми пуговицами офицерскомъ пальто и въ военной фуражкѣ глянула на него оттуда.

— Поздно,—отходя отъ зеркала, подумалъ Варыгинъ.—Я уже подхваченъ волной неизбѣжнаго, какъ щепка, и долженъ нестись туда, куда меня направитъ теченіе.

Онъ медленно вышелъ изъ своего номера и, гремя шашкой по каменнымъ ступенькамъ лѣстницы, спустился внизъ мимо швейцара, предупредительно распахнувшаго передъ нимъ дверь на улицу.

X.

Обычное уличное движеніе еще только что начиналось. Въ сѣроватомъ полумракѣ осенняго утра виднѣлись лишь фигуры дворниковъ, неохотно скребущихъ метлами заиндивѣвшіе за ночь тротуары. Гдѣ-то вдали одиноко слышалось дребезжаніе извозчичьей пролетки по мостовой. Небо замѣтно свѣтлѣло въ вышинѣ, и окутывавшая его тусклая дымка куда-то исчезла. Кусочекъ прозрачно-голубого неба виднѣлся надъ крышами домовъ. Куполъ какой-то церкви чуть блестѣлъ золотой искоркой подъ невидимымъ за туманомъ лучемъ восходящаго солнца. Слегка морозило, но утро обѣщало быть солнечнымъ и веселымъ.

Варыгинъ тихо пошелъ вдоль пустынной улицы. Дойдя до назначеннаго мѣста, гдѣ его долженъ былъ встрѣтить Сысой съ каретой, онъ остановился передъ окномъ только

что открытаго магазина и сдѣлалъ видъ, что разсматриваетъ выставленныя тамъ вещи. Никто не являлся. Варыгинъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по тротуару. Желтое осеннее солнце выглянуло изъ-за тучъ: та сторона улицы, на которой находился Варыгинъ, озарилась мягкимъ, но негрѣющимъ свѣтомъ. Угрюмыя стѣны домовъ какъ-то сразу повеселѣли: казалось, мертвые камни ожили отъ прикосновенія скользнувшихъ по нимъ лучей и засверкали сразу красками жизни. На противоположной же сторонѣ лежала неподвижная, темная тѣнь, и тамъ было холодно и мрачно.

— Что же это Сысой не ѣдетъ?.. Поздно ужъ!..

Варыгинъ оглянулся назадъ—тамъ никого не было видно. Прямая улица была повсюду пуста, сливаясь гдѣ-то вдали съ безформенно клубящейся массой утренняго тумана. Варыгинъ постоялъ немного на одномъ мѣстѣ и снова двинулся впередъ. Причудливо колыхнувшаяся тѣнь двинулась впереди его по стѣнѣ и освѣщенному солнцемъ тротуару.

— Какая смѣшная фигура,—подумалъ, глядя на свое отраженіе, Варыгинъ.—И хвостъ сзади... Отчего это?.. Ахъ да!.. это шашка имѣетъ такой видъ на стѣнѣ...—Варыгинъ снова остановился.—Какъ странно,—мелькнуло у него въ головѣ,—зачѣмъ на мнѣ весь этотъ костюмъ?.. Утро ясное... Солнце свѣтитъ... А я здѣсь стою!.. Сонъ какой-то... Вдругъ я проснусь—и ничего этого не будетъ?.. Нѣтъ, я дѣйствительно здѣсь стою, на этомъ самомъ тротуарѣ, и это движется моя тѣнь! Какъ не похожа она на меня сейчасъ!.. Я—какое слово странное... Я — т. е. эта фигура, которая отражается тамъ на стѣнѣ... Вотъ я поворачиваюсь,—и она тоже... Я иду назадъ—и она тоже за мной... Значитъ, мы съ ней одно и то же... А сегодня я, быть можетъ, умру!..

Эта мысль неожиданно вынырнула откуда-то изъ глубины его сознанія и сразу же заслонила холодной пустотой своего значенія всѣ остальныя мысли. Варыгинъ вздрогнулъ и медленно пошелъ дальше.

— А что, если Сысой почему-нибудь опоздалъ и не пріѣдетъ?.. — появилось новое соображеніе въ его лихорадочно работавшемъ мозгу.—Онъ, можетъ быть, не успѣлъ во время приготовиться... Пока запрягалъ, пока что... время прошло!.. Онъ подумаетъ, что я пересталъ дожидаться и не пріѣдетъ. Вѣдь это возможно... Вполнѣ даже... Сколько бывало случаевъ, когда изъ-за какого-нибудь недоразумѣнія, изъ-за малѣйшей неточности, все разстраивалось... Сысой побоится быть неаккуратнымъ: онъ знаетъ, что это нельзя въ такомъ дѣлѣ... А разъ онъ сейчасъ во время не явился — значитъ, не пріѣдетъ совсѣмъ... И значитъ, тогда...

Варыгинъ почувствовалъ, какъ у него вдругъ захватило дыханіе отъ этой, стремительно ворвавшейся въ его сознаніе, мысли. Она наполнила все его существо одной огромной радостью избавленія отъ какого то давящаго, тяжелаго кошмара, и Варыгину показалось, что все вокругъ ожило и засмѣялось.

— Да, да, конечно!.. — съ бодрой увѣренностью продолжалъ онъ свои размышленія, даже прибавивъ шагу, какъ бы подъ напоромъ безпорядочно нахлынувшихъ мыслей, — теперь онъ не пріѣдетъ, это ясно... Но что же мнѣ тогда дѣлать?.. Прежде всего, вернуться въ гостиницу, лечь въ постель и забыть... забыть... Какъ хорошо!.. Я снова могу быть самимъ собой!.. Я приду къ Василію Петровичу и прямо скажу ему — въ этомъ же нѣтъ вѣдь ничего дурного: „Василій Петровичъ, я ошибся... я не готовъ еще... я переоцѣнилъ свои силы!.. Я слишкомъ привязанъ сейчасъ къ жизни, чтобы пойти и отдать ее своими собственными руками! Я люблю этотъ солнечный блескъ, это ясное утро... меня радуетъ то, что я живу на свѣтѣ, — я люблю самый фактъ своего существованія!.. Я вижу сейчасъ, что жизнь хороша и умирать такъ холодно и тоскливо!.. Пускай у меня отнимутъ мою жизнь, я не стану цѣпляться за нее и прятаться отъ опасности, нѣтъ! — я всегда пойду въ первыхъ рядахъ, когда будетъ нужно,—но пускай это будутъ мои враги, которые схватятъ меня и затопчутъ ногами эту горящую во мнѣ искру жизни!.. Но самому погасить ее—мнѣ такъ мучительно тяжело сейчасъ, такъ трудно“... И Василій Петровичъ пойметъ меня: онъ много видѣлъ людей на своемъ вѣку, много самъ испыталъ; онъ увидитъ, что я не трусъ, что не изъ-за страха за свою шкуру я иду отказываться отъ этого дѣла... Развѣ онъ не знаетъ меня и не испыталъ уже, что я могу быть смѣлымъ...

Варыгинъ почувствовалъ, что съ души его свалилась какая-то тяжесть

— Рѣшено... я остаюсь!.. — еще разъ подумалъ онъ и повернулся, чтобы идти къ себѣ въ гостиницу. Сдѣлавъ назадъ нѣсколько шаговъ, онъ взглянулъ машинально на свои карманные часы и остановился. Ему показалось, что внутри его что-то оборвалось въ этотъ моментъ: онъ ошибся раньше—стрѣлка часовъ стояла сейчасъ ровно на половинѣ восьмого, и, слѣдовательно, Сысой могъ появиться съ минуты на минуту. Эта стрѣлка такъ ясно и отчетливо выдѣлялась на холодномъ, бѣломъ кружкѣ циферблата, точно указывая Варыгину на его судьбу, отъ которой все равно уйти ему было невозможно.

Онъ понялъ и покорился.

Въ этотъ моментъ невдалекѣ по мостовой застучали лошадиныя копыта. Элегантная карета, запряженная подобранной подъ масть парой, медленно выѣхала изъ-за угла. Сысой, сосредоточенный и блѣдный, ловко осадилъ горячившихся лошадей съ видомъ заправскаго кучера.

— Готово, — шепотомъ сообщилъ онъ, отворяя дверцы Варыгину: — и паспортъ тебѣ, и штатское... Все тутъ подъ подушкой спрятано...

Варыгинъ, неловко споткнувшись о мѣшавшую ему шашку, вскочилъ на подножку и молча сѣлъ на свое мѣсто. Дверцы хлопнули, карета понеслась, изрѣдка подпрыгивая на мягкихъ рессорахъ. Варыгинъ продолжалъ сидѣть неподвижно. Его охватило какое-то полное безразличіе. Хотѣлось лишь одного—скорѣй пріѣхать.

Черезъ четверть часа быстрой ѣзды они остановились около грязно-бурыхъ воротъ казармы. Часовой, стоявшій у будки, отбрякнулъ ружьемъ честь, когда Варыгинъ вылѣзъ изъ своей кареты. Тотъ, не обративъ на него никакого вниманія, направился прямо въ ворота.

— Здѣсь прикажете подождать, ваше благородіе?.. — играя роль кучера, крикнулъ ему вслѣдъ Сысой.

— Подожди здѣсь!..—не оборачиваясь, сказалъ Варыгинъ, какъ было условлено раньше.

Огромнѣйшій дворъ, служившій обыкновенно мѣстомъ для ученья, былъ полонъ двигавшимися по разнымъ направленіямъ людскими фигурами. Вдали виднѣлось нѣсколько отдѣльныхъ корпусовъ, окрашенныхъ въ одинъ и тотъ же уныло-бурый цвѣтъ, съ массой узенькихъ продолговатыхъ оконъ и безъ всякой архитектуры. Оттуда несся нестройный гулъ сотенъ голосовъ. Гдѣ-то учились играть на духовыхъ инструментахъ, и отрывистые, фальшивые звуки странно увеличивали общую неопредѣленность всей этой, новой для Варыгина, картины. Онъ пошелъ наудачу къ одному изъ возвышавшихся передъ нимъ зданій, поминутно отвѣчая на отдаваніе ему чести попадавшимися на встрѣчу солдатами. „Кажется, настоящіе офицеры такъ часто руку къ козырьку не прикладываютъ?“ — пришло ему въ голову среди хаотической разбросанности другихъ мыслей.—„Впрочемъ, не все ли равно... Но какъ глупо!.. Это въ проектѣ лишь хорошо: развѣ можно отсюда выбраться?.. Схватятъ, навѣрное!.. До воротъ ни за что не добѣжать!.. Лучше бы Сысою во дворъ въѣхать... Но, можетъ быть, это запрещено? Кто знаетъ!.. Нѣтъ, на практикѣ все какъ-то по иному... Но куда же мнѣ идти теперь?“

— Послушай-ка, любезный, — обратился онъ къ бѣгущему мимо и на ходу отдающему ему честь тщедушному солда-

тику съ пакетомъ подъ мышкой. — Какъ мнѣ пройти въ канцелярію къ генералу?..

— Не могу знать, ваше благородіе!..— испуганнымъ голосомъ отвѣтилъ тотъ, моментально вытянувшись въ струнку и держа руку подъ козырекъ. Варыгинъ взглянулъ на это наивно-добродушное лицо, еще не утратившее слѣдовъ деревенской растерянности передъ всей этой новой и чуждой жизнью, на эти бѣлесоватые, моргающіе глаза, на широкія рябыя скулы,—и ему стало вдругъ какъ то сразу тоскливо.— Вотъ такой же, быть можетъ, черезъ нѣсколько минутъ схватитъ меня, будетъ бить... свяжетъ руки, потащитъ... Если бы онъ зналъ только!..

— Ступай!..—коротко махнулъ онъ рукой все еще продолжавшему стоять передъ нимъ на вытяжку солдату. Тотъ неуклюже повернулся по всѣмъ правиламъ военнаго артикула и опять засѣменилъ прежней легкой рысью. — Можетъ быть, я не такъ спросилъ?.. Какъ-нибудь иначе это у нихъ называется... Самъ найду—не стоитъ обращать на себя вниманіе... Вотъ тамъ какая-то вывѣска: „N — ское офицерское собраніе“ — прочиталъ Варыгинъ.—Нѣтъ, не то!.. А это что рядомъ: „Канцелярія N — ской бригады.“—Сюда, должно быть!..

Варыгинъ поднялся по грязному, затоптанному сотнями ногъ крыльцу въ какой-то корридоръ, въ концѣ котораго виднѣлась поднимающаяся наверхъ лѣстница. Онъ раздѣлся въ находившейся внизу прихожей, при помощи вскочившаго при его появленіи дежурнаго солдата, и поднялся на второй этажъ въ канцелярію.

Это была огромная, почти пустая комната, мрачная, съ особеннымъ отпечаткомъ унынія и скуки, который лежитъ обыкновенно на всѣхъ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ и казенныхъ учрежденіяхъ. На потемнѣвшихъ отъ застарѣлой грязи стѣнахъ висѣли портреты особъ царствующей фамиліи. Въ переднемъ углу была большая икона Казанской Божьей Матери. По срединѣ же помѣщалось нѣсколько столовъ, за которыми сидѣли согнувшіяся фигуры военныхъ писарей. При входѣ Варыгина всѣ встали.

— Какъ мнѣ увидѣть его превосходительство?.. — обратился къ нимъ Варыгинъ.

— Ихъ превосходительство сейчасъ заняты... Они съ полковымъ адъютантомъ, — отвѣтилъ крайній къ Варыгину писарь, почтительно скашивая глазами на притворенную дверь, ведущую въ кабинетъ генерала.

— Доложите, что я желаю его видѣть!..—сказалъ Варыгинъ. Безцвѣтная, съ закрученными рыжими усами, физіономія писаря выразила неописуемое изумленіе.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, — пробормоталъ онъ. — Это невозможно!..—Варыгину показалось, что въ его глазахъ мелькнула какая-то странная искорка подозрѣнія.

„Опять что-нибудь не такъ сказалъ, -- пронеслось въ головѣ у Варыгина.—Что-жъ теперь?.. Да... Они все еще зачѣмъ-то стоятъ“...—Сядьте!..—обратился онъ къ остальнымъ писарямъ, которые, стоя на вытяжку, прислушивались къ ихъ разговору.

Всѣ сѣли, но, какъ Варыгину продолжало казаться, каждый украдкой разсматривалъ его сомнѣвающимся взглядомъ. Варыгинъ подошелъ къ окну. Сквозь запыленныя, давно немытыя стекла виднѣлась часть казарменнаго двора, какія-то крыши и наверху надъ ними кусочекъ голубого неба, заслоненнаго строеніями. Въ пріемной была тишина, нарушаемая лишь однообразнымъ скрипѣніемъ перьевъ по бумагѣ, да изрѣдка осторожнымъ покашливаніемъ. Варыгинъ почему-то чувствовалъ, что всѣ глаза сзади устремлены на него, но обернуться у него не было силы.

Снова послышался шумъ отодвигаемыхъ стульевъ. Варыгинъ повернулъ голову: вскочившіе со своихъ мѣстъ писаря опять стояли на вытяжку: въ дверяхъ кабинета виднѣлась высокая фигура въ мундирѣ съ аксельбантомъ. Варыгинъ сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился, не зная, что нужно дѣлать дальше. Адъютантъ вопросительно взглянулъ на Варыгина.

— Я желалъ бы видѣть его превосходительство, — съ усиліемъ заговорилъ Варыгинъ.—Я прибылъ съ Дальняго Востока, и мнѣ...

— Какъ объ васъ доложить?..—обведя его глазами съ ногъ до головы, сухо перебилъ адъютантъ.

— Поручикъ 3-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, Николай Звягинцевъ!..—твердо отчеканилъ Варыгинъ и сейчасъ же почувствовалъ внутри себя, что все происходящее сейчасъ стало ему какъ-то странно безразличнымъ. Адъютантъ, легко звеня шпорами, вернулся въ кабинетъ.

— Пожалуйте, — появляясь черезъ секунду, оффиціально дѣловымъ тономъ произнесъ онъ.

Варыгинъ молча вошелъ въ двери, которыя за нимъ сейчасъ же затворились. Адъютантъ остался въ канцеляріи. Передъ Варыгинымъ была чуть сгорбившаяся старческая фигура въ тужуркѣ съ генеральскими отворотами. Тусклые зрачки глядѣли неподвижно, и все лицо его съ дряблыми мѣшечками, висѣвшими подъ глазами, показалось Варыгину болѣе старымъ и морщинистымъ, чѣмъ на портретѣ.

— Честь имѣю явиться!.. Поручикъ 3-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, Николай Звягинцевъ!..—произнесъ

Варыгинъ неестественно громкимъ голосомъ отъ внезапно охватившаго его волненія.—Отъ генерала Савинова!..—подавая уже заранѣе приготовленный конвертъ, машинально добавилъ онъ заученнымъ тономъ.

Пухлая рука съ коротенькими бѣлыми пальцами медленно протянулась за конвертомъ. Генералъ вынулъ оттуда сложенную вчетверо бумагу и, пожевавъ губами, углубился въ чтеніе. „Сейчасъ!..“—какъ молніей озарило сознаніе Варыгина. Не спуская глазъ съ наклоненной передъ нимъ лысины съ сѣдыми, зачесанными наверхъ висками, Варыгинъ осторожно потянулся въ карманъ за револьверомъ. „Какой у него мясистый затылокъ!..“—неожиданно для самого себя подумалъ вдругъ онъ при видѣ широкой, сгорбленной спины генерала.—Нѣтъ... не то!.. Но вѣдь когда же.. Сейчасъ—или никогда!.. Береза... Неужели?..

Какой-то странный потокъ отрывочныхъ мыслей промчался и стихъ. Снова наступила прежняя пустота. Варыгинъ слегка пошевелился. Генералъ поднялъ голову: глаза Варыгина на мгновеніе встрѣтились съ безучастно скользнувшимъ по его лицу взглядомъ. Генералъ продолжалъ чтеніе. „Какъ тихо... А тамъ ждутъ... Схватятъ!.. Пора!..“—Варыгинъ нащупалъ въ карманѣ ручку револьвера.—„Мгновенье!.. Сосчитаю до трехъ—и тогда!.. Разъ... два... О чемъ онъ думаетъ?.. Нужно что-то сдѣлать вѣдь?.. Да!.. вспомнилъ!.. Еще сосчитаю: разъ!.. Неужели же я сплю?..“

— Благодарите его превосходительство... Передайте, что съ удовольствіемъ исполню...—Слегка дребезжащій старческій голосъ раздался гдѣ-то высоко надъ головою Варыгина. Какъ въ туманѣ, передъ нимъ зашевелились сѣдые торчащіе усы... морщинистыя щеки... тусклые глаза глянули изъ-подъ нависшихъ, красноватыхъ вѣкъ.

— Ваша фамилія?.. Ахъ, да—помню!.. Оставьте вашъ адресъ... Капитанъ...

Генералъ повысилъ голосъ. Кресло съ шумомъ отодвинулось отъ стола. „Сейчасъ, или никогда!..“ смутно появилось въ сознаніи у Варыгина.—Сонъ какой-то... не помню... Стрѣлять!..“

— Завтра же получите увѣдомленіе!..—генералъ протянулъ Варыгину руку.

— Такъ точно... ваше превосходительство!..—глухо произнесъ Варыгинъ. Похолодѣвшая ладонь ощутила прикосновеніе двухъ слегка согнутыхъ пальцевъ руки генерала. Адъютантъ неподвижно появился въ дверяхъ.

— Поздно ужъ!.. Опоздалъ!..—съ мучительно застучавшими висками чуть не вслухъ подумалъ Варыгинъ.—Надо сказать что-то?.. Что сказать?.. Все равно теперь!.. Боже мой!..

Но почему же?..—Честь имѣю кланяться, ваше превосходительство...—едва слышно пробормоталъ помимо его воли чей-то чужой, странно дрогнувшій голосъ.

— Пожалуйте!..—адъютантъ съ прежней оффиціальной любезностью отворилъ дверь. Варыгинъ, какъ загипнотизированный, машинально сѣлъ въ указанное ему кресло. Все происшедшее казалось ему какимъ-то дикимъ и безформеннымъ кошмаромъ.

— Ваше мѣстожительство?.. — продолжалъ адъютантъ, обмакивая перо въ чернильницу и внимательно смотря своими холодно-пристальными глазами на помертвѣвшее лицо Варыгина.

— Андреевская... 43... квартира 11...—голосъ Варыгина прозвучалъ неувѣренно и глухо.—Я, кажется, свой бывшій студенческій адресъ сказалъ?..—какъ-то чуждо и далеко всплыло въ его сознаніи.—Нужно другой: вѣдь я офицеръ!.. Все равно!.. Къ чему теперь?.. Кончено...

— Благодарю васъ!..—голова съ широкимъ проборомъ между замѣтно рѣдѣющими на макушкѣ волосами вѣжливо наклонилась.

— Вы изъ дѣйствующей?..—по исполненіи неизбѣжныхъ формальностей, продолжалъ адъютантъ уже „партикулярнымъ" тономъ... Варыгинъ молча продолжалъ смотрѣть на него, ничего не отвѣчая.—„Глаза!.. Вотъ у него тоже глаза... Какіе холодные они!.. Такъ свѣтло смотрятъ, а въ душѣ... Съ такими глазами, должно быть, можно разстрѣливать людей свободно, безъ всякихъ!.. И онъ тоже... Сейчасъ за царя вѣшаютъ, а послѣ за республику будутъ... Что прикажутъ!.. Онъ что-то спросилъ, кажется?.. Отвѣтить нужно..."—Да!.. Это вѣрно... Вы правы!..—совершенно не думая, о чемъ говоритъ, глухо возразилъ Варыгинъ. Странно свѣтлые, холодные глаза адъютанта пристально заглянули Варыгину куда-то вглубь: ему показалось даже, что они читаютъ въ немъ, какъ въ раскрытой книгѣ.

— Вы нездоровы, поручикъ?..—адъютантъ сдѣлалъ изысканное движеніе, какъ бы желая приподняться.

— Нѣтъ, нѣтъ, — торопливо вставая, сказалъ Варыгинъ.— Не безпокойтесь, пожалуйста... Ничего.. Такъ это, благодарю... Головокруженіе... Не спалъ ночь...

„Боже мой!.. Что я мелю?.. Вздоръ какой-то...—одновременно съ этимъ промелькнуло у него въ головѣ.—Идти скорѣе!.. Бѣжать!.."

— Всего хорошаго!..

Адъютантъ снова звякнулъ шпорами. Варыгинъ медленными шагами, опустивъ голову, вышелъ изъ канцеляріи. Какъ во снѣ, онъ спустился, бряцая шашкой, по лѣстницѣ,

какъ во снѣ же, одѣлся, пассивно дождавшись, безъ малѣйшаго движенія, пока дежурный солдатъ натянулъ ему на плечо все ускользавшій куда-то въ сторону рукавъ пальто, и направился было къ выходу съ неподвижно устремленнымъ передъ собою взоромъ.

— Фуражечку, ваше благородіе, позабыли!..—поспѣшно догналъ его солдатъ и подалъ фуражку.

— Благодарю васъ!..—надѣвая фуражку на голову, безучастнымъ голосомъ произнесъ Варыгинъ.—„Тебя", то-есть, нужно сказать...—мысленно поправился онъ.—А чортъ!.. Не все ли равно!.. Тоска... пусто... уходить нужно...—Онъ оглянулся: въ окнѣ второго этажа виднѣлась фигура наблюдавшаго за нимъ адъютанта.

— Догадался...—съ какимъ-то тупымъ безразличіемъ подумалъ Варыгинъ.—Сейчасъ схватятъ!.. Бѣжать скорѣе!..— Но эта мысль, вспыхнувъ, какъ искорка, гдѣ-то въ глубинѣ его сознанья, сейчасъ же погасла.—Варыгинъ почувствовалъ, что ни бѣжать, ни даже ускорить шаги онъ прямо физически не можетъ. Ноги отказывались ему повиноваться, и онъ двигался впередъ все тою же, медленной и неувѣренно колеблющейся походкой. Оглянувшись назадъ еще разъ, онъ замѣтилъ, что фигура адъютанта въ окнѣ исчезла.

„Пошелъ отдать распоряженіе, чтобъ задержали... Что-жъ?.. Пускай!..“—Варыгинъ, все такъ же не торопясь, миновалъ весь безконечный дворъ и вышелъ за ворота. Часовой у будки снова отбрякнулъ ему ружьемъ на караулъ. Сысой, мертвенно блѣдный, стегнулъ съ размаху обѣихъ своихъ лошадей и съ грохотомъ подомчался прямо къ тротуару. Варыгинъ продолжалъ идти впередъ, какъ будто даже не замѣчая Сысоя.

— Куда же ты?.. Стой!.. Скорѣе прыгай!.. Прыгай-же!..— еле сдерживая взбѣсившихся лошадей, закричалъ ему Сысой, моментально забывшій всякую конспирацію.

— Оставь меня!..—съ тоской возразилъ Варыгинъ, не оборачиваясь и идя по прежнему куда-то прямо передъ собою.

— Съ ума сошелъ?.. Куда ты?.. Стой!..—преслѣдуя его по пятамъ, задыхающимся отъ волненія голосомъ продолжалъ Сысой, натянувъ съ неимовѣрными усиліями возжи.

— Оставь меня!..—Варыгинъ круто повернулся и пошелъ въ обратномъ направленіи. Сысой, съ возжами въ рукахъ, соскочилъ съ козелъ и съ силой ухватилъ Варыгина за рукавъ его офицерскаго пальто.

— Очумѣлъ!.. Скорѣй же прыгай!..

Остолбенѣвшій отъ изумленія часовой смотрѣлъ на эту необычную сцену ничего не понимающими глазами.

— Прошу, оставь меня!.. Я прошу!..—вырвавшись отъ Сысоя, съ болѣзненно исказившимся лицомъ произнесъ снова Варыгинъ. Въ голосѣ его зазвенѣло отчаяніе.—Прошу тебя—уйди!..—повторилъ онъ.

Сысой нерѣшительно остановился.

— Что случилось?.. Убилъ ты его?..

— Садись на козлы, поѣзжай домой и скажи Василію Петровичу, что покушеніе не состоялось, что я...

Судорожная спазма сжала горло Варыгину. Онъ не докончилъ фразы и, махнувъ рукой, тихо направился вдоль улицы. Опѣшившій отъ неожиданности Сысой бросился было вслѣдъ за Варыгинымъ, чтобы силой заставить его сѣсть въ карету, но, заглянувъ ему въ лицо,—неподвижно остановился...

А. Деренталь.

---

* * *

Въ Сибири, окованной лютымъ морозомъ,
Пустынной дорогой я встрѣтился разъ,
Изгнанникъ усталый,—со страннымъ обозомъ,
Дремоту и сплинъ мой прогнавшимъ тотчасъ.

Шарахнулась тройка моя боязливо,
Всѣмъ тѣломъ дрожа,—понеслась напроломъ...
Ямщикъ, обернувшись ко мнѣ торопливо,
Въ степь, ярко бѣлѣвшую, тыкалъ кнутомъ.

Гляжу: цѣлиной снѣговою, ныряя,
Влачась, точно грузныя барки, впередъ,
Страдальчески-кротко и мѣрно шагая,
Лохматый верблюдъ за верблюдомъ бредетъ.

Веревка сквозь мягкія ноздри продѣта,
Прикрученъ къ горбу исполинскій мѣшокъ...
Не родина-ль праотцевъ, полная свѣта,
Имъ грезится? Знойный сыпучій песокъ.

Вонъ, близко ужъ пальмы съ узорчатой тѣнью...
Оазисъ! Ключа переливчатый звонъ!
Вдругъ дернулъ возжами киргизъ, въ нетерпѣньи,—
И жалкій, визгливый послышался стонъ...

И нѣтъ чудной сказки!.. Походкой убогой
Пошли они снова въ морозную даль...
Я ѣду своей безконечной дорогой,
Одинъ, затаивши на сердцѣ печаль.

П. Я.

СТРУНЫ.

Среди холодныхъ, нелюдимыхъ
Мы шли вдвоемъ, рука съ рукой,
И много струнъ души незримыхъ
Соединяло насъ съ тобой.
Тѣ струны радостно звенѣли
О жизни яркой и живой,
Онѣ о счастьи гордо пѣли,
О дняхъ свободы золотой;
Тѣ струны солнцу были рады,
Встрѣчали солнечный восходъ
И звали—биться безъ пощады
За свѣтъ, за волю, за народъ!

Не говори-жъ, полна печали,
Что страшенъ путь, и дни темны:
Мой другъ, вѣдь мы всю жизнь звучали,
Какъ двѣ согласныя струны.
Не бойся-жъ, нѣтъ, что въ часъ разлуки,
Подъ лязгъ оковъ и звонъ цѣпей,
Въ пожатьи дрогнутъ наши руки
И слезы хлынутъ изъ очей!
Нѣтъ, пусть въ толпѣ враговъ холодной,
Все такъ же чистъ, все такъ же гордъ,
Любовью свѣтлой и свободной
Звучитъ послѣднiй нашъ аккордъ!

Вл. Бѣлостоцкiй (Вѣтвицкiй).

Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.

Глава II.

Причины „вольномыслія“ декабристовъ.

III.

Не менѣе и, вѣроятно, даже болѣе сильное вліяніе, чѣмъ научныя, публицистическія и литературныя произведенія, имѣли на русскую молодежь современныя событія въ Западной Европѣ и Америкѣ: введеніе конституцій и революціонныя движенія. О великой французской революціи декабристы узнавали изъ историческихъ книгъ и изъ разсказовъ своихъ гувернеровъ иностранцевъ,— и она производила на нихъ весьма сильное впечатлѣніе [1]). Сѣвероамериканская конституція послужила главнымъ источникомъ при составленіи Н. М. Муравьевымъ его проекта конституціи, хотя онъ допустилъ весьма серьезное отступленіе отъ нея, установивъ очень высокій избирательный цензъ. Англійскую конституцію изучали всего чаще по сочиненію Делольма, однако, нѣкоторые декабристы бывали въ Лондонѣ и могли присутствовать на засѣданіяхъ парламента (нѣкоторые морскіе офицеры, кн. Волконскій и, вѣроятно, М. Ѳ. Орловъ, пріѣзжавшій въ Лондонъ въ 1814 и 1815 г.г.).

На глазахъ очень многихъ изъ будущихъ декабристовъ имперія во Франціи превратилась въ конституціонное королевство. «Компаніи 12-го года и послѣдующихъ 13-го и 14 гг.», говоритъ кн. Волконскій въ своихъ запискахъ (стр. 401), «подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ установленіями ея, порядкомъ управленія и народными гарантіями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ

---

[1]) Любопытно, что, даже живя въ Читѣ на положеніи каторжанъ, декабристы, возвращаясь съ работы, обыкновенно пѣли марсельезу. „Воспоминанія Бѣляева“. „Русская Старина, т. 30, стр. 805.

правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія—рѣзко высказались уму и сердцу многихъ».

18/30 марта 1814 г. совершилась капитуляція Парижа союзнымъ арміямъ. 1 апрѣля сенатъ установилъ временное правительство; 2 апрѣля сенатъ объявилъ низложеніе Наполеона и лишеніе его семейства наслѣдственныхъ правъ. 11 апрѣля Наполеонъ подписалъ свое второе отреченіе, за себя и своихъ дѣтей. 5 апрѣля временное правительство представило сенату текстъ конституціи, выработанной имъ при участіи нѣсколькихъ сенаторовъ (въ томъ числѣ Дэтю-де-Траси) и получившей названіе сенаторской, такъ какъ сенатъ, выслушавъ и обсудивъ докладъ коммиссіи изъ 7 членовъ, утвердилъ его на другой день, и 8 апрѣля, послѣ того какъ на нее изъявилъ согласіе и законодательный корпусъ, она была обнародована 14 апрѣля. Гр. Артуа, братъ Людовика XVIII, высказалъ свое убѣжденіе, что король согласится принять основныя положенія конституціи: «уравновѣшеніе» монархической власти сенатомъ и палатою депутатовъ отъ департаментовъ, необходимость свободнаго согласія представителей націи для установленія налоговъ, обезпеченіе свободы личной и общественной, признаніе свободы печати, исключая нѣкоторыхъ ограниченій, неприкосновенность собственности, гарантія религіозной свободы, отвѣтственность министровъ, которые могутъ быть подвергнуты суду по требованію представителей націи, несмѣняемость судей, независимость судебной власти, при чемъ каждый долженъ быть судимъ обыкновеннымъ судомъ, сохраненіе стараго и новаго дворянства, допущеніе всѣхъ французовъ къ занятію всякаго рода гражданскихъ и военныхъ должностей, неприкосновенность проданныхъ частнымъ лицамъ національныхъ имѣній, безопасность отъ преслѣдованія за мнѣнія или подачу голоса и нѣкоторыя другія [1]).

Сенаторская конституція немедленно сдѣлалась извѣстною и въ Россіи: ея переводъ, почти совершенно полный, хотя и не вполнѣ удовлетворительный, появился въ «Сынѣ Отечества» [2]). Кромѣ перечисленныхъ выше основныхъ началъ этой конституціи, русскіе читатели могли узнать изъ перевода и нѣкоторыя другія, а именно, что законодательный корпусъ («законодательное сословіе») могло по праву собираться ежегодно 1-го октября, что судъ присяжныхъ и публичность судопроизводства въ дѣлахъ уголовныхъ сохраняются и проч.

Людовикъ XVIII лишь 2 мая подписалъ въ Сентъ-Уанѣ декларацію, въ которой заявлялъ, что основы сенатской конституціи хороши, но многіе пункты ея носятъ слѣды поспѣшности ея составленія; затѣмъ онъ гарантировалъ исполненіе основныхъ положеній,

---

[1]) Vaulabelle—Histoire des deux restaurations, t. I—II.
[2]) 1814 г., ч. XIII, стр. 193—197, подлинникъ см. Tripier Les constitutions de la France. P. 1848, 229—232 или Schubert Die Verfassungsurkunden u. Grundgesetze, 1848, I, 346—357.

объявленныхъ гр. Артуа, принималъ и обѣщалъ включить ихъ въ хартію, которую обязывался представить сенату и законодательному корпусу. Хартія была редактирована коммиссіею, состоящею преимущественно изъ назначенныхъ королемъ членовъ этихъ учрежденій [1]).

Хартія Людовика XVIII начиналась предисловіемъ, въ которомъ исчислялись причины, обусловившія ея необходимость, и объявлялось, что король жалуетъ ее по своей доброй волѣ. Главные принципы сенатской конституціи были сохранены, но все же были и нѣкоторыя отступленія отъ нихъ и оговорки. Такъ, вмѣсто устанавливаемыхъ сенатскою конституціею полной свободы совѣсти и равноправія вѣроисповѣданій, хартіею было опредѣлено, что католицизмъ является государственною религіею и что содержаніе изъ казны получаетъ только духовенство христіанскихъ исповѣданій. Сенатъ былъ замѣненъ палатою пэровъ, назначаемыхъ королемъ пожизненно или наслѣдственно, и засѣданія ея должны были быть всегда непубличными [2]). Воспрещеніе учреждать чрезвычайныя судилища и коммиссіи было ослаблено допущеніемъ превотальныхъ судовъ, въ которыхъ преобладающее вліяніе имѣлъ военный судья и которые числились въ военномъ министерствѣ [3]). Установленіе гласности уголовнаго судопроизводства ослаблено предоставленіемъ суду права разсматривать въ закрытыхъ засѣданіяхъ дѣла, гласное разбирательство которыхъ могло грозить опасностью для порядка и нравственности.

4-го іюня король явился въ соединенное засѣданіе палатъ и объявилъ хартію, по прочтеніи которой присутствующіе выразили ей свое одобреніе.

Хартія Людовика XVIII была цѣликомъ переведена въ «Сынѣ Отечества» и при томъ болѣе удовлетворительно, чѣмъ сенатская конституція [4]). Цензура, очевидно, не находила возможнымъ препятствовать печатанію конституцій, появленіе которыхъ въ значительной степени обусловливалось жертвами Россіи для войны съ Наполеономъ, подвигами русскаго войска и дѣятельностью Александра I. А между тѣмъ, знакомясь съ этими законодатель-

---

[1]) Vaulabelle t. II, 2-me ed., 1867, p. 57—58, 66—67. Русскій переводъ деклараціи Людовика XVIII былъ напечатанъ въ прибавленіи къ „Русскому Инвалиду“ 1814 г. № 38.

[2]) Для того, чтобы быть выбраннымъ въ палату депутатовъ, нужно было платить прямой налогъ не менѣе 1000 франковъ; отступленіе отъ этого правила допускалось лишь въ томъ случаѣ, если въ департаментѣ окажется менѣе 50 лицъ, удовлетворяющихъ этому условію. Для того, чтобы быть избирателемъ, требовалась уплата прямого налога въ 300 франковъ. Засѣданіе палаты депутатовъ могло быть обращено въ закрытое по требованію пяти ея членовъ.

[3]) Dulaure, Histoire de 1814 à 1830. P. 1849, t. IV, 291.

[4]) «Сынъ Отечества» 1814 г. т. XIV, 259—270; подлинникъ въ книгѣ Tripier, 229—245.

ными актами, та масса русской публики, для которой были мало доступны серьезныя сочиненія по государственному праву, могла усваивать основныя конституціонныя начала.

Дополнительный актъ Наполеона I (22 апрѣля 1815 г.) къ конституціямъ имперіи, въ составленіи котораго принималъ большое участіе Бенжаменъ Констанъ, не былъ цѣликомъ переведенъ въ русскихъ журналахъ, но подробно изложенъ въ одномъ изъ нихъ [1]). Упомянемъ о нѣкоторыхъ отличительныхъ чертахъ этого акта. На основаніи его палата пэровъ должна была состоять только изъ наслѣдственныхъ пэровъ, назначаемыхъ императоромъ. Нужно замѣтить, что Наполеонъ совершенно правильно считалъ искусственное созданіе наслѣдственныхъ пэровъ совершенно не соотвѣтствующимъ нравамъ и интересамъ Франціи, но уступилъ въ этомъ отношеніи настояніямъ Бенжамена Констана, который впослѣдствіи (въ 1829 г.) самъ призналъ свое мнѣніе ошибочнымъ [2]). По акту Наполеона ни одинъ налогъ, прямой или косвенный, деньгами или натурой, не можетъ быть взимаемъ, никакой заемъ не можетъ быть совершенъ, ни одна долговая запись не можетъ быть внесена въ большую книгу государственныхъ долговъ, ни одно казенное имѣніе не можетъ быть отчуждено или обмѣнено, никакой наборъ людей для арміи не можетъ быть предписанъ, никакая часть территоріи обмѣнена иначе, какъ въ силу закона. Всякое предложеніе налога, займа или набора людей можетъ быть сдѣлано только палатѣ представителей. Публичность уголовнаго судопроизводства установлена безъ всякихъ ограниченій [3]). Всякій гражданинъ имѣетъ право печатать и обнародовать свои мысли подъ своимъ именемъ безъ всякой предварительной цензуры, съ законною отвѣтственностью, но не иначе, какъ по приговору суда присяжныхъ. Нельзя не отмѣтить, что въ Добавочномъ Актѣ Наполеона отсутствовалъ параграфъ, уничтожающій конфискацію имущества, между тѣмъ какъ такое постановленіе находилось въ хартіи Людовика XVIII. Несмотря на настоянія Б. Констана, Наполеонъ ни за что не хотѣлъ лишиться права конфисковать имущество своихъ подданныхъ. [4])

---

[1]) „Духъ Журналовъ“ 1815 г. ч. III, 1063—1071. Подлинникъ см. у Tripier. Въ этой же книжкѣ „Духа Журналовъ“ была напечатана переводная замѣтка (изъ Гамбургской корреспонденціи) „Мнѣніе о конституціи Буонапартовой“, заключавшая въ себѣ враждебныя выходки противъ французскаго императора.

[2]) Эд. Лабулэ. „Политическія идеи Бенжамента Констана“. М. 1905 г., стр. 45—48.

[3]) Въ русскомъ изложеніи не переданы два важныхъ параграфа дополнительнаго акта: „Только военныя преступленія вѣдаются военными судами. Всѣ другія преступленія, даже совершенныя военными, разбираются гражданскими судами.“

[4]) Въ 18 5 г. въ „Духѣ Журналовъ“ (ч. IV) былъ напечатанъ переводъ доклада Шатобріана Людовику XVIII во время ста дней. Говоря о

Въ «Духѣ Журналовъ» [1]) былъ перепечатанъ изъ чрезвычайнаго прибавленія къ «Варшавскимъ Вѣдомостямъ» рескриптъ императора Александра I изъ Вѣны отъ 18 (30) апрѣля 1815 года (во французскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ) президенту варшавскаго сената гр. Островскому, въ которомъ государь возвѣщалъ о томъ, какъ судьба Польши была рѣшена на Вѣнскомъ конгрессѣ: «Принимая титулъ короля польскаго», писалъ государь, «хотѣлъ я удовлетворить желаніямъ націи. Королевство Польское соединено будетъ съ Россійскою имперіею узами собственной ея конституціи, на которой я желаю основать счастіе сей земли. Великое дѣло общаго спокойствія не позволило, чтобы всѣ поляки были соединены подъ однимъ скипетромъ; но я старался, по крайней мѣрѣ, облегчить, сколько возможно, суровость ихъ раздѣленія и доставить имъ повсюду мирное наслажденіе національными ихъ правами (la jouissance paisible de leur nationalité)».

Любопытно, что когда въ томъ же году была утверждена государемъ польская хартія, переводъ ея не былъ опубликованъ на русскомъ языкѣ, и только уже послѣ знаменитой варшавской рѣчи имп. Александра на первомъ польскомъ сеймѣ (1818 г.) было напечатано въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, какъ увидимъ далѣе, извлеченіе изъ рѣчи польскаго министра, содержащее въ себѣ изложеніе основныхъ началъ конституціи Польши.

Такимъ образомъ, при посредствѣ русскихъ журналовъ наша читающая публика познакомилась съ современными французскими конституціями, а слѣдовательно, и съ нѣкоторыми основными началами конституціонной монархіи въ томъ видѣ, какъ ее пытались осуществить или осуществляли въ то время. Въ слѣдующемъ году въ одномъ журналѣ была напечатана переведенная съ нѣмецкаго статья «О конституціи норвежскаго королевства» (1814 г.), когда Норвегія избрала шведскаго короля Карла XIII своимъ конституціоннымъ королемъ. Въ этой статьѣ, между прочимъ, было отмѣчено что король шведскій относительно сейма (стортинга) имѣлъ право не обсолютнаго, а лишь суспензивнаго вето [2]).

Въ 1817 году въ «Духѣ Журналовъ» [3]) напечатана статья о

Дополнительномъ Актѣ, онъ отмѣтилъ, что конфискація имъ не уничтожалась и что въ выборѣ депутатовъ могла участвовать армія. Въ „Сынѣ Отечества“ 1814 г. (ч. XIII и XIV) былъ помѣщенъ пореводъ большей части сочиненія Шатобріана De Buonoparte et des Bourbons (изд. 30 марта 1814 г.). (Переводъ всей этой книжки былъ изданъ отдѣльно въ 1814 г.). См. „Oeuvres complétes de M. le vicomte de Chateaubriand, t. IV, 1829, p. 135—155.

[1]) 1815 г. ч. III, 525—526.

[2]) „Сеймъ имѣетъ право три раза представлять одинъ и тотъ же законъ королю на утвержденіе, котораго если и за послѣднимъ разомъ не воспослѣдовало, то въ такомъ случаѣ оный законъ самъ собою уже пріобрѣтаетъ силу и становится дѣйствительнымъ“. „Вѣстникъ Европы“ 1816 г., ч. 88, стр. 284—295.

[3]) Т. XVII, 227—256.

«Началѣ и происхожденіи англійской конституціи»; историческихъ свѣдѣній въ ней очень мало, и она посвящена изложенію современной конституціи: въ ней говорилось о власти и преимуществахъ короля, объ обѣихъ палатахъ парламента, его власти и преимуществахъ его членовъ. Продолженія статьи не появилось, быть можетъ, по причинамъ цензурнымъ.

Отмѣтимъ еще, что въ «Вѣстникѣ Европы», издаваемомъ проф. Каченовскимъ, былъ помѣщенъ въ1816 году переводъ статьи, напечатанной во французскомъ журналѣ «Minerva» (въ которомъ участвовалъ Б. Констанъ),—«Объ истинныхъ причинахъ уничтоженія французской республики» [1]. Авторъ ея доказывалъ, что причины эти заключаются въ томъ, что французская республика, вынужденная географическимъ положеніемъ отстаивать свое существованіе отъ коалиціи европейскихъ монархій, сдѣлалась республикою военною, а это повело къ превращенію ея въ деспотическую имперію. Но авторъ энергично возражаетъ противъ «предразсудка», «будто республика, и особенно основанная на однихъ демократическихъ правилахъ, нигдѣ на землѣ не можетъ имѣть продолжительнаго существованія». Кромѣ того, онъ высказываетъ сочувствіе федеративному строю и, въ подтвержденіе возможности прочнаго существованія республики, указываетъ на Сѣв.-Американскіе Соединенные Штаты.

Н. А. Бестужевъ въ своемъ показаніи заявилъ, что онъ наблюдалъ въ 1815 году установленіе конституціоннаго правленія въ Голландіи, т. е, Нидерландскомъ королевствѣ съ его двухпалатными генеральными штатами (конституція 29 марта 1814 г.) [2]. Отраженіе дальнѣйшихъ западно-европейскихъ и американскихъ событій въ сознаніи тогдашней интеллигентной молодежи можно до нѣкоторой степени прослѣдить по неизданнымъ дневникамъ Н. Тургенева и другимъ источникамъ [3].

---

[1]) Часть 88, стр. 204—218.

[2]) Записки Н. Бестужева о Голландіи были напечатаны въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“ 1821 года т. XV; въ нихъ авторъ сообщаетъ (стр. 287—288) нѣкоторыя свѣдѣнія о нидерландской конституціи; статья перепечатана въ „Разсказахъ и повѣстяхъ стараго моряка Н. Бестужева“. М. 1860 г., см. стр. 67-68. Во время плаванія въ 1817 г. на Ник. Бестужева повліяли бесѣды съ женою генер. Жомини и ея гувернанткою (обѣ онѣ держались республиканскихъ убѣжденій) и англичаниномъ Огильви, поклонникомъ конституціонной монархіи. Въ Кронштадтѣ сильное вліяніе на Н. Бестужева имѣлъ командиръ зазимовавшаго норвежскаго карабля, истинный республиканецъ. Венгеровъ. Критико-біогр. словарь русскихъ писателей и ученыхъ“, III, 185.

[3]) О сильномъ распространеніи либеральныхъ идей среди русской молодежи доносилъ французскій посланникъ въ Россіи, гр. де-Ноайль, герцогу Ришелье въ 1817 году; онъ удивлялся тому, что „русскій молодой офицеръ., подчиненный самодержавному монарху, окруженный своими рабами, говоритъ о правахъ народовъ, о свободѣ, какъ гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ“. „Сборн. Историческаго Общества“ т. 119, стр. 292.

Возвратившись осенью 1818 г. въ Петербургъ послѣ поѣздки въ свою симбирскую деревню и очень мрачно настроенный подъ вліяніемъ наблюденія крѣпостническихъ порядковъ и невозможности для него ликвидировать ихъ, Тургеневъ первое время равнодушно относится къ политическимъ новостямъ. Онъ прочитываетъ баденскую конституцію (дарованную до нѣкоторой степени подъ вліяніемъ Александра I и польской конституціи) «безъ любопытства и безъ интереса», и самъ прибавляетъ: «То ли было прежде?»

2 апрѣля 1819 года Тургеневъ отмѣчаетъ извѣстіе, что въ Германіи «Коцебу заколотъ однимъ студентомъ». Извѣстный нѣмецкій писатель Коцебу, состоявшій на службѣ русскаго правительства, ратовалъ противъ либеральнаго движенія въ Германіи въ своемъ «Литературномъ Еженедѣльникѣ» (Lit. Wochenblatt) [1]), къ которому особенно благосклонно относился Меттернихъ. Одинъ изъ отчетовъ Коцебу, посылаемыхъ имъ въ Россію, въ которомъ онъ чернилъ людей либеральнаго образа мыслей, попалъ въ печать и возбудилъ общее негодованіе. На Коцебу смотрѣли не какъ на писателя, свободно высказывавшаго свои, хотя бы и не симпатичные, взгляды, а какъ на шпіона русскаго правительства, старающагося своими донесеніями повліять на русскаго императора въ консервативномъ смыслѣ. Коцебу былъ убитъ Карломъ Зандомъ въ мартѣ 1819 г., и нѣмецкое общество, не одобряя его поступка, одобряло его побужденія, а студенчество преклонялось передъ нимъ. Когда Зандъ былъ казненъ 20 мая 1820 года, студенты, обмочивъ платки въ его крови, раздавали клочки, какъ драгоцѣнныя реликвіи; кольца и медальоны съ изображеніемъ Занда раскупались въ огромномъ количествѣ [2]). По поводу убійства Коцебу, Тургеневъ выразилъ въ своемъ дневникѣ опасеніе, что это событіе повредитъ дѣлу нашего просвѣщенія; но въ радикально настроенныхъ кругахъ убійство Коцебу вызвало горячее сочувствіе, выразившееся нѣсколько позднѣе въ стихотвореніи Пушкина «Кинжалъ» (1821 г.) [3]).

„О, юный праведникъ, избранникъ роковой,
О, Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ.
Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ подписи кинжалъ".

---

[1]) См. о немъ L. Salomon, Geschichte des deutschen Zeitungswesen, III Bd 1906, S. 226-229.

[2]) K. Biedermann. Fünfundzwanzig Jahre deutscher Geschichte (1815—1840), I, 185-208; Гервинусъ „Исторія девятнадцатаго вѣка", т. II, Спб., 1875 г., изд. 2, стр. 458, 569—574; A. Stern, Geschichte Europas, I, 454—455, 554—557.

[3]) Якушкинъ называетъ его въ числѣ тѣхъ, которыя, по его словамъ, всякій грамотный прапорщикъ въ арміи зналъ наизусть.

Рылѣевъ, по словамъ Е. П. Оболенскаго въ воспоминаніяхъ о немъ, смотрѣлъ на Каховскаго, изъявлявшаго готовность къ цареубійству, какъ на второго Занда. Самъ Каховскій въ письмѣ изъ крѣпости съ сочувствіемъ упоминаетъ объ убійствѣ Коцебу, находя, что его постигло «достодолжное возмездіе».

28 іюля 1819 г. Тургеневъ отмѣчаетъ: «По газетамъ, въ Пруссіи открыто тайное общество якобинцевъ (?). Янъ въ крѣпости. Объ Арндтѣ говорятъ то же» [1]). 9 октября Тургеневъ пишетъ о реакціонныхъ постановленіяхъ съѣзда министровъ нѣмецкихъ государей въ Карлсбадѣ, что онъ «разрѣшился глупою инквизиціею и Стурдзою», т. е. предположеніями въ духѣ Стурдзы. Стурдза, сынъ молдавскаго боярина, переселившагося въ Россію при Екатеринѣ II, служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и главномъ правленіи училищъ и составилъ въ 1818 г. для Ахенскаго конгресса, по порученію имп. Александра I, на французскомъ языкѣ записку о современномъ состояніи Германіи, которая была напечатана по приказанію государя и конфиденціально раздавалась имъ на конгрессѣ, но была оглашена въ печати и возбудила общее негодованіе людей прогрессивнаго образа мыслей. Стурдза указывалъ на возможность революціи въ Германіи, обвинялъ университеты въ соблазнѣ юношества, совѣтовалъ уничтожить университетскія привилегіи, замѣнить академическій надзоръ за студентами надзоромъ городской полиціи, уничтожить избраніе профессоровъ университетскимъ совѣтомъ и назначать ихъ по волѣ правительства, стѣснить свободу печати, особенно періодическихъ изданій, по постановленію союзнаго сейма [2]). Два вѣнскихъ студента вызвали Стурдзу на дуэль; онъ скрылся изъ Веймара въ Дрезденъ и, ссылаясь на то, что онъ обдумывалъ, написалъ и напечаталъ свою брошюру по приказанію своего государя, просилъ сенатъ вѣнскаго университета заставить взять назадъ вызовъ. Узнавъ объ этомъ, студенты заявили, что дѣйствительно не нужно требовать удовлетворенія отъ «думающей, пишущей и печатающей машины» [3]). Петербургское общество отнеслось къ произведенію Стурдзы также весьма несочувственно. Высшая полиція донесла, что «всѣ вообще, даже самые противники свободолюбивыхъ понятій, находили въ семъ сочиненіи... картину весьма одностороннюю, однѣ тѣни безъ свѣта... сущность (предметъ сочинененія) не была постигнута авторомъ, писавшимъ о вещи, которую совершенно не понималъ. Далѣе казалось несоотвѣтственнымъ

---

[1]) Объ обыскѣ у боннскаго профессора Арндта, лишеніи его кафедры, и продолжительномъ заключеніи Яна, проповѣдника объединенія Германіи и борьбы съ французами, см. Stern, I, 565—566, 598—599; Гервинусъ, II, 349—353, 578, 609—610; Treitschke, Deutsche Geschichte, III, fünfte Auflage, s. 433—438.

[2]) S.... Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne. P., Novembre 1818.

[3]) Гервинусъ, II, 541, 570—571.

цѣли дѣйствовать орудіями злоязычія противъ заведеній, вѣками установленныхъ... Неблаговидный образъ поведенія Стурдзы при личномъ вызовѣ вѣнскихъ студентовъ казался всѣмъ толико позорнымъ, что обратилъ на него общее презрѣніе» [1]). Извѣстна эпиграмма Пушкина на Стурдзу [2]).

„Нельзя безъ смѣха читать рѣчи австрійскаго посланника во Франкфуртѣ", продолжаетъ въ своемъ дневникѣ Тургеневъ. „Онъ предлагаетъ улучшить или устурдзить университеты, учредить инквизицію въ Майнцѣ [3]) и т. п. Не знаю, а мнѣ что-то сдается, что сеймъ, или, можетъ быть, и самое правительство какъ будто ногою дергаетъ передъ смертью... Не понимаю, какъ можно дѣлать такія глупости, какъ не образумиться... Если все это сойдетъ съ рукъ нѣмецкимъ правительствамъ, что тогда думать о нѣмцахъ. А мы? мы?—Поселенія и рабство крестьянъ!" Черезъ нѣсколько дней Тур геневъ пишетъ: „Нельзя было придумать ничего глупѣе карлсбадскаго конгресса, породившаго политическую инквизицію и цензуру Не знаю, чему болѣе дивиться: глупости ли нѣмецкихъ правительствъ, или терпѣнію нѣмецкаго народа. На дняхъ я читалъ Гёрресову книгу „Deutschland und die Revolution". Между кучею длинныхъ, скучныхъ и надутыхъ періодовъ есть мѣста прекрасныя и истинно краснорѣчивыя. Предположеніе его о составѣ палаты представителей можетъ быть весьма свойственно Германіи [4]). Сегодня же въ газетахъ читалъ указъ прусскаго короля генералу Гану о секвестрѣ бумагъ Герреса.." [5]) 23 ноября 1819 г. Тургеневъ отмѣчаетъ

---

[1]) „Русская Старина" 1881 г., № 11, стр. 673.

[2]) О реакціонныхъ карлсбадскихъ постановленіяхъ и вызванныхъ ими рѣшеніяхъ союзнаго сейма, см. Гервинусъ II, 578—585, 604—605.

[3]) Тургеневъ разумѣетъ тутъ коммиссію, учрежденную въ Майнцѣ по постановленію германскаго сейма 20 сент. 1819 г. для разслѣдованія политическихъ преступленій и существовавшую до 1828 г. Stern, I, 576, 581, II, 421.

[4]) Гёррееъ предлагалъ представительное собраніе изъ трехъ сословныхъ курій, каждая изъ которыхъ дѣлилась бы на двѣ скамьи, при чемъ голосованіе относительно разныхъ вопросовъ должно было происходить или поголовно, или по скамьямъ, или по куріямъ. Görres, Deutschland und die Revolution. 2 Aufl. 1819, S. 190—194.

[5]) I. Гёрресъ, нѣмецкій публицистъ и ученый (1776—1848 г.) въ 1813 г принялъ горячее участіе въ національномъ движеніи и съ 1814 г. издавалъ вліятельную политическую газету „Rheinischer Merkur", гдѣ высказывался противъ сочувствія французамъ въ Германіи и требовалъ свободы печати и народнаго представительства. Въ началѣ 1816 г. газета была запрещена за нападки на прусское правительство. (См. Salomon III, 33—54). Послѣ изданія книги „Deutschland und die Revolution" (1819 г.), это правительство отдало приказъ объ арестѣ Гёрреса, и ему пришлось спасаться бѣгствомъ въ Страсбургъ и въ Швейцарію. Н. Тургеневъ въ письмѣ къ брату Сергѣю 31 окт. 1819 г. проситъ достать ему „при проѣздѣ черезъ Рейнъ... новую книгу Гёрреса", которая и въ Германіи запрещена. Я ее здѣсь теперь читаю, но желаю имѣть въ собственность. Она мнѣ очень нравится, хотя въ ней мало положительнаго". Со второй половины 1820-хъ годовъ Гёрресъ весь отдался защитѣ интересовъ католицизма. См. о немъ Stern, I, 305, 457—8, 600; Гервинусъ II, 345—350, 572, 578. Блунчли, „Исторія общаго государственнаго права и политики". Спб., 1874 г., стр. 451—458.

въ дневникѣ: „Шатобріанъ въ „Journ. des Debats“ мнѣ огадился. Онъ всегда проповѣдывалъ свободу (?) и въ особенности свободу книгопечатанія [1]). Теперь хвалитъ дѣйствія нѣмецкихъ правительствъ и даже соглашается, что и угнетеніе свободы книгопечатанія въ Германіи можетъ быть полезно и нужно [2]). Итакъ вотъ они, эти защитники правъ народныхъ и первые писатели вѣка! Каковъ вѣкъ, гдѣ такая подлость идетъ наряду съ правилами вѣрности и религіи!“

13 февраля 1820 г. Тургеневъ отмѣчаетъ возстаніе въ Испаніи, инціаторами котораго были Квирога и Ріего. 24 марта онъ пишетъ: «Вчера получили здѣсь извѣстія, что король гиспанскій объявилъ конституцію кортесовъ» (1812 г.). «Слава тебѣ, славная армія гиспанская! Слава гиспанскому народу! Во второй разъ Гишпанія доказываетъ, что значитъ духъ народный, что значитъ любовь къ отечеству!.. Инсургенты, сколько можно судить по газетамъ, вели себя весьма благородно; объявили народу, что они хотятъ конституціи, безъ которой Гиспанія не можетъ быть благополучна; объявили, что, можетъ быть, предпріятіе ихъ не удастся, они погибнутъ всѣ жертвами за свою любовь къ отечеству, но что память о семъ предпріятіи, память о конституціи, о свободѣ, будетъ жить, останется въ сердцѣ гиспанскаго народа. Король, судя по теперешнимъ обстоятельствамъ, не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ объявить конституцію... (Я прочту гиспанскую конституцію, которая лежала у меня, какъ древность)... Люди несвѣдущіе не понимаютъ, какъ правительство можетъ существовать, будучи обязано брать налоги съ согласія депутатовъ.

---

[1]) Въ сочиненіи „Réflexions politiques“, изданномъ въ декабрѣ 1814 г., Шатобріанъ восхвалялъ хартію Людовика XIV и на столько горячо защищалъ ее отъ нападокъ роялистовъ (Oeuvres complètes, t. IV, 1829, p. 179—197), что вызвалъ оскорбленія и насмѣшки со стороны крайнихъ правыхъ (Vaulabelle II, 103—104). Въ другомъ сочиненіи (1816 г.) „De la monarchie selon la charte“, Шатобріанъ оставался по прежнему сторонникомъ хартіи и защитникомъ свободы слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывалъ сочувствіе полувоеннымъ превотальнымъ судамъ (Oeuvres compl. IV, 69), ср. Vaulabelle IV, 24—26) и поземельной аристократіи, основанной на правѣ первородства (p. 12), а протестъ автора противъ распущенія реакціонной палаты, сдѣлалъ его весьма популярнымъ среди ультра-роялистовъ (Viel-Castel Histoire de la restauration, V, 253). Защищалъ Шатобріанъ свободу печати и въ своемъ мнѣніи въ палатѣ пэровъ 19 января 1818 г., въ которомъ требовалъ суда присяжныхъ для преступленій по дѣламъ прессы (Oeuvres IV, 600).

[2]) Тургеневъ вѣроятно имѣетъ въ виду статью Шатобріана отъ 15 окт. 1819 г.; въ ней авторъ говоритъ: „Мѣры, только что принятыя въ Германіи оживляютъ надежды тѣхъ, которые хотѣли бы опять ввести у насъ (предварительную) цензуру“; затѣмъ онъ категорически утверждаетъ: „Нѣтъ конституціоннаго правленія безъ свободы печати; мы говорили это и повторяли во всѣхъ нашихъ сочиненіяхъ; мы полагаемъ, что доказали это“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Шатобріанъ утверждалъ, что при предварительной цензурѣ (существовавшей съ 1815 г. до закона 17 мая 1819 г.) министры будто бы давали полную свободу революціоннымъ листкамъ и преслѣдовали монархическія изданія (Oeuvres IV, 330—334).

Можетъ быть, Гиспанія покажетъ возможность чего-нибудь такого, что по сію пору мы» (т. е. «люди несвѣдущіе») «почитали невозможностью». Прочитавъ испанскую конституцію, Тургеневъ 28 марта (въ день Пасхи), замѣчаетъ: «Кортесы—все, король—весьма немного. Думаютъ, что эта конституція устоять не можетъ. Кто знаетъ? [1]) ...Гиспанская новость есть мнѣ истинная радость для свѣтлаго дня...

«Въ газетахъ пишутъ, что 7-го марта король гиспанскій поутру издалъ прокламацію, что собираетъ кортесовъ, дабы выслушать ихъ! Поздно открылъ... По вечеру въ тотъ же день его величество объявилъ, что уже присягнулъ конституціи! [2]). Если въ немъ есть какая-нибудь душа, то какова была его гримаса при сей присягѣ? Не слышно, чтобы кто-нибудь хулилъ испанцевъ; но les incorrigibles ultra» (неисправимые крайніе реакціонеры)—что они скажутъ?»

П. Я. Чаадаевъ писалъ въ тѣ же дни (25 марта 1820 г.) своему брату М. Я. изъ Петербурга: «Еще величайшая, всемірная новость, Испанская революція окончилась, король принужденъ былъ подписать конституціонный актъ 1812 г. Весь народъ возсталъ, революція совершилась въ три мѣсяца, и не пролито ни капли крови. Не было никакой рѣзни, никакого потрясенія, никакихъ излишествъ. Это прекрасный аргументъ въ пользу революціи. Но во всемъ этомъ есть кое-что, очень близко насъ касающееся. Сказать ли что именно? Долженъ ли я довѣриться этому листку, который можетъ оказаться нескромнымъ. Нѣтъ, я предпочитаю помолчать; не говорятъ ли уже, что я демагогъ? Дураки, они не понимаютъ, что тотъ, кто презираетъ міръ, не думаетъ его исправлять» [3]). В. Л.

[1]) См. франц. переводъ „Испанской конституціи 1812 г." въ изданіи Dufau, Duvergier et Guadet „Collection des constitutions" 1823, t. V; нѣм. пер. у Schubert'a Die Verfassungsurkunden II, 44—83; ср. о ней Baumgarten Geschichte Spaniens 1865, I, 530—538. Она была отмѣнена Фердинандомъ VII въ 1814 г. и вновь возстановлена въ 1820 г.

[2]) Въ дѣйствительности, 7 марта Фердинандъ лишь подписалъ указъ, возвѣщавшій о его рѣшеніи присягнуть конституціи, самая же присяга была принесена 9 марта.

[3]) Г. А. І. В. № 23, л. 25. Объ испанской революціи 1820 г. см. Трачевскій. „Испанія девятнадцатаго вѣка", 300 и слѣд.: Baumgarten Geschichte Spaniens II, 244—285, A Stern II, 26—32. Видя успѣхъ дѣла свободы въ Испаніи Тургеневъ (29-го августа 1820г.) сопоставляетъ его съ равнодушнымъ отношеніемъ нашего общества къ крѣпостному праву: «въ городѣ говорятъ объ отвѣтѣ генерала Сеславина великимъ князьямъ въ разсужденіи Гиспаніи. Онъ хвалилъ гиспанское происшествіе. Но отчего состояніе нашихъ крестьянъ никого у насъ не интересуетъ по крайней мѣрѣ столько, сколько дѣла гиспанскія. Мы привыкли видѣть свое. Люди и къ дурному привыкаютъ. Но многіе изъ тѣхъ, которые восхищаются гиспанцами, можетъ быть, будутъ противъ освобожденія крестьянъ, если имъ оно предложено будетъ». Ген.-м. Сеславинъ попалъ подъ надзоръ полиціи, и агентъ въ 1822 г. доносилъ, что онъ „выражается безконечно

Давыдовъ въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ, что члены нашего тайнаго общества «приводили въ примѣръ Гишпанскую революцію, какъ и другіе подобные случаи, для подкрѣпленія и оправданія «своихъ предположеній». А. Бѣляевъ въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ: революція въ Испаніи съ Ріего во главѣ, исторгнувшая прежнюю конституцію у Фердинанда, приводила въ восторгъ такихъ горячихъ энтузіастовъ, какими были мы и другіе». («Рус. Стар.» 1881 г. № 3, стр. 488). Рылѣевъ въ стихотвореніи «Гражданинъ» (1825 г.) ставитъ рядомъ имена Брута и Ріего. Даже старикъ Инзовъ, посадивъ Пушкина подъ арестъ, приходилъ побесѣдовать съ нимъ о «Гишпанской революціи» (Переписка Пушкина I, 124).

Въ тотъ же день (28 марта) Тургеневъ отмѣчаетъ и другое, видимо, порадовавшее его извѣстіе: «я слышалъ, что пріѣхавшій (нѣкто) полковникъ Базенъ изъ Берлина говоритъ, что онъ самъ видѣлъ на улицахъ знаки неудовольствія противъ короля. Требуютъ конституціи» [1]).

16-го сентября Тургеневъ отмѣчаетъ: «въ Инвалидѣ сегодня есть извѣстіе о народномъ движеніи въ Португаліи» [2]), а черезъ нѣсколько дней пишетъ: «въ теченіе 7-ми мѣсяцевъ третья революція, говоритъ Гамбургская газета!—Но всѣ говорятъ, что въ Португаліи должно было ожидать того, что случилось. Незадолго передъ тѣмъ, когда царствовала въ правительствахъ охота къ

свободно, особенно когда говоритъ о военной службѣ". Военно ученый Архивъ, Отд. I, № 544.

[1]) Князь Илья Долгоруковъ 12 мая 1817 г. писалъ гр. Аракчееву изъ Берлина: „большинство народа дышитъ безпокойнымъ и непріязненнымъ духомъ относительно правительства. „Негодованіе его при всякомъ дѣйствіи онаго не ограничивается однѣми жалобами, но изображается нѣкоторымъ сильнымъ и презрительнымъ сужденіемъ." Дубровинъ. „Письма главн. дѣятелей въ царствов. имп. Александра I". Спб. 1883 г., стр. 194. Авторъ этого письма въ началѣ 1817 г. сдѣлался членомъ Союза Спасенія, но въ апрѣлѣ того же года уѣхалъ за границу и возвратился лишь въ августѣ 1818 г. Онъ привлекался къ слѣдствію о декабристахъ, но, по повелѣнію Николая I, былъ „оставленъ безъ вниманія". Госуд. Арх. I В. № 230. О конституціонныхъ теченіяхъ и проектахъ въ Пруссіи см. A. Stern, Geschichte Europas, Bd. I и II; Гервинусъ т. II. О конституціонномъ проектѣ В. Гумбольдта (1819 г.) см. Гаймъ „В. фонъ-Гумбольдтъ". М. 1899, стр. 318 и слѣд. Цесар. Константинъ Павловичъ въ донесеніи имп. Александру отъ 23 марта 1821 г. сообщаетъ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, жители областей Пруссіи, присоединенныхъ отъ Польши, „открыто и не стѣсняясь выражаются относительно своего государя. Они вообще желаютъ имѣть конституцію и одобряютъ поступки неаполитанцевъ". Госуд. Арх. XII, № 279.

[2]) Военные начальники въ Порто, по соглашенію съ властями, духовенствомъ и народомъ, учредили временную хунту; она должна была управлять именемъ короля, жившаго въ Бразиліи до открытія засѣданія кортесовъ, которые должны были дать государству конституцію. Вскорѣ послѣ того произошло успѣшное возстаніе и въ Лиссабонѣ, также отмѣченное Тургеневымъ въ его дневникѣ.

конституціямъ, когда каждая почта извѣщала о конституціи баденской» (1818 г.) [1]), «дармштадской» (1820 г.) и проч., видаясь въ клубѣ съ читателями газетъ, мы спрашивали другъ друга при встрѣчѣ: Giebt es noch eine Constitution? (нѣтъ ли еще конституціи)? Теперь можно спрашивать: Giebt es noch eine Revolution?» (нѣтъ ли еще революціи?). Чрезъ три дня, 25-го сентября, новыя извѣстія о революціонныхъ движеніяхъ: «пишутъ, что въ Багіи, въ Бразиліи, произошла также революція à l'eau de rose. Что почта, то революція! Я не удивлюсь, если на будущей недѣлѣ буду читать, что китайцы ввели представительное правительство, или что нѣмцы возстали къ единству и къ независимости. Пишутъ, что Ріего ...сосланъ въ Овіедо, главный городъ Астуріи» [2]).

Испанская революція произвела сильное впечатлѣніе въ Неаполѣ и ускорила подготовлявшуюся въ немъ революцію, король Фердинандъ вынужденъ былъ принять испанскую конституцію 1812 г. и созвать парламентъ [3]). 27 октября 1820 г. Тургеневъ пишетъ: «въ сегодняшнихъ газетахъ я читалъ рѣчь неаполитанскаго короля при открытіи парламента. Хороша и рѣчь президента, который между прочимъ говоритъ: «Богъ Израилевъ заключилъ договоръ съ народомъ, имъ избраннымъ. Послѣ сего не можетъ быть унизительно для королей заключать договоры съ народами!» Но Священный Союзъ не дремалъ, и 22 декабря Тургеневъ отмѣчаетъ перенесеніе конгресса изъ Троппау въ Лайбахъ (въ томъ и другомъ участвовалъ имп. Александръ), и сообщаетъ, что туда пріѣдетъ и неаполитанскій король. Въ тотъ же день Тургеневъ записываетъ извѣстіе о революціи на С. Доминго: «королевство будетъ республикою», прибавляетъ онъ [4]).

Австрія, по постановленію Лайбахскаго конгресса и заручив-

---

[1]) Переводъ Баденской конституціи напечатанъ въ „Духѣ Журналовъ“ 1818 г., декабрь, ч. XXXI, 229—260; въ этомъ же журналѣ, въ ноябрской книжкѣ помѣщенъ переводъ Баварской конституціи 1818, ч. XXXI, 181—228. Французскіе переводы этихъ конституцій см. Laferrière Les constitutions d'Europe P. 1869.

[2]) Черезъ мѣсяцъ, 18 октября 1820 г., Тургеневъ въ очень сочувственныхъ выраженіяхъ говоритъ въ своемъ дневникѣ объ извѣстномъ волненіи въ Петербургѣ въ Семеновскомъ полку.

[3]) 27 авг. 1820 г. мин. вн. дѣлъ гр. Кочубей писалъ имп. Александру: „Неаполитанская революція продолжаетъ быть предметомъ всѣхъ разговоровъ и держитъ въ напряженіи всѣ умы“. Въ слѣдующемъ же письмѣ сообщаетъ, что Москва равнодушно относится къ этой революціи и къ карбнаріямъ „Сборн. историч. матер., извлеч. изъ арх. соб. Е. Вел. канц“. XI, 363—365.

[4]) Часть о-ва Гаити была занята маленькою негритянскою монархіею; когда въ 1820 г. въ ней вспыхнула революція, императоръ негровъ Кристофъ застрѣлился, и его государство присоединилось къ мулатской республикѣ, во главѣ которой стоялъ мулатъ Петіонъ. Любопытно, что Завалишинъ сообщилъ впослѣдствіи Рылѣеву, по его просьбѣ, конституцію Гаити. Она напечатана въ изданіи Dufau, Duvergier et Guadet Collection des Const. 1823, V, 239—261.

шись обѣщаніемъ поддержки въ случаѣ надобности со стороны имп. Александра, взялась за подавленіе неаполитанской революціи и быстро достигла цѣли.

19 марта 1821 г. Тургеневъ пишетъ въ дневникѣ: «неаполитанскія извѣстія сильно меня занимаютъ съ тѣхъ поръ, какъ я замѣтилъ много умѣренности, истиннаго ума и благоразумія въ членахъ неаполитанскаго парламента. Нѣтъ никакого хвастовства въ рѣчахъ ихъ, но вездѣ замѣтно глубокое чувство негодованія къ несправедливости и чувство патріотизма. Вчера въ Allg. Zeit. я читалъ прекрасныя извлеченія изъ рѣчей ихъ. Одинъ (Morici) старый и извѣстный офицеръ просилъ позволенія у парламента перемѣнить мѣсто парламентское на мѣсто въ арміи. Онъ далъ клятву положить свою сѣдую голову на полѣ битвы, но не возвращаться, если отечество спасено не будетъ... Парламентъ въ своихъ объявленіяхъ говоритъ, что Неаполю предстоитъ или вѣчная слава, или стыдъ вѣчный! Все это доказываетъ, что въ народѣ есть твердость». Однако, черезъ недѣлю Тургеневъ отмѣчаетъ пораженіе корпуса Пепе. «Неаполитанцы не сражаются—бѣгутъ. Если это такъ», замѣчаетъ Тургеневъ, «то мы увидимъ разницу между энтузіазмомъ на трибунѣ и истиннымъ энтузіазмомъ. Нельзя однако же не сознаться, что прокламаціи неаполитанскаго парламента хороши; особенно же замѣчателенъ адресъ онаго принцу регенту. По моему мнѣнію, лучше нельзя было написать его» [1].

25 марта 1821 г. Кочубей сообщилъ государю, что въ нашемъ обществѣ высказывались «самая рѣшительная ненависть къ австрійцамъ и пожеланія успѣха неаполитанскимъ войскамъ». Сильное неудовольствіе возбуждали связанныя съ событіями въ Неаполѣ вооруженія Россіи. Кочубей считалъ достойнымъ вниманія чрезвычайное усиленіе разговоровъ на эту тему. Революціонное движеніе въ Пьемонтѣ также произвело впечатлѣніе на русское общество [2]). Пораженіе неаполитанцевъ не привело въ отчаяніе Пушкина, и хотя онъ думалъ, что свобода въ Неаполѣ «едва ли воскреснетъ», т. е. воскреснетъ скоро, онъ гналъ отъ себя опасеніе, не исчезъ ли лучъ надежды, и въ посланіи В. Л. Давыдову (1821 г.) восклицалъ:

„Но,—нѣтъ! мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся [3])—
И я скажу: Христосъ Воскресъ“!

---

[1]) О неаполитанской революціи см. Гервинусъ. III, 398—423, IV, 169—171; Соренъ, „Исторія Италіи“, 46—79.

[2]) „Сборн. матер., извлеч. изъ Архива собств. Его Велич. канцел.“ XI, 374.

[3]) Карлъ Фолленъ, другъ Занда, основатель общества „безусловныхъ“ въ Германіи, также мечталъ о Тайной Вечери, во время которой готовые пожертвовать своею жизнью за свободу, принимали бы посвященія въ мученики. Stern. Geschichte Europas I, 448; Treitschke Deutsche Geschichte, II, 5-te Aufl., s. 440. Въ 1818 г. при проѣздѣ Александра I чрезъ Іену, въ собраніи „безусловныхъ“ шелъ разговоръ о томъ, слѣдуетъ ли рѣшиться на покушеніе противъ деспота. Treitschke II, 441.

Членъ Союза Благоденствія И. П. Липранди (игравшій впослѣдствіи при Николаѣ I самую гнусную роль въ качествѣ чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ) во время возстанія въ Италіи просилъ начальство дозволить ему стать въ ряды волонтеровъ народной итальянской арміи. Ходатайство это было принято за дерзость, и онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку [1]).

22 мая 1821 года Тургеневъ отмѣчаетъ извѣстіе о введеніи конституціоннаго строя въ Бразиліи: «въ Ріо-Жанейро принята королемъ португальскимъ конституція» [2]). Усердно слѣдитъ онъ и за парламентскою жизнью Франціи. 22 іюля онъ пишетъ: «Съ какимъ бы удовольствіемъ я ходилъ бы теперь въ палату депутатовъ. Прежде, будучи во Франціи, я это не такъ ясно понималъ и въ особенности не такъ ясно чувствовалъ. Да и мудрено было въ землѣ завоеванной чувствовать свободу» [3]).

Въ концѣ августа 1821 г. Тургеневъ уже разсуждаетъ въ своемъ дневникѣ о греческомъ возстаніи и отношеніи къ нему нашего правительства и общества.

Русское общество не могло не заинтересоваться судьбою грековъ, когда они начали борьбу за независимость, тѣмъ болѣе, что подготовка къ возстанію происходила въ предѣлахъ Россіи. Въ концѣ 1814 г. въ Одессѣ, гдѣ близко соприкасались греческіе и русскіе интересы, купецъ Скуфасъ, Аѳанасій Цакаловъ и масонъ Ксантосъ образовали «союзъ друзей» (гетерію филикеровъ). Это былъ тайный политическій союзъ, который съ самаго начала поставилъ себѣ цѣлью освобожденіе Греціи, но замаскировалъ ее формами, заимствованными у масоновъ. Члены его раздѣлялись на

---

1) «Записки С. Г. Волконскаго», 1901 г., стр. 318.

2) Ср. Гервинусъ, III, 395—398. Король португальскій Іоаннъ VI послѣ того, какъ Наполеонъ провозгласилъ низложеніе Браганцской династіи, удалился въ Бразилію, которая изъ колоніи превратилась какъ бы въ метрополію. Въ 1820 г. вслѣдъ за испанскою вспыхнула революція и въ Португаліи. Организованное въ Лиссабонѣ временное правительство пригласило короля вернуться на родину. Созванные отъ его имени учредительные кортесы выработали для португальцевъ демократическую конституцію на подобіе испанской 1812 г. Іоаннъ VI, оставивъ вице-королемъ Бразиліи своего старшаго сына донъ-Педро, прибылъ въ Европу и въ 1822 т. принесъ присягу на соблюденіе конституціи. Пискорскій. „Исторія Испаніи и Португаліи". Спб. 1902 г. стр. 190—191. Въ этомъ же году принцъ-регентъ провозгласилъ независимость Бразиліи и былъ избранъ конституціоннымъ императоромъ подъ именемъ Педро I. Лейтенантъ Романовъ, привлеченный къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ, показалъ, что Рылѣевъ и Н. Бестужевъ „кажется отдавали бразильской конституціи преимущество передъ англійскою". Гос. Арх. I. В. 78, л. 9. Бразильскую конституцію 25 марта 1824 г. см. Laferrière Les constitutions d'Europe et d'Amérique P. 1869, стр. 589—616. Въ 1823 г. въ Португаліи былъ возстановленъ абсолютизмъ.

3) При этомъ онъ выражаетъ свое сочувствіе депутату Манюэлю, одному изъ наиболѣе радикальныхъ членовъ французской палаты депутатовъ.

7 степеней. Два низшихъ разряда назывались учениками и братьями; за ними слѣдовали жрецы, пастыри и верховные пастыри, которые должны были распространять идеи общества; два послѣдніе разряда—просто посвященные и посвященные высшей степени—носили военный характеръ и предназначались прямо для вооруженнаго возстанія. Церемоніалъ приготовленія и посвященія состоялъ во всѣхъ разрядахъ гетеріи въ объясненіи символовъ и выясненіи дѣятельности союза. Пріемъ совершался ночью. Кандидата вводили въ молельню и здѣсь, ставъ передъ образомъ Воскресенія мертвыхъ, онъ долженъ былъ принести передъ жрецомъ присягу въ вѣрности, упорствѣ, молчаніи и безусловномъ подчиненіи. Пріемъ зависѣлъ отъ жреца, который дѣйствовалъ въ силу полномочій, полученныхъ отъ великаго мастера элевзиній. Затѣмъ новичку объясняли, что его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы держать наготовѣ оружіе и по первому зову слѣдовать приказу начальника. Цѣль союза—борьба съ врагами вѣры и родины. Въ этомъ же родѣ былъ катехизисъ и высшей степени, такъ что при переходѣ въ высшіе разряды члены союза не узнавали ничего, существенно отличавшагося отъ объясненій, полученныхъ ими при посвященіи. Особенно много членовъ насчитывалось во второй степени. Жрецъ имѣлъ право принимать братьевъ и присуждать степень жреца. Кандидаты при поступленіи вносили извѣстную сумму въ пользу общества. Въ 1816 г. Скуфасъ перенесъ союзъ въ Москву. Нѣкоторые греки, пріѣзжавшіе въ Россію, были посвящены въ гетерію, а въ 1818 г. Скуфасъ переселился въ Константинополь, откуда управленіемъ союза были основаны эѳоріи по всѣмъ провинціямъ османской имперіи и за-границей, причемъ два энергичныхъ члена союза находились и въ Москвѣ. Въ Одессѣ началъ образовываться второй центральный комитетъ послѣ того, какъ въ члены гетеріи были приняты въ Кіевѣ три брата Ипсиланти, отецъ которыхъ еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII в. участвовалъ въ замыслахъ относительно освобожденія Греціи, затѣмъ былъ господаремъ Молдавіи и позднѣе Валахіи и умеръ въ Кіевѣ въ 1816 г. [1]). Старшій сынъ его Александръ (род. въ 1792 г.), очень молодымъ вступилъ на русскую службу, былъ адъютантомъ государя и другомъ Каподистріи. Въ апрѣлѣ 1820 г. Александръ Ипсиланти былъ поставленъ во главѣ гетеріи, и въ февралѣ 1821 г. онъ провозгласилъ греческое возстаніе въ дунайскихъ княжествахъ [2]).

Послѣ того какъ А. Ипсиланти сталъ во главѣ союза, уставъ

---

[1]) Въ началѣ 1820 г. въ Одессѣ уже существовало утвержденное государемъ греческое типографическое общество изъ купцовъ-грековъ, для котораго былъ назначенъ русскимъ правительствомъ даже особый цензоръ, что заставляетъ предполагать энергичную издательскую дѣятельность общества.

[2]) См. воззваніе къ грекамъ кн. А. Ипсиланти, обнародованное имъ въ Яссахъ, 24 февр. 1821 г., „Русск. Арх.“, 1868 г., стр. 293—297.

его былъ упрощенъ. Степени братьевъ, учениковъ и верховныхъ пастырей были упразднены; полученіе степеней жрецовъ и пастырей обусловливалось строгимъ испытаніемъ въ вѣрѣ. Военнослужащіе, замѣнявшіе верховныхъ пастырей, должны были въ присутствіи главнаго вождя приносить клятву въ вѣрности и послушаніи, получали рыцарскій ударъ и опоясывались мечемъ [1]).

Въ іюнѣ 1821 г. въ одномъ домѣ въ Петербургѣ читалось донесеніе П. И. Пестеля о началѣ греческаго возстанія въ дунайскихъ княжествахъ, составленное на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ во время служебной командировки въ Скуляны (на границѣ Молдавіи). Донесеніе это было переслано Киселевымъ государю въ Лайбахъ и какимъ-то образомъ сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ и частнымъ лицамъ. Быть можетъ, оно было сообщено самимъ Пестелемъ товарищамъ по тайному обществу. Въ немъ онъ между прочимъ излагалъ относительно организаціи гетеріи свѣдѣнія, которыя могли представлять интересъ для нашихъ декабристовъ.

«Со времени послѣдняго возмущенія грековъ въ Мореѣ (1770 г.), столь неудачно для нихъ кончившагося», говоритъ Пестель въ своей запискѣ, «составили они тайное политическое общество, которое началось въ Вѣнѣ особеннымъ стараніемъ грека Риги, потерявшаго потомъ свою голову по повелѣнію Порты (1798 г.). Сей ужасный примѣръ не устрашилъ его сообщниковъ. Ихъ было тогда 40 человѣкъ. Первыя ихъ усилія были устремлены на пріобрѣтеніе вліянія на умы, въ чемъ они успѣвали посредствомъ книгъ, печатаемыхъ въ европейскихъ городахъ и раздаваемыхъ потомъ между греками Долгое время ограничивали они свои дѣйствія симъ кругомъ, и десять только лѣтъ тому назадъ, когда посторонніе даже люди стали уже замѣчать, что между ними нѣчто пріуготовляется, приступили они къ дѣйствію болѣе положительному и образовали свое общество на слѣдующемъ основаніи. Всѣмъ обществомъ управляетъ тайная верховная управа, коей члены никому изъ прочихъ собратій не извѣстны. Самое общество раздѣляется на двѣ степени. Члены низшей именуются гражданами, члены второй—правителями. Каждый правитель имѣетъ право принимать въ граждане. Сіи граждане никого изъ членовъ общества не знаютъ, кромѣ правителя, ихъ принявшаго. Сей же правитель никого не знаетъ, кромѣ гражданъ, которыхъ самъ принялъ, и того другого правителя, коимъ онъ былъ принятъ. Изъ гражданъ въ правители поступаютъ члены общества не иначе, какъ по предварительному разрѣшенію верховной управы, которое доходитъ къ гражданамъ посредствомъ частныхъ правителей, составляющихъ безпрерывную цѣпь отъ гражданъ до верховной управы [2]). Верховная управа посредствомъ своихъ членовъ, принимающихъ видъ частныхъ правителей, находится въ сношеніи съ нѣкоторыми другими правителями, передающими ея рѣшенія и повелѣнія еще другимъ правителямъ, которые тѣми были приняты. Изъ

---

[1]) Шустеръ. Тайные общества, союзы и ордена. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. А. Погодина. Спб. 1907 г., т. II, 237—239; Гервинусъ, т. V.

[2]) По другимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ русскимъ правительствомъ, члены гетеріи раздѣлялись на пять классовъ. См. дѣло военно-ученаго архива Главнаго Штаба. Отд. I, № 1021, прилож. 22.

сихъ, такъ сказать, второстепенныхъ правителей завѣдываетъ каждый нѣкоторымъ числомъ подчиненныхъ правителей, ими принятыхъ, и такъ распространяется сія цѣпь до послѣднихъ гражданъ. Всѣ же правители составляютъ одну степень, потому что одною и тою же пользуются властію и точное преднамѣреніе общества знаютъ. Ипсилантій показывалъ Суццо» (молдавскій господарь) «списокъ сихъ правителей, коихъ число простирается до 200,000 человѣкъ. Каждый же изъ нихъ имѣетъ 4—5 и даже 6 гражданъ. Изъ сего явствуетъ, что политическое сіе общество чрезвычайно многочисленно. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ былъ Ипсилантій избранъ верховною управою въ ея полномочные и главные начальники всѣхъ греческихъ войскъ, О семъ избраніи было все общество извѣщено, а посредствомъ онаго и вся Греція. При немъ же, равно какъ и при прочихъ начальникахъ, находятся совѣтники, отъ Верховной Управы назначенные, съ коими они должны совѣщаться и коихъ мнѣнія обязаны они принимать въ уваженіе.

«Возмущеніе, нынѣ въ Греціи случившееся, есть произведеніе сего Тайнаго Общества, которое нашло, что теперешнее время соединяетъ всѣ обстоятельства, могущія содѣйствовать успѣху ихъ предпріятія» [1]).

Пестель оговаривается, что не можетъ вполнѣ ручаться за достовѣрность собранныхъ имъ свѣдѣній, и хотя въ описаніи устройства гетеріи есть неточности, онъ прибавляетъ, что его свѣдѣнія «имѣютъ видъ самый основательный и положительный» [2]). Въ письмѣ къ Киселеву Пестель высказываетъ мнѣніе, что греческія событія могутъ «имѣть важныя послѣдствія. Если существуетъ 800.000 итальянскихъ карбонаріевъ [3]), то, можетъ быть, еще болѣе

[1]) Военно-ученый Архивъ Главнаго Штаба, Отд. I, № 539 (а), л. 63—64.

[2]) Н. П. Павловъ-Сильванскій напечаталъ переводъ доклада Александру I на французскомъ языкѣ, содержащій извлеченіе изъ этой записки и отрывокъ изъ доклада Пестеля кн. Витгенштейну. Въ этомъ послѣднемъ есть слѣдующее любопытное мѣсто: „Желаніе грековъ, на случай совершеннаго успѣха, состоитъ въ образованіи федеральной республики на подобіе Американскихъ Соединенныхъ Областей. Сіе подобіе не въ верховномъ правленіи состоитъ, но въ томъ, что каждая особенная область будетъ имѣть частное свое особенное правленіе съ своими законами и только въ общихъ государственныхъ дѣлахъ совокупно съ прочими дѣйствовать. Сія мысль грековъ основана на соображеніи о чрезвычайно большомъ различіи между нравами, обычаями, понятіями и всѣмъ образомъ мыслей различныхъ народовъ, Грецію населяющихъ“. Н. Павловъ-Сильванскій, „Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ“. 1907 г., стр. 174. Впослѣдствіи (въ 1824 г.) Россія предлагала образовать на материкѣ Греціи три княжества подъ верховнымъ господствомъ султана, но греки отнеслись отрицательно къ этому проекту. Гервинусъ, V, 398.

[3]) „Въ эпоху высшаго расцвѣта—въ двадцатыхъ годахъ“ союзъ карбонаріевъ во всей Италіи „насчитывалъ въ своихъ рядахъ около 700,000 членовъ“. Шустеръ. „Тайныя Общества, союзы и ордена“, II, 218. Сэнтъ—Эдмъ. („Constitution et organisation des Carbonari“. P. 1821, p. 22) приводитъ свидѣтельство генерала Коллеты, что въ мартѣ 1820 г. считалось 642,000 карбонаріевъ. Моцениго въ депешѣ изъ Турина 15 окт. 1820 г. говоритъ даже о 846.000 неаполитанскихъ карбонаріевъ. Петерб. Арх. мин. иностр. дѣлъ, № 4727.

существуетъ грековъ, соединенныхъ политическою силою. Самъ Ипсиланти, я полагаю, только орудіе въ рукахъ скрытой силы, которая употребила его имя точкою соединенія».

Начало греческаго возстанія вызвало горячее сочувствіе среди грековъ, населяющихъ Россію; оно не прошло безслѣдно и для всего русскаго общества, и въ частности для декабристовъ. Пушкинъ въ мартѣ 1821 г. писалъ изъ Кишинева А. Н. Раевскому: «Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени; (грековъ) всѣ мысли устремлены къ одному предмету — на независимость древняго отечества. Въ Одессахъ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ — вездѣ собирались толпы грековъ, всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили объ Леонидѣ, объ Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти: жизнь имѣнія грековъ въ его распоряженіи! Въ началѣ имѣлъ онъ два милліона; одинъ Паули далъ 600 т. піастр. съ тѣмъ, чтобъ ему ихъ возвратить по возстановленіи Греціи. 10,000 грековъ записалось въ войско. (Мой другъ, все это прекрасно!)» [1]). Въ стихотвореніи «Къ Овидію», написанномъ въ декабрѣ 1821 г. Пушкинъ вспоминаетъ о возстаніи кн. А. И. Ипсиланти: «здѣсь лирой сѣверной пустыни оглашая, скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная великодушный грекъ свободу вызывалъ» [2]).

Кочубей, извѣстивъ имп. Александра о движеніи въ Одессѣ, писалъ нѣсколько позднѣе, 25 марта 1821 г., что таганрогскіе греки также собираются принять участіе въ возстаніи, стараются закупать оружіе, что въ Москвѣ переведена стихами военная пѣснь грековъ [3]).

Когда съ Кавказа былъ вызванъ Ермоловъ, чтобы стать во главѣ русскаго войска, которое предполагалось двинуть, въ случаѣ надобности, на помощь австрійцамъ для подавленія неаполитанской революціи, распространился слухъ, будто онъ назначается главнокомандующимъ въ войнѣ за освобожденіе Греціи. Рылѣевъ написалъ ему посланіе въ стихахъ (1821 г.), которое въ свое время не было напечатано, гдѣ онъ возбуждалъ его къ борьбѣ подъ знаменами свободы; въ другомъ стихотвореніи того же года онъ выра-

---

[1]) Сочиненія Пушкина. Изд. Академ. Наукъ. Переписка, т. I, 24—27. Относительно одесскихъ грековъ есть въ одномъ дѣлѣ показаніе, что они „дѣлали на площади ученья, обучались вмѣсто ружья палками и пѣли патріотическія пѣсни“, что скоро было запрещено полицеймейстеромъ. Военно-учен. Архивъ, Отд. I, № 597, л. 33. О вліяніи начатаго кн. А. Ипсиланти возстанія на жителей Кишинева см. въ воспоминаніяхъ Вельтмана. Л. Майковъ: „Пушкинъ“. Спб. 1889, 115—120.

[2]) „Сочиненія Пушкина. Редакція П. А. Ефремова“, т. I, 427.

[3]) Сборн. матер., извлеч. изъ арх. соб. Е. В. канцеляріи, т. XI, 374—375. Не распространился ли по Москвѣ сдѣланный въ 1821 г. Гнѣдичемъ переводъ произведенія Риги „Военный гимнъ грековъ?“ См. „Сочиненія Гнѣдича“, т. I, 1884 г., стр. 188.

жаетъ сожалѣніе, что не можетъ летѣть туда, въ Морею, куда стремится его душа [1]). Членъ тайнаго общества В. Ѳ. Раевскій, арестованный въ началѣ февраля 1822 г. и заключенный въ Тираспольскую крѣпость, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ написалъ тамъ стихотворное посланіе «Къ друзьямъ въ Кишиневѣ» [2]), въ которомъ, намекая на греческое возстаніе, выражалъ надежду, что оно «пробудитъ... народный сонъ и гидру дремлющей свободы» [3]). Декабристъ Якушкинъ въ 1821 г. стремился отправиться въ Грецію, но оставилъ это намѣреніе, повидимому, отвлеченный дѣломъ помощи голодающимъ крестьянамъ Смоленской губ. Завалишинъ, предполагая возможность похода для освобожденія Греціи, сталъ заниматься греческимъ языкомъ. Позднѣе, Каховскій собирался принять участіе въ борьбѣ за освобожденіе Греціи.

Пушкинъ въ стихотвореніи (1823 г.) «Возстань, о Грецiя, возстань!» взываетъ къ ней:

„Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги,
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!“ [4])

Смерть Байрона въ 1824 г. вызвала стихотвореніе В. Кюхельбекера въ Мнемозинѣ» (1824 г., ч. III), и Рылѣева [5]), которыя вновь напомнили о борьбѣ грековъ за свободу [6]). Батеньковъ, въ началѣ 1825 г., по его собственнымъ словамъ, «началъ разсуждать» самъ съ собою о «дѣлахъ греческихъ и жалѣлъ, что у насъ географическое положеніе не представляетъ никакой удобности къ возстанію».

Къ выступленію А. Ипсиланти русское правительство отнеслось рѣзко отрицательно. Позднѣе, относительно гетеристовъ въ Россіи производилось даже разслѣдованіе. Въ дѣлѣ о масонскихъ ложахъ

[1]) Полное собраніе сочиненій Рылѣева. Библіотека декабристовъ. Вып. I, 1906 г., стр. 180, 186.

[2]) Въ этомъ городѣ былъ комитетъ греческихъ патріотовъ.

[3]) „Русская Старина“, 1890 г. № 5, стр. 368.

[4]) Въ іюнѣ 1824 г., Пушкинъ писалъ, повидимому, къ А. Н. Раевскому, „Ничто еще не было столь народно, какъ дѣло грековъ, хотя многія въ ихъ политическомъ отношеніи были важнѣе для Европы“. Переписка Пушкина, I, 112.

[5]) Въ томъ же III т. „Мнемозины“, было помѣщено стихотвореніе С П. („Застольная пѣснь грековъ“), вызванное греческимъ возстаніемъ. Стихотвореніе Рылѣева было напечатано уже по смерти автора, безъ его имени въ 1828 г. въ альманахѣ, изданномъ Ивановскимъ, съ большими искаженіями по цензурнымъ причинамъ. См. „Библіотека декабристовъ“ 1906 г., I, 158—159.

[6]) Пушкинъ чуднымъ стихотвореніемъ „Къ морю“ („Мнемозина“, т. IV. почтилъ память Байрона, какъ борца за свободу, но былъ не въ силахъ сказать что-нибудь о самихъ грекахъ, такъ какъ одесскіе представители этой націи „огадили“ ему Грецію. (Переписка Пушкина, I, 118 — 119). Поэтъ забылъ свое собственное свидѣтельство о горячемъ взрывѣ греческаго освободительнаго движенія въ Одессѣ въ 1821 г.

и другихъ тайныхъ обществахъ есть такое офиціальное извѣстіе, записанное въ декабрѣ 1825 или январѣ 1826 г. «Въ Бессарабіи, въ городахъ Кишиневѣ и Аккерманѣ, учреждена была комиссія подъ названіемъ и предлогомъ *Гетеристовъ* (покровителей и поборниковъ Греціи); нынѣ открывается у нихъ самое вредное направленіе, и большая часть офицеровъ 33 Егерьскаго полка въ ономъ членами» [1]). Въ 1825 г. по дѣлу о гетеріи былъ привлеченъ къ слѣдствію дѣйств. статск. сов. гр. Яковъ Булгари. Оказалось, что въ 1820 г. онъ отдалъ Д. Ипсиланти брилліанты своей жены, которые были заложены за 40,000 рублей для покупки 5000 ружей. Онъ признаЛъ, что посылалъ многихъ грековъ въ Грецію и составилъ одно воззваніе, но въ то же время старался убѣдить слѣдственную комиссію, что, въ отличіе отъ А. Ипсиланти, стоялъ за болѣе медленный способъ дѣйствій и сообразованіе ихъ съ намѣреніями Россіи, сербовъ, болгаръ и Али-Паши. Слѣдователи (г.-м. Шеншинъ и с. с. Дашковъ) пришли къ заключенію, что въ бумагахъ гр. Булгари нѣтъ «ясныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ соучастія его въ гетеріи»; во всякомъ случаѣ они признавали, что онъ не участвовалъ въ ея «послѣднихъ и рѣшительныхъ замыслахъ». Уѣзжая изъ Харькова, слѣдователи обязали гр. Булгари не отлучаться оттуда безъ вѣдома мѣстнаго начальства [2]).

Только обративъ вниманіе на конституціонныя и революціонныя теченія въ Европѣ и Америкѣ, можно вполнѣ понять стремленіе декабристовъ къ государственному перевороту и ихъ надежды на возможность его осуществленія [3]). Западно-европейскія и аме-

---

[1]) Военно-ученый Архивъ Главнаго Штаба, Отд. I, № 608 а), л. 240.

[2]) Ibid., № 597. Яковъ Булгари былъ привлеченъ къ слѣдствію и о декабристахъ вслѣдствіе того, что Шервудъ, жившій у него въ домѣ, слышалъ тамъ о существованіи Тайнаго Общества. Онъ былъ заключенъ въ крѣпость, но и Шервудъ, и Вадковскій рѣшительно заявили, что онъ не былъ членомъ Общества. По болѣзни онъ былъ помѣщенъ въ госпиталь, гдѣ по собственной просьбѣ приведенъ къ присягѣ и, наконецъ, освобожденъ 4 апр. 1826 г. съ обязательствомъ не выѣзжать изъ Петербурга до окончанія дѣла, хотя слѣдственный комитетъ призналъ, что нѣтъ основаній считать его прикосновеннымъ къ дѣлу. Гос. Арх., I В №№ 170, 28, списокъ № 7, №№ 273 и 305, л. 11—45.

[3]) Штейнгель говоритъ: „Происшествія въ Испаніи и Пьемонтѣ“ и „возстаніе грековъ воспламенили умы въ мечтателяхъ о свободѣ“ въ Россіи. Гангебловъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, какъ онъ присоединился къ кружку Лаппы, Назимова и Семенова, предполагавшему заняться всеобщею исторіею. На первомъ же собраніи по древней исторіи они „свернули на Ріего“, недавно повѣшаннаго въ Испаніи, а затѣмъ и на другія подобныя матеріи, и такъ протолковали до позднихъ временъ. „Слѣдующее засѣданіе прошло почти въ такомъ же родѣ“. „Русск. Арх., 1886 г., т. II, 219 Ріего былъ казненъ 7 ноября 1823 г. Трачевскій „Испанія XIX вѣка“, 394. Относительно декабриста кн. Ѳ. П. Шаховского въ 1823 г. было доведено до свѣдѣнія правительства, что онъ высказываетъ у своихъ сосѣдей помѣщиковъ Нижегородской губерніи, сужденія, доказывающія его вольнодумство и „приводитъ въ примѣръ управленія иностранныхъ государствъ“, Военно-ученый Архивъ, Отд. I, № 558.

риканскія конституціи и революціи не только вызывали бесѣды о нихъ, не только окончательно убѣждали въ необходимости политической свободы, но и содѣйствовали выработкѣ конституціонныхъ проектовъ и подсказывали способы проведенія ихъ въ жизнь революціоннымъ путемъ. Такъ, напримѣръ, Лореръ, членъ Южнаго Общества, говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что онъ бесѣдовалъ съ полковникомъ Канчіаловымъ объ англійской и американской конституціяхъ, относительно ихъ «выгодъ и преимуществъ» и примѣнимости ихъ къ Россіи. Кн. Оболенскій заявилъ, что вольномысліе «укоренялось» въ немъ «наблюденіемъ происшествій, ознаменовавшихъ послѣдніе годы почти всѣ страны міра... революціями различнаго рода». Завалишинъ свидѣтельствуетъ, что «борьба общественнаго мнѣнія съ Бурбонами во Франціи, возстаніе въ Испаніи, Португаліи, Италіи, вредное вмѣшательство Россіи въ дѣла Германіи, смерть Коцебу и проч. затронули всѣ политическіе вопросы, толки о нихъ шли вездѣ» [1]). Ведя пропаганду среди товарищей-моряковъ (братья Бѣляевы, Арбузовъ и др.), Завалишинъ «всегда старался говорить о выгодахъ конституціоннаго представительнаго правленія, приводя въ примѣръ Англію и Сѣв.-Американскіе Штаты». Кн. С. П. Трубецкой, указываетъ, что «свободный образъ мыслей» сложился подъ вліяніемъ «преобразованія французской имперіи въ конституціонную монархію, обѣщаній другихъ европейскихъ государей дать своимъ народамъ конституціи и установленія оныхъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи». Каховскій въ своемъ показаніи заявляетъ, что «нарушеніе конституціи во Франціи» и «совершенное ея уничтоженіе» въ Испаніи были причинами, побудившими его согласиться на истребленіе императорской фамиліи. Рылѣевъ въ бесѣдѣ съ А. Бестужевымъ также ссылается на примѣръ Испаніи въ доказательство непрочности вынужденнаго согласія на конституцію и необходимости болѣе крайнихъ мѣръ относительно государя. Пестель въ знаменитомъ мѣстѣ своего показанія указалъ на французскую революцію и на сохраненіе многихъ «коренныхъ» ея «постановленій» при реставраціи какъ на причину рѣшительнаго поворота въ его міросозерцанія. Вѣроятно знакомство съ западными революціями привело и Н. Крюкова къ мысли о томъ, что «съ народомъ все можно, безъ народа ничего нельзя», а когда явилось сомнѣніе въ возможности

---

[1]) Штейнгель ставилъ въ примѣръ шведскій государственный переворотъ 1809 г. Донесеніе Алопеуса объ этомъ переворотѣ см. у Богдановича „Истор. царствов. имп. Александра I“, т. II, Прилож. стр. 58—62. Созванный въ 1809 г. риксдагъ объявилъ низложеннымъ короля Густава IV, выработалъ новую конституцію, болѣе ограничивающую королевскую власть, см. Schubert Die Verfassungsurkunden und Grundgesätze der Staaten Europas, 1850 II 368—387 и избралъ королемъ бывшаго регента Карла подъ именемъ Карла XIII.

успѣха у нихъ революціи, то онъ же утѣшалъ себя мыслію: «хоть гирше, абы инше, хоть хуже, да иначе» [1]).

IV.

На предыдущихъ страницахъ были приведены многочисленныя свидѣтельства относительно западныхъ вліяній на декабристовъ. Напротивъ, Завалишинъ въ своихъ запискахъ высказываетъ мысль, что «какъ побужденіе къ преобразованію, такъ и допущеніе тѣхъ или иныхъ средствъ для достиженія цѣли, истекали вполнѣ изъ даннаго положенія государства и общества, изъ даннаго самимъ государствомъ воспитанія и изъ собственныхъ историческихъ примѣровъ,—подражаніе же внѣшнимъ примѣрамъ и образцамъ было только уже послѣдующимъ и второстепеннымъ явленіемъ». Въ другомъ мѣстѣ Завалишинъ выражается гораздо рѣшительнѣе: «несправедливо, во первыхъ», что «военныя революціи въ Испаніи, въ Португаліи и Италіи опредѣляли характеръ тѣхъ средствъ, которыми тайныя общества въ Россіи намѣрены были совершить переворотъ; во вторыхъ, что «крайнія средства были заимствованы изъ европейскихъ революціонныхъ идей, а не изъ своей собственной исторіи». Совершенно справедливо мнѣніе Завалишина, что «побужденіе къ преобразованію государства» истекало вполнѣ изъ даннаго положенія государства и общества»,—это было доказано выше многочисленными фактами. Что же касается «средствъ для достиженія цѣли» Тайнаго Общества, то, конечно, примѣры цареубійства декабристы могли находить въ русской исторіи, но для обширнаго военнаго возстанія образцами могли служить гораздо скорѣе именно западно-европейскія событія, чѣмъ возстаніе стрѣльцовъ, пугачевщина и нѣкоторые наши дворцовые перевороты.

Нельзя отрицать, конечно, въ извѣстной степени, вліянія на декабристовъ и русскихъ историческихъ примѣровъ. Такъ, напримѣръ, Завалишинъ говоритъ, что нѣкоторые «мечтали о возстановленіи вѣча, находя подобіе его... отчасти въ мірскихъ сходкахъ...» Дѣйствительно, Рылѣевъ бесѣдовалъ съ Батеньковымъ о древнемъ своеобразномъ государственномъ строѣ Россіи и увѣрялъ его, что народъ въ массѣ не измѣнился, готовъ возстановить свои «древніе обычаи», и что стоитъ повѣсить вѣчевой колоколъ, какъ народъ сброситъ «чужеземное». Батеньковъ возражалъ, что горсть солдатъ можетъ «все разрушить», и «возстановленный Новгородъ» признаетъ княземъ «перваго честолюбца, который къ нему явится». Рылѣевъ не только вспоминалъ о Новгородѣ въ неоконченныхъ думахъ «Ва-

---

[1]) Н. П. Сильванскій. „Матеріалисты двадцатыхъ годовъ". Былое" 1907 г. № 7, стр. 116.

ДимЪ» и «Марѳа Посадница», но даже въ «Посланіи къ друзьямъ» изъ крѣпости восклицалъ:

„Пора, друзья, пора воззвать
Изъ мрака въ вѣкъ прошедшей славы,
Народовъ древнихъ вспомнить нравы
И тѣ священны времена,
Когда гремѣло наше Вѣче
И сокрушало издалече
Царямъ кичливымъ рамена» [1]).

Завалишинъ утверждаетъ также, «что на Дону въ тайныхъ обществахъ, оставшихся однако же неизвѣстными правительству, мечтали о возобновленіи казачьяго самоуправленія и вольности посредствомъ возстановленія войсковыхъ круговъ». Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ ссылается на «показаніе» Корниловича, вѣроятно, личное его сообщеніе, такъ какъ въ дѣлѣ этого послѣдняго нѣтъ ничего подобнаго. Корниловичъ былъ знакомъ съ историкомъ донского казачьяго войска Сухоруковымъ, но Сухоруковъ сказалъ А. Бестужеву, что о народномъ правленіи на Дону «и думать нечего, ибо казаки привержены къ царю и никакъ не могутъ вообразить иного порядка» [2]).

Каховскій, въ письмѣ изъ крѣпости, утверждая, что мы не можемъ жить, подобно нашимъ предкамъ, ни варварами, ни рабами, прибавляетъ: «но и предки наши, менѣе насъ просвѣщенные, пользовались большей свободой гражданственности. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ еще существовали въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ великіе соборы, въ которыхъ участвовали различныя сословія государства... Петромъ I-мъ, убившимъ въ отечествѣ все національное, убита и слабая свобода наша». Такимъ образомъ о земскихъ соборахъ вспоминали нѣкоторые декабристы, но не для того, чтобы возстановлять ихъ въ прежнемъ видѣ [3]).

А. А. Бестужевъ упоминаетъ, хотя и не совсѣмъ точно, о томъ, какъ имп. Анна, «опершись на желаніе народа, изорвала свое обязательство». Извѣстно, что мнѣнія «народа» при этомъ не спрашивали, но слова Бестужева заставляютъ думать, что въ бесѣдахъ декабристовъ упоминалось о попыткѣ ограничить самодержавіе при вступленіи Анны Іоанновны, въ видѣ аргумента относительно возможности государственнаго переворота. Вслѣдъ затѣмъ Бестужевъ напоминаетъ, что Екатерина II «повела гвардію и толпу»,

---

[1]) В. К. Кюхельбекеръ въ 1821 г. въ Парижѣ читалъ публичныя лекціи о славянскомъ языкѣ и литературѣ славянъ. Послѣ одной изъ нихъ, въ которой онъ говорилъ о вліяніи на древнюю русскую словесность вольнаго Новгорода и его вѣча, онъ получилъ чрезъ посольство приказаніе прекратить чтеніе лекцій и вернуться въ Россію. „Русск. Старина" 1875 г. т. XIII, 342.

[2]) В. Богучарскій. „Изъ прошлаго русскаго общества". Спб. 1904 г., стр. 105—106, 115.

[3]) Ср. позднѣйшія указанія на земскіе соборы Лунина въ «Разборѣ донесенія слѣдственной комиссіи» и въ „Обозрѣніи" М. А. Фонъ-Визина.

провозгласившую ее императрицею, противъ Петра III, и спрашиваетъ: «Неужели же право бываетъ только на сторонѣ удачи?» Напротивъ, Завалишинъ въ своихъ запискахъ гораздо правильнѣе отмѣчаетъ безучастіе народа въ нашихъ дворцовыхъ революціяхъ XVIII в. Онъ говоритъ, что когда Тайное Общество изслѣдовало «происхожденіе разныхъ правительствъ въ Россіи, оно видѣло цѣлый рядъ революцій, и притомъ при полномъ безучастіи народа, и совершаемыхъ большею частью военною силою, какъ было при возведеніи на престолъ Екатерины I, при сверженіи Бирона, регентши (Анны Леопольдовны) и Петра III. Всѣ эти примѣры показывали, что вся Россія повиновалась тому, что совершала военная сила въ Петербургѣ и признавала это законнымъ» [1]). Но Завалишинъ забываетъ, что въ планы тайныхъ обществъ входило возстаніе не однихъ только петербургскихъ войскъ, а и южной арміи, слѣдовательно аналогія съ только что упомянутыми имъ дворцовыми переворотами XVIII в. исчезаетъ, тѣмъ болѣе, что декабристы стремились не къ смѣнѣ лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія, а къ измѣненію всего государственнаго устройства. Завалишинъ утверждаетъ, что для членовъ Тайнаго Общества рѣшающимъ доказательствомъ дозволительности насильственнаго переворота служилъ примѣръ Екатерины II, «не отступавшей и отъ крайнихъ средствъ». Отраженіе ссылокъ на дворцовые перевороты XVIII в. съ этой точки зрѣнія мы дѣйствительно находимъ въ письмѣ А. А. Бестужева къ имп. Николаю [2]).

Завалишинъ утверждаетъ, что «около 1812 г... толковали... о законно признанномъ общемъ собраніи, хотя вродѣ комиссіи составленія законовъ, бывшей при Екатеринѣ II. Онъ увѣряетъ также, что «въ 1825 г. многіе (?) изъ депутатовъ, участвовавшихъ въ этомъ собраніи, были еще живы», хотя это совершенно невѣроятно, такъ какъ, со времени распущенія большой законодательной комиссіи прошло 66 лѣтъ и 60 лѣтъ со времени распущенія частныхъ комиссій, (можетъ быть, онъ разумѣлъ канцеляріи частныхъ комиссій, работавшія до 1796 г. [3]). Отраженіе толковъ о законодательной комиссіи можно встрѣтить и въ историческомъ очеркѣ М. А. Фонъ-Визина, написанномъ уже въ Сибири, причемъ онъ

---

[1]) Завалишинъ еще до ареста читалъ запрещенное въ Россіи сочиненіе Rulhière'a «Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762» P. 1797.

[2]) О переворотѣ, совершенномъ въ 1762 г. Екатериной II, и объ убіеніи Павла упоминается и въ пѣснѣ „Ахъ, гдѣ тѣ острова“, сочиненной ради пропаганды Рылѣевымъ и А. Бестужевымъ. Есть свидѣтельство въ показаніи кн. Оболенскаго, что авторами подобныхъ пѣсенъ являлись даже не только эти два лица, а цѣлая компанія, причемъ каждый куплетъ сочиняло отдѣльное лицо.

[3]) Лаппо-Данилевскій, „Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ цар. Екатерины II“. Жур. Мин. Нар. Просв. 1897 г. № 3, стр. 161—164.

сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ней, основанныя лишь на преданіи, какъ напримѣръ, о возбужденіи вопроса относительно того, будетъ ли верховная власть послѣ изданія новаго уложенія измѣнять его именными указами.

Введеніе, составленное Д. И. Фонъ-Визинымъ къ проекту государственнаго преобразованія Никиты Ив. Панина было не только вполнѣ извѣстно декабристамъ чрезъ племянниковъ знаменитаго драматурга Михаила и Ивана Александр. Фонъ-Визиныхъ, но даже служило (въ рукописномъ видѣ) однимъ изъ средствъ пропаганды либеральныхъ идей.

По свидѣтельству Завалишина, «стали припоминать о слухахъ, носившихся при началѣ царствованія» (Александра I) о положительныхъ обѣщаніяхъ, будто бы данныхъ при восшествіи на престолъ, но не исполненныхъ и повлекшихъ, будто бы, необнаруженный однако же заговоръ для понужденія къ исполненію. Завалишинъ говоритъ, что о существованіи этого заговора подробныя свѣдѣнія сообщилъ ему Вл. Льв. Толстой. М. А. Фонъ-Визинъ сообщаетъ преданіе, будто Панинъ, Паленъ и др. вожди заговора хотѣли заставить Александра I въ моментъ восшествія на престолъ принять актъ, ограничивающій самодержавіе, и что Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка, которому было извѣстно это намѣреніе, убѣдилъ Александра не соглашаться на требованіе заговорщиковъ. Кн. П. В. Долгоруковъ въ своей книгѣ «La verité sur la Russie» сообщаетъ подобный же разсказъ, приписывая только требованіе сохраненія самодержавія не одному только Талызину, но также ген.-ад. Уварову и адъют. Александра, кн. П. М. Волконскому [1]).

Нѣкоторымъ, повидимому, былъ извѣстенъ, хотя въ общихъ чертахъ, и планъ государственнаго преобразованія Сперанскаго. По словамъ Завалишина, они ссылались на «его попытки... въ подкрѣпленіе своихъ замысловъ» [2]). Очень важно, что среди бумагъ Н. И. Тургенева сохранилась не только копія проекта Сперанскаго 1809 г., но и два экземпляра его перваго политическаго трактата 1802 г., проникнутаго еще англоманскими стремленіями, съ собственноручными поправками Сперанскаго [3]). Предположеніе, что что Сперанскій сообщилъ самъ эти записки Тургеневу, а также и свой проектъ 1809 г. весьма мало вѣроятно, какъ въ виду крайней

[1]) На это намекаетъ и Лунинъ въ разборѣ донесенія слѣдственной комиссіи. Упомянувъ о конституціонныхъ планахъ Н. П. Панина при восшествіи Александра I, онъ прибавляетъ: „изъ заговорщиковъ желавшіе только перемѣны государя были награждены, искавшіе прочнаго устройства отдалены навѣкъ."

[2]) Ссылка Сперанскаго была одною изъ причинъ общественнаго недовольства. См. позднѣйшее письмо В. Ѳ. Раевскаго, члена Тайнаго Общества. «Рус. Стар.» 1902 г., № 3, стр. 601.

[3]) См. изложеніе проекта Сперанскаго 1802 г. въ моей статьѣ въ „Русскомъ Богатствѣ" 1907 г. № 1.

осторожности Сперанскаго послѣ ссылки, такъ и потому, что Тургеневъ вовсе не былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Извѣстно, что декабристы хотѣли сдѣлать Сперанскаго и Мордвинова членами временнаго верховнаго правленія [1]), и нѣкоторые изъ нихъ бывали въ домахъ и того, и другого, но, какъ мы увидимъ далѣе, нѣтъ основаній утверждать, что эти сановники дали свое согласіе на участіе во временномъ верховномъ правленіи. Приходится поэтому предполагать, что копію съ проекта Сперанскаго 1809 г. и записку 1802 г. съ его собственноручными поправками удалось достать безъ вѣдома Сперанскаго, въ противномъ случаѣ Тургеневъ не скрылъ бы этого въ своей книгѣ «La Russie et les Russes», изданной уже по смерти Сперанскаго, какъ не скрылъ своихъ отношеній къ Мордвинову.

Въ своемъ показаніи бар. Штейнгель высказываетъ мысль, что въ царствованіе Александра I правительство, со времени утвержденія министерствъ, «вообще дѣйствовало въ томъ духѣ, чтобы... пріуготовить Россію къ принятію конституціонныхъ началъ». Въ числѣ фактовъ, подтверждающихъ его мнѣніе, онъ указываетъ на «дарованіе» (т. е. сохраненіе) конституціоннаго строя въ Финляндіи и Польшѣ. О финляндской конституціи не вспомнили другіе декабристы [2]), но дарованіе конституціи Польшѣ имѣло гораздо большее вліяніе.

Польская конституціонная хартія и рѣчь государя на первомъ сеймѣ Царства Польскаго въ 1818 г. были крупными козырями въ рукахъ декабристовъ во время слѣдствія: въ своихъ показаніяхъ они ссылались на то и другое, во первыхъ, какъ на одинъ изъ источниковъ ихъ либеральнаго образа мыслей, а во вторыхъ, какъ на оправданіе стремленій къ государственнымъ преобразованіямъ. Многіе изъ декабристовъ воспользовались этимъ аргументомъ. Кн. С. П. Трубецкой, перечисляя въ своемъ показаніи «происшествія», вызвавшія въ немъ свободный образъ мыслей, упоминаетъ о даро-

[1]) Напротивъ, къ политическому противнику Сперанскаго, Карамзину, т. е. къ его политическимъ мнѣніямъ, декабристы относились отрицательно: извѣстны въ этомъ отношеніи мнѣнія Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьева (его разборъ введенія къ „Исторіи Государства Россійскаго") и Каховскаго.

[2]) Только Бестужевъ-Рюминъ отъ кого то слышалъ о негодованіи противъ русскаго правительства въ Финляндіи. Серьезнымъ основаніемъ для такого недовольства могло быть то, что сеймъ ни разу не былъ созванъ съ 1809 г., что признанная шведскою конституціею свобода печати была нарушена запрещеніемъ одной газеты въ 1821 г., что назначались нѣкоторые военные и гражданскіе чиновники изъ русскихъ, что вопросъ о крестьянахъ, пожалованныхъ русскимъ правительствомъ въ старой Финляндіи, не получилъ удовлетворительнаго рѣшенія, что три профессора абосскаго университета были удалены. Противозаконныя притязанія генералъ-губернатора Финляндіи Закревскаго вызвали даже въ 1825 г. жалобу финляндскаго сената имп. Александру I. Schybergson. Geschichte Finlands, Gotha, 1896, s. 557, 563, 567—573.

ваніи конституціи Царству Польскому и о первой рѣчи государя на сеймѣ въ Варшавѣ, на основаніи которой «вообще полагали», что онъ «намѣренъ привести Россію въ таковое же состояніе». По словамъ оберъ-прокурора сената Краснокутскаго, созваніе варшавскаго сейма возбудило въ немъ первую мысль о представительномъ правленіи. В. Ѳ. Раевскій, оправдываясь въ военносудной коммиссіи въ обвиненіи, что онъ считалъ конституціонное правленіе «лучшимъ», ссылался на то, что имп. Александръ «не далъ бы худшаго правленія народу, въ коемъ существовали уже гражданскія постановленія,.. не сказалъ бы, даруя конституцію Царству Польскому, что онъ приготовляетъ таковую же для своего народа».

Вмѣстѣ съ тѣмъ дарованіе конституціи Польшѣ раздражало русскую интеллигенцію, потому что такимъ образомъ этой странѣ оказывалось предпочтеніе предъ Россіею: по словамъ М. А. Фонъ-Визина, Александръ I «присоединенной Польшѣ даровалъ конституціонныя установленія, которыхъ Россію почиталъ недостойною». По словамъ А. Поджіо, къ дарованію конституціи Польшѣ отнеслись «не безъ ревности», а въ рѣчи государя на сеймѣ, по мнѣнію этого декабриста, есть выраженія, «оскорбительныя для духа народнаго нашего» [1]). В. Ѳ. Раевскій выразилъ въ своихъ набросках недовольство тѣмъ, что государь «медлитъ» исполнить свое обѣщаніе о дарованіи Россіи конституціи по примѣру Царства Польскаго. Завалишинъ такъ характеризуетъ отношенія Тайнаго Общества къ сохраненію конституціи въ Польшѣ: «стремленіе къ контитуціи дѣлалось вдвойнѣ законнымъ и по признанію превосходства этой формы самимъ правительствомъ, и потому, что вѣдь нельзя же было отказывать. Россіи въ томъ, что было даровано Польшѣ. Вотъ почему люди, стремившіеся къ конституціи, и считали за собою неотъемлемое право, котораго уже никакое послѣдующее... дѣйствіе правительства не могло нравственно-законно ни уничтожить, ни измѣнить по своимъ прихоти и произволу. Поэтому они имѣли полное право, особенно вначалѣ, думать, что они вовсе не идутъ противъ правительства». Вмѣстѣ съ тѣмъ Завалишинъ, подобно Поджіо, отмѣчаетъ и чувства обиды, что «побѣжденной и завоеванной Польшѣ» дана конституція прежде, нежели ее получила ея побѣдительница Россія, но также высказываетъ вѣрную мысль, приходившую въ голову, какъ мы увидимъ, и русскимъ наблюдателямъ въ самой Варшавѣ, что пока «абсолютизмъ существовалъ» въ Россіи, «всѣ права въ Польшѣ были только мнимыми», такъ какъ не имѣли «никакой существенной гарантіи». Правда въ трактатѣ 21 апр. 1815 г. между Россіею, Австріею и Пруссіею, по которому большая часть Варшавскаго герцогства была присо-

---

[1]) Мы увидимъ ниже, что это замѣчаніе основывалось на недоразумѣніи, вызванномъ неудачнымъ переводомъ одного мѣста рѣчи государя.

единена къ Россіи, было сказано, что оно будетъ въ неразрывной связи съ Россіею «въ силу своей конституціи», но ни австрійское, ни прусское правительства, не сочувствовавшія польской конституціи 1815 г., не стали бы отстаивать ея сохраненія, какъ это и оказалось послѣ польскаго возстанія 1830—1831 г.

Какъ бы то ни было, рѣчь имп. Александра на первомъ сеймѣ Царства Польскаго произвела огромное впечатлѣніе въ Россіи. Въ виду этого мы считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ эпизодѣ нѣсколько подробнѣе.

Предъ отправленіемъ въ Варшаву для открытія перваго сейма государь объявилъ мин. иностр. дѣлъ гр. Каподистріи, котораго онъ бралъ съ собою, что поручаетъ ему составить тронную рѣчь, и при этомъ изложилъ свои мысли, позволивъ ихъ оспаривать. Каподистрія нашелъ неудобными два пункта: 1) сравненіе между Польшею и Россіею и 2) обѣщаніе присоединить къ Польшѣ провинціи, уже вошедшія въ составъ русской имперіи. Государю не понравились эти замѣчанія [1]), но онъ отложилъ окончательный разговоръ до пріѣзда въ Варшаву. Лишь за два дня до открытія сейма Александръ I прочелъ написанную имъ рѣчь Каподистріи и предоставилъ ему сдѣлать только поправки въ слогѣ. Исполнивъ это, Каподистрія составилъ вмѣстѣ съ тѣмъ другой проектъ рѣчи, который, по его мнѣнію, не произвелъ бы неблагопріятнаго впечатлѣнія на русское общество. Когда, на другой день, онъ представилъ свою работу, государь остался очень недоволенъ его настойчивостью и сказалъ, что предпочитаетъ свою редакцію. Каподистрія убѣдилъ императора выслушать его еще разъ, и онъ обѣщалъ подумать. Чрезъ нѣкоторое время онъ вручилъ Каподистріи то, что назвалъ своимъ ультиматумомъ, въ которомъ нѣкоторыя мѣста рѣчи были замѣнены другими, заимствованными изъ проекта Каподистріи, но сущность осталась та же.

15/27 марта 1818 г. сеймъ былъ открытъ рѣчью, произнесенною государемъ на французскомъ языкѣ, а министръ-секретарь царства прочиталъ ея польскій переводъ [2]).

Приведемъ наиболѣе важныя мѣста этой рѣчи:

«Образованіе (organisation), существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволило мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ [3]),

---

[1]) Александръ I сказалъ въ 1817 г. М. Ѳ. Орлову, что „раздѣленіе (т. е. раздѣлы) Польши противно чести и выгодамъ Россіи“. Показаніе Орлова. Госуд. Арх. B, № 83, л. 22.

[2]) Русскій переводъ ея былъ сдѣланъ кн. П. А. Вяземскимъ, служившимъ тогда въ канцеляріи коммиссара русскаго правительства въ Варшавѣ, Новосильцева. Переводомъ этимъ государь остался вполнѣ доволенъ и лично благодарилъ за него Вяземскаго. Цитируемъ по оффиціальному переводу Вяземскаго, дополняя его словами французскаго подлинника тамъ, гдѣ переводъ можетъ вызвать недоразумѣніе.

[3]) Неудачный переводъ термина „organisation“ словомъ „образованіе“

руководствуясь правилами законносвободныхъ учрежденій (institutions libérales), бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе, надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости. Поляки!.. Возстановленіе ваше опредѣлено торжественными договорами. Оно освящено законоположительною хартіею... Представители Царства Польскаго!.. Вы призваны дать великій примѣръ Европѣ, устремляющей на васъ свои взоры. Докажите вашимъ современникамъ, что законносвободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ теченіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественнаго устройства, не суть мечта опасная, но что, напротивъ таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ для достиженія полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ, и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благосостояніе народа... Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи покажутъ мнѣ, чего отечество должно впредь ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности вашей ко мнѣ; покажутъ мнѣ, могу ли, не измѣняя своимъ намѣреніямъ, распространить то, что уже мною для васъ совершено» [1]).

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ издѣвался надъ церемоніею открытія сейма, какъ прежде издѣвался надъ польской конституціей. Сообщая своему довѣренному лицу, Сипягину, объ открытіи сейма, онъ писалъ: «Посылаю вамъ экземпляръ программы, бывшей здѣсь 15/27 числа въ замкѣ пьесы «Гратисъ», на которой я фигурировалъ въ толпѣ народа, играя роль прагскаго депутата по избраніи меня въ оные обывателями варшавскаго предмѣстья Праги. Пьеса сія похожа на нѣкоторую русскую комедію, когда чихнетъ кто спереди, то наши братья депутаты всею толпою отвѣшиваютъ поклоны» [2]). А. П. Ермоловъ благодарилъ Закревскаго за присланную имъ «прекрасную рѣчь» государя. «Счастливы поляки толикимъ о нихъ попеченіемъ», прибавляетъ онъ; что же касается предположенія государя относительно дарованія

было понято въ Россіи такъ, что недостатокъ образованности въ Россіи мѣшаетъ ей дать конституцію. (См. выше замѣчаніе А. Поджіо).

[1]) Русскій переводъ, сдѣланный кн. Вяземскимъ, былъ напечатанъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1818 г., № 26 и въ „Духѣ Журналовъ“. Русскіе могли видѣть въ этой рѣчи обѣщаніе распространить конституціонный строй на всю Россію, а поляки — присоединить Литву къ Королевству Польскому. Askenazy, Rosya—Polska. 1815—1830. Lwów, 1907, 86.

[2]) Нужно замѣтить, впрочемъ, что позднѣе въ засѣданіи сейма 25 апрѣля (н. ст.) 1818 г. цесар. Константинъ Павловичъ проявилъ свое участіе въ его трудахъ подачею петиціи о скорѣйшей выдачѣ вознагражденія жителямъ Праги, дома которыхъ были уничтожены при постройкѣ укрѣпленій въ этомъ предмѣстьѣ. Siarczynski, Diète du royaume de Pologne, p. 241—246.

въ будущемъ конституціи Россіи, то къ этому Ермоловъ отнесся весьма скептически: «я думаю», писалъ онъ, «... все останется при однихъ обѣщаніяхъ всеобъемлющей перемѣны [1]).

Правительственные проекты были приняты сеймомъ, кромѣ проекта закона о бракѣ и разводѣ [2]). Правда, обѣ палаты сейма по поводу отчета государственнаго совѣта сдѣлали весьма серьезныя замѣчанія относительно нѣкоторыхъ нарушеній правительствомъ конституціи [3]), но эти замѣчанія тогда еще не были извѣстны имп. Александру, и онъ остался очень доволенъ дѣятельностью сейма. Въ рѣчи при его закрытіи (15/27 апрѣля) онъ, между прочимъ, сказалъ:

«Вы оправдали мое ожиданіе. Сужденія этого перваго собранія, духъ, который имъ руководилъ, результаты его дѣятельности свидѣтельствуютъ о единодушной чистотѣ вашихъ намѣреній и вызываютъ мою похвалу... Изъ предложенныхъ вами проектовъ одинъ не получилъ одобреніе большинства голосовъ въ обѣихъ палатахъ" (т. е. былъ принятъ только одною изъ нихъ). Внутреннее убѣжденіе и прямодушіе руководили симъ рѣшеніемъ; мнѣ оно пріятно, потому что вижу въ немъ независимость вашихъ мнѣній. Свободно избранные

---

1) А. И. Чернышевъ, будущій членъ слѣдственной комиссіи надъ декабристами, писалъ 18 марта 1818 г. гр. Аракчееву изъ Варшавы: „Рѣчь государя императора, начертанная собственною его рукою, ...содержитъ столь лестныя надежды для поляковъ и въ послѣдствіяхъ столь важную перемѣну, могущую произойти въ управленіи Россіи, что не можетъ не произвесть величайшаго впечатлѣнія не только у насъ, но и во всей Европѣ, гдѣ, по настоящему положенію обстоятельствъ и по большей наклонности умовъ къ либеральнымъ установленіямъ, общее требованіе конституцій не могло еще получить окончательнаго дѣйствія". Дубровинъ. „Письма главн. дѣятелей въ царств. имп. Александра I", стр. 222. Реакціонныя правительства Франціи, Англіи и особенно Австріи остались крайне недовольны либеральною рѣчью имп. Александра. Bernhardi, Geschichte Russlands III, 673. Напротивъ, на вел. герцога Баденскаго, зятя Александра I, она оказала самое благотворное вліяніе и ускорила составленіе и обнародованіе конституціи въ Баденѣ. A. Stern. Geschichte Europas I, 386.

2) Этотъ проектъ министерства юстиціи предлагалъ признаніе дѣйствительности брака только въ силу священническаго благословенія и запрещеніе вторичныхъ браковъ католиковъ безъ разрѣшенія духовной власти при сохраненіи въ то же время юрисдикціи гражданскихъ судовъ въ дѣлахъ при разводахъ. Такое измѣненіе постановленія кодекса Наполеона, который дѣйствовалъ въ Польшѣ и который ввелъ въ ней гражданскій бракъ наравнѣ съ церковнымъ, было принято сенатомъ (большинствомъ 24 голосовъ противъ 9), но отвергнуто палатою пословъ и депутатовъ (большинствомъ 82 голосовъ противъ 36). Dyariusz seymu Królestwa Polskiego 1818, 87—108, 140—170; Siarczynski, Diète du royaume de Pologne 1818, p. 80—99, 107—130.

3) Rapport général du conseil d'état sur l'adminisration intérieure du Royaume de Pologne, lu en présence de Sa Majesté l'Empereur et roi à la seconde seance de la diète le 28 Mars 1818, suivi des observations faites sur ce rapport par les deux chambres (прилож. къ книгѣ Сіарчинскиго), p. 159—244; Dyariusz III, 37—47, 61—65.

должны и разсуждать свободно. Съ этою двойною свободою будетъ всегда связанъ истинный характеръ національнаго представительства, которое я желалъ собрать, чтобы при его посредствѣ слышать свободное и полное выраженіе общественнаго мнѣнія. Только собраніе, такимъ образомъ утвержденное (constituée), можетъ сохранить за правительствомъ увѣренность, что оно даруетъ народу законы, польза которыхъ подтверждается истинными его потребностями... Поляки! Я дорожу выполненіемъ моихъ намѣреній! Они вамъ извѣстны!» [1]).

Варшавскія рѣчи имп. Александра произвели въ Россіи глубокое впечатлѣніе. Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву въ апрѣлѣ 1818 г.: «Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые...» «Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ: спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать въ «Сынѣ Отечества» въ рѣчи Уварова. ...И смѣшно, и жалко... Пусть молодежь ярится: мы улыбаемся» [2]). Н. И. Тургеневъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ 18 марта 1818 г.: «Вчера получили здѣсь рѣчь, произнесенную государемъ въ Варшавѣ при открытіи засѣданія представителей народныхъ. Въ ней много прекраснаго и такого, чего мы не ожидали и что должно нравиться людямъ здравомыслящимъ... Что, если свобода придетъ въ Россію черезъ Польшу!»

Кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу изъ Варшавы во время сейма 3 апрѣля 1818 г.: «воля Николая Михайловича (Карамзина), а нельзя не пожелать, чтобы и на нашей улицѣ былъ праздникъ. Что за дѣло, что теперь еще мало людей... Общее мнѣніе не можетъ долго остаться криво: при первомъ случаѣ оно распрямится, вопреки коварнымъ умысламъ... «Умъ хорошо, а два лучше», говоритъ пословица; пусть будетъ она девизомъ конституціи...»

---

[1]) О первомъ сеймѣ Корол. Польскаго ср. Rembowski, Nasze poglady polityczne w roku 1818. (Konstytucya, Monarchizm, Sejm, Oppozycya). „Bibliotеka Warszawska“. 1897, t. III.

[2]) Рѣчь Уварова, попечителя петербургскаго учебнаго округа и президента Академіи Наукъ, въ главномъ педагогическомъ институтѣ, 22 марта 1818 г., о пользѣ изученія восточной словесности и всеобщей исторіи содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія мысли: „Мы по примѣру Европы начинаемъ помышлять о свободныхъ понятіяхъ“, но „политическія общества не скоро созрѣваютъ... Сколько неудачныхъ опытовъ прежде англійской конституціи! Политическая свобода не есть состояніе мечтательнаго благополучія, до котораго бы можно было достигнуть безъ трудовъ“. Однако, „желаніе продолжить одинъ изъ возрастовъ (государства) далѣе времени, назначеннаго природою, столь же суетно и безразсудно, какъ желаніе заключить возмужающаго юношу въ тѣсные предѣлы младенческой колыбели... То (правительство) премудро, которое... заранѣе открыло способности ума, предупредило опасности и заблужденія и, повинуясь закону необходимаго, возрастало и зрѣло вмѣстѣ съ народомъ“. („Рѣчь презид. имп. Академіи Наукъ“, Спб. 1818 г., стр. 39, 41, 52). Рѣчь Уварова была изложена въ „Сынѣ Отечества“ 1818 г., ч. 45, № XIII.

А. И. Тургеневъ писалъ Вяземскому: «Нельзя... русскому не пожалѣть, что между тѣмъ какъ поляки посылаютъ представителей, судятъ и отвергаютъ проекты законовъ, мы не имѣемъ права говорить о ненавистномъ рабствѣ крестьянъ, не смѣемъ показывать всю его мерзость и беззаконность». Несмотря на то, что рѣчь государя произвела на Вяземскаго очень сильное впечатлѣніе, все же у него не было вѣры въ искренность Александра I: «онъ говорилъ отъ души, или съ умысломъ дурачилъ свѣтъ», замѣчаетъ Вяземскій, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ: «можно будетъ и припомнить ему, если онъ забудетъ... Государева рѣчь обдала законоположительнымъ... паромъ православный народъ, и все заговорило языкомъ законносвободнымъ».

Гораздо болѣе скептически, чѣмъ Вяземскій, отнесся къ варшавской рѣчи Александра I Пушкинъ въ стихотвореніи «Сказки», или «Noël», написанномъ въ мартѣ 1818 г. въ подражаніе французскимъ поздравительнымъ пѣсенкамъ на Рождество и лишь въ нынѣшнемъ году появившемся въ русской незаграничной печати безъ всякихъ урѣзокъ.

Изъ письма Пушкина (1823 г.) можно заключить, что онъ считалъ это стихотвореніе однимъ изъ лучшихъ своихъ произведеній. Декабристъ Якушкинъ, встрѣтившись съ Пушкинымъ въ Каменкѣ, имѣніи Давыдовыхъ, прочелъ ему «Noël» наизусть и вызвалъ удивленіе поэта, что это стихотвореніе ему извѣстно [1]). Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ Якушкина также говорится о популярности Пушкинскаго «Noël», «который во время оно всѣ знали наизусть и распѣвали чуть не на улицѣ». И. И. Пущинъ также называетъ это произведеніе въ числѣ тѣхъ, которыя «тогда вездѣ ходили по рукамъ, переписывались, читались наизусть» [2]).

Ѳ. В. Растопчинъ, одинъ изъ самыхъ крайнихъ консерваторовъ, писалъ въ январѣ 1819 года изъ Парижа С. Р. Воронцову, приправляя свое посланіе желчными выходками и противъ либераловъ (а также и поляковъ), и противъ государя: «Пишутъ изъ Петербурга секретно, что рѣчи императора въ Варшавѣ разгорячили головы; молодые люди требуютъ у него конституціи. Все это кончится ссылкою дюжины болтуновъ». Затѣмъ, намекая на государя и на предстоящія мѣры относительно Россіи, Растопчинъ продолжаетъ: «Подъ конституціею разумѣютъ освобожденіе крестьянъ, которое противорѣчитъ желаніямъ дворянства [3]); но не захотятъ» (государь) «ограничить свою власть и подчинить себя

---

1) „Записки И. Д. Якушкина". М. 1905 г., стр. 50.

2) „Записки И. И. Пущина" въ книгѣ Л. Майкова „Пушкинъ". Спб., 1899 г., стр. 70. И самого Растопчина, который, какъ извѣстно, держался самыхъ крѣпостническихъ взглядовъ въ крестьянскомъ вопросѣ.

3) Арх. кн. Воронцова, VIII, 363, ср. осужденіе военныхъ поселеній въ письмѣ Растопчина отъ 9 іюня 1818 г. Ibid. 338.

господству правосудія и разума. Россія—быкъ, съ котораго сдираютъ кожу, котораго съѣдаютъ и изъ котораго дѣлаютъ плитки бульона».

Сперанскій въ письмѣ къ Столыпину изъ Пензы отъ 2 мая 1818 г. также высказалъ опасенія помѣщичьяго свойства:

„Вамъ безъ сомнѣнія извѣстны всѣ припадки страха и унынія коими поражены умы московскихъ жителей варшавской рѣчью. Припадки сіи, увеличенные разстояніемъ, проникли и сюда. И хотя теперь все еще здѣсь спокойно, но за спокойствіе сіе долго ручаться невозможно... Можно ли предполагать, чтобъ чувство столь заботливое и безпокойное, сохранилось въ тайнѣ въ одномъ кругу помѣщиковъ? Какъ же скоро оно примѣчено будетъ въ селеніяхъ (собы тіе весьма близкое), тогда родится или. лучше сказать, утвердится (ибо оно уже существуетъ). общее въ черномъ народѣ мнѣніе, что правительство не только хочетъ даровать свободу, *но что оно ее уже и даровало, и что одни только помѣщики не допускаютъ или таятъ ея провозглашеніе*[1]). Что за симъ слѣдуетъ, вообразить ужасно, но всякому понятно... Вы довольно меня знаете и повѣрите; что говорю не изъ трусости, хотя, правду сказать, отваживаю не менѣе другихъ, отваживая Хапеневку, т. е. 30 тыс. руб. доходу,—все, что имѣю и имѣть могу.

„Но какимъ образомъ, спросите вы, или, лучше сказать, спросятъ близорукіе наши либералисты, какимъ образомъ изъ двухъ или трехъ словъ варшавской рѣчи могутъ произойти столь огромныя и съ самымъ смысломъ сихъ словъ несообразныя послѣдствія?

...Если помѣщики, классъ людей безъ сомнѣнія просвѣщеннѣйшій, ничего болѣе въ сей рѣчи не видитъ, какъ свободу крестьянъ, то какъ можно требовать, чтобы народъ простой могъ что либо другое тутъ видѣть! Во всѣхъ государствахъ мало, а у насъ еще менѣе, людей, кои знаютъ различіе между свободою политическою и гражданскою. По всей вѣроятности смыслъ рѣчи относится прямо къ первой, вторая же *можетъ быть*, или по крайней мѣрѣ *должна быть* отдаленнымъ и постепеннымъ ея послѣдствіемъ. Но попытайтесь въ семъ увѣрить умы, давно уже опасеніями встревоженные или надеждами ослѣпленные“.

Но все же Сперанскій совѣтовалъ приступить къ подготовкѣ политическихъ реформъ въ Россіи. Для успокоенія умовъ онъ считалъ лучшимъ средствомъ учрежденіе комитета, который былъ бы гласно уполномоченъ заняться этимъ дѣломъ, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ Гурьева изъ двухъ-трехъ губернаторовъ (Сперанскій желалъ быть въ ихъ числѣ) и двухъ-трехъ губернскихъ предводителей дворянства. Разрѣшая показать Гурьеву его письмо, Сперанскій въ особомъ прибавленіи къ нему говоритъ: «Много можно сдѣлать добра, начавъ вещи не съ того конца, съ коего нынѣ по общимъ слухамъ онѣ начинаются. Кто мететъ лѣстницу снизу?» и далѣе продолжаетъ по-французски: «Очистите часть административную. Потомъ установите конституціонные законы (les lois constitutionnelles), т. е. *свободу полити-*

---

[1]) Курсивъ подлинника.

ческую и затѣмъ постепенно вы придете къ вопросу о *свободѣ гражданской*, т. е. къ свободѣ крестьянъ. Вотъ истинный ходъ дѣла. Въ семъ порядкѣ послѣдній вопросъ едва ли въ десять или въ двадцать лѣтъ приспѣетъ къ разрѣшенію... Впрочемъ, не должно заблуждаться: работы сіи можно затянуть, проволочить, но отложить вовсе невозможно» [1]).

Въ Петербургѣ также многіе дворяне поняли рѣчь государя въ смыслѣ его желанія уничтожить крѣпостное право. Н. И. Тургеневъ писалъ 2 апрѣля 1818 г. брату Сергѣю: «Англійскіе клубисты толкуютъ рѣчь по своему. «Добираются до васъ», говорятъ они, а я имъ отвѣчаю: «Къ несчастью, врядъ ли доберутся!» Можно по крайней мѣрѣ надѣяться, что свободнѣе можно будетъ объ этомъ (т. е. объ уничтоженіи крѣпостного права) писать... къ тому же и хамство не будетъ такъ возставать на либеральныя идеи, по разсчетамъ не убѣжденія, а подлости...» Въ отличіе отъ Сперанскаго, Тургеневъ на первое мѣсто въ это время ставитъ уничтоженіе крѣпостного права. «У насъ есть рабство», продолжаетъ онъ, которое не должно и слѣдовъ даже оставить, прежде нежели народъ россійскій получитъ свободу политическую: сперва всѣ должны быть равны въ правахъ человѣческихъ. Это равенство важнѣе и существеннѣе всякаго другого. То-то теперь распишутся Comte, Dunoyer и другіе ваши, такъ называемые, независимые! И нѣмцевъ эта вѣсть порадуетъ, въ особенности пруссаковъ».

Н. И. Тургеневъ въ это время не былъ еще членомъ Тайнаго Общества; посмотримъ, какъ повліяла варшавская рѣчь на тѣхъ, кто уже вступилъ въ него.

Н. М. Муравьевъ говоритъ, что былъ «утвержденъ» въ сочувствіи «представительному правленію» рѣчью государя къ сейму Царства Польскаго. Это былъ, конечно, лишь оправдательный пріемъ передъ слѣдственной коммиссіей, такъ какъ сочувствіе политическимъ реформамъ сказывалось еще въ Союзѣ Спасенія, однимъ изъ основателей котораго (ранѣе варшавскаго сейма) былъ Н. М. Муравьевъ. Другой членъ-основатель Союза Спасенія, князь Трубецкой, прямо связываетъ стремленіе Союза Благоденствія, учрежденнаго въ 1818 г., къ конституціонному строю и пропаганду либеральныхъ идей съ польскою конституціей и рѣчью государя въ Варшавѣ на первомъ сеймѣ. Къ числу членовъ Союза Спасенія принадлежалъ и Лунинъ. Онъ былъ настолько образованъ, настолько проникнутъ любовью къ свободѣ, что рѣчь Александра I уже не могла содѣйствовать развитію его политическаго міросозерцанія. Но онъ имѣлъ полное право сказать въ своемъ позднѣйшемъ разборѣ донесенія слѣдственной коммиссіи: «Право (Тайнаго) Союза» (въ его стремленіяхъ къ введенію кон-

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1869 г., стр. 1697—1704.

ституціоннаго правленія) «опиралось» (кромѣ потребностей въ немъ общества) «на обѣтахъ власти, которой гласное выраженіе имѣетъ силу закона въ самодержавномъ правленіи». Приведя слова имп. Александра изъ рѣчи на варшавскомъ сеймѣ, Лунинъ продолжаетъ: «Это изреченіе главы націи, провозглашенное предъ лицомъ всей Европы, придаетъ законность трудамъ Тайнаго Общества и утверждаетъ его права на незыблемомъ основаніи. Оно предупредило только государя въ его великодушныхъ намѣреніяхъ, взявъ на себя инициативу соціальнаго прогресса; впослѣдствіи оно содѣйствовало ихъ осуществленію, вызывая полезныя измѣненія въ законахъ, понятіяхъ, обычаяхъ и нравахъ». Въ своей статьѣ «Взглядъ на Тайное Общество въ Россіи», Лунинъ высказываетъ даже слѣдующую мысль: «Нравственный толчекъ отъ распространенныхъ имъ идей былъ такъ силенъ, что имп. Александръ счелъ нужнымъ обѣщать, что даруетъ конституцію русскимъ, какъ скоро они будутъ въ состояніи оцѣнить ея пользу». Тутъ есть значительное преувеличеніе. До 1818 г. существовалъ только Союзъ Спасенія, весьма немногочисленный и недостаточно вліятельный, чтобы быть причиною обѣщанія имп. Александра относительно Россіи въ его варшавской рѣчи. «Тайное Общество», говоритъ далѣе Лунинъ, «встрѣтило такое обѣщаніе съ любовью и довѣріемъ, которыхъ заслуживалъ высокій санъ обѣщавшаго. Это былъ политическій залогъ; освѣщая цѣли общества, онъ придалъ ему новое рвеніе. Оно собрало и устремило всѣ силы, чтобы данное обѣщаніе сдѣлать независимымъ отъ временной воли лица и научило націю понять, оцѣнить благо свободы» и быть ея достойною. «Важность его подвига такова, что стремленія общества, даже по его прекращеніи, встрѣчаются въ каждой правительственной мѣрѣ, внутри каждаго замѣтнаго событія послѣднихъ лѣтъ». Дѣйствительно мы видѣли, что послѣ своего ареста, члены Тайнаго Общества сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы въ своихъ показаніяхъ объяснить настоятельныя нужды Россіи имп. Николаю, котораго Александръ I такъ мало подготовилъ къ тому, чтобы достойно исполнять обязанности главы государства; нѣкоторые декабристы (Штейнгель, Н. Тургеневъ) ранѣе въ запискахъ по отдѣльнымъ вопросамъ пытались научить Александра I тому, что слѣдуетъ дѣлать. Не вина декабристовъ, если онъ не слѣдовалъ ихъ совѣтамъ.

Пестель воспользовался рѣчью Александра I въ цѣляхъ пропаганды: онъ увѣрялъ, что «воля монарха» стремится къ развитію конституціонныхъ идей въ русскомъ юношествѣ и въ войскахъ и указывалъ на рѣчь въ Варшавѣ, «которую надобно намъ самимъ стараться постигнуть и усовершать до времени тайно, чтобы сдѣлаться достойными къ принятію и къ разумѣнію приготовляемаго новаго правительствованія». Въ этой неуклюжей передачѣ членомъ Союза Благоденствія Комаровымъ словъ Пестеля все

же ясно его желаніе связать свою пропаганду съ рѣчью имп. Александра. Какое сильное вліяніе могла она оказывать на умы молодыхъ людей, видно изъ свидѣтельства кн. С. Г. Волконскаго, нѣсколько позднѣе сдѣлавшагося членомъ Тайнаго Общества. Когда во время стоянки въ Сумахъ до него дошла варшавская рѣчь Александра I, «слова его о намѣреніи распространить и въ Россіи вводимый имъ конституціонный порядокъ управленія», говоритъ Волконскій, «сильное произвели впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ... по желанію моему, чтобъ отечество выдвинулось изъ грязной колеи внутренняго своего быта. Съ этой поры моей жизни думы мои приняли другое направленіе». Нужно замѣтить, впрочемъ, что пребываніе кн. Волконскаго за границею, какъ мы видѣли, хорошо подготовило его къ воспріятію конституціонныхъ идей. Любопытно, что даже М. Ѳ. Орловъ, несочувственно отнесшійся къ сохраненію въ Польшѣ конституціоннаго строя, котораго не имѣла Россія, еще до вступленія своего въ Союзъ Благоденствія, горячо одобрялъ рѣчь Александра I. «Во время моего пребыванія въ Кіевѣ начальникомъ штаба 4-го корпуса», говоритъ онъ въ своемъ обширномъ показаніи, «я болѣе, нежели когда-нибудь, былъ приверженъ свободнымъ мыслямъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь покойнаго государя на первомъ сеймѣ польскомъ, возбудила во мнѣ рвеніе и упованіе. Я тогда въ полномъ смыслѣ слѣдовалъ правилу его императорскаго величества: ненавидѣлъ преступленія и любилъ правила французской революціи. Сей духъ свободомыслія, управляющій всею моею перепискою и всѣми моими рѣчами, поддерживалъ довѣренность общества, которому я еще не принадлежалъ». Нужно замѣтить, что нѣкоторые офицеры могли лично присутствовать при произнесеніи Александромъ I рѣчи въ Варшавѣ въ 1818 г., а также и на засѣданіяхъ сейма. Къ числу ихъ принадлежалъ декабристъ Лореръ, имѣвшій знакомыхъ и среди членовъ сейма. Описавъ въ своихъ запискахъ торжественное открытіе сейма, Лореръ, у котораго рѣчь Александра I вызвала слезы на глазахъ, продолжаетъ: «Многіе изъ моихъ знакомыхъ и товарищей принимали участіе въ преніяхъ, и я помню, въ особенности отличавшагося своимъ краснорѣчіемъ... Нѣмоевскаго. Всѣ пренія и рѣчи печатались ежедневно, трактиры наполнены были любопытными, мѣшавшимися съ депутатами всѣхъ уѣздовъ, и всякій хотѣлъ помѣстить и свое словцо въ пользу согражданъ».

Варшавская рѣчь имп. Александра при открытіи польскаго сейма отразилась и на нашей печати, такъ какъ дала возможность затрогивать вопросъ о конституціи. Въ «Вѣстникѣ Европы» (1818 г. ч. 99, стр. 166) были приведены восторженные отзывы объ этой рѣчи одной баварской газеты и брюссельской газеты «Le Vrai Liberal»; въ этой послѣдней было сказано: «Превосходная рѣчь имп. Александра... возбуждаетъ движеніе гнѣва въ ненавистникахъ

просвѣщенія и благородства душевнаго: они трепещутъ при одной мысли о томъ, что обладатель 50 милліоновъ съ высоты престола своего вѣщаетъ о *законносвободныхъ мысляхъ и уставахъ*, какъ объ основаніи главныхъ законовъ государства. Можно надѣяться, что примѣру сему будутъ слѣдовать и въ Германіи, гдѣ народъ уже довольно созрѣлъ для подобныхъ уставовъ». «Сынъ Отечества», издаваемый Н. Гречемъ, напечаталъ статью проф. Куницына «О конституціи». Указавъ на попытку французовъ установить у себя во время революціи республиканскій строй, авторъ утверждаетъ, что «нынѣшнимъ народамъ потребенъ другой родъ свободы», нежели тотъ, какой существовалъ въ Греціи и Римѣ; «жители нынѣшнихъ государствъ, не желая быть сами законодателями, хотятъ только имѣть при лицѣ» государя «представителей», которые «извѣщали» бы его «о нуждахъ общественныхъ» и просили о принятіи мѣръ противъ существующихъ въ обществѣ золъ. Принижая такимъ образомъ значеніе парламента до роли земскаго собора, или даже какого-то коллективнаго челобитчика, Куницынъ задавался главнымъ образомъ цѣлью успокоить «опасенія», внушаемыя конституціоннымъ строемъ. Указавъ затѣмъ на конституціонную хартію Людовика XVIII, Куницынъ увѣряетъ, что прошли тѣ времена, когда цари хотѣли царствовать только для себя самихъ». Далѣе онъ приводитъ то мѣсто рѣчи Александра I въ Варшавѣ, гдѣ онъ указывалъ на безопасность и полезность конституціоннаго строя и, утверждая, будто бы «истина проповѣдуется устами владыкъ міра», пытается (хотя посредствомъ латинской цитаты) возбудить въ читателяхъ бодрость и надежду [1]).

Въ томъ же году Куницынъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» подробный разборъ рѣчи Уварова въ Педагогическомъ институтѣ. Приведя мысль оратора, что «республиканское правленіе занимаетъ въ исторіи то самое мѣсто, которое занимаютъ въ жизни прекрасныя мечты юности» и вѣроятно не имѣя возможности опровергнуть ее простымъ указаніемъ на Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, Куницынъ говоритъ:

При всемъ томъ новѣйшіе народы имѣютъ нужду въ свободномъ употребленіи силъ... Кто же лучше можетъ изъяснить законодателю общественныя нужды, какъ не тѣ лица, которыхъ государственныя чиносостоянія почтили своимъ довѣріемъ? На кого самъ Верховный Властитель можетъ положиться съ большею благонадежностью, какъ не на тѣхъ почтенныхъ старѣйшинъ, которые заслужили любовь и довѣренность народную? Кому лучше можетъ онъ ввѣрить частныя вѣтви управленія, какъ не симъ избранникамъ божіимъ, ибо гласъ народа, ихъ отличившій отъ прочихъ согражданъ, есть гласъ божій".

Такимъ образомъ и здѣсь авторъ нѣсколько скрадывалъ законодательную роль собраній народныхъ представителей. Однако, при-

---

[1]) „Сынъ Отечества“ 1818 г., ч. 45, № 18, стр. 202—211.

ведя далѣе слова Уварова: «мы по примѣру Европы, начинаемъ помышлять о свободныхъ понятіяхъ», Куницынъ говоритъ:

„Но мы давно о нихъ помышляли: никогда не были они чужды россійскому народу: вѣче, боярскія думы, третейскій и совѣстный судъ, разбирательство дѣлъ при посредничествѣ присяжныхъ, равныхъ званіемъ подсудимому, были еще въ древности существенными принадлежностями образа правленія въ нашемъ отечествѣ. Въ важныхъ происшествіяхъ государства обыкновенно всѣ сословія принимали участіе и дѣйствовали единодушно. Отраженіе нашествія враговъ, постановленіе общихъ законовъ, избраніе достойнаго поколѣнія, для занятія россійскаго престола обыкновенно составляли предметъ совѣщанія и согласнаго рѣшенія всѣхъ государственныхъ чиносостояній. Иностранные народы прежде насъ дали непремѣнныя формы государственному правленію, но не позже ихъ мы о томъ помышляли".

Не имѣя возможности по цензурнымъ причинамъ сказать все, что слѣдовало, по вопросу о введеніи конституціи, авторъ взывалъ къ «прозорливости читателей» [1]).

«Духъ Журналовъ», другое петербургское періодическое изданіе того времени, напечаталъ въ 1818 г. переводную замѣтку объ отвѣтственности министровъ, статью о «турецкой конституціи», въ которой указывалось, что власть султана ограничивается властью высшаго магометанскаго духовенства, и которая оканчивалась словами: «что значитъ сія мнимая конституція въ сравненіи съ тою, при которой Великобританія благоденствуетъ»? [2]) Въ томъ же году въ «Духѣ Журналовъ» были напечатаны переводы баварскаго «уложенія» и баденскаго «государственнаго уложенія», т. е. конституціи этихъ государствъ (1818 г.). Въ первой книгѣ 1819 г. напечатана статья подъ названіемъ «Чего требуетъ духъ времени? Чего желаютъ народы?», авторъ которой говоритъ:

«Народы желаютъ *владычества законовъ*!—коренныхъ неизмѣнныхъ, опредѣляющихъ права и обязанности каждаго, равно обязательныхъ и для властей, и для подвластныхъ, при которыхъ самовластіе мѣста имѣть не можетъ и которыхъ столько же невозможно было бы испровергнуть, какъ и уклониться отъ нихъ... Сами государи восчувствовали необходимость поставить *владычество законовъ* на незыблемомъ основаніи; они сами одинъ передъ другимъ ревнуютъ даровать народамъ своимъ... *Государственное Уложеніе*! — Но *Уложеніе* на бумагѣ есть только мертвая буква: оно такъ же можетъ быть устранено, перетолковано, брошено, какъ тысячи другихъ узаконеній.—Чтобъ оно было всегда въ силѣ, для сего необходимо нужно дать ему самостоятельное бытіе и учредить при немъ блюстителей... Природные блюстители онаго суть — *народные представители*. Они суть вѣрные охранители его неприкосновенности, преслѣдователи нарушителей его, совѣтники государей и соучастники въ законодательствѣ; безъ

1) „Духъ Журналовъ" 1818 г. ч. XXX, 309—310, 387—394.

2) „Сынъ Отечества" 1818 г., ч. 46, № 24, стр. 177—179, 182—184, 189—190.

нихъ никакой новый законъ не можетъ быть изданъ, никакой налогъ наложенъ, никакое важное предпріятіе предпринято; чрезъ нихъ народъ имѣетъ свой голосъ, который есть тогда поистинѣ *гласъ Божій*; при нихъ личность и собственность каждаго останется неприкосновенною, развѣ по силѣ закона; при нихъ никакое злоупотребленіе власти не укроется, никакое нарушеніе правъ не останется безнаказаннымъ; при нихъ правосудіе недреманно; все тогда дѣлается гласно и передъ очами всѣхъ, ибо правда и доброе дѣло не имѣютъ нужды скрываться въ тайнѣ. Такое устройство сильно укрѣпляетъ духъ народный и ускоряетъ преуспѣяніе всего истинно-полезнаго. А что всего важнѣе,—вся машина государственнаго управленія, сообразно потребностямъ времени, легко поправляется и совершенствуется безъ внезапныхъ потрясеній... Вотъ *чего требуетъ духъ времени! чего желаютъ народы!*» [1]).

Въ этой статьѣ гораздо лучше, чѣмъ въ статьяхъ Куницына, было объяснено значеніе дѣйствительнаго конституціоннаго строя, а не той лживой конституціи, которою иногда пытаются его подмѣнить.

Каченовскій, напечатавъ, какъ мы видѣли, въ издаваемомъ имъ въ Москвѣ «Вѣстникѣ Европы» восторженные отзывы двухъ иностранныхъ газетъ о рѣчи государя, помѣстилъ еще въ 1818 г. двѣ статьи, переведенныя съ польскаго. Въ первой изъ нихъ, представляющей извлеченіе изъ отчета Мостовскаго, министра внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго, прочтеннаго въ первомъ общемъ сеймовомъ засѣданіи сената и палаты депутатовъ 27 марта (н. с.) 1818 г., описывалось переходное положеніе Польши съ 1813 по 1815 г. и затѣмъ «нынѣшнее состояніе Царства Польскаго», причемъ отмѣчалось превосходство конституціи 1815 г. сравнительно съ конституціею «княжества», или герцогства Варшавскаго. Въ конституціи 1815 г. подчеркивалось ручательство за свободу книгопечатанія и обезпеченіе личной неприкосновенности, обязанность королей давать присягу въ сохраненіи конституціи, отвѣтственность министровъ, установленіе выбора сенатомъ членовъ регентства, неприкосновенность членовъ сейма во время отправленія ими своихъ обязанностей, право сейма «разсуждать о проектахъ законовъ внутренняго управленія» и «принимать представленія, донесенія, отзывы земскихъ пословъ и депутатовъ,... доводить ихъ до монарха чрезъ посредство государственнаго совѣта и потомъ разсуждать о проектахъ законовъ по поводу этихъ представленій. «Члены сейма могутъ свободно говорить о нуждахъ народа. Постановленіе о доходахъ и расходахъ государства лишается своей силы по прошествіи четырехъ лѣтъ, если бы сеймъ не былъ созванъ» въ это время. «Конфискація навсегда уничтожена. Корен-

---

[1]) „Духъ Журналовъ“ 1819 г. ч. XXXII, Январь, стр. 11—14. Въ томъ же году въ «Духѣ Журналовъ» были помѣщены статьи: «Польза представительнаго правленія (Письмо изъ Брюсселя)» и двѣ переводныхъ: «Чего желаютъ, чего ожидаютъ англичане отъ своего парламента» и «Могущество Англіи» (ч. XXXIII, стр. 333—342).

ные статуты, также законы гражданскіе и уголовные могутъ быть измѣняемы, или вовсе отмѣняемы не иначе, какъ самимъ государемъ вмѣстѣ съ обѣими палатами сейма» и проч. [1]).

Другая статья, переведенная въ «Вѣстникѣ Европы» съ польскаго (изъ «Дневника Варшавскаго»), трактовала «Объ исполнительной власти въ Англіи» [2]).

Въ «Духѣ Журналовъ» 1820 г. была помѣщена большая статья «Конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ» въ формѣ писемъ изъ Филадельфіи съ подписью Т. С. и переведенное изъ одного нѣмецкаго журнала письмо изъ Парижа «О системѣ представительнаго правленія» [3]). Но въ томъ же журналѣ появились «Замѣчанія на опытъ теоріи налоговъ» Н. Тургенева, авторъ которыхъ не съ радикальной, а съ консервативной точки зрѣнія указывалъ на недостатки англійскаго политическаго и экономическаго строя и утверждалъ, будто бы «русскіе, безъ формы свободы, сыты и довольны» [4]). Но и эта статья не спасла журнала, подвергавшагося многимъ преслѣдованіямъ, и предписано было не продолжать его изданія въ слѣдующемъ 1821 году [5]).

Скоро цензура перестала дозволять статьи, не только въ защиту конституціоннаго строя, но и противъ него. Еще въ предписаніи министра народнаго просвѣщенія 14 мая 1818 г. было сказано, что о всемъ, касающемся правительства, можно писать только по волѣ самого правительства, которому одному извѣстно, что и когда сообщить публикѣ; частнымъ же лицамъ не слѣдуетъ писать о такихъ предметахъ ни за, ни противъ: и то, и другое нерѣдко бываетъ одинаково вредно, давая поводъ къ различнымъ толкамъ

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1818 г. 98, апрѣль № 7, стр. 210—222. Рѣчь Мостовскаго переведена была въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1818 г. №№ 79, 80, 82, 85, 89, 94, 98. Подлинникъ см. въ Dyariusz seymu Krulestwa Polskiego 1818. I, 12—19; франц. пер. Siarczynski Diéte du royaume de Pologne 1818, p. 18—45. Въ апрѣлѣ 1816 г. министру народнаго просвѣщенія гр. Разумовскому было объявлено повелѣніе государя, чтобы „статьи, помѣщаемыя въ издаваемыхъ здѣсь въ вѣдомостяхъ и журналахъ относительно Царства Польскаго, были заимствованы единственно изъ варшавскихъ газетъ съ соблюденіемъ точнаго перевода чиновъ, должностей и званій“.

[2]) Ч. 99, май, №№ 9 и 10.

[3]) Кн. 2, 3 и 4.

[4]) 1820 г. кн. 5 и 6.

[5]) „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности“, М. 1871 г., в. III, 24. Въ 17 и 18 №№ „Духа Журналовъ“ 1820 г. найдено было „явное порицаніе монархическаго правленія“. Совершенно не понятно, гдѣ тутъ оказалось такое порицаніе; развѣ въ слѣдующихъ словахъ въ статьѣ: „Государств. календарь Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ“: „Весьма замѣчательно, какимъ малымъ числомъ людей производятся тамъ всѣ дѣла, для которыхъ въ иныхъ государствахъ потребно цѣлое войско... чиновниковъ. Здѣсь нѣтъ ни двора, ни гвардіи—двѣ важныя статьи, необходимыя въ монархическихъ государствахъ и требующія большихъ расходовъ“ (№ 18, стр. 187—188).

и заключеніямъ. На этомъ основаніи въ 1824 г. была запрещена даже рукопись Магницкаго «Нѣчто о конституціяхъ» [1]).

По словамъ Бурцева, одного изъ членовъ Союза Благоденствія, варшавская рѣчь государя содѣйствовала возбужденію среди офицеровъ интереса къ вопросамъ политическимъ. Онъ указываетъ въ своемъ показаніи на то, что при гвардейскомъ генеральномъ штабѣ начальникомъ его, генераломъ Сипягинымъ, было устроено общество военныхъ наукъ, членомъ котораго Бурцевъ состоялъ съ 1815 по 1819 г. Общество, какъ показываетъ и самое его названіе, имѣло главною цѣлью усовершенствованіе офицеровъ въ спеціально военныхъ знаніяхъ, для чего при немъ была учреждена и библіотека; но въ ней, кромѣ военныхъ, находились и другія сочиненія, къ чтенію которыхъ «были приглашаемы всѣ гвардейскіе офицеры». Общее стремленіе къ снисканію свѣдѣній», говоритъ Бурцевъ, «весьма много было усилено» варшавскою рѣчью государя, въ которой выражено было его «намѣреніе распространить со временемъ и на Россію подобное образованіе гражданскаго управленія. Сіе важное явленіе возбудило въ членахъ военнаго общества рвеніе сдѣлаться полезнымъ правительству въ достиженіи цѣли онаго, а для сего надлежало обогатить себя всѣми свѣдѣніями, кои бы могли быть употребленными въ исполненіи общественныхъ обязанностей». Читая между строкъ этого оффиціальнаго показанія человѣка, въ то время уже давно покинувшаго Тайное Общество, мы видимъ, какое возбуждающее дѣйствіе произвела рѣчь Александра I на гвардейскихъ офицеровъ, какъ она усилила интересъ къ вопросамъ политическимъ, для удовлетворенія котораго такъ мало могла сдѣлать наша печать, сжатая въ тискахъ цензуры [2]).

В. Семевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія I, 428—429, 519; „Рус. Стар." 1878 г. № 5, стр. 718—720; Шильдеръ IV, 305—306.

[2]) „При таковомъ общемъ стремленіи", говоритъ Бурцевъ въ другомъ показаніи, „могло иногда случиться, что невольно вырывались сужденія о дѣлахъ государственныхъ".

НОВЫЕ ДНИ.

(Изъ школьной хроники).

XII.

Тянулись дни, недѣли, мѣсяцы.

Произошли событія исключительной важности: эпоху банкетовъ смѣнила эпоха избіенія гимназистовъ, палъ Портъ-Артуръ, рабочіе ходили къ царскому дворцу... Стали носиться глухіе, но упорные слухи о готовящейся въ гимназіи забастовкѣ. Въ карманахъ и ранцахъ у гимназистовъ находили прокламаціи. Виновныхъ наказывали, исключали, но это не устрашало никого. Возбужденіе росло вездѣ. Мѣры взысканія родили рѣзкій протестъ и среди учениковъ, и за стѣнами гимназіи, въ обществѣ. Чего прежде никогда не было,—оказалось необходимымъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ! И ученики сейчасъ-же учли это въ свою пользу.

Когда о. Андрей вздумалъ было провѣрить, есть ли натѣльный крестикъ у второклассника Новицкаго, который заявилъ о себѣ вслухъ, что онъ — послѣдователь Толстого, то вдругъ всѣ эти сопливые малыши подняли крикъ, затопали ногами и разомъ ушли изъ класса. Получился скандалъ. Директоръ, вмѣсто того, чтобы примѣрно наказать преступниковъ, посовѣтовалъ о. Андрею на будущее время быть тактичнѣе. Какія послѣдствія могло имѣть такое отношеніе къ дѣлу?.. Но о. Андрей былъ человѣкъ подчиненный. Поахалъ, повздыхалъ и смирился, затаивъ огорченіе въ глубинѣ скорбной души своей...

Даже Каллистратъ Агаѳонычъ сталъ заискивать у гимназистовъ. Читалъ газеты, которыя они покупали для него, охотно дѣлилъ съ ними ихъ завтраки и сообщалъ имъ тайны учительской комнаты. Лишь одинъ разъ онъ не выдержалъ, поругался съ третьеклассникомъ Миттельманомъ. Миттельманъ принесъ ему номеръ „Русскаго Слова“ съ фельето-

номъ свящ. Петрова. Каллистратъ Агаѳонычъ съ благодарностью принялъ, но, когда прочиталъ фельетонъ,—понялъ, что это вещь непозволительная.

— Жидъ, а туда же... интересуется сочиненіями православнаго священника! – сказалъ онъ въ сердцахъ.

— Зачѣмъ же лаетесь, Каллистратъ Агаѳонычъ? — обидѣлся Миттельманъ:—я же васъ не называю сапожникомъ...

Это была дерзость, наглая, безпримѣрная, о которой раньше этотъ ничтожный, трусливый мальчишка не смѣлъ бы и подумать. А теперь? Каллистратъ Агаѳонычъ помчался съ жалобой къ директору. Директоръ долго крутилъ усъ, мычалъ и, наконецъ, сказалъ:

— Не надо обращать вниманія на пустяки...

И только.

Въ учительской тоже произошло замѣтное передвиженіе въ сторону чего-то новаго. Острыя темы современности постоянно родили бранчивые споры, раздраженіе, дѣлили людей на враждебные лагери. Разсуждать не умѣли въ учительской, а такъ... сотрясали воздухъ, инсинуировали, ругались. Одни почерпали аргументы изъ газетъ, выписанныхъ на казенный счетъ; другіе возражали газетнымъ матеріаломъ, пріобрѣтаемымъ за свой счетъ, и сила убѣдительности была не на сторонѣ казенныхъ газетъ. И въ тѣсномъ міркѣ, до той поры спокойномъ и вяломъ, началась глухая вражда, подсиживанія, непріятности, прекращеніе знакомства...

Какъ-то въ началѣ февраля Ѳаворскій, возбужденный и запыхавшійся, вбѣжалъ на большой перемѣнѣ въ учительскую.

— Читали, господа?—воскликнулъ онъ встревоженнымъ голосомъ, плотно закрывъ за собой дверь.

— Что? Телеграммы?

— Нѣтъ, фельетонъ... Называется „Ученье—тьма“. Насъ всѣхъ раздѣлываетъ подъ орѣхъ!..

Ѳаворскій не совралъ. Съ первыхъ же строкъ слушатели признали, что сотрудникъ столичной газеты использовалъ наблюденія и факты изъ жизни ихъ именно гимназіи. Изображеніе было веселое и довольно безобидное. Но въ гимназіи и въ городѣ фельетонъ произвелъ сенсацію. Читатели хохотали, судачили, сплетничали. Самой досадной читающей публикой были гимназисты. Они собирались въ корридорѣ, подъ лѣстницей, въ ватерклозетѣ, въ пустыхъ классахъ, въ швейцарской и читали фельетонъ вслухъ, заучивали его наизусть и вездѣ, гдѣ можно, „дразнились“.

Становилось положительно нестерпимо.

Долго ломали голову надъ вопросомъ, кто скрылся подъ псевдонимомъ *Nemo*, подписаннымъ подъ фельето-

номъ. Наконецъ, тотъ же Ѳаворскій открылъ таинственнаго незнакомца. Онъ всегда интересовался корреспонденціей, получаемой черезъ гимназію, и дружба съ Семеномъ давала ему возможность узнавать многое. 16-го февраля онъ нашелъ среди писемъ и газетъ переводъ на 76 руб. 80 коп., адресованный на имя Краева изъ конторы виновной газеты.

Тогда въ учительской началась форменная война. Большая часть сослуживцевъ прекратила знакомство съ Краевымъ. Меньшая осталась на его сторонѣ. Дня черезъ два директоръ пригласилъ Краева къ себѣ въ кабинетъ,

— Мнѣ надо переговорить съ вами... кон-фи-ден-ціально...

Онъ всегда цѣдилъ слова, тутъ же—очевидно, для особой важности—выпускалъ ихъ по одному въ минуту.

— Э-э... мм... что это вы про нашу гимназію напечатали?

— Спеціально про нашу гимназію ничего я не писалъ и не печаталъ.

— Вы утверждаете, что статья „Ученье—тьма", авторомъ которой, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, вы являетесь, не касается нашей гимназіи?

— Столько же, сколько и другихъ...

Директоръ опустилъ глаза.

— Долженъ вамъ сказать, что вы не имѣли права касаться фактовъ, извѣстныхъ вамъ по вашему служебному положенію, — послѣ значительной паузы заговорилъ онъ снова: — часть же фактовъ взята вами изъ жизни нашей гимназіи. Нарушеніе служебной тайны.

Краевъ пожалъ плечами.

— Не могу догадаться, о какой тайнѣ говорите вы. То, о чемъ я писалъ, знаетъ, по крайней мѣрѣ, вся губернія... Впрочемъ, готовъ нести отвѣтственность, если такъ надлежитъ по закону...

— Д-да...

Директоръ опять величественно погрузился въ задумчивость и долго крутилъ усы.

— Кромѣ того, вы обидѣли товарищей. Противъ васъ страшное возмущеніе. Инспекторъ, напримѣръ, прямо мнѣ заявилъ, что онъ не можетъ служить съ вами. А вѣдь вы знаете, его супруга... у ней кое-кто есть... изъ таковыхъ людей, которые... ну, да однимъ словомъ, вы поступили крайне необдуманно!.. Надо было повременить... Лѣтъ черезъ тридцать, конечно, можно будетъ эти вопросы затронуть... Или хоть перенести бы мѣсто дѣйствія въ Италію, положимъ... Но теперь .. служа здѣсь... рисовать портреты живыхъ людей... Про инспектора, напримѣръ: „на лицѣ его застыло выраженіе задремавшаго стараго барана"...

Директоръ на минуту потерялъ самообладаніе и разсмѣ-

ялся вдругъ радостнымъ, визгливымъ смѣхомъ. И покраснѣлъ, какъ ракъ.

— Ну, послушайте, Александръ Петровичъ! — воскликнулъ онъ просто и добродушно, забывъ на минуту оффиціально-холодный тонъ:—вѣдь какъ же это можно? „Выраженіе задремавшаго стараго барана"... Оно, конечно, — онъ глупъ... я не спорю... Но все-таки...

— Почему вы думаете, что это — именно Антонъ Антонычъ?..

— Да полноте! Пушокъ на лысинѣ, ругается „булваномъ" и прочее. Конечно, про него... Что ужъ тамъ!.. Я, положимъ, пробовалъ объяснить ему, что, сравнивая его голову съ головой барана, авторъ, по всей вѣроятности, имѣлъ въ вноду лишь ея форму, и что это, молъ, не такъ ужъ обидно... Но о. Андрей возразилъ мнѣ, что читатели-то разумѣютъ не одну форму головы, а и содержимое ея... И инспекторъ примкнулъ къ его мнѣнію.

Директоръ опять фыркнулъ, но скоро сдержался.

— Да, необдуманно вы поступили и неосторожно! Вы меня извините. Вы знаете, что я относился къ вамъ всегда хорошо. Хотя вы и меня тамъ задѣваете, но... Богъ съ вами! Мнѣ все равно... Я считаю васъ прекраснымъ воспитателемъ и учителемъ, но... вотъ теперь сами расплачивайтесь за вашу опрометчивость... Д-да! Въ нашей гимназіи, вѣроятно, остаться вы уже не можете...

— Что-жъ... жаль...

Краевъ улыбнулся и сдѣлалъ видъ, что ему все равно.

— И мнѣ жаль! Очень жаль! Но нахожу, что это вредно въ воспитательномъ отношеніи. Вы ошельмовали чуть не всѣхъ, вынесли соръ изъ избы... Какъ на это посмотрятъ ученики? Вы уронили авторитеты...

— Едва ли, Іосифъ Семенычъ, можно уронить авторитетъ, когда его нѣтъ...

— Ну, ужъ извините-съ! Наша печать дѣлаетъ все, чтобы втоптать въ грязь учителей и начальство гимназій... Противъ этого ужъ нечего возражать. И вы тоже... Да! Какъ хотите, а я долженъ буду доложить попечителю округа... Съ учениками и такъ сладу нѣтъ, все ползетъ врозь, отовсюду какой-то шалый протестъ, дерзости... Вотъ въ восьмомъ классѣ Карихъ даже мнѣ нагрубилъ... На-дняхъ будемъ обсуждать въ совѣтѣ этотъ инцидентъ. Посмотрю, какъ отнесутся... Подобные случаи я приписываю и вашему вліянію, между прочимъ... Да-съ...

Краевъ отнесся довольно равнодушно къ предупрежденію директора. Непріятна была перспектива потери мѣста, но онъ не совсѣмъ вѣрилъ въ нее. За что? Что въ его статьѣ

злостнаго, измышленнаго, недобросовѣстнаго? Какой соръ изъ избы онъ вынесъ? Фамиліи не названы, городъ—тоже...

Впрочемъ, все равно! Будь, что будетъ. Хуже того, что теперь, трудно придумать: косые взгляды, молчаливое озлобленіе, душный воздухъ, пропитанный ненавистью и соглядатайствомъ... Все равно!

День скучный, пасмурный, полутемный. Какъ будто еще не начинался разсвѣтъ. Въ окна льется скупой, сѣрый свѣтъ, и лица учениковъ блѣдны, скрадены тѣнями и странно незнакомы. Видны въ окно унылыя крыши домовъ, покрытыя слабымъ налетомъ снѣга, бѣлыя, съ мазаными трубами, и бѣлое, скучное небо, и черное кружево деревьевъ на его фонѣ. Скучно. И въ этомъ классѣ скучно, и скучно въ корридорѣ, гдѣ Дементій Степанычъ непонятно откуда взявшимся басомъ распекаетъ служителя за соръ въ залѣ, и въ сосѣднемъ классѣ скучно, гдѣ очень усердно трещитъ Крживанекъ... Скучно въ этихъ сѣрыхъ сумеркахъ, тяжело дремлется—безъ óбразовъ, безъ грезъ и красокъ... Ничего не жалко, ничего не надо...

Вечеромъ приходилъ Карихъ. Онъ носилъ теперь длинную—до колѣнъ—черную блузу и длинные волосы. Тонкое, красивое лицо въ почти женской прическѣ производило странное впечатлѣніе. Малый чудилъ.

Пришелъ, сѣлъ въ кресло и молча, съ видомъ очень разочарованнымъ, закурилъ папиросу.

— Какъ дѣла?—спросилъ Краевъ, чтобы вывести его изъ задумчивости.

— Скверно...

— Слышалъ. Нагрубили директору и ждете исключенія?

— О, нѣтъ! Совсѣмъ не то. Это пустяки. Я совершенно равнодушенъ къ тому, исключатъ меня или нѣтъ. Лучше, если бы исключили. Я и экстерномъ легко выдержу. Сдѣлалъ я это по приговору товарищей. Мы теперь создаемъ инциденты...

— Инциденты?—переспросилъ Краевъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Да, именно.

Карихъ сказалъ это коротко, холодно и опять молча сталъ попыхивать папиросой, занятый своими мыслями. Краевъ не рѣшился просить поясненій,—тонъ собесѣдника какъ-то подавлялъ своимъ вѣсомъ краткословія,—и молча ждалъ, когда онъ самъ заговоритъ.

— Необходимо вызвать забастовку. Для этого требуются инциденты,—сказалъ, наконецъ, Карихъ, водворяя докуренную папиросу въ полоскательную чашку.

— Для кого и для чего нужна эта забастовка? Чтобы васъ на улицѣ поколотили?

Карихъ обиженно усмѣхнулся, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и торжественнымъ тономъ сказалъ:

— Наши старшіе братья—студенты—добиваются политической и академической свободы. Мы выступаемъ имъ на помощь...

— Громко!..

— И добьемся осуществленія своихъ требованій. Ждать у моря погоды не будемъ. Правъ не даютъ, ихъ берутъ, Забастовка-же наша будетъ имѣть значеніе не только мѣстное, но и всероссійское...

— Фу ты, ну ты!..

— ...Начальство должно будетъ уступить намъ! Оно неизбѣжно сдѣлаетъ намъ уступки...

— А я боюсь, что къ каникуламъ многихъ изъ васъ не будетъ въ гимназіи. Этимъ начинаетъ попахивать.

— Пусть. Жертвы необходимы. За то мы вносимъ посильную лепту въ общее дѣло русской борьбы съ самодержавіемъ. Не думайте, чтобы эта лепта была такъ мала, чтобы она не стоила приносимыхъ за нее жертвъ. Забастовка сольетъ насъ въ сплоченную массу, закалитъ въ борьбѣ... Будетъ способствовать выработкѣ изъ насъ гражданъ Россіи, а не жалкихъ чиновниковъ, трепещущихъ передъ начальствомъ...

— Это—въ мой огородъ? Нѣтъ, я какъ-будто храбрый... Нынче спокойно выдержалъ бой.

— Нѣтъ, не о васъ, а вообще. Не только заботливое начальство, но и родители наши таковы: всячески стараются удержать насъ въ тинѣ обывательской жизни... Но революціонная борьба, съ товарищеской солидарностью и сладостью побѣды, во много разъ привлекательнѣе всѣхъ прелестей, которыя сулитъ намъ самая блестящая карьера...

Краеву стало очень весело, но онъ удержался отъ смѣха и съ добродушной усмѣшкой сказалъ:

— Я вамъ налью чайку?..

— ...Революціонная борьба осмысливаетъ жизнь,—шагая по комнатѣ и не обращая вниманія на вопросъ хозяина, говорилъ Карихъ:—даетъ полное нравственное удовлетвореніе человѣку, не позволяетъ ему опуститься на степень человѣкоподобнаго животнаго...

— Стаканъ налитъ!

— ...И, пока мозги наши не покрылись слоемъ обывательскаго жира, мы будемъ биться! Обывательская жизнь можетъ удовлетворить только духовныхъ мертвецовъ. А мы пока не умерли! Мы будемъ биться!..

— Ну, хорошо. Пейте вотъ чай. Перспективы рисуете великолѣпныя, но видъ у васъ что-то не того... унылый...

— У меня личное горе,—насупившись, сказалъ Карихъ.

Онъ сѣлъ къ столу, взялъ стаканъ чаю и, отхлебнувши изъ него, задумался.

— Боюсь, что смѣяться будете... ну, все равно! Дѣло въ томъ, что посылалъ я въ „Сѣверные Цвѣты" свои стихотворенія. И Брюсовъ пишетъ теперь, что они непригодны для напечатанія — на томъ основаніи, что, прочтя ихъ, онъ „остался такимъ же, какъ былъ"...

Карихъ остановился и съ грустью вопросительно поглядѣлъ своими красивыми глазами на Краева. Чувствовалось, что онъ хотѣлъ бы услышать что-нибудь въ утѣшеніе.

— Горе небольшое,—сказалъ Краевъ искренне:—читайте, учитесь, работайте...

— Я еще хотѣлъ бы разъ попробовать. Вотъ принесъ вамъ... не прочтете ли? Это—небольшая вещица... Мнѣ хотѣлось бы слышать вашъ отзывъ...

Онъ подалъ Краеву небольшой листокъ дорогой почтовой бумаги, на которомъ изящнымъ почеркомъ написано было стихотвореніе въ прозѣ, озаглавленное: „Вѣчная скорбь".

Начиналось оно такъ:

„Траурнымъ флеромъ окутано будущее. Кроваво-красные погребальные факелы освѣщаютъ путь человѣчества. А оно въ своей ослѣпленности все глубже и глубже роетъ могилы и хоронитъ въ нихъ Любовь и властность Мечты, и легкозвонность Поэзіи, и стихійность Силы, и понятіе о Красотѣ... Похоронить-ли совсѣмъ? Нѣтъ, никогда!..

„Всегда—и въ кочевья скиѳовъ, и въ сладострастную Элладу, и на разгульныя пиршества древняго Рима, и на пожары костровъ Инквизиціи, и въ нашъ автомобильный и газетный вѣкъ—слетали и слетаютъ бѣлокрылые вѣстники, рожденные въ иныхъ Мірахъ, и крикомъ неба кричатъ надъ Землей.

„И пока сердце Земли не застынетъ, будутъ подниматься надъ желтыми туманами болотъ и безплодностью пустынь пламезарные факелы и неземныя, безбрежно-грустныя лиліи"...

Конецъ былъ бурнопламенный:

„Хочется порвать, перерѣзать всѣ эти проволоки телеграфовъ и телефоновъ, разбить электрическіе фонари, разметать каменныя тюрьмы-дома и крикнуть: Смотрите!.. Смотрите, какъ величаво и красиво небо, какъ полнозвучны моря, какъ цѣльно-страстны лучи Солнца и маки, какъ дѣвственны и пьяны задумчивой грустью лунныя тѣни и

бѣлые ландыши, какъ смѣлы орлы, какъ сильны тигры... И посмотрите на себя!.. Ваши души—покрытые протухшей плѣсенью безводные колодцы, ваши глаза бездумны и груди безпорывны... И неужели вамъ не хочется хоть на мигъ вспыхнуть кометными искрами, сверкнуть метеорами, запѣть, какъ поютъ Вихри, и умереть, какъ таютъ облака,—безбольно и красиво?!"

Краевъ прочиталъ, повертѣлъ листокъ въ рукахъ и не зналъ, что отвѣтить. Ему не хотѣлось огорчать юнаго поэта отрицательнымъ отзывомъ, но и врать было стыдно. Онъ крякнулъ, густо покраснѣлъ и сказалъ:

— Вотъ вы приносите мнѣ ваши опыты, а я вѣдь въ этого рода произведеніяхъ ничего не понимаю... Не входитъ какъ-то въ меня эта поэзія...

Помолчалъ немного и прибавилъ:

— Форма—ничего себѣ, но... учиться надо, читать, работать... Это ужъ я говорилъ, кажется? Ну... опять повторяю...

Карихъ молча взялъ листокъ и молча положилъ его въ карманъ. По лицу его нельзя было узнать, доволенъ ли онъ отвѣтомъ, огорченъ или обиженъ? Молча проглотилъ онъ чай и молча опять закурилъ папиросу.

— Ароматъ лилій... лунныя тѣни... и въ то же время помышленія о революціонной борьбѣ... Какъ это вяжется?—сказалъ Краевъ, мягко улыбаясь и желая вызвать своего собесѣдника изъ созерцательнаго настроенія.

— Ничего противорѣчиваго. Толпа на баррикадахъ, красныя знамена, встрѣчи съ смертью—это одно изъ самыхъ красивыхъ пятенъ въ мірѣ... Я не люблю толпы, когда отъ нея несетъ запахомъ пота и душевной гнили. Но здѣсь, въ бою, низвергая кумиры, она возвышается до божества... И я люблю это божество! Вотъ вы улыбаетесь... Можетъ быть, думаете: рисуется малый, гоняется за красивыми эффектами... Пожалуй, такъ. Но не все ли равно, за что сложите голову: за идею или за красоту?

Краевъ не улыбался. Онъ мягко и грустно сказалъ:

— Не все равно. А главное, боюсь, что красоты-то не будетъ. Просто изобьютъ васъ на улицѣ наемные хулиганы, какъ въ Курскѣ... А мнѣ... а намъ всѣмъ... вѣдь жаль васъ... жаль!..

— Не безпокойтесь. Будетъ то, чему должно быть. Важно, чтобы всѣ проснулись, поняли, объединились. Для этой цѣли мы создаемъ инциденты. И если меня исключатъ, то это будетъ какъ разъ то, что намъ нужно...

XIII.

— Я, господа, прошу васъ высказаться откровенно... Я уже нѣсколько разъ повторялъ вамъ и еще повторяю, что не стѣсняю никого во мнѣніяхъ. Говорите прямо и открыто... хотя бы и несогласно съ моими взглядами на предметъ... Мой образъ дѣйствій, полагаю, вамъ извѣстенъ.

Директоръ сдѣлалъ паузу и обвелъ всѣхъ яснымъ взоромъ—черезъ пенснэ,—приглашая къ откровенности и къ восхищенію его широкою терпимостью. Эти приглашенія повторялись не разъ—въ случаяхъ серьезныхъ, исключительныхъ, и искушенные опытомъ учителя знали, какъ въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ поступать.

— Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, — продолжалъ директоръ:—несомнѣнно, ученикъ шестого класса Фениксовъ совершилъ проступокъ. И проступокъ довольно дрянной. Но мы—не уголовное отдѣленіе окружного суда и, конечно, должны смотрѣть не назадъ, а впередъ. Должны не только карать, а и принимать мѣры къ исправленію. Я открыто высказываю свой взглядъ. Кто не согласенъ, прошу, господа, пожалуйста, высказаться.

Проступокъ Фениксова заключался въ томъ, что онъ выкралъ у служителя Семена Клюкина денежную повѣстку изъ почтовой конторы на имя ученика Страхова, поддѣлалъ подпись бухгалтера, приложилъ гимназическую печать (какъ сынъ надзирателя, жившій въ зданіи гимназіи, онъ имѣлъ свободный доступъ въ канцелярію) и затѣмъ получилъ деньги на почтѣ. Деньги эти прокутилъ вмѣстѣ съ двумя товарищами: Вздошниковымъ и Виталіемъ Чередниченко, третьимъ сыномъ директора.

Отецъ провинившагося, Каллистратъ Агаѳонычъ Фениксовъ, какъ человѣкъ усердный и преданный, пользовался особымъ покровительствомъ директора. Всѣмъ этимъ мелкимъ, плохо обезпеченнымъ чиновникамъ учебнаго надзора, кромѣ своего прямого, очень труднаго дѣла, приходилось оказывать личныя услуги начальству, чтобы упрочить и улучшить свое положеніе: быть на посылкахъ, исполнять порученія директорши и, главнымъ образомъ, освѣдомлять обо всемъ директора, т. е. соглядатайствовать и за гимназистами, и за учителями. Въ смыслѣ усердія Каллистратъ Агаѳонычъ уступалъ, можетъ быть, только своему племяннику, Авксентію Васильевичу Ѳаворскому.

Сынъ его былъ бездарный, лѣнивый и испорченный юноша, съ трудомъ дотащившійся до шестого класса. Вмѣстѣ

со своимъ пріятелемъ, Виталіемъ Чередниченко, онъ былъ бичомъ учителей. Оба были грубы, наглы и въ достаточной мѣрѣ просвѣщены по части запретныхъ удовольствій. И оба, разумѣется, были неуязвимы для репрессій. Ихъ безнаказанная распущенность дѣйствовала на классъ разлагающимъ образомъ.

— Я полагаю,—закончилъ директоръ докладъ о Фениксовѣ,—что въ данномъ случаѣ передъ нами просто мальчишеское легкомысліе. Денегъ — восемь рублей. И, какъ сознался мнѣ Фениксовъ, онъ проѣлъ ихъ на сласти.

Секретарь совѣта, преподаватель древнихъ языковъ, Киммель, рыжій, юркій нѣмчикъ, прозванный Шавкой, все время пристально смотрѣлъ въ ротъ директору, пока онъ развивалъ свои мысли. Когда директоръ кончилъ, Киммель утвердительно кивнулъ головой и сказалъ:

— Іосифъ Семенычъ!

Потомъ опустилъ глаза и на секунду изобразилъ на своемъ собачьемъ лицѣ глубокое напряженіе мысли.

— Я думаю тоже... что это—мальчишество... Вѣдь не убѣжалъ онъ съ деньгами за границу...

— Восемь рубликовъ - сумма не Богъ знаетъ какая,— проговорилъ кротко и ласково о. Андрей, перстами потягивая книзу пучки волосиковъ на бородѣ.

— А ваше мнѣніе, Иванъ Францовичъ?—обратился директоръ къ чеху Крживанеку.

Крживанекъ пронзительно-звонко кашлянулъ, опустилъ глаза, повертѣлъ головой и глубоко задумался. Потомъ сказалъ проникновенно и съ вѣсомъ:

— Я зогласенъ зъ мнѣніемъ г. классного наставника...

Класснымъ наставникомъ въ шестомъ классѣ былъ директоръ. Сидѣвшій рядомъ въ Краевымъ Борщевичъ толкнулъ его ногой и иронически хмыкнулъ. Даже батюшка пустилъ глаза какъ-то вкось и осторожненько прокашлялся. Другіе откровенно улыбнулись.

— Конечно, Фениксовъ — большой шалопай. Это надо признать, господа. Не такъ ли?—продолжалъ директоръ.

— Шальопай! — проворно и радостно согласился Крживанекъ.

— Да, шалопай, конечно... Но онъ—ничего себѣ, не вредный. Нѣтъ у него этакого духа, — сказалъ глухой, похожій на филина, Нимфодоровъ и неопредѣленно пошевелилъ перстами въ воздухѣ.

— И вообще — религіозный юноша, — прибавилъ батюшка,—поетъ на клиросѣ...

Борщевичъ, наклонившись къ уху Краева и искоса

поглядывая въ то же время въ сторону директора, вполголоса сказалъ:

— Религіозный, сукинъ сынъ! А когда я имъ съ Витькой Чередниченко закатилъ по двойкѣ въ первой четверти, то они какую штуку выкинули? По телефону изъ гимназіи заказали окорокъ ветчины у Фроммельта, два пуда керосина у Астахова, рояль у Петикова, двѣ четверти водки и дюжину удѣльнаго вѣдомства у Калашникова и все это, вмѣстѣ со счетами, велѣли доставить ко мнѣ на квартиру. Прихожу домой — кучи свертковъ, кульковъ, счетовъ... Потомъ присылали ко мнѣ портныхъ, сапожниковъ, аптекарей и даже одного ассенизатора. Я совсѣмъ случайно раскопалъ, что это — ихъ штуки. Доложилъ директору. Конечно, онъ смѣется и — только... Посовѣтовалъ молчать объ этомъ и быть на будущее время тактичнымъ по отношенію къ ученикамъ... Вотъ они, религіозные-то!..

— Не угодно-ли, господа, еще кому высказаться?

Директоръ поднялъ голову и черезъ пенснэ окинулъ столъ, за которымъ сидѣли серьезные, почти угрюмые, люди въ синихъ сюртукахъ съ свѣтлыми пуговицами. Подождалъ. Никто не пошевелился и не открылъ рта.

— Повторяю: высказывайтесь, господа, съ полнѣйшей откровенностью и прямотой. Я, напримѣръ, прямо говорю: конечно, проступокъ ученика шестого класса Фениксова— важный. Очень скверный проступокъ. Но, принимая во вниманіе легкомысленность субъекта, затѣмъ его положительныя качества, затѣмъ... ммм... возрастъ, ибо ученикъ только въ шестомъ классѣ, а не въ восьмомъ, гдѣ мы должны быть особенно взыскательны, выпуская юношей въ университетъ и удостовѣряя такимъ образомъ ихъ зрѣлость и благонадежность, — принимая все это во вниманіе, можно полагать, что проступокъ Фениксова подлежитъ не самому тяжкому наказанію, т. е. не исключенію, а долженъ съ нашей стороны... э-э... ммм... вызвать нѣкоторую снисходительность... Деньги, конечно, Каллистратъ Агаѳонычъ уже возвратилъ, такъ что потерпѣвшій Страховъ заявилъ мнѣ, что онъ удовлетворенъ... Итакъ, господа, еще разъ прошу высказаться по поводу Фениксова и опредѣлить ему мѣру взысканія. Вамъ не угодно ли, Иванъ Кузьмичъ?

Кузнецовъ, наводившій страхъ своей свирѣпостью на учениковъ, былъ очень робокъ передъ начальствомъ. Человѣкъ онъ былъ все-таки прямой и честный. И теперь, при вопросѣ директора, онъ густо покраснѣлъ и сказалъ:

— Мнѣ что-же? Какъ другіе, такъ и я... Поступокъ грязенъ... гм... да... скверенъ...

Директоръ, молча, строго смотрѣлъ на него нѣсколько

мгновеній, ожидая, не прибавить-ли онъ еще чего-нибудь. Кузнецовъ сбычился и тяжело сопѣлъ носомъ, упершись взглядомъ въ красное сукно, которымъ былъ накрытъ столъ. Потерявши надежду услышать отъ него развитіе высказаннаго взгляда, директоръ улыбнулся въ усы и обратился къ сидѣвшему рядомъ съ Кузнецовымъ преподавателю французскаго языка:

— Ваше мнѣніе, Иванъ Иванычъ?

Ефимовъ сказалъ просто:

— Мое мнѣніе — исключить.

— Такъ-съ! — коротко произнесъ директоръ и невольно пошевелилъ усами: — ваше мнѣніе...

Онъ указательнымъ пальцемъ ткнулъ въ сторону Краева, не называя его. Сколько позволяло ему его положеніе, онъ оффиціально бойкотировалъ его вмѣстѣ съ большинствомъ обиженной учительской. Краевъ, свыкаясь съ мыслью о необходимости разстаться съ гимназіей, стоялъ теперь во главѣ оппозиціонной части совѣта.

— Я хотѣлъ бы знать, сколько лѣтъ Фениксову? — сказалъ онъ.

— Лѣтъ?..

— Да.

— Вамъ недостаточно знать, что онъ... э-э... ученикъ шестого класса?..

— Да, хотѣлъ бы знать, сколько Фениксову лѣтъ? — холодно-вѣжливо повторилъ Краевъ: — Здѣсь была ссылка на возрастъ Фениксова... Важный мотивъ въ пользу оправданія...

— Гм...—Директоръ иронически скривилъ ротъ. — Вамъ, можетъ быть, метрическія выписки требуются?

Краевъ пожалъ плечами и, стараясь быть спокойнымъ, усиленно-вѣжливо возразилъ:

— Два мѣсяца назадъ постановлено было исключить ученика перваго класса Скуридина за то, что онъ стащилъ двѣ банки ваксы въ магазинѣ Хромцова. Я тогда остался въ меньшинствѣ подававшихъ голосъ противъ исключенія. И теперь мнѣ хотѣлось бы знать, сколько лѣтъ Фениксову?

— Здѣсь вотъ отецъ его сидитъ, — пробасилъ Нимфодоровъ, выражая угрюмымъ тономъ неодобреніе пикировкѣ съ начальствомъ:—онъ можетъ сказать.

— Удовлетворите наше любопытство, Каллистратъ Агаѳонычъ, — сказалъ директоръ послѣ минутнаго колебанія.

Каллистратъ Агаѳонычъ, красный, припухшій, страдающій отъ похмѣлья, привсталъ и прохрипѣлъ:

— Лѣтъ восемнадцать...

И сѣлъ. Наступила коротенькая пауза. Какъ будто жда-

ли, что Краевъ долженъ сдѣлать выводъ изъ этого сообщенія.

— А болѣе точно? — спросилъ Ефимовъ.

— О, Боже мой! — воскликнулъ директоръ и разсмѣялся неискреннимъ смѣхомъ: — неужели это такъ важно? Столько-то лѣтъ, мѣсяцевъ и дней?..

— Точность не повредитъ, Іосифъ Семеновичъ, — спокойно возразилъ Ефимовъ.

— Да вѣдь вы же задерживаете засѣданіе такими пустяками!..

Упрямый Ефимовъ развелъ однѣми кистями рукъ и сказалъ:

— Воля ваша. Но я считаю себя въ правѣ требовать точности и ясности въ вопросахъ, подлежащихъ обсужденію педагогическаго совѣта.

Директоръ раздраженно позвонилъ въ колокольчикъ. Появился въ залѣ Семенъ, очень похожій на директора лицомъ, манерами и ростомъ.

— Позови сюда Евстафія Михайлыча, — проговорилъ директоръ отрывистымъ тономъ фельдмаршала.

Семенъ неторопливо, съ достоинствомъ, показалъ спину членамъ совѣта и вышелъ. Минуты черезъ двѣ безшумно вошелъ письмоводитель, по костюму очень похожій на сторожа. Онъ страдалъ ревматизмомъ и былъ обутъ въ валенки. Подкравшись къ директору сзади, онъ приложилъ ладонь къ уху и, съ раскрытымъ ртомъ и недоумѣло-вытаращенными глазами, изобразилъ собою символическую статую, подъ которой можно было подписать: „вниманіе.“

— Справьтесь въ общихъ спискахъ, сколько лѣтъ, мѣсяцевъ и дней ученику шестого класса, Аристарху Фениксову? — громко и раздѣльно выговорилъ директоръ.

— Слушаю-съ.

Письмоводитель исчезъ такъ же безшумно, крадучись, какъ вошелъ. Съ четверть часа пришлось ждать его справки. За это время Борщевичъ разсказалъ своимъ сосѣдямъ еврейскій анекдотъ. Наконецъ, Евстафій Михайловичъ снова подкрался къ директору и положилъ передъ нимъ бумажку съ точною датою рожденія Фениксова.

— Гм... Однако-же онъ, въ самомъ дѣлѣ, великовозрастенъ: двадцать одинъ годъ...—пробормоталъ сквозь зубы директоръ.

— Я упустилъ изъ виду, Іосифъ Семеновичъ, — вставая съ мѣста, пояснилъ Фениксовъ - отецъ: — онъ поздно поступилъ въ гимназію. Хотя онъ у меня и единственный сынъ, но я былъ народнымъ учителемъ и не имѣлъ средствъ отдать его въ гимназію. И если бы я не былъ облагодѣтельствованъ вами, когда вы предложили мнѣ мѣсто въ гимна-

зіи, то онъ такъ и остался бы безъ образованія. Только благодаря вамъ, Іосифъ Семенычъ... Я вѣчно буду помнить и... никогда не забуду... Поэтому онъ поздно и поступилъ. Иначе бы ему и не видать гимназіи... Единственный сынъ...

— Теперь ваше мнѣніе?

Директоръ ткнулъ пальцемъ по направленію къ Краеву.

— Я не сторонникъ исключенія вообще. Но думаю, что ссылаться на лѣта Фениксова, какъ на извиняющее обстоятельство—въ данномъ случаѣ дѣло рискованное. Мое мнѣніе: предложить Каллистрату Агаѳонычу взять сына изъ гимназіи. Вѣдь неловко же послѣ такого проступка великовозрастному юношѣ оставаться въ ней...

— Такъ вы за исключеніе? Ваше мнѣніе, о. Андрей?

— Почему-же съ меня, Іосифъ Семеновичъ?—возразилъ батюшка, склонивъ голову къ плечу.

— А что?

— Да надо ужъ съ младшихъ.

— А я полагалъ, что мы всѣ здѣсь равны...

— Н ну... едва-ли! Вы обрѣтаетесь въ достоинствѣ директора и не только не равны преподавателю, но даже превыше и инспектора. А я полагаю себя въ третьемъ чинѣ...

— Ну, насчетъ голосовъ мы всѣ здѣсь равны. Впрочемъ, чтобы вамъ было не обидно, начинаю съ себя. Я—противъ исключенія. Ваше мнѣніе, Антонъ Антонычъ?

Инспекторъ нѣкоторое время бормоталъ что-то себѣ подъ носъ, — можетъ быть, мотивировалъ свое мнѣніе, но ничего нельзя было разобрать. — Потомъ болѣе внятно пробурчалъ:

— Поэтому я — противъ!..

— Теперь ваша очередь, батюшка. Вы—въ третьемъ чинѣ.

О. Андрей опять склонилъ голову къ плечу и осторожно развелъ руками.

— Да я... какъ бы вамъ сказать?.. Съ одной стороны, конечно, Фениксовъ—не то, чтобы очень... Правда, поетъ на клиросѣ... къ храму Божію прилеженъ... Идей въ головѣ разныхъ тамъ модныхъ нѣтъ... Въ могущей быть забастовкѣ участія никакѣйшаго не приметъ, конечно...

— Вы покороче, о. Андрей. За или противъ?

— По духу христіанской любви, противъ...

— Ваше мнѣніе, Иванъ Францычъ?—обратился директоръ къ Крживанеку.

— Зъ мнѣніемъ классонаго наставника...

— Ахъ, да помню...

Результатъ голосованія былъ очевиденъ. Только четыре голоса оказалось за исключеніе: Ефимовъ, Кузнецовъ, Краевъ и, къ общему удивленію, Ѳаворскій высказался за исключеніе, подавая голосъ послѣднимъ.

Затѣмъ подлежалъ обсужденію вопросъ о Карихѣ.

— Прошу, господа, прислушаться,—съ особеннымъ удареніемъ возгласилъ директоръ,—и отнестись къ предстоящему сейчасъ вопросу со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ.

Ѳаворскій, Нимфодоровъ, Киммель и Крживанекъ шевельнулись и тотчасъ же замерли въ глубокомъ вниманіи. Краевъ, наклонившись надъ столомъ, рисовалъ на газетномъ листѣ голову лошади. Кузнецовъ слѣдилъ за его рисункомъ и шепталъ:

— А голыхъ женщинъ не можете? Нарисуйте мнѣ: смерть люблю.

Борщевичъ вполголоса разсказывалъ какой-то анекдотъ Черномору, у котораго одно ухо было завязано черной повязкой. Черноморъ, изобразивши на своемъ лицѣ поглощающій интересъ и готовность прыснуть со смѣху, глядѣлъ въ глаза разсказчику, но никакъ не могъ угадать, въ какомъ мѣстѣ надо засмѣяться, потому что плохо разбиралъ слова Борщевича.

— Проступокъ ученика осьмого класса Карихъ заключается въ слѣдующемъ, — началъ директоръ неторопливо. съ спокойной увѣренностью.

Черноморъ фыркнулъ, увидѣвъ, что Борщевичъ кончилъ свой анекдотъ, и заколыхался отъ смѣха. Директоръ кинулъ строгій взглядъ въ ихъ сторону и затѣмъ продолжалъ твердо и внушительно:

— 17-го февраля, на урокѣ латинскаго языка въ восьмомъ классѣ, при переводѣ *De officiis* я счелъ нужнымъ остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ Цицеронъ говоритъ о необходимости подчинять личные интересы интересамъ государства. Считая это мѣсто очень важнымъ въ воспитательномъ отношеніи, я расширилъ мысль Цицерона и примѣнилъ ее къ условіямъ русской государственности. Въ то время, какъ я говорилъ, я замѣтилъ, что ученикъ восьмого класса Карихъ бесѣдуетъ съ своимъ сосѣдомъ Ромаскевичемъ, и оба чему-то улыбаются. Это неумѣстное и неприличное поведеніе остановило меня, и я сказалъ: — Карихъ! повторите мои послѣднія слова... — Молчитъ. — О чемъ вы бесѣдовали? — Молчитъ.—Есть у васъ языкъ, Карихъ? — „Какъ же, имѣется...“ Тонъ такой, знаете, вызывающій.—Почему-же вы молчите?—Пожимаетъ плечами.—Значитъ, вы говорили что-нибудь такое гадкое, чего не можете даже вслухъ сказать? — „Нѣтъ, просто не считаю нужнымъ говорить вамъ“... Мнѣ ничего не оставалось больше, какъ удалить его изъ класса...

Директоръ сдѣлалъ паузу.

— И я выгналъ его изъ класса,—строго прибавилъ онъ.

— И слѣдовало!—мрачно одобрилъ Нимфодоровъ.

— Теперь прошу, господа, обсудить этотъ инцидентъ. Прошу помнить, что поведеніе учениковъ восьмого класса, согласно послѣднимъ циркулярнымъ распоряженіямъ, должно обсуждаться съ особою тщательностью; ибо тотъ же Карихъ, черезъ какихъ-нибудь два—два съ половиной, мѣсяца можетъ быть уже студентомъ университета, а вы знаете, что мы своимъ аттестатомъ зрѣлости выдаемъ, такъ сказать, ручательство въ его благонадежности. Поэтому, господа, прошу васъ обсудить проступокъ ученика восьмого класса Карихъ со всею тщательностью.

Директоръ откинулся на спинку кресла и черезъ носъ выпустилъ долгій вздохъ. Торжественная тишина на цѣлыхъ двѣ минуты заглянула въ скучную залу, и оттого, что никто не говорилъ, люди въ синихъ сюртукахъ казались умными и значительными.

— Прошу класснаго наставника восьмого класса высказать свое мнѣніе,—торжественнымъ тономъ предложилъ директоръ, и было похоже на то, какъ будто засѣданіе педагогическаго совѣта стало вдругъ засѣданіемъ верховнаго тайнаго суда.

Крживанекъ, классный наставникъ восьмого класса, звонко и продолжительно кашлянулъ. Потомъ выхватилъ изъ бокового кармана свою записную книжку и устремилъ въ нее внимательный взглядъ. Онъ нѣсколько разъ переложилъ голову съ праваго плеча на лѣвое и обратно. Высказываться первымъ онъ органически не могъ. Ему необходимо было согласиться съ чьимъ-либо мнѣніемъ, — лучше всего съ мнѣніемъ начальствующаго лица. Теперь онъ не успѣлъ еще уяснить, куда гнетъ директоръ: къ исключенію ли Карихъ, или къ другому наказанію.

Позиція классного наставника обязывала его выдвинуть факты, а фактовъ, которые могли бы надежно утопить Карихъ, не было. Этотъ остроумный юноша учился удовлетворительно, по нѣкоторымъ предметамъ даже отлично, — ученье ему давалось чрезвычайно легко, хотя, разумѣется, гимназической наукой онъ почти не интересовался. И держался онъ мягко, не грубилъ. Проявлялъ иногда шутовство, но безобидное. Возможно, что большинство совѣта окажется противъ исключенія: исключить ученика наканунѣ полученія аттестата зрѣлости, это—вещь не шуточная. Тѣмъ болѣе, что никогда не остается тайной для учениковъ то, что говорится на совѣтѣ. А по нынѣшнимъ временамъ... страшновато!

— Ну да... вотъ уже... Карихъ очень нервній...—началъ нерѣшительно Крживанекъ и суетливо перевернулъ нѣсколько страницъ въ своей книжечкѣ.

— Нервный?—строгимъ тономъ переспросилъ директоръ.

— Оч-чень нервній!

— Изъ чего же это видно?

— То-есть... я вамъ скажу,—замѣтилъ шепотомъ батюшка, сдерживая подступавшій къ горлу смѣхъ:—такой краснощекій малый, что дай Богъ всякому! Здоровя-якъ...

Онъ сжалъ оба кулака и слегка покачалъ ими, символически указуя обиліе здоровья, которымъ обладалъ Карихъ.

— Иногда не отвѣчаетъ уроковъ... — продолжалъ Крживанекъ.

— То-есть, какъ?

Тонъ директора сталъ еще строже.

— Ну да... вызовешь уже его, а онъ не отвѣчаетъ... Уже не можетъ... или не хочетъ... На дняхъ по-гречески вызываю, а онъ говоритъ: „я и слова, и грамматику греческую въ печку забросилъ...“ Ну да...

— Такъ это что же? Нервность, или лѣность?

Передъ этой неожиданной дилеммой Крживанекъ сталъ втупикъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько кругообразныхъ движеній своей выкрашенной въ каштановый цвѣтъ бородкой, звонко кашлянулъ, покраснѣлъ и, быстро жестикулируя короткими руками, пояснилъ:

— Ну да... вотъ уже юношество такое нынче... иногда словъ не знаетъ...

— И часто это случается? — строго спросилъ директоръ.

— Да. Это не рьѣдко...

— Такъ вы обязаны были довести объ этомъ до моего свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ, это — лѣность, а не нервность. И это вовсе не оправдываетъ и не объясняетъ его послѣдняго проступка. Что вы еще можете сказать въ защиту Карихъ?

— Э-э... к-хэ-эммм!..

Крживанекъ протяжно кашлянулъ, переложилъ нѣсколько разъ голову съ одного плеча на другое и безповоротно рѣшилъ принять точку зрѣнія своего начальника. Будь, что будетъ!..

— Ну да... вотъ уже... какъ же это? Директору—и не повиноваться? — строго сказалъ онъ, глядя въ свою записную книжку. — За это слѣдуетъ наказать построже!..

Но директоръ не удовлетворился этой простой перемѣной фронта и рѣшилъ потерзать смиреннаго, преисполненнаго готовности богемца.

— А факты у васъ какіе-нибудь есть?—спросилъ онъ:—вы давно знаете Карихъ?

— Да. Уже четыре года я вьеду этотъ классъ.

— Какъ онъ занимается? Усердно?

— Н-не зовсѣмъ усердно... Но... у него есть уже удовлетворительныя отмѣтки...

— Какъ же вы это объясняете? Однимъ словомъ, я хочу знать: правильно ли, регулярно ли и усердно ли онъ занимается?

Крживанекъ опять протяжно кашлянулъ и вполголоса сказалъ:

— Да... вотъ уже... онъ не зовсѣмъ прилежній, но... даровитій...

— Тѣмъ не менѣе, отказывается отвѣчать на урокахъ, не знаетъ словъ?... А квартиру его вы посѣщали?

— Да. Уже нѣсколько разъ.

— Производили осмотръ книгъ?

— Да. Производилъ. Книги въ полномъ порядкѣ. Переплетены. Аккуратно все...

— Подстрочниковъ не находили?

— Н-нѣтъ...

— А вотъ инспектору онъ самъ ихъ выдалъ, когда производился у него обыскъ.

— Э к-хэ-мм!..

Наступила небольшая пауза. Авксентій Васильевичъ радостно хихикнулъ. Киммель улыбался довольной улыбкой. Остальные переглядывались молча и серьезно.

— А воспитанный онъ юноша?—послѣ передышки снова началъ директоръ.

— Ньѣтъ! не благовоспитанній! — съ рѣшительнымъ отчаяніемъ воскликнулъ Крживанекъ: — грубій такой... На урокахъ громко поетъ басомъ...

— Поетъ?!

— Уже гудитъ такъ... - (Крживанекъ неопредѣленно поводилъ въ воздухѣ ладонями). — Уже безпорьядокъ иногда производитъ... Я уже ему замѣчалъ, а онъ говоритъ: „это гимнъ братьямъ-славянамъ: Антону и Ивану.“

— Значитъ, обнаруживаетъ склонность къ издѣвательству надъ преподавателями? Часто онъ надъ вами насмѣхается?

— Нѣтъ. Я не позволялъ...

— А вотъ инспекторъ могъ бы передать, какъ онъ глумился надъ нимъ во время обыска. Показывалъ либретто „Прекрасной Елены“ и увѣрялъ, что это лучшее произведеніе древняго классицизма. Подъ видомъ антиправительственныхъ брошюръ выложилъ подстрочники. Затѣмъ показывалъ коробку капсюлей съ касторовымъ масломъ и увѣрялъ, что это разрывные снаряды... Вы это находите благоприличнымъ?

— Ну да... вотъ уже... онъ дерзкій юноша...

Члены совѣта пришли въ веселое настроеніе. Директоръ слишкомъ усердно старался потопить Карихъ. Но видно было, что у многихъ учителей родилось несомнѣнное расположеніе къ преступнику. Положимъ, батюшка высказался съ необычною для него опредѣленностью:

— Ужъ если директору такіе отвѣтики даютъ, то чего же ждать намъ? Вотъ она, свобода-то...

Киммель поспѣшно выговорилъ:

— Мой взглядъ, Іосифъ Семеновичъ, на данный случай таковъ: чтобы не подавать соблазну остальнымъ нашимъ абитуріентамъ,—исключить!

Высказывая свой взглядъ, онъ заикался и спотыкался, какъ будто боялся опоздать. Ротъ его, широко и часто раскрываясь, жадно хваталъ воздухъ, какъ рыба, брошенная на берегъ, а глаза были стыдливо опущены.

— Исключить!—кратко и вѣско гукнулъ Нимфодоровъ.

— Я стоялъ за исключеніе Фениксова, который доводится мнѣ даже родственникомъ,—вставая не въ очередь съ мѣста, патетически воскликнулъ Ѳаворскій:—теперь, въ подобномъ поступкѣ, когда оскорблена дорогая намъ всѣмъ честь нашего начальника, я прямо скажу: исключить!

— Я не спрашиваю вашего мнѣнія... пока...—сухо сказалъ директоръ.

Слишкомъ явную и грубую лесть онъ не всегда поощрялъ.

Борщевичъ перегнулся къ Ефимову и громкимъ шепотомъ говорилъ:

— Когда насъ травятъ ученики, — ничего. А пришлось самому отвѣдать,—не понравилось...

Ефимовъ кивнулъ головой въ знакъ полнаго согласія и, приложивъ руку къ губамъ, сказалъ:

— Вотъ хочу это сейчасъ сказать!

Кузнецовъ, который сидѣлъ рядомъ съ нимъ, сердито прошепталъ:

— И охота вамъ!

Но Ефимовъ, повидимому, кипѣлъ боевымъ пыломъ. Это былъ человѣкъ не широкаго кругозора, нѣсколько черствый, но стойкій и прямой. Первые шаги его въ гимназіи, послѣ безтолковаго, смѣшного до каррикатурности учителя-француза, были очень трудны. Привыкшіе ничего не дѣлать ученики ничего не знали по предмету. Онъ попытался заставить ихъ работать. Распущенные лѣнтяи пустили въ ходъ противъ новаго учителя всѣ средства борьбы, которыя изобрѣтены и усовершенствованы многолѣтнимъ опытомъ нелѣпой школьной жизни. Но Ефимовъ оказался человѣкомъ рѣдкой настойчивости. Всѣ терніи дѣтской и родительской вражды,

дерзостей, насмѣшекъ, жалобъ онъ вынесъ терпѣливо и побѣдилъ ученическій антагонизмъ. Черезъ два года онъ добился отъ учениковъ и аккуратной работы, и довѣрія, и уваженія къ себѣ. Но обошлась ему эта борьба не дешево.

— Я припоминаю первые шаги моего учительства,—заговорилъ Ефимовъ, когда дошла до него очередь высказать мнѣніе.—Мнѣ и свистали, и стучали партами, ногами, и кричали: „рябчикъ! рябчикъ!“ И это не только ученики младшихъ или среднихъ классовъ, но и восьмиклассники. На урокахъ говорили грубости, дерзости. Называли вслухъ іезуитомъ, Неуважай-Корытомъ... А когда я высылалъ ихъ изъ класса, то получалъ отъ Іосифа Семеныча внушеніе, что этимъ путемъ, во-первыхъ, лишаю ученика возможности слушать урокъ, а во-вторыхъ, оставляю его безъ надзора. На заявленіе мое о невозможности учить при такихъ условіяхъ, мнѣ рекомендовали побольше такта...

Можетъ быть, въ этомъ есть доля своеобразной правды: не надо, дескать, доводить до раздраженія мальчика, ибо... онъ быстро реагируетъ на впечатлѣнія. Свѣжій примѣръ: на прошлой недѣлѣ ученикъ VI класса Чередниченко, не знавшій урока, сказалъ на замѣчаніе Кузьмы Петровича: „вы постоянно придираетесь! Я съ вами не желаю разговаривать! Буду на васъ жаловаться директору!..“ Виноватъ въ данномъ случаѣ, конечно, учитель, выразившій намѣреніе поставить Чередниченко единицу. Я могъ бы назвать цѣлый рядъ подобныхъ инцидентовъ, которые у насъ принято оставлять безнаказанными и относить всецѣло насчетъ вины преподавателей. И къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и проступокъ Карихъ.

Наступила долгая пауза. Мнѣніе было дерзкое, и Авксентій Васильевичъ готовился уже выразить свое негодованіе, но боялся, что директоръ опять остановитъ его. Директоръ молча передергивалъ усами и не подымалъ глазъ.

— „Обдумываетъ, какую пакость удобнѣе учинить Ефимову“,—подумалъ Краевъ.

— Ваше мнѣніе?

Директоръ ткнулъ пальцемъ по его направленію.

— Мнѣ даже неясно, въ чемъ заключается проступокъ Карихъ?—сказалъ Краевъ, слегка волнуясь и блѣднѣя. Онъ предчувствовалъ схватку и, не умѣя говорить спокойно, боялся осрамиться.

— Не ясно?—съ удивленіемъ воскликнулъ директоръ и посмотрѣлъ на всѣхъ, приглашая раздѣлить его изумленіе.

— Да.

— Слѣдовательно, вы не находите дерзости въ отвѣтѣ Карихъ?

— По существу, онъ въ правѣ былъ сказать то, что сказалъ...

Директоръ не произнесъ больше ни слова. Лишь указательный перстъ его устремлялся поочередно на каждаго изъ остальныхъ членовъ совѣта, предлагая имъ подать мнѣніе. Голоса раздѣлились поровну. На сторонѣ исключенія былъ голосъ директора. Онѣ и далъ перевѣсъ этому рѣшенію.

— Д-да, теперь придется расхлебывать кашу,—говорилъ Ефимовъ, шагая рядомъ съ Краевымъ по лужамъ, когда они возвращались домой.

Наступила оттепель,—было начало марта. Теплый, густой туманъ окуталъ землю и небо и быстро съѣдалъ снѣгъ. Ничего не было видно въ странной сѣрой темнотѣ, съ трудомъ прорѣзаемой тусклыми фонарями. Гдѣ-то, журча, разговаривали ручейки, звонко шлепались съ крышъ струйки воды, что-то безпокойно и весело шелестѣло...

— И досаднѣе всего, что громить будутъ безъ разбора всѣхъ... и насъ въ томъ числѣ... А за что?—спрашивалъ Ефимовъ.

Теплый туманъ равнодушно глоталъ звуки его голоса и не давалъ отвѣта.

XIV.

Большая перемѣна еще не кончилась. Въ вестибюлѣ бѣгали, катались по полу, валялись и дрались мелкіе гимназистики. Завидѣвъ Краева, который пріѣхалъ изъ корпуса къ четвертому уроку, они гурьбой окружили его, здоровались, оглушительно кричали, разстегивали пуговицы его пальто, помогали раздѣться, оттѣснивъ серьезнаго и величественнаго швейцара Ларіона. Инспекторъ заглянулъ изъ коридора въ вестибюль. При видѣ шумнаго безпорядка, онъ внушительно нахмурилъ брови. Но такъ какъ вблизи не было надзирателей,—а безъ ихъ поддержки онъ не расчитывалъ на успѣхъ,—то онъ и не рѣшился заявить себя болѣе активнымъ образомъ.

Въ учительской еще не кончилось чаепитіе. Вокругъ стола за самоваромъ сидѣли: батюшка, латинистъ Нимфодоровъ въ темныхъ очкахъ, Борщевичъ и Киммель. Остальные учителя расположились на диванѣ и на подоконникахъ съ газетами въ рукахъ или со стаканами чаю. Среди нихъ шнырялъ Авксентій Ѳаворскій. Въ гимназіи ему нечего было дѣлать, и онъ постоянно вертѣлся здѣсь, сообщалъ городскія сплетни и собиралъ нужныя свѣдѣнія. Въ его отсут-

ствіе учителя не разъ сговаривались выгнать его изъ учительской, не подавать руки, не говорить съ нимъ. Но таково было обаяніе директорскаго расположенія къ этому ничтожному человѣку, что ни у кого не хватало духу проявить гражданское мужество.

Батюшка и Нимфодоровъ пили чай съ блюдечка, въ прикуску, громко хлебали, усиленно набивали рты булкою, чавкали и съ удовольствіемъ слушали пряный анекдотъ Борщевича. Была неискоренимая потребность въ чемъ-нибудь веселомъ, легкомъ, пусть даже грязномъ, что на время отвлекло бы мысли въ сторону отъ скучной, утомительной учебной дѣйствительности. Всѣ чувствовали усталость и нервную разбитость. Дѣло шло изъ рукъ вонъ плохо. Ученики бросили учиться. Казалось, какая-то завѣса заслонила ихъ отъ учительскихъ глазъ: замкнулись всѣ, шушукались о чемъ-то, что-то готовили... Даже малыши имѣли видъ заговорщиковъ.

Анекдотъ былъ всѣмъ извѣстенъ и переизвѣстенъ, но всѣ смѣялись, даже мрачный Кузнецовъ, молчаливо, со сложенными на животѣ руками, сидѣвшій на стулѣ подъ зеркаломъ, на томъ самомъ стулѣ, на которомъ неизмѣнно видѣлъ его Краевъ въ продолженіе всѣхъ двѣнадцати лѣтъ своей службы.

— Вотъ всѣ говорятъ, заграница хороша,—сказалъ батюшка, когда утихъ смѣхъ:—но вотъ вамъ первый примѣръ—вагоны. Указать бы нашимъ западникамъ...

— Ну, порядки и у насъ хороши!—возразилъ Борщевичъ, переходя опять къ такой темѣ, которая заключала непремѣнно грязный элементъ:—утромъ идешь на уроки,—тротуары всѣ запакощены! На каждомъ шагу куча, да еще какая! Полковой командиръ сразу бы сказалъ: „это непремѣнно поваръ“...

— Ххссс...—зашипѣлъ Нимфодоровъ, а батюшка фыркнулъ въ блюдце и расплескалъ чай. Крживанекъ залился галопирующимъ смѣхомъ. Все лицо его сморщилось, точно онъ собирался чихнуть, а горло звонко выговаривало: ке-е-ке-ке-ке...

— За границей этого нѣтъ,—продолжалъ поощренный общимъ смѣхомъ Борщевичъ:—люди, что-ль, другіе?

— Тамъ порядокъ,—грузно вздохнувши, сказалъ Нимфодоровъ.

Батюшка громко хлебнулъ и, кивнувъ сочувственно головой, прибавилъ:

— Дисциплина...

— А у насъ свобода пошла! — хихикая, вставилъ свое слово Ѳаворскій.

— Свобода... гм... да... — вздохнулъ о. Андрей: — видимъ вотъ мы ее на ученикахъ. Началось съ „сердечнаго попеченія“ и до чего дошло! Къ молитвѣ опаздываетъ, ко всенощной ему далеко ходить... А въ театръ—это сдѣлайте одолженіе, во всякое время готовъ. А на утро — головка болитъ, урочковъ приготовить не могъ, по болѣзни отказывается, отъ мамаши записочку представитъ. А поставь единичку,—дерзости, жалоба: придирчивость, несправедливость... Свобода... эхъ-ма-а! А введите розгочку,—черезъ недѣлю гимназію не узнаете!..

— Въ Англіи сѣкутъ,—сказалъ Борщевичъ.

— Вотъ, вотъ!—воскликнулъ батюшка, поднося къ сердцу обѣ руки: — и наипаче не мѣшало бы у насъ! Пусть онѣ хоть лежатъ, но чтобы онъ зналъ, что онѣ есть...

Нимфодоровъ откусилъ кусочекъ сахару и долго съ недоумѣніемъ глядѣлъ на самоваръ, держа блюдце на пальцахъ передъ правымъ ухомъ.

— Не въ частыхъ случаяхъ, конечно, но примѣнять необходимо,—приподнявъ густыя брови, авторитетно замѣтилъ онъ.

Кусочекъ сахару мѣшалъ ему говорить, и онъ, съ трудомъ ворочая языкомъ, добавилъ:

— Разумѣется, не походя...

— Да, попробовать не мѣшало бы, — сочувственно поддержалъ Кузнецовъ: — примите во вниманіе, какой ученикъ пошелъ! Въ восьмомъ классѣ идетъ у меня урокъ по древней исторіи. Объ Юліанѣ Отступникѣ. Говорится, что онъ, желая подорвать авторитетъ Христа, задумалъ возстановить іерусалимскій храмъ. Ну... рабочіе тамъ... серебряныя лопаты... масса же пожертвованій на это было... И вотъ, Амміанъ Марцеллинъ, — писатель, самъ язычникъ, замѣтьте,— сообщаетъ, что когда разобрали фундаментъ и стали рыть дальше, то стали изъ земли выскакивать огненные языки, такъ что работъ нельзя было продолжать... Спрашиваю одного: вы вѣрите этому?—„Нѣтъ“.

— А-а-а!—съ ужасомъ прошипѣлъ батюшка и сокрушенно покачалъ головой.

— Такимъ это тономъ, знаете... ироническимъ... видите?!

— Ммм...—вздохнулъ батюшка, продолжая качать головой:—а какъ фамилія, позвольте узнать?

— Да это... я вамъ послѣ скажу. Да... Но вѣдь ты—христіанинъ! Ты можешь и не вѣрить этому—твое дѣло, но, по крайней мѣрѣ, молчи, сукинъ сынъ!

— Какія же основанія-то, по крайней мѣрѣ? — мрачно сбычившись, спросилъ Нимфодоровъ.

— Чего?

—.Ну... чтобы не вѣрить?

— А вотъ подите, узнайте у него!.. А то въ томъ-же восьмомъ классѣ,—продолжалъ Кузнецовъ, привставши и поправляя штаны:—такой случай... Есть тамъ одинъ... распропагандированный сукинъ сынъ!.. Прямо—соціалистъ!.. Закончили повтореніе Римской исторіи. Говорится по Гегелю, что исторія есть освобожденіе личности отъ рабства. Ну, на Востокѣ личность была подавлена, тамъ были касты, привилегіи. Въ Греціи личность достигла высшаго своего выраженія. Въ Римѣ свобода личности была обезпечена закономъ, но съ ограниченіями, подчиняющими ее государству. Потомъ наступилъ императорскій періодъ. Деспотизмъ, значитъ... Индивидуализмъ былъ подавленъ. Это, между прочимъ, было одною изъ причинъ паденія Римской имперіи... Спрашиваю того:—согласенъ?—„Ничего подобнаго. Тутъ были экономическія причины“... Онъ начитался, сукинъ сынъ, марксистовъ, и у него ничего, кромѣ рабочаго и фабрикъ! Духа человѣческаго онъ не признаетъ никакъ!..

О. Андрей укоризненно чмокнулъ языкомъ и покрутилъ головой.

— Свобода пошла... Общественныя ходатайства, постановленія... Только и слышите: чтобы родители имѣли доступъ въ совѣты...

— Ко-неч-но!—желчно протянулъ Кузнецовъ.—И весь вопросъ сведется къ тому, что либеральные родители — главнымъ образомъ, жиды и адвокаты — будутъ безнаказанно ошельмовывать нашего брата. Какой-нибудь докторъ Шельмензонъ, или адвокатъ Брехунцовъ, или даже трактирщикъ Задирайляжкинъ придетъ и будетъ распоряжаться мною, какъ приказчикомъ...

Батюшка, въ знакъ согласія, качнулъ головой:

— Это —совершенно справедливо!

— Вѣдь это что-же? — продолжалъ Кузнецовъ, ожесточаясь и правой рукой дѣлая такой жестъ, какъ будто ухватилъ кого-то за шиворотъ и тянулъ къ себѣ:— ну, придетъ какой-нибудь сукинъ сынъ съ Ильинки... Да ему ничего не стоитъ смѣшать съ грязью меня, преподавателя. У меня вонъ есть участковый городовой Абрамовъ. Онъ любому адвокату шестьдесятъ очковъ дастъ...

— Словами? — спросилъ Нимфодоровъ, поднявши взоръ отъ блюдца въ неопредѣленную высь.

— Словами! И у такого сукина сына будутъ дѣти,—какъ же я съ нимъ могу говорить?

— А чтобы этого не случилось, надо ихъ кастрировать,— сказалъ Борщевичъ.

Крживанекъ залился звонкимъ, прыгающимъ смѣхомъ.

— Вамъ все шутки,—обиженнымъ тономъ возразилъ Кузнецовъ,—а вотъ погодите, выкинутъ они какую-нибудь штуку да заставятъ васъ на ежедневное совѣщаніе съ родителями являться, — тогда узнаете... Они васъ раздѣлаютъ подъ орѣхъ!..

— Тоже забастовщики... къ чорту носомъ!—пренебрежительно воскликнулъ Борщевичъ: — показать имъ плетку,— у всѣхъ штаны станутъ желтые... Одного городового съ плеткой достаточно...

— Тогда и вовсе скандалъ получится... Подите-ка, вонъ какой шумъ, попробуйте успокоить...

— Да... что-то сейчасъ... какъ будто того... — сказалъ о. Андрей, скосивъ глаза и прислушиваясь къ шуму, доносившемуся снизу, изъ гимнастической залы и изъ нижняго коридора.

Волны дружнаго гула и какихъ-то не совсѣмъ обычныхъ звуковъ поднимались оттуда. Обычный шумъ былъ пестрый, копошащійся, ровный, толкущійся на мѣстѣ, какъ столбъ мошекъ. А здѣсь было что-то новое. Смягченный разстояніемъ и казавшійся мягкимъ и стройнымъ, этотъ шумъ дружно подымался и падалъ, и снова вставалъ, объединенный, согласный, гармоничный, сливающійся въ одномъ чувствѣ.

Изрѣдка на фонѣ его всплескивали дикіе голоса, пронзительно врѣзывался визгъ, сверлящей спиралью пробѣгалъ тонкій свистъ, — и опять колыхались ритмически стройныя, подымавшіяся и опускавшіяся волны, на гребнѣ которыхъ бѣлыми барашками звенѣли вьющіеся и танцующіе дѣтскіе голоса.

Они росли, надвигались. Вотъ они вмѣстѣ съ частымъ, тревожно-веселымъ топотомъ ногъ пронеслись по верхнему корридору, черезъ актовую залу, разбились, разсыпались по классамъ, опять вспыхнули гдѣ-то внизу, потомъ вверху въ двухъ мѣстахъ, покрывая визгомъ и свистомъ дребезжащіе звуки колокольчика и звонъ разбитыхъ стеколъ.

Ѳ. Крюковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* * *

Въ Вѣчной Книгѣ, гдѣ хранится
Счетъ людскихъ скорбей,
Есть кровавая страница
Родины моей.
Ничего не позабыто
Въ книгѣ страшныхъ дней,
И проклятіемъ покрыта
Память палачей!
Каждый стонъ тоски и боли—
Все тамъ сочтено,
Вѣковыхъ цѣпей неволи
Каждое звено!..
И текутъ, въ нѣмой печали,
Какъ святой ручей,
На кровавыя скрижали
Слезы матерей...
И сквозь вѣчности покровы
На потоки слезъ
Смотритъ скорбно и сурово
Ра́спятый Христосъ.

Г. Галина.

Духовная полиція въ русскомъ церковномъ строѣ.

(Окончаніе).

III.

Взглядъ на религію, какъ на одну изъ могучихъ силъ, которыми въ своихъ цѣляхъ должно воспользоваться чисто-свѣтское, мірское государство, находитъ уже очень рано свое выраженіе въ устахъ философовъ и политическихъ мыслителей.

Уже у Гроція читаемъ мы, что «религія наиболѣе содѣйствуетъ внѣшнему счастью и согласію», а потому и принадлежитъ «начальству осуществленіе власти въ духовныхъ дѣлахъ», а въ частности «верховной власти—высшее управленіе въ дѣлахъ церковныхъ». И Спиноза стоитъ на той же точкѣ зрѣнія; онъ прямо требуетъ, чтобы «богослуженіе и упражненіе въ благочестіи было приспособлено къ интересамъ мира и пользамъ государства... ибо благо государства—высшій законъ, и къ нему должно быть приспособлено все, и земное, и духовное». Цѣликомъ отдаетъ и Гоббесъ своему государственному Левіаѳану, какъ религію гражданъ, такъ и церковную власть. «Христіанское государство, говоритъ онъ, есть то же самое, что христіанская церковь», и если въ виду первороднаго грѣха нужны для государства не только «послушаніе», но и «вѣра», а правильнѣе «вѣроисповѣданіе», то опять-таки и здѣсь мы встрѣчаемъ не только необходимое совпаденіе «закона божественнаго» съ закономъ «моральнымъ» и «гражданскимъ», но и полную свободу свѣтской власти опредѣлять все то, что относится къ «внѣшнему» и, слѣдовательно, подлежитъ ея непосредственному завѣдыванію, и къ «внутреннему», т. е. находится въ рукахъ подчиненныхъ ей священниковъ и проповѣдниковъ. Этого требуетъ «естественное царство Божіе на землѣ», это необходимо для того, чтобы «граждане изобильно пользовались всѣми благами, и при томъ не только для одной жизни, но и для наслажденія...» *).

---

*) Hobbes, De cive, XV, 17, XVII, 6, 14, 20, 21, 22, 24—28, XVIII, 2 ,4, 6, XIII, 3.

У Пуффендорфа мы встрѣчаемъ, наконецъ, требованіе своего рода «естественной» государственной религіи—publica formula fidei,— безъ которой никто не можетъ быть терпимъ въ государствѣ, а Конрингъ уже слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ эту «естественную религію», необходимую для «почитанія государства»: «ей одинаково противно, говоритъ отъ, съ одной стороны нечестіе или атеизмъ, съ другой стороны суевѣріе», но вмѣстѣ съ тѣмъ «именно о ней должно заботиться величество, если оно желаетъ правильно управлять государствомъ» *).

Послѣдовательность требовала еще одного шага. Разъ религія представляется такой силой, которая нужна государству, во-первыхъ, чтобы укрѣпить его мощь, а во-вторыхъ, чтобы учинить всеобщее блаженство, то оставить существующія религіи, какъ онѣ имѣются въ наличности, не представлялось болѣе возможнымъ. И не съ точки зрѣнія какой-нибудь положительной вѣры, но съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ необходимо было подвергнуть религіи извѣстной реформѣ и надзору. Такія требованія и были въ дѣйствительности выставлены. Наиболѣе далеко пошли въ этомъ отношеніи французскіе политики и философы. Рейналь одинъ изъ первыхъ высказалъ пожеланіе, чтобы законодательная власть подвергала разслѣдованію каждую религію по слѣдующимъ вопросамъ: «не убиваетъ ли данное религіозное ученіе патріотическаго духа, не ослабляетъ ли мужества, не вселяетъ ли отвращенія къ промышленности, къ браку, къ государственнымъ дѣламъ, не вредитъ ли общественности и возрастанію населенія и не проповѣдуетъ ли изреченій, наводящихъ скорбь, не даетъ ли совѣтовъ, которые приводятъ къ безумству...» Вѣдь «обѣты цѣломудрія отвергаютъ природу и вредятъ размноженію, а обѣты бѣдности только предлогъ для лѣности; обѣтъ же повиновенія какой-нибудь другой власти, кромѣ господствующей и закона, характеризуетъ только или раба, или бунтовщика». «Государство обладаетъ верховенствомъ во всемъ. Самое различеніе между свѣтской и духовной властью представляетъ собою кричащій абсурдъ; ибо вездѣ, гдѣ только дѣло идетъ объ общественной пользѣ, объ установленіи порядка или защиты гражданъ, тамъ можетъ идти рѣчь только объ одной и единственной юрисдикціи...» **).

Въ томъ же духѣ выражался и Вольтеръ. «Государь долженъ быть абсолютнымъ повелителемъ въ области церковной полиціи, и при томъ безъ всякихъ ограниченій; эта церковная полиція есть только часть управленія... государь можетъ предписывать всякому церковнику безъ исключенія все, что только имѣетъ малѣйшее

---

*) Rieker, Die rechtliche stellung der evangel. kirche Deutschl., Leipz. 1893, стр. 249 и слѣд.

**) F. Laurent, L'église et l'état, T. II, Paris, 1865, 370 и слѣд.

отношеніе къ публичному порядку». И это обосновывается слѣдующимъ образомъ. «Всякая религіи находится въ государствѣ, всякій священникъ—въ гражданскомъ обществѣ, и всѣ церковники находятся въ числѣ подданныхъ того суверена, у котораго они осуществляютъ свою должность». Сама религія установлена съ исключительной цѣлью удержать людей въ порядкѣ и заставить ихъ заслужить добродѣтелью милость Божію. И все, что въ религіи не стремится къ этой цѣли, должно быть разсматриваемо, какъ чужое ей и опасное». Въ самой «церковной догмѣ заслуживаетъ поэтому вниманія полиціи только то, что можетъ интересовать общественный порядокъ; и это именно вліяніе ученія на нравы, которое рѣшаетъ здѣсь вопросъ объ ея важности». Идеальнымъ порядкомъ является такой, при которомъ «религія въ качествѣ государственной имѣла бы храмы и дни, посвященные отдыху и богослуженію, обряды, установленные закономъ, служителей при этихъ обрядахъ, пользующихся уваженіемъ, но не имѣющихъ власти; чтобы эти служители наставляли народъ въ добрыхъ нравахъ, а слуги закона надзирали надъ служителями храмовъ...» Ибо «мы поставили священниковъ исключительно для того, чтобы они были тѣмъ, чѣмъ они должны быть, т. е. учителями морали для нашихъ дѣтей, и эти учителя должны быть оплачиваемы и уважаемы, но они не должны претендовать ни на юрисдикцію, ни на инспекцію, ни на оффиціальныя почести; они ни въ какомъ случаѣ не должны быть приравнены магистратурѣ». «Это значило бы кощунствовать противъ разума», ставить рядомъ «свѣтскую и духовную власть!» *).

У Монтескьё религія и «гражданскіе законы» прямо дополняютъ другъ друга. И первая, и вторыя должны преимущественно стремиться къ тому, чтобы сдѣлать людей добрыми гражданами; какъ очевидно, чѣмъ болѣе одна изъ нихъ удаляется отъ этой цѣли, тѣмъ больше выигрываетъ въ объемѣ другая: чѣмъ меньше караетъ религія, тѣмъ больше должны карать гражданскіе законы. Ясно отсюда, что «самыя истинныя и самыя святыя догмы могутъ имѣть весьма дурныя послѣдствія, если онѣ не связаны съ принципами общества, и наоборотъ» **).

Оставалось только потребовать чисто гражданской религіи, государственной вѣры, свѣтской догмы и ученія. И у Гельвеція съ ссылкой на С. Пьера мы находимъ не только утвержденіе, что «священникъ не можетъ приносить дѣйствительной пользы иначе, какъ въ качествѣ чиновника для нравственнаго ученія», что никто, кромѣ свѣтской власти, не можетъ «лучше понимать въ этомъ благо-

*) Laurent, в. н. с. стр. 377. Voltaire, Oeuvres compl. T. XXXIX, 1785. Diction. philosoph. „Droit canonique", Sect. IV, XLII, „Puissance", XLIII, „Religion", XXIX, La voix du sage et du peuple, Idés républicaines XI.

**) Montesquieu, Oeuvres compl. Paris, MDCCCXXXIV, De l'esprit des lois. L. 24 Ch. XIV.

родномъ дѣлѣ, какъ правительство». Ибо кто лучше его можетъ привести въ движеніе «мотивы общаго интереса, на которомъ основываются всѣ особенные законы», или утвердить «нерушимость» того «зданія, которое связываетъ счастье отдѣльнаго гражданина съ общимъ счастьемъ всего общества»? Въ виду этого «должно подчинить священника сенатору, а религію—счастью общества». «И на дѣлѣ только отъ законодательнаго корпуса можно ожидать благодѣтельной религіи, которая не причиняла бы большихъ расходовъ, была бы терпима, содержала бы въ себѣ только великія и высокія понятія о Божествѣ, зажигала бы въ сердцахъ только любовь къ дарованіямъ и добродѣтелямъ; однимъ словомъ, также какъ законодательство имѣла бы своей цѣлью одно только блаженство людей» *).

Теорія естественной религіи нашла свое наиболѣе яркое выраженіе у Руссо.

«Очень важно для государства, учитъ этотъ пророкъ XVIII в., чтобы у каждаго гражданина была религія, научающая его любить свои обязанности; но догмы этой религіи интересуютъ государство и его членовъ лишь постольку, поскольку онѣ имѣютъ отношеніе къ морали и обязанностямъ, которыя предписываютъ эти догмы по отношенію къ другому лицу тѣмъ, кто ихъ исповѣдуетъ». «Вѣдь существуетъ чисто гражданское (цивическое) вѣроученіе, правила коего надлежитъ установить суверену; это не будутъ въ особенномъ смыслѣ догмы религіи, но чувства общественности, безъ которыхъ невозможно быть ни добрымъ гражданиномъ, ни вѣрнымъ подданнымъ. И не принуждая никого вѣровать въ этотъ катехизисъ, суреренъ можетъ изгонять изъ государства всякого, кто въ него не вѣруетъ. Онъ можетъ его изгнать, не какъ нечестиваго, но какъ противообщественнаго человѣка, неспособнаго искренно любить законы справедливости, и въ случаѣ надобности отдать свою жизнь въ жертву долга». «Догмы гражданской религіи должны быть простыми, немногочисленными, возвѣщенными въ точныхъ выраженіяхъ, безъ разъясненій и комментарій. Существованіе могущественнаго, разумнаго, благодѣтельнаго Божества, обладающаго предвидѣніемъ и провидѣніемъ, жизнь будущаго вѣка, блаженство праведныхъ и наказаніе злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ, вотъ и всѣ положительныя догмы». Такая религія является единственнымъ спасеніемъ для государства, гдѣ «господствуетъ варварская и нетерпимая религія, которая тиранически относится къ законамъ и принуждаетъ людей къ дѣйствіямъ, противнымъ ихъ долгу гражданина» **).

---

*) Цитирую по современному нѣмецкому переводу, Helvetius, Werk vom Menschen, B. I. Breslau (!) 1774. 15. Ср. Гольбахъ объ ужасахъ клерикальнаго воспитанія, у Laurent, T. II, 384.

**) J. J. Rousseau, Oeuvres complétes, T. III. Paris, 1883, Du contrat social L. IV, Ch. VIII Lettres écrites de la montagne, Partie I, Lettre I.

То, что проповѣдывали французкіе философы и публицисты, было лишь наиболѣе яркимъ выраженіемъ мысли и стремленій всей Западной Европы. И если мы заглянемъ въ работы всѣхъ тѣхъ нѣмецкихъ канонистовъ, которые по собственному ли желанію или въ силу высочайшаго соизволенія писали о религіи и земномъ блаженствѣ, о государственной церкви и религіозной полиціи,— у всѣхъ ихъ мы найдемъ съ нѣкоторыми модификаціями тотъ же исходный пунктъ, тѣ же принципы и идеалы. Вотъ передъ нами выступаетъ по повелѣнію своего курфюрста баварецъ Остервальдъ и подъ псевдонимомъ «Правдолюба» фонъ Лохштейнъ, провозглашая блаженство цѣлью всѣхъ человѣческихъ дѣйствій и требуя подчиненія всего относящагося не къ вѣчному блаженству — всемогущему государству. Вотъ передъ нами оффиціальный и обязательный авторитетъ австрійской церковной политики при императрицѣ Маріи Терезіи, неустанно повторяющій, что «превосходная и превеликая есть помощь религіи христіанской для счастья государственнаго». Другой оффиціальный учитель эпохи іозефенизма выводитъ изъ естественнаго и «невѣроятнаго» стремленія къ счастью не только задачи государства, но и церкви, такъ какъ «нѣтъ другого столь дѣйствительнаго средства, создающаго человѣческое счастье, какъ то, которое доставляется религіей». И даже Липовскій, авторъ цѣлаго руководства «по религіозной и церковной полиціи», не можетъ обойтись безъ того, чтобы не признать, что «нѣтъ безъ религіи добродѣтели», «счастье же государства покоится прежде всего на страхѣ Божіемъ и чистотѣ нравовъ». Не удивительно послѣ этого, что другой, австрійскій же, оффиціозъ— Мартини приходитъ къ намъ съ уже давно извѣстнымъ положеніемъ: «государство должно на то обратить свое вниманіе, чтобы каждый гражданинъ имѣлъ религію. Этихъ возжей не долженъ правитель выпускать изъ рукъ, а тѣмъ болѣе распускать ихъ. Церковь надо держать подъ строгимъ контролемъ». То же находимъ мы и у пресловутаго Христіана Вольфа, почитающаго «первой задачей государства, чтобы подданные были благочестивы... и почитали Бога». А для того, чтобы наставить ихъ въ благочестіи, существуютъ «публичные учители» — doctores publici,—долженствующіе «побуждать къ добродѣтели и отвращать отъ пороковъ» *)...

Система знаменитаго полицеиста Зонненфельса даетъ намъ яркій образчикъ того, какъ использовались идеи Руссо и Монтескье въ монархическихъ государствахъ въ цѣляхъ построенія полицейскаго абсолютизма. Среди «превосходнѣйшихъ и наиболѣе

*) Veremunds von Lochstein, Gründe sowohl für als wider die geistliche Immunität in zeitlichen Dingen. Strassburg. 1769. C. II § 32. Synopsis juris ecclesiastici publici et privati, MDCCLXXXI, CXL, Pauli Iosephi a Rieger, Institutionum Jurisprudentiae P. 1. MDCCLXXI, § XX, § XXVII, Lipowski, Baierns Kirchen und Sitten-Policey; München 1821. I. § 1. Geffcken, Staat u. Kirche, 326—327. Wolff. Ius naturae 457—459.

дѣйствительныхъ средствъ къ образованію нравовъ» этотъ авторъ ставитъ на первомъ мѣстѣ религію: «она увеличиваетъ... какъ направляющія, такъ и сдерживающіе мотивы къ тому, чтобы дѣйствовать праведно и отвергать неправедное. Ученіе о будущей жизни, о наградахъ и наказаніяхъ незамѣнимо для гражданскаго общества. Куда не можетъ проникнуть глазъ гражданскаго законодателя, гдѣ не можетъ достать земное наказаніе, тамъ единственнымъ средствомъ пресѣченія злыхъ дѣяній является высокое начало вездѣсущія Бога, какъ свидѣтеля и судьи даже самыхъ сокровенныхъ дѣйствій. Поэтому публичное управленіе не должно выпускать изъ рукъ эту узду или пренебрегать ею; его стремленія должны быть направлены согласно ученію Руссо къ тому, чтобы всякій гражданинъ въ государствѣ имѣлъ религію». И слѣдуя Монтескье, Зонненфельсъ считаетъ недопустимымъ терпѣть въ государствѣ атеистовъ. «Право изгнанія противъ человѣка безъ религіи» должно быть направлено противъ него «не какъ противъ безбожника, а какъ такого нечестивца, который неспособенъ любить законы справедливости и искренности». Такимъ образомъ «спокойствіе и блаженство государства требуютъ, чтобы явные свободомыслящіе не были терпимы». Вопросъ о наградѣ и наказаніяхъ въ будущей жизни является рѣшающимъ и для допущенія религіи въ государствѣ: здѣсь опять-таки принимается во вниманіе «не религія, какъ религія, а только какъ система мнѣній, которыя могутъ быть терпимы или нетерпимы вслѣдствіе производимыхъ ими результатовъ» *).

Примѣръ знаменитаго ганноверскаго ученаго Берга, писавшаго въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, показываетъ намъ, насколько живучи были подобныя идеи, какъ крѣпко внѣдрились онѣ въ сознаніе даже просвѣщеннѣйшихъ представителей новаго общества. Этотъ полицеистъ, уже ясно сознающій всю необходимость отдѣленія полиціи безопасности отъ полиціи «блаженства» и ограниченія главной задачи полиціи вообще только «безопасностью», тѣмъ не менѣе не только различаетъ въ своемъ руководствѣ «религіозную полицію» отъ собственно «церковной полиціи», но и даетъ подробное опредѣленіе первой: «она имѣетъ цѣлью предупреждать и пресѣкать всѣ вредныя послѣдствія и опасности, которыя вытекаютъ для государства изъ религіозныхъ мнѣній и религіозныхъ сообществъ, а также невѣрія и нерелигіозности». Несмотря на признаніе, что свобода совѣсти есть «прирожденное и неотчуждаемое право человѣка», Бергъ не стѣсняется требовать изгнанія тѣхъ, чьи «нерелигіозность, невѣріе, презрѣніе религіи, также какъ суевѣрія и мечтательность, не могутъ не повлечь вред-

*) V. Sonnenfels, Handbuch der inneren Staatsverwaltung, B. I, Wien, 1798, § 76, 77, 78, 79, 80.

ныхъ для общества послѣдствій». «Именно противъ этого преимущественно и направлены старанія религіозной полиціи» *).

Такъ разсуждали наши западные учителя. И русское государство, подготовленное византійско-московской практикой къ этимъ теоріямъ, употребило всѣ усилія, чтобы многочисленные переводы съ нѣмецкаго, латинскаго и французскаго языковъ сдѣлали доступными москвитамъ новыя пріобрѣтенія европейской мысли. И Монтескье, и Руссо, и Вольфъ, и Зонненфельсъ—всѣ они были переведены на русскій языкъ при помощи и по инициативѣ правительства; а естественное право, просвѣщенный деспотизмъ и религіозная полиція нашли вполнѣ готовую почву въ нашихъ греческо-татарскихъ условіяхъ. Въ полномъ согласіи съ западными образцами было обосновано самодержавіе на «общественномъ договорѣ»: содержаніе же послѣдняго цѣликомъ было сведено къ тому, что «воля народная, аще же и не словомъ, но дѣломъ изъявленная» всю власть передала самодержавному монарху. Какъ говорилъ Прокоповичъ: «согласно вси хощемъ, да ты къ общей нашей пользѣ владѣеши надъ нами вѣчно... мы же единожды воли нашей совлекшеся, никогда-же оной, ниже по смерти твоей употребляти не будемъ»... И эта теорія была оффиціально издана «по согласію духовнаго и мірского главнаго правительства» **)...

Неудивительно послѣ этого, что если Посошковъ требовалъ „вразумительныхъ поповъ», какъ основного условія для здоровья русской церкви, то словами переводныхъ учителей религія была сдѣлана «первымъ основаніемъ государственнаго благополучія». «крѣпчайшей подпорой монаршескаго трона и сильнѣйшимъ обузданіемъ всѣхъ злодѣйствъ и безпорядковъ, могущихъ возбудить общество» «Отнимите только, восклицаетъ Муроторій, страхъ Божій, удерживающій наивеличайшую часть народа и препятствующій ему дѣлать зло, понуждая его опасаться приготовляемыхъ мукъ за беззаконія въ грядущей жизни, и пусть въ тоже время изгладятъ только изъ сердца его вѣру и надежду великаго награжденія въ будущей жизни, сіи сильныя причины, побуждающія столькихъ людей дѣлать добро и избѣгать зла, то и не будетъ болѣе обузданія, способнаго воздерживать злыя вожделѣнія въ неисчетныхъ обстоятельствахъ, и удерживать наводненіе несправедливостей и безчиній, которое покрыло бы вскорѣ все лицо земли... Самодержцы должны имѣть у сердца сохраненіе и приращеніе истиннаго закона Божія, дабы сохранилося въ оныхъ исполненіе добродѣтелей, благочиніе нравовъ, и сверхъ всего того честная и взаимная любовь между гражданами: законъ всѣхъ ихъ соединяетъ и есть начальный источникъ Государственнаго благоденствія». И выводы наши пере-

*) V. Berg, Haudbuch des Teutcshen Polizeirechts, Hannover, 1799, T. II 284—288.

**) Рейснеръ, Обществ. благо и абсол. гос. стр. 298.

реводные авторитеты съ одобренія начальства дѣлали тѣ же, что и подлинники: «Ежели люди, живущіе въ республикѣ, исповѣдують какую вѣру, то внѣшнее священное дѣйствіе подлежитъ гражданскому правленію республики, поелику цѣлость и безопасность публичная требуетъ того, чтобы симъ особливо, а не другимъ образомъ внѣшнее священное дѣйствіе отправляемо было, или, что все равно, поелику имѣетъ оно отношеніе къ республикѣ» *).

«Неоспоримое политическое правило есть, гласитъ другой переводный учитель, что государство не можетъ состоять безъ Вѣры, и еще безъ Вѣры положительной и точно опредѣленной... Государю должно ли то быть противно, чтобы для содержанія своихъ подданныхъ имѣть еще и сіе обузданіе столь страшное, дѣйствующее надъ *совѣстью*?... Скажемъ еще больше... не безчеловѣчно-ли было бы.. проповѣдывать безвѣріе? Есть во всякой землѣ милліоны людей, живущихъ въ семъ свѣтѣ гораздо неутѣшно, кои борются съ бѣдностію, получаютъ свой хлѣбъ претяжкими трудами, а утѣшаются тою мыслью, что, исполняя свою должность здѣсь, получатъ рай...» Отсюда—совѣтъ государямъ: «ежели вы усмотрите такую вѣру, которая вамъ даетъ наставленія, противныя здравому нравоученію, непремѣннымъ законамъ естества, правосудію и справедливости: то отвергните, истребите ее и накажите основателей оной... А ежели вѣра предаетъ нравоученіе здравое, то оставьте все въ такомъ состояніи, какъ найдете». «Нужно и важно для пользы общества, чтобы духовенство было почитаемо; но не надобно, чтобы оно власть имѣло... Можно въ разсужденіи духовенства послѣдовать правилу предлагаемому... для Папы: что надобно цѣловать у него ноги, а руки связывать. Въ самомъ дѣлѣ духовные, владѣя совѣстьми, имѣютъ власть надъ всѣми людскими предразсужденіями, кои они умѣютъ оборачивать, какъ хотятъ. Они не должны мѣшаться въ свѣтскія дѣла, кои только ихъ могутъ отвращать отъ попеченія о душахъ...» Что же касается, наконецъ, «духовнаго порядка въ житіи Евангельскихъ проповѣдниковъ, то должно въ томъ держаться учрежденій, сдѣланныхъ на сіе въ каждомъ христіанскомъ исповѣданіи. Оное можно назвать духовною Полиціею, коей смотреніе можетъ поручено быть особливому департаменту» **).

Таковы были принципы духовной или религіозной полиціи, нашедшіе широкое примѣненіе не только на Западѣ, но и въ Россіи ***), и намъ остается только окончательно формулировать

*) Дюка де Ришелье, Политическое завѣщаніе. Москва, 1766 — 1767. ч. 2, гл. 1. Л. А. Муроторія, Разсужденіе о благоденствіи общенародномъ, Москва, 1780. ч. 1, 89. Неттелбладта, Начальное основаніе всеобщей естественной юриспруденціи, Москва, 1770 г. 953.

**) Барона Билфелда, наставленія политическія, Москва, 1768, Гл. V, §§ 28, 29, 30, 32, 33.

***) Петръ Великій повелѣлъ обучать духовныхъ лицъ по „Пуффендорфу“.

то раздѣленіе свѣтскаго и духовнаго, которое въ свою очередь дало необходимую основу для точнаго опредѣленія правъ государства относительно церкви — jra circa sacra, — правъ, нашедшихъ свое выраженіе и въ русскомъ церковно-политическомъ законодательствѣ.

Понимая подъ церковью «соединеніе людей, одинаковымъ образомъ почитающихъ Бога», или «союзы (collegia), которые образуются изъ свободнаго соединенія людей» теорія естественнаго права не видѣла никакой разницы между церковью и всякимъ другимъ союзомъ, подлежащимъ верховной власти и содѣйствующимъ цѣлямъ общественнаго благополучія. Свѣтская власть, будучи высшей и исключительной инстанціей общаго блага, признавала себя въ правѣ такъ же завѣдывать церковью, какъ и всякимъ инымъ учрежденіемъ и союзомъ, преслѣдующимъ общественныя цѣли. Но въ то же время, какъ мы уже видѣли, полицейское государство охотно готово было признать и нѣкоторую, такъ сказать специфическую, природу церкви, и подобно тому, какъ оно не вмѣшивалось непосредственно въ медицину, а только удовлетворялось надзоромъ за цѣлителями тѣла, точно также оно не вмѣшивалось непосредственно, такъ сказать, въ технику спасенія душъ, но старалось, во-первыхъ, очистить эту «технику» отъ всего вреднаго для государства, а во-вторыхъ, возможно широко использовать ее въ цѣляхъ «общаго благополучія» *).

Различіе дѣятельности государства надзирающей и управляющей опредѣлялось такимъ образомъ путемъ опредѣленія того, что собственно относится къ спеціальному дѣлу спасенія, и что переходитъ въ область земного порядка и благочинія. Первая область, какъ и слѣдовало ожидать, теоретиками земного всемогущества суживалась до самыхъ ограниченныхъ—сравнительно съ средними вѣками—предѣловъ. Къ религіозной области было отнесено только то, что «духовно и сверхъестественно», а именно: «вѣра, таинства и заповѣди Божьи», «которыя относятся къ религіи и должны быть разсматриваемы, какъ условія для вѣчнаго спасенія». Точно также и то, «что отъ этихъ трехъ вещей существенно зависитъ». Наоборотъ, «всѣ временныя и естественныя вещи, которыя ни посредственно, ни непосредственно не относятся къ религіи, и поскольку онѣ могутъ быть разсматриваемы внѣ конечной цѣли вѣчнаго блаженства, принадлежатъ къ дирекціи суверенной свѣтской власти». Или, какъ коротко опредѣляетъ другой писатель, «все внѣшнее въ религіи, исключая только вѣроученіе и мнѣнія, принадлежитъ вѣдѣнію высшей власти. Это и понимается подъ общимъ именемъ религіозной полиціи» **).

Русское переводное руководство идетъ еще далѣе: «Право

---

*) Justi, Polizei, § 271. Cp. Sohm, Kirchenrecht B. I, Leipz. 1892, 678.
**) Lochstein, Immunitat, c. II, § 8, 9, Justi, Grundfeste, B. II § 15.

повелителя, въ разсужденіи священнаго дѣйствія государственное, содержитъ въ себѣ... права, которыя до самаго того, что дозволяется богопочитаніе области, до Символа вѣры, до литургіи, также до вещей, персонъ и до преступленій церковныхъ принадлежитъ все же сіе должно выводить изъ обязательства верховнаго повелителя распространять богопочитаніе, и предостерегать, дабы чрезъ богопочитаніе не нарушена была цѣлость и безопасность публичная» *).

Какъ очевидно, эти права заключаютъ въ себѣ совершенное всемогущество государства въ церковной области. Согласно классификаціи тогдашнихъ канонистовъ они заключаютъ въ себѣ: Право покровительства церкви. Оно содержитъ въ себѣ право созыва въ опредѣленныхъ случаяхъ соборовъ, принужденія къ истинной вѣрѣ ее отвергающихъ, запрещенія вредныхъ книгъ, увѣщанія къ соблюденію каноновъ, препятствованія, чтобы прелаты церкви не присваивали себѣ церковныхъ имуществъ. Изъ права высшаго надзора вытекаютъ права—королевскаго разрѣшенія для папскихъ буллъ, право вето въ церковныхъ выборахъ, изданія амортизаціонныхъ законовъ, принятія жалобъ и прошеній относительно превышенія духовной власти, право допущенія и разрѣшенія новыхъ религій, или право реформированія **).

Этимъ обосновалось абсолютное господство свѣтской власти надъ духовной. На смѣну теократіи шло полицейское всемогущество. Отнынѣ и вплоть до великаго освобожденія XIX-XX вѣковъ священство должно было такъ же рабски служить государству, какъ оно само этого требовало отъ свѣтской власти въ эпохи своего торжества. Вѣсы перегнулись въ другую сторону. И тѣсно связанное съ абсолютизмомъ и бюрократіей, сошедшее на положеніе одного изъ департаментовъ грандіозной управы благочинія, священство отнынѣ должно было пройти всѣ фазы развитія, которыя прошла на своемъ пути свѣтская поглотившая его организація.

Меркантильно-фискальная полиція несла духовенству конфискацію церковныхъ имуществъ, уничтоженіе тунеядства и монастырей, сокращеніе праздниковъ, устраненіе чудесъ и мощей, упрощеніе культа и полное отрицаніе аскетическаго начала. Религія нищенства должна была стать слугою богатства, проповѣдь отреченія и аскетизма уступила церковный амвонъ догмѣ земного блаженства, проклятое грѣховное «тѣло» вошло въ церковь и взяло все то, чѣмъ подъ прикрытіемъ небеснаго «духа» ублажали свою плоть многочисленные и праздные жрецы... и священникъ долженъ былъ стать карателемъ контрабанды, защитникомъ табачной моно-

*) Неттелбладтъ, Ест. юриспруд. § 966.

**) Synopsis jur. eccl. CXLIV—CXLVIII. Неттелбладтъ, в. н. с. § 967 — и слѣд.

поліи, агентомъ государственнаго коннозаводства... И что удивительнѣе всего—онъ на дѣлѣ и сталъ имъ.

Просвѣщенное самовластіе требовало грамотности и цыфири отъ народа, положительной техники и фортификаціи отъ верховъ, быстраго разума невтоновъ для промышленности, естественнаго права для реформаторскаго натиска своихъ квартальныхъ—и духовенство пошло въ церковныя школы, на каѳедру и въ университеты и столь-же ревностно стало готовить слугъ божеству земному, какъ до сихъ поръ готовило небесному, стало преслѣдовать суевѣріе, запрещать церковное колдовство, учить свѣтской земной религіи, наипаче-же всего вѣрнопреданности и послушанію, смиренію и неукоснительной исполнительности.

И когда полицейское государство встрѣтилось съ неожиданно для него выросшимъ обществомъ и вступило съ нимъ въ борьбу—кому можно и должно было поручить несеніе пресловутаго знамени «рака», этого ползущаго назадъ символа реакціи, какъ не тѣмъ-же духовнымъ чиновникамъ вѣдомства государственнаго исповѣданія, цивической вѣры. Кто могъ ссудить умирающему режиму лучшіе христіанскіе авторитеты, исполнить мертвеца идеей «христіанскаго» государства, окружить его, словно крѣпостнымъ валомъ, традиціями мистицизма и благонадежности, таинства и чудесъ, высшаго и безотвѣтственнаго призванія?—Воистину никто, кромѣ казеннаго, въ участкахъ воспитаннаго клира. И полицейская практика послѣдовала за полицейской теоріей.

IV

Система религіозной полиціи получила въ Европѣ XVIII и начала XIX в. неограниченное распространеніе. Революціонная Франція и полицейская Австрія, просвѣщенная Пруссія и католическая Баварія, даже въ извѣстной степени «духовныя» государства въ составѣ Германской имперіи—всѣ они при помощи религіозной полиціи отстояли, говоря словами Лорана, «единство и полноту верховной власти противъ захвата со стороны духовной, заставили церковь войти въ государство, захватили распоряженіе въ церкви и даже въ области религіи»... И въ числѣ защитниковъ системы мы встрѣчаемъ не только Мирабо и Робеспьера, Фридриха II и Іосифа II, но также Наполеона I и Леопольда II, а въ концѣ концовъ и великаго вождя европейской реакціи, князя Меттерниха. Въ Пруссіи система была воплощена въ знаменитомъ кодексѣ Земскаго права, легшемъ въ основу всѣхъ послѣдующихъ церковно-политическихъ отношеній страны. Въ Австріи было создано грандіозное церковно и религіозно-полицейское законодательство, уцѣлѣвшее почти безъ перемѣнъ до смерти Франца I-го. Въ Баваріи впервые съ 1817 г. начался поворотъ въ иную сторону. А во

Франціи величайшій памятникъ указанныхъ идей, «гражданская конституція духовенства», хотя и была затѣмъ отмѣнена, но тѣ же идеи пытался воплотить Наполеонъ въ своемъ пресловутомъ конкордатѣ. Короче было существованіе системы «государственной церковности» въ католическихъ государствахъ. Дольше и прочнѣе было оно въ странахъ протестантскихъ. Но самымъ полнымъ и самымъ устойчивымъ было ея торжество въ православной Россіи...

Революціонная Франція рѣшительнѣе всѣхъ пошла было въ осуществленіи принциповъ естественной религіи; уже въ первыхъ законодательныхъ собраніяхъ обновленной страны мы встрѣчаемъ героическую попытку сразу провести на практикѣ новыя начала. «Духовныя лица, говорилъ Мирабо, это только оплачиваемые государствомъ чиновники морали и просвѣщенія». «Священники, вторилъ ему Робеспьеръ, это настоящіе чиновники, никакое-же публичное мѣсто не должно существовать, если оно не приноситъ пользы, а такъ-какъ духовные чиновники установлены для блага народа, то и долженъ выбирать ихъ народъ, ему же принадлежитъ опредѣлить высоту ихъ содержанія, онъ долженъ имѣть право ихъ женить, чтобы этимъ путемъ связать ихъ всѣми узами съ обществомъ». И въ знаменитой гражданской конституціи духовенства мы находимъ послѣдовательное проведеніе этихъ религіозно-полицейскихъ идей. *).

Какъ извѣстно, эта конституція была установлена декретомъ національнаго собранія безъ сношенія съ папой и даже безъ выслушанія мнѣнія французскихъ епископовъ. Въ силу конституціи духовная администрація преобразовывалась на манеръ свѣтской, монастыри были закрыты, священники и епископы избирались политическими избирательными собраніями, и все духовенство было поставлено подъ надзоръ государственной власти. По существу вся эта реформа была логическимъ продолженіемъ галликанскихъ вольностей. Католической догмы реформа не касалась, и только внѣшнее устройство клира должно было обезпечить государству приближеніе католичества къ естественной религіи. Какъ говоритъ Дюранъ Мельянъ въ своей апологіи церковнаго комитета національнаго собранія, церковное преобразованіе было вызвано не одними отвлеченными соображеніями: «среди церковныхъ учрежденій далеко не всѣ были одинаково полезны и необходимы, многія изъ нихъ были прямо безполезны и даже предосудительны, необходимо было уменьшить ихъ число и въ то же время такимъ образомъ упорядочитъ ихъ форму, чтобы безъ перемѣны въ католической вѣрѣ и безъ разрыва римскаго общенія она оказалась соотвѣт-

*) Sohm, в. н. с. 674—676. Сравн. Friedberg, Gränzen. 763 и сл. Hinschius, Staat und Kirche 203.

**) Laurent, в. н. с. стр. 386. Geffcken, staat und Kirche, Berlin 1875, 336, 342.

ствующей духу и характеру нашей конституціи, согласно коей не должно существовать болѣе ни ордена, ни копрораціи независимой и какъ бы частной. Не должно быть также болѣе различій между французскими гражданами въ ихъ частныхъ и политическихъ правахъ». Правда, и этотъ писатель въ своей апологіи говоритъ о «счастьи Франціи», а «черезъ подраженіе ей и счастьи всѣхъ народовъ». Однако Дюранъ сейчасъ-же прибавляетъ, что собраніе реформировало «не религію, которую оно обожаетъ, но только ея слугъ, вѣрныхъ служителей съ тѣмъ, чтобы подчинить ихъ основнымъ правиламъ церкви и избранію со стороны народовъ, которые не желаютъ и не должны управляться въ духовномъ отношеніи иначе, какъ только сами собой. Это и было всегда въ галликанской церкви и ея знаменитыхъ вольностяхъ» *). И Адольфъ Франкъ въ своей философіи церковнаго права точно такъ же характеризуетъ конституанту. «Она признала въ католической религіи религію государства и именно потому» распространила на нее ту же самую власть какъ надъ всѣми политическими учрежденіями и надъ самимъ государствомъ; оставляя неприкосновенными догму и нравы, она считала себя въ правѣ измѣнять ея дисциплину и налагать на нее въ силу собственнаго своего авторитета... новую организацію подъ именемъ гражданской конституціи духовенства. **)

То отчаянное сопротивленіе, которое было встрѣчено «конституціей» со стороны католическаго клира, заставило революцію идти гораздо дальше въ дѣлѣ водворенія естественной религіи и проведенія тѣхъ принциповъ, которые «имѣли непосредственнымъ результатомъ подчиненіе религіи государству». Провозглашеніе культа разума въ качествѣ государственной религіи было безспорно вынужденнымъ фактомъ, который далеко не удовлетворилъ массу религіозно-настроенныхъ французовъ. И если въ опытѣ національнаго собранія мы уже видимъ извѣстный компромиссъ и желаніе примирить принципъ «природы» съ фактомъ историческаго значенія католической церкви, то и подавно культъ разума съ его безсодержательными формулами и радикальной ломкой прежняго не могъ обѣщать долгаго существованія. Но воскрешенное католичество отнюдь не встрѣтило со стороны государства новаго отношенія. Въ знаменитой прокламаціи 27 жерминаля десятаго года по прежнему на первый планъ выдвигаются «неразрывныя связи, которыя объединяютъ служителей культа съ интересами отечества», въ интересахъ отечества они должны пользоваться своею «силой и властью надъ человѣческими душами,» для него они должны «воспитывать юныхъ гражданъ въ любви къ нашимъ учрежденіямъ, въ уваженіи и привязанности къ опекающей ихъ власти, которая создана

---

*) M. Durand-Maillane, Histoire apologetigue du comité ecélesiasquede l'assemblée nationale, Paris, 1791. 48-50

**) Ad. Franck, Philosophie du droit ecelesiastique ,Paris, 1864, 97-98, 160.

для ихъ защиты». Служители церкви должны проповѣдывать «что Богъ мира есть вмѣстѣ съ тѣмъ Богъ армій, и что онъ сражается вмѣстѣ съ тѣми, которые защищаютъ независимость и свободу Франціи», «счастье отечества и счастье человѣчества» попрежнему дѣлаются основой отношенія государства къ религіи, и характернымъ дополненіемъ этого высокаго принципа является та удивительная присяга, которая возлагаетъ—согласно органическимъ статьямъ 26 мессидора девятаго года—обязанность политическаго доноса на католическихъ священниковъ! *)

Неудивительно послѣ этого, это въ архи-католическую эпоху наполеоновской имперіи принципы остались тѣ же, несмотря на то, что религіозность процвѣла, а папа силою оружія былъ сдѣланъ придворнымъ епископомъ великаго выскочки. Только «отечество» было замѣнено императоромъ, а католическій «богъ», сражающійся на поляхъ битвы за независимость Франціи, теперь вмѣстѣ съ «арміями» дѣлалъ все болѣе обширныя завоеванія. И если теперь, съ одной стороны, государство заключало съ церковью конкордатъ и снабжало всей силой своей санкціи единый католическій «катехизисъ», то, съ другой стороны, оно предписывало оффиціально священникамъ произносить въ опредѣленныхъ случаяхъ проповѣди о славѣ французской арміи и о размѣрахъ того долга, который «налагаетъ на каждаго гражданина обязанность принести свою жизнь въ жертву своему государю и отечеству» **). Впрочемъ, отъ Наполеона далеко не оставался скрытымъ и соціальный смыслъ религіи. Недаромъ въ своей рѣчи въ гусударственномъ совѣтѣ онъ заявилъ, что видитъ въ религіи «не тайну воплощенія, но тайну соціальнаго порядка». «Она водворяетъ на небѣ идею равенства, которая на землѣ мѣшаетъ бѣдняку зарѣзать богатаго. Религія является также видомъ предохранительной прививки, которая удовлетворяетъ нашу страсть къ чудесному, а вмѣстѣ съ тѣмъ гарантируетъ насъ отъ шарлатановъ и знахарей. Священники стоятъ гораздо больше, чѣмъ всѣ Каліостро, Канты и всѣ фантазеры Германіи, взятые вмѣстѣ! ***)»

Австрія и Баварія были слѣдующими крупными католическими державами, которыя сдѣлали серьезный опытъ подчиненія всего государства своего рода свѣтской религіи, и обратили государственную церковь въ учрежденіе для ея насажденія.

Какъ уже значилось въ отвѣтномъ посланіи придворнаго и государственнаго канцлера Австріи Каница (отъ 1781 г.), тѣ злоупотребленія, которыя замѣчаются въ дѣлахъ католичества, менѣе всего могутъ быть отнесены на счетъ «насажденной апостолами христіанской религіи», принятой именно вслѣдствіе «умѣренности

*) Bulletin des lois, Ser. 3, T. VI, an № 1345, 1344.
**) Bull. des lois, Ser. 4, T. IV, 1806, № 1335.
***) Geffcken Staat und Kirche, 350 и слѣд.

своихъ принциповъ и превосходства своего нравственнаго ученія» «съ такимъ рвеніемъ и такой готовностью» со стороны «правителей величайшей части цивилизованныхъ націй». Каницъ предполагаетъ совершенно необходимымъ, что, если бы въ этой религіи находился хоть одинъ единственный принципъ, который слишкомъ бы касался верховной власти или вообще не подходилъ къ видамъ мудраго правительства», то она «къ вѣчному несчастію человѣчества» «вовсе не могла бы быть принята» государствомъ *). Та же мысль объ отношеніи религіи къ земному блаженству и къ интересамъ государства находимъ мы и въ классическихъ для эпохи просвѣщенія разсужденіяхъ, которыми сопровождалось изданіе новаго брачнаго закона. «Враги ученія Іисуса Христа, говорится тамъ, во всѣ времена пытались противоставить ему упрекъ, будто бы оно препятствуетъ земному благополучію государствъ... Однако-же это не такъ, отвѣчаетъ болѣе разумная и просвѣщенная часть богослововъ... Намѣреніе Искупителя заключалось менѣе всего въ томъ, чтобы при помощи основанной имъ религіи хоть въ чемъ-нибудь повредить земному блаженству государствъ. Да наконецъ, какъ могъ-бы Онъ этого желать? Вѣдь Его возвышенный планъ, основанный на любви и милосердіи, стремился очевидно не къ чему иному, какъ къ тому, чтобы дать болѣе твердую устойчивость благосостоянію общества и всѣхъ людей, обезпечить это благо при помощи болѣе возвышенной и чистой конечной цѣли и соблюденія данныхъ имъ заповѣдей. Итакъ, нѣтъ, конечно, нѣтъ! Все, что идетъ противъ общаго блага, что задерживаетъ его успѣхи, что перекрещиваетъ пути повелѣніямъ государя, изданнымъ въ цѣляхъ возрастанія блаженства подданныхъ—все это не можетъ считаться хотя-бы частью христіанской религіи». И такъ далеко идетъ это отождествленіе истинной христіанской религіи съ предписаніями начальства, завѣдующаго общимъ благомъ, что въ концѣ концовъ не можетъ даже произойти никакого противорѣчія между религіознымъ долгомъ и обязанностью вѣрноподаннаго. «Всякое дѣяніе, разрѣшенное законами государства, всякое пользованіе правомъ, пожалованнымъ государемъ, не есть и не можетъ быть названо грѣхомъ, или, иначе, дѣйствіемъ, совершеннымъ противу долга; и желать объявить его таковымъ—было-бы «явнымъ вторженіемъ въ права государя и возмутительнымъ ученіемъ... Наоборотъ, неповиновеніе государственнымъ законамъ должно считать однимъ изъ тягчайшихъ грѣховъ» **).

Само собою разумѣется, что та «чистая религія», которую съ такимъ рвеніемъ проповѣдывалъ Іосифъ II, весьма мало походила на историческое католичество, и потребовалась энергичнѣйшая по-

---

*) Joseph II, Verordnungen in materiis publico-ecclesiasticis, 1783. Antwortschreiben v. Kaunitz v. 19 Dec. 1781.

**) Тамъ-же Betrachtungen über die k. k. Verordnungen in Ehesachen 1783.

лицейская «реформа» для того, чтобы изъ папскаго непогрѣшимаго абсолютизма выдѣлать свѣтскую религію просвѣщеннаго государства. И Іосифъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ дѣлѣ очищенія римскаго христіанства отъ всѣхъ излишнихъ примѣсей. Если уже при глубоковѣрующей Маріи-Терезіи ея повелѣнія—по утвержденію Фридберга—простирались безусловно на всѣ стороны церковной и религіозной жизни страны, то еще въ большей степени это можно сказать про ея сына, который принципіально захватилъ все «внѣшнее» въ церкви въ свои руки, а «внѣшнимъ» считалъ все, кромѣ таинствъ и догматовъ вѣры. «Императоръ нисколько не стѣснялся выбросить за окошко старинныя учрежденія церкви и государства, если они противорѣчили идеалу его государственной реформы, идеалу абсолютнаго режима, который пропитываетъ народъ свѣтомъ просвѣщенія, видитъ въ волѣ государя воплощенный государственный интересъ и желаетъ сосредоточить въ рукахъ его всѣ нити государственнаго управленія». «Религія была для императора только средствомъ воспитанія народа, церковь же — полицейскимъ учрежденіемъ, которымъ необходимо было пользоваться вплоть до той поры, когда это дѣло можно было передать свѣтской полиціи» *).

И надо воистину удивляться энергіи и рѣшительности Іосифа II въ дѣлѣ проведенія своихъ идей. Подробнѣйшая цензура изъяла изъ католическихъ книгъ все, что не нравилось императору, и притомъ безразлично, было ли то догматическое произведеніе, молитвенникъ или богослужебное руководство. Была создана затѣмъ оффиціальная богословская наука, которая опиралась на ученія Ванъ-Еспена, Февронія, Ксавера Гмейнера, Пегема, Эйбеля и другихъ, принципіально не желавшихъ знать никакой римской куріи. Духовенство было отрѣзано отъ Рима при помощи государственнаго контроля и системы разрѣшенія (placet) папскихъ буллъ и подвергнуто такой чисткѣ, послѣ которой вся церковь превратилась въ духовную бюрократію, основанную на принципѣ безусловнаго повиновенія монарху. Церковная дисциплина, обряды, богослуженіе, монастыри, процессіи, молитвы, нравственность, одежды, церковное имущество—все до послѣднихъ мелочей подверглось самой тщательной регламентаціи, а сама церковь поставлена на службу чисто свѣтскимъ цѣлямъ, вродѣ размноженія племенного скота, прекращеніе на границахъ контрабанды или предупрежденія нарушеній табачнаго устава. «Изъ всѣхъ католическихъ правителей», говоритъ Маассенъ, «Іосифъ былъ величайшимъ самодержцемъ въ церковныхъ дѣлахъ»... И это вполнѣ понятно: какъ выражается одинъ изъ его указовъ, «ничто такъ не заботило его величества», какъ поощреніе «чистой религіи» среди его подданныхъ. Един-

*) Friedberg, Gränzen, стр. 149 и слѣд.

ственнымъ средствомъ для этого могла быть только абсолютная, самодержавная власть *)...

Австрійское «очищенное» католичество еще долго служило на благо духовной полиціи. «Паденіе религіи и нравовъ, провозглашалъ Леопольдъ II, имѣетъ свою причину только въ недостаточности или погрѣшностяхъ религіознаго обученія»; на этомъ основаніи онъ приказывалъ епископамъ озаботиться насажденіемъ «чистыхъ и правильныхъ понятій о вѣрѣ и моральнымъ содѣйствіемъ» въ дѣлѣ усовершенствованія подданныхъ. Надзоръ за клиромъ попрежнему оставался въ рукахъ государства, такъ какъ, говорилось въ другомъ декретѣ, «каждый священникъ соединяетъ въ себѣ два свойства: священника и гражданина»; мы встрѣчаемъ въ изобиліи такіе акты этого правителя, какъ декреты о разрѣшеніи епископамъ новыхъ молитвъ и пѣсенъ, вечернихъ катехизическихъ поученій «съ литоніями», вечернихъ службъ въ деревняхъ по субботамъ, о разрѣшеніи имъ проповѣди и благодарственныхъ молебновъ въ послѣдніе дни года и т. п. **). Впрочемъ, Леопольдъ еще въ бытность свою герцогомъ Тосканы уничтожалъ тѣ церковные непорядки, которые по словамъ одной итальянской «апологіи» давали «возрастающей цивилизаціи и философіи времени и поводъ, и право критиковать церковныя дѣла». Вполнѣ естественно, что при этомъ онъ прежде всего стремился «сохранить независимыми права» не разлагающейся церкви, а новаго, просвѣщеннаго и абсолютнаго «государства» ***).

Своего завершенія, однако, австрійская система достигла уже въ то время, когда понадобился новый союзъ трона и алтаря, для окончательнаго удушенія «гидры», а правительства отъ просвѣщенія, насажденія племенного скота и чистой религіи перешли къ снаряженію оплотовъ легитимизма и «христіанскаго государства». Францу II въ виду этого пришлось нѣсколько смягчить суровый режимъ іозефинизма; однако, общая система не только осталась прежней, но еще получила новое развитіе. Церковь стала не только учрежденіемъ полицейскимъ, но еще въ частности учрежденіемъ полиціи политической. Руководящими здѣсь были воззрѣнія князя Меттерниха; этотъ же «государственный человѣкъ, какъ вообще никогда не упускалъ изъ виду полицейской точки зрѣнія, такъ въ частности смотрѣлъ и на церковь, какъ на полицейское учрежденіе». Заслуги государственнаго христіанства въ

*) Friedberg, Gränzen, стр. 156 и слѣд. Маассенъ, в. н. с. стр. 219 и слѣд. Сравн. указъ 30 авг. 1787 года.

**) Politische Gesetze und Verordnungen Leopold des Zweyten, B. II 1791, Hofdekret v. 17. März. Сравн. Friedberg, Gränzen, 189 и слѣд. Маассенъ, в. н. с. стр. 253 и слѣд.

***) Apologia delle leggi di giuridizione, amministrazione e polizia ecclesiastica publicate in Toscana sotto il regno di Leopoldo I—приведено у Мингетти, нѣм. пер. Staat und girche, kotha, 1887, стр. 19, № 2.

эпоху реакціи первой половины XIX вѣка общеизвѣстны. Только революціи 1848 года удалось нанести серьезный ударъ идеѣ австрійской церковности *).

Система іозефинизма была съ величайшей энергіей воспринята въ Баваріи при Максимиліанѣ-Іосифѣ IV. Уже начиная съ Макса I тамъ постепенно готовилась почва для водворенія церковной реформы. На эпоху Монжеласа, министра Макса-Іосифа IV, выпадаетъ полный расцвѣтъ полицейско-религіозной системы. И принципы здѣсь все тѣ же: общаго блага, полицейскаго принужденія и государственнаго всемогущества. И здѣсь отецъ отечества обѣщаетъ «доставить» своимъ подданнымъ «возможную степень благополучія», и здѣсь для этого онъ считаетъ необходимымъ реформировать церковь и религію. «Это общее убѣжденіе всѣхъ мудрыхъ законодателей и правителей, гласитъ циркуляръ 1862 г., что безъ религіи не можетъ быть вполнѣ достигнута цѣль гражданскаго сообщества», а потому «постановили мы себѣ неизмѣннымъ правиломъ всячески руководить этой столь благодѣтельной опорой нравственнаго порядка и культуры и удалить изъ религіи все, что только можетъ ослабить ея дѣйственное вліяніе на благополучіе дорогихъ нашихъ подданныхъ и при помощи той или другой крайности—невѣрія или суевѣрія—въ концѣ концовъ, быть можетъ, совершенно его разрушить». При такомъ стремленіи къ «чистотѣ» религіи монархъ отнюдь не руководствуется однѣми священными книгами. Напротивъ того, онъ считаетъ своей задачей «устранить всѣ законы и установленія, которыя противорѣчатъ принципамъ публичнаго права, духу христіанской религіи, промышленности, нравственной и научной культурѣ». И если, съ одной стороны, реформаторъ обѣщаетъ не вторгаться во «внутреннія» дѣла церкви, то съ другой—онъ рѣшительнѣйше заявляетъ, что «мы никоимъ образомъ не будемъ терпѣть, чтобы духовенство или какая-нибудь церковь создали государство въ государствѣ или уклонились въ своихъ мірскихъ дѣяніяхъ и со своимъ имуществомъ отъ дѣйствія законовъ или законныхъ властей. Права нашего высшаго надзора мы будемъ всегда осуществлять со всею строгостью, мы никогда не позволимъ исключить нашего княжескаго участія въ тѣхъ дѣлахъ, которыя, хотя и принадлежатъ къ духовнымъ, однако не касаются существа религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ государству или мірскому благополучію жителей. Точно также мы взираемъ на пастырей душъ, этихъ учителей народа въ области религіи и нравственности, не только какъ на церковнослужителей, но вмѣстѣ и на государственныхъ чиновниковъ. Наше искреннѣйшее желаніе заключается въ томъ, чтобы духовныя и свѣтскія власти были объединены въ томъ же

*) Friedberg. в. н. с. стр. 304 и слѣд. Маассенъ, стр. 262 и слѣд.

духѣ и въ томъ же направленіе, хотя и въ различномъ полѣ дѣйствія...» *).

Уже одинъ взглядъ въ сборникъ баварскаго церковнаго законодательства убѣждаетъ насъ въ томъ, что не осталось буквально ни одной области, ни одного уголка религіозной и церковной жизни, который не былъ бы передѣланъ суверенньмъ государствомъ согласно требованіямъ «духовной культуры націи», этой «святой цѣли человѣчества», призывающей всѣхъ «мужей съ головой и сердцемъ» къ «нравственности и человѣческому счастью»! Какъ совершенно правильно замѣчаетъ Зихереръ, здѣсь «надзоръ за церковью не осуществляется болѣе въ безкорыстномъ интересѣ поддержанія чистой вѣры и нравовъ; скорѣе основаніемъ этого княжескаго церковнаго управленія въ Баваріи... является понятіе церкви какъ государственнаго учрежденія, такъ какъ государство видитъ въ религіозности условіе собственнаго существованія, усматриваетъ въ ней политическую добродѣтель... Философское же стремленіе времени все болѣе и болѣе влекло государство къ освобожденной отъ всѣхъ вѣроисповѣдныхъ случайностей религіи разума»... «Просвѣщенный деспотизмъ... не могъ отрѣшиться отъ новыхъ религіозныхъ воззрѣній»... и результатомъ этого было принудительное насажденіе «общей всѣмъ христіанскимъ религіямъ морали» и такія мѣры, какъ учрежденіе «духовнаго совѣта» изъ свѣтскихъ лицъ для католической церкви, прекращеніе всякихъ сношеній духовныхъ орденовъ Баваріи съ папой, упраздненіе монастырей, конфискація церковныхъ имуществъ, уничтоженіе всякой папской и епископской юрисдикціи, преобразованіе церковнаго просвѣщенія, наконецъ, такое «раздѣленіе двухъ властей», что оно привело къ почти полному уничтоженію церковной власти. Мѣсто церкви заступило государство во всѣхъ мелочахъ церковной дисциплины, ученія и богослуженія, и Максимиліанъ-Іосифъ IV съ полнымъ правомъ могъ повторить то, что говорили его предки, баварскіе герцоги, относительно стараго испанскаго и французскаго абсолютизма: «Что дозволяется королямъ Испаніи и Франціи въ ихъ королевствахъ... то принадлежитъ и герцогамъ баварскимъ въ ихъ провинціяхъ»... Онъ сталъ папой въ своемъ государствѣ **).

Чрезвычайно характернымъ для эпохи абсолютнаго государства является тотъ фактъ, что даже духовныя княжества германской имперіи, во главѣ которыхъ стояли епископы различнаго ранга, не обошлись безъ «реформы» въ духѣ религіи просвѣщенія. Очищеніе культа, прекращеніе изъ фискальныхъ соображеній процессій и паломничества, смягченіе церковной цензуры,

*) Churbayer. Regier. Bl. 1803, XI, 14 февр. 1803, Churpfalzbayr. R. Bl. 1802, XI, 11 марта 1802 г. 1803, III, 10 янв. 1803 г., 1804, XXI, 7 марта 1804 г.

**) v. Sicherer, Staat und Kirche in Bayern, München, 1874, 88. Friedberg, Gränzen, 249 и слѣд. Маассенъ, девять главъ, стр. 198 и слѣд.

устраненіе суевѣрій, измѣненіе отношенія къ протестантамъ, сокращеніе праздниковъ, амортизаціонные законы, сокращеніе монастырей и обращеніе монаховъ къ пастырскому дѣлу—все это было повтореніемъ свѣтской практики сосѣднихъ государствъ, и даже развитіе епископальныхъ, антипапскихъ теорій нашло себѣ пріютъ въ духовныхъ княжествахъ фискально-полицейской эпохи. «Просвѣщеніе» овладѣло даже преемниками св. Петра. *).

Само собою разумѣется, что такіе протестантскіе правители, какъ король Пруссіи XVIII в., съ еще большимъ удобствомъ могли осуществить свое церковное полновластіе. Здѣсь не было даже тѣхъ сдержекъ, какія саздавала для католиковъ исповѣданіе римскаго догмата. И если, съ одной стороны, признавалось право всякаго человѣка «спасаться на свой фасонъ», и было провозглашено, что «всѣ религіи одинаковы и хороши, если исповѣдующіе ихъ—честные люди», то съ другой—по отношенію къ религіознымъ обществамъ въ земскомъ правѣ были проведены принципы самаго полнаго территоріализма. Какъ отвѣтилъ Фридрихъ II на бреславльскія жалобы—Gravamina—католическаго духовенства, «римско-католической религіи не будетъ причинено ни малѣйшаго ущерба въ ея современномъ положеніи... и всѣ отправленія религіи такъ же, какъ сама религія, останутся свободными; во всемъ остальномъ, однако, и поскольку общее благо требуетъ этого относительно земскихъ учрежденій, его корол. величество никому не позволитъ оспаривать своихъ правъ на установленіе въ Силезіи въ силу своего суверенитета тѣхъ учрежденій, которыя онъ найдетъ необходимыми въ цѣляхъ земскаго преуспѣянія». И эти права, какъ свидѣтельствуетъ Фридбергъ, были осуществлены совершенно въ духѣ той системы, которая сама опредѣляетъ границы для «внутреннихъ» дѣлъ церкви и распоряжается съ полной самостоятельностью въ предѣлахъ той области, которая приходится на долю государства. Такая практика имѣла мѣсто не только въ Силезіи, но во всѣхъ католическихъ областяхъ государства: начиная съ назначенія епископовъ и изданія амортизаціонныхъ законовъ и кончая надзоромъ за духовенствомъ, — все было точно такъ же во власти протестантскаго короля, какъ, любого католическаго монарха **).

Въ земскомъ правѣ мы находимъ полное воплощеніе фридриховскихъ идей. «Всякое церковное общество, предписываетъ здѣсь законъ, обязано внѣдрять въ своихъ сочленахъ благоговѣніе по отношенію къ Божеству, послушаніе относительно законовъ, вѣрность по отношенію къ государству и нравственно добрыя чувства по отношенію къ согражданамъ». «Тѣ религіозные принципы, которые сему противорѣчатъ, не должны имѣть мѣста въ государ-

---

*) Friedberg, Gränzen, стр. 292 и слѣд.

**) Rieker, в. н. с. стр. 287 и слѣд., Friedberg, Gränzen; 270 и слѣд.

ствѣ и не подлежать распространенію ни устно, ни въ народныхъ изданіяхъ». «Только государству принадлежитъ право осуждать подобные принципы послѣ надлежащаго испытанія и запрещать ихъ распространеніе». «Только отъ государства зависитъ установленіе публичныхъ молитвенныхъ и благодарственныхъ дней и другихъ чрезвычайныхъ праздниковъ». Только «послѣ утвержденія» со стороны государства получаютъ силу, «равную другимъ полицейскимъ законамъ», церковныя правила относительно «внѣшней формы и отправленія богослуженія». И государство же считаетъ себя вполнѣ вправѣ предписывать «всѣмъ духовнымъ лицамъ, подъ угрозою потери ими должности, почтенный и не отталкивающій для народа образъ жизни»; они должны «самымъ заботливымъ образомъ избѣгать всякаго повода къ соблазну прихожанъ въ безразличнѣйшихъ вещахъ», имъ повелѣвается «пріобрѣтать любовь и довѣріе прихожанъ осторожнымъ и кроткимъ поведеніемъ» и даже по отношенію къ иновѣрцамъ должны духовныя лица «быть примѣромъ кротости и терпимости» и т. п. *). Только одно отличіе представляютъ эти предписанія протестантскаго монарха отъ повеленій французскаго и австрійскаго величествъ: предписывая духовнымъ лицамъ «неустанно работать надъ обученіемъ и моральнымъ усовершенствованіемъ» прихожанъ, земское право ограничиваетъ обязанность полицейскаго сыска на исповѣди и соотвѣтственнаго доноса только случаемъ, когда самому государству «угрожаетъ опасность»... Это все же прогрессъ...

Но это, конечно, не мѣшало не только подвергнуть духовенство всѣхъ исповѣданій тѣмъ мѣрамъ, которыя съ успѣхомъ примѣняли у себя Іосифъ II и Максимиліанъ IV, но и употребить его въ дѣлахъ, ничего съ религіей общаго не имѣющихъ. Какъ совершенно правильно замѣчаетъ Рикеръ, это вполнѣ соотвѣтствуетъ духу раціонализма: въ священникѣ видѣть только учителя, а въ его общинѣ слушателей. Просвѣщеніе смотритъ на духовное лицо или какъ на своего слугу, или какъ на своего врага. Онъ ему слуга, если онъ на своемъ посту работаетъ надъ просвѣщеніемъ народа, надъ освобожденіемъ его изъ цѣпей мрачнаго суевѣрія и мертвой вѣры въ догму... Но государство смотритъ на духовенство, какъ на своихъ слугъ и для удовлетворенія культурныхъ потребностей и просвѣтительныхъ цѣлей и пользуется имъ для всевозможныхъ цѣлей... Такъ, еще великій курфюрстъ запретилъ вѣнчать, если женихъ не посадилъ извѣстнаго числа деревьевъ, дубовъ или фруктовыхъ деревьевъ у себя въ селѣ, и подобныя мѣры повторялись постоянно; особенно духовенство должно было содѣйствовать истребленію саранчи, участвовать въ борьбѣ противъ эпидемій, принимать участіе въ выборѣ сельскихъ акуше-

*) Allgemeines Landrecht, T. II, §§ 13, 14, 15, 34, 46, 47, 48, 50, 67, 68, 70, 71, 75.

рокъ и обнародованіи законовъ; вообще, «между священникомъ и всякимъ другимъ чиновникомъ, различіе было лишь въ томъ, что первый имѣлъ нѣсколько иное вѣдомство, чѣмъ послѣдній»; сущность должности оставалась одна и та же *).

Таковы общія черты системы религіозной полиціи въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы. Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Зомъ, «государство здѣсь Левіаѳанъ, который проглатываетъ всякую другую власть... Вся область церковнаго управленія ему открыта... Государь управляетъ церковью... И онъ управляетъ ею не въ силу особенной власти, которая принадлежала бы ему, какъ первенствующему члену церкви, а въ силу простой государственной власти. Теперь государство царствуетъ надъ церковью... Само церковное управленіе теперь имѣетъ государственную природу... Церковныя учрежденія стали государственными учрежденіями, церковные служители—государственными чиновниками... Государь не связанъ болѣе ни консисторіями, ни вообще какими бы то ни было церковными учрежденіями... Онъ даже не нуждается въ богословахъ для своихъ консисторій... Свѣтская церковь безгранично управляется государственной властью въ интересахъ государственной жизни»... Завлеченіе церкви въ государственный механизмъ сообщило ей вмѣстѣ съ тѣмъ механическій характеръ, омірщило ее **).

V.

Россіи принадлежитъ честь не только наиболѣе ранняго утвержденія религіозной и церковной полиціи, но и почти двухсотлѣтней ея практики. Наша «гражданская конституція духовенства», введенная у насъ не революціей, а волей «самовластнаго монарха», не могла встрѣтить того сопротивленія, какое она встрѣтила первая въ свободной странѣ, и «духовный регламентъ» является до настоящаго времени величайшимъ памятникомъ чужеземнаго вліянія и государственной церковности, построенной на руинахъ татарско-греческой практики. Только духовенство, воспитанное московскими царями, только религія, превращенная въ обрядность, только церковь, порабощенная государству по византійскимъ образцамъ — могли не только вынести безъ потрясенія такой процессъ «преобразованія», которому ихъ подвергъ Петръ I, но и на два вѣка превратиться цѣликомъ въ «департаментъ духовной полиціи».

И надо отдать полную справедливость регламенту. Онъ, можно сказать, въ классической формѣ опредѣлилъ руководящіе принципы новаго государственнаго вѣдомства.

---

*) Rieker, l. n. c. стр. 318 и слѣд.

**) Sohm, Kirchenrecht, стр. 674 и слѣд.

Въ регламентѣ прежде всего попеченіе о «духовномъ чинѣ» ставится вполнѣ наряду съ другими «попеченіями о направленіи народа нашего». Между исправленіемъ «духовнаго», «воинскаго» и «гражданскаго» чина не дѣлается никакой принципіальной разницы. Все одинаково выводится изъ «долга Богоданныя намъ власти», одинаково заключается въ государственномъ домостроительствѣ—«приставленіи». И хотя далѣе государь именуется «яко Христіанскій Государь, правовѣрія же и всякаго въ церкви святѣй благочинія блюститель», однако, въ обоснованіи своей реформы онъ не прибѣгаетъ къ своему качеству преемника «святыхъ и высокихъ Самодержцевъ», но излагаетъ «важныя вины» или причины, которыя часто раціоналистическимъ путемъ должны убѣдить сомнѣвающихся, что «правленіе соборное всегдашнее» «совершеннѣйшее есть и лучшее... наипаче же въ государствѣ монаршескомъ». Самые мотивы реформы показываютъ, что здѣсь дѣло идетъ отнюдь не о вѣчномъ спасеніи или насажденіи царства небеснаго на землѣ. Среди этихъ «винъ» мы находимъ желаніе чтобы на монарха «не клеветали непокоривые человѣцы», чтобы духовная коллегія была «на добро общее повелѣніемъ Самодержца», чтобы дѣло въ ней шло «непресѣкомымъ теченіемъ», чтобы въ ней не было мѣста «пристрастію, коварству, лихоимному суду», а самое главное, чтобы «не опасатися отечеству мятежей и смущенія». Реформа должна содѣйствовать такому порядку, при которомъ народъ «паче пребудетъ въ кротости своей и весьма отложитъ надежду имѣть помощь къ бунтамъ своимъ отъ чина духовнаго» *).

Именно такой цѣли должна удовлетворить замѣна «одного самовластнаго пастыря» коллегіей и установленіе во главѣ ея президента, на коемъ «нѣсть... великія и народъ удивляющія славы, нѣсть лишнія свѣтлости и позора, нѣсть высокаго о немъ мнѣнія», а посему «ниже самъ о себѣ, ниже кто иной о немъ» не можетъ «высоко помышляти». «Коллегіумъ же правительское подъ державнымъ монархомъ есть и отъ монарха установлено». Оно подобно прочимъ коллегіямъ учреждается «на пользу державы» монарха, приставляется къ «именнымъ нѣкіимъ дѣламъ, часто или всегда въ отечествѣ бываемымъ». И само собою разумѣется, что, съ одной сторсны, эта духовная коллегія никакихъ «правилъ» на «разныхъ дѣлъ случаи» не можетъ издавать «безъ Нашего соизволенія», съ другой же—всѣ ея члены приносятъ особую присягу, въ коей «съ клятвою» исповѣдуютъ крайняго Судію Духовныя сея Коллегіи быти самого Всероссійскаго Монарха», обѣщаютъ ему, какъ «природному и истинному Царю и Государю... вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быти», оборонять «Его Величества интересъ», «права и прерогативы», блюсти ему

*) П. С. З. 1721, Генв. 25 (3718). Регламентъ или Уставъ Духовной Коллегіи, Манифестъ.

«вѣрную службу и пользы» и т. п. «Согласіемъ сего Духовнаго правительства» и «соизволеніемъ Царскаго Величества» рѣшаются въ коллегіи всѣ дѣла *).

И въ самомъ регламентѣ мы видимъ монарха во всеоружіи своихъ правъ по водворенію «духовной полиціи». Подобно своимъ западнымъ образцамъ онъ повелѣваетъ устранить изъ акафистовъ, иныхъ службъ и молебновъ все «слову Божію противное», «непристойное и празднословное», предлагаетъ коллегіи «смотрѣть исторій святыхъ, не суть-ли нѣкія отъ нихъ ложновымышленныя... или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти»; онъ борется противъ «оныхъ вымысловъ» или «суевѣрій, которые человѣка въ недобрую практику вводятъ и образъ ко спасенію лестный предлагаютъ», преслѣдуетъ «церемоніи непотребныя или вредныя», велитъ разыскивать «о мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся быть сумнительныя»: «много бъ о семъ наплутано». Государь клеймитъ далѣе «худый и вредный и весьма богопротивный обычай» двоегласнаго и многогласнаго пѣнія, «вельми срамное» обыкновеніе молитвы въ шапку давать, также какъ все, что «имянемъ суевѣрія нарещися можетъ... на интересъ только свой отъ лицемѣровъ вымышленное, а простой народъ обольщающее». **).

Не меньшее вниманіе государя привлекаетъ и забота о самомъ «чинѣ духовномъ». Онъ отмѣчаетъ его «грубость» и невѣжество: «обаче понеже немногіе умѣютъ честь книги», предлагаетъ озаботиться составленіемъ «книжицъ», которыя, будучи «кратки и простымъ человѣкамъ уразумительны», содержали-бы въ себѣ «все, что къ народному наставленію довольно есть». Согласно теоріи естественнаго права, регламентъ видитъ въ священствѣ отнюдь не какое-нибудь особое сверхъ-естественное состояніе или учрежденіе. Онъ видитъ въ духовенствѣ только «опредѣленныхъ ученія духовнаго служителей и управителей, яковіи суть епископы и пресвитеры», которые «по преимуществу нѣкоему воспріяли ... титлу духовнаго чина, а служенія ради безкровной жертвы нарицаются, по преизяществу и священницы». Существенной разницы между ними и мірянами, «которые слышателіе и ученицы оныхъ суть», преобразователь не видитъ: «вси-бо, и священницы, и не священницы, суть міряне то есть человѣцы». Только въ одномъ отношеніи отличаются міряне отъ клира. Послѣдніе «суть управители и служители опредѣленнаго духовнаго ученія», первые же «слышателіе». Отсюда и вытекаетъ особая забота о школѣ для духовенства. И если просвѣщеніе необходимо въ дѣлахъ «о архитектурѣ, и о врачествѣ, и о политическомъ правительствѣ», и во «всѣхъ прочіихъ дѣлахъ», то «наипаче тожъ разумѣть о управленіи Церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму Церкви поведенію». Отсюда-же необ-

*) Регламентъ, Манифестъ, Присяга членовъ.

**) Тамъ-же, пункты 1—10,

ходимость дать особыя правила, посвященныя спеціально «проповѣдникамъ»: «проповѣдали-бы проповѣдники твердо, съ доводовъ священнаго писанія о покаяніи, о направленіи житія, о почитаніи властей, паче-же самой высочайшей власти царской о должностяхъ всякаго чина; истребляли бы суевѣріе; вкореняли-бы въ сердца людскія страхъ Божій»... *).

Совершенно исключительныя мѣры принимаетъ регламентъ относительно епископовъ. «Вѣдалъ-бы всякъ епископъ мѣру чести своей и не высоко-бы о ней мыслилъ... Се же того ради предлагается, чтобы укротить оную вельми жестокую епископовъ славу». Для этого регламентъ требуетъ, чтобъ «оныхъ подъ руки... не вожено, и въ землю бы онымъ подручная братія не кланялись и оные поклонницы самоохотно и нахально стелются на земли, да лукаво, чтобъ степень исходатайствовать себѣ недостойной, чтобъ тамъ неистовство и воровство свое покрыть... честь лишняя и почитай равно царская да не будетъ». Спеціальные «регулы» епископскихъ посѣщеній предписываютъ, чтобы епископъ во время объѣздовъ городовъ собою не обременялъ, а останавливался въ палаткахъ, чтобы, далѣе, до тѣхъ поръ, пока дѣлъ не управитъ, онъ «себѣ гостей не позоветъ и званый... не пойдетъ, чтобъ не обольстился трактаментомъ». Даже поведеніе свиты епископа предусматривается регламентомъ: «не творили бы соблазно... не дерзали бы грабить... ибо слуги архіерейскіе обычнѣ бываютъ лакомыя скотины и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостью и безсудіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются». Самъ епископъ обязанъ «тайно и искусно провѣдывать» о разныхъ дѣлахъ, принимать сообщенія протопоповъ или благочинныхъ, «аки бы духовныхъ фискаловъ», которые должны все «насматривать и епископу доносить». Спеціально обязанъ епископъ смотрѣть за монахами, «дабы не волочились безпутно». Къ его же вѣдѣнію относится забота о томъ, «дабы лишнихъ безлюдныхъ церквей не строено, дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не вымышлено, тако-жъ о кликушахъ, о тѣлесахъ мертвыхъ не свидѣтельствованныхъ и прочая всего того добрѣ наблюдать». **).

Въ послѣдней части регламентъ обосновываетъ спеціально религіозную полицію, цѣлью которой, однако, является не столько загробное, сколь земное блаженство. И если здѣсь предписывается «православнаго ученія слушать отъ своихъ пастырей», «хотя бы единожды въ годъ причащатися», то это дѣлается съ тѣмъ, чтобы «лучше познать раскольщика». Гораздо больше вниманія обращено на то, чтобы не разводилось слишкомъ много нищихъ, «ибо въ семъ не мало погрѣшаемъ; многіе бездѣльники при совершенномъ здравіи за лѣность свою пускаются на проше-

*) Тамъ-же, о мірянахъ, о священникахъ, о проповѣдникахъ,

**) Регламентъ о епископахъ.

ніе милостыни и по миру ходятъ безстудно... Сколько тысящъ въ Россіи обрѣтается лѣнивыхъ таковыхъ прошаковъ... нѣтъ отъ нихъ приходу хлѣбнаго, а обаче нахальствомъ и лукавымъ смиреніемъ чуждые труды поядаютъ и потому великій хлѣбу расходъ вотще... Сверхъ того еще лѣнивіи оны нахальники сочиняютъ нѣкая безумная и душевредная пѣнія и оныя съ притворнымъ стенаніемъ предъ народомъ поютъ и простыхъ невѣжъ еще вяще обезумливаютъ». Но не только простая полиція въ современномъ смыслѣ регулируется регламентомъ. Въ составъ духовной полиціи зачисляется и то, что нынѣ называется полиціей политической. И если на исповѣди священникъ узнаетъ какъ нибудь «о злодѣйственномъ на государя или на тѣло церкви умышленіи и о хотящемъ отъ того быть вредѣ», то онъ обязанъ доносить объ этомъ по начальству, такъ какъ здѣсь церковь смѣшивается съ государствомъ, а еретикъ—«кто не кается и пребываетъ непослушнымъ»—съ государственнымъ преступникомъ. *).

Естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ этой системы духовной полиціи и синода въ качествѣ «правительства, которое... имѣетъ всякія духовныя дѣла во всероссійской церкви управлять» было учрежденіе при немъ «изъ офицеровъ добраго человѣка, ктобъ имѣлъ смѣлость и могъ управленіе синодскаго дѣла знать и быть ему оберъ-прокуроромъ». На его обязанности было «сидѣть въ синодѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы синодъ свою должность хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ... истинно, ревностно и порядочно безъ потерянія времени по регламентамъ и указамъ отправлялъ»... Оберъ-прокуроръ, это—«око Наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ» при «важномъ и сильномъ правительствѣ», «указовъ коего повелѣно слушать во всемъ» «подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ. **).

Таковы постановленія гражданской конституціи русскаго духовенства. До настоящаго времени они представляютъ собой дѣйствующее право, на нихъ основывалось послѣдующее развитіе русскаго государственнаго строя. Въ трехъ главныхъ направленіяхъ мы можемъ прослѣдить развитіе нашей церковной и религіозной полиціи. Съ одной стороны, подчиненіе церкви государству становилось все болѣе прочнымъ, по мѣрѣ полнаго устраненія выборнаго начала изъ приходской организаціи и возрастанія силы и значенія оберъ-прокурора. Послѣдующій уставъ духовныхъ консисторій только довершилъ глубокую бюрократизацію русскаго вѣдомства православнаго исповѣданія. Во вторыхъ, свѣтская администрація

*) Тамъ-же, о мирянахъ и прибавленіе къ духовному регламенту, смотр Полное собр. постан. и распор. по вѣд. правосл. испов. Россійск. Имперіи, томъ II Петерб. 1872 г. № 596.

**) Регламентъ. Инструкція оберъ-прокурору 13 Іюня 1722 г., (Собр. пост. правос. вѣд. Т. I. № 680).

и полиція все болѣе и болѣе облекались обязанностью насаждать среди населенія начала истиннаго богопочитанія, «незазорной любви, благочинія, благонравія и порядка», а въ полицейскихъ сборникахъ и указахъ мы находимъ цѣлые кодексы государственной добродѣтели или цивической морали — въ точное исполненіе предписаній вольнодумнаго и богопротивнаго Руссо. Наконецъ, въ-третьихъ, само духовенство наше облекается цѣлымъ рядомъ такихъ обязанностей, которыя менѣе всего могутъ быть совмѣстимы даже съ учительствомъ и управленіемъ, предоставленнымъ ему по петровскому регламенту. Въ основѣ всей системы лежитъ принципъ порабощенія церкви государствомъ, принципъ которымъ такъ гордилась въ перепискѣ съ Вольтеромъ Екатерина II, и который въ дѣлѣ обращенія уніатовъ въ православіе сыгралъ такую рѣшающую роль. *)

Этотъ принципъ, говоря словами графа Блудова въ его докладѣ отъ 3 Іюля 1835 г., заключается въ слѣдующемъ: «если каждому частному лицу, принадлежитъ право самосохраненія, если даже на каждомъ лежитъ обязанность самосохраненія, то сіе право и сія обязанность еще съ большею силою простираются на государство и его жизнь. Есть случаи, въ которыхъ можно и должно пожертвовать жизнію и безопасностью частною для жизни и безопасности общественной, какъ меньшимъ благомъ для большаго; но государство должно исполнять законъ самосохраненія, сколько для своего общаго блага, столько-же и для частнаго блага своихъ сочленовъ». И во имя этого общаго блага оказалось возможно — говоря словами уніатскаго духовенства,—«разорять душевное и тѣлесное спокойствіе» священниковъ, оказалось «вмѣстно» «духовному начальству распространять власть, которою духовенство казнитъ непреклонныхъ уніатовъ и вселяетъ въ сердцахъ человѣческихъ вопль и стонъ народа» **).

При господствѣ подобнаго принципа не было ничего удивительнаго въ томъ, что синодскій прокуроръ очень скоро сталъ свѣтскимъ патріархомъ русской церкви и сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю государственную власть по духовному управленію. Когда при Александрѣ I временно возникло министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, именно оберъ прокуроръ наслѣдовалъ положеніе министра и окончательно сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ новыя, постепенно выросшія учрежденія по хозяйственной и по учебной части, такъ же какъ по надзору за духовной администраціей, дисциплиной и судомъ. И вполнѣ правъ Тернеръ, когда говоритъ, что «отсутствіе свободной, независимой отъ государственной регламентаціи жизни нашей церкви не подлежитъ сомнѣнію. Можно ли отрицать, что всѣ внѣшнія проявленія рели-

---

*) Вольтеръ, Oeuvres complètes, XLII 1785 г. Dict. philos.

**) Морошкинъ, Уніаты. Вѣстникъ Европы Т. IV, 8, 1872 г. стр. 531, 562, 563.

гіозной жизни общества поставлены у насъ въ тѣсную зависимость отъ административныхъ властей, что вся внѣшняя организація церкви носитъ болѣе характеръ административнаго учрежденія, вѣдомства.... чѣмъ самостоятельной мѣстной церкви, находящейся въ живой органической связи со всѣми своими членами какъ духовными, такъ и мирскими». Такъ писалъ Тернеръ въ дореформенное, страшное время, когда духовная цензура не пропускала ни одного слова протеста противъ оффиціальнаго православія. Теперь мы видимъ это еще яснѣе... *)

Со времени Петра у насъ твердо держалось положеніе, гласящее, что «главная обязанность гражданина есть религія». Въ силу этого не только всѣ граждане были расписаны по религіямъ, но и установилось неуклонное правило: «управа благочинія миръ и тишину православной церкви охраняетъ». Именно она, эта самая управа, должна была «имѣть бденіе, дабы всякъ въ церкви Божіей почтителенъ былъ, да войдутъ въ храмъ Божій со благоговѣніемъ и да пребываютъ воономъ.... со страхомъ, въ молчаніи, въ тишинѣ и во всякомъ почтеніи». И это неудивительно, ибо всѣ христіане обязаны «законъ Божій сохранять и тайны святыя и прочія преданія отъ церкви святой узаконенные исполнять, въ праздники и воскресные дни на службу Божію въ церковь приходить; которые же не знаютъ христіанскаго закона, также раскольниковъ, невѣжествомъ своимъ противящихся святой церкви... надлежитъ обращать увѣщаніемъ и ученіемъ—во благочестіи и соединеніи церкви». Точно также запрещается «всѣмъ и каждому начинать или возобновлять споры противу православія»; на преступившаго запрещеніе безъ суда налагается «молчаніе». И не объ одной вѣрѣ заботится полиція. Въ уставѣ блогочинія читаемъ мы цѣлый кодексъ гражданской добродѣтели или «правила добронравія». **)

«Не чини ближнему, чего самъ терпѣть не хочешь»—гласитъ первое правило и за нимъ слѣдуютъ ему подобныя: II. «Не токмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро колико можетъ....» VI «Блаженъ, кто и скотъ милуетъ, буде скотина и злодѣя твоего спотыкнется—подыми ее.....» IX «Жена да пребываетъ въ любви, почтеніи и послушаніи къ своему мужу и оказываетъ ему всякое угожденіе и привязанность аки хозяйка». Удачно дополняютъ это «качества опредѣленнаго къ благочинію начальства и правила его должности». Къ нимъ принадлежатъ: IV) вѣрность къ службѣ его величества, V) усердіе къ общему благу.... XV) воздержаніе отъ взятокъ; ибо ослѣпляютъ глаза, «развращаютъ умъ и сердце, устамъ

*) Тернеръ, О свободѣ совѣсти (въ сборникѣ Безобразова) ст. 33 и дальше.

**) Уставъ благочинія, статья 59, 62, 196, 197, 198, 199, 241. Гуляевъ, Права и обязанности гражданина. § 101, 112.

же налагають узду». Или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, «справедливый человѣкъ не оскорбляетъ, не обижаетъ, благородная душа не поноситъ, не поклеплетъ, великодушный человѣкъ прощаетъ и самымъ поведеніемъ своимъ оправдается». Нужно-ли говорить, что именно на губернаторовъ, городничихъ и исправниковъ было возложено воспитаніе подданныхъ во всѣхъ этихъ добродѣтеляхъ, и что именно имъ было поручено и въ мірѣ духовно-нравственномъ слѣдить за насажденіемъ добродѣтели и блаженства? *)

Вѣротерпимость, установленная въ Россіи по европейскимъ образцамъ и въ цѣляхъ «размноженія многихъ мануфактуръ и прочихъ заводовъ» или, иначе, «въ поощреніе предпріятій... клонящихся къ распространенію трудолюбія, ремеслъ и фабрикъ», была отдана подъ охрану той-же полиціи, причемъ, эта послѣдняя, «не входя въ розысканіе внутренняго исповѣданія вѣры», не должна была, однако, допускать никакихъ внѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви и строго воспрещать «всякіе всѣмъ соблазны, не въ видѣ ересей, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка». Такъ развилась широкая дѣятельность по пресѣченію «явнаго соблазна, нарушающаго общій порядокъ и спокойствіе», а подъ видомъ охраны «спокойствія общаго» и прекращенія «публичнаго оказательства раскола, соблазнительнаго для православныхъ», развилась цѣлая система религіозныхъ преслѣдованій, зачислившихъ въ разрядъ «сектъ», коихъ ереси соединены «съ жестокимъ изувѣрствомъ и фанатическими покушеніями на жизнь свою и другихъ»—самыя мирныя евангелическія и христіанскія вѣроученія. Полиція, какъ органъ религіозныхъ преслѣдованій,—таковъ былъ необходимый выводъ изъ ея религіозно духовныхъ полномочій, и иначе быть не могло. Какъ говоритъ Таганцевъ: «въ дѣйствующихъ и нынѣ законахъ полицейскихъ, мы находимъ ...совершенный хаосъ понятій; полиція вѣдаетъ все, наблюдаетъ за всѣмъ, пресѣкаетъ и предупреждаетъ все... полиція слѣдитъ не только за нашей публичной дѣятельностью, но и проникаетъ въ самые неприкосновенные уголки... нашей жизни: она должна знать какъ мы вѣруемъ, что мы думаемъ, чѣмъ наполнены наши сердца. А между тѣмъ, предѣлы власти этой вездѣсущей и всевѣдущей полиціи намѣчены только общими штрихами». **).

Необходимымъ завершеніемъ этихъ отношеній церкви и государства въ Россіи было прямое предоставленіе свѣтскимъ властямъ права наложенія чисто церковныхъ наказаній, въ частности церковнаго покаянія. Какъ говоритъ тотъ же криминалистъ, «у насъ съ XVIII столѣтія

*) Уставъ благочинія, стр. 41, Собр. узак. по полицейской части до 1817 г. 6, 7,

**) П. С. з. 1782 г. Апрѣль 21, 1785 г. Уст. Благоч. ст. 124, 1763 года, Іюля 22 (№ 11880) 1806 г. Декабря 25 (№ 22410), Собр. пост. о расколѣ, 1803 г. Февр. 21, 1820 года, Апрѣля 11, 1858 г. Октяб. 15. 1825 г. Февр. 3. 1830 г. Октября 20, Таганцевъ, Карательная дѣятельность государства, стр. 58.

вопросъ о церковныхъ взысканіяхъ съ мірянъ получаетъ совершенно своеобразную постановку: не церковь вторгается въ сферу государственной дѣятельности, а наоборотъ, государственная власть разсматриваетъ церковный судъ, какъ государственное вѣдомство дѣлъ грѣховныхъ. Въ виду этого она не только опредѣляетъ, какія дѣянія должны считаться грѣховными и подлежать взысканіямъ со стороны духовнаго суда, но и признаетъ эти указанія ограничительными для церкви... Этотъ взглядъ привился къ духовной практикѣ святѣйшаго синода, перешелъ въ Сводъ, а оттуда въ Уложеніе... придавая ему характеръ рѣзко отличающій его отъ кодексовъ западныхъ. Уложеніе перечисляетъ рядъ проступковъ, при которыхъ судъ духовный можетъ обложить мірянъ церковными взысканіями; каковы: церковное покаяніе, лишеніе христіанскаго погребенія, отдача въ монастырь» *).

Возлагая на свѣтскую полицію и суды обязанности религіозно-нравственнаго попеченія и надзора, русскій законъ въ то же время дѣлалъ изъ духовныхъ лицъ агентовъ для чисто свѣтскихъ и мірскихъ обязанностей. На первомъ планѣ здѣсь, конечно, стоялъ духовный сыскъ по государственнымъ преступленіямъ, причемъ исповѣдь еще по Регламенту была сдѣлана средствомъ для открытія всякаго умысла на особу монарха, начальствующихъ лицъ и существующій порядокъ. Какъ мы видѣли выше, и по дѣламъ уголовнымъ духовныя лица должны были производить духовное покаяніе, разъ для этого былъ надлежащій приговоръ законнаго свѣтскаго суда. При существованіи крѣпостного права на спеціальной обязанности священниковъ было: «предостерегать прихожанъ своихъ противу ложныхъ и вредныхъ разглашеній, утверждать въ благовравіи и повиновеніи господамъ своимъ, всемѣрно старатися предупреждать возмущенія крестьянъ и ихъ отъ того удерживать». И даже при самихъ усмиреніяхъ на духовенство была возложена довольно активная роль: «когда команда прибудетъ, говоритъ законъ, то надлежитъ собрать тотчасъ окольныхъ людей, также и священниковъ, и черезъ нихъ увѣщевать неповинующихся и всячески стараться привести ихъ въ должное повиновеніе» **).

Этимъ дѣло, однако, не ограничивалось. На обязанность благочинныхъ и архіереевъ былъ возложенъ «по духовному вѣдомству общій надзоръ» «за тѣмъ, чтобы дезертиры, бродяги и вообще безпаспортные и съ просроченными паспортами люди нигдѣ и никѣмъ не были принимаемы, держимы и укрываемы». Рядомъ съ такими функціями по ловлѣ бродягъ мы встрѣчаемъ и другія, вродѣ «поясненія народу пользы» предохранительной оспы, обязанности исполнять цензурныя функціи по «религіи вообще», наконецъ, даже обязанности тюремщиковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда

*) Таганцевъ, в. н. с.

**) Св. Зак. Т. XIV, изданіе 1832 г., часть IV, статья 299, 302.

судъ на основаніи закона приговариваетъ кого-нибудь изъ несовершеннолѣтнихъ къ «заключенію въ монастырь» *).

Совершенно естественными являются, конечно, тѣ услуги, которыя были оказаны церковью, превратившеюся, въ колоссальную канцелярію, старому строю русскаго абсолютизма въ его борьбѣ съ идеалами новаго порядка и правового государства...

Религіозная полиція и вторженіе государства въ церковную область имѣли вначалѣ свою хорошую сторону: они освободили государство отъ церковнаго гнета, открыли ему просторъ свѣтскаго развитія, экономическаго процвѣтанія и нравственнаго подъема. Реформа была нужна, на своемъ знамени она несла, если не свободу совѣсти, то вѣротерпимость.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта система была построена на превращеніи прежней церкви въ управу духовнаго благочинія, въ орудіе полицейской добродѣтели, государственной религіозности, политической благонамѣренности и послушанія.

И чѣмъ болѣе обострялись отношенія между абсолютнымъ государствомъ и новымъ обществомъ, тѣмъ больше вырождалась церковь въ чисто-политическое учрежденіе, въ средство борьбы противъ стремленій къ свободной нравственности, къ правамъ человѣка и представительному «общественному» государству.

Страшнѣе всего и упорнѣе и дольше протекалъ этотъ процессъ въ Россіи: лишенная самобытности церковь, проникнутая византизмомъ, особенно легко приняла свое новое крещеніе. Нигдѣ западная полицейская идея не была такъ глубоко воспринята, какъ у насъ, нигдѣ западная церковность не имѣла такихъ громадныхъ успѣховъ. Почти два вѣка Россія несетъ на себѣ это иго: византійскія цѣпи смѣнила она на смирительную рубашку старой полицейской Европы. Даже прогрессивныя идеи Запада стали ей проклятіемъ...

Одно мы можемъ сказать съ полной опредѣленностью: въ русскомъ церковномъ строѣ нѣтъ ничего ни русскаго, ни православнаго; заложила его дряхлая Византія, достроила полицейская Европа XVIII вѣка.

М. Рейснеръ.

---

*) Рейснеръ, Госуд. и вѣр. личн. стр. 272—274.

Изъ разсказовъ о встрѣчныхъ людяхъ.

I.

Емельянъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ я прожилъ мѣсяца два въ Крыму.

Поселился я въ маленькомъ имѣніи Карабахѣ, въ очень милой семьѣ К. Фамилія моихъ хозяевъ чисто нѣмецкая, но все младшее поколѣніе—уже природные крымчаки. Небольшой домикъ стоитъ невысоко на мысу, омываемомъ моремъ. На востокѣ плавной излучиной берегъ уходитъ къ туманнымъ скаламъ Судака. На западъ—видъ Ялты закрытъ Аюдагомъ, съ его крутыми обрывами, на которыхъ, по преданію, стоялъ храмъ, гдѣ была жрицей Ифигенія. Отсюда нѣкогда предусмотрительные аборигены кидали въ море пришельцевъ, загнанныхъ къ нимъ бурей или иными случайностями, и еще теперь временами послѣ сильной зыби волны выкидываютъ на берегъ куски мраморныхъ колоннъ. Одна такая глыба, древняя капитель, сильно обглаженная прибоями и почти потерявшая форму, лежитъ на крылечкѣ скромнаго карабахскаго дома...

Кругомъ усадьбы, по уступамъ горъ зеленѣютъ сады и виноградники. Снизу, даже въ тихую погоду, доносится протяжный плескъ и вздохи моря...

На склонѣ яснаго дня чудесной крымской осени я бродилъ съ однимъ изъ молодыхъ хозяевъ по тропамъ, отъ сада къ саду и отъ виноградника къ винограднику. Было тихо и пусто, гроздья винограда рдѣли подъ ласковыми косыми лучами, и отовсюду была видна синяя громада моря, по которому, безъ вѣтра, тихо вставали и падали бѣлые гребни.

Мы говорили о впечатлѣніи, которое Крымъ производитъ на меня, пріѣзжаго человѣка... Основнымъ фономъ этихъ впечатлѣній было ощущеніе какой-то загадочной тоски, ко-

торая, какъ назойливая муха, преслѣдовала меня среди всей этой захватывающей, ласкающей и манящей красоты и все жужжала мнѣ въ ухо что-то навязчивое и непонятное.

Мнѣ казалось, что это было ощущеніе безлюдья. Даже въ Ялтѣ и даже въ разгарѣ сезона вы чувствуете именно отсутствіе человѣка. Народу, правда, много, но все это народъ чужой этой странѣ и этой природѣ, не связанный съ ними ничѣмъ органическимъ. Просмотрите картины русскихъ художниковъ, посвященныя Крыму: волна, песокъ, мглистое, затуманенное или сверкающее море, Аю-дагъ, утопающій въ золотисто-лиловыхъ отсвѣтахъ, Ай-Петри, угрюмо выступающій надъ туманами... А если къ этому прибавлены гдѣ нибудь человѣческія фигуры,—то это только дамское платье и зонтикъ надъ грядами волнъ, или пара туалетовъ—мужской и дамскій, подобранные въ гармоніи съ основными тонами моря.

А мѣстная жизнь? Татары?.. Да, но ихъ мы не видимъ и не понимаемъ. И кромѣ того... Въ то самое время, когда мы вели этотъ разговоръ, въ легкой мглѣ виднѣлся на морѣ дальній парусъ. Какое-то судно держалось уже нѣсколько часовъ въ виду берега, и мой спутникъ высказывалъ предположеніе, что это турецкая фелюга изъ Анатоліи. Это было въ разгаръ эпидеміи татарскаго выселенія изъ Крыма. Быть можетъ, въ эту самую минуту на дальній парусъ съ горныхъ ущелій смотрѣли жадными глазами группы крымскихъ татаръ, недовольныхъ своей чудной родиной и готовыхъ пуститься на опасные поиски новой родины и новаго счастья... Безлунною ночью фелюга пристанетъ къ условленному мѣсту, гдѣ нибудь подъ прикрытіемъ скалъ, а разсвѣтъ встрѣтитъ ее далеко въ обманчивомъ морѣ... Говорили, что хищные анатолійскіе шкипера вывозили такимъ образомъ цѣлыя партіи людей,грабили ихъ въ открытомъ морѣ и кидали за бортъ. А потомъ возвращались за новыми искателями счастья...

Незадолго передъ тѣмъ, большой веселой компаніей мы отправились въ экскурсію на вершину Чатырдага. Вершина эта, красивымъ маленькимъ шатромъ рисующаяся снизу, въ дѣйствительности представляетъ настоящую каменную область, съ дикими оскалинами, съ лѣсами, хаосами камней и горными пастбищами. Въ ней есть между прочимъ двѣ пещеры, уходящія на сотни сажень въ глубину горы. Одна изъ нихъ носитъ названіе „Бимъ-башъ-коба“, что значитъ: „Пещера тысячи головъ“. Наклонясь подъ очень низкимъ сводомъ, съ пучками свѣчъ въ рукахъ,—мы пробрались въ ея глубину. Свѣчи плохо разгоняли густой, почти осязаемый мракъ этого подземелья. Вверху онъ висѣлъ непроницаемый и густой, а внизу на каменномъ полу свѣтилась передъ нами

фосфорической бѣлизной груда человѣческихъ череповъ, въ которыхъ зіяли черныя впадины глазъ. Говорятъ, въ послѣдніе годы ихъ осталось уже немного: человѣческое любопытство не останавливается ни передъ чѣмъ, и скоро безпечные туристы окончательно растащутъ эту печальную достопримѣчательность Чатырдага. Но въ то время ихъ было еще поразительно много... Послѣ яркаго дня, послѣ сверкающихъ переливовъ безграничнаго моря,—это обиліе молчаливой смерти въ темномъ подземельи, производило впечатлѣніе внушительное и грозное... Сколько ихъ было и какой предсмертный ужасъ пережили эти люди, загнанные сюда невѣдомой грозой невѣдомой, темной старины?..

— Татаръ это!—съ угрюмой увѣренностью сказалъ кто-то за нами. Повернувшись въ сторону говорившаго, —мы увидѣли загорѣлаго, почти обугленнаго солнцемъ татарина пастуха. Онъ пасъ овецъ по сосѣдству съ пещерой и пробрался за нами.

— Нѣтъ, такъ это онъ... болтаетъ, — сдержанно сказалъ одинъ изъ проводниковъ, но пастухъ посмотрѣлъ на него черными глазами, въ которыхъ сквозило что-то вродѣ спокойнаго презрѣнія, и повторилъ:

— Татаръ это, татаръ... Урусъ пещера гонялъ... Ашай нѣту, вода нѣту... Всѣ кончалъ...

— И давно это было?—спросилъ одинъ изъ нашей компаніи, въ надеждѣ услышать народное преданіе, связанное съ этой невѣдомой трагедіей...

Въ глубокихъ глазахъ татарина, казалось, мелькнуло что то, какъ смутная тѣнь. Онъ постоялъ молча, уставившись на груду костей... Но затѣмъ лицо его вдругъ сдѣлалось апатичнымъ.

— Э!—сказалъ онъ коротко, махнувъ съ пренебреженіемъ рукой, и отвернулся. Черезъ нѣсколько секундъ высокая фигура въ бараньемъ тулупѣ утонула въ густомъ сумракѣ пещеры...

Въ этомъ короткомъ восклицаніи и въ пренебрежительно-печальномъ жестѣ было что-то особенное, смутно выразительное, запавшее мнѣ въ память... Какая-то скрытая горечь непоправимой обиды, безпредметная и безпомощная жалоба намъ, потомкамъ тѣхъ урусовъ, на жестокость нашихъ предковъ, а можетъ быть и пренебреженіе фаталиста и къ намъ, и къ самой судьбѣ, которая съумѣла такъ ужасно распорядиться съ этими безвѣстно погибшими людьми.

Когда мы вышли изъ пещеры и проѣзжали горной лужайкой, на которой овцы щипали сухую сѣрую траву,—этотъ пастухъ сидѣлъ на камнѣ, сшивая куски овчины, и пѣлъ горловымъ голосомъ какую-то дикую, мало внятную

пѣсню... Навѣрное въ словахъ этой пѣсни, звучалъ разсказъ о „тысячѣ головъ", а въ мотивѣ мнѣ слышалась опять презрительная безнадежная и унылая покорность...

Впослѣдствіи, когда я спросилъ объ этой коллекціи пещерныхъ череповъ у знатока Крыма, профессора Головинскаго, онъ засмѣялся и отвѣтилъ:

— Если-бы вы спросили у генуэзца сто лѣтъ спустя послѣ татарскаго нашествія, то онъ, вѣроятно, сказалъ бы вамъ, что это черепа генуэзцевъ, которые спасались отъ татаръ. А еще ранѣе греки могли бы пожаловаться на генуэзцевъ или митридатовы понтійцы на грековъ...

Не изъ этой-ли пещеры, думалось мнѣ, увязялась за мной та особенная крымская тоска, которая, какъ назойливая муха, преслѣдовала меня среди этихъ чудесныхъ ущелій и виноградниковъ, жужжа въ ухо о чемъ-то загадочно печальномъ и непонятномъ... Чудесный южный берегъ, находящійся нынѣ въ счастливомъ обладаніи курсовиковъ, проводниковъ, дачевладѣльцевъ и туристовъ, — представлялся мнѣ чѣмъ-то въ родѣ отмели, черезъ которую, на разстояніи столѣтій, какъ волны перекатываются чередой людскія поколѣнія — тавры, скиѳы, греки, генуэзцы, татары, русскіе — въ поискахъ счастья...

Здѣсь, подъ этимъ солнцемъ, вблизи этого моря, оно какъ будто ближе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.. Ласкаетъ, обѣщаетъ, манитъ... И волны перекатываются одна за другой, одна прогоняя другую...

А счастье?..

II.

Среди этого разговора о крымскихъ впечатлѣніяхъ и о пещерѣ „тысячи головъ" — мы вошли на дорожку межъ двухъ виноградниковъ.

— А вотъ, постойте, — сказалъ мнѣ мой спутникъ, — я вамъ покажу кстати одного мѣстнаго жителя... Эй, дѣдъ Емельянъ!..

Никто не отозвался. Онъ открылъ деревянную калитку, вдѣланную въ ограду изъ дикаго камня, и мы вошли въ виноградникъ.

Навстрѣчу намъ раздался хриплый лай собаки... Собака видимо была очень старая. Она даже не лаяла, а какъ-то взвизгивала и хрипѣла, поднимая голову кверху и затрудняясь встать на ноги. Лежала она у плохенькаго сарая, кое-какъ сооруженнаго изъ камней, старыхъ кривыхъ бревенъ и вѣтвей, и прикрытаго сухими лозами. Дверь сарая была открыта, и въ нее зіяла густая прохладная тьма, ка-

кая бываетъ въ знойные дни въ помѣщеніяхъ съ толстыми стѣнами и безъ оконъ... Кругомъ рядами разстилался виноградникъ съ созрѣвающими гроздьями...

Повидимому, кромѣ собаки, здѣсь никого не было, по крайней мѣрѣ никто не отозвался на окликъ моего молодого спутника. Однако, когда мы подошли къ широкимъ дверямъ или, вѣрнѣе, къ входному отверстію сарая, то замѣтили, что тамъ было живое существо: въ темномъ углу робко притаилась молодая татарка.

Около нея стоялъ горшокъ, завязанный бѣлымъ платкомъ, нѣсколько баклажанъ и нѣсколько кочней кукурузы. Повидимому, дѣвушка принесла дѣду ужинъ. Въ сараѣ было непривѣтливо и пусто. Пахло сыростью и дымомъ отъ холоднаго очага, сложеннаго изъ дикихъ камней. На двухъ доскахъ, служившихъ, очевидно, лежанкой, былъ кинутъ пучокъ соломы и какое-то тряпье въ изголовьи.

— А, это ты, Биби!—привѣтливо сказалъ мой спутникъ, разглядѣвъ въ полутьмѣ сарая свою сосѣдку изъ Біюкъ-Ламбата.—А гдѣ же дѣдъ?

— По воду пошла, — отвѣтила дѣвушка, все еще недовѣрчиво сверкая глазами въ мою сторону. И потомъ, какъ будто успокоившись, прибавила, смѣясь:

— Долго ходитъ: одинъ часъ ходитъ, одинъ ведро несетъ...

Собака опять залаяла какъ-то особенно, съ перерывами и хрипомъ, повернувъ голову къ тропинкѣ, горбомъ спускавшейся книзу. Надъ ея обрѣзомъ показалась голова и плечи стараго человѣка, который тихо поднимался съ ведромъ воды. Голова у него была красивая, круглая, густые кудрявые волосы были не сѣдые, а какіе-то сѣрые, и завитки кудрей точно были присыпаны пылью. Тотъ же оттѣнокъ какой-то тусклости лежалъ на сильно загорѣломъ лицѣ, на толстыхъ бровяхъ, даже на зрачкахъ глазъ, глядѣвшихъ прямо, ровно и безучастно. Плечи были широкія, сложеніе очень крѣпкое. Но во всѣхъ движеніяхъ сквозило что-то особенное. Не усталость, не болѣзненное старческое одряхлѣніе, а какая-то равнодушная медлительность. Казалось, этому человѣку было совершенно безразлично, какое именно мѣсто въ природѣ занимать въ данное время. И теперь, поднявшись на ровную дорожку, онъ поставилъ ведро и совершенно равнодушно смотрѣлъ передъ собою: на насъ, на сарай, на виноградникъ, на бѣлую тучу, тихо клубившуюся надъ обрѣзомъ горы, на свою собаку... Старый песъ тявкнулъ ему навстрѣчу съ жалобнымъ выраженіемъ, какъ будто спрашивая: видишь? Старикъ посмотрѣлъ въ его сторону,

какъ бы отвѣчая: „вижу... ну, что-жъ изъ этого“. — И вновь поднялъ ведро.

Казалось опять — ему не было тяжело: ни старческаго вздоха, ни кряхтѣнія, ни напряженнаго усилія. Движенія были свободны, только очень медленны. Мнѣ вспомнились часы, заводъ которыхъ кончается, но колеса все еще отбиваютъ обычныя секунды... Онъ вошелъ въ шалашъ, поставивъ ведро у входа и, подойдя къ Биби, взялъ принесенные ею припасы.

— Здравствуй, дѣдъ Емельянъ,—сказалъ мой спутникъ. Мнѣ показалось, что въ тонѣ его есть какая-то неловкость. Какъ будто подошедшій сейчасъ человѣкъ, обратившій на насъ такъ мало вниманія,—имѣетъ право за что-то сердиться, или, по крайней мѣрѣ, можетъ чувствовать за собой такое право, хотя его основанія присутствующимъ неизвѣстны.

— Здравствуйте и вы,—отвѣтилъ дѣдъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Можно напиться?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Вода,—вотъ.

Мы напились холодной воды, и наступило опять неловкое молчаніе, которое почувствовала повидимому даже беззаботная Биби. Она стала собирать принесенную ранѣе посуду и какъ будто собиралась уходить. Но что-то ее всетаки удерживало. Она стояла въ темномъ мѣстѣ сарая, но нѣсколько яркихъ лучей свѣта, прорываясь въ щели, испещрили свѣтлыми пятнами ея фигуру, а одна полоса скользнула вкось по ея лицу. Мнѣ было видно въ этомъ лицѣ выраженіе любопытства, яркаго и непосредственнаго, какъ у шаловливаго, но нѣсколько запуганнаго ребенка. Ей было лѣтъ семнадцать. Движенія ея были эластичны и упруги, въ каждомъ движеніи чувствовалась сдержанная юная сила, которая можетъ вдругъ неожиданно развернуться, какъ крѣпкая пружина... Она искоса кидала на дѣда робко-пытливые взгляды, и мнѣ казалось, что я понимаю ихъ выраженіе: она органически не могла понять этого тусклаго старческаго равнодушія, и то обстоятельство, что дѣдъ „одинъ часъ ходитъ“ за неполнымъ ведромъ воды,— интересовало ее, какъ явленіе природы, которое она, быть можетъ, видѣла много разъ, но въ первый разъ теперь обратила на него пристальное вниманіе. Она его видитъ и отмѣчаетъ, но ни почувствовать, ни понять не можетъ.

И дѣвушка слѣдила за каждымъ шагомъ старика глазами любопытнаго молодого звѣрька, готоваго юркнуть въ свою норку...

Дѣдъ по прежнему не обращалъ вниманія ни на нее, ни на насъ. Онъ сѣлъ противъ входа, на обрубкѣ, въ простран-

ствѣ, освѣщенномъ солнцемъ, и, разставивъ ноги, повѣсилъ голову. Казалось, онъ могъ просидѣть такъ до ночи, и это Биби опять отмѣтила быстрымъ взглядомъ въ направленіи моего спутника.

— Что, дѣдъ, не можется тебѣ?—спросилъ тотъ.

— Э!

Дѣдъ махнулъ рукой, какъ будто признавая, что предметъ, о которомъ заговорили, совершенно не стоитъ вниманія.

— Что тамъ!.. Не можется... Э!.. Ничего... Старость пришла, вотъ и не можется...

— А вамъ, должно быть, много лѣтъ?—спросилъ я, тоже чувствуя какую-то непонятную неловкость и въ то же время стараясь поддержать разговоръ, готовый утихнуть.

Опять тотъ же отмахивающійся жестъ и то же пренебрежительное восклицаніе...

— Э! Много лѣтъ!.. Конечно, много лѣтъ. Стараго графа хорошо помню... А когда померъ! Давно! Э!.. Конечно, лѣтъ много...

— Вы не здѣшній?

— Э-э! Не здѣшній? Конечно не здѣшній. Черниговскій.

— Значитъ съ Украйны.

— Не помню я ничего... Тутъ выросъ.

— А сюда зачѣмъ попали?

— Э! Зачѣмъ?..

Онъ какъ будто усмѣхнулся. Одервенѣвшія черты тронулись странной гримасой, точно отъ горечи.

— Зачѣмъ попалъ... Э! Когда взяли маленькаго отъ отца-матери и отправили у Крымъ... То и попалъ.

Онъ опять замолчалъ, опустивъ круглую голову съ завитками сѣдыхъ кудрей... Но черезъ нѣкоторое время, точно какія то колеса опять задвигались въ старомъ механизмѣ, началъ говорить все тѣмъ же тономъ горькаго полунасмѣшливаго пренебреженія:

— Набирали тогда... малыхъ дѣтокъ. Для климàту... Потому что видите: лихорадка... Такая лихорадка была... крымськая... Дюже народъ валила... Карла Людвиговичъ былъ, управляющій... И говоритъ грахву: надо малы̀хъ брать... Малые попривыкають, то и не будеть валить...

— Такъ вы, значитъ, и попали сюда?

— А какъ же? Такъ и попалъ... Когда малаго взяли и повезли... То и попалъ... Э!.. Возьмуть и повезуть, то и попадешь...

Подобіе улыбки прошло опять по застывшему лицу,—улыбки надъ моимъ непониманіемъ простого закона, что

если повезутъ, то и попадешь, или надъ самымъ фактомъ, что его взяли отъ отца и матери „для климату...“

— Малый былъ хлопчикъ... отъ такой...

Онъ показалъ рукой аршина полтора надъ землей, и улыбка проступила на лицѣ дѣда яснѣе. Казалось, ему самому было странно вспомнить, что и онъ когда-то былъ маленькимъ хлопчикомъ „вотъ этакого роста“. Еще болѣе страннымъ показалось это юной Биби, которая при этомъ удивительномъ сообщеніи вся какъ-то даже подалась впередъ...

— Люди говорили: все плакалъ я... Къ матери просился, у черниговщину... Тамъ, у черниговщинѣ, мѣсто ровное, хорошее... А тутъ куда ни глянь,—гора та море... Да, плакалъ все. Не съ привычки... Э!

Старая голова опять наклонилась, и лучи солнца заиграли на сѣдыхъ кудряхъ; серебряныя нити засвѣтились, точно изъ-подъ сѣрой золы...

— А потомъ?—спросилъ я, видя, что старикъ совсѣмъ замолкъ.

Дѣдъ какъ будто удивился моему настойчивому любопытству, но все же отвѣтилъ:

— Э! Потомъ!... Что-жъ потомъ... Извѣстно,—выросъ. До дѣла приставили.

— И сталъ дѣдъ лучшимъ садовникомъ у графа,—прибавилъ К., видимо желая подбодрить лѣниваго разсказчика лестью. Но дѣдъ все такъ же отмахнулся пренебрежительнымъ жестомъ и сказалъ вяло:

— Э!.. Конечно научился... таки и хорошо научился. Правда. Нарядчикъ приставитъ на виноградникъ... скажетъ: такъ и такъ дѣлайте всѣ. А я сдѣлаю по своему... Придетъ Карла Людвиговичъ... Кто такъ сдѣлалъ? Это, говорятъ, Незамутывода Омелько такъ сдѣлалъ... самовольно... Хорошо, говоритъ, пускай же такъ и мы будемъ дѣлать по омелькиному. Э!..

— Это васъ такъ звали: Незамутывода?..

— Э! Звали и Незамутывода... А потомъ стали звать Гайдамакою...

— Это почему?

— Э!

На этотъ разъ его восклицаніе было особенно выразительно. Дѣдъ какъ будто начиналъ сердиться на что-то, нестоющее вниманія, но назойливо встающее въ памяти, подъ вліяніемъ нашихъ приставаній...

— Назовутъ, какъ захочутъ... Одинъ назоветъ, а люди за нимъ... Такъ и пойдетъ... То былъ Незамутывода сроду... Родъ нашъ такъ прозывался въ Черниговщинѣ. А потомъ Карла Людвиговичъ говоритъ: какой онъ Незамутывода,

когда онъ разбойство дѣлаетъ... Его у Сибирь надо загнать. Э!.. Загоняй куда хочешь...

— А всетаки не загнали?..

— Э!.. Хочь бы и загнали... Все одно...

— Все одно...—повторилъ онъ, опуская голову,—и пробормоталъ совсѣмъ тихо, начиная дремать:

— Все одно... Чи такъ, чи сякъ... все одно...

— Дѣдъ не любитъ разсказывать объ этомъ,—тихо сказалъ мой спутникъ,—а кажется была какая-то исторія, чуть-ли не несчастный романъ... Сверстники его перемерли. Осталось только смутное воспоминаніе. Говорятъ,—если бы графъ не дорожилъ отличнымъ садовникомъ,—быть бы Емельяну въ Сибири... Ничего,—прибавилъ онъ на мой вопросительный взглядъ,—дѣдъ глуховатъ, не все слышитъ.

Но дѣдъ услышалъ слово Сибирь. Онъ опять поднялъ свои красивые сѣрые глаза и сказалъ съ признаками раздраженія въ голосѣ:

— Э! У Сибирь!.. А что такое у Сибирь? Не все одно?..

— Отъ такая была,—неожиданно прибавилъ онъ, кивнувъ въ сторону Биби, которая при этомъ какъ-то испуганно сжалась.—„Умру, говоритъ, зарѣжуся, а то со скели кинуся у море"... Э!.. Что тамъ! Не утопилася, пошла себѣ за другого... Отдали, то и пошла... Когда насильно отдадутъ,—всякая пойдетъ... И хорошо сдѣлала. Дѣтей вывела, унуки пошли... Одинъ у Оріандѣ въ садовникахъ, другой пошту зъ Алушты гоняетъ... А мнѣ въ то время Карла Людвиговичъ и говоритъ: что ты это, Емельянъ, здурился или какъ? Развѣ можно на васъ тутошнихъ невѣстъ напасти. Тутошнія дѣвки потому што очень дорогія... тутъ отъ татаръ такой обычай узялся,—калымъ за дѣвокъ платить... А мы для васъ, для молодыхъ, своихъ дѣвокъ повыпысуемъ съ черниговщины. Этыя будутъ дешевше, потому что свои, крѣпачки. Только за провозъ... Отъ выпишемъ, говоритъ, и тебѣ дружыну, потерпи...

Дѣдъ поднялся со своего обрубка и сталъ у дверей. Спокойный закатъ освѣтилъ его бронзовое лицо и сѣрыя кудри. Золотое огромное солнце, точно сверля туманную мглу, опускалось къ морю. Зыбь томно шевелилась по всему морскому простору, точно основа гигантскаго станка со снующими золотыми нитями... Тончайшая золотистая пыль перекрыла ялтинскія горы и уступы далекаго Ай-Тодора.

Казалось, природа, довольная собственной красотой, свѣтилась мягкою лаской и примиряющимъ покоемъ. Но глаза Емельяна были равнодушны и тусклы, какъ будто онъ не видѣлъ чарующей прелести заката или видѣлъ за этой золотистою мглой что-то другое: давно угасшія жизни, важ-

наго графа, управляющаго Карла Людвиговича, его неисполненное обѣщаніе. Помолчавъ нѣсколько секундъ, онъ повернулъ ко мнѣ свои выцвѣтшіе глаза и сказалъ съ удивительнымъ выраженіемъ, переходя къ чистому малорусскому языку...

— Э!.. Такъ и доси выпысуе. Царство небесне. Вже сорокъ литъ у могыли лежыть...

И опять пренебрежительно махнулъ рукой...

Я чувствую, что черными значками на бѣлой бумагѣ нѣтъ возможности передать всю выразительность и силу этого короткаго восклицанія и этого жеста, освѣщенныхъ ослѣпительно-прекраснымъ священнодѣйствіемъ природы. Этотъ человѣкъ какъ будто зналъ что-то объ этой обольстительной картинѣ... Что-то такое, что, собственно, не стоило ни горячаго негодованія, ни ненависти, ни злобы, о чемъ не стоитъ пожалуй и разговаривать... Да, все это блеститъ, ласкаетъ, обѣщаетъ и манитъ. А онъ все-таки знаетъ свое... И онъ знаетъ также, что все это *могло бы* быть именно тѣмъ, чѣмъ кажется. И для этого нужно только еще что-то, не очень многое и не трудное. Стоило во-время сказать какое-то слово, сдѣлать какое-то движеніе... Во-время выписать невѣсту... что-ли... И стало бы свѣтло, и ярко, и радостно, и правдиво, и значительно. Все было бы спокойствіемъ и счастьемъ... Но это что-то не сказано, не сдѣлано, не написано въ свое время. И *никогда* это не дѣлается, не говорится, не пишется во-время. И графы, и Карлы Людвиговичи умираютъ раньше, невѣсты остаются не выписанными. И не можетъ быть, чтобы когда-нибудь выписывались во-время... хотя и возможно, и не трудно, и разумно...

Э!.. Онъ это знаетъ рѣшительно и безповоротно...

Э!.. Тутъ не о чемъ и толковать, и онъ удивляется, что́ намъ нужно отъ него въ этотъ обманчиво-красивый вечеръ и что намъ за охота разспрашивать и толковать о томъ, что было, что должно было быть по иному, но иначе быть все-таки не могло... Онъ отмахнулся и ушелъ въ свою темную, сыроватую конуру и легъ, заложивъ руки за голову, на низкій тапчанъ, прикрытый соломой и негодною рухлядью. Онъ закрылъ глаза и лежалъ не то усталый, не то просто равнодушный къ намъ и къ закату, и къ рѣжущимъ полосамъ свѣта, все еще пробиравшимся въ щели сарая... Не чувствовалось, чтобы онъ горевалъ или сердился, но онъ явно не видѣлъ основаній для продолженія разговора. Все уже было сказано этимъ пренебрежительнымъ восклицаніемъ и жестомъ, все—объ этомъ вечерѣ, и объ остальныхъ вечерахъ, и обо всей природѣ, и о насъ, быть можетъ еще ожидающихъ своихъ невѣстъ, и о Биби, которая напоминаетъ

такую же дѣвушку, жившую полстолѣтія назадъ, и обо всѣхъ, кто интересуется всѣмъ этимъ, что должно быть иначе, но иначе не будетъ... Не будетъ, не смотря на то, что лишь какая-то тоненькая перегородка отдѣляетъ этотъ міръ, заслуживающій только пренебреженія, отъ другого, яркаго, и сверкающаго и дѣйствительно прекраснаго, и исполняющаго свои обѣщанія. Но никогда и никто не пробьетъ эту ничтожную перегородку. И толковать нечего, и незачѣмъ его дальше разспрашивать, потому что онъ все сказалъ, и больше ему сказать нечего... И если мы будемъ все-таки еще чѣмъ-то интересоваться и продолжать свои допросы, то онъ все равно не отвѣтитъ и, можетъ быть, вдобавокъ, если ему будетъ не лѣнь,—насъ обругаетъ...

Хотя, конечно, и этого не стоитъ...

Э!.. Въ сараѣ уже не видно свѣтлыхъ полосъ... Сыровато и прохладно. Скоро ночь. . . . .

Такъ мы оба поняли и короткое восклицаніе, и пренебрежительный жестъ стараго дѣда и переглянулись съ недоумѣвающимъ и отчасти растеряннымъ видомъ Повидимому, такъ же поняла его и семнадцатилѣтняя татарка съ глазами, которые еще такъ недавно безсознательно свѣтились солнцемъ и красотой этой природы. Теперь она ихъ потупила и стала быстро завязывать платкомъ посуду. Сдѣлавъ это, она надвинула на лицо чадру и тихо, какъ кошка, проюмыгнула въ дверь. Стройная фигурка, вся полная жизни и ея обѣщаній, замелькала межъ рядами виноградныхъ лозъ, скрылась въ калиткѣ, зарисовалась на короткое время на высокой горной тропинкѣ и исчезла за поворотомъ.

Мы тоже пошли изъ виноградника, не тревожа дѣда прощаніемъ. Мой молодой спутникъ чувствовалъ себя, повидимому, какъ-то раздраженно и неспокойно. Поднявъ съ дорожки кусокъ шифернаго сланца, онъ швырнулъ его такъ сильно, что камень черною точкой долго летѣлъ надъ уходящими внизъ уступами.

— Чортъ знаетъ...—сказалъ онъ раздраженно, когда камень, еще не успѣвъ упасть, исчезъ въ золотистыхъ сумеркахъ.—Чортъ знаетъ, что за глупая исторія... „Выпысуе и доси"... Шопенгауэръ какой-то...

— Однако, — прибавилъ онъ, быстро пройдя нѣкоторое разстояніе и опять сердито останавливаясь.—Вѣдь пришла-же потомъ воля... Могъ бы, кажется, устроить жизнь по своему.

— А сколько ему лѣтъ?—спросилъ я.

— Много что-то. Говорятъ, около девяноста.

— А воля въ шестьдесятъ первомъ. Когда она пришла жизни пожалуй уже не было...

Поздно вечеромъ послѣ ужина, я вышелъ къ морю.

Спать не хотѣлось. Какіе-то смутныя, но неотвязныя мысли лѣзли въ голову, незаконченныя, неразрѣшимыя, скучныя. Мѣсяца не было. Закатъ давно угасъ, звѣзды поглотила слѣпая, широкая мгла. Море стало невидимо и плескалось о берегъ непривѣтливо и сердито. Чудились въ этомъ плескѣ какія-то невнятныя рѣчи, мелькали фантастическіе паруса, уплывающіе въ безвѣстную даль съ искателями новой родины, слышался ропотъ, напоминанія, требованія, жалобы, домогательства, гнѣвъ и печаль... И потомъ все на время смолкало и только короткій, отрывистый, апатичный доносился усталый вздохъ прибоя, странно напоминавшій мнѣ пренебрежительное восклицаніе Емельяна.

Это становилось невыносимо, и я пошелъ отъ моря. Горы высились передо мной сплошною безформенною массой, въ которой глазъ не различалъ уже ни уступовъ, ни виноградниковъ, ни деревьевъ. Въ одномъ только мѣстѣ на неопредѣленной высотѣ горѣлъ огонекъ, какъ будто повисшій надъ темною пропастью. Порой онъ угасалъ и опять разгорался. Я угадывалъ, что это въ шалашѣ у старика Емельяна...

Меня потянуло туда. Болтливый голосъ прибоя все еще лѣзъ въ уши, приставая со своими невнятными и безсмысленными, хотя всетаки живыми рѣчами, а тамъ у этого огня я какъ будто оставилъ что-то неразрѣшенное и недосказанное, что нужно и легко было додумать и досказать. И тогда назойливая тоска этого вечера разрѣшится для насъ обоихъ: для меня и для Емельяна...

Хриплая собака опять затянула свой жалобный прерывистый вой. Емельянъ не спалъ. Онъ медленно поднялся съ лежанки, взялъ ружье и, неторопливо подойдя къ выходу, вглядѣлся въ темноту.

— Кто тутъ? Какой человѣкъ ходитъ? — спросилъ онъ своимъ ровнымъ старчески-безстрастнымъ голосомъ...

То, что мнѣ нужно было сказать и что казалось такъ легко было найти, — не приходило. Чтобы выиграть время, я сказалъ, что запоздалъ въ горахъ и пошелъ на его огонекъ.

Емельянъ не удивился. Онъ повѣсилъ ружье на гвоздь, вбитый въ столбъ у лежанки, сѣлъ и подбросилъ нѣсколько вѣтокъ съ сухими листьями.

— Такъ вы тутъ и живете? — спросилъ я, оглядываясь на задымленныя стѣны, освѣтившіяся недолгимъ свѣтомъ.

— Э! такъ и живу,—отвѣтилъ Емельянъ благодушно,— Какъ-же-жъ иначе? Всякій человѣкъ живетъ, какъ ему Богъ дасть... Спасибо хочъ татарину Алію: живи, каже, у меня, съ собакою. Собака старая и дидъ старый, а всетаки выходитъ

калавуръ. Добрый, дарма что татаринъ... Ну, и то еще сказать: лестно ему... Первый графскій садовникъ у него за виноградникомъ доглядуеть...

Въ голосѣ старика пробилась замѣтная нотка юмора, но тотчасъ онъ прибавилъ съ обычнымъ выраженіемъ:

— Э!..

То, что я хотѣлъ сказать, не приходило, но я всетаки началъ говорить, чувствуя сразу, что ни слова, ни тонъ моего голоса не способны пробить ту тонкую пленку, за которой скрывалось наше взаимное человѣческое пониманіе...

— Слушайте, Емельянъ,—сказалъ я.—Вотъ я человѣкъ пріѣзжій. Черезъ недѣлю уѣду, и больше мы не увидимся...

— Ну?—сказалъ Емельянъ безстрастно, и тонъ этого вопроса подчеркнулъ для меня неудачность и ненужность того, что я собирался сказать.

— Ну, однимъ словомъ... все равно, — продолжалъ я съ досадой на себя:—я хотѣлъ спросить у васъ: можетъ вамъ что-нибудь нужно или чего-нибудь хочется:..

— Э!..

— И если бы я могъ что-нибудь сдѣлать для васъ, то былъ бы радъ сдѣлать...

— Э!

Онъ равнодушно легъ на лавку и заложилъ руки за голову.

— Чего мнѣ хочется? — заговорилъ онъ безстрастно.— Ничего не хочется. Живу, слава Богу, хочъ у татарина... Чего хочется? Заснулъ-бы, такъ и сна что-то нема. Э!..

Сухіе листья и тонкія вѣтки догорѣли. Тлѣли только кривые корни виноградныхъ чубуковъ, плохо освѣщая темноту шалаша... И въ этой тьмѣ меня охватило странное, безпокойное ощущеніе. Я не могъ вспомнить лица Емельяна, и мнѣ показалось, что вмѣсто него лежитъ на лежанкѣ кто-то другой, мало знакомый, но памятный. Да, вѣрно: это мнѣ вспомнился вдругъ татаринъ-чабанъ у пещеры „тысячи головъ"... Тотъ-же характерный жестъ и то-же восклицаніе, и тотъ же тонъ: безполезной и безпомощной давно погребенной жалобы и покорнаго пренебреженія... И мнѣ казалось, что надо мной сомкнулись темные своды подземной пещеры, и вспышка огня должна освѣтить фосфорическую груду бѣлыхъ костей...

Ощущеніе было такъ сильно, что я даже удивился, когда опять раздался ровный голосъ Емельяна, какъ будто вспоминавшаго что-то совершенно стороннее:

— Холодно... Оттого вѣрно и сна нема. Кожухъ развалился, а новаго Алій не справитъ. Бо таки не за что! Ночи холодныя другой разъ... То оно и того... Оно бы можетъ дру-

гой разъ и заснулъ, а не заснешь... Вотъ и палю старые чубуки... Алій ничего не говоритъ, а оно таки того... оно таки татарину убытокъ...

Онъ замолчалъ, можетъ быть даже задремалъ... Я больше не спрашивалъ. Это всетаки было похоже на желаніе, и съ этимъ открытіемъ я осторожно вышелъ изъ сарая. Было тихо, даже собака не сочла нужнымъ тявкнуть при моемъ проходѣ.

Черезъ недѣлю я уѣхалъ изъ Карабаха. Когда пароходъ вечеромъ огибалъ гору Біюкъ Ламбата, я взглянулъ кверху, отыскивая мѣсто аліева шалаша. Огня тамъ не было.

Емельяну, кажется, къ тому времени уже справили кожухъ, и чубуки татарина Алія оставались въ сохранности.

II.

Рыбалка Нечипоръ.

Передъ заходомъ солнца нашъ пароходъ прошелъ черезъ проливъ и издали огибалъ керченскія горы.

Керчь расположена у подножія высокаго мыса, надъ которымъ господствуетъ полукруглая большая гора. На самой ея верхушкѣ виднѣется еще холмъ, рисующійся въ небѣ своеобразнымъ, какъ будто искусственнымъ силуэтомъ. Самое положеніе этого кургана порождаетъ невольную идею о комъ-то, стоящемъ на его вершинѣ и обозрѣвающемъ съ наиболѣе возвышеннаго пункта плоскій просторъ Азовскаго моря, Кубанскія степи, проливъ, перешеекъ и за нимъ—безконечную даль Черноморья.

— Видите вы этотъ курганъ? — сказалъ мнѣ одинъ изъ спутниковъ по пароходу.—Существуетъ преданіе, будто на немъ стоялъ когда-то золотой тронъ Митридата, царя понтійскаго, который обозрѣвалъ отсюда свои владѣнія...

— Нѣтъ, не тронъ,—вмѣшался другой.—Тутъ стояла золотая статуя самого Митридата...

— Вѣрно, — подтвердилъ еще кто-то изъ пассажировъ попроще. — Теперь эту самую статую ищутъ въ горѣ. Всю гору изрыли эти... какъ ихъ: археологи, что ли.

Такъ простодушная молва объясняла въ то время, а можетъ объясняетъ еще и теперь знаменитыя керченскія раскопки.

Солнце сильно склонилось уже къ Митридатовой горѣ, когда пароходъ, обогнувъ молъ, подошелъ къ пристани. Синія тѣни сползали съ горы, укутывая бывшую столицу понтійскаго царства, и въ этомъ освѣщеніи еще усилива-

лось странное, не вполнѣ современное впечатлѣніе отъ этого скифско-греко-татарско-русскаго города.

Мнѣ предстояло здѣсь ночевать, и, наскоро нанявъ плохонькій номеръ въ какомъ-то двухъэтажномъ домѣ изъ сѣраго камня съ плоскою крышей, я поспѣшилъ окунуться въ эту своеобразную атмосферу, насыщенную запахомъ моря, известковою пылью и смутными историческими воспоминаніями.

Улицы мѣстами круто всползали на бока Митридатовой горы, такъ что порой подошва одного дома стояла въ уровень съ крышей другого. Въ перспективѣ одной изъ такихъ улицъ, прямо передо мной виднѣлась широкая лѣстница, раздваивающимися плавными уступами подымавшаяся на гору. Это было нѣчто въ стилѣ афинскихъ пропилеевъ, и я поспѣшилъ къ бронзовой доскѣ съ надписью, водруженной въ стѣнѣ, ожидая встрѣтить указаніе на какую-нибудь реставрированную понтійскую древность. Но меня ждало разочарованіе. На доскѣ было написано, что сія лѣстница сооружена въ 187... году, „иждивеніемъ купеческаго брата такого-то". Во всякомъ случаѣ, лѣстница была очень удобна, а за ней, въ полугорѣ меня манило какое-то зданіе въ строго античномъ греческомъ стилѣ, съ портикомъ и колоннадой. На темной крышѣ еще горѣлъ въ одномъ углу послѣдній лучъ уходящаго за гору солнца. Прохладная синяя тѣнь скрывала издали жалкую облупленность потрескавшихся старыхъ стѣнъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что и сіе сооруженіе тоже новѣйшаго происхожденія, воздвигнутое въ память севастопольской кампаніи иждивеніемъ россійской казны, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, его сравнительно быстрое разрушеніе. Но въ часъ наступавшихъ южныхъ сумерекъ и особенно въ томъ моемъ настроеніи, эта новѣйшая древность имѣла, казалось, видъ почтенной мечтательной старины, и я съ жадностью празднаго туриста поднялся по ея покосившимся каменнымъ ступенямъ...

Видъ отсюда еще расширился. Смягченный разстояніемъ, гулъ пристанской жизни долеталъ снизу какъ будто приглушенный, мечтательный, смутный. Нижнія улицы задернулись тѣнью и пылью, современный городъ какъ будто уходилъ куда-то, уступая мѣсто сумеречнымъ фантазіямъ. Мое „историческое" настроеніе охватывало меня все полнѣе, вызывая смутныя тѣни прошлаго. Не отдавая себѣ полнаго отчета въ своихъ намѣреніяхъ, я задумчиво отвернулся отъ города и пошелъ вдоль восточной стѣны храма, прислушиваясь къ гулкимъ отголоскамъ собственныхъ шаговъ по камню...

Но черезъ минуту, мнѣ пришлось остановиться. Обогнувъ еще одинъ уголъ, я очутился позади храма, въ пространствѣ, довольно тѣсно ограниченномъ уступами горы, и здѣсь иллюзія одиночества была разрушена самымъ неожиданнымъ образомъ, — сѣверный портикъ оказался населеннымъ.

Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза фигура старика, сидѣвшаго подъ одной изъ колоннъ въ пространствѣ, нѣсколько лучше освѣщенномъ, и занятаго дѣломъ: снявъ рубаху, онъ что-то искалъ въ ней съ сосредоточеннымъ видомъ... Нѣсколько далѣе, подъ стѣной группа грязно одѣтыхъ людей расположилась очевидно на ночлегъ. Двое или трое уже спали, какъ будто торопясь выспаться до наступленія ночи, другіе лежали на каменномъ полу... Еще дальше нѣсколько человѣкъ играли въ карты. Тутъ были люди въ фескахъ, и люди въ широкополыхъ шляпахъ и въ какихъ-то грязныхъ повязкахъ, напоминавшихъ чалмы...

Мое появленіе, повидимому, удивило ихъ такъ же, какъ удивился я, такъ неожиданно выведенный изъ своего иллюзорнаго одиночества. Старикъ безъ рубахи прекратилъ свое занятіе и уставился въ меня наивными круглыми глазами... Въ группѣ вставшихъ двое или трое приподнялись на локти. Одинъ изъ играющихъ занесъ руку съ картой, которая должна была энергично прихлопнуть карту партнера — и остановился, слегка разинувъ ротъ отъ удивленія. Другой вскочилъ на ноги и смотрѣлъ то на меня, то на уголъ, изъза котораго я появился, какъ будто не вѣря, что я забрелъ сюда одинъ, и ожидая появленія болѣе многочисленной компаніи...

Я тотчасъ, разумѣется, сообразилъ всѣ выгоды этого предположенія для меня, одинокаго фланера, такъ безпечно забредшаго сюда съ биноклемъ въ рукахъ и дорожной сумкой черезъ плечо, въ которой вдобавокъ были деньги. Поэтому, не прибавляя шагу, съ видомъ заинтересованнаго, отчасти даже дѣлового человѣка поглядывая на колонны, потолокъ и стѣны,—я прошелъ вдоль колоннады, свернулъ за уголъ и опять вышелъ на сѣверный порталъ. Спустившись съ нѣсколько жуткимъ ощущеніемъ по гулкимъ каменнымъ ступенямъ и отойдя на нѣкоторое разстояніе, я оглянулся назадъ... Старый храмъ стоялъ въ прежнемъ почтенномъ безмолвіи, ничѣмъ не обнаруживая присутствія своихъ обитателей или ихъ дальнѣйшихъ намѣреній по отношенію къ моей особѣ. Только впереди, надъ первой площадкой лѣстницы, сооруженной иждивеніемъ купеческаго брата,—стояла одинокая фигура. Какой-то человѣкъ, повидимому только что поднявшійся снизу, стоялъ въ недоумѣ-

лой позѣ и оглядывался, какъ будто разыскивая кого-то среди этихъ пустырей и обрывовъ...

Видъ у незнакомца былъ нѣсколько какъ бы потускнѣвшій, но совершенно приличный и далеко не напоминавшій живописныхъ лохмотьевъ только что покинутой мною почтенной компаніи. На немъ былъ стеганный на груди кафтанъ, изрядно выцвѣтшій на плечахъ, но совершенно цѣлый На ногахъ виднѣлись грубые сапоги, какіе бываютъ у рыбаковъ, слегка потрескавшіеся отъ морской воды или известковой пыли, широкіе штаны въ голенища и порыжѣлый суконный картузъ. Судя по всему, и эта одежда, и ея хозяинъ видѣли когда-то, быть можетъ еще недавно, лучшіе дни... Когда я, сойдя съ лѣстницы храма, подходилъ къ нему по мягкой пыльной тропинкѣ,— онъ стоялъ ко мнѣ спиной и все продолжалъ разыскивать кого-то глазами. Заслышавъ мои шаги совсѣмъ близко, онъ вздрогнулъ и повернулся.

Лицо у него было еще не старое, загорѣлое и обвѣтренное. Бѣлокурые небольшіе усы выдѣлялись на этомъ загарѣ, точно присыпанные свѣтлою пылью. Въ сѣрыхъ глазахъ на мгновеніе мелькнуло что-то въ родѣ безпокойнаго испуга, и тотчасъ же исчезло.

— А,—это вы,—сказалъ онъ съ какимъ-то лѣнивымъ любопытствомъ оглядывая мою фигуру. — А я ужъ думаю себѣ: куда дѣвался?..

— Да вы развѣ меня видѣли раньше? — спросилъ я, удивленный догадкой, что повидимому незнакомецъ именно меня искалъ глазами.

— Видѣлъ,—отвѣтилъ онъ, кивая головой по направленію лѣстницы.—Идетъ человѣкъ у гору. Думаю: навѣрно до Мытрыдата... До его?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Нѣтъ... Такъ, просто пошелъ на гору. Я пріѣзжій...

— А сейчасъ гдѣ были?

— Вонъ тамъ... Церковь это, что-ли?..

— Кто его знаетъ... Церква вѣрно была. Теперь такъ стоитъ... пустка... А вы что же... и кругомъ ходили?

— Ходилъ и кругомъ...

Онъ быстро взглянулъ на меня, но тотчасъ опять отвелъ глаза...—Что же тамъ... никого не было?..

— Нѣтъ, были какіе-то люди... Что за народъ?..

— Такъ... народъ усякій... Которые по прыстанямъ... Ну, больше тутъ шукають усё... на горѣ...

— Чего?..

— Э!

Онъ махнулъ рукой и отвѣтилъ, немного помолчавъ и какъ-то неохотно:

— Вчерашняго дня шукають... извѣстно... До Мытрыдата пойдете?.. Или назадъ, у городъ?..

Я вышелъ изъ гостинницы безъ опредѣленнаго плана, но теперь перспектива подняться на вершину и взглянуть на широкія понтійскія дали съ того самаго кургана, съ котораго, быть можетъ, обозрѣвалъ ихъ давно умершій владыка давно исчезнувшаго царства—показалась мнѣ довольно заманчивой. Правда, становилось поздно. Тѣнь отъ горы, укутавшая городъ, ползла все дальше по морю. Но вдали, за ея предѣлами море еще сверкало, и на его синевѣ свѣтились три-четыре паруса. До вершины казалось не далеко. Къ тому-же судьба, повидимому, посылала мнѣ спутника.

Я опять взглянулъ на незнакомца. Онъ показался мнѣ человѣкомъ довольно пріятнымъ. Я люблю вообще задумчивыя лица, а на грубоватомъ лицѣ этого человѣка лежалъ отпечатокъ какой-то глубоко засѣвшей, затаенной заботы, мысли, быть можетъ даже мечты. Сѣрые глаза глядѣли тускловато, точно изъ-подъ завѣсы... Или будто вглядывались во что-то дальше того предмета, на который были направлены... Къ тому-же по манерѣ, съ какой онъ оглядывалъ гору и спрашивалъ меня,—мнѣ показалось, что онъ какъ будто имѣетъ къ этимъ мѣстамъ какое-то дѣловое отношеніе. Быть можетъ сторожъ?... Или надсмотрщикъ надъ раскапываемыми могильниками -подумалъ я и сказалъ:

— Пожалуй, я-бы пошелъ. А развѣ вамъ туда-же?

— Не то, что туда... А такъ...—отвѣтилъ онъ съ своимъ печально-лѣнивымъ спокойствіемъ... — Отчего не пойтить.. Пойтить можно...

— Не поздно?—усумнился я еще, оглядываясь на море, все дальше захватываемое тѣнью. Нѣкоторые изъ стайки парусовъ, еще недавно сверкавшіе надъ волнами, теперь погасли, слившись съ холодными тонами воды, и только одинъ еще убѣгалъ отъ тѣни на сѣверъ, къ дальней полоскѣ земли... Съ юга, изъ пролива выбѣгалъ пароходъ.

— Рыбаки это, на Тузлу,—сказалъ незнакомецъ, слѣдившій взглядомъ за парусомъ, и потомъ, какъ бы вспомнивъ о моемъ вопросѣ, онъ сказалъ:

— Не... чего поздно?.. Не поздно. А то, какъ себѣ хочете...

Мой пароходъ долженъ былъ уйти завтра на разсвѣтѣ, и я приказалъ уже въ гостинницѣ разбудить меня въ 4 часа. Значитъ, утромъ я не успѣю побывать на Митридатовомъ курганѣ... Поэтому я рѣшительно двинулся по тропѣ кверху... Незнакомецъ еще постоялъ, глядя на море, и затѣмъ послѣдовалъ за мною своей неторопливой, развалистой и нерѣшительной походкой...

Тропинка вилась на гору, то пролегая по большимъ горизонтальнымъ площадкамъ, то круто взбираясь на уступы или спускаясь въ широкія углубленія. Въ одномъ мѣстѣ намъ пришлось пройти черезъ раскрытый и раскопанный могильникъ. Повидимому онъ былъ расхищенъ уже давно: размытыя дождями стѣны обвалились, но кое-гдѣ были свѣжія выемки... Мѣстами виднѣлись темныя круглыя отверстія, точно стрижиныя гнѣзда, очевидно продѣланныя щупами. Все указывало на продолжающіеся дѣятельные и жадные поиски въ нѣдрахъ исторической горы.

Выйдя изъ этого могильника, я остановился. Здѣсь опять было видно море, далеко сливавшееся съ небомъ, на которомъ тихо клубились мглистыя облака... Направо, точно на планѣ, виднѣлся анапскій перешеекъ, а сѣвернѣе тянулась еще полоска земли неподвижная на зыблющемся морскомъ просторѣ... Пароходъ, недавно выбѣжавшій изъ перешейка торопливо поворачивалъ, оставляя за собой широкій кругъ и разстилая длинный хвостъ дыма...

Моего спутника рядомъ со мной не было, но, взглянувъ внизъ, я увидѣлъ его подъ своими ногами въ могильникѣ. Онъ стоялъ у одного изъ круглыхъ отверстій, продѣланныхъ щупомъ въ стѣнѣ, и, засунувъ руку, шарилъ тамъ медлительно и лѣниво, какъ человѣкъ, который не знаетъ, умно или глупо то, что онъ дѣлаетъ, слѣдуетъ ли ему продолжать или бросить. Обшаривъ одно отверстіе, онъ подошелъ къ другому, къ третьему, потомъ пропустилъ два или три, потомъ опять вернулся къ нимъ, постоялъ, подумалъ и опять засунулъ руку...

Замѣтивъ, что я стою надъ нимъ на краю обрыва, онъ оборвалъ свое занятіе, какъ будто стыдясь его, и сталъ неторопливо подниматься ко мнѣ.

— Что вы тамъ дѣлали?—спросилъ я, заинтересованный его таинственными манипуляціями.

— Э! Такъ... ничего,—отвѣтилъ онъ неохотно,—глупости, усё... И затѣмъ, видимо съ цѣлью перемѣнить разговоръ,—кивнулъ головой въ направленіи къ морю.—Это вонъ самая Тузла синѣеть... Народу тамъ много... рыбалки усё копошатся, рыбу ловлять. Лѣто и зиму, однымъ словомъ круглый годъ.

— Хорошо зарабатываютъ?

— Кто? Рыбалки?.. Чорта лысого... Греки хорошо зарабатываютъ конечно, и изъ нашихъ которые хозяева. Имѣеть, напримѣрно, свою снасть, то и зарабатываеть... А рыбалки... Э!..

Однако безучастно пренебрежительное выраженіе на мгновеніе сбѣжало съ его лица...

— Бываеть другому счастье, если котораго человѣка рыба полюбить. Ну тогда уже одинъ такой попадется,—уся артель разбогатѣетъ... Что ни закинь,—идеть и идеть... А другой, который безсчастный, на томъ же мѣстѣ закинеть—нѣтъ ему ничего...

Онъ говорилъ на томъ своеобразномъ нарѣчіи, въ которомъ русскій говоръ смѣшивается съ малорусскимъ въ своеобразную новороссійскую смѣсь... Русскія окончанія онъ часто смягчалъ на украинскій ладъ, и казалось тонъ его рѣчи становился отъ этого еще мягче и печальнѣе...

— Вы родомъ не изъ Украины?..—спросилъ я.

— Изъ Полтавщины... можетъ знаете?..

— Знаю. Хорошая сторона.

— Хорошая,—повторилъ онъ.—Лучше этой стороны нѣтъ на свѣтѣ... Во снѣ приснится,—день не свой ходишь... На свѣтъ здѣшній не глядѣлъ бы: гора да море, только и всего.

— Что-же? Собираетесь домой?

Онъ опять посмотрѣлъ на меня тѣмъ-же тусклымъ взглядомъ, и сказалъ грубовато:

— На какого чорта я пойду?.. Ни земли, ничего.. Пашпорта не бралъ годовъ можетъ десять... Вернешься,—за всѣ десять годовъ недоимку подавай...

— За что же? Если вы землей не пользовались!..

— Ну, не пользовался... То всетаки она моя?.. Или какъ?.. Если землю не отдадуть,—чего я тамъ не видѣлъ?.. А землю дадуть,—чѣмъ за ее взяться. Э!..

Онъ опять посмотрѣлъ куда-то дальше Тузлы и дальше туманнаго горизонта,—и потомъ сказалъ:

— Хлопцемъ я былъ, подросткомъ... Батько взялъ съ собою у Крымъ,—счастья шукать... Нашелъ счастье: подъ Тузлою, у сынимъ мори... Я остался годовъ восемнадцати. Было-бъ мнѣ домой идти, такъ не захотѣлъ: думалъ,—батько не нашелъ долю, а я таки найду, со дна моря достану проклятую... Вернусь до дому съ деньгами, хату новую построю, воловъ куплю, тогда буду жениться... Э!..

— Ну, пойдемъ до Митрыдата, ато поздно дѣлается,—оборвалъ онъ вдругъ какимъ то новымъ, рѣзкимъ тономъ.

До вершины оказалось дальше, чѣмъ я думалъ. Мы опять поднимались на крутизну, опять переходили черезъ разрытые могильники, и опять мой спутникъ порой отставалъ и совалъ руки въ круглыя отверстія... Наконецъ мы взошли на гору и стояли у кургана, который мнѣ показывали снизу. Только здѣсь, вблизи трудно было охватить взглядомъ его очертанія: онъ былъ разрѣзанъ и разметанъ. Кругомъ сохранились неровные слѣды глубокой канавы, и въ

центрѣ—круглое возвышеніе, служившее, быть можетъ, основаніемъ башни...

Если легенда о Митридатѣ не пустая сказка, то нужно признать, что древній царь обладалъ вкусомъ. Видъ былъ широкій, необозримый и прекрасный. Внизу сквозь фіолетовую мглу прорѣзались кое-гдѣ огоньки города... Они мерцали также на мачтахъ судовъ, стоявшихъ въ бухтѣ. Жизнь пристаней уже почти затихла. Порой еще громыхнетъ гдѣ-то якорная цѣпь и изнеможенно прошипитъ въ вечерней мглѣ и пыли тяжелый домкратъ, заканчивающій дневную работу. Пароходъ, описывая большой кругъ и оставляя фосфорическій слѣдъ, огибалъ молъ, направляясь къ пристани... Свистокъ его, смягченный разстояніемъ, звучалъ, какъ рожокъ или флейта... А дальше за гладью моря скорѣе угадывался, чѣмъ виднѣлся просторъ засыпающихъ черноморскихъ степей...

Солнце уже совсѣмъ сѣло, но на вершинѣ горы было свѣтлѣе. Подъ нами, нѣсколько въ сторону виднѣлась крыша стараго храма, и мнѣ показалось, что подъ портикомъ я вижу нѣсколько снующихъ маленькихъ людскихъ тѣней. Быть можетъ имъ тоже была видна моя фигура на вечернемъ небѣ, и они слѣдили за страннымъ туристомъ, разъ уже нарушившимъ ихъ вечерній покой.

Мой спутникъ опять отсталъ, и я увидѣлъ его во рву, окружавшемъ курганъ. Онъ шарилъ попрежнему рукой въ норѣ такъ ожесточенно, что, казалось, вывернетъ плечо. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялся изъ темноватой ямы на свѣтъ и подошелъ ко мнѣ. Въ рукахъ у него былъ какой-то продолговатый, темный предметъ. Онъ скоблилъ его короткимъ ножомъ, и на его лицѣ виднѣлось выраженіе странной заинтересованности и любопытства.

— Это никуда негодный шлакъ, - сказалъ я, приглядѣвшись къ его находкѣ.—Смѣло можете бросить. Да что вы это тутъ ищете?

— Э!—отвѣтилъ онъ, продолжая всматриваться въ темный предметъ. Потомъ, подумавъ и пытливо взглянувъ на меня,—бросилъ его внизъ, но глаза его слѣдили за паденіемъ шлака съ выраженіемъ нерѣшительности и сомнѣнія.

— Глупости, вѣрно... А только такъ люди болтаютъ, что будто тутъ, у горѣ гдѣ-то...

Онъ понизилъ голосъ, оглянулся и закончилъ:

— Будто золотой Мытрыдатъ лежыть закопаный. Правда?

— Пустяки!—отвѣтилъ я, невольно улыбаясь.

— Пустяки?—переспросилъ онъ съ оттѣнкомъ неудовольствія.—Э!.. Да я-жъ и самъ думаю такъ, что глупости. Ну, когда же опять ученые люди копаютъ. Зачѣмъ? Неужели же

дурно? Сколько можетъ тысячъ извели, усю какъ есть гору ископали.

— Ну, вотъ и судите сами: все же не нашли никакого Митридата,

— Ну, не нашли. Правда.

— А то, что имъ нужно—находятъ.

Онъ поднялъ на меня тяжеловатый взглядъ и сказалъ опять съ признаками раздраженія:

— Такъ... Вотъ вы говорите: что имъ нужно... Это значитъ плошечки да мисочки и тому другое подобное?.. Никогда не повѣрю! Глаза отводятъ... Ну, только опять и Мытрыдата имъ не найтить. Ни-икогда! Не дастся онъ имъ у руки...

— То есть, постойте, кто же это не дастся?

— *Онъ*! Говорю же я вамъ; Мытрыдатъ самый. Значитъ, сколько сотъ лѣтъ у горѣ этой лежитъ... все своего человѣка дожидается. Ученые, можетъ, коло него сколько разовъ проходили... можетъ и руками трогали: земля и земля, или вотъ такой камень... А придетъ такой себѣ простой человѣкъ, что никакой и науки не учился. И можетъ его узять голыми руками.

— Постойте,—остановилъ я:—вѣдь вы же говорите, — онъ, Митридатъ этотъ золотой. Значитъ все равно, что чурбанъ, бревно, камень... Какъ же онъ можетъ хотѣть, не хотѣть, даваться, не даваться?

— Золотой, вѣрно... Ну, однако, всетаки: когда-то царь былъ...

Мнѣ показалось, что лицо его поблѣднѣло, а сѣрые глаза, пытливо всматривавшіеся въ меня, стали темнѣе и глубже. Видя, что я опять улыбнулся, онъ махнулъ рукой и сказалъ, переходя къ своему обычному тону задумчивой апатіи и сомнѣнія:

— Э!.. Вы вотъ, конечно, смѣетесь. Не вѣрите. Отецъ мой, царство небесное, тоже не вѣрилъ. Никакъ. Бывало на Тузлѣ, на островѣ съ рыбалками у огня лежимъ, на гору эту смотримъ... А какъ солнце сядетъ, то гору эту черезъ море дуже хорошо видать. Небо свѣтлое, а гора темная... Вотъ бывало рыбалка какой-нибудь и скажетъ: „Э! работаемъ, работаемъ, море холодное вымочитъ, вѣтеръ холодный обсушитъ, а толку ничего нѣтъ. Только одну хворобу наживешь... Было бы другое счастье, пошелъ бы золотого Мытрыдата шукать... Навѣкъ можно отъ одного разу счастливымъ сдѣлаться“. То, бывало, батько ругается: „дурные вы, дурные, чему вѣрите!.. Это-жъ, говоритъ, грѣхъ. Усякій человѣкъ знай свое дѣло: кидай снасть у море, тамъ себѣ лучшаго Мытрыдата зловишь“... Чорта зловилъ лысого! Бурею

снасть раскидало... А снасть своя была: жалко. Поѣхалъ въ вѣтеръ снасть у моря отнимать, оно его и самого зловило!.. Э!.. видно—чи такъ, чи сякъ, усе одно: кому нѣту счастья, тотъ и будетъ несчастливый... Значитъ — такая его доля... Эты вонъ, что тамъ у церквы ночують, тоже самое, — шукають усё...

Въ голосѣ его зазвучало враждебное пренебреженіе.

— Бездѣльный народъ, мошенники, лантрыги... Такой хошъ Мыдрыдата бы нашелъ, что ему: недѣлю пьянствовать, больше ничего... Такому и доли не надо... А мой-же-жъ отецъ,—продолжалъ онъ съ внезапной вспышкой горькаго озлобленія,—человѣкъ былъ... Какой человѣкъ! Настоящій!.. Работникъ. Всѣхъ раньше встанетъ, всѣхъ позже спать ляжетъ. Все доглядитъ,—не то что за себя—и за другихъ... А не имѣлъ себѣ счастья... И сыну видно свою долю покинулъ... Отъ уже и я...

Онъ остановился... Слова у него вырывались глухо, съ видимымъ усиліемъ...

— Отъ уже... вторую недѣлю съ ними же, съ лантрыгами этими у церквы ночую... Э!..

Онъ замолчалъ и отвернулся. Какое-то невольное, почти жгучее участіе къ этому чужому случайному для меня человѣку проникло мнѣ въ душу... Хотѣлось сказать что-то нужное, но... вмѣсто этого у меня только вырвался вопросъ:

— А рыбалить вы бросили? Почему?

— Э! Рыбалить... Я уже послѣ рыбалки на какой работѣ не былъ...

И, повернувъ ко мнѣ еще болѣе поблѣднѣвшее лицо, съ расширившимися глазами, онъ сказалъ какимъ-то новымъ голосомъ, жесткимъ и злымъ:

— Я-жъ вамъ кажется объяснялъ... по русски: нѣту счастья... Вы этого не понимаете?

Онъ остановился. Нѣсколько времени мы оба молчали, и вдругъ я почувствовалъ, что его глаза впились въ меня съ какимъ-то особеннымъ, какъ будто недоумѣвающимъ вниманіемъ. Тяжелый взглядъ незнакомца какъ будто прилипъ къ моей фигурѣ, къ моему приличному костюму, къ моей дорожной сумкѣ. Такъ прошло два-три жуткихъ мгновенія, въ теченіи которыхъ на старой Митридатовой горѣ между двумя равнодушными другъ къ другу случайно встрѣтившимися людьми, казалось, зарождается что-то новое, неожиданное, не совсѣмъ понятное для обоихъ... Быть можетъ подъ вліяніемъ моего пристальнаго, удивленнаго взгляда, незнакомецъ отвернулся и махнулъ рукой.

— Э!—послышалось его восклицаніе, сразу напомнившее мнѣ что-то знакомое, и его большая, тяжелая фигура стала

удаляться, опускаясь въ новую рытвину... Глинистый обрывъ чуть-чуть свѣтился, какъ будто изъ красной глины лучился еще не совсѣмъ ушедшій дневной свѣтъ, и темныя круглыя норы выдѣлялись съ назойливой гипнотизирующей ясностью. Онъ опять сталъ совать въ нихъ руки, но, казалось мнѣ,—онъ дѣлаетъ это какъ-то разсѣянно, захваченный другими мыслями. Черезъ минуту мнѣ не стало его видно.

Я стоялъ на мѣстѣ, охваченный странными ощущеніями. Да, несомнѣнно,—этотъ жестъ и это восклицаніе мнѣ уже знакомы. Въ первый разъ я встрѣтилъ ихъ у пещеры тысячи головъ на Чатырдагѣ, у стараго татарина пастуха. Это была, безпредметная жалоба и безнадежно-покорное пренебреженіе къ судьбѣ. Но еще яснѣе вспоминался мнѣ виноградникъ Алія и Емельянъ Незамутывода, онъ же Гайдамака, которому управляющій Карлъ Людвиговичъ забылъ выписать изъ Черниговской губерніи его человѣческую долю... Теперь этой третій... Тотъ же жестъ, то же восклицаніе, то же изумительное выраженіе безнадежнаго пренебреженія къ жизни, ея смыслу, къ цѣли и значенію всякихъ исканій. Только здѣсь, на Митридатовомъ пустырѣ, я еще яснѣе почувствовалъ что „онъ", этотъ собирательный образъ встрѣчнаго несчастливца, кромѣ жалобы на урусовъ, на Карла Людвиговича, на свою долю,—готовъ предъявить какія-то претензіи и ко мнѣ лично. Какъ будто и я долженъ имъ отвѣтить за что-то, заложенное давно, таинственно и глубоко еще этимъ миѳическимъ Митридатомъ, притаившимся въ пустыхъ обрывахъ, чтобы напрасно манить людей и никому никогда не даваться... И я опять почувствовалъ, что мнѣ нужно что-то сказать, можно и должно сказать что-то, что легко разрушило бы какую-то тонкую роковую перегородку... Но настоящія слова таились гдѣ-то далеко, забросанныя, загороженныя, заглушенныя, точно скрытый смыслъ назойливаго и не внятнаго морского прибоя.

Кругомъ меня было пусто. Я стоялъ на митридатовомъ курганѣ одинъ среди сильно сгустившихся сумерекъ. Только гдѣ-то по близости шуршала и падала земля...

Все это было похоже на какой-то странный фантастическій сонъ... Однако, я понималъ всетаки, что при данныхъ обстоятельствахъ пробужденіе можетъ быть очень непріятно. Кругомъ пустырь, не видный изъ города, могильники, ямы, буераки... Рядомъ озлобленный человѣкъ съ не совсѣмъ понятнымъ настроеніемъ. Что, если этому странному искателю невозможной фантастической доли придетъ вдругъ въ голову, что я-то и есть тотъ самый золотой Митридатъ, котораго онъ такъ жадно ищетъ въ горѣ и который носитъ его долю вотъ въ этой дорожной сумкѣ... А тамъ, недалеко, внизу, между мною и городомъ дремлетъ молчаливая старая постройка, гдѣ десятокъ такихъ же искателей, быть можетъ,

приглядываются снизу къ моей фигурѣ на верхушкѣ кургана. Мнѣ показалось даже, при взглядѣ внизъ, что по склону горы, въ направленіи отъ храма, точно вѣреница муравьевъ, ползутъ темныя пятнушки... Тихо, лѣниво, раздумчиво,—какъ будто сомнѣваясь: стоитъ или не стоитъ... И кто-нибудь тоже говоритъ такое же э! —и отмахивается рукой. Никто въ городѣ не видѣлъ, куда я ушелъ, и никто не догадывается, что я теперь стою здѣсь, на горѣ, окруженный густыми сумерками и странными людьми, которые ищутъ не совсѣмъ обычными путями несбыточной доли... Къ нѣсколько жуткому ощущенію отъ этого сознанія присоединилась небольшая доля довольно печальнаго юмора: я невольно вспомнилъ о Митридатѣ... Сколько вѣковъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, быть можетъ, стоялъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стою теперь я, ничтожная единица милліоновъ людскихъ поколѣній, и мой незнакомый спутникъ, тоже вѣроятно думающій что-нибудь о нашемъ положеніи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня... И какой въ сущности пустякъ—кто изъ насъ двухъ сойдетъ съ этой горы болѣе довольнымъ этой случайною встрѣчей...

Но, конечно, это только въ масштабѣ вѣковъ и съ философской точки зрѣнія... Въ обстоятельствахъ данной минуты я рѣшилъ, что мнѣ пора уходить и при томъ лучше одному, чѣмъ вдвоемъ. Не окликая поэтому моего незнакомца, я сталъ спускаться по неудобной тропинкѣ, едва виднѣвшейся на другомъ склонѣ кургана. Нѣсколько минутъ я шелъ еще довольно нерѣшительными шагами, но затѣмъ пошелъ скорѣе, внутренно смѣясь надъ своимъ страннымъ приключеніемъ и можетъ быть ненужнымъ и безпричиннымъ побѣгомъ. Тропинка сначала обошла винтомъ у подножія широкаго кургана, потомъ привела меня къ краю раскопки, въ которую—только значительно ниже—спустился съ другой стороны мой незнакомецъ, потомъ она свела меня на нижележащую террасу. Здѣсь было уже темно, и мнѣ приходилось внимательно вглядываться подъ ноги, чтобы не сорваться съ какого-нибудь обрыва. Вверху небо было свѣтлѣе и, оглянувшись, я увидѣлъ силуэтъ моего спутника. Онъ выбрался изъ карьера и опять, какъ въ первую минуту нашей встрѣчи, оглядывался кругомъ, разыскивая меня глазами. Мое сѣрое платье совершенно сливалось съ сѣрыми обрывами и, невидимый ему въ своей затѣненной лощинѣ, я съ интересомъ слѣдилъ за его поисками. Онъ обошелъ небольшой выступъ, потомъ появился опять, постоялъ немного въ одномъ мѣстѣ и не громко окликнулъ:

— Господинъ, а господинъ... Гдѣ же вы заховались?..

И затѣмъ, прислушавшись къ молчанію пустыря, онъ махнулъ рукой...

— Э!—послышалось мнѣ пренебрежительное восклицаніе, и онъ тихо двинулся въ противуположную сторону.

Мнѣ вдругъ стало такъ стыдно моего побѣга, что я уже хотѣлъ откликнуться и попрощаться хоть издали со своимъ случайнымъ спутникомъ. Но въ эту минуту на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ только что, — показалась новая фигура. Другая, третья... Очевидно, я не ошибался: вереница темныхъ мурашей, которые, какъ мнѣ казалось, тянулись къ намъ на гору отъ старой церкви, теперь достигла вершины. Они такъ же лѣниво сновали у подножья кургана, останавливаясь и вглядываясь въ темноту, какъ будто безъ всякой опредѣленной цѣли, съ единственнымъ намѣреніемъ посмотрѣть, что изъ этого можетъ выйти. Одинъ изъ нихъ остановился на краю могильника, и я услышалъ нѣсколько хриплый, но довольно пріятный басокъ:

— Нечипоръ... Рыбалка! Гдѣ ты тутъ?

— Ну, тутъ я,—отозвался глухо мой незнакомецъ.

— А той гдѣ?..—Рѣчь очевидно шла обо мнѣ...

— Чортъ его знаеть... Былъ, и нѣту. Какъ скрозь землю провалился.

— Ну?..

— Вотъ тебѣ и ну?

— А что за птица такая?

— Кто-жъ его знаетъ... Можетъ тоже шукать пріѣхалъ... Сумка у него и трубка...

— Дурень ты, Нечипоръ,,—насмѣшливо сказалъ басокъ. Ходитъ вотъ такое по горѣ, вечеромъ. А ты и не догадался. Можетъ самый Мытрыдатъ скинулся.

На эту остроту отвѣтилъ смѣхъ нѣсколькихъ человѣкъ. Нечипоръ не отозвался.

— А видно тутъ уже и ночевать,—сказалъ басокъ, благодушно зѣвая.—Поздно...

Вечеръ былъ ласковый и теплый. Юго-восточный вѣтеръ, слабо огибая склоны мыса, — только слегка навѣвалъ прохладу. Очевидно, безпечная компанія не много теряла, смѣнивъ ночлегъ на жесткихъ камняхъ стараго портика мягкими рытвинами горы...

Во всякомъ случаѣ, ея появленіе прогнало остатки моей щепетильности, и я тихо двинулся внизъ, пользуясь тѣмъ, что моя сѣрая одежда совершенно сливалась съ темными склонами. Подъ моими ногами кое-гдѣ срывалась земля, въ одномъ мѣстѣ я очутился надъ отвѣсной каменной стѣной, покрытой дикимъ виноградомъ. Но за то прямо подъ ней бѣлѣла известковая лента мощеной улицы, на которую невдалекѣ свѣтился огонекъ духана...

На порогѣ духана сидѣла старая женщина, съ характернымъ античнымъ лицомъ, точно послѣдній пережитокъ митридатовыхъ временъ. Она предложила зайти къ ней, вы-

пить меду. Въ горлѣ у меня пересохло и потому я принялъ предложеніе. Старуха подала кружку и съ удивленіемъ смотрѣла на страннаго посѣтителя въ запыленной одеждѣ, неожиданно появившагося съ горнаго пустыря и чему-то улыбавшагося за своей кружкой...

Ночью въ своемъ маленькомъ номерѣ я долго не могъ заснуть и сидѣлъ у открытаго окна. Въ одну сторону мнѣ было видно море съ спящими судами, въ другую — темные массивы горы. Море, какъ и тотъ разъ, въ Карабахѣ, плескалось протяжно и шумно, набѣгая на камни со своею невнятною, но живою немолчною рѣчью. Казалось, стоитъ понять что-то одно, одну только фразу этой неугомонной рѣчи,— и все остальное станетъ доступно и понятно. Но ключа все не находилось...

А отвернувшись отъ моря, я видѣлъ массивы горы, изъ-за которой разливалось лунное сіяніе, отчетливо, точно рѣзцомъ выдѣляя гребни. Все остальное сливалось въ смутномъ сумракѣ... Склоны, лѣстница, сооруженная иждивеніемъ купеческаго брата, старая церковь, обрывы, подъемы—все закуталось глубокой непроницаемой мглой, и только въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на неопредѣленной вышинѣ мерцали живые огоньки...

Одинъ изъ нихъ можетъ быть развелъ тамъ, у вершины, кто-то мнѣ хорошо знакомый... Кто? Пастухъ-татаринъ, пасущій овецъ у пещеры Бимъ-башъ-коба, или садовникъ Емельянъ, или рыбалка Нечипоръ... Впечатлѣнія и воспоминанія путались, покрывая одно другое. Порой я совсѣмъ забывался, и мнѣ чудились въ дремотѣ то темные своды пещеры, то тропинки виноградниковъ, то тронъ золотого Митридата, то невѣдомая черниговская невѣста.. И кто-то надъ всѣмъ этимъ безнадежно махалъ рукой и говорилъ:

— Э!.. Неужели вы не поймете?.. Никогда, никогда не поймете того, что море своимъ языкомъ говоритъ вамъ о людяхъ, которымъ нѣтъ счастья... А вы все не слышите... А, впрочемъ... Э!.. все судьба...

Когда я очнулся,—надо мной стоялъ номерной и трогалъ за плечо. Въ окно несся протяжный и рѣзкій свистокъ парохода, какъ будто охрипшій отъ предутренней сырости и морскихъ брызговъ.

Черезъ часъ или полтора мы опять были въ морѣ. На востокѣ, за сѣрой морской гладью и кубанскими степями поднималось солнце. Тузла тянулась недалеко темной полоской земли, и рыбачьи паруса уже сновали около нея, какъ раннія чайки.

Митридатову гору всю затянуло бѣлыми облаками...

Вл. Короленко.

Картинки тюремной жизни.

(Изъ дневника 1906 г.).

I.

Лампа.

День за днемъ бѣгутъ незамѣтно, похожіе одинъ на другой, какъ тополи на длинной аллеѣ бульвара... Повѣрка, чай, обѣдъ, прогулка, чай, повѣрка,—и дня нѣтъ, за нимъ другой такой же. Числа на моемъ самодѣльномъ календарѣ быстро смѣняются черными квадратиками, квадратики образуютъ столбики—недѣли, четвертымъ столбикомъ кончается мѣсяцъ,—а тамъ снова квадратики, столбики, еще и еще недѣли и мѣсяцы.

Жизнь въ тюрьмѣ такъ однообразна, что каждый пустякъ кажется событіемъ. Чутко ловитъ ухо гулкіе звуки внутренней жизни одиночнаго корпуса. Кого то выпускаютъ или переводятъ, кого то привезли...

Вчера произошло «важное событіе». Начальство распорядилось подвѣсить лампы въ камерахъ къ потолку, гдѣ для нихъ имѣется особая клѣтка, запирающаяся на замокъ. До сихъ поръ лампы ставились на столъ; теперь камера освѣщается падающимъ сверху разсѣяннымъ свѣтомъ, писать и читать невозможно. По случаю «повѣшенія лампы» я сегодня принимаю гостей, которыхъ самъ вызвалъ для необходимыхъ объясненій.

Первый гость — фельдшеръ. Физіономія самая фельдшерская; похожъ на того несчастнаго фельдшера, которому у Чехова въ разсказѣ «Непріятность» съѣздили по мордѣ, только у тюремнаго фельдшера меньше топорщится по утрамъ жилетъ, а потому онъ гораздо добродушнѣе.

Фельдшеру я заявилъ, что хочу показать доктору глаза по случаю «лампы», а также желаю принимать ванну. Фельдшеръ аккуратно записалъ въ свою книжку про глаза; сегодня у него всѣ записи глазныя, но онъ этимъ, конечно, не удивленъ ни мало.

— А вотъ насчетъ ванны можно, конечно, только у насъ ванна

что то испортилась. Раньше было хорошо, вода изъ куба бѣжала, а теперь только по одной трубѣ.

Я хорошо знаю, что это «теперь» продолжается уже цѣлый мѣсяцъ, а потому настаиваю на ваннѣ.

— Да-съ, а теперь вотъ только по одной трубѣ и бѣжитъ, хотя оно конечно, можно.

— Что же, поправятъ когда нибудь?

— Конечно-съ, поправятъ. Еще бы да такъ оставили...

— А нельзя ли пока безъ поправки?

— Да можно и безъ поправки; ну, а когда у насъ поправятъ, тогда у насъ отлично будетъ. А теперь она видите ли, вода то, по одной трубѣ бѣжитъ, а по другой трубѣ не бѣжитъ. Сдѣлалось что то, испортилась вѣроятно.

Фельдшеръ положительно милѣйшій человѣкъ. Только онъ одинъ чувствуетъ себя въ тюрьмѣ лицомъ неоффиціальнымъ и благотворитъ съ удовольствіемъ. А благотворительность его имѣетъ характеръ строго опредѣленный и довольно однообразный: онъ помогаетъ выводить клоповъ. Нужно помнить, что это—дѣло не шуточное, и не будь фельдшера съ его скипидаромъ—могло бы случиться, что въ одно прекрасное утро нашли бы въ одиночкахъ однѣ политическія кости съ остатками безкровнаго мяса...

Попадаетъ въ тюрьму новичекъ, котораго приводитъ сюда обыкновенно излишняя любознательность и дурное воспитаніе. Сначала новичекъ косится на дверной «глазокъ» и думаетъ, что это онъ мѣшаетъ спать. Затѣмъ нѣчто кусающее обращаетъ его вниманіе на стѣну, разрисованную сѣрокоричневыми запятыми толщиной въ указательный палецъ. Онъ начинаетъ соображать и первую ночь соображаетъ до утра. На вторую ночь, освоившись нѣсколько съ тюрьмой, новичекъ прибѣгаетъ къ домашнимъ средствамъ и, смотря по степени полученнаго образованія, дѣйствуетъ перстомъ, каблукомъ или зажженной спичкой. А потомъ... потомъ обнаруживается само собою существованіе фельдшера и скипидара,—и жизнь спасена, а съ нею не утрачена и надежда на политическое обновленіе русскаго государства посредствомъ ниспроверженія существующаго строя.

Таковы клопы, таковъ фельдшеръ...

Но на этотъ разъ фельдшеръ требовался мнѣ лишь какъ предтеча доктора, такъ какъ у меня есть арагацъ, что, впрочемъ, не доказываетъ отсутствія клоповъ.

Второй визитеръ—докторъ. Онъ у меня уже однажды былъ, именно въ тотъ достопамятный день, когда мнѣ пришло въ голову бросить свою большую квартиру, за которую приходилось ежемѣсячно платить деньги, и переѣхать въ казенную, безплатную, хотя и небольшую, скудно обмеблированную комнатку.

Докторъ—человѣкъ молодой, средняго изящества, не безъ бо-

родки, очень любезный, всегда въ чистыхъ фильдекосовыхъ свѣтло-сѣрыхъ перчаткахъ.

— Будьте добры, докторъ, посмотрите мои глаза...

Докторъ приподымаетъ мнѣ поочередно оба вѣка, хотя знаетъ, что дѣло не въ глазахъ, а въ лампѣ.

— Видите-ли, докторъ, у насъ новые порядки...

— Это насчетъ лампы. Знаю, знаю. У васъ и безсонница тоже? Всѣ жалуются.

— Да, говорю, и безсонница, лампа спать мѣшаетъ. Пока на столѣ была, я ее бумажнымъ колпакомъ накрывалъ, а на потолкѣ не завѣсишь, да и абажуръ свѣтъ разсѣиваетъ.

Относительно лампы докторъ увѣряетъ, что онъ будетъ хлопотать сначала «вообще» о «лампахъ» («хотя, знаете, кажется, ставить ихъ на столъ—это противъ правилъ, такъ что ничего не подѣлаешь»), а потомъ объ отдѣльныхъ лицахъ, особенно страдающихъ глазами. Что касается до моихъ глазъ, то, во-первыхъ, они у меня пока не болятъ, а во-вторыхъ, докторъ въ глазныхъ болѣзняхъ ничего не понимаетъ, почему мы этотъ вопросъ оставляемъ втунѣ. Противъ безсонницы, которою я дѣйствительно страдаю, онъ мнѣ прописываетъ бромъ.

— Да я пью уже бромъ.

— Развѣ? Тогда мы подольемъ туда еще ландышевыхъ капель. А у васъ сердце какъ? Замиранье?

— Н-да, говорю, замиранье.

Не то, чтобы у меня дѣйствительно были замиранья, а на всякій случай и это можетъ пригодиться впослѣдствіи.

— А ну-ка, я васъ послушаю.

Докторъ слушаетъ, потомъ стучитъ и убѣждаетъ меня прислушаться къ стуку. По моему, звукъ вездѣ одинаковъ, однако, чтобы сдѣлать удовольствіе любезному доктору, я стараюсь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ докторъ озабоченно подымаетъ брови, произносить вслѣдъ за нимъ:

— Д-да... Разница значительная...

— Слышите?

— Слышу, слышу... совсѣмъ другой звукъ, глухой какой-то...

— Тутъ у васъ граница, это сердце,—говоритъ докторъ.

— У меня, докторъ, кажется, гипертрофія сердечной сумки...

— Гм!.. Это бываетъ отъ куренья...

Затѣмъ мы разсуждаемъ о вредѣ куренья, причемъ угощаемъ другъ друга папиросами, причемъ оказывается, что докторъ куритъ Асмолова, а я Месаксуди и что оба мы куримъ безумно.

— Гдѣ это мы съ вами встрѣчались?—интересуется докторъ.— Очень мнѣ ваше лицо памятно.

— Одинъ разъ мы здѣсь же въ камерѣ видѣлись.

— Гм!.. А въ Художественномъ Кружкѣ вы не бывали?

— Бывалъ.

— Вотъ тамъ, должно быть, и встрѣчались. Ну-съ, будьте здоровы, пейте бромъ три раза въ день по полторы ложки и на ночь какъ можно больше. Тогда будете спать прекрасно. А насчетъ нервовъ не безпокойтесь: мы здѣсь, случается, даже поправляемъ нервы. Вы думаете, у насъ все кончается бромомъ и ландышевыми каплями? О! мы и мышьякъ вспрыскиваемъ! А пока будете ванну принимать, только вотъ ванна у насъ испорчена, раньше вода по двумъ трубамъ бѣжала...

— Да, я слышалъ, теперь по одной бѣжитъ.

— Теперь по одной; очевидно, испортилась. Такъ, пока до свиданья. А насчетъ лампы я поговорю...

И, пожавъ мнѣ руку своей сѣрой перчаткой, докторъ бѣжитъ дальше смотрѣть глаза, разсуждать о вредѣ куренья, о безсонницѣ и объ испорченной ваннѣ. Онъ, впрочемъ, человѣкъ не глупый и знаетъ, конечно, что всему причина—лампа, которую повѣсили къ потолку, тогда какъ ей естественнѣе стоять на столѣ.

Наконецъ приходитъ третій посѣтитель, вызванный мной сегодня. Это—завѣдующій одиночнымъ корпусомъ, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ. Исполнительный служака, но добродушный человѣкъ,—онъ пользуется расположеніемъ политиковъ. Долговременная служба въ тюрьмѣ научила его быстро угадывать, гдѣ въ данный моментъ, при данномъ настроеніи верховъ и низовъ, та златая средина, за предѣлами которой находится по сю сторону--опасное послабленіе, а по ту сторону—излишняя жестокость. Преобладающимъ выраженіемъ лица Ивана Петровича является смущенность, прикрытая солидной озабоченностью. Честно исполняя свой долгъ, творя волю пославшаго, онъ всетаки сознаетъ, что является невольнымъ участникомъ нечестнаго дѣла; какъ ни смутно въ немъ это сознаніе, но оно есть.

Входя въ камеру, Иванъ Петровичъ снимаетъ фуражку, ибо онъ человѣкъ вѣжливый, а, можетъ быть, и потому, что въ камерѣ виситъ маленькій образъ Спасителя.

— У меня къ вамъ просьба,—встрѣчаю я Ивана Петровича.— У насъ со вчерашняго дня стали подвѣшивать лампы...

— Да, знаю, но вы можете свѣчку...

— Значитъ, вы разрѣшите свѣчей выписать?

— Да, да, я уже разрѣшилъ...—И Иванъ Петровичъ спѣшитъ исчезнуть, такъ какъ ему нужно еще во многихъ камерахъ сказать про свѣчку.

— А что, Иванъ Петровичъ, лампа съ потолка скоро на столъ сползетъ?—останавливаю его я.

— Не знаю, нѣтъ... не думаю...—Иванъ Петровичъ старается натянуть на непрошенную добродушную улыбку маску старшаго помощника начальника и ускользаетъ съ обычнымъ полупоклономъ. Дѣло въ томъ, что мой вопросъ содержитъ нѣкоторую долю ехидства, такъ какъ я узналъ утромъ отъ надзирателя, что лампа

точно такъ же забиралась подъ потолокъ и въ 1902, 1903, 1904 и 1905 годахъ, однако очень скоро сползала оттуда на столъ по разнымъ причинамъ, главнымъ образомъ потому, что висячіе замки, которыми она замыкается въ клѣткѣ, подвергаются немедленной порчѣ, несмотря на прочность работы, — а казенное имущество чего-нибудь да стоитъ.

— Для насъ это—одна канитель, — заявилъ мнѣ утромъ старикъ-надзиратель, залѣзая на табуретку, чтобы освободить лампу изъ ея одиночнаго заключенія.

Принимая во вниманіе, что одинаковыя причины вызываютъ одинаковыя слѣдствія, и имѣя посему въ виду, что товарищи по заключенію также приглашали къ себѣ и фельдшера, и врача, и старшаго помощника, я разсчитывалъ на то, что мы одержимъ полную побѣду. Правда—свѣчка достигнута, и такимъ образомъ закону объ освѣщеніи камеръ дано пространное толкованіе. Но этого мало.

И дѣйствительно, послѣ вечерней повѣрки, которая сопровождалась задержкой начальства около каждой камеры «по причинѣ повѣшенія лампы», является ко мнѣ старикъ-надзиратель.

— Я вамъ, г. О., лампочку выну. Пусть постоитъ до 10 часовъ.

Я удивился, такъ какъ знаю, что тюремныя правила въ первые дни обыкновенно не нарушаются. Чему приписать такую любезность? Рублевкѣ къ празднику или ежедневной папироскѣ?

— Спасибо. А вамъ за это не нагоритъ?

— Нѣтъ, помощникъ позволилъ снять до 10 часовъ тѣмъ, которые просили.

Ну вотъ и прекрасно. Надѣюсь, что пройдетъ недѣля, и старикъ, вмѣсто новой пессимистической фразы: «для насъ это одна канитель», будетъ по прежнему говорить по утрамъ: «а лампочку я отъ васъ возьму, г. О., а то она ужъ очень воздухъ портитъ».

Впрочемъ, во время этой ламповой эпопеи (которая началась вчера, а близится къ окончанію сегодня) происходили и непріятности. Одинъ изъ товарищей, фабричный рабочій, слишкомъ страстно отнесся къ этому курьезному событію и, остановивъ во время повѣрки одного изъ помощниковъ начальника, раскричался на него.

— Зачѣмъ вы у меня повѣсили лампу? Я сейчасъ сломаю замокъ! Что вы придумываете всякія безобразія!..

А помощникъ оказался къ тому же грубой скотиной и тоже разошелся:

— Да ты что кричишь, сукинъ сынъ! Воображаешь, что ты политическій, такъ и кричать можно. Здѣсь, братъ, сидятъ и почище тебя, да молчатъ! Вотъ я тебя велю въ карцеръ посадить... Надѣлъ мохнатую шапку, такъ думаешь, тебя и тронуть нельзя? А хочешь я тебѣ дамъ по мордѣ!.. и т. д.

Ибо помощники начальника прекрасно понимаютъ, что только культурность и мечта объ офицерскомъ чинѣ не позволяютъ имъ

бить по мордѣ всѣхъ политическихъ безъ разбора, но по отношенію къ какому-нибудь «политическому» въ мохнатой шапкѣ изъ фабричныхъ рабочихъ примѣнима и эта мѣра воздѣйствія.

Прогулочный надзиратель, который мнѣ про этотъ случай разсказалъ, резонно разсудилъ:

— Оно, конечно, онъ хорошо понимаетъ, что баринъ — одно, а коли онъ простой рабочій — значитъ дѣло другое, хоть и тоже политическій.

Меня радуетъ, что мой прогулочный не признаетъ этой разницы между бариномъ и рабочимъ: онъ разсказывалъ мнѣ про эту гадкую сцену съ высшимъ негодованіемъ, на какое только способны эти безстрастные и ко всему привычные «привиллегированные арестанты».

А старикъ забылъ про лампу; вотъ уже 11 часовъ, а онъ не идетъ подвѣсить ее подъ потолокъ...

Нѣтъ, онъ не забылъ... Опытный, старый, прочный на своемъ мѣстѣ надзиратель — онъ знаетъ предѣлы мудраго манкированія тюремными порядками. Онъ знаетъ, минута въ минуту, когда можно и когда нельзя ожидать начальническаго нашествія, знаетъ всѣ отговорки, какія можно выставить въ данномъ случаѣ, не боится «старшаго», такъ какъ «старшій» побольше его имѣетъ пятенъ на своей административной совѣсти, и знаетъ, что, уступивъ старческой лѣни, онъ одновременно доставитъ удовольствіе «политическимъ».

Не то, чтобы онъ заботился о нихъ ради нихъ,—нѣтъ, ему до нихъ столько же дѣла, сколько до прошлогоднихъ листьевъ; но съ другой стороны и стѣснять ихъ безъ надобности онъ не намѣренъ; къ тому же они доставляютъ ему нѣкоторый безгрѣшный доходъ.

Кто разгадаетъ тебя вполнѣ почтенный блюститель моего благополучія? Какую крѣпкую, безконечную нить разматываетъ клубокъ твоей мысли? Пятнадцать лѣтъ ты провелъ въ тюремной оградѣ и уже много лѣтъ выходишь изъ одиночнаго корпуса лишь для того, чтобы отдохнуть послѣ смѣны.

У него несомнѣнно есть свое объясненіе политической жизни Россіи,—вѣдь, тюрьма всегда была ея лучшимъ показателемъ, и изъ разговора съ нимъ я убѣдился, что, по его мнѣнію, радоваться особенно нечему.

— Да, много я перевидалъ на своемъ вѣку политическихъ... Разные тутъ сидѣли. Бывали такіе, что теперь ужъ и не знаю, гдѣ они...

— Вѣрно на каторгѣ.

— Да ужъ это непремѣнно... И смотрю я, какъ это все впередъ идетъ. Бывало, прежде, годовъ десять назадъ, мало у насъ

политическихъ было. Иной разъ сидятъ двое—трое, самое большее было пятнадцать человѣкъ. А потомъ сразу начало прибывать. Съ прошлаго года очень пошло впередъ. Передъ манифестомъ было человѣкъ сто, когда ихъ выпускали...

— Всѣхъ тогда выпустили?

— Нѣтъ, остался одинъ; только потомъ и его на поруки отпустили.

— Да, тогда *народъ* всѣхъ освободилъ,—говорю я, нарочно подчеркивая слово «народъ».—А вотъ придетъ ли онъ насъ освобождать? Пожалуй весной и придетъ...

— Неужто-жъ до весны просидите?

— Не знаю; думаю, что просижу... А что, не ждали тогда, что *народъ* освобождать придетъ?—стараюсь я навести его на эту тему.

— Да, приказали намъ всѣхъ выпустить; такъ одного за другимъ и выпускали.

Старикъ насчетъ «народа» говоритъ уклончиво: «приказали»; очевидно, приказало начальство.

— Что же, веселье тутъ было?

— Конечно, довольны были.

И я вижу, какъ въ его умѣ пробѣгаютъ воспоминанія о внезапно отворившихся безъ помощи надзора камерахъ, о произносимыхъ изъ оконъ рѣчахъ, о красныхъ флагахъ въ тюремной конторѣ... Но старику разсказывать не хочется.

— Неужто-жъ изъ манифеста ничего не вышло?—спрашиваетъ онъ меня съ большимъ любопытствомъ.

— Ничего. Вотъ видите сами:—посадили насъ за свободное слово и за собранія; а иныхъ прямо неизвѣстно за что: вѣроятно, думали не такъ, какъ надо...

— Да-а.. А я думалъ выйдетъ...

Старикъ оглядывается, заслышавъ привычнымъ ухомъ крадущіеся шаги «старшаго» въ нижнемъ этажѣ и затворяетъ форточку.

— Ну-съ, г. О., покойной ночи, да и старшій идетъ.

И неслышнымъ шагомъ старый надзиратель опять идетъ вдоль балкона нашего этажа. Я знаю, что онъ думаетъ.

— Вотъ, было раньше трое—пятеро; потомъ стало пятнадцать; потомъ пятьдесятъ; потомъ стали выпускать,—опять стало двое... А потомъ опять пятьдесятъ, сто—и сразу всѣхъ выпустили, только одного оставили. Да... А теперь ужъ больше двухсотъ посадили, почитай всѣ двѣсти пятьдесятъ будутъ... Говорятъ, многихъ къ Думѣ выпустятъ, а остальные надѣются, что весной опять народъ придетъ въ тюрьму. Только нынче наврядъ ли придутъ, теперь стали пушками разгонять; вонъ и тюрьма на военномъ положеніи. Положимъ, если къ веснѣ выпустятъ, а какъ же потомъ?..

И я знаю, что раньше, чѣмъ онъ прошелъ длинный балконъ изъ конца въ конецъ,—разгадка была на лицо:

— А потомъ, конечно, опять станутъ сажать... Тюрьма есть, начальство есть, надзиратели есть,—должны быть и политическіе...

Онъ не вѣритъ въ весну,—этотъ бывалый старикъ. Вѣрнѣе, онъ вѣритъ въ весну, но не забываетъ и про другія времена года . . . .

. . . .

Поздно... Тюрьма спитъ. Какая мертвая, гробовая тишина... Тамъ, на волѣ, вѣроятно, тоже уже спятъ...

Итакъ, за неимѣніемъ ложки—добрый глотокъ брому, и на койку... Что-жъ, и здѣсь можно жить...

А старикъ такъ и не пришелъ за лампой. Это—хорошій признакъ. Надо, надѣяться, что къ прежней серіи годовъ можно прибавить съ тѣмъ же успѣхомъ и 1906-й...

II.

Уголовные.

Тррр-ахъ!..—хлопаетъ форточка. За ней слышны торопливые шаги «повѣрки»... 7 часовъ... Вставать или нѣтъ?

Но думать не приходится, потому что глаза сами слипаются. Какой пріятный сонъ на разсвѣтѣ!

Но вотъ снова трескъ и громъ; щелкаетъ ключъ, гремитъ затворъ, дверь распахивается и вбѣгаютъ двѣ сѣрыя фигуры арестантовъ-рабочихъ. А вотъ и мой старикъ Егоровъ, немного заспанный. Вѣрно и онъ подремалъ-таки на часахъ.

— Здравствуйте, г. О.! Хорошо ли почивали?—привѣтствуютъ арестанты.

— Доброе утро, Михаилъ Андреичъ!—приподымаетъ фуражку надзиратель.—Старыхъ знакомыхъ онъ называетъ по имени и отчеству.

Старыхъ знакомыхъ... Да, на моемъ открытомъ календарѣ уже шесть столбиковъ-недѣль зачеркнуты карандашемъ... Начинается седьмая недѣля, потомъ пойдетъ восьмая, девятая... Скоро идетъ время!..

— Покуримъ, что ли, Егоровъ.

— Да пожалуй, можно, у васъ станція,—остритъ старикъ и тянется къ стаканчику съ папиросами.—Здоровьице ваше какъ?

— Живемъ понемножку. Сухо только здѣсь, дышать нечѣмъ.

— Суховато. А лампочку я возьму у васъ, а то ужъ очень запахъ отъ нея тяжелый...

— Возьмите.

Надзиратель выходитъ. Парашечникъ усиленно размазываетъ шваброй грязь по асфальтовому полу.

— Г. О.! А къ намъ сегодня ночью новыхъ привезли...

— Фамиліи не знаете?

— Еще не знаю, спрошу.

Онъ кончилъ мести и съ минуту мнется на порогѣ. Затѣмъ возвращается и подаетъ не глядя записку.

— Г. О.! Вотъ, пожалуйста...

Я угадываю по почерку автора. Это—самъ податель записки, подслѣдственный уголовный арестантъ Глазовъ. И я догадываюсь, о чемъ онъ пишетъ.

«Дорогой г. О.! Не сердитесь на мою навязчивость. Мнѣ очень непріятно васъ безпокоить, но если бы вы знали, какъ страшно мстятъ наши арестанты. Дѣло въ томъ, что вчера я проигралъ 60 рублей, которые непремѣнно долженъ отдать завтра. Не можете ли вы помочь мнѣ хоть чѣмъ-нибудь, можно выписать на книжку, чай и сахаръ; это у насъ идетъ какъ деньги. Простите, что я такъ пристаю, но я боюсь, что меня изобьютъ или убьютъ, если не отдамъ деньги. Вашъ рабочій Глазовъ».

Письмо написано прекраснымъ почеркомъ, безъ ошибокъ. Я не знаю, проигралъ ли Глазовъ или вретъ, но знаю, что ему хочется играть, а играть не на что. Поэтому онъ съ вечера заготовилъ записки всѣмъ политическимъ своего отдѣленія, вполнѣ убѣжденный, что деньги у него будутъ.

Глазовъ—профессіональный воръ-рецидивистъ; на этотъ разъ, впрочемъ, судится за убійство. Скоро у него судъ, и онъ уже имѣетъ защитника, конечно, безплатнаго, по рекомендаціи политическихъ-адвокатовъ. Глазовъ надѣется отдѣлаться арестантскими ротами, хотя далеко не увѣренъ.

— Въ который разъ вы судитесь?—спросилъ я его какъ-то, угадавъ въ немъ рецидивиста.

Глазовъ сдѣлалъ на лицѣ выраженіе хитрой, но угнетенной невинности и какъ-то загадочно передернулъ губами.

— Да ужъ не въ первый, вотъ что плохо...

— А въ чемъ васъ обвиняютъ?

Онъ назвалъ статью уложенія. Статья большая, каторжная, производящая впечатлѣніе. Глазовъ называетъ ее съ подобающей важностью.

— Какъ же это васъ угораздило, Глазовъ?

— Случайно, г. О.! Выпили съ товарищемъ, сѣли въ карты играть, въ желѣзную дорогу. Ну, повздорили, а я его съ пьяныхъ глазъ перочиннымъ ножикомъ въ бокъ. Ножикъ маленькій, весь вошелъ. Все-таки смягчающія обстоятельства есть, г. О.; въ состояніи опьяненія, свидѣтели подтвердятъ, и потомъ въ запальчивости и раздраженіи. Случайно вышло.

— А раньше судились за кражи?

— Раньше за кражи, однажды за грабежъ.

— Вамъ лѣтъ-то сколько?

— Двадцать четыре. Съ четырнадцати лѣтъ по тюрьмамъ.

На видъ Глазову гораздо больше. Въ немъ виденъ человѣкъ, привычный ко всякой обстановкѣ, способный быстро оріентироваться. Въ тюрьмѣ онъ на привилегированномъ положеніи, такъ какъ сумѣлъ закупить «старшаго».

— Ужъ сколько я съ нимъ бился,—разсказывалъ Глазовъ.— Разъ пять я его зазывалъ къ себѣ, просилъ камеру отворить, рабочимъ меня сдѣлать. Нельзя,—говоритъ,—ты подслѣдственный и за убійство сидишь. Совалъ я ему трешну—не беретъ. Ну, а потомъ всетаки взялъ, вѣрно деньги нужны были. А какъ взялъ, значитъ онъ у меня въ рукахъ: съ тѣхъ поръ камера отворена. Такъ-то сидѣть скучно, г. О.

— Скучно, Глазовъ... А когда же наконецъ мы съ вами совсѣмъ вольными людьми будемъ?

— Не знаю, какъ вы, а я буду лѣтомъ...

Онъ не очень озабоченъ предстоящимъ судомъ и независимо отъ приговора разсчитываетъ лѣтомъ отдохнуть отъ арестантскаго положенія. Никакихъ сомнѣній въ успѣхѣ предпріятія онъ не допускаетъ, и даже не скрываетъ своего намѣренія удрать, когда понадобится.

— Ушелъ бы сейчасъ, да нельзя. Тутъ есть каторжане, очереди ждутъ. Впередъ ихъ уйти неудобно, у насъ это не принято; а съ собой вести не хочется.

— Да почему вы такъ увѣрены?

— Это—просто, очень легко! И стоить будетъ недорого.

Онъ развиваетъ мнѣ нѣсколько очень интересныхъ плановъ съ подробностями, пригодныхъ, впрочемъ, только для уголовныхъ. Дѣйствительно, довольно не хитро.

— Ну, а дальше что же?

— На дачи поѣду; мы лѣтомъ на дачахъ работаемъ, по ночамъ. Лѣтомъ воровать легко и весело.

Разсказалъ мнѣ Глазовъ, какъ онъ однажды ночью залѣзъ въ окно дачи доктора, который раньше былъ тюремнымъ врачемъ. Попалъ онъ прямо къ нему въ спальню, чиркнулъ спичку, смотритъ,—а на кровати знакомый докторъ спитъ покойнымъ сномъ.— Пожалѣлъ я его, все-таки—знакомый человѣкъ, хорошій, да и бѣдный. Взялъ и вылѣзъ обратно. А потомъ встрѣчаюсь съ нимъ на вокзалѣ...—«Здравствуйте, говорю, г. докторъ!»

— Здравствуйте, а кто же вы? Лицо-то знакомое...

— Въ тюрьмѣ, говорю, меня видали арестантомъ. А я васъ третьяго дня въ спальнѣ видѣлъ.

— Какъ такъ?

— Да вотъ такъ и такъ, говорю.

— А если бы я проснулся, вы меня убили бы?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, г. докторъ!

— Ну, и то слава Богу! Спасибо и за это...

Глазовъ—отчаянный картежникъ. Когда онъ играетъ и гдѣ играетъ—для меня порядочная загадка. Почти весь день онъ на работѣ, убираетъ камеры, подаетъ обѣдъ, носитъ воду, бѣгаетъ за книгами, разноситъ записки; въ свободное время его можно видѣть отдыхающимъ на лѣстницѣ. Въ седьмомъ часу вечера арестантовъ-рабочихъ запираютъ въ одиночки. А между тѣмъ онъ заядлый картежникъ и проигрываетъ большія суммы. Впрочемъ, въ карты играютъ почти всѣ рабочіе въ одиночномъ корпусѣ, не говоря уже объ арестантахъ въ общихъ камерахъ, гдѣ водка и карты царятъ безраздѣльно.

Съ картежниками рабочими случаются непріятности. Одинъ мой товарищъ далъ рабочему почистить штиблеты, и вдругъ штиблеты исчезли. Оказалось, что тотъ хотѣлъ на нихъ отыграться и поставилъ ихъ за два съ полтиной. Къ счастью, изъ тюрьмы вещь никуда не уходитъ, и штиблеты удалось мирнымъ путемъ выкупить за эту сумму при помощи самого виновника событія. Не заплатившаго проигрыша бьютъ порою до безчувствія. Карточный долгъ здѣсь не только долгъ чести, но иногда дѣло живота или смерти. Карты уголовные иногда покупаютъ черезъ надзирателей, но большей частью фабрикуютъ сами. Этимъ дѣломъ занимаются преимущественно «художники» изъ фальшивомонетчиковъ.

Кромѣ Глазова, въ нашемъ крылѣ еще двое рабочихъ. Одинъ—бородачъ съ испуганнымъ лицомъ, Сергѣй, уже пожилой человѣкъ, мужиковатый. За что онъ сидитъ, — не знаю; думаю, что и онъ плохо это понимаетъ, хотя, вѣроятно, виноватъ. Другой — Яша, парень лѣтъ 17, очень славный и честный. Скоро его будутъ судить за кражу, въ которой онъ неповиненъ; такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по его разсказу, и я ему охотно вѣрю. Дѣло его просто. Случилась въ домѣ кража; настоящихъ воровъ не поймали, а задержали на дворѣ Яшу, который разыскивалъ знакомыхъ дѣвицъ. При немъ оказалось 15 рублей—достаточная улика для молодого парня. Нѣтъ сомнѣнія, что его оправдаютъ, но пока-что онъ просидитъ въ тюрьмѣ подъ слѣдствіемъ больше, чѣмъ полагалось бы по судебному приговору, а изъ тюрьмы выйдетъ съ запятнанной честью... Потомъ, какъ я узналъ, его дѣйствительно оправдали.

Въ одиночномъ корпусѣ арестанты—народъ болѣе культурный, въ смыслѣ поведенія. Но я воображаю, что дѣлается въ «общихъ»! Даже на дворѣ, гдѣ я гуляю, эти обитатели «общихъ» безобразничаютъ отчаянно. Ихъ главныя забавы—ругань и драка. Дать затрещину пріятелю, а иногда и робкому надзирателю—высшее наслажденіе.

Достается и самимъ арестантамъ. Съ ними обращаются, какъ

со скотами, даже хуже, потому что скотину больше берегутъ и жалѣютъ и лучше кормятъ.

Въ первые дни своей тюремной жизни я не понималъ, что означаютъ возгласы за дверью нашего надзирателя, всегда вѣжливаго и любезнаго:

— Но, но, пшелъ, выходи!..

Хлопаютъ двери, шаркаютъ по полу арестантскіе коты... Оказывается, это партію человѣкъ въ 10 ведутъ гулять. Совершенно такъ же гонятъ скотину на водопой:

— Выходи! Пшелъ гулять! Пшелъ, пшелъ!..

И даже голосъ у надзирателя мѣняется — какой-то злобный, скверный. А вслѣдъ за тѣмъ онъ отворяетъ форточку и изысканно любезнымъ голосомъ говоритъ:

— Михаилъ Андреичъ! Сорокъ пятый номеръ проситъ у васъ иголку съ ниткой..

Меня часто интересовало: что дѣлаютъ въ своихъ одиночкахъ уголовные? Половина изъ нихъ неграмотные, значитъ, не могутъ коротать время за книгой. Ихъ жизнь должна быть ужасной безъ физическаго труда и умственной пищи. На мой вопросъ о времяпрепровожденіи уголовныхъ въ одиночкахъ надзиратель спокойно отвѣтилъ:

— Лежатъ. Чего имъ дѣлать? Такъ цѣлый день на койкѣ и проводятъ. Конечно, если у которыхъ койка заперта на ключъ, тѣ у стола сидятъ, либо ходятъ.

Никогда я не замѣчалъ дурного отношенія арестанта уголовнаго къ арестанту политическому. Уголовные ругаются между собой, бранятъ и подчасъ колотятъ надзирателей, не пропускаютъ безъ колоритной остроты ни одного посторонняго лица на дворѣ (возчика, псаломщика, священника и т. д.). Каждому проходящему, отъ начальника до мусорщика, достается на орѣхи. Но я никогда не слыхалъ грубаго слова по адресу политическихъ. На насъ они смотрятъ всегда съ большимъ интересомъ, и самые закоренѣлые «вѣчные» арестанты всегда уступаютъ дорогу, на которой они задираютъ и толкаютъ всѣхъ и каждаго. Не думаю, чтобы имъ импонировало общее, дѣйствительно вполнѣ вѣжливое отношеніе къ «господамъ политическимъ». Нѣтъ, тутъ есть что-то особенное. Я замѣчалъ, напримѣръ, что, увидавъ вблизи политическаго, арестанты иногда нарочно начинаютъ бранить Дурново, разсуждать о томъ, что Васька или Ванька «тоже ходилъ баррикады строить», или же кто-нибудь начинаетъ пѣть похоронный маршъ или марсельезу. Меня поражала такая деликатность со стороны тѣхъ, въ комъ трудно предположить деликатное чувство. Въ разговоры вступать приходится очень рѣдко и только съ «привиллегированными», т. е. «цирюльникомъ», «баннымъ» и другими рабочими, иногда «по дѣламъ», такъ какъ арестанты часто, при попустительствѣ надзирателей, приходятъ за юридическими совѣтами. Такіе

дѣловые разговоры происходятъ всегда у дверной форточки «адвокатской» камеры. Надзиратели относятся къ такимъ бесѣдамъ снисходительно, иногда даже вступаютъ сами въ обсужденіе наиболѣе интересныхъ «процессовъ» (любимый терминъ арестантовъ). Но, конечно, стоитъ показаться на горизонтѣ старшему, какъ одинъ консультантъ прячется въ камеру, другой начинаетъ сердито кричать на «кліента»:

— Ну, ну ты, что ты тутъ шляешься, пошелъ въ камеру!

Чай мнѣ завариваетъ убійца, записки носитъ карманный воръ, полъ натираетъ поджигатель, стрижетъ меня громила вагоновъ. Съ этимъ послѣднимъ мы бесѣдуемъ довольно свободно, такъ какъ остаемся вдвоемъ въ моей камерѣ минутъ 15—20. Ловко скроенный и крѣпко сшитый парень, онъ не чуждъ политики.

— А большую разницу между нами дѣлаютъ, г. О.! Я это про тюремное обращеніе говорю.

— Здѣсь дѣлаютъ, а въ другихъ мѣстахъ одинаково, даже съ политическими еще хуже обращаются. Да и здѣсь вѣдь для уголовныхъ свободы больше.

— Свободы больше, это правда, а вотъ уваженія къ намъ нѣтъ. Я, конечно, это понимаю, даже одобряю, а только позвольте мнѣ вамъ одно сказать...

— Что такое?

— А то, что вѣдь причины однѣ, т. е. причины, по которымъ мы сидимъ. Жизнь нехороша, устройство ея неправильное — вотъ она главная причина. Противъ этой жизни мы и идемъ,—конечно, разными путями, вы такъ, мы этакъ. Конечно, я понимаю, вы не для себя стараетесь, а больше стараетесь, чтобы для всѣхъ — ну, тамъ свобода и хорошая жизнь, у однихъ бы взять, а другимъ, которые побѣднѣе, отдать и прочее. Ну, а мы, какъ сами мы бѣдные, — и при томъ куда же послѣ тюрьмы? Никуда не принимаютъ. — Такъ вотъ мы, конечно, должны сами о себѣ стараться и тоже попадаемъ. И вотъ теперь одинаково сидимъ, что вы—политическіе, что мы—уголовные, а можетъ и по одной дорогѣ на каторгу уйдемъ,—вѣдь возможно это, г. О.?

— Конечно, возможно.

— Вотъ я то же и говорю. А что я изъ вагона или тамъ изъ подъ замка укралъ,—такъ вѣдь я у богатаго беру, хотя, конечно, для себя. А между прочимъ и съ товарищемъ подѣлюсь, если ему еще меня хуже. Я разницу понимаю, что вы, конечно, какъ вы политическіе, то вы борцы за свободу, а мы простые воры и даже иные есть убійцы. Я это хорошо понимаю, только говорю, причина у насъ одна—жизнь наша несправедливая.

Пріотворяется дверь, заглядываетъ надзиратель.

— Постриглись, Михаилъ Андреичъ?

И видя, что стрижка давно уже окончена, надзиратель инымъ тономъ обращается къ уголовному цирюльнику:

— Ну, кончилъ, такъ ступай, не засиживайся. Забирай свои принадлежности.

— Подмести надо волосы-то...

— Ладно, подмететъ рабочій, ступай свое дѣло дѣлать!

И, пропуская въ дверь нахмурившагося арестанта, онъ прибавляетъ:

— Охъ, ты, брадобрей, полголовы обрей..

III.

Надзоръ.

Оффиціальный тюремный день кончается. Въ послѣдній разъ раздалось въ форточку пріятное слово «кипятокъ», вмѣстѣ съ чайникомъ просунулась въ камеру и упала на полъ послѣдняя, тщательно завернутая записка, лампа съ колпакомъ изъ оберточной бумаги заняла свое обычное мѣсто на томикѣ Байрона, на лѣвомъ углу покрытаго надписями стола. Замираетъ шлепанье арестантскихъ котовъ, вечерняя смѣна надзирателей явилась по ночному — въ валенкахъ, и ихъ шаговъ не слышно; только мой старикъ изрѣдка покашливаетъ—года его не малые...

Нѣсколько минутъ молчаливаго ожиданія... Но вотъ далеко хлопаетъ дверь, раздаются звонкіе шаги «повѣрки». Шаги то приближаются, то отдаляются, имъ сопутствуютъ выстрѣлы форточекъ, торопливо откидываемыхъ и захлопываемыхъ надзирателями, и привычное ухо невольно слѣдитъ за направленіемъ шаговъ «начальства». Вотъ завернули во второе крыло — звуки замираютъ; вотъ идутъ по лѣстницѣ въ слѣдующій этажъ, вотъ остановились: это кто-то изъ товарищей дѣлаетъ заявленіе или подаетъ дѣловую бумагу,—кто бы это могъ быть? Вотъ снова растетъ и приближается этотъ гулъ, такъ дѣйствующій на нервы... Вотъ, наконецъ, быстро, неожиданно откинулась моя форточка, въ темномъ отверстіи мелькнули кобуры револьверовъ и такъ же внезапно невидимая рука рѣзко захлопнула квадратную дверцу, — словно послѣдній гвоздь забилъ крышку моего гроба...

Еще одинъ день прошелъ... Глаза невольно ищутъ календарикъ... Этотъ уже кончается. Нужно опять готовить новый, — на два, или уже сразу на три мѣсяца; — неужели же въ три мѣсяца тамъ, на волѣ, не кончатъ?..

Легкій скрипъ; тихо отворяется форточка:

— Оружіе ваше, Михаилъ Андреичъ...

Отдаю свое «оружіе» (ножъ и вилку). Старикъ хорошо выспался и не прочь поболтать. Начинаемъ съ лейтенанта Шмидта и съ того, что это «имъ» даромъ не должно пройти. Я стараюсь навести старика на разговоры о прошломъ тюрьмы.

— Много вы народу перевидали за пятнадцать лѣтъ?

— Еще бы. Сколько ихъ прошло. И плохо имъ раньше было, строгости было больше.

— И теперь у насъ хотятъ строгости заводить...

— Ну, это только такъ, новая метла мететъ. А раньше, вотъ хоть бы насчетъ бумаги. Ни единаго листочка нельзя было имѣть въ камерѣ безъ штемпеля. По одному листу давали, записывали и ни за что другого вамъ не дадутъ, пока этотъ не сдадите готовымъ—письмо ли или тамъ прошеніе. Не то, что записку передать, а даже до чего доходило: парашу кругомъ осматривали, когда ее арестанты выносятъ, — не написано ли на ней чего. И вотъ, смотрю я, съ каждымъ годомъ все слабѣе, слабѣе.. А что тутъ у насъ дѣлалось нынче въ октябрѣ, передъ амнистіей, значитъ... Прямо и разсказать невозможно. Лекціи читали; да почти никто и запертъ то не былъ; изъ барышенъ ни одну не запирали. Газеты, журналы, книги,—всего было сколько хочешь.

— Да, а теперь стали обыскивать строго.

— Теперь строго. И все зря, — прибавляетъ Егоровъ. — Вотъ хоть бы это ваше «оружіе». Оно, конечно, совѣсти спокойнѣе, и арестованнымъ соблазну меньше; а только кто хочетъ, и безъ оружія сумѣетъ. Я раньше стоялъ въ общемъ корпусѣ. Былъ у насъ одинъ арестантъ, сидѣлъ онъ за ограбленіе магазина золотыхъ вещей, тысячъ на 20 ограбили. Осматривали мы сундучки,—вижу у него въ сундучкѣ лежитъ трубка, отъ газоваго провода трубочка, въ мастерскихъ взялъ. Зачѣмъ, думаю, ему трубка? Ну, пусть ее лежитъ. Потомъ, однажды, онъ все березовый уголь третъ. Его спрашиваютъ: «зачѣмъ трешь?»—«Зубы, говоритъ, чистить». Ладно. Было дѣло вечеромъ. И вдругъ—хлопъ! Выстрѣлъ, да такой громкій, что громче револьвера, прямо—пушка. Прибѣжали мы,—а онъ на полу лежитъ. Что-же оказалось? Онъ трубку съ одного конца запаялъ, дырочку сверху просверлилъ, натеръ угля, натеръ пороховыхъ спичекъ, засыпалъ, кусокъ свинца вставилъ, вродѣ кубика кусочекъ, съ острыми углами,—трубочку положилъ на столъ, самъ сѣлъ напротивъ, нацѣлилъ себѣ въ грудь и зажегъ.

— Умеръ?

— Нѣтъ; выстрѣлъ-то былъ пушечный, а толку вышло мало. Опалило его, конечно, а кусочекъ свинца уголышкомъ ему въ грудь впился, да такъ и торчитъ весь наружу...

— Тутъ раньше, — разсказывалъ мнѣ какъ-то Егоровъ, — на пятомъ этажѣ сидѣли у меня женщины политическія. Вотъ, въ томъ номерѣ, гдѣ сейчасъ К., сидѣла жена доктора Орлова, а самъ онъ во 2-мъ крылѣ сидѣлъ. Года три они подъ слѣдствіемъ сидѣли. Когда ихъ сюда посадили, они еще не вѣнчаны были.

— Гдѣ-же вѣнчались?

— Здѣсь и вѣнчались, въ церкви. Они раньше такъ жили, она была беременна. Онъ такъ разсудилъ, что нужно, чтобы ребенокъ его фамилію носилъ. Ну, и обвѣнчались. Раньше имъ свиданій не давали, а тутъ стали давать по общему положенію разъ или два въ недѣлю въ конторѣ. Родился у нея ребенокъ въ тюремной больницѣ, а потомъ ее съ ребенкомъ опять сюда посадили. Хорошая была барыня, и ребеночекъ хорошій какой. Такъ въ камерѣ съ ребеночкомъ и жила. «Онъ, говоритъ, у меня арестантикъ настоящій». Мы ея ребеночка, бывало, по всему корпусу на рукахъ носили, словно няньки...

Съ любовью вспоминаетъ старикъ объ этомъ самомъ маленькомъ политическомъ арестантѣ, какого только видѣла тюрьма.

— Тутъ онъ и подросъ—ничего, здоровый. А потомъ ихъ обоихъ сослали куда-то... и ребеночекъ съ ними поѣхалъ.

Я никогда раньше не слыхалъ про этотъ случай. Разсказъ надзирателя произвелъ на меня странное впечатлѣніе. Смѣшанное чувство жалости, негодованія и гордости за предковъ. И еще я не могъ отдѣлаться отъ ощущенія... поэзіи, удивительной поэзіи, предъ которой блѣднѣютъ даже «Русскія женщины» Некрасова. По словамъ надзирателя, Орлова была всегда бодрой, добродушной, веселой...

Мы бесѣдуемъ со старикомъ рѣдко. Хотя онъ—волкъ стрѣленый и начальства не боится, но и рисковать черезъ мѣру не любитъ, тѣмъ болѣе, что начальникъ въ тюрьмѣ новый,—еще какимъ онъ объявится—неизвѣстно. Къ тому же я не одинъ у старика, насъ цѣлыхъ 26 штукъ, и всякому хочется поболтать. Однако, ко мнѣ онъ благоволитъ.

Иногда поздно вечеромъ отворяется форточка и заглядываетъ голова Егорова.

— Такъ, Михаилъ Андреичъ! Пишете? А читать изволили?

Въ рукахъ у него запретный плодъ—газета, свернутая плотнымъ комочкомъ, свободно умѣщающимся въ рукавѣ.

— Я сегодня ужъ читалъ.

— Я и то думаю, вѣрно ужъ читали. У насъ тутъ всѣ, кажется, читали, Михаилъ Андреичъ! А вы только при рабочихъ меня про такія дѣла не спрашивайте; они народъ аховый. Тамъ они сами, пускай, какъ знаютъ, дѣлаютъ, а чтобы не при мнѣ. А то другой пойдетъ наушничать.

То же самое говорилъ мнѣ и другой надзиратель, молодой дисциплинированный солдатъ изъ поляковъ. Вообще, между надзирателями и уголовными рабочими существуетъ что-то вродѣ не то вооруженнаго нейтралитета, не то мирнаго соглашенія. Записки и газеты передаютъ, какъ тѣ, такъ и другіе, хотя рабочимъ это поручается чаще. Но надзиратель не позволитъ себѣ сдѣлать что-нибудь подобное при рабочемъ и старается «не видать», когда это продѣлываетъ кто-нибудь изъ рабочихъ. Съ своей

стороны, рабочіе охотнѣе исполняютъ порученія внѣ поля зрѣнія надзирателя, хотя они вообще менѣе смущаются, такъ какъ почти ничѣмъ не рискуютъ. Вообще же, почта летаетъ по всему одиночному корпусу съ завидной скоростью.

Газета въ тюрьмѣ—плодъ запретный и тѣмъ болѣе сладкій. За доставку свѣжаго номера берутъ отъ полтинника до двухъ рублей, смотря по курсу, по настроенію начальства, по вѣроятности обыска, по состоянію обще-политическаго барометра и т. п. Подрядъ на доставку газетъ берутъ предпріимчивые уголовные рабочіе, которые самостоятельно входятъ въ соглашеніе съ надзирателями. Имя доставляющаго съ воли газету остается покрытымъ тайной. Интересно, что плата за газету часто повышается къ концу мѣсяца и сразу понижается послѣ 1-го числа. Объясняется это тѣмъ, что надзиратель, попавшійся съ газетой, рискуетъ не только мѣстомъ, но и заслуженнымъ мѣсячнымъ жалованьемъ; поэтому, передъ получкой жалованья, которое выдается 1-го числа, охотниковъ рисковать находится мало. Впрочемъ, плата за газету иногда превышаетъ грошовое жалованье младшаго тюремнаго надзирателя, а службой въ тюрьмѣ дорожатъ только старики, которымъ трудно разсчитывать на мѣсто, болѣе выгодное и менѣе тяжелое.

Есть способы доставать газету и помимо надзирателей, но такъ какъ они тюремному начальству неизвѣстны, то и я не имѣю намѣренія наводить его на слѣдъ. Два раза въ недѣлю газеты передаются на свиданіяхъ тѣмъ, кто имѣетъ свиданія безъ рѣшетки, хотя возможность такой передачи, въ виду обыска посѣтителей, также колеблется въ зависимости отъ обще-политическаго барометра и отъ настойчивости слуховъ объ амнистіи.

На сколько строго слѣдитъ начальство за младшими чинами надзора, видно хотя бы изъ того, что время отъ времени дѣлается повальный обыскъ цѣлой смѣны надзирателей, въ присутствіи «старшаго» и помощниковъ начальника. Надзирателей раздѣваютъ въ конторѣ до нага, причемъ тщательный обыскъ поручается дѣлать надзирателямъ же, привратникамъ,—товарищескій обыскъ... Какъ разъ сегодня у одного изъ надзирателей въ кобурѣ съ револьверомъ нашли двѣ газеты. Тутъ же его «раздѣли», т. е. сняли съ него форму и прогнали со службы семейнаго человѣка 40 лѣтъ отъ роду. «Новая метла»—новый начальникъ—чинитъ короткую расправу. Предполагаютъ, что вдобавокъ у него задержатъ его залогъ (15 руб.), его жалованье за мѣсяцъ (20 р. при 12 часахъ труда, наполовину—ночью), да еще начальникъ можетъ предварительно своею властью посадить на 7 сутокъ подъ арестъ. Среди политиковъ, конечно, идетъ сборъ въ пользу пострадавшаго по ихъ винѣ; вѣроятно удастся пристроить его гдѣ-нибудь на службу.

Но курьезъ! Сегодня всѣхъ раздѣвали, всѣхъ обшаривали,—а

газета сегодня все-таки есть. И она всегда будетъ, въ томъ можно поручиться. Только самонадѣянная администрація, вродѣ «новой метлы», можетъ воображать, что въ ея силахъ что-нибудь одѣлать въ этомъ направленіи.

На каждый этажъ каждаго крыла полагается по два надзирателя, которые дежурятъ, смѣняясь черезъ 6 часовъ. Когда старикъ Егоровъ, въ послѣдній разъ заглянувъ во всѣ «глазки» и убѣдившись въ наличности и въ добромъ здравіи ввѣренныхъ ему одиночекъ, удаляется на покой, его смѣняетъ высокій и рослый надзиратель Грушецкій. Это, какъ я уже сказалъ, молодой дисциплинированный солдатъ, кажется изъ поляковъ, если судить по легкому акценту. Онъ на службѣ въ тюрьмѣ недавно, а въ одиночномъ корпусѣ немногимъ дольше меня. Службой въ одиночномъ корпусѣ дорожитъ всякій надзиратель. Здѣсь чисто, народъ спокойнѣе, опасности никакой, чего нельзя сказать про общія арестантскія камеры. Поэтому здѣсь надзиратели дорожатъ своимъ положеніемъ и ведутъ себя осторожно, тѣмъ болѣе, что здѣсь съ нихъ больше и спрашивается.

Мое ближайшее знакомство съ Грушецкимъ завязалось такимъ образомъ. Послѣ вечерняго обхода онъ отворилъ мою форточку и кроткимъ голосомъ попросилъ «принадлежности», т. е. ножъ, вилку, ручку и чернила. Я покорно вручилъ ему «принадлежности».

— Вотъ что я вамъ, господинъ, хочу сказать... Вы на меня не обижайтесь, пожалуйста...

— За что же мнѣ обижаться?— удивился я.

— А вотъ, за принадлежности. Потому что намъ приказано, чтобы отбирать. Намъ и самимъ непріятно и даже очень скучно у каждаго просить а только никакъ нельзя... Вы ужъ пожалуйста не обижайтесь.

— Да я не обижаюсь на васъ нисколько. Вѣдь я же знаю, что вы не по своей охотѣ дѣйствуете... А скажите, зачѣмъ это чернила отбираютъ?

— А это потому, что начальникъ по ночамъ ходитъ, смотритъ— не пишутъ ли.

— Ну, такъ что же, что пишутъ?

— А ужъ не могу знать. А я вамъ вотъ что скажу: вы заведите другую чернильницу и перышко и оставляйте себѣ, а эти будете отдавать.

— Я такъ и дѣлаю всегда.

На другой день я заговорилъ о порядкѣ отобранія «принадлежностей» съ товарищемъ, который сидитъ очень давно. Онъ на меня раскричался:

— Да какъ вы смѣете отдавать! Вы намъ все дѣло испортите. У насъ никто не отдаетъ...

— Почемъ же я зналъ,—говорю я,—а потомъ, я вовсе не

хочу подводить надзирателя. Я прекрасно могу пользоваться одной чернильницей, а у него будетъ моя другая, въ видѣ доказательства его исполнительности.

Однако, товарищъ взялъ съ меня слово, что я не пойду на такую сдѣлку.

Когда Грушецкій вечеромъ явился за «принадлежностями», я протянулъ ему ножъ и вилку и сказалъ:

— Слушайте, я вамъ чернилъ не буду больше отдавать. Я рѣшилъ, что обманывать нехорошо. А такъ какъ вы обязаны отбирать, а я на это не согласенъ, то вы можете пойти и пожаловаться, если вамъ, конечно, не совѣстно.

Надзиратель посмотрѣлъ на меня грустнымъ и укоризненнымъ взглядомъ. Видно было, что я не оправдалъ его довѣрія. Послѣ этого я не разговаривалъ съ нимъ два дня, такъ какъ мнѣ было передъ нимъ совѣстно, а потому я на него былъ золъ. Конечно, онъ пожаловаться не рѣшился, да это было бы совершенно безполезно; но онъ могъ застраховать себя этимъ на случай непріятности.

Однажды у меня были разстроены нервы, а Грушецкій, какъ на зло, ежеминутно защелкивалъ ключомъ мою форточку: у него есть привычка ходить и провѣрять, всѣ ли заперты. Нужно сказать, что и у форточки и у двери двойной запоръ: одинъ автоматическій другой—съ ключемъ. Когда форточка заперта на автоматическій затворъ, то снаружи нужно только слегка приподнять особый рычагъ, — форточка отворяется, и черезъ нее можно просунуть въ камеру голову. По молчаливому соглашенію надзирателей съ „политиками“, форточки рѣдко запираются на ключъ, такъ какъ отворять ихъ хлопотно, а между тѣмъ черезъ нихъ разъ десять въ день подаются заключеннымъ разные предметы. Этимъ пользуются уголовные рабочіе, которые передаютъ въ форточки записки, газеты и сообщаютъ новости; черезъ нихъ же бесѣдуютъ и товарищи, которые изрѣдка шляются по тюрьмѣ, возвращаясь съ прогулокъ и свиданій. Однако Грушецкій, не въ примѣръ прочимъ надзирателямъ, всегда запираетъ форточки на ключъ и при этомъ долго возится и гремитъ ключами. Мнѣ это ужасно надоѣло. И вотъ, я рѣшилъ съ нимъ объясниться. Звоню.

— Грушецкій, зачѣмъ вы меня каждую минуту запираете? Вѣдь я не убѣгу, а если и убѣгу, то не въ форточку. Вы мнѣ всѣ уши прощелкали; я позову доктора, а вашу форточку вышибу ногой.

— Это вы можете, мы препятствовать не смѣемъ.

— Да зачѣмъ же вы запираете?

— Приказано запирать.

— Приказано-приказано, только отъ васъ и слышишь! Да вамъ то что до этого?

— А намъ можетъ за это нагорѣть.

— Да вѣдь это же глупо, подумайте вы. Ну, посадили насъ въ тюрьму. А за что же еще здѣсь то истязать? Какъ вамъ не стыдно?

— Намъ все равно, а только приказано..

— А вы не исполняйте.

— Увидитъ старшій—нагоритъ...

— Да постыдитесь, Грушецкій. Тутъ сидятъ люди, которые, можетъ, всѣмъ пожертвовали для другихъ, а вы боитесь пустякъ для нихъ сдѣлать. Человѣкъ вы или нѣтъ? Совѣсть-то у васъ есть или нѣтъ? А если придетъ начальникъ и прикажетъ вамъ меня застрѣлить,—вы застрѣлите?

— Застрѣлю.

— Вы въ умѣ, Грушецкій?

Надзиратель думаетъ и потомъ рѣшительно заявляетъ:

— Если онъ придетъ и скажетъ: «стрѣляй»,—я не стану стрѣлять, а коли скажетъ: «стрѣляй, беру на себя»,—тогда застрѣлю.

— Значитъ, вы передъ судомъ отвѣтственности боитесь, а передъ своей совѣстью не боитесь? Какъ же это вамъ не стыдно? Развѣ это честно?

И, къ своему удовольствію, я вижу, что Грушецкій спутался. Онъ даже покраснѣлъ и поникъ головой. Несчастный солдатъ... И вотъ мои разсужденія даютъ неожиданный плодъ:

— Оно, конечно,—говоритъ надзиратель,—я вашу форточку еще могу оставить незапертой, а вотъ у К-го, такъ тамъ очень ужъ видно, и къ нему все уголовные ходятъ по своимъ дѣламъ совѣтоваться. Онъ сколько меня проситъ, а я не могу,—у него дверь очень ужъ на виду....

И онъ уходитъ, притворивъ форточку, но не заперевъ на ключъ.

Какъ разъ въ это время подходитъ ко мнѣ К., за нимъ М.,— оба въ самомъ развеселомъ настроеніи. К. убѣжалъ, возвращаясь съ прогулки, а М. шляется, благодаря большой популярности.

Грушецкій возвращается хмурый и ворчитъ:

— Вотъ вамъ зачѣмъ форточка понадобилась. А говорили, что я вамъ уши прощелкалъ....

И вдругъ—несчастье... К., который сидитъ на полу балкона, чтобы не видно было снизу, слишкомъ крѣпко ухватился за дверку моей форточки, и дверка съ трескомъ отскакиваетъ. Оба товарища удираютъ, еле притворивъ ее. Такимъ образомъ нечаянно сбываются мои слова: «я вашу форточку вышибу»...

Мнѣ и смѣшно, и стыдно передъ несчастнымъ Грушецкимъ, который, конечно, перепугался больше всѣхъ и хмуро исправляетъ поврежденія. Онъ больше не хочетъ разговаривать. Онъ увѣренъ, что я его только подводилъ....

И, удаляясь, онъ щелкаетъ ключемъ съ особымъ одушевленіемъ....

Однажды, вмѣсто Егорова, который былъ въ однодневномъ от-

пускѣ, къ намъ поставили молодого парня, надзирателя Семенова. Это—общій пріятель.

Мы съ нимъ познакомились, когда онъ водилъ меня однажды на прогулку (онъ въ то время замѣнялъ «прогулочнаго»; онъ вообще чаще всего кого-нибудь «замѣняетъ»). Семеновъ тогда съ мѣста въ карьеръ заявилъ мнѣ, что начальство здѣсь сносное, а «старшіе» всѣ почти сволочи; что онъ собирается жениться, и что, какъ только выпустятъ присяжнаго повѣреннаго М., такъ и онъ уйдетъ, такъ какъ тотъ его опредѣлитъ въ окружный судъ курьеромъ. Политическихъ онъ очень уважаетъ, да и самъ собирался и подбивалъ другихъ устроить въ тюрьмѣ забастовку, только народъ здѣсь дрянь, въ особенности старики. Передъ арестантами-адвокатами Семеновъ всегда дѣлаетъ фронтъ и «желаетъ здравія». Такъ вотъ такого гуся поставили насъ «охранять» на цѣлый день. Онъ началъ съ того, что отправился всѣхъ привѣтствовать. Я былъ очень изумленъ, когда, въ седьмомъ часу утра, послѣ обхода, вдругъ отворилась форточка, показалась въ ней сіяющая физія и весело заявила:

— Здравія желаю, г. О. Спите? А вотъ меня къ вамъ поставили...

— Здравствуйте, Семеновъ. Вы что же, вмѣсто кого?

— А Егорова, стараго черта замѣняю, его куда-то унесло...

— Плохіе у насъ надзиратели, Семеновъ. Лучше бы вы къ намъ переходили.

-- Егоровъ-то еще ничего, а Грушецкій—дуракъ. Я съ нимъ штуку вчера удралъ, онъ на меня злится.

И Семеновъ разсказалъ мнѣ «штуку», которую я передать не возьмусь. Скажу только, что Грушецкій, какъ оказывается, большой кавалеръ, но, къ сожалѣнію, не всегда можетъ занимать своихъ „dames de coeur», такъ какъ съ 12 часовъ ночи до 6 ч. утра бываетъ на дежурствѣ.

По случаю дежурства Семенова у насъ царилъ цѣлый день сумбуръ: форточки щелкали, рабочіе бѣгали живѣе обыкновеннаго, записки разносилъ самъ Семеновъ, товарищъ К. носился по тюрьмѣ, какъ угорѣлый, а Семеновъ въ это время съ блаженной улыбкой говорилъ мнѣ:

— А г. К. у меня убѣжалъ. Никакъ я его поймать не могъ... И гдѣ онъ теперь пропадаетъ--не знаю...

— Смотрите, Семеновъ, влетитъ вамъ...

— А мнѣ наплевать! Я еще «старшему» по мордѣ дамъ! Мнѣ все равно уходить...

Вечеромъ онъ явился за «принадлежностями».

— Вы чернила-то отдаете?

— Нѣтъ, говорю, не отдаю.

— Не отдаете? А мнѣ и ножа съ вилкой не нужно, ну ихъ къ черту! Оставьте у себя. Я ни у кого не беру. Мало ли тамъ какія глупости еще придумаютъ, мнѣ какое дѣло...

Семеновъ проявилъ себя любителемъ изящныхъ искусствъ и покровителемъ тюремныхъ художниковъ. Таковыхъ въ нашемъ корпусѣ, среди уголовныхъ, сидитъ двое. Впрочемъ, одинъ оказался на провѣрку «богомазомъ». Онъ рисуетъ иконы чернымъ карандашемъ на четвертушкѣ бумаги и подкрашиваетъ какими-то дикими цвѣтными карандашами. Профессія богомаза не мѣшаетъ ему заниматься также и порнографіей, причемъ такого рода произведенія онъ сбываетъ по дешевымъ цѣнамъ холостымъ надзирателямъ. Дюжина произведеній его извращеннаго творчества стоитъ восьмушку табаку за 3 коп. и 1 фунтъ сахару. Такъ пояснилъ мнѣ Семеновъ, который уже затратилъ на эти произведенія два съ полтиной.

— Хорошо изображаетъ! У меня его картинъ цѣлая куча, и все какъ есть на нихъ расписано. Хотите, принесу на дежурство?

Такъ какъ я отказался отъ удовольствія видѣть порнографію, то Семеновъ вызвался сбѣгать внизъ къ художнику,—хотя уходить съ поста и не позволяется,—и принесъ мнѣ икону Спасителя съ темно-подведенными глазами. И въ этой посредственной мазнѣ я сразу узналъ художника, который украшаетъ внутреннюю часть обложекъ романовъ изъ тюремной библіотеки невозможными рисунками. Темы—разныя, а кисть художника—одна.

Но есть у насъ и настоящій художникъ. Его посадили дней пять тому назадъ, обвиняется въ третьей кражѣ. Въ виду его таланта ему не только разрѣшено пріобрѣсти мольбертъ, холстъ, краски, но даже начальникъ пріобрѣлъ все это на свой счетъ..., но съ тѣмъ, что картины будутъ принадлежать ему. Это очень характерно! Арестанту—удовольствіе и, вѣроятно, льготы, а начальнику расходъ на краски и безплатный трудъ.

— Они всѣ на даровщинку падки,—пояснилъ мнѣ это Семеновъ. А какія онъ картины рисуетъ! Вблизи—смотрѣть не хочется, только и видно, что кусочки разныхъ красокъ намазаны. А издали—заглядѣнье! За такую картину можно восемь гривенъ заплатить, а начальнику даромъ хочется.

— Что вы, Семеновъ, развѣ за восемь гривенъ можно картину масляными красками купить!

— Развѣ дороже?

— Какой художникъ. Бываетъ, что сотни и даже тысячи рублей платятъ.

Семеновъ мой даже присѣлъ отъ удивленія. Да! Онъ получаетъ жалованья 14 р. 70 к. при 12-ти часовомъ трудѣ и ежедневномъ ночномъ дежурствѣ. Вотъ порнографіи за восьмушку табаку,—это по его карману. Но онъ толкъ понимаетъ и уже просилъ уголовнаго художника нарисовать его портретъ во весь ростъ красками. Тотъ съ удовольствіемъ согласился; очевидно, арестантъ страшно любитъ живопись, такъ какъ рисуетъ цѣлый день, даже гулять не ходитъ. Впрочемъ, Семенову трудно отказать, онъ очень милый

парень. Даже его увлеченіе заборнымъ художествомъ богомаза не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ немъ говоритъ не столько «невинный развратникъ», сколько, такъ сказать, меценатъ.

Интересовало меня, какъ Семеновъ будетъ позировать, когда по тюрьмѣ ежеминутно шмыгаетъ всякое начальство, и за уходъ съ поста полагается уходъ со службы. Но для Семенова никакихъ препонъ не существуетъ. Недавно онъ задумалъ освидѣтельствовать свою поясницу, надорванную на военной службѣ. Для этого онъ ушелъ съ поста въ камеру доктора Г., раздѣлся до нага и просилъ себя осмотрѣть. Однако, время отъ времени онъ выглядывалъ за дверь,—не идетъ ли начальство.

— Ну, а если бы васъ начальникъ въ это время окликнулъ?

— Такъ что-жъ, я бы надѣлъ фуражку и револьверъ и вышелъ.

Воображаю удивленную физіономію начальника...

Ко мнѣ Семеновъ благоволитъ; поэтому въ его дежурство у меня нѣтъ ни минуты спокойной. Начну я писать,—отворяется форточка.

— Все пишете? А вотъ г. К. спитъ...

— Я не сплю днемъ.

— Ну, ну, пишите, я мѣшать не стану.

Онъ уходитъ, но черезъ пять минутъ опять отворяетъ форточку.

— Вы, вѣрно, все про тюрьму пишете?

— Да, про тюрьму... И про васъ, Семеновъ, пишу.

— А что про меня написали?

— Да вотъ, написалъ, что вы у Грушецкаго подругу отбили.

Семеновъ покраснѣлъ. Онъ въ полномъ недоумѣніи...

— А вы какъ же узнали? Неужто онъ разсказалъ?

— Нѣтъ, я самъ догадался. Ахъ, вы, простота! Да вы же сами мнѣ сказали на прошлой недѣлѣ.

— Вѣрно! Я позабылъ... Ну, а какъ напишете про всѣхъ, тогда что будете дѣлать?

— Тогда напечатаю.

— Въ газетахъ?

— Въ журналѣ напечатаю.

— Вы фамилію не называйте. А то все равно... Я все равно уйду отсюда. Эхъ! хотѣлъ къ первому числу уйти...

— Ну, что же?

— Да вы меня уговорили остаться.

Я, дѣйствительно, убѣдилъ его остаться въ тюрьмѣ, такъ какъ при немъ политическимъ легче живется. Онъ отнесся къ этому очень серьезно и только все спрашиваетъ, когда станутъ выпускать.

— Весной, когда Дума соберется, въ апрѣлѣ.

— Ну, ладно, я до апрѣля подожду. Все равно услали того, который мнѣ мѣсто обѣщалъ... Экая неудача! Съ кѣмъ ни сговоришься—ушлютъ куда-нибудь. Вотъ и васъ всѣхъ разошлютъ, куда

я тогда дѣнусь. А я васъ все отъ работы отрываю... Ну, пишите, пишите. Я похожу...

Проходитъ минутъ 10. Форточка тихо отворяется. Семеновъ садится на корточки, кладетъ руки на откидную дверцу, голову на руки и вздыхаетъ.

— Охъ, пишете все? А К. все спитъ... И Г. спитъ. И сосѣдъ вашъ В. спитъ. Очень ужъ въ тюрьмѣ скучно...

И такъ повторяется въ теченіе шести часовъ дежурства Семенова. Передъ смѣной онъ забѣгаетъ еще чаще.

— Г. О., который часъ?

— Безъ четверти шесть.

— Безъ четверти? Еще, значитъ, четверть часа. Придетъ Егоровъ,—я спать пойду. А вы нынче поздно ляжете? Въ 12 часовъ еще не будете спать? Мы съ К. поспорили, что я его съ койки подыму. А онъ говоритъ: я, говоритъ, тебя водой оболью... Ну, ну, пишите, я пойду пока... Какъ придетъ смѣна, я попрощаться къ вамъ зайду.

Очевидно, онъ умираетъ отъ скуки. Спасается онъ только разговорами съ адвокатами, которыхъ обожаетъ, какъ институтка молодого законоучителя.

— Ахъ, какіе люди-то у насъ сидятъ. Какъ мнѣ М-ва жалко было, когда его выпустили! Вотъ уйдутъ присяжные повѣренные, что я тутъ стану дѣлать? Я тогда тоже уйду. Только бы всѣхъ васъ въ городѣ оставили, не высылали...

Мечта Семенова — получить отъ присяжныхъ повѣренныхъ такой подарокъ, чтобы на немъ было написано, что это ему, Семенову, подарили въ тюрьмѣ присяжные повѣренные и чтобы этотъ подарокъ можно было носить.

— Я его на видное мѣсто нацѣплю, — пускай всѣ смотрятъ. Такъ и по тюрьмѣ буду ходить и передъ начальствомъ.

Подарокъ ему уже обѣщанъ. Придется, кажется, остановиться на жетонѣ съ выгравированной надписью. О подаркѣ Семеновъ мечтаетъ. какъ ребенокъ передъ рождественской елкой. Кромѣ этого ему обѣщали подарокъ почтово-телеграфные служащіе и особо политички-женщины. Его здѣсь вообще балуютъ, и онъ этимъ гордится.

— Мнѣ денегъ не надо, а чтобы память была...

Про ту анархію, которая водворяется въ дежурство Семенова, я уже писалъ. Бывало, возвращаешься съ прогулки, а Семеновъ пристаетъ:

— Зайдите съ К. поговорить. онъ скучаетъ.

Я болтаю съ товарищемъ съ полчаса, а Семеновъ стоитъ и смотритъ, не видно ли высшаго начальства. Наконецъ надоѣстъ,— идешь въ камеру, а онъ спрашиваетъ:

— Больше никуда не пойдете? Сходите внизъ съ художникомъ познакомиться. Онъ васъ нарисуетъ. Или про тюрьму писать будете? Ну, ну, пишите. я не мѣшаю...

Недавно изъ тюрьмы выпустили на поруки одну изъ женщинъ политичекъ. Семеновъ, который нѣсколько разъ дежурилъ въ ея отдѣленіи, былъ къ ней сильно неравнодушенъ. Уѣзжая изъ тюрьмы, она поблагодарила Семенова за его хорошее обращеніе съ заключенными и сказала, чтобы онъ приходилъ къ ней въ гости. Семеновъ долго не рѣшался и ходилъ совѣтоваться съ политиками; съ товарищами по службѣ онъ про такія дѣла не говоритъ. Наконецъ въ одинъ изъ свободныхъ дней, съ благословенія политиковъ, надзиратель отправился съ визитомъ къ своей бывшей поднадзорной. Объ этомъ посѣщеніи Семеновъ разсказывалъ мнѣ послѣ съ такими подробностями, что я могъ ясно представить себѣ не только верхъ и подкладку его «гражданскаго» пальто и «тройки», но и его торжественную физіономію «визитера».

— Говорила она мнѣ, что дома бываетъ въ 4 часа. Извощика я взялъ за 40 копѣекъ (просилъ шестьдесятъ). Пріѣхалъ рано, слѣзъ съ извощика, сталъ ходить по улицѣ; хожу я и вижу, что около дома у нея сыщикъ тоже ходитъ. Какъ сталъ я ходить, — а онъ все за мной. Я испугался, да опять на другого извощика сѣлъ и громко ему говорю: вези, говорю, меня на сѣнную площадь; потомъ черезъ двѣ улицы вышелъ, заплатилъ ему двадцать копѣекъ.

— Такъ и не зашли къ ней?

— Нѣтъ, я потомъ къ шести часамъ опять пришелъ; тогда сыщика не было. Дома она была, и другая барышня у нея въ гостяхъ,—тоже раньше у насъ сидѣла. Посадили меня чай пить, потомъ на фортопьянѣ играли и пѣли.

По разсказу Семенова выходитъ, что сначала онъ очень смущался, но затѣмъ часамъ въ 8 вечера, выпивъ невѣроятное количество чаю съ конфетами, настолько разошелся, что пригласилъ политическихъ барышенъ покататься, но онѣ отказались по нездоровью.

— Когда прощаться стали, одна барышня даетъ мнѣ золотой въ пять цѣлковыхъ:—«я,—говоритъ,—хочу вамъ память оставить, а нечего мнѣ вамъ другого подарить». Мнѣ очень стало это обидно, я ей и говорю: «я, говорю, къ вамъ не для денегъ пришелъ, а въ гости». Она говоритъ: «я, говоритъ, васъ обидѣть не хотѣла, вы пожалуйста не обижайтесь на меня, а что вы меня не позабыли, я вамъ за это очень благодарна». Звали еще заходить чай пить. Очень хорошо на фортопьянѣ играютъ.

Я ясно представляю себѣ комическую фигуру славнаго, круглолицаго, дѣтски-наивнаго Семенова въ новой тройкѣ, въ высокихъ бумажныхъ воротничкахъ, въ галстухѣ съ булавкой, пьющаго шестой стаканъ чаю съ конфетами подъ аккомпаниментъ піянино...

На долго хватитъ Семенову воспоминаній о своемъ исключительномъ и рискованномъ визитѣ. Единственный свободный день за мѣсяцъ службы проведенъ интересно; это не всѣмъ удается. Большинство холостыхъ надзирателей проводятъ этотъ день въ

трактирѣ. Мой прогулочный, Осипъ Антипычъ, о свободномъ днѣ начинаетъ мечтать за недѣлю; но мечты его не сложны и однообразны: здорово выпить. И дѣйствительно на другой день послѣ отпуска глаза Осипа Антипыча дѣлаются опухшими и голосъ хрипитъ. На вопросы о томъ, какъ онъ отпраздновалъ свободный день, онъ отвѣчаетъ однообразно:

— Да, погулялъ... Теперь зарокъ дамъ не пить больше. Тоже и табакъ хочу бросить.

— Съ городовымъ я вчерась подрался,—прибавляетъ онъ, немного помолчавъ. Подошелъ къ нему,—ну, пьяный, конечно, былъ совсѣмъ,—да и началъ его задирать, а онъ меня хотѣлъ въ участокъ. А я ему говорю: «я, - говорю,—самъ побольше городового, ты не гляди, что я безъ формы». Ничего, помирились потомъ.

Осипъ Антипычъ человѣкъ скучный; интересовъ у него никакихъ,—только о религіи любитъ говорить, причемъ высказываетъ очень скептическіе взгляды. Но его невѣріе родилось также не отъ мысли, а отъ проникающаго его равнодушія ко всему на свѣтѣ, начиная отъ тюрьмы и кончая волей. Пробовалъ я заговаривать съ нимъ на темы политическія, но не сумѣлъ пробить ледъ его равнодушія.

Но есть среди молодыхъ надзирателей и болѣе живые въ политическомъ смыслѣ элементы. Освободительная волна затронула многихъ. Нѣсколько человѣкъ выписываютъ въ складчину прогрессивную газету и, насколько позволяетъ время и не препятствуетъ политика внутренняго шпіонства, обсуждаютъ сообща событія. Этотъ живой надзирательскій элементъ больше всего тяготится своей «собачьей службой»; но нѣтъ сомнѣнія, что эта самая собачья служба, приводящая ихъ въ постоянное соприкосновеніе съ политиками, сильно содѣйствуетъ развитію ихъ сознательности. Я склоненъ думать, что результатомъ нынѣшняго переполненія тюремъ будетъ разложеніе дисциплины, что замѣтно уже и сейчасъ.

Сочувствуютъ ли надзиратели политическимъ? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ: сами надзиратели отъ прямого отвѣта почти всегда уклоняются. «Намъ съ вами заодно никакъ нельзя»—говорилъ мнѣ Грушецкій. «Конечно,—говорилъ другой,—многіе сидятъ совсѣмъ напрасно, ну а все-же есть и виноватые». Ясно сочувствующихъ я знаю двоихъ—троихъ. Я разумѣю при этомъ сочувствіе идеямъ, за которыя борются и страдаютъ политическіе «преступники». Независимо же отъ этихъ малопонятныхъ для массы надзирателей идей, сочувствіе къ людямъ, столь непохожимъ на преступниковъ, а между тѣмъ числящимся въ разрядѣ самыхъ опасныхъ враговъ «порядка и законности», такое сочувствіе можно встрѣтить на каждомъ шагу. Оно особенно сильно по отношенію къ тѣмъ политическимъ, которымъ пришлось вынести побои полиціи и пытки; а такихъ въ тюрьмѣ послѣ московскаго возстанія значительный процентъ.

Для иллюстраціи отношенія къ политикамъ даже такихъ степенныхъ и исполнительныхъ надзирателей, какъ старикъ Егоровъ, приведу пришедшій мнѣ на память разговоръ съ нимъ. Однажды послѣ повѣрки мы перебирали съ нимъ «общихъ знакомыхъ», которые сидѣли здѣсь до манифеста 17 октября. Онъ всѣхъ помнитъ и все удивляется, что никто изъ нихъ не «попалъ» теперь (этотъ разговоръ происходилъ недѣли три назадъ; сейчасъ нѣкоторые «попали»). Разсказывалъ онъ мнѣ также про побѣгъ политической заключенной Э., которая, какъ извѣстно, ушла со свиданья самымъ простымъ образомъ,—вмѣстѣ съ посѣтителями.

— Ужъ очень потѣшно было... Посылаетъ она меня къ сосѣдней барышнѣ: попроси, говоритъ, у ней шляпку. Это передъ свиданьемъ.

— Зачѣмъ же, говорю, вамъ шляпка въ контору-то идти?

— Я, говоритъ, можетъ быть, поѣду въ больницу.

Мнѣ смѣшно, потому что и въ больницу ей незачѣмъ ѣхать. Ну да думаю, Богъ съ ней, коли хочетъ въ шляпкѣ идти.

Надѣла это, пошла на свиданіе...

— Оно, конечно,—прибавляетъ онъ, помолчавъ и посмѣиваясь со стариковской хитрецой,—оно, конечно, можно было сказать, да думаю, кто-жъ ее знаетъ,—дѣло не мое...

— Такъ и ушла?

— Да, не вернулась... А гдѣ она теперь? Чай ужъ заграницей?

— Должно быть за границей; не знаю.

— Хорошая была барышня, Богъ съ ней...

Старикъ добродушно улыбается, и мнѣ такъ нравится его лицо въ эту минуту...

М. Осоргинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Ночь стучится холодной рукою
Въ незакрытыя ставни окна...
Память сердца, о, какъ ты сильна
Надъ моей ослабѣвшей душою!
Помню, помню я все и тоскую:
Слышу тихіе всплески рѣки,

Вижу снова и рожь золотую...
Какъ смѣются во ржи васильки!
И горятъ на лицѣ поцѣлуй,
И горитъ солнцемъ сердце въ груди...
Голубая лазурь впереди!..

Помню, помню я все и тоскую...

II.

Я—какъ чайка съ разбитымъ крыломъ
На пустынномъ, нѣмомъ берегу:
Я въ сіяньи зари золотомъ
Ужъ подняться въ лазурь не могу...
Но все жду я, что бурный приливъ
Разольется могучей волной
И, жемчужною пѣной покрывъ,
И меня унесетъ за собой,—
Чтобъ послѣдняя пѣсня тоски,
На просторѣ звеня, замерла,
Чтобъ въ объятьяхъ свободной рѣки
Умереть я свободной могла!..

III.

Ты говоришь мнѣ о любви своей...
Но каждое твое трепещущее слово
Оковы тяжкіе сурово
Куетъ душѣ моей!
И въ голосѣ твоемъ я слышу новый звукъ,
Холодный звукъ цѣпей, порывистый и властный,
Когда среди мольбы тоскующей и страстной
Онъ прорывается и замолкаетъ вдругъ.
И на свободу я стремлюсь напрасно вновь,
Окована твоей печалью и любовью...
И кто-нибудь изъ насъ своей заплатитъ кровью
За эту грозную любовь!

Г. Галина.

XXIII.

Голодъ заговорилъ.

Къ вечеру холодъ сдѣлался еще сильнѣе. Жители Минвэля знали, что когда вѣтеръ дуетъ прямо съ горъ, то надо ожидать стужи и снѣжныхъ бурь. Тѣмъ не менѣе большинство предпочитало оставаться на улицѣ, нежели въ своихъ нетопленыхъ домахъ, гдѣ не было ни крошки хлѣба. Черезъ двѣ недѣли должно было наступить Рождество, и Донниморъ съ грустью думалъ объ этомъ, идя въ этотъ день по улицѣ Минвэля. Онъ жалѣлъ рабочихъ, но еще болѣе жалѣлъ женщинъ съ голодными дѣтьми, такъ какъ зналъ, что имъ предстоятъ еще большія страданія въ будущемъ.

Зависѣло ли это отъ погоды, отъ хмураго свинцоваго неба и рѣзкаго холоднаго вѣтра, осыпавшаго снѣгомъ прохожихъ, но только въ воздухѣ чувствовалось что-то зловѣщее въ тотъ день, когда Пли потерялъ свою жену. Послѣ обѣда Слэтеръ прошелъ по дорогѣ отъ своего дома, въ сопровожденіи двухъ констэблей, съ которыми онъ разговаривалъ, и вошелъ въ фабричныя ворота. Онъ шелъ гордо и самоувѣренно, и даже шляпу онъ носилъ такимъ образомъ, что это придавало ему вызывающій и непреклонный видъ. Вѣсть о томъ, что онъ отправился на фабрику, тотчасъ же разнеслась повсюду, и не успѣлъ онъ подойти къ воротамъ, какъ въ нихъ ударился камень, и когда онъ и его охранители обернулись, чтобы посмотрѣть, откуда былъ брошенъ камень, то въ группѣ людей, стоявшихъ у моста, раздался злобный смѣхъ.

Враждебная встрѣча еще болѣе ожесточила Слэтера. Послѣ смерти жены онъ сталъ настоящимъ фанатикомъ; ему казалось, что глаза всей Англіи обращены на него и зорко слѣдятъ за тѣмъ, окажется ли его патріотизмъ на высотѣ задачи и будетъ ли онъ достаточно силенъ, чтобы удержать за собою крѣпость. Въ грудномъ карманѣ его сюртука лежали полученныя имъ письма, съ пожеланіями успѣха, и поэтому ему казалосъ, что всѣ его собратья въ Манчестерѣ взираютъ, притаивъ дыханіе, на его борьбу. Онъ долженъ былъ одержать побѣду, которая послужила бы урокомъ, не только для его строптивыхъ рабочихъ, но и для всѣхъ недовольныхъ. Чѣмъ уступить, я „скорѣе закрою фабрику и уѣду", сказалъ онъ Бентлею, который поддакивалъ ему, но въ душѣ желалъ бы заключить миръ на какихъ угодно условіяхъ. Не имѣя и десятой доли богатства Слэтера, онъ силь-

нѣе его испытывалъ на себѣ тяжесть создавшагося положенія, но онъ сознавалъ, что долженъ сохранить передъ глазами свѣта свой непоколебимый видъ.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ уже всему Минвэлю сдѣлалось извѣстно, что „Сэмъ на фабрикѣ“. Эта новость всѣхъ взволновала. Женщины, накинувъ платки на голову, выбѣжали на улицу, не взирая на рѣзкій холодъ, и скоро у фабрики собралась цѣлая толпа, заградившая путь къ мосту.

Несмотря на наступавшую темноту, такъ какъ сумерки въ декабрѣ начинаются рано, толпа все прибывала, и глухой ропотъ ея доносился на фабрику, заглушая даже временами шумъ машинъ. Ни смѣха, ни шутокъ не было слышно; лица у всѣхъ были пасмурныя и блѣдныя, и слышались мстительныя рѣчи.

Какъ разъ въ это время Бринтонъ и Бутройдъ, возвращаясь съ комитетскаго засѣданія, гдѣ они были заняты распредѣленіемъ недѣльнаго пособія, увидѣли толпу и тотчасъ же направились туда. Они слышали, что Слэтеръ отправился на фабрику, но, занятые своимъ дѣломъ, не обратили на это вниманія.

— Смотри, Джекъ, что тамъ такое!—сказалъ Бринтонъ и, подойдя къ толпѣ, крикнулъ:—Эй вы, что вы тутъ дѣлаете?..

— Сэмъ пошелъ на фабрику,—отвѣтила ему одна изъ женщинъ.

— Хорошо, мистриссъ Дэнъ. Но мнѣ кажется, что теперь слишкомъ холодно и не стоитъ стоять тутъ, хотя бы даже для того, чтобы поглядѣть на такого красавца, какъ Сэмъ.

— Ахъ, если бъ я только могла подойти къ нему поближе, то онъ пересталъ бы считаться красавцемъ!—воскликнула мистриссъ Дэнъ со страстностью.

— Джекъ,—сказалъ Бринтонъ шепотомъ, — поди скорѣе, разыщи старика Мэтью, пастора и другихъ, и скажи имъ, чтобы они какъ можно скорѣе шли сюда. Я всегда говорилъ, что будетъ бѣда, поди же, скажи имъ, что бѣда наступила. Пусть они поторопятся идти сюда. Отыщи ихъ, гдѣ хочешь, и приведи сюда.

— Неужели, ты думаешь?..

— Я увѣренъ въ этомъ, дружище. Я уже видѣлъ такіе виды... Отправляйся же скорѣе.

Бутройдъ побѣжалъ назадъ, а Бринтонъ прокладывалъ себѣ дорогу въ толпѣ, шутя и смѣясь, но ни отъ кого не получая отвѣта на свои шутки. Онъ ждалъ Леммера и Доннимора, за которыми только что послалъ. Было пять часовъ, и черезъ полчаса должны были отпереться фабричныя

ворота, чтобы выпустить пріѣзжихъ рабочихъ. Бринтонъ зналъ это, и это волновало его. Онъ вернулся на дорогу и тутъ къ своему великому облегченію встрѣтилъ Бутройда, вмѣстѣ съ викаріемъ, Леммеромъ и Ингамомъ.

— Смотрите-ка,—сказалъ онъ имъ, указывая на толпу, стоявшую у моста.—Скоро мы тамъ понадобимся. Я боюсь, что будетъ плохо, или я ничего не понимаю!

Вскорѣ явились полицейскіе и приказали толпѣ разойтись. Но никто не былъ расположенъ слушаться приказаній, полицейскіе же не имѣли намѣренія силой заставить толпу повиноваться.

Въ половинѣ шестого шумъ машинъ прекратился, ворота раскрылись настежъ, и полиція немедленно приступила къ расчисткѣ пути. Но тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ раздались дикіе крики въ толпѣ, и градъ камней посыпался на выходившихъ рабочихъ, которые въ страхѣ бросились назадъ.

— Пошлите сюда Сэма! — ревѣла имъ вслѣдъ толпа. Пріѣзжимъ рабочимъ кричали, чтобы они снова вернулись на фабрику, если имъ дорога жизнь, и въ подтвержденіе въ нихъ опять полетѣли камни.

— Пойдемъ скорѣе туда!—воскликнулъ Донниморъ.—Надо остановить ихъ. Это становится серьезнымъ.

— Я вѣдь говорилъ, что наступитъ адъ,—замѣтилъ Бринтонъ, идя вслѣдъ за другими.

Доннимору и его спутникамъ лишь съ большимъ трудомъ удалось пробраться къ воротамъ. Достигнувъ воротъ, Донниморъ остановился и повернулся лицомъ къ толпѣ:— „Друзья!—крикнулъ онъ изо всѣхъ силъ, но его голосъ заглушился ревомъ толпы и слова его рѣчи лишь съ трудомъ можно было разслышать.—Друзья мои, прошу васъ сохраните спокойствіе. Я знаю, какъ вы страдали, но вѣдь это не поможетъ вамъ! Не дѣлайте...

— Ступайте своею дорогой!—крикнулъ кто-то, прервавъ его рѣчь. — Не стоитъ объ этомъ разговаривать!—Ему совѣтовали идти домой, но онъ оставался стоять у воротъ. Бринтонъ напрягая голосъ изо всей силы, крикнулъ: „Не хочетъ-ли кто нибудь бороться со мной? я готовъ и жажду сразиться съ кѣмъ нибудь".—Онъ сдѣлалъ видъ, будто растегиваетъ свою куртку, но ничто не помогало, и юморъ его уже не оказывалъ никакого дѣйствія на толпу.

— Убирайтесь отсюда, Джо и всѣ прочіе, или вамъ достанется!—кричали яростные голоса въ толпѣ, и оттуда снова полетѣлъ градъ камней. Бринтонъ нагнулся къ самому уху Леммера и тихо сказалъ ему: „не знаю, чѣмъ это объяснить, но если бъ не было тебя и пастора, то я бы сталъ помогать

имъ. Я хотѣлъ, чтобы ты пришелъ сюда, Мэтью, а теперь начинаю за тебя бояться...

Послѣ короткой паузы опять посыпались камни. Было ранено нѣсколько полицейскихъ, а одинъ изъ камней попалъ въ голову Леммера, который повалился къ ногамъ толпы.

Бринтонъ, издавая проклятія, бросился къ нему на помощь, локтями и кулаками прокладывая себѣ дорогу въ толпѣ. Ему удалось вытащить раненаго изъ толпы и укрыть его въ защищенномъ мѣстѣ. Полиція не пыталась больше разогнать толпу, такъ какъ это было ей не подъ силу, и единственное, что она могла сдѣлать,—это удерживать ее на извѣстномъ разстояніи отъ фабричныхъ воротъ. Донниморъ, пытавшійся сдержать нападающихъ и уговаривавшій тѣхъ, кто стоялъ ближе къ нему, долженъ былъ замолчать, такъ какъ ловко брошенный камень попалъ ему прямо въ губы и прекратилъ его рѣчь. Бринтонъ, извергая ругательства и работая кулаками направо и налѣво, старался помѣшать толпѣ проникнуть въ ворота; онъ понималъ, что тогда то и начнется адъ, слѣпое и безсмысленное разрушеніе всего и, быть можетъ, даже убійства.

Вдругъ толпа заколыхалась, и атака на время прекратилась. Оказалось, что кто-то сообщилъ, будто осажденные удираютъ при помощи лѣстницы изъ зданія паровыхъ машинъ и спасаются по другой дорогѣ. Толпа бросилась туда. Слэтеръ уже успѣлъ бѣжать и большинство работницъ и рабочихъ только что спустилось съ лѣстницы, когда на дорогѣ показалась толпа. Раздались яростные крики и началась погоня. Пріѣзжіе рабочіе бросились бѣжать въ разсыпную, а за ними съ ревомъ погналась толпа. Одна группа бросилась вслѣдъ за Авраамомъ Шайндингомъ, который побѣжалъ вдоль рѣки. Толпа, увидѣвъ его, разразилась криками радости. Другіе, услышавъ эти крики, бросили погоню за чужаками и присоединились къ группѣ, гнавшейся за Шайндингомъ. Стало совсѣмъ темно, что благопріятствовало бѣглецамъ, и они уже надѣясь спастись, но нѣсколько юношей, замѣтивъ, въ какомъ направленіи они побѣжали, быстро перелѣзали черезъ стѣну и, перебѣжавъ поле, загородили имъ дорогу. Рядомъ съ Шайндингомъ бѣжали еще трое. Увидѣвъ, что путь отрѣзанъ, они остановились, а одинъ изъ нихъ бросился въ воду и попробовалъ переплыть черезъ Минъ. Шайндингъ, совершенно потерявшій голову отъ яростныхъ криковъ толпы, звавшей его по имени, хотѣлъ было послѣдовать его примѣру, но Слэтетъ и другой рабочій по имени Кристоферъ схватили его. Тотчасъ же въ толпѣ раздался крикъ: „Поймали!", повторенный множествомъ голо-

совъ, и всѣ преслѣдователи, мужчины и женщины, бросились къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Шайндингъ.

Чтожъ, если хозяинъ ускользнулъ, то въ рукахъ мстителей остался его союзникъ и помощникъ! У Шайндинга душа ушла въ пятки, когда онъ увидалъ разъяренныя лица мужчинъ и женщинъ, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ. „Сэма нѣтъ, чтобы помочь тебѣ! Лучше бы ты утопился!"— кричали ему въ толпѣ.

Шайндингъ вообще не обладалъ большимъ мужествомъ, но тутъ и послѣдніе остатки храбрости покинули его.—Не троньте!—кричалъ онъ.—Отпустите меня. Я больше никогда не пойду туда, никогда! Я не могъ уйти оттуда...

— Погоди: ты пойдешь туда, куда Сэмъ вскорѣ послѣдуетъ за тобой, не безпокойся!—крикнула какая то женщина, старавшаяся ударить Шайндинга, котораго держали нѣсколько человѣкъ. Она, какъ тигрица, набросилась на него. Два дня тому назадъ она похоронила своего ребенка, и въ ея разстроенномъ умѣ родилось представленіе, что именно Шайндингъ виноватъ въ смерти младенца.

— Стойте!—крикнулъ Слэтветъ. — Онъ у всѣхъ насъ въ долгу и зплатитъ за все. Я предлагаю искупать его въ Минѣ головою внизъ.

— Поторопись-же!—раздались голоса.—Не то придутъ полицейскіе!..

Шайндингъ, все время молившій о пощадѣ, теперь началъ отчаянно вопить, но, не взирая на его визгъ и отчаянное сопротивленіе, полдюжины сильныхъ рукъ схватили его и нѣсколько разъ окунули внизъ головой въ холодную воду. Толпа наслаждалась его смертельнымъ ужасомъ, отвѣчая жестокимъ смѣхомъ на его мольбу и крики. Когда онъ ослабѣлъ и пересталъ бороться, то его положили на берегу, чтобы онъ немного очнулся. Все лицо у него было въ крови отъ ударовъ о береговые камни, когда его насильно опускали въ воду, и онъ тяжело дышалъ. Но мучители его не были удовлетворены. Жестокость всегда возрастаетъ въ толпѣ, да къ тому же и голодъ заговорилъ въ Минвэлѣ, усиливая ярость нападающихъ и лишая ихъ способности разсуждать.

— Эй вы, послушайте, — крикнула какая-то женщина.— Онъ слишкомъ чисто вымытъ; вымажьте-ка его дегтемъ и обваляйте въ перьяхъ.

— Да! да!—подхватила хоромъ толпа.

— Въ такомъ видѣ онъ какъ разъ будетъ годиться для своей грязной работы!

— Я знаю, гдѣ находится бочка съ дегтемъ,—заявилъ какой-то юноша, и тотчасъ же два молодца побѣжали за ней.

Но такъ какъ толпа находила, что не слѣдуетъ оставлять въ покоѣ свою жертву, то было предложено снова окунуть Шайндинга въ воду.

Шайндингъ цѣплялся руками за землю и неистово кричалъ и молилъ о пощадѣ, но толпа не вняла его мольбамъ и снова погрузила его въ рѣку.—Лучше бросьте его туда и оставьте тонуть!—крикнулъ кто-то.

Но его всетаки вытащили, чтобы онъ отдышался. Вдругъ въ толпу ворвалась какая-то женщина. Растрепанная и задыхающаяся, она напрягала усилія, чтобы проложить себѣ дорогу въ толпѣ кулаками и толчками и неистово кричала:

— Довольно! Оставьте его! Онъ достаточно наказанъ! Будетъ!..

Это была жена Шайндинга. Она хотѣла вырвать своего мужа изъ рукъ Слэтвета и другихъ рабочихъ, державшихъ его.

— Уберите ее!—крикнулъ Кристоферъ.

— Я не уйду!—завизжала она, едва переводя дыханіе.— Если вы хотите мучить его, то мучьте и меня вмѣстѣ съ нимъ...—Затѣмъ она попробовала обратиться къ чувству милосердія окружавшихъ ее людей:—Отпустите его со мной! Ручаюсь вамъ, что онъ теперь исправится. Вѣдь вы его достаточно уже наказали. Вы убьете его, если будете продолжать его мучить, и отвѣтите за убійство. Я знаю, что онъ поступилъ дурно. Но онъ уже наказанъ, и теперь отпустите его со мной!

Она смотрѣла умоляющими глазами на суровыя лица озлобленныхъ людей и дрожащими губами повторяла свою просьбу. Но отвѣта не было.

— Если вы отпустите его со мной,—повторила она серьезно,—то обѣщаю вамъ, что я сама отколочу его!

Слэтветъ, знавшій хорошо, какимъ деспотомъ всегда былъ Шайндингъ у себя дома, не могъ удержаться отъ смѣха, услышавъ такое заявленіе его жены. Впрочемъ, это было извѣстно и другимъ, и поэтому въ толпѣ раздался хохотъ. Этотъ смѣхъ оказался спасительнымъ для Шайндинга, раздраженіе улеглось, и послѣ минутнаго колебанія толпа оставила его въ рукахъ его супруги.

Мистриссъ Слэтветъ помогла ему подняться, но онъ не могъ стоять на ногахъ и тотчасъ же свалился. Тогда она позвала двухъ полицейскихъ, которые и отнесли его въ пріемный покой, гдѣ ему оказали первую помощь. Поздно вечеромъ, по приказанію Слэтера, его отвезли въ больницу, гдѣ онъ пролежалъ почти цѣлый мѣсяцъ.

Полагая, что опасность уже миновала, Бринтонъ увелъ Леммера домой. Леммеръ былъ раненъ камнемъ въ лобъ, но

не опасно, и поэтому съ помощью Бринтона могъ добраться до своего жилища.

— Это только начало, Мэтью,—сказалъ ему Бринтонъ,—а каковъ будетъ конецъ — одному Богу извѣстно! Голодное брюхо заговорило, а мы съ тобой знаемъ, что это означаетъ!

Леммеръ кивнулъ головой въ отвѣтъ и прибавилъ:—Но я надѣюсь, что завтра они одумаются.

— Я надѣюсь, но не разсчитываю на это. Я не знаю, Мэтью, но долженъ сознаться, что готовъ былъ стать на ихъ сторону сегодня. Мнѣ хотѣлось испробовать свои кулаки и стоило не малаго труда удержаться. Чортъ возьми! Если-бъ я увидѣлъ Сэма, то врядъ ли могъ бы сдержаться. У меня нѣтъ для него другихъ словъ, кромѣ проклятій, Мэтью. Если-бъ его повѣсили сегодня ночью, то это было бы самое лучшее, такъ какъ онъ заслуживаетъ этого. Какъ я только вспомню о женѣ Джо и о другихъ женщинахъ и дѣтяхъ, оставшихся безъ крова и куска хлѣба, то въ сердцѣ у меня закипаетъ злоба. И все изъ-за чего? Изъ-за того только, что Сэмъ и Бентлей хотятъ поплотнѣе набить свою мошну! Да будутъ они прокляты!..

— Не надо, не надо такъ говорить, голубчикъ! — замѣтилъ ему ласково Леммеръ.

— Да, я знаю, что ты даже молишься за него, я знаю... Я тоже молюсь, но не такъ, какъ ты. Если-бъ я его увидѣлъ сегодня, то ничто не могло бы удержать меня, я-бъ схватилъ его за горло!

Леммеръ ничего не сказалъ; онъ видѣлъ, что Бринтонъ все болѣе и болѣе раздражается. Когда они подошли къ дому, то Леммеръ началъ упрашивать Бринтона зайти къ нему, но Бринтонъ отказался.

— Пойдемъ ко мнѣ,—настаивалъ Леммеръ, боявшійся за Бринтона.—Пойдемъ, поговори съ Джо; бѣдняга такъ нуждается въ утѣшеніи!

— Хорошо, я зайду на нѣсколько минутъ, — согласился онъ неохотно.

Спустя нѣсколько минутъ раздался стукъ въ дверь, и вошла мистриссъ Бринтонъ.

— Джо здѣсь?—спросила она и, увидѣвъ, мужа радостно воскликнула:—А, вотъ онъ!

— Это мы!—сказалъ Бринтонъ. — Лицо его прояснилось, но въ тонѣ, какимъ были сказаны эти слова, не слышно было радости.—Зачѣмъ ты пріѣхала сюда?

— Я не могла оставаться дольше, голубчикъ,—возразила она умоляющимъ голосомъ. — Мнѣ разсказали о томъ, что случилось, и я подумала, что мое мѣсто здѣсь. Домъ оказался запертымъ, но мистриссъ Уотерманъ сказала мнѣ, что

ты пошелъ отвести Мэтью домой. Я надѣюсь, вы ранены не опасно, Мэтью?

— Не стоитъ говорить объ этомъ,—отвѣчалъ Леммеръ.

— И все это по винѣ Сэма! — воскликнула мистриссъ Бринтонъ, искоса поглядывая на мужа.

— Оставь Сэма въ покоѣ, — замѣтилъ ей Бринтонъ: — Однако, я все же желалъ бы знать, кто велѣлъ тебѣ возвращаться домой? Если даже ты что-нибудь слышала, то развѣ это можетъ быть достаточнымъ основаніемъ для твоего возвращенія? Какъ бы то ни было, но ты сегодня же ночью отправишься назадъ. Минвэль не подходящее для тебя мѣсто, особенно теперь... Она все еще плохо выглядитъ, какъ вы находите?—обратился онъ къ мистриссъ Леммеръ.

— Нѣтъ, мнѣ гораздо лучше. Но это все равно! Если-бъ даже мнѣ было хуже, я бы всетаки осталась здѣсь, Джо,—вскричала мистриссъ Бринтонъ со слезами въ голосѣ.—Мнѣ стыдно за себя, что я согласилась тогда уѣхать!..

Бринтонъ покачалъ головой.—Теперь наша очередь,—сказалъ онъ,—и скоро у насъ уже не будетъ крова. Тебѣ здѣсь не мѣсто, говорю я. Неправда-ли, мать?—обратился онъ къ мистриссъ Леммеръ, ища у нея поддержки. — Я говорилъ ей раньше, что дѣло запутывается и что мнѣ легче будетъ справиться, когда я буду знать, что ей и дѣтямъ хорошо.

— Нѣтъ, ты будешь смѣлѣе, если я буду находиться около тебя. Я не уйду отсюда. Дѣтей я оставила въ Меллорѣ.

— Чортъ побери! Да у тебя не осталось, кажется, ни крошечки здраваго смысла? Не понимаешь ты развѣ, что ты не можешь здѣсь оставаться?—воскликнулъ Бринтонъ.

— Я останусь здѣсь. Я могу перенести все, не хуже тебя. Ты не знаешь, что это значитъ, сидѣть въ Меллорѣ, ничего не знать и только постоянно думать, днемъ и ночью, о томъ, что здѣсь творится!

Бринтонъ повернулся къ мистриссъ Леммеръ, и разведя руками, сказалъ:—Поговорите вы съ нею, мать. Быть можетъ, вы убѣдите ее!

— Съ удовольствіемъ. Вы останетесь съ нимъ, моя милая, — обратилась мистриссъ Леммеръ къ мистриссъ Бринтонъ,—а Джо долженъ быть очень благодаренъ вамъ за это.

— Ахъ, вы, женщины! Всегда вы держитесь другъ за дружку!—воскликнулъ Бринтонъ.

Пли сидѣлъ въ углу и смотрѣлъ на огонь. Онъ не обратилъ никакого вниманія на появленіе мистриссъ Бринтонъ.

— Бѣдный Джэри,—сказала она, обращаясь къ нему,—какъ я жалѣю тебя! Надо, чтобы Сэмъ поплатился за это.

Пли не отвѣчалъ. Бринтонъ сдѣлалъ знакъ своей женѣ, чтобы она болѣе не говорила объ этомъ.

— Такъ какъ вы здѣсь, то мы вмѣстѣ поужинаемъ. У васъ вѣдь ничего дома нѣтъ? — спросила мистриссъ Леммеръ.—Но прежде, чѣмъ мистриссъ Бринтонъ успѣла отвѣтить ей, вмѣшался Бринтонъ и спросилъ:

— А что будетъ на ужинъ?

— Ничего, кромѣ нѣсколькихъ кусочковъ холоднаго мяса. Это все, что мы можемъ предложить теперь.

— Если-бъ на ужинъ былъ бифштексъ съ лукомъ или кусокъ торта, то мы бы остались у васъ. А такъ какъ у васъ ничего этого нѣтъ, то мы пойдемъ домой, — заявилъ Бринтонъ.—Моя жена вернулась сегодня домой. Не можемъ же мы праздновать ея возвращеніе такимъ скуднымъ ужиномъ! Я бы лучше хотѣлъ, чтобы она оставалась тамъ, гдѣ была, пока Сэмъ не выгонитъ меня. Вѣдь она проплачетъ всѣ свои глаза, я это знаю, когда увидитъ, что здѣсь дѣлается. Я убѣжденъ, что она и теперь будетъ плакать, когда замѣтитъ, сколько вещей отправлено уже въ ссудную кассу. Когда были хорошія времена, тогда мы все это завели. Ну, а теперь ничего нѣтъ... Однако, прощайте вы оба, спокойной ночи. Если-бъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, Мэтью, то не вышелъ бы завтра изъ дома. Вѣдь это только начало—то, что случилось сегодня. Я... впрочемъ, я больше уже не испугаюсь этого!

— Что же случилось сегодня, муженекъ?—спросила мистриссъ Бринтонъ.

— Адъ. Ты вѣдь остаешься здѣсь и поэтому сама увидишь. А теперь пойдемъ. Еще разъ спокойной ночи всѣмъ.

— Я бы хотѣлъ, чтобъ ты оставалась въ Меллорѣ, жена, — сказалъ Бринтонъ, когда они вышли на улицу. — Ты вернулась какъ разъ тогда, когда положеніе еще ухудшилось. Кромѣ супа, который раздаетъ пасторъ, и сухого хлѣба, у насъ ничего нѣтъ. Я отказался поужинать у Мэтью, потому что знаю, что и у нихъ тоже дѣла неважныя.

— Не безпокойся, голубчикъ, — возразила мистриссъ Бринтонъ.—Мое мѣсто тамъ, гдѣ ты, и ты никогда не услышишь отъ меня жалобы, Джо.

— Я бы хотѣла, чтобы все это поскорѣе кончилось, но ты, пожалуйста, не обращай на меня вниманія.

— Ахъ, какія нѣкоторыя изъ васъ дуры-бабы!—воскликнулъ Бринтонъ, и хотя эти слова трудно было принять за комплиментъ, но мистриссъ Бринтонъ поняла ихъ значеніе и нисколько не обидѣлась.

— Я вѣдь никогда не разставалась съ тобой такъ надолго, — возразила она, — и надѣюсь, больше никогда не

разстанусь, пока меня не свезутъ на кладбище. Когда ты былъ въ Меллорѣ на прошлой недѣлѣ, то я уже тогда намѣревалась послѣдовать за тобой. Ахъ, я рада, что вернулась!

— Ты найдешь домъ не въ порядкѣ, предупреждаю тебя. Но если ты хочешь все-таки оставаться, то должна обѣщать мнѣ, что не станешь сегодня убирать его.

— Хорошо.

— Впрочемъ, ты многаго уже не найдешь въ домѣ, и тебѣ нечего будетъ приводить въ порядокъ. Исчезъ комодъ, исчезли кресла и еще многое другое. Но, чтобы не было слезъ, когда ты придешь домой, не то ты сейчасъ же отправишься обратно!

— Если дома остались только два стула, то и тогда я не скажу ни слова. Мнѣ все равно, только бы быть съ тобой.

— Вѣдь это было нужно ради тебя самой, а то я бы не отправилъ тебя въ Меллоръ, — сказалъ Бринтонъ, отворяя дверь. — Правду сказать, домъ больше похожъ на жилье, когда ты здѣсь.

Однако взволнованные рабочіе не могли успокоиться. Гнѣвъ ихъ долженъ былъ найти исходъ въ дѣйствіяхъ, и хотя большинство рабочихъ вернулись здравыми и невредимыми въ свои жилища, но все-таки на улицахъ Минвэля горячо обсуждались дальнѣйшіе планы мщенія. Предполагалось произвести нападеніе на полицію и отомстить тѣмъ, кто соединился съ врагомъ. Однако, даже среди самыхъ пылкихъ головъ немного нашлось охотниковъ свести близкое знакомство съ дубинками полицейскихъ; поэтому было сдѣлано другое предложеніе. Въ Минвэлѣ были теперь десятки пустыхъ домовъ, принадлежащихъ „тирану“, и эти дома еще не охраняли полицейскіе. „Хорошій костеръ согрѣлъ бы холодную ночь“, — сказалъ кто-то, и мысль эта встрѣтила всеобщее одобреніе. Наиболѣе буйные и рѣшительные изъ рабочихъ тотчасъ же подхватили ее и побѣжали на Минвьюльскую дорогу, гдѣ стояли пятнадцать пустыхъ домовъ, обитатели которыхъ были изгнаны. Тотчасъ же двери и окна домовъ были выломаны и дерево было разрублено и расщеплено для того, чтобы оно могло скорѣе загорѣться. Когда же надъ домомъ, стоявшимъ съ навѣтренной стороны, показался дымокъ и вскорѣ пламя освѣтило его внутренность, то въ толпѣ раздался крикъ торжества. Дулъ сильный вѣтеръ, и поэтому огонь быстро распространился по всему ряду домовъ. Густые клубы дыма понеслись вдоль береговъ Мина, а разгоравшееся пламя освѣщало мрачныя, озлобленныя лица толпы.

Въ это время явился вспомогательный отрядъ полицей-

скихъ, вызванный по телеграфу въ тотъ моментъ, когда толпа произвела нападеніе у воротъ фабрики. Полицейскіе пріѣхали съ вечернимъ поѣздомъ и тотчасъ же отправились на мѣсто пожара, гдѣ собралась толпа, глазѣвшая на разрушительное дѣйствіе огня. Произошло столкновеніе, и въ результатѣ, въ эту ночь въ Минвэлѣ оказалось не мало разбитыхъ головъ и пораненныхъ рукъ и ногъ, да нѣсколько человѣкъ были арестованы. Впрочемъ, нѣкоторые успѣли во время спастись бѣгствомъ, другіе же, болѣе смѣлые, воспользовавшись своимъ знаніемъ мѣстности, устраивали засаду и осыпали градомъ камней полицейскихъ, тотчасъ же убѣгая и прячась въ другомъ мѣстѣ, когда они приближались. Попытки остановить пожаръ не увѣнчались успѣхомъ, но къ полночи пожаръ самъ собою прекратился послѣ того, какъ сгорѣлъ весь рядъ домовъ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Скрывшись отъ преслѣдованій полиціи, пятьдесятъ смѣльчаковъ, предводительствуемые Слэтветомъ и Уэсткоттомъ, отправились въ темнотѣ въ Дубки.—„Онъ оставилъ многихъ изъ насъ безъ крова, теперь мы сдѣлаемъ тоже самое съ нимъ, если только дьяволъ не сдѣлалъ его домъ несгораемымъ!“ сказалъ Слэтветъ.

Было около часа ночи, когда они подошли къ дому. Отчаянный лай собаки Мабели и цѣлый градъ мелкихъ камней и гравія, брошенныхъ въ окна и стѣны дома, вынудили Слэтера и всѣхъ домашнихъ повскакивать съ постелей; главный полицейскій надзиратель, опытный человѣкъ, предвидѣлъ возможность нападенія на домъ Слэтера и по его совѣту въ домѣ былъ повѣшенъ набатный колоколъ. Онъ думалъ, что этотъ колоколъ можетъ принести двойную пользу: призвать помощь и спугнуть нападающихъ, если число ихъ будетъ невелико. Событія ночи вполнѣ оправдали его предположенія. Какъ ни были ослѣплены жаждою мести нападающіе, они все-же тотчасъ сообразили, когда раздались звуки набатнаго колокола, что полицейскіе не заставятъ себя ждать и явятся въ такомъ количествѣ, что уже нельзя будетъ поджечь домъ Слэтера и вообще нельзя будетъ даже нанести ему большого ущерба. Пришлось отретироваться, но нападающіе все-таки въ теченіе пяти минутъ бомбардировали каменьями окна и двери дома и много стеколъ было перебито. Впрочемъ, они сами сознавали, что это была дѣтская игра въ сравненіи съ тѣмъ, что было сдѣлано ими на Миньюльской дорогѣ, гдѣ не уцѣлѣло ни одного дома, поэтому они удалились съ криками угрозы, что придутъ еще разъ и „непремѣнно сожгутъ домъ хозяина“!

Мабель такъ и не ложилась спать всю ночь. Явившіеся полицейскіе сообщили о пожарѣ въ деревнѣ, и Слэтеръ

былъ внѣ себя отъ бѣшенства. „Я заставлю ихъ заплатить за это... все, все до послѣдней копѣйки“! кричалъ онъ. Мабель ничего не сказала ему тогда, но на другой день, за завтракомъ, она все-таки рѣшилась высказать ему свое мнѣніе:

— Папа, какъ долго будетъ продолжаться этотъ ужасъ?— спросила она.

Слэстеръ не удостоилъ ее отвѣтомъ, и она должна была повторить свой вопросъ.

— Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока они не уступятъ,—сказалъ онъ, наконецъ.—Но послѣ послѣдней ночи я ни за что на свѣтѣ не возьму къ себѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Къ новому году я могу имѣть столько рабочихъ рукъ, сколько мнѣ нужно, и всѣхъ прежнихъ я отправлю отсюда. Они не на того напали, разсчитывая запугать меня!

— Папа, развѣ это по христіански? Развѣ ты не замѣчаешь ужаса, который творится? Вѣдь это,—голосъ ея при этомъ дрогнулъ,—это убило маму! Пожалуй, и мы поступали бы такъ же, какъ они, если-бъ наши семьи умирали съ голоду. Папа, дай имъ то, о чемъ они просятъ, а расходы на это покрой изъ моего приданаго.

— Такъ! Этого только не доставало,—возразилъ онъ нѣсколько менѣе рѣзкимъ тономъ.—Женщины, всегда и во всемъ, прежде всего замѣчаютъ чувствительную сторону. Въ дѣловыхъ сношеніяхъ это никуда не годится. Я исполняю свой долгъ, моя милая, и буду такъ поступать и далѣе. Я долженъ думать не только о себѣ, но и о другихъ.

— Папа, а я все думаю о томъ, въ чемъ заключается мой долгъ въ данномъ случаѣ. Я чувствовала, что не могу оставаться и безучастно смотрѣть на всѣ эти ужасы, но мама, передъ смертью, просила меня остаться съ тобой и заботиться о тебѣ. Папа, я все-таки думаю, что это дурно заставлять людей бѣдствовать изъ-за того только, чтобы сберечь немного денегъ. Зачѣмъ это намъ? Вѣдь мы достаточно богаты! Если-бъ ты далъ имъ даже вдвое больше того, что они просятъ, то и тогда мы бы не почувствовали этого. Я увѣрена, что для насъ было бы даже выгоднѣе удовлетворить ихъ.

— Это опять Донниморъ!—замѣтилъ насмѣшливо Слэтеръ.—Ты повторяешь всѣ его чувствительныя слова словно попугай. Слушай дитя: если-бъ не онъ, то они давно бы уступили. Я написалъ уже и епископу, и Вестгэту о немъ. Если его не уберутъ отсюда, то я отказываюсь посѣщать церковь и больше не буду жертвовать на нее; тогда имъ останется только закрыть церковь. Я поставилъ имъ это на видъ въ своемъ письмѣ. Я еще не получилъ отвѣта, но если Дон-

нимора оставятъ въ здѣшнемъ приходѣ, то я постараюсь сдѣлать ему дальнѣйшее пребываніе здѣсь совершенно невозможнымъ. Онъ опасный подстрекатель—вотъ что онъ такое! Я такъ и сказалъ это епископу.

— Папа, какъ ты мучаешь меня!—воскликнула Мабель и глаза ея засверкали.—Но я скажу тебѣ одно: если я не выйду замужъ за Фрэнка, то не выйду ни за кого. Я сказала ему, что не пойду за него безъ твоего согласія, но теперь меня беретъ раздумье, послѣ того, какъ ты сталъ поступать подобнымъ образомъ.

Кровь бросилась въ лицо Слэтеру.

— А я тебѣ скажу, въ свою очередь, что если только ты будешь поддерживать съ нимъ какія-либо сношенія, то я отрекусь отъ тебя! Но пока ты остаешься моею дочерью, ты не пойдешь за него замужъ,—это мое послѣднее слово!

— Хорошо,—отвѣчала спокойно Мабель,—но я не даю тебѣ никакихъ обѣщаній, папа!

Они оба замолчали и больше не разговаривали другъ съ другомъ до самаго конца завтрака, когда вдругъ вошла горничная и сообщила Слэтеру, что его желаетъ видѣть Донниморъ.

— А я не желаю его видѣть!—вскричалъ Слэтеръ сердито,—передайте ему это. Если онъ явится еще разъ, то помните: меня никогда нѣтъ дома для него!

Горничная вышла, но черезъ нѣсколько минутъ вернулась снова и со смущеннымъ видомъ сказала:

— Извините сэръ, но онъ говоритъ, что непремѣнно долженъ видѣться съ вами.

— Скажите ему, что я не хочу видѣться съ нимъ.

Донниморъ пришелъ къ Слэтеру съ твердымъ намѣреніемъ высказать ему все и постараться доказать ему, какъ пагубно его упрямство. Событія прошлой ночи глубоко огорчили и встревожили Доннимора, и поэтому онъ, поборовъ внутренное чувство, рѣшилъ поговорить со Слэтеромъ и указать ему опасность, которой онъ подвергаетъ всѣхъ. Отказъ Слэтера принять его больше опечалилъ его, нежели разсердилъ. Положеніе казалось ему безысходнымъ. Онъ хорошо зналъ свой приходъ и зналъ, что тамъ не пойдутъ на уступки. Нѣкоторые изъ рабочихъ ушли и уже нашли себѣ работу въ другомъ мѣстѣ; другіе, пожалуй, готовы были бы сдаться, если бы посмѣли, но большинство держалось крѣпко и его нельзя было сбить съ позиціи. Донниморъ, вмѣстѣ со своими товарищами, сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы не дать разыграться страстямъ, но теперь заговорилъ голодъ, и это онъ разнуздалъ демоновъ.

Придя домой, Донниморъ тотчасъ же написалъ Слэтеру и высказалъ ему въ письмѣ все то, что хотѣлъ сказать лично. Письмо постигла участь, которую онъ отчасти предвидѣлъ: оно вернулось къ нему нераспечатаннымъ.

XXIV.

Похороны.

Это былъ трудный день для вождей движенія. Толпа вырвала власть у нихъ изъ рукъ и хотя отдѣльныя личности и поддавались убѣжденіямъ и даже соглашались съ тѣмъ, что такое поведеніе неразумно и неполитично, но, слившись съ толпой, они тотчасъ же теряли свою индивидуальность. Психологи знаютъ, что толпа не представляетъ изъ себя простого собранія индивидуумовъ, а нѣчто цѣлое или, выражаясь химически, она является не простою смѣсью, а химическимъ соединеніемъ, пріобрѣтающимъ вредныя, разрушительныя свойства, которыми не обладаютъ въ отдѣльности элементы, входящіе въ его составъ. Какой-нибудь Джонъ, Томъ, Гарри, мирные и спокойные люди въ домашнемъ быту, внезапно могутъ быть охвачены духомъ разрушенія, какъ только очутятся въ толпѣ и потеряютъ свою индивидуальность.

Погода нѣсколько улучшилась и, хотя небо было обложено свинцовыми тучами, но вѣтеръ нѣсколько стихъ. Однако температура все еще держалась ниже нуля и холодъ какъ-будто поощрялъ къ насилію, такъ какъ рабочіе держали себя вызывающимъ образомъ, несмотря на присутствіе полиціи. Рано утромъ была сдѣлана попытка нападенія на пришлыхъ рабочихъ, когда они отправлялись на фабрику; ихъ провожали угрозами и обѣщаніями вечеромъ устроить имъ подобающую встрѣчу. Полицейскимъ пришлось, въ теченіе дня, два раза отражать нападеніе толпы, осыпавшей ихъ каменьями и только послѣ продолжительной и отчаянной схватки съ полиціей рабочіе къ вечеру удалились въ свои жилища; нѣкоторые изъ нихъ оказались тяжело ранеными во время стычки.

О Минвэлѣ заговорила печать. Въ лондонскихъ газетахъ появились статьи о маленькомъ невзрачномъ городкѣ и происходящихъ въ немъ столкновеніяхъ. Лондонскій рабочій союзъ прислалъ сотню фунтовъ стерлинговъ стачечникамъ, а вечеромъ прибыли еще два отряда полиціи. Теперь повсюду уже расхаживали полицейскіе патрули, но тѣмъ не менѣе вечеромъ же были сдѣланы новыя и частью удавшіяся попытки поджечь пустые дома.

Донниморъ не щадилъ трудовъ, уговаривая свою паству воздержаться отъ насилій. Леммеръ, еще не оправившійся отъ ушиба, оставался дома почти цѣлый день и горячо молился за своихъ товарищей. Пли слонялся безъ цѣли изъ угла въ уголъ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ, отвѣчая только на вопросы. Онъ казался совершенно спокойнымъ, но это спокойствіе было неестественнымъ, и поэтому не удивительно, что Леммеръ и его жена были очень встревожены его состояніемъ.

Наступило утро субботы. Безпорядковъ больше не происходило, но настроеніе оставалось повышеннымъ. Мужчины и женщины злобно посматривали на полицейскихъ, наполнявшихъ улицы Минвэля, но дальше оскорбительныхъ замѣчаній по ихъ адресу и ругательствъ не шли. Послѣ полудня у дома Леммера собралась толпа, преимущественно изъ женщинъ и дѣтей, желавшихъ видѣть похороны мистриссъ Пли. Бринтонъ и его друзья несли гробъ, а Донниморъ долженъ былъ совершить похоронный обрядъ. Толпа держалась смирно и почтительно, провожая процессію, и только кое-гдѣ слышались замѣчанія по поводу совершенно безучастнаго вида Пли, шедшаго за гробомъ, рядомъ со своею сестрой, пріѣхавшей изъ Манчестера. Говорили также о томъ, что „все это дѣло рукъ хозяина и лежитъ на его совѣсти", также какъ и опасная болѣзнь мистриссъ Седдонъ, у которой только-что родился ребенокъ. „Я бы запрыгала отъ радости, если-бъ это хоронили Сэма", замѣтила одна женщина, и никто не сталъ возражать ей.

Всѣ обратили вниманіе, что Пли не исполнилъ обычая и даже не взглянулъ въ послѣдній разъ на гробъ, когда опускали въ могилу. Но въ душѣ его глубоко кипѣла злоба, медленно сжигавшая его. Его жена была убита—убита; это также вѣрно, какъ если бы ножемъ пронзили ея сердце! Онъ смотрѣлъ на лица людей, толпившихся на улицахъ Минвэля и окружавшихъ могилу, и не видѣлъ ничего, кромѣ цѣлаго моря человѣческихъ бѣдствій. И все это было дѣломъ только одного человѣка, утопающаго въ богатствѣ, наглаго и высокомѣрнаго, не считающаго нужнымъ обращать вниманіе на страданія другихъ и думающаго только о собственныхъ удобствахъ и комфортѣ; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые заботятся только о наполненіи своихъ житницъ, о пріобрѣтеніи богатствъ и съ легкимъ сердцемъ проходятъ мимо голодныхъ женщинъ и дѣтей, равнодушно относясь къ ихъ жалобамъ и къ горю ихъ мужей и отцовъ, съ тоскою взирающихъ на страданія своей семьи. Пли думалъ объ этомъ и вспоминалъ все то, что онъ читалъ въ послѣднее время о страданіяхъ Израиля подъ игомъ тира-

новъ; испытывая чувство удовлетворенія при мысли, что тираны поплатились за это. Душевное равновѣсіе Пли было нарушено вслѣдствіе испытаннаго имъ потрясенія, и Леммеры не безъ основанія съ тревогою слѣдили за нимъ во время погребальной церемоніи. Когда все было кончено, то мистриссъ Леммеръ обратилась къ брату Пли, пріѣхавшему съ женой изъ Грова.

— Я бы хотѣла, чтобы вы убѣдили Джозія поѣхать съ вами въ Гровъ, на время, — сказала мистриссъ Леммеръ.—Вы видите, что онъ плохо себя чувствуетъ, и все послѣднее время онъ былъ очень нехорошъ, Минвэль не мѣсто для него, особенно теперь, и ничего добраго онъ тутъ не можетъ сдѣлать.

— Уговорите его поѣхать съ вами,—прибавилъ Леммеръ.— Съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, я все время молюсь о томъ, чтобы Господь даровалъ ему силы и желаніе работать. Я говорилъ ему сегодня, что его бѣдная жена много потрудилась, и онъ долженъ продолжать ея дѣло. Этимъ онъ лучше всего почтитъ ея память. Онъ согласился со мною и сказалъ, что будетъ работать въ память о ней. Но онъ постоянно задумывается, я боюсь за него. Горе его слишкомъ велико.

— Я звала его съ нами, но онъ отказался на отрѣзъ,— отвѣчала сестра Пли.—Но я попробую еще разъ поговорить съ нимъ. Бѣдняжка все еще не можетъ оправиться отъ страшнаго удара, постигшаго его. Вѣдь онъ такъ любилъ ее!

— Онъ просто молился на нее,—сказалъ Леммеръ.—И онъ былъ правъ: она была славная, добрая женщина... Постарайтесь-же увезти его. Вѣдь на него тяжело смотрѣть!

Но Пли нельзя было убѣдить. Онъ и слышать не хотѣлъ объ отъѣздѣ и говорилъ, что его мѣсто въ Минвэлѣ. „Здѣсь находится тронъ сатаны, который надо ниспровергнуть!" — сказалъ онъ, и глаза его дико засверкали.

Похороны, послуживъ отвлеченіемъ для обитателей Минвэля, дали возможность полиціи безъ помѣхи проводить на поѣздъ пріѣзжихъ рабочихъ. Большинство населенія Минвэля находилось въ это время около церкви, гдѣ отпѣвали жену Пли, и поэтому отъѣздъ рабочихъ произошелъ безъ всякихъ инцидентовъ. Только кое гдѣ, въ группахъ Минвэльскихъ обитателей, попадавшихся на пути, раздавались гнѣвные возгласы по адресу отъѣзжавшихъ и свистки, но нападенія не было сдѣлано. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ рабочихъ рѣшили больше въ Минвэль не возвращаться.

Когда жители Минвэля проснулись въ воскресенье утромъ, то увидали, что все кругомъ засыпано снѣгомъ. При-

рода какъ будто постаралась скрыть слѣды разрушенія и бѣдствія, окутавъ все бѣлоснѣжною пеленой. Обгорѣлыя развалины домовъ и мрачныя фабричныя зданія съ высокими трубами, заваленныя снѣгомъ, казались даже живописными въ такомъ бѣломъ одѣяніи. Народъ толпился на улицѣ, предпочитая оставаться на свѣжемъ морозномъ воздухѣ, нежели въ нетопленныхъ и лишенныхъ теперь всякой мебели и украшеній комнатахъ своихъ опустѣлыхъ жилищъ. День прошелъ безъ всякихъ инцидентовъ. Правда, полицейскихъ забрасывали снѣжными комьями, но это ни вызывало никакого раздраженія. Главный полицейскій надзиратель сказалъ своимъ подчиненнымъ, что пока единственнымъ оружіемъ, употребляемымъ противъ нихъ, будутъ снѣжные комья, до тѣхъ поръ они могутъ не предпринимать никакихъ дѣйствій противъ толпы.

Въ силу обычая, существующаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, родственники и друзья умершей жены Пли должны были присутствовать въ церкви на первой воскресной службѣ послѣ ея похоронъ. Леммеры вмѣстѣ съ Пли, не желая уклоняться отъ исполненія этого обычая, также отправились въ приходскую церковь, во второй разъ въ своей жизни. Донниморъ долженъ былъ произнести проповѣдь, но онъ былъ не въ ударѣ; онъ чувствовалъ себя усталымъ и нравственно, и физически.

Мабель тоже находилась въ церкви. Ея глаза невольно наполнились слезами, когда она увидала блѣдное, утомленное лицо Доннимора, но въ то-же время сердце ея забилось отъ прилива горделиваго и радостнаго чувства. Вотъ онъ, ея возлюбленный,—герой, способный жертвовать всѣмъ, богатствомъ, счастьемъ и даже любовью, ради идеи высшей справедливости и долга! Она не слушала службы и думала о немъ, гордая сознаніемъ, что онъ любитъ ее. Въ душѣ ея созрѣвало твердое рѣшеніе сдѣлаться достойной его, доказать ему это своимъ самоотверженіемъ. Съ завтрашняго-же дня она всецѣло посвятитъ себя заботамъ о смягченіи окружающаго ея бѣдствія; она забудетъ о своихъ собственныхъ горестяхъ и печаляхъ, помогая другимъ, и будетъ также не щадить своихъ силъ въ этой работѣ, какъ не щадитъ ихъ Фрэнкъ. Ей казалось теперь, что она не жила раньше настоящимъ образомъ, и только стачка, со всѣми сопровождающими ее несчастіями и горемъ, пробудила въ ней человѣка. Какъ обрадовалась бы ея бѣдная мать, увидѣвъ это!

Вся охваченная горячимъ желаніемъ служить людямъ, Мабель подошла къ Пли и его друзьямъ, когда они, выйдя изъ церкви, направились къ свѣжей могилѣ.—Мистеръ Пли, сказала она, протягивая ему руку,—позвольте мнѣ выразить

вамъ мое глубокое сочувствіе въ вашей тяжелой утратѣ. Я сама недавно потеряла свою мать и поэтому понимаю ваше великое горе...

Пли съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, но ничего не сказалъ и, не взявъ протянутой Мабелью руки, чуть кивнулъ головой и прошелъ мимо.

— Будьте добры, миссъ, не обращайте на это вниманія,— замѣтила просительнымъ тономъ мистриссъ Леммеръ.—Бѣдняга совсѣмъ потерялъ голову, и мы очень за него боимся.

— Мнѣ глубоко жаль его,—отвѣтила Мабель.

— А намъ жаль васъ, миссъ, за эту послѣднюю недѣлю двѣ хорошія женщины были призваны Господомъ къ Своему Престолу: ваша мать и жена Пли.

У Мабель глаза наполнились слезами.

— О, какъ я вамъ благодарна, мистриссъ Леммеръ!—воскликнула она.—Моя мать была дѣйствительно добрая женщина. Я помню мистриссъ Пли, когда она служила на почтѣ. Какая это была хорошенькая дѣвушка! Я очень огорчена за ея друзей.

— Она была также хороша душой, какъ и наружностью,— сказалъ Леммеръ,—всегда добрая и привѣтливая. Не знаю, захотите-ли вы выслушать пожеланіе старика, но я отъ всего сердца говорю вамъ: да благословитъ васъ Господь и да будете вы похожи на свою мать.

— Благодарю васъ, мистеръ Леммеръ. Я надѣюсь, что буду похожа на мать...—Мабель съ интересомъ смотрѣла на двухъ стариковъ, о самопожертвованіи и героизмѣ которыхъ ей такъ много разсказывалъ Донниморъ. Невольно у нея явилась мысль, что эти люди выше ея въ нравственномъ отношеніи, а между тѣмъ, они вѣдь происходили изъ грязнаго Минвэля!

— Мистеръ Донниморъ тоже выказалъ себя такимъ человѣкомъ, какіе встрѣчаются не часто,—сказалъ вдругъ Леммеръ.—Впрочемъ, вы можете судить по его лицу, какую тяжелую борьбу онъ выноситъ и какой онъ отважный боецъ. Между нимъ и нѣкоторыми изъ насъ образовалась теперь такая прочная связь, которую можетъ нарушить только смерть. Я ежедневно молюсь за то, чтобы вы и онъ были счастливы.

— Какъ, вы молитесь за то, чтобы я .. я была счастлива? О, благодарю васъ, мистеръ Леммеръ, благодарю васъ,—вскричала изумленная Мабель.

— Мы вѣдь знаемъ, миссъ, что его счастье тѣсно связано съ вашимъ,—вмѣшалась мистриссъ Леммеръ.

— Вы не взыщите, если я скажу вамъ, что вамъ по-

везло въ жизни. Вы будете имѣть мужа, который снискалъ любовь всѣхъ своихъ ближнихъ, а это много значитъ и этого нельзя купить ни за какія деньги. Простите меня, старика, если я скажу вамъ: мы боремся съ вашимъ отцомъ, но я, съ своей стороны, не думаю, чтобы онъ дѣйствовалъ такъ изъ злой воли. Онъ просто не знаетъ и не видитъ того, что справедливо, или, вѣрнѣе: онъ не видитъ того, что мы всѣ и мистеръ Донниморъ съ нами, считаемъ справедливымъ но ради него самого и ради насъ я надѣюсь, что онъ скоро прозрѣетъ. Мы предпочли бы трудиться для него за справедливую плату, нежели бороться съ нимъ, и если вы передадите ему это, то будете миротворцемъ, и я ничего лучшаго не желаю вамъ, какъ это. Но вотъ идетъ мистеръ Донниморъ, и намъ тоже пора уходить.

Мабель съ порывомъ протянула ему руку и воскликнула:

— Благодарю отъ всего сердца, благодарю васъ обоихъ. Я надѣюсь, что въ Минвэлѣ скоро наступятъ лучшія времена. Я сдѣлаю все, что могу.

Донниморъ поздоровался съ Леммерами, остановившимися, чтобы сказать ему нѣсколько словъ, и затѣмъ подошелъ къ Мабель.

— Я разговаривала съ вашими друзьями, Фрэнкъ,— сказала ему Мабель, когда онъ взялъ ея руку. — Или вѣрнѣе: они говорили со мной и желали мнѣ счастья. Фрэнкъ! что я могу сдѣлать, чтобы положить конецъ этому бѣдствію? Вѣдь это была ужасная недѣля!

— Да, дорогая.

— Я снова говорила съ отцомъ, но единственнымъ результатомъ моего разговора съ нимъ было то, что онъ запретилъ мнѣ всякія сношенія съ тобой. Что я могу сдѣлать? Я готова на все, лишь бы кончить это. Ты себя убиваешь, мой дорогой. У тебя совсѣмъ больной видъ. Это замѣтили и Леммеры.

— Старикъ даже совѣтовалъ мнѣ пойти домой и лечь въ постель. Но я чуть не расхохотался ему въ лицо. Какъ разъ теперь время исполнять такіе совѣты! Не заботься обо мнѣ, милая. Я молодъ и силенъ. Послѣдніе три дня были особенно тяжелы для меня. Я боялся, что нужда заставитъ ихъ прибѣгнуть къ насилію. Вѣдь они были очень терпѣливы до сихъ поръ, и я надѣюсь теперь, что припадокъ безумія миновалъ. Но все же, моя любимая, я глубоко убѣжденъ, что большинство никогда не пойдетъ на уступки, если даже это будетъ грозить гибелью Минвэлю. Я заходилъ къ твоему отцу вчера, чтобы попросить его согласиться на третейское разбирательство. Это было-бы золотымъ мостомъ для

отступленія. Но онъ не только не принялъ меня, какъ тебѣ извѣстно, а даже вернулъ мнѣ мое письмо нераспечатаннымъ.

— Скажи, могу я что нибудь сдѣлать, Фрэнкъ? Я просто прихожу въ отчаяніе.

— Я и самъ не знаю, что можно тутъ сдѣлать, дорогая моя, развѣ только одно: ты согласишься передать отцу мою мысль сама отъ себя. Ты можешь внушить ему, что это лучшій путь къ улаженію конфликта и при томъ не имѣетъ вида уступки, а скорѣе носитъ характеръ великодушнаго поступка. Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы уговорить людей согласиться на третейскій судъ. Я уже говорилъ объ этомъ съ Леммеромъ и Бринтономъ; они отнеслись сочувственно къ моей мысли, и я увѣренъ, что мы можемъ повліять на другихъ.

— Я постараюсь. Но папа съ каждымъ днемъ становится все упрямѣе, въ особенности онъ сталъ такимъ, послѣ смерти мамы. Онъ написалъ жалобу на тебя епископу и сэру Джемсу Уэстэту.

— Да, ае пископъ написалъ мнѣ,—сказалъ, улыбаясь Донниморъ.—Я отвѣтилъ ему вчера и просилъ его, чтобы онъ предложилъ себя въ качествѣ посредника. Если только онъ захочетъ, то я убѣжденъ, что твой отецъ уступитъ.

— Прощай-же милый, дорогой Фрэнкъ, у меня всегда снова является въ душѣ надежда, послѣ того какъ я, поговорю съ тобой.

Донниморъ предложилъ Мабели проводить ее немного, но она, улыбаясь, отказалась и сказала ему, чтобы онъ послѣдовалъ совѣту Леммера. Она нисколько не боялась и пошла одна. Какіе-то мальчишки бросили въ нее нѣсколько снѣжныхъ комьевъ, когда она проходила мимо, но это было все, и никакимъ оскорбленіямъ она не подверглась по дорогѣ домой. Минвэль, очевидно, отдѣлилъ дочь отъ отца.

Мабель тотчасъ же по возвращеніи пошла къ отцу. Она нашла его въ библіотекѣ, гдѣ онъ сидѣлъ и читалъ новый томикъ только-что опубликованныхъ проповѣдей. Онъ былъ очень недоволенъ, когда она утромъ объявила ему, что пойдетъ въ Минвэльскую церковь, и теперь онъ даже не взглянулъ на нее, когда она вошла.

Она сразу приступила къ дѣлу.—Папа,—сказала она,—я говорила съ Фрэнкомъ.

— Ты такъ исполняешь мои желанія?—замѣтилъ онъ съ ледяною холодностью, не отнимая глазъ отъ книги.

Но Мабель рѣшила во что бы то ни стало выполнить свою миссію.

— Папа, теперь не время заниматься пустяками. Ты не

принялъ его и даже не прочелъ его письма, въ которомъ онъ просилъ тебя согласиться на третейскій судъ. Онъ увѣренъ, что всѣ съ радостью примутъ твое предложеніе прибѣгнуть къ третейскому суду, тѣмъ болѣе, что даже епископъ готовъ согласиться участвовать въ этомъ судѣ, если ты захочешь. Папа, ты долженъ согласиться! Вспомни только о томъ, что происходило въ Минвэлѣ въ эту недѣлю! Ради мамы, умоляю тебя, согласись на это. Ты долженъ довѣриться епископу: онъ не поступитъ несправедливо.

— Я не желаю разговаривать съ тобою объ этихъ вещахъ, — возразилъ онъ съ прежнею холодностью. — Я отказываюсь обсуждать какія бы то ни было предложенія Доннимора и прошу тебя не упоминать его имени въ моемъ присутствіи.

— Папа, вѣдь черезъ двѣ недѣли будетъ Рождество. Дай же намъ возможность встрѣтить его въ мирѣ!

Она подошла къ нему и положила руку на спинку его кресла.

— Прошу тебя оставить меня въ покоѣ. Ты видишь — я читаю,—сказалъ онъ съ сдержаннымъ гнѣвомъ.

Мабель тяжело вздохнула и вышла изъ комнаты, не говоря болѣе ни слова. Какъ только она ушла, Слэтеръ положилъ книгу и задумался. Онъ никогда не проститъ Доннимору, что онъ отнялъ у него дочь! Мабель всегда была почтительнымъ, ласковымъ ребенкомъ. Она чувствовала себя счастливой и никогда не интересовалась дѣлами, пока Донниморъ не сбилъ ее съ толку. Согласиться на третейскій судъ? Съ какой стати! Вѣдь къ Новому году у него будетъ сколько угодно рабочихъ рукъ, и его прежніе рабочіе получатъ такой урокъ, котораго они не забудутъ во всю свою жизнь! Выселенія были имъ пріостановлены на нѣсколько дней, но онъ снова возобновитъ ихъ, и къ концу недѣли всѣ его взбунтовавшіеся подданные будутъ изгнаны изъ своихъ жилищъ...

Какъ! Онъ создалъ Минвэль, онъ былъ его творцомъ, а теперь онъ не смѣетъ даже показаться въ своихъ владѣніяхъ безъ полицейскаго эскорта! Его жизнь въ опасности!.. Слэтеръ съ бѣшенствомъ повернулся въ креслѣ такъ, что оно затрещало. — Этому не бывать! Онъ долженъ выйти побѣдителемъ, чего бы это ни стоило ему и какъ бы долго ни продолжалась борьба! Онъ сказалъ это своимъ товарищамъ на биржѣ и сдѣлаетъ это. Онъ считалъ это своимъ священнымъ долгомъ по отношенію къ самому себѣ и тому сословію, къ которому принадлежалъ.

XXV.

Exurgat Deus.

Джозія Пли даже не прикоснулся къ скудному обѣду, поставленному передъ нимъ, а только выпилъ чашку жидкаго чая и тотчасъ же ушелъ. Онъ былъ преподавателемъ въ воскресной школѣ, но тутъ совершенно забылъ объ этомъ и отправился бродить въ одиночествѣ. Онъ перешелъ черезъ Минъ и направился черезъ поля по тропинкѣ, засыпанной снѣгомъ, къ холмамъ, находящимся къ сѣверу отъ Минвэля. Селеніе лежало внизу, окутанное снѣжнымъ покровомъ, придавшимъ ему болѣе привлекательный видъ, а вправо находились Дубки. Пли долго смотрѣлъ на нихъ, и лицо его становилось все мрачнѣе и мрачнѣе.

Наступила оттепель, но западный вѣтеръ по прежнему обдавалъ ледянымъ холодомъ. Однако Пли не замѣчалъ этого. Онъ продолжалъ взбираться на вершину холма, останавливаясь временами, чтобы посмотрѣть на селеніе, лежащее внизу. Глаза его наполнились слезами, когда онъ подумалъ о несчастьяхъ, обрушившихся на жителей Минвэля, но черезъ минуту онъ уже пылалъ гнѣвомъ и жаждою мщенія. Страданія Минвэля были велики, но онъ вѣрилъ, что скоро наступитъ избавленіе.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда онъ вернулся въ Минвэль. Мистриссъ Леммеръ оставила для него чашку жидкаго чая и поджидала его; но онъ отъ всего отказался и напился холодной воды. Онъ говорилъ, что его мучитъ жажда, — очень сильная жажда, и онъ никакъ не можетъ напиться.

Мистриссъ Леммеръ съ тревогою слѣдила за нимъ.

— Я боюсь, что онъ серьезно боленъ, — шепнула она мужу.—У него, навѣрное, лихорадка, иначе онъ бы не пилъ такъ много. Затѣмъ, обратившись къ Пли, она сказала ему повелительнымъ тономъ:—Ты не пойдешь сегодня въ часовню, дружокъ, такъ оставайся же здѣсь и присмотри за домомъ, пока мы сходимъ туда.. Но еще лучше было бы, если-бъ ты легъ теперь въ постель.

Пли кивнулъ головой, и старики ушли.

— Мнѣ очень не хотѣлось оставлять его одного, — сказала мистриссъ Леммеръ своему мужу, по дорогѣ въ часовню.—Я даже хотѣла сама остаться съ нимъ, но онъ, повидимому, предпочитаетъ одиночество. Однако, утромъ я справлюсь о немъ, если онъ не появится ко времени обѣда. Я не думаю, чтобы онъ могъ спать спокойно послѣднія двѣ-три недѣли.

— Бѣдняга! — замѣтилъ Леммеръ. — Но я надѣюсь, что онъ въ состояніи будетъ уснуть сегодня.

Пли просидѣлъ въ неосвѣщенномъ домѣ до тѣхъ поръ, пока не умолкъ церковный колоколъ, а затѣмъ надѣлъ шляпу и, захвативъ палку Леммера, вышелъ изъ дому и тотчасъ же свернулъ на широкую тропинку, покрытую тающимъ снѣгомъ. Онъ прошелъ мимо Брикноля и Слэтвета, спросившихъ его, куда онъ такъ спѣшитъ, но онъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія и ни слова имъ не отвѣтилъ. Онъ находился въ состояніи экзальтаціи и ничего не замѣчалъ кругомъ, думая только о своемъ неотложномъ дѣлѣ.

Около Дубковъ расхаживалъ взадъ и впередъ полицейскій. Онъ направилъ свѣтъ фонаря на Пли и спросилъ:

— Что вамъ надо?

Пли прищурилъ глаза отъ яркаго свѣта.

— Мнѣ надо говорить съ хозяиномъ, — сказалъ онъ полицейскому. — У меня неотложное дѣло. Меня послали къ нему съ очень спѣшнымъ порученіемъ.

Полицейскій посмотрѣлъ на Пли и узналъ въ немъ того самаго человѣка, жену котораго наканунѣ схоронили, поэтому онъ пропустилъ его, не говоря ни слова и не подозрѣвая ничего дурного.

Мабель не было дома; она была въ церкви, вмѣстѣ со слугами Дубковъ. Слэтеръ сидѣлъ въ библіотекѣ, курилъ сигару и читалъ религіозную газету. Онъ ни за что не сталъ бы читать по воскресеньямъ какую-нибудь свѣтскую книгу или газету и не позволялъ этого своимъ дѣтямъ. Мабель пришлось однажды, когда она была дѣвочкой, провести полдня въ постели, получая только хлѣбъ и воду, за то, что она осмѣлилась читать „Послѣдняго изъ Могиканъ“ въ воскресенье.

Пли позвонилъ у входныхъ дверей.—Мнѣ надо говорить съ хозяиномъ,—сказалъ онъ слугѣ, отворившему дверь.— Хозяинъ знаетъ меня. У меня неотложное дѣло. Скажите ему.

— Какъ ваше имя?

— Джозія Пли.

Онъ остался у дверей, пока слуга ходилъ докладывать о немъ.

— Пли?—сказалъ Слэтеръ.—Какое у него дѣло ко мнѣ.

— Онъ не говоритъ. Онъ сказалъ только, что это особенное дѣло.

Слэтеръ обрадовался. Онъ зналъ Пли, какъ одного изъ вождей диссидентовъ, и поэтому его приходъ счелъ признакомъ ослабленія сопротивленія. По всей вѣроятности, послѣ

того, какъ Доннморъ потерпѣлъ неудачу, рѣшено было отправить Пли, чтобы переговорить объ условіяхъ мира. Слэтеръ былъ очень доволенъ, что ему представлялся такимъ образомъ случай высказать одному изъ вождей движенія, что рабочихъ ожидаетъ полное пораженіе. Онъ самъ выскажетъ свои условія: немедленная сдача же или изгнаніе навсегда изъ Минвэля.

— Проводи его сюда, — сказалъ Слэтеръ слугѣ,—и Пли тотчасъ же былъ введенъ въ комнату. Слэтеръ даже не пригласилъ его садиться и только сказалъ:

— Ну что, Пли, я слышалъ, что ваша жена умерла. Мнѣ жаль васъ, потому что многіе не разсчитали своихъ силъ, начиная эту безумную борьбу... Но скажите теперь, что васъ привело сюда? Я думалъ, что вечерняя служба не можетъ обойтись безъ васъ, и вы должны находиться въ часовнѣ?

Слэтеръ съ насмѣшкой посмотрѣлъ на Пли. Къ несчастью, ослѣпленный самодовольствомъ, онъ совершенно не замѣчалъ душевнаго состоянія пришедшаго въ нему человѣка.

— Я пришелъ, хозяинъ,—проговорилъ Пли торжественнымъ тономъ, — чтобы сказать вамъ: Минвэль превратился въ мѣсто бѣдствія; женщины и дѣти молятъ о хлѣбѣ и ихъ голодные крики понеслись къ небесамъ. Долго ли, о Господи, долго ли?..

— Если вы пришли ко мнѣ въ такомъ настроеніи... — прервалъ его Слэтеръ, но Пли не обратилъ вниманія и продолжалъ:

— Вчера я похоронилъ мою жену—прекраснѣйшій цвѣтокъ, когда-либо расцвѣтшій въ Минвэлѣ! Передъ нею была цѣлая жизнь, долгіе счастливые годы, но она умерла — она была убита!. И вопли Минвэля несутся къ небесамъ, и я говорю: вотъ онъ, этотъ человѣкъ! Ты виновенъ передъ людьми и виновенъ передъ Богомъ... Я долженъ исполнить порученіе, которое касается тебя, поклонникъ Маммона!

Когда Слэтеръ понялъ, наконецъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, то было уже поздно. Онъ хотѣлъ вскочить съ кресла, чтобъ позвать на помощь, но Пли быстро замахнулся толстою дубовою палкой, которую держалъ въ рукахъ и ударилъ Слэтера по головѣ. Слэтеръ со стономъ повалился на кресло, Пли взглянулъ на него, на мгновеніе опустился на колѣни и затѣмъ спокойно вышелъ изъ дома, что-то бормоча себѣ подъ носъ. Проходя мимо полицейскаго, онъ весело пожелалъ ему покойной ночи.

Пли оставилъ двери въ библіотеку открытыми, и поэтому служанка, думая что Слэтеръ уже ушелъ, вошла туда, чтобы потушить огонь. Она страшно испугалась, увидѣвъ, что онъ почти свалился съ кресла и тотчасъ же по-

бѣжала за полицейскимъ, чтобы послать его за докторомъ.

Мабель находилась еще въ церкви и слушала проповѣдь, когда ее вызвали оттуда. Самъ докторъ, подававшій помощь ея отцу, сообщилъ ей о томъ, что случилось. Слэтеръ былъ еще живъ, но очень серьезно раненъ, и на выздоровленіе его было мало надежды.

— Попросите мистера Доннимора придти ко мнѣ тотчасъ же, какъ только кончится служба, — сказала Мабель, обращаясь къ доктору. Мысль о томъ, что Фрэнкъ будетъ находиться возлѣ нея, подкрѣпляла ее и придавала ей силы перенести тяжелое испытаніе.

Леммеръ съ женой вышли тотчасъ же по окончаніи службы, не дожидаясь проповѣди. Мистриссъ Леммеръ очень безпокоилась и сказала мужу:—Я не могу оставаться, я хочу знать, улегся ли спать Джозія? Если онъ еще не спитъ, то я напою его ромашкой съ молокомъ. Это успокаиваетъ. Я такъ боюсь, что онъ захвораетъ.

Не найдя его въ постели, она очень встревожилась.—У него лихорадка, но, несмотря на это, онъ все-таки ушелъ! воскликнула она.

Черезъ нѣсколько минутъ кто-то стукнулъ въ наружную дверь и затѣмъ быстро растворилъ ее. Это былъ Бринтонъ. Онъ безъ всякой церемоніи ввалился въ комнату, а за нимъ показались Брикноль и Ингамъ, которые остановились на порогѣ.

— Что случилось?—вскричалъ Леммеръ. Онъ вскочилъ на ноги, какъ только увидѣлъ пришедшихъ.

— Джозія здѣсь?—въ свою очередь спросилъ Бринтонъ.

— Нѣтъ. Мы оставили его дома, когда ушли на молитву,но онъ также ушелъ, Жена думала, что онъ ляжетъ спать.

— Ты значитъ не слыхалъ Мэтью?

— Нѣтъ. Мы только пришли домой минутъ десять тому назадъ, не болѣе. Что же случилось, говори!

— Не подумай, что я хочу осудить тебя Мэтью; этого нѣтъ у меня въ мысляхъ.—Бринтонъ старался говорить спокойно.—Но вѣдь ты видѣлъ, что бѣдняга почти рехнулся! И вотъ, когда вы отправились въ молельню, онъ пошелъ къ хозяину и чуть не убилъ его. Онъ ударилъ его по головѣ своею тяжелою палкой, когда тотъ сидѣлъ въ креслѣ. Сначала подумали, что хозяинъ уже умеръ, но онъ еще живъ... Но чортъ возьми!—Бринтонъ вдругъ разгорячился.—Если бъ не то, что тутъ замѣшанъ бѣдняга Илли... но я все таки радъ, чортъ возьми!—да я очень радъ! Полиція теперь разыскиваетъ его, но, старина, онъ не долженъ попасть къ ней въ лапы, и не попадетъ, если только я могу помѣшать

этому! Вѣдь они не примутъ во вниманіе того, что онъ сумашедшій, такъ какъ это касается хозяина... Но я все таки радъ, радъ! А его мы не отдадимъ полиціи! Я знаю, гдѣ его найти. Нѣтъ ли у тебя нѣсколько шиллинговъ, Мэтью? Ты знаешь, для себя я бы не спрашивалъ, и я ужъ позабочусь о томъ, чтобы тебѣ было уплачено.

— Что ты хочешь сказать, товарищъ?—спросилъ совершенно ошеломленный Леммеръ, направляясь къ буфету, гдѣ лежали у него деньги.

— Мы его увеземъ отсюда; его надо спасти во чтобы то ни стало.

Леммеръ вынулъ восемнадцать шиллинговъ серебромъ и положилъ ихъ въ руку Бринтона.—Это все, что у насъ осталось, товарищъ,—сказалъ онъ.

Бринтонъ задумчиво посмотрѣлъ на деньги и медленно проговорилъ:—Я знаю, это остатки денегъ, полученныхъ за органъ... я возьму ихъ, для него, если я найду его. Если нѣтъ, то я принесу ихъ назадъ.

Онъ еще разъ поглядѣлъ на Леммера, который показался ему особенно старымъ и разбитымъ въ эту минуту, затѣмъ онъ перевелъ глаза на его жену, сидѣвшую съ поникшею головой и послѣ нѣкотораго колебанія подошелъ къ Леммеру и положилъ руку на его плечо:—Иди молиться, Мэтью, сказалъ онъ.—Мы всѣ нуждаемся въ твоей молитвѣ сегодня ночью... прощай. Я думаю, ты не услышишь обо мнѣ раньше одной или двухъ недѣль...

Съ этими словами онъ вышелъ, Леммеръ и его жена нѣсколько минутъ сидѣли молча.—О мать, мать! Бѣдный, бѣдный парень...—проговорилъ наконецъ Леммеръ.

— Намъ остается только послѣдовать совѣту Джо,—отвѣчала его жена, съ трудомъ выговаривая слова.

Но въ этотъ самый моментъ раздался довольно рѣшительный стукъ въ дверь, и когда Леммеръ открылъ ее, то увидѣлъ передъ собою полицейскаго и сержанта.

— Извините за безпокойство,—сказалъ сержантъ.—Но мы ищемъ Джозія Пли. Онъ здѣсь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Леммеръ. — Мы оставили его дома, когда отправились на молитву, но когда вернулись, его уже не было, и съ тѣхъ поръ мы его больше уже не видали.

Сержантъ пытливо посмотрѣлъ на Леммера и спросилъ:

— Вы знаете, что случилось?

— Да...—проговорилъ, запинаясь, Леммеръ.—Мы только что услышали объ этомъ. Вы можете обыскать домъ, если хотите.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—возразилъ сержантъ.—Мнѣ довольно вашего слова.

Мистриссъ Леммеръ подошла къ сержанту и притронулась къ его рукѣ.—Бѣдняга совершенно обезумѣлъ,—сказала она.—Вѣдь вы знаете, онъ только вчера похоронилъ свою жену и совсѣмъ потерялъ голову. Онъ не сознаетъ своихъ поступковъ. Если вы отыщете его, то не обращайтесь съ нимъ дурно, прошу васъ.

— Будьте спокойны,—отвѣчалъ сержантъ съ чувствомъ.— Судя по тому, что я слышалъ, онъ, должно быть, сумасшедшій. Ну вотъ, съ нимъ и будетъ поступлено, какъ съ сумашедшимъ.

— Вы не знаете, въ какомъ положеніи мистеръ Слэтеръ?—спросилъ Леммеръ.

— Врядъ ли переживетъ ночь, какъ я слышалъ. Ну, прощайте и не очень волнуйтесь,—сказалъ сержантъ, уходя.

Между тѣмъ Бринтонъ, со своими двумя товарищами, отправились искать преступника. Бринтонъ узналъ о томъ, что произошло, отъ Слэтвета, который разсказалъ ему и о своей встрѣчѣ съ Пли. Онъ наткнулся на него въ темнотѣ, когда возвращался домой вмѣстѣ съ братомъ, но Пли не отвѣтилъ на его привѣтствіе, а только махнулъ рукой. Должно быть, онъ только что совершилъ свое преступленіе.

— Онъ шелъ, значитъ, туда, по направленію къ холмамъ?—спросилъ Бринтонъ.

— Да. Онъ уже тамъ былъ сегодня послѣ обѣда. Бобъ Дэнъ встрѣтилъ его, когда онъ возвращался оттуда.

На основаніи этихъ свѣдѣній Бринтонъ повелъ своихъ товарищей на вершину холма. Уже совсѣмъ стемнѣло и только по временамъ тяжелыя тучи, заволакивавшія небо. разрывались и пропускали слабый свѣтъ луны, освѣщавшій тропинку. Вдругъ Ингамъ схватилъ за руку Бринтона и остановилъ его: „Тс!“ сказалъ онъ.

— Да, это похоже на него,—замѣтилъ Бринтонъ.—Онъ что-то напѣваетъ.

— Подожди минутку... Онъ поетъ псаломъ.

Ингамъ, хорошо знакомый съ текстомъ, повторилъ слова псалма и затѣмъ прибавилъ:

— Слушай, голубчикъ, да вѣдь онъ совсѣмъ съумасшедшій.

— Да, я думаю. Иначе онъ не могъ-бы сдѣлать это,—возразилъ Бринтонъ.—Вѣдь онъ и пальцемъ не могъ никого тронуть никогда!

Когда они вышли на дорогу, идущую вдоль вершины холма, то увидали Пли. Онъ стоялъ, съ распростертыми руками, облокотившись на низкую каменную стѣну у края дороги и пѣлъ уже новый псаломъ.

— Эй, Джозія!—крикнулъ Бринтонъ. — Что ты тутъ дѣлаешь?

Пли посмотрѣлъ на нихъ, улыбаясь, и затѣмъ вскричалъ простирая руки по направленію къ Минвэлю:

— Смотри, я принесъ избавленіе Израилю!

Бринтонъ оттащилъ его отъ стѣны, на которую онъ опирался и сказалъ:—Пойдемъ съ нами товарищъ.

— Куда же мы пойдемъ, другъ, и зачѣмъ? Вѣдь здѣсь мы можемъ найти радость и счастье,—возразилъ Пли.

— Мы пойдемъ туда, гдѣ также найдется для тебя радость, товарищъ.—Бринтонъ взялъ Пли за руку и кивнулъ Брикнолю, чтобы и онъ сдѣлалъ то же самое.

Пли спокойно далъ себя увести. Дорогой онъ распѣвалъ псалмы, но затѣмъ умолкъ и постепенно сталъ идти все медленнѣе, какъ будто съ трудомъ передвигая ноги.

Мѣстность становилась все уединеннѣе и пустыннѣе, по мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, къ мрачнымъ вершинамъ Кондера. Бринтонъ хотѣлъ припрятать Пли на первое время въ этой пустынной мѣстности, пока розыски полиціи не ослабѣютъ, а затѣмъ переправить въ Америку. Онъ не зналъ, какъ это удастся устроить съ тѣми деньгами, которыя находились у него въ распоряженіи, но рѣшилъ сдѣлать все, что можно, чтобы вырвать его изъ когтей закона. Его твердая воля подчинила себѣ Брикноля и Ингама, которые должны были помогать ему въ его смѣломъ предпріятіи.

Когда Бринтонъ пришелъ къ Брикнолю, чтобы позвать его съ собой, то Брикноль сказалъ:

— Ничего изъ этого не выйдетъ. Рано или поздно они все таки захватятъ его.

— Да будутъ они прокляты, всѣ!—вскричалъ Бринтонъ.— А я все таки попробую. Неужто вы хотите, чтобы этотъ парень попалъ на висѣлицу, изъ за стараго дьявола?

— Нѣтъ, конечно, я не хочу! - воскликнулъ Брикноль.— Бѣдняга! Они никогда не повѣсятъ его, такъ какъ онъ полусумашедшій.

— Какъ бы не такъ. Вѣдь Сэмъ-то хозяинъ!.. Вѣдь бѣдняга Джозія помогъ намъ: стачка будетъ кончена, если умретъ хозяинъ.

— Хорошо, я пойду съ тобой, Джо. Но мнѣ надо только предупредить свою старуху, и тогда я буду къ твоимъ услугамъ.

— Ладно! Только не говори ей, куда мы отправляемся. Если же она спроситъ, то скажи ей, что въ Лондонъ. Я ничего не говорилъ своей женѣ, а то она стала бы безпокоиться.

Ингамъ также думалъ, что затѣя Бринтона безполезна, но все таки отправился съ ними, при чемъ, со свойственною ему предусмотрительностью, онъ захватилъ старый плащъ для Пли.

Скоро силы совсѣмъ оставили Пли, такъ что онъ едва передвигалъ ноги, и товарищи, чуть не на рукахъ, втащили его на крыльцо уединеннаго постоялаго двора, къ которому они подошли вскорѣ послѣ двѣнадцати часовъ ночи. Бринтонъ и Брикноль были знакомы съ хозяиномъ этого постоялаго двора, Джемсономъ. Они вызвали его и попросили, чтобы онъ далъ имъ чего нибудь поѣсть. Жена Джемсона, любопытство которой было возбуждено приходомъ четверыхъ мужчинъ въ такой поздній часъ, поскорѣе одѣлась и сошла внизъ. Она приготовила для нихъ ужинъ, состоявшій изъ хлѣба, сыра и эля, но Бринтонъ еще попросилъ горячей воды и виски.

— Что съ нимъ такое?—спросилъ Джемсонъ, указывая взглядомъ на Пли, который сидѣлъ неподвижно на стулѣ, съ закрытыми глазами.

— Онъ плохо себя чувствуетъ,—отвѣчалъ Бринтонъ.

Оба, и мужъ, и жена, сгорали любопытствомъ, и Джемсонъ, наконецъ, не выдержавъ, спросилъ напрямикъ, какъ это они очутились такъ далеко отъ своего дома, ночью?

— Слушайте, можно на васъ положиться?—спросилъ Бринтонъ.—Могу я быть увѣреннымъ, что вы умѣете держать языкъ за зубами и не станете отвѣчать, кто бы васъ ни спрашивалъ?

— О, да!—отвѣчалъ Джемсонъ, и его жена поддержала его.

Бринтонъ всталъ и сдѣлалъ знакъ Джемсону, который послѣдовалъ за нимъ въ корридоръ. Тамъ онъ сказалъ Джемсону, понизивъ голосъ:—Дѣло въ томъ, что если у васъ нѣтъ совѣсти, то вы можете послать ближняго на висѣлицу.

— Изъ за насъ никто не попадетъ на висѣлицу,—возразилъ Джемсонъ.—Мы слышали, что произошло въ Минвэлѣ, и желаемъ вамъ удачи.

— Если-бы вы позволили намъ переночевать у васъ въ конюшнѣ, то мы могли бы рано утромъ отправиться дальше; положите намъ поблизости немного съѣстныхъ припасовъ, чтобы мы могли захватить ихъ съ собою ночью, а деньги вы можете получить сейчасъ же.

— Это мы оставимъ,—возразилъ Джемсонъ.—Я полагаю, немного найдется людей, которые пожалѣютъ о старомъ Слэтерѣ!

— Конечно, нѣтъ .Но намъ нужно прежде всего позабо-

титься объ этомъ парнѣ,—сказалъ Бринтонъ съ удареніемъ.— Онъ методистъ и при томъ чистѣйшей воды, однако, смерть жены такъ на него подѣйствовала, что у него помутился разсудокъ. Но развѣ они станутъ обращать вниманіе на то, что голова у этого бѣднаго малаго не въ порядкѣ, когда тутъ дѣло идетъ объ убійствѣ хозяина? Онъ всѣмъ надѣлалъ хлопотъ теперь, а я не знаю, какъ мы вывернемся. Нельзя же бросить его на произволъ судьбы! Онъ совсѣмъ былъ не такой, когда былъ въ здравомъ умѣ, и я не разъ выводилъ его изъ себя, когда говорилъ о религіи... Однако, надо подумать объ отдыхѣ. Дайте-ка намъ четыре стакана горячаго виски. Я хочу напоить бѣднягу, если удастся. Вѣдь онъ еще ни разу въ жизни даже не попробовалъ ни одного спиртнаго напитка. Если вы ничего не имѣете противъ, то мы возьмемъ у васъ немного соломы, а то ночью навѣрное будетъ холодно.

Къ великому удовольствію Бринтона, Пли выпилъ стаканъ горячаго виски безъ всякаго протеста, и затѣмъ они всѣ четверо отправились спать въ конюшню. Пли немедленно заснулъ, какъ только легъ на разостланную для него солому

— Нѣтъ лучшаго снотворнаго средства, какъ горячій спиртъ, для человѣка, никогда не употреблявшаго спиртныхъ напитковъ,—наставительно замѣтилъ Бринтонъ, бросая довольный взглядъ, на спящаго крѣпкимъ сномъ Пли.

Въ пять часовъ утра всѣ трое были на ногахъ, но имъ стоило немалаго труда поднять Пли, у котораго повидимому была лихорадка, такъ какъ онъ бредилъ и едва могъ держаться на ногахъ отъ слабости. Товарищамъ пришлось почти тащить его на рукахъ на гору, куда лежалъ ихъ путь. Тамъ, въ совершенно пустынно-дикой мѣстности, гдѣ только паслись горныя козы, стоялъ сарай, сложенный изъ неотесанныхъ камней, съ торфяной крышей. Этотъ-то сарай они и избрали своимъ временнымъ убѣжищемъ, но они сознавали въ глубинѣ души все безуміе своей затѣи, и даже Бринтонъ, при всемъ желаніи, не видѣлъ въ ней ничего иного, кромѣ отчаянной попытки спасти товарища отъ угрожающаго ему наказанія.

XXIV.

Паденіе съ высоты.

Донниморъ тотчасъ же поспѣшилъ въ Дубки, какъ только узналъ о случившемся. Онъ думалъ о Мабель и о новомъ горѣ, которое на нее обрушилось, но въ тоже время въ глубинѣ души у него шевелилась мысль, что въ случаѣ смерти

ея отца тяжелыя тучи, повисшія надъ Минвэлемъ, разсѣются. Впрочемъ, онъ старательно отгонялъ эти мысли и ему было стыдно, что онъ не испытываетъ горя.

Мабель была очень блѣдна и взволнована; однако, она уже вполнѣ овладѣла собой и всѣмъ распоряжалась съ кажущимся спокойствіемъ. Донниморъ взялъ ее за руку и нѣжно поцѣловалъ, но не пытался выражать ей словами свое сочувствіе; онъ только спросилъ:—Въ какомъ онъ состояніи, дорогая?".

— Онъ еще живъ,—отвѣчала Мабель.—Докторъ Тределль не совѣтовалъ переносить его наверхъ, и потому мы поставили для него кровать въ библіотекѣ. Я послала въ Манчестеръ за сидѣлками и думаю, что онѣ пріѣдутъ сегодня ночью. Ночной поѣздъ останавливается только въ Оттерепулѣ, я пошлю туда за ними экипажъ. Но Фрэнкъ... тотъ бѣдный малый, вѣдь онъ навѣрное сумасшедшій?

— Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, дорогая. Онъ давно уже тревожилъ насъ своими странностями, а смерть жены была, повидимому, послѣднимъ ударомъ, окончательно пошатнувшимъ его разсудокъ.

— Ты знаешь, вѣдь какъ разъ сегодня утромъ, я заговорила съ нимъ на кладбищѣ, но онъ не обратилъ на меня ни малѣйшаго вниманія. О Фрэнкъ, мнѣ жалко его и его товарищей! Вѣдь если папа... Я полагаю, что его будутъ судить за это?

— Конечно. Но ты понапрасну не волнуйся. На судѣ, конечно, обнаружится его психическое состояніе, и его отправятъ въ больницу для душевно больныхъ. Если онъ когда нибудь и выздоровѣетъ, то вѣроятно не будетъ помнить о томъ, что онъ сдѣлалъ. Ну а ты, моя дорогая, могу я тебѣ чѣмъ нибудь помочь?

— Нѣтъ, Фрэнкъ, мнѣ помогать не въ чемъ. Я дѣлаю, что могу, хотя, разумѣется, я не очень опытна въ дѣлѣ ухаживанія за больными. Бѣдный папа! у него еще продолжается безсознательное состояніе, поэтому я и не приглашаю тебя къ нему. А теперь ты уходи. Не бойся за меня. Я знаю, что ты около меня, и твое присутствіе придаетъ мнѣ мужество.

Онъ съ чувствомъ посмотрѣлъ на нее и сказалъ:—Я приду завтра рано утромъ справиться, но если я тебѣ понадоблюсь раньше, то пошли за мной.

Хотя было уже поздно, но Донниморъ рѣшилъ все таки посѣтить Леммеровъ. Огонь у нихъ еще не былъ потушенъ, и они сидѣли у окна,— „на случай, если бы бѣдняга Пли вернулся обратно",—проговорила мистриссъ Леммеръ дрогнувшимъ голосомъ.

— Я только что изъ Дубковъ,—сказалъ имъ Донниморъ:— Слэтеръ еще живъ, но онъ лежитъ безъ сознанія, и я боюсь, что онъ раненъ серьезно. Мы всѣ знаемъ, въ какомъ состояніи находился Пли, когда совершилъ этотъ поступокъ, и миссъ Слэтеръ, несмотря на свое горе, жалѣетъ его. Вы не знаете, гдѣ онъ находится?

— Нѣтъ. Мы тутъ сидѣли и дожидались, думая, что онъ можетъ вернуться. Джо Бринтонъ, вмѣстѣ съ Томомъ Брикнолемъ и Биллемъ Ингамомъ приходили сюда. Бринтонъ говорилъ, что онъ постарается его отыскать. Онъ хочетъ укрыть его такъ, чтобы онъ не попался въ руки полиціи, Если бъ даже я сказалъ ему, что онъ напрасно такъ дѣлаетъ, онъ все равно меня бы не послушалъ. Вѣдь если онъ вобьетъ себѣ что нибудь въ голову, то ужъ во что бы то ни стало поставитъ на своемъ! Онъ сказалъ, что, пожалуй, раньше одной или двухъ недѣль, мы ничего о немъ не услышимъ.

— Какъ это похоже на него!—воскликнулъ, улыбаясь, Донниморъ.—Вы знаете, мистеръ Леммеръ, вѣдь я люблю Бринтона.

— Ахъ, сэръ, я весь этотъ годъ молился о его обращеніи, но долженъ сознаться, что предпочитаю его многимъ профессіональнымъ христіанамъ. Однако, я все же думаю, что онъ поступилъ неправильно, уведя отсюда Пли, и я очень тревожусь.

— Будемъ надѣяться и молиться,—замѣтилъ Донниморъ.— Я приду къ вамъ утромъ.

Леммеры легли спать только въ полночь, рѣшивъ, что Пли больше не вернется. Но старикъ не могъ уснуть и какъ только онъ убѣдился, что жена его спитъ, онъ тихо вышелъ и сошелъ внизъ. Онъ чувствовалъ потребность излить въ молитвѣ тяжесть, обременяющую его душу. Проснувшись рано утромъ, и увидѣвъ, что мужа нѣтъ въ комнатѣ, мистриссъ Леммеръ тотчасъ же поняла, что онъ ушелъ молиться и пошла за нимъ.

— Пойдемъ, отецъ, сказала она ему.—Ты долженъ лечь въ постель, не то ты заболѣешь. Помни, что Господь бодрствуетъ и спи спокойно.

— Да, мать!—отвѣчалъ Леммеръ, растроганный ея заботливостью и послушно, какъ ребенокъ, далъ увести себя.

На улицахъ Минвэля стало совершенно спокойно. Погода также измѣнилась къ лучшему, небо прояснилось и выглянуло солнце, скрывавшееся почти цѣлую недѣлю. Присмирѣвшіе рабочіе собирались группами и обсуждали случившееся, ожидая съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ вѣстей изъ Дубковъ. Въ теченіе дня нѣсколько разъ распространялся

слухъ о смерти Слэтера, но командированные въ Дубки люди не подтвердили этого. Жители Минвэля знали по крайней мѣрѣ одно, что пока еще нельзя обвинить Пли въ убійствѣ. Изъ Манчестера пріѣхали двѣ сидѣлки и докторъ специалистъ, но день прошелъ безъ всякихъ перемѣнъ въ состояніи больного. Было извѣстно также, что полиція разыскиваетъ Пли, и даже распространился слухъ, будто онъ арестованъ. Но слухъ этотъ также не подтвердился. Впрочемъ, нѣкоторымъ лицамъ было извѣстно, что Бринтонъ увелъ его съ собою куда то, и мало по малу, несмотря на то, что всѣ передавали это другъ другу лишь подъ большимъ секретомъ, слухъ объ этомъ дошелъ до ушей полиціи.

Прошло три дня, но Пли все еще не былъ найденъ. Слэтеръ былъ еще живъ, но состояніе его не измѣнилось къ лучшему. Только на четвертый день, вечеромъ, сдѣлалось извѣстно, что изъ Манчестера пріѣзжали два специалиста, которые, осмотрѣвъ раненаго, пришли къ печальному выводу. По ихъ словамъ, Слэтеръ не долженъ былъ умереть отъ полученнаго удара, но этотъ ударъ такъ повредилъ его мозгъ, что его умственныя способности должны были сильно пострадать.—„Физически онъ будетъ жить, сказалъ докторъ, но его умственныя способности уже не вернутся къ нему никогда". Хотя онъ и пришелъ въ себя дня два тому назадъ, но могъ только лепетать какъ маленькій ребенокъ, или же какъ старикъ, окончательно впавшій въ дѣтство.

Доннимөръ долженъ былъ сообщить Мабели печальный приговоръ врачей. Въ первый разъ въ теченіе этой недѣли самообладаніе оставило ее и она залилась горькими слезами:

— „О какъ это ужасно!—воскликнула она.—Бѣдный папа! Жить и никогда уже не быть человѣкомъ! Жестокая, жестокая судьба! Мнѣ кажется, еслибы онъ умеръ, то это не было-бы такъ ужасно!..

— Да, но его смерть явилась бы причиною другой смерти, дорогая моя,—замѣтилъ Доннимөръ.

— Чьей?.. Ты думаешь о Пли?.. Неужели это можетъ быть? Во всякомъ случаѣ, они же не могутъ осудить сумасшедшаго?

— Я думаю, что нѣтъ. Но что, если это былъ у него припадокъ лишь временнаго безумія?...

XXVII.

Поворотъ.

Принявъ порошокъ, прописанный ей докторомъ Тределлемъ, Мабель проспала всю ночь и утромъ встала болѣе свѣжей и бодрой, чѣмъ была наканунѣ. Донниморъ пришелъ къ завтраку и сказалъ ей:

— „Я вижу, дорогая моя, что теперь можно говорить съ тобою о дѣлахъ. Я телеграфировалъ твоему брату, чтобы онъ, если возможно, пріѣхалъ сюда, но до его пріѣзда ты являешься представительницей твоего отца. Я не знаю, каковы взгляды твоего брата, но въ данный моментъ ты здѣсь госпожа, и все отъ тебя зависитъ. Такъ вотъ, голубушка, отчего бы не покончить сразу со стачкой и со всѣми ея ужасами?

— Покончить со стачкой Фрэнкъ?—повторила она, смотря на него съ изумленіемъ.—Что же я могу сдѣлать?

— Милая моя, вѣдь ты одна теперь владѣтельница здѣсь и можешь распорядиться судьбою Минвэля. Отецъ твой уже не въ состояніи заниматься дѣлами, и если доктора не ошибаются, то онъ никогда и не будетъ въ состояніи заниматься ими. Слѣдовательно, пока не пріѣхалъ твой братъ, ты здѣсь полная хозяйка. Отчего бы тебѣ не переговорить съ лидерами рабочихъ и не условиться съ ними относительно возобновленія работъ? Я ручаюсь тебѣ, что они не выставятъ неразумныхъ требованій. Знаешь ли, вѣдь это не мечта, а у насъ дѣйствительно могъ бы наступить миръ къ Рождеству!

— О Фрэнкъ!—воскликнула Мабель, густо покраснѣвъ.—Мнѣ никогда и въ голову не приходило, что все ляжетъ на меня. Какая тяжелая отвѣтственность!

— Помнишь, милая, недѣлю тому назадъ ты меня спрашивала, что мы можемъ сдѣлать, чтобы прекратить бѣдствія Минвэля,—продолжалъ онъ ласково.—Но тогда никто не думалъ, что вся отвѣтственность такъ скоро ляжетъ на тебя. Теперь это случилось. Какъ ни печальны обстоятельства, вызвавшія такую перемѣну, но съ нею все же надо считаться.

— Бѣдный папа!—воскликнула Мабель, и глаза ея наполнились слезами.—Я сознаю свой долгъ, но теперь, когда папа лежитъ такой безпомощный и безсильный, то мнѣ это представляется какъ-бы измѣной противъ него!

Донниморъ ничего не отвѣтилъ. Онъ понималъ ея чувства и горячо симпатизировалъ ей.

— Фрэнкъ,—сказала она послѣ минутнаго молчанія,—я пойду теперь къ отцу. Пожалуй ты сочтешь это глупостью съ моей стороны, но я все же хочу сообщить ему о томъ, какъ я намѣрена поступить, хотя я и знаю, что онъ ничего не понимаетъ.

Донниморъ сочувственно кивнулъ головой и спросилъ:

— Ты, значитъ, рѣшила уже, дорогая?

— Неужели ты думалъ, что я могу допустить, чтобы эти бѣдствія продолжались? Подожди меня здѣсь, прошу тебя.

Мабель попросила сидѣлку выйти на нѣсколько минутъ и осталась одна съ отцомъ. Слэтеръ уже былъ перенесенъ на верхъ и лежалъ на постели, обложенный подушками. Онъ былъ очень блѣденъ, но глаза у него блестѣли, хотя взглядъ ихъ былъ лишенъ всякаго выраженія, и они безпокойно блуждали по комнатѣ.

Наканунѣ онъ смѣялся и пѣлъ, точно ребенокъ, безъ всякаго смысла, а теперь смотрѣлъ блуждающимъ взоромъ и очевидно былъ въ дурномъ настроеніи.

— Папа,—обратилась къ нему Мабель, беря его за руку.— Ты меня узнаешь?

Онъ отвѣтилъ раздраженнымъ тономъ:

—Ну да, это Молли Гарденъ. Молли съ рыжими волосами. Куда ушелъ Джорджъ?

— Нѣтъ папа, это не Молли. Это я, твоя дочь, Мабель. Развѣ ты меня не знаешь?

— Знаю,—отвѣчалъ онъ, все тѣмъ же брюзжащимъ голосомъ.

— Папа, я хочу согласиться на разумныя требованія твоихъ рабочихъ, тамъ, на фабрикѣ, понимаешь?

— Проклятіе! Дай мнѣ чего нибудь поѣсть,—крикнулъ онъ сердито.—Зачѣмъ ты меня держишь здѣсь?

Мабель дала ему бисквитъ, и онъ тотчасъ же успокоился. Она позвонила сидѣлку и со вздохомъ вышла изъ комнаты.

— Онъ ничего не понимаетъ, Фрэнкъ,—сказала она.— Какъ грустно видѣть его въ такомъ безпомощномъ состояніи.

Она склонила голову на столъ и, закрывъ лицо руками, заплакала. Донниморъ подошелъ къ ней и ласково погладилъ ее по волосамъ.

— Тяжелое бремя обрушилось на тебя, моя любимая,— сказалъ онъ,—но я радъ, что плечи твои окрѣпли и ты можешь снести его.

— Этимъ я обязана тебѣ и мамѣ. — Она грустно улыбнулась при этихъ словахъ. — Вы многое раскрыли мнѣ. Я

была въ страшномъ горѣ, когда мама умерла, но теперь я радуюсь, что она была избавлена отъ всего этого.

— Да, ея кроткое сердце, пожалуй, не выдержало бы событій послѣдней недѣли. Ну, какъ же ты рѣшила съ стачкой?

— Конечно, я хочу, чтобы это ужасное время миновало какъ можно скорѣе.

— Какъ я счастливъ, дорогая!.. Я радуюсь и горжусь тѣмъ, что это ты принесешь Минвэлю миръ и успокоеніе Лучше всего, если бы ты сегодня же вечеромъ переговорила со стачечнымъ комитетомъ.

— Какъ хочешь, Фрэнкъ.

— Ты желаешь, чтобы они пришли сюда?

— Нѣ-ѣтъ... Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы это было здѣсь; нельзя ли, чтобы наше свиданіе состоялось у тебя?

— Хорошо. Я тотчасъ же переговорю съ комитетомъ, то есть съ тѣми, кто еще остался здѣсь. Назначимъ три часа.

— Все равно. Я приду. Скажи мнѣ, Фрэнкъ, какъ ты думаешь: полиція подозрѣваетъ, гдѣ находится Пли со своими товарищами?

— Я не знаю.

— Фрэнкъ, если ты не увѣренъ, что его признаютъ сумасшедшимъ, то я бы желала, чтобы они увезли его отсюда въ безопасное мѣсто. Если весь вопросъ только въ деньгахъ, то ты бы могъ...

— Такая великодушная мысль дѣлаетъ честь твоему доброму сердцу, моя милая. Но не думаю, чтобы это было благоразумно. Во всякомъ случаѣ, мы увидимся въ три часа?

Онъ нѣжно обнялъ ее и прижалъ къ груди.

— О Фрэнкъ, не могу выразить, какъ я счастлива, что ты со мной!—сказала она.—Мнѣ кажется, я не могла бы перенести все это безъ тебя.

Донниморъ улыбнулся въ отвѣтъ. „Мужайся, моя любимая. Вотъ увидишь, настанутъ лучшія времена, и мы съ тобой сдѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ, чтобы превратить Минвэль въ счастливѣйшее мѣсто на свѣтѣ“.

Ему очень хотѣлось, чтобы Мабель сама принесла добрую вѣсть, поэтому онъ не пошелъ къ оставшимся членамъ комитета, боясь проговориться, а отправилъ къ нимъ посланнаго съ приглашеніемъ явиться къ нему въ три часа для переговоровъ о важномъ дѣлѣ. Онъ ни сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на то, какое это можетъ быть дѣло, и потому Леммеръ, Бутройдъ и Слэтветъ были нѣсколько изумлены, увидѣвъ миссъ Слэтеръ. Она поздоровалась съ ними

и всѣмъ имъ подала руку, къ великому смущенію Слэтвэта.

— Мнѣ очень хотѣлось выразить вамъ свое соболѣзнованіе по поводу постигшаго васъ горя и того, какъ это произошло,—сказалъ Леммеръ ,обращаясь къ Мабели.—Въ какомъ положеніи хозяинъ сегодня?

— Все въ томъ же, мистеръ Леммеръ. Физически онъ поправляется, но мы боимся, что его умственныя способности никогда не возстановятся.

На лицѣ Леммера выразилась глубокая скорбь.

— Мы слышали объ этомъ,—сказалъ онъ глубоко прочувствованнымъ тономъ, — но все же надѣялись, что это не такъ. Повѣрьте, миссъ, мы всѣ жалѣемъ васъ. Но все же не думайте такъ дурно о бѣдномъ маломъ, который совершилъ это. Вѣдь онъ былъ не въ своемъ разсудкѣ, миссъ, въ это время! Я знаю его съ дѣтства и знаю, что онъ не былъ бы способенъ на такое дѣло,если бы былъ въ здравомъ умѣ. Когда онъ придетъ въ себя, то очень огорчится, узнавъ что причинилъ вамъ такое страшное горе.

— Я не думаю о немъ дурно, мистеръ Леммеръ. Я знаю, по какой причинѣ у него помутился разсудокъ и что ему пришлось пережить.

— Какъ я счастливъ слышать это отъ васъ!—воскликнулъ радостно Леммеръ.—Этотъ парень былъ очень близокъ нашему сердцу. Я надѣюсь, и постоянно молюсь о томъ, чтобы хозяинъ выздоровѣлъ.

— Миссъ Слэтеръ желаетъ переговорить съ вами о дѣлахъ,—сказалъ Донниморъ.—Вы знаете, что мистеръ Слэтеръ не въ состояніи больше заниматься ими, и эта обязанность теперь лежитъ на ней.

— Вотъ что!—протянулъ Бутройдъ и сурово посмотрѣлъ на Мабель.

— Скажите мнѣ ваши требованія, мистеръ Леммеръ: что могло бы удовлетворить рабочихъ?—спросила Мабель.

— Видите ли, миссъ, мы спрашивали у хозяина повышенія платы на кругъ на десять процентовъ. Онъ обязанъ былъ это сдѣлать, когда производство начало повышаться, такъ какъ обѣщалъ намъ это раньше,—съ трудомъ проговорилъ Леммеръ. Отъ волненія онъ едва могъ говорить. Но Мабель, спокойно отвѣтила:

— А теперь вы бы приняли эти условія?

— Да; я думаю, всѣ были бы рады, если бъ это можно было сдѣлать. Но развѣ вы не знаете, миссъ, что многіе изъ рабочихъ были изгнаны изъ своихъ жилищъ?

Мабель взглянула на Доннимора, какъ бы ища у него поддержки, и сказала:

— Если вы согласны на десять процентовъ, то вы можете тотчасъ же вернуться въ свои дома. Завтра же будутъ разсчитаны и отправлены назадъ пріѣзжіе рабочіе. Когда желаете вы возобновить работу?

Никто не отвѣчалъ ей. Всѣ были настолько ошеломлены, что сразу не могли сообразить.

— Мистеръ Донниморъ сдѣлаетъ, вмѣсто меня, всѣ нужныя распоряженія. Я поручаю ему это,—продолжала Мабель.—Я знаю, что нѣкоторые дома нуждаются въ исправленіи, но пока это можно оставить. Можете вы начать работу въ понедѣльникъ?

По щекамъ стараго Леммера потекли слезы.

— Ахъ, миссъ Слэтеръ!—сказалъ онъ, задыхаясь.—Мое сердце такъ переполнено, что я не могу говорить... Мнѣ кажется, я сплю... Я готовъ пѣть и смѣяться и могу только сказать отъ всего сердца: да благословитъ васъ Богъ!

— Я надѣюсь, что бѣдствія Минвэля будутъ кончены. Но прошу васъ объ одномъ: постарайтесь не думать очень дурно о моемъ отцѣ,—сказала Мабель.

Ея глаза были влажны, когда она это говорила.

— О, миссъ, развѣ мы можемъ питать злобу, когда онъ лежитъ такъ, безъ движенія!—вскричалъ Леммеръ.—Мы боролись съ нимъ, но это было одинаково тяжело какъ для насъ, такъ и для него... Какую новость мы сообщимъ Минвэлю сегодня! Какая будетъ радость! На вашу голову посыплются благословенія въ эту ночь, а вѣдь это куда лучше проклятій! Я бы хотѣлъ взять васъ съ собой, чтобы вы сами сообщили это минвэльцамъ.

— Сегодня я не могу, мистеръ Леммеръ.

— Ну, что дѣлать! Еще разъ: будьте благословенны.

Мабель и Доннимор крѣпко пожали руки делегатамъ, которые тотчасъ же ушли.—Я сейчасъ присоединюсь къ вамъ, какъ только провожу миссъ Слэтеръ,—сказалъ имъ Доннимор.

Погода и теперь постаралась испортить минвэльцамъ праздничное настроеніе. Весь день было пасмурно, а теперь поднялся сильный вѣтеръ съ проливнымъ дождемъ, и члены стачечнаго комитета промокли насквозь, выйдя изъ дома викарія и торопясь принести Минвэлю радостную вѣсть. Но мужчины, женщины и дѣти толпились на улицахъ, не взирая на погоду. Въ первый моментъ всѣ были скорѣе изумлены, нежели обрадованы. Побѣда явилась слишкомъ внезапно, и многіе не могли даже сразу сообразить, что борьба уже кончена, что въ понедѣльникъ они станутъ на работу и будутъ получать заработную плату, только въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ. Но самое лучшее было то, что они

могли вернуться въ свои прежнія жилища! Они завтра же снова поселятся въ своихъ прежнихъ домахъ, и все пойдетъ по старому. Съ трудомъ вѣрилось, что произошла такая перемѣна, и многіе находили нужнымъ переспросить Доннимора объ этомъ.

Однако, къ шести часамъ вечера радость взяла верхъ надъ удивленіемъ. Все населеніе Минвэля высыпало на улицу. Никто не обращалъ вниманія на дождь и всѣ веселились, словно въ большой праздникъ. Въ особенности женщины были довольны; онѣ радовались, что дѣти не будутъ больше голодать и что можно будетъ выкупить у закладчика мебель и платье и заплатить торговцамъ, которые, къ слову сказать, благородно держали себя во время стачки. Но были и такія, которыя не могли радоваться; тѣ, которыя потеряли своихъ дѣтей, умершихъ отъ истощенія, или другихъ близкихъ людей, не дождавшихся исхода кампаніи. Словомъ, въ Минвэлѣ было не мало опустѣвшихъ домовъ и не всѣ слезы, проливавшіяся въ эту ночь, были слезами радости. Кто бы ни велъ войну, государство ли, городъ или небольшое селеніе, всетаки война всегда обходится дорого обѣимъ сторонамъ.

Густая толпа ожидала Доннимора и, когда онъ появился, то его привѣтствовали громкими криками радости. Ему пожимали руки, похлопывали его по спинѣ и желали ему счастья. Хоръ молодыхъ голосовъ спѣлъ въ честь его хвалебную пѣснь.

— Я надѣюсь, что скоро будетъ ваша свадьба, сэръ, и мы отпразднуемъ ее!—крикнула мистрисъ Брикноль, и всѣ подхватили за нею этотъ возгласъ, когда Донниморъ, счастливый и сіяющій, проходилъ по улицѣ.

— Вы бы лучше разошлись теперь и приготовились бы завтра же переселиться въ свои прежніе дома, вмѣсто того, чтобы стоять здѣсь подъ дождемъ и рисковать простудиться,—сказалъ онъ.—И еще вотъ что: если вы хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе, то отпустите завтра съ миромъ пріѣзжихъ рабочихъ.

— Мы даже готовы устроить имъ овацію, если это можетъ доставить вамъ удовольствіе!—отвѣчали ему въ толпѣ.

Бутройда, Леммера и Слэтвета также встрѣтили радостными криками. Леммеръ, однако, при всемъ желаніи, не могъ раздѣлять общаго настроенія и когда ему кто-то замѣтилъ, что онъ не выглядитъ такимъ счастливымъ, какъ это можно было бы ожидать, то онъ возразилъ слегка дрожащимъ голосомъ, что онъ, „разумѣется, радуется за всѣхъ, но при этомъ онъ вспоминаетъ о другихъ“... Онъ не договорилъ, но всѣ поняли его и оставили въ покоѣ.

Онъ рано ушелъ домой. Вообще, онъ и его жена всегда избѣгали демонстрировать свои чувства, и только когда они остались одни, жена Леммера подошла къ нему и крѣпко обняла его.—Ахъ ,отецъ, какъ я счастлива, что все уже кончено,—сказала она.

— Я тоже счастливъ, но... я не могу отдѣлаться отъ мысли, что все это куплено дорогою цѣной. Я не вѣрю теперь въ дѣйствительность этого средства такъ, какъ вѣрилъ раньше, а вѣдь и тогда моя вѣра была недостаточно велика. Но все равно: я знаю, что, если они меня позовутъ, то я опять пойду съ ними.

— Конечно, отецъ, я знаю, что ты пойдешь. Да иначе и не можетъ быть. Мы многое умѣли перенести съ тобою вмѣстѣ и, если будетъ нужно, снова перенесемъ и не отступимъ!

Мистрисъ Леммеръ выпрямилась при этихъ словахъ, и глаза ея сверкнули рѣшительностью и тою неустрашимостью, которая живетъ въ сердцахъ многихъ англійскихъ матерей.

Въ эту ночь Минвэль долго не могъ успокоиться и заснуть. Сосѣди собирались вмѣстѣ, чтобы потолковать о совершившемся чудѣ, о великой борьбѣ и планахъ относительно будущаго, которое всѣмъ представлялось теперь мирнымъ и счастливымъ.

XXVIII.

Какъ Бринтонъ устроилъ фортъ.

Вѣсть о происшедшей перемѣнѣ не дошла до бѣглецовъ, скрывавшихся среди скалъ, но если бы они даже узнали о ней, то врядъ ли это могло бы повліять на рѣшеніе Бринтона. Сарай, сложенный изъ камней, служилъ имъ убѣжищемъ ночью, но большую часть дня они проводили въ углубленіи скалъ, гдѣ они могли разводить огонь и спасаться отъ холоднаго вѣтра.

Съ величайшими усиліями имъ удалось доставить Пли въ это убѣжище, но тамъ онъ совершенно лишился силъ и впалъ въ безсознательное состояніе, сопровождавшееся бредомъ. Его товарищамъ тяжело было слушать, какъ онъ разговаривалъ со своею умершею женой и какъ онъ расточалъ ей нѣжныя имена и слова любви и ласки.

— Отъ души надѣюсь, что онъ умретъ, — говорилъ Бринтонъ, сидя около него и слушая его безумныя рѣчи. Онъ нѣсколько разъ нарочно обращался къ больному съ какимъ-нибудь вопросомъ, чтобы узнать, въ состояніи ли онъ правильно отвѣчать.

Вечеромъ Бринтонъ послалъ Ингама внизъ къ Джемсону за провизіей и новымъ запасомъ виски. Конечно, ни Бринтонъ, ни его товарищи не имѣли понятія, какъ надо ухаживать за больными, и Бринтонъ ограничился лишь тѣмъ, что устроилъ для Пли болѣе удобную постель изъ соломы, а для тепла покрылъ его также слоемъ соломы, которую онъ терпѣливо поправлялъ всякій разъ, когда больной въ бреду скидывалъ ее съ себя и разбрасывалъ по землѣ. Забавно и вмѣстѣ трогательно было смотрѣть, какъ Бринтонъ, не зная что дѣлать, бралъ бутылку виски и пытался влить нѣсколько капель изъ нея въ ротъ больного, повторяя свою фразу:

— Я надѣюсь, что онъ умретъ!

Ингамъ не одобрялъ этого лѣченія водкой, но у Бринтона былъ на это одинъ отвѣтъ:

— Такое лѣченіе либо убиваетъ, либо излѣчиваетъ... Я бы хотѣлъ лучше, чтобы онъ умеръ,—прибавлялъ онъ.

Брикноль и Ингамъ спали всю ночь, и только Бринтонъ дежурилъ около больного. Поразмысливъ хорошенько за день, оба, Брикноль и Ингамъ, пришли къ убѣжденію, что они затѣяли безразсудное дѣло; поэтому Брикноль утромъ сказалъ Бринтону:

— Мнѣ кажется, Джо, что тутъ не мѣсто бѣднягѣ; ему было бы лучше въ больницѣ.

— Конечно,—согласился Бринтонъ.—Но тамъ онъ попадетъ въ руки полицейскихъ. Я думаю, что онъ умретъ, но пока онъ живъ, мы должны укрывать его въ безопасномъ мѣстѣ. Я бы не далъ повѣсить даже кошки изъ-за Сэма! А вы, неужто вы были бы согласны отдать на висѣлицу товарища?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Брикноль.

— Какъ вы думаете, не отправиться ли намъ сегодня ночью къ д-ру Боклей, въ Торевелль? Я думаю, что я могъ бы достать у него лѣкарство, и онъ, конечно, никому не скажетъ.

— Увидимъ, какъ онъ проведетъ сегодня день,—замѣтилъ Ингамъ.

— Я пойду дать ему теперь порцію виски, — сказалъ Бринтонъ и направился къ больному.

Товарищи Бринтона не рѣшались прямо высказать ему свое мнѣніе, но онъ инстинктивно чувствовалъ, что у нихъ нѣтъ прежняго пыла. Однако, онъ не хотѣлъ сдаваться. Онъ былъ словно полководецъ, которому приходится думать не только объ успѣхѣ кампаніи, но и о томъ, чтобы поддерживать рвеніе своихъ равнодушныхъ подчиненныхъ, ободряя и поощряя ихъ. Никогда еще онъ не казался такимъ самоувѣреннымъ, какъ теперь. Онъ говорилъ такъ, какъ будто онъ и его товарищи должны были бы благодарить судьбу

за то, что она дала имъ возможность устроить такую экспедицію. Онъ увѣрялъ, что давно, когда онъ еще былъ мальчишкой, всегда мечталъ о такой свободной, безпечной жизни на открытомъ воздухѣ, но до сихъ поръ ему не представлялось случая осуществить свою мечту.

— Чортъ возьми, товарищи!—говорилъ онъ.—Если-бъ у меня было достаточно денегъ, то я бы кажется никогда не вернулся назадъ. Нанси, конечно, начала бы ворчать, но все же она охотно послѣдовала бы за мной. Если бы я вздумалъ поселиться въ угольной ямѣ, то и тогда она бы постаралась сдѣлать изъ нея сносное жилище и жила бы въ ней, какъ во дворцѣ. Она чистила бы и скребла уголь ежедневно и ворчала бы на то, что не можетъ добиться бѣлизны. Вѣдь какъ она старалась превратить въ приличное жилище хижину, которую давалъ намъ Сэмъ. Да,—прибавилъ онъ, вздохнувъ, — но я знаю, что придется вернуться обратно.

— Ну, а какъ же ты обойдешся безъ пивной?—замѣтилъ ворчливо Брикноль.

— Твоя правда, товарищъ!—воскликнулъ Бринтонъ съ веселымъ смѣхомъ. — Мнѣ очень не хватаетъ „Сноповъ“. Но за то, какое преимущество не слышать воркотни своихъ супругъ каждый вечеръ, какъ это было въ Минвэлѣ! При томъ же я бы могъ каждый вечеръ на часъ или два спускаться къ Джемсону. Нанси ничего бы не имѣла противъ того, чтобы оставаться здѣсь одной. Съ нею были бы ея дѣти, и у нея была бы хижина, которую надо было бы скрести и убирать. Впрочемъ, она привыкла оставаться одна. Да и не мѣшаетъ пріучать женщинъ къ этому. Запомни это, Биль,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Ингаму,—когда поведешь Люси Блэкуэль къ вѣнцу. Мѣсто женшины у домашняго очага, а мужчины—тамъ, гдѣ ему нравится. Женщины, обыкновенно, не сразу понимаютъ это, но полезно вразумлять ихъ.

Брикноль кисло улыбнулся, но Ингамъ понялъ иронію, заключавшуюся въ словахъ Бринтона, и разсмѣялся.

Бринтонъ продолжалъ развивать свою идею:

— Нанси оставалась бы здѣсь, когда я отправлялся бы внизъ. И какъ это было бы полезно для нея! Она не могла бы бѣгать къ сосѣдямъ, слушать праздную болтовню, собирать сплетни. Повѣрь мнѣ, Билль, всѣ эти кумушки ни къ чему негодны. Настоящая женщина не нуждается въ посторонних разговорахъ и чувствуетъ потребность говорить только съ мужемъ да съ дѣтьми. Разговоры внѣ дома—это дѣло мужа.

— Перестань Джо,—вмѣшался Брикноль, которому было не по себѣ.

— Ну вотъ! Я вѣдь только даю добрые совѣты Биллю,— возразилъ Бринтонъ, но всетаки перемѣнилъ разговоръ. Онъ началъ разсказывать разныя забавныя исторіи. Потомъ онъ устроилъ мячъ изъ связки сѣна и предложилъ товарищамъ партію въ футболлъ. Онъ назначилъ ставку въ три пенса; пенни слѣдовало уплатить теперь-же, а остальное въ лучшія времена. Но онъ проигралъ нѣсколько партій, дѣлая видъ, что это выводитъ его изъ себя, но радуясь въ душѣ, что среди скалъ раздается громкій смѣхъ его товарищей. Онъ даже поздравилъ ихъ съ тѣмъ, что они на время избавились отъ бѣдствій Минвэля. Въ сущности, ихъ экскурсія, по его словамъ, должна принести такую-же пользу ихъ здоровью, какъ поѣздка въ Блэнпуль, но насколько же она стоитъ дешевле!

Бринтонъ былъ почти великъ въ своей новой роли.

Пли не стало лучше къ ночи, но Бринтонъ не пошелъ къ доктору Боклей, какъ намѣревался раньше.—Онъ навѣрное скажетъ, что мы должны отправить его куда-нибудь,—замѣтилъ Бринтонъ своимъ товарищамъ.—А между тѣмъ, онъ долженъ оставаться здѣсь первое время, пока мы не переправимъ его въ безопасное мѣсто. Что же касается лѣкарства, то я думаю, что виски лучше. Намъ съ тобою, Томъ, это бы не помогло, но бѣдняга Пли вѣдь до этой минуты въ ротъ не бралъ хмѣльного, поэтому виски долженъ подѣйствовать на него лучше всякаго лѣкарства, какое только можетъ дать ему докторъ. Если вообще что-нибудь можетъ его вылѣчить, такъ это виски!

Бринтонъ послалъ Брикноля и Ингама внизъ, къ Джемсону, узнать, нѣтъ ли какихъ-нибудь новостей. Въ дѣйствительности же онъ только хотѣлъ доставить имъ развлеченіе, въ которомъ они такъ нуждались. Они вернулись поздно ночью, и Брикноль, очевидно, широко воспользовался угощеніемъ, потому что былъ довольно таки навеселѣ. По словамъ Ингама, новостей никакихъ не было. Джемсонъ слышалъ сначала, что хозяинъ уже умеръ, потомъ слышалъ, что онъ еще живъ; полиція же до сихъ поръ не дѣлала никакихъ розысковъ.

Пли хорошо спалъ всю ночь, такъ что Бринтону не пришлось караулить его. Такъ какъ ночь была холодна, то они крѣпко прижались другъ къ другу, чтобы согрѣться.

Брикноль проснулся въ дурномъ настроеніи и за завтракомъ высказалъ свое неудовольствіе Ингаму. Но когда яркое солнце освѣтило и согрѣло скалы, служившія имъ убѣжищемъ, то онъ повеселѣлъ. Пли проспалъ повидимому всю ночь, не просыпаясь. На разсвѣтѣ Бринтонъ далъ ему дозу виски, и онъ опять заснулъ.

Всѣ трое провели утро довольно пріятно, грѣясь на солнышкѣ. Но Пли все время находился въ безсознательномъ состояніи, хотя его неопытнымъ товарищамъ и казалось, что онъ спитъ. Во всякомъ случаѣ, онъ теперь не бредилъ и не бормоталъ ничего. Бринтонъ продолжалъ давать ему виски черезъ извѣстные промежутки времени, говоря съ мрачнымъ видомъ:

— Я увѣренъ, что виски приноситъ ему пользу. Только я никакъ не могу рѣшить, долженъ ли я попробовать вылѣчить его или нѣтъ? Я бы желалъ, чтобы онъ теперь умеръ, но я не нахожу въ себѣ рѣшимости оставить его умирать безъ помощи. Какъ ты думаешь, Билль?

— Конечно, нельзя оставить его умирать, если можно его вылѣчить, Джо.

— Вотъ и я это думаю, товарищъ! Но знаешь ли, я все-таки былъ бы радъ, если бы онъ умеръ сегодня. Видишь ли, меня просто сводитъ съ ума мысль, что онъ или кто-нибудь другой можетъ быть повѣшенъ изъ-за Сэма!

— Они не повѣсятъ его,—вмѣшался Брикноль.

— Какъ, товарищъ! Да если бы они посмѣли, то повѣсили бы всѣхъ насъ, оттого что мы осмѣлились устроить стачку! Вѣдь они всѣ стоятъ другъ за дружку. Совсѣмъ было бы другое, если бы мы такъ же крѣпко держались вмѣстѣ, какъ они.

Бринтонъ повернулся къ своему спящему товарищу и проговорилъ:

— Умирай Джозія! Если бы я былъ изъ того же сорта людей, какъ старый Мэтью, то я бы стоялъ на колѣняхъ цѣлый день и все бы молился, чтобы ты умеръ.

— Я не думаю, что хозяинъ умеръ,—сказалъ Брикноль.

Бринтонъ покачалъ головой.

— Если онъ еще не умеръ, то скоро умретъ. Докторъ вѣдь сказалъ, что онъ не можетъ оправиться. Вотъ что, Билль,—обратился Бринтонъ къ Ингаму,—когда стемнѣетъ, отправляйся домой и оставайся, не выходя никуда, до завтра. Когда станетъ темно, возвращайся сюда съ новостями, а также, если можно, раздобудь немного денегъ.

— Хорошо, я пойду,—сказалъ Ингамъ и въ четыре часа послѣ обѣда отправился въ путь. Поздно вечеромъ Брикноль уговорилъ Бринтона пойти съ нимъ къ Джемсону на полчасика. Но въ гостиницѣ были посѣтители, поэтому они не рѣшились войти, а постучали въ заднюю дверь и подождали, пока къ нимъ вышелъ Джемсонъ.

— Алло! — сказалъ онъ.—Это вы? Слушайте: сегодня, послѣ обѣда, былъ здѣсь полицейскій и спрашивалъ, не видѣлъ ли я кого-нибудь изъ васъ. Я, конечно, выпроводилъ

его, но все же я былъ бы радъ, если-бъ вы не появлялись у меня. Вѣдь я могу потерять право торговли такимъ образомъ, вы знаете?

— Изъ-за насъ ты его не потеряешь. Дай намъ немного съѣстныхъ припасовъ, и мы уйдемъ.

— Вѣдь я этимъ живу, какъ вамъ извѣстно,—прибавилъ Джемсонъ, какъ бы стараясь оправдаться.

— Да, да, мы знаемъ. Такъ приготовь же для насъ провизіи и положи ее въ сарай. Мы придемъ за нею ночью и къ тебѣ входить не будемъ.

На слѣдующее утро, когда Бринтонъ подошелъ къ больному, то съ удивленіемъ увидѣлъ, что онъ уже проснулся и смотритъ на него вполнѣ сознательными глазами, потерявшими выраженіе безумія.

— Здорово, товарищъ!—сказалъ ему Бринтонъ.

— Здравствуй!—отвѣчалъ Пли слабымъ голосомъ и сдѣлалъ усиліе, чтобы поднять руку.—Я чувствую себя плохо.

— Ты еще очень слабъ. Но подожди минутку, я тебѣ дамъ горячаго чая, и ты пріободришься. Вода въ котелкѣ уже закипаетъ.

— Гдѣ мы находимся?

— Мы поговоримъ объ этомъ потомъ, когда ты позавтракаешь.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ, Джо, теперь.

— Хорошо. Мы находимся недалеко отъ Кандера. Мы устроили себѣ каникулы.

— Джо,—снова заговорилъ больной, и на лицѣ у него появилось тревожное выраженіе.—Скажи мнѣ, что случилось?

Бринтонъ смутился, но послѣ нѣкотораго колебанія сказалъ:

— Видишь ли, товарищъ, у тебя немного помутилось въ головѣ въ ту ночь. Ты пошелъ къ Сэму, между вами произошла борьба, и ты отдѣлалъ его... Тогда мы рѣшили скрыть тебя на нѣкоторое время... Долженъ сказать, что у хозяина крѣпкая голова, поэтому ты не убилъ его, но все же онъ былъ при смерти нѣсколько дней.

Пли закрылъ лицо руками:—Боже мой! Боже мой!—вскричалъ онъ.—А я все думалъ, что это былъ сонъ!.. Я ударилъ его палкой?

— Да, и довольно таки сильно.

— Онъ умеръ?

— Вчера онъ былъ еще живъ. Но ты не смущайся, товарищъ; они тебя не достанутъ.

Пли задумался на нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ:

— Джо, я долженъ пойти и самъ отдать себя въ руки полиціи. Я думалъ, что это сонъ и что Господь желаетъ этого!

— Съ какой стати!—вскричалъ Бринтонъ.—Вѣдь ты былъ совершенно сумасшедшимъ тогда, товарищъ. Мы тебя нашли распѣвающимъ псалмы на дорогѣ... Но не будемъ объ этомъ говорить теперь. Ты долженъ прежде позавтракать.

Брикноль слышалъ часть этого разговора и поэтому вопросительно посмотрѣлъ на Бринтона, когда тотъ подошелъ къ костру, надъ которымъ висѣлъ котелокъ съ водой.

— Я лучше бы хотѣлъ, чтобы онъ оставался сумасшедшимъ или чтобы онъ умеръ,—шепнулъ ему Бринтонъ.

Пли выпилъ чаю, въ который было прибавлено немного виски, не замѣчая этого, и затѣмъ Бринтонъ велѣлъ ему снова лечь спать.

Брикноль позвалъ Бринтона, стоявшаго около Пли, и тихо сказалъ ему:—Посмотри!

Туманъ, покрывавшій съ утра всѣ окрестности, разсѣялся и можно было ясно различить двѣ фигуры, карабкавшіяся по противоположному откосу холма.

— О, это полицейскіе,—замѣтилъ Бринтонъ.—Ну, значитъ, намъ надо держать ухо востро. Не сегодня—завтра они сюда явятся.

Пли не выходилъ изъ сарая, служившаго имъ домомъ, и очень мало разговаривалъ, что было особенно пріятно Бринтону. Только вечеромъ онъ выглянулъ изъ дверей и спросилъ:

— А что, полицейскіе не разыскиваютъ меня?

— Да,—коротко отвѣчалъ Бринтонъ.

— Намъ лучше вернуться, Джо.

— Мы уйдемъ отсюда только для того, чтобы перебраться въ болѣе безопасное мѣсто, чортъ возьми!—воскликнулъ Бринтонъ.

Онъ велѣлъ Пли лечь и самъ помогъ ему. Но Пли не спалъ, а лежалъ и смотрѣлъ на крышу, пока не стало совсѣмъ темно.

Съ наступленіемъ темноты Бринтонъ и Брикноль начали поочереди дежурить у входа, ожидая возвращенія Ингама. Было уже десять часовъ, когда онъ явился.

— Говори тише, Билль,—сказалъ ему шопотомъ Бринтонъ.—Вѣдь онъ пришелъ въ себя. Каковы новости?

— Полиція вездѣ разыскиваетъ тебя и его. Я не думаю, чтобы имъ было извѣстно, что и мы съ Томомъ послѣдовали за тобой. Меня видѣли только мои домашніе, но изъ ихъ разсказовъ я понялъ, что полиція предполагаетъ, что мы скрываемся гдѣ-нибудь по близости.

— Да, мы уже это знаемъ. Мы видѣли двухъ полицейскихъ сегодня утромъ. Ну, а какъ дѣла?

— Хозяинъ еще живъ или, по крайней мѣрѣ, былъ живъ,

когда я уходилъ, но говорятъ, что это лишь вопросъ нѣсколькихъ дней. Въ Минвэлѣ совершенно спокойно теперь. Я досталъ немного денегъ.

— Жаль, что мало. Мы бы могли тогда отправить его въ Америку.

Бринтонъ повелъ Ингама къ Пли.

— Вотъ Билль Ингамъ только что вернулся изъ Минвэля, товарищъ, — сказалъ онъ. — Хозяинъ живъ и поправляется, значитъ тебѣ нечего особенно тревожиться.

Пли взглянулъ на Ингама, точно ища у него подтвержденія этихъ словъ, и когда тотъ поддакнулъ, то Пли снова посмотрѣлъ въ сторону и послѣ минутнаго молчанія прибавилъ:—Я думалъ въ припадкѣ безумія, что дѣлаю дѣло, угодное Господу!.. Я долженъ вернуться теперь обратно.

— Ты долженъ чего-нибудь поѣсть и выпить и затѣмъ лечь спать,—сказалъ Бринтонъ очень рѣшительнымъ тономъ и тутъ же заставилъ Пли проглотить маленькую порцію виски съ водой. Послѣ того Пли, наконецъ, улегся, но онъ не могъ заснуть, а лежалъ съ закрытыми глазами, не отвѣчая на вопросы, такъ что товарищи его подумали, что онъ спитъ. Но Пли лежалъ и размышлялъ о томъ, какъ это онъ могъ такъ легко попасть въ руки сатаны? Онъ далъ поводъ насмѣхаться всѣмъ невѣрующимъ.

Онъ отдалъ на посмѣяніе свою церковь и своихъ единовѣрцевъ, и эта мысль причиняла ему невыносимое нравственное страданіе. Онъ старался выяснить себѣ свое собственное душевное состояніе и припоминалъ всѣ подробности своей жизни во время стачки. Болѣзнь и смерть его жены были испытаніемъ, ниспосланнымъ ему свыше, но онъ не выдержалъ его, онъ низко палъ, и къ чувству униженія, которое онъ испытывалъ при этой мысли, примѣшивалось еще глубокое страданіе, вызываемое воспоминаніемъ о тяжелой утратѣ. Тоска сжимала его сердце и не давала ему забыться всю ночь.

Бринтонъ, увидѣвъ утромъ, что онъ очень блѣденъ и слабъ и ничего не можетъ ѣсть, насильно заставилъ его выпить виски—единственное лѣкарство, которое онъ считалъ дѣйствительнымъ, а затѣмъ позвалъ своихъ товарищей на совѣщаніе.

— Какъ вы думаете, гдѣ бы я могъ занять десять фунтовъ?—спросилъ онъ ихъ, когда они вышли изъ сарая. — Вѣдь безъ денегъ мы не можемъ далеко увезти его.

— Ты бы съ такимъ же успѣхомъ могъ попросить милліонъ,—замѣтилъ угрюмо Брикноль.

— Если-бъ я думалъ, что здѣсь можетъ пройти какой-нибудь человѣкъ съ набитыми карманами,—сказалъ мрачно

Бринтонъ, указывая на пустынную дорогу внизу,—то я бы, кажется, готовъ былъ превратиться въ разбойника въ эту минуту! Меня просто сводитъ съ ума мысль, что достаточно было бы какихъ-нибудь десяти фунтовъ, чтобы спасти человѣка отъ висѣлицы или, въ лучшемъ случаѣ, отъ каторги. Я подумывалъ, не обратиться ли за помощью къ нашему молодому пастору? Иногда мнѣ кажется, что онъ бы не могъ отказать намъ, но, съ другой стороны, я боюсь, что его религія не допускаетъ этого.

— Онъ поможетъ,—увѣренно проговорилъ Брикноль, готовый на все, лишь бы положить конецъ безразсудному предпріятію и неудобной жизни, которую имъ приходилось вести среди скалъ.

— Ты бы согласился, Томъ, отправиться къ нему и спросить его? Не для себя, а отъ моего имени!

— Я не знаю. Вдругъ онъ скажетъ: нѣтъ? Это тоже возможно.

— Давай, бросимъ монету. Если выпадетъ рѣшетка, значитъ—да. Согласенъ?

— Идетъ.

Бринтонъ вынулъ пенни и бросилъ. — Нѣтъ, — сказалъ онъ съ разочарованіемъ.—Ну, мы завтра еще разъ поговоримъ объ этомъ. Ты замѣтилъ, какъ онъ плохо выглядитъ сегодня? Я думаю, что къ нему возвращается разсудокъ, а это очень тяжело для него. Отчего онъ не умеръ!

Черезъ часъ послѣ этого Ингамъ, взобравшійся на отдаленный гребень холма, вдругъ прибѣжалъ оттуда съ вѣстью, что сюда идутъ полисмены.—Они уже перешли потокъ у подножія холма и теперь взбираются по откосу,—сказалъ онъ.—Они будутъ здѣсь черезъ полчаса.

Бринтонъ не потерялъ хладнокровія; онъ, какъ всегда, дѣйствовалъ быстро и рѣшительно.

— Они не найдутъ насъ здѣсь,—объявилъ онъ. —Когда они придутъ сюда, то мы уже будемъ тамъ, внизу, въ долинѣ, гдѣ они вчера искали насъ. Пойди сюда, помоги мнѣ унести наши вещи,—мы спрячемъ ихъ подъ большими камнями внизу. А ты, Томъ, набросай поскорѣе камней на костеръ, чтобы образовалась какъ бы случайная куча.

Почти до самой вершины холма, на которомъ они находились, поднимались отвѣсныя каменныя стѣны, и Бринтонъ думалъ воспользоваться чуть замѣтными выступами этихъ стѣнъ, чтобы спуститься по нимъ въ долину. Съ большими предосторожностями онъ съ помощью Ингама переправилъ внизъ больного, а за ними послѣдовалъ Брикноль съ вещами. Имъ удалось добраться до такого мѣста, гдѣ они совершенно были скрыты отъ постороннихъ глазъ нависшими

скалами, и подъ покровомъ этихъ скалъ они спустились внизъ, въ то время какъ полицейскіе взбирались съ другой стороны на вершину холма. Они спрятались въ скалахъ у подножія холма, пока полицейскіе обыскивали каменный сарай наверху и прилегающія къ нему скалы.

Бринтонъ, съ трубкою въ зубахъ, прислонился къ каменной стѣнѣ и разсмѣялся:

— Право, я чувствую себя вновь молодымъ въ эту минуту, Томъ,—сказалъ онъ.—Я помню, какъ мы бывало удирали отъ полицейскихъ, когда я былъ мальчуганомъ. Мы купались въ каналѣ, а это было запрещено, и когда появлялись полицейскіе, то мы переплывали на другую сторону канала, неся на головѣ одежду. Помню, какъ-то разъ, когда полицейскіе окружили насъ, намъ пришлось удирать прямо черезъ поле совершенно голыми, чтобы не попасть къ нимъ въ лапы. Ахъ, какъ это было весело! И теперь я съ удовольствіемъ вспоминаю наши продѣлки.

Полицейскіе очень тщательно осматривали склоны холма, находясь на его верхушкѣ, но каменная стѣна скрывала отъ нихъ бѣглецовъ и когда, наконецъ, полицейскіе, убѣдившись въ тщетности своихъ поисковъ, удалились, то бѣглецы вернулись на свое прежнее мѣсто, вскарабкавшись по другой сторонѣ каменной стѣны. Оттуда, съ высоты Бринтонъ и Ингамъ съ интересомъ наблюдали, какъ полицейскіе осматривали всѣ окрестности на востокъ отъ холма, гдѣ пріютились бѣглецы. На этотъ разъ опасность миновала.

Къ вечеру пошелъ дождь, и Брикноль снова пришелъ въ дурное расположеніе духа. Чтобы разсѣять его немного, Бринтонъ затянулъ пѣсню и сказалъ Брикнолю:

— Вѣдь сегодня субботній вечеръ, Томъ, и мы можемъ вообразить себѣ, что мы въ „Снопахъ“.

— Да, тутъ дѣйствительно похоже на „Снопы!“—проворчалъ Брикноль.

— Всетаки! — возразилъ Бринтонъ. — За то тутъ нѣтъ твоей жены, чтобы ворчать на тебя, когда ты приходишь домой. Чортъ возьми, товарищъ! Я убѣжденъ, что она очень благодарна мнѣ за то, что я на недѣльку избавилъ ее отъ тебя. То-то она попраздновала теперь! Увѣренъ, что она никогда больше не позволитъ тебѣ ругать меня и навѣрное будетъ выставлять меня примѣромъ для тебя.

Брикноль разсмѣялся и даже согласился спѣть три раза свою любимую пѣсню: „Когда я бываю одинъ...“

У Ингама былъ не дурной теноръ. Онъ тоже началъ пѣть, сначала сентиментальныя и комическія пѣсни, а затѣмъ перешелъ къ священнымъ гимнамъ.

Но ихъ пѣніе вдругъ прервалъ Пли. Онъ все время лежалъ и смотрѣлъ вокругъ разсѣяннымъ взглядомъ, погруженный въ собственныя мысли, не обращая, повидимому, вниманія на товарищей; поэтому Бринтонъ былъ очень изумленъ, когда онъ внезапно приподнялся и проговорилъ:

— Джо, я пойду и отдамъ себя въ руки полиціи.

Но Бринтонъ и тутъ не потерялъ своего хладнокровія.

— Это не годится, товарищъ,—сказалъ онъ спокойно, но тономъ, не терпящимъ возраженій. — Ты ударилъ хозяина и, конечно, не можешь разсчитывать на справедливость другихъ хозяевъ, которые будутъ судить тебя. Прежде чѣмъ рѣшить, какъ намъ поступить, мы должны узнать навѣрное, живъ ли Сэмъ, или нѣтъ? Если онъ умеръ, то мы тебя отправимъ въ Америку.

Пли покачалъ головой съ легкой усмѣшкой на устахъ:

— Я очень усталъ, Джо!—прошепталъ онъ.

— Я это вижу, но тутъ я помочь тебѣ не могу, товарищъ. Мы добудемъ немного денегъ ко вторнику, я надѣюсь, и тогда отвеземъ тебя въ Лондонъ. А теперь читай свою Библію и предоставь намъ поступать такъ, какъ мы считаемъ нужнымъ.

Пли грустно улыбнулся. То, что онъ читалъ въ Библіи, такъ не соотвѣтствовало дѣйствительности, и онъ не чувствовалъ уже въ себѣ прежней вѣры. Все то, что тамъ было написано, казалось ему теперь такимъ отдаленнымъ и ничего не имѣющимъ общаго съ Минвэлемъ и его населеніемъ!

Брикноль отправился поздно вечеромъ къ Джемсону за припасами и встрѣтилъ его самого около дверей конюшни.

— Полиція только что была здѣсь,—сказалъ ему Джемсонъ.—А теперь у меня сидитъ одинъ парень, который говоритъ, что онъ слышалъ, будто стачка уже прекратилась.

— Какъ?—съ жаромъ спросилъ Брикноль.

— Онъ не знаетъ подробностей, но слышалъ также, что положеніе стараго Слэтера очень плохо.

Брикноль кивнулъ головою, но ничего не отвѣтилъ и осторожно удалился. Бринтонъ также ничего не сказалъ, когда Брикноль принесъ ему это извѣстіе. Все это было слишкомъ неопредѣленно.

XXIX.

Капитуляція.

Проснувшись утромъ въ воскресенье, около семи часовъ, Бринтонъ тотчасъ же всталъ и вышелъ на свѣжій воздухъ. Дулъ холодный вѣтеръ, и поэтому Бринтонъ собрался развести костеръ, чтобы согрѣться. Но, подойдя къ отверстію между скалами, онъ вдругъ остановился пораженный. Въ полусвѣтѣ начинавшагося дня онъ ясно различилъ одиннадцать полицейскихъ, карабкающихся по склону холма.

Бринтонъ тотчасъ же бросился къ сараю и поднялъ товарищей.

— Скорѣе, идите сюда!—крикнулъ онъ.—Цѣлая армія полицейскихъ идетъ къ намъ. Ну, и устроимъ же мы имъ встрѣчу!

Онъ схватилъ тяжелую дубовую палку, захваченную имъ съ собою изъ конюшни Джемсона, и размахнулся ею.

— Что это значитъ, Джо? — спросилъ Брикноль слегка испуганнымъ голосомъ.

— А вотъ что!—отвѣчалъ весело Бринтонъ:—Пока я буду удерживать ихъ, вы съ Биллемъ продѣлаете отверстіе въ этой стѣнѣ и уведете отсюда Джозія. Вы успѣете это сдѣлать, пока будетъ длиться моя схватка съ полицейскими. Я бы желалъ лучше, чтобы они не являлись сюда въ такое время, но что подѣлаешь?

Онъ сталъ въ дверяхъ, ожидая полицейскихъ. Никакихъ иллюзій у него не было: онъ зналъ, что за такое поведеніе онъ будетъ посаженъ въ тюрьму, но надѣялся, что, пока онъ будетъ сражаться съ полицейскими, товарищи уведутъ Пли въ безопасное мѣсто, а это было главное.

Сержантъ приблизился къ нему на нѣсколько шаговъ и проговорилъ:

— Именемъ королевы приглашаю васъ сдаться. Будьте благоразумны. Насъ тутъ двѣнадцать человѣкъ, и вы не можете ускользнуть отъ насъ.

Бринтонъ расхохотался, и глаза его сверкнули:

— Мнѣ все равно, хоть бы васъ была тысяча!—крикнулъ онъ.—Чортъ возьми! Я только разъ въ жизни ударилъ полицейскаго кулакомъ, много лѣтъ тому назадъ, въ Стонкортѣ, и онъ долго помнилъ это. Пожалуйте-же сюда, мы васъ ждемъ!

Начальникъ отряда выступилъ впередъ и обратился къ Бринтону: — Будьте благоразумны, пріятель! — сказалъ онъ

примирительнымъ тономъ. — Вѣдь ничего хорошаго не выйдетъ изъ этого! А между тѣмъ, у меня есть для васъ цѣлый запасъ новостей. Мистеръ Слэтеръ поправляется, стачка прекратилась и въ понедѣльникъ начинаются работы. Вы видите, слѣдовательно, что сопротивленіе безполезно.

— Если-бъ даже это и была правда, что вы тутъ разсказываете, то все же это къ дѣлу не относится, — возразилъ свирѣпо Бринтонъ. — Я вовсе не хочу причинять вамъ непріятностей, но если вы не уйдете, то будетъ плохо.

— Намъ нуженъ Джозія Пли. Мы обязаны, рано или поздно, арестовать его. Не безумствуйте же и сойдите сюда.

— Вы обязаны? — проговорилъ Бринтонъ еще сердитѣе.— Ну, такъ идите сюда сами. Кто хочетъ получить первый ударъ?

Врикноль и Ингамъ стояли, слушали эти переговоры и чувствовали себя очень неловко. Они не предвидѣли сопротивленія полиціи и наказанія, которое должно было за этимъ послѣдовать. Они сознавали все безразсудство такого поведенія, но, находясь всецѣло подъ вліяніемъ Бринтона, не рѣшались противодѣйствовать ему. И когда онъ, повернувшись къ нимъ, сказалъ имъ шопотомъ, чтобы они шли и исполняли свой долгъ, то они, не говоря ни слова, повиновались.

Полицейскій надзиратель, не хотѣвшій прибѣгать къ насилію, посовѣтовался съ сержантомъ, нельзя ли достигнуть цѣли хитростью.

— Жаль этого безумца, Джексонъ,—сказалъ онъ.—Лучше не вызывать его на дальнѣйшіе проступки, если мы можемъ избѣжать этого. Онъ, повидимому, готовъ сразиться съ нами.

— Хорошо было бы, если-бъ у насъ былъ пожарный насосъ и достаточно воды!—замѣтилъ сержантъ.—Вѣдь мы не можемъ выкурить ихъ оттуда, я полагаю? Не лучше ли будетъ предоставить возможность тѣмъ, которые находятся внутри, улизнуть и когда они начнутъ спускаться по скалѣ, тогда захватить ихъ?

Бринтонъ наблюдалъ за полицейскими, когда они совѣщались, и глаза его дико сверкали:

— Снова предупреждаю васъ,—крикнулъ онъ.—Кто нибудь да умретъ, прежде чѣмъ это кончится!

Но Бринтону не суждено было сдѣлаться убійцей. Разгоряченный приготовленіями къ битвѣ, онъ совсѣмъ забылъ о Пли, который спокойно стоялъ позади него и прислушивался къ ихъ преканіямъ. Правда, его мозгъ еще плохо работалъ, въ головѣ бродили спутанныя мысли, но все же онъ могъ сообразить, какой опасности подвергаются его то-

варищи ради него. Когда Бринтонъ повернулся къ Брикнолю и Ингаму, чтобы дать имъ свои инструкціи, то Пли воспользовался этимъ и, проскольнувъ сзади его къ дверямъ, крикнулъ: „Вотъ я!“ Полицейскіе тотчасъ же окружили его.

Бринтонъ разразился проклятіями, а у Брикноля и Ингама вырвался вздохъ облегченія.

— Эхъ, товарищъ Джо, — печально сказалъ Бринтонъ, поворачиваясь къ нему.—Не понимаешь ты, что ли, что ты дѣлаешь? Вѣдь у нихъ не будетъ ни малѣйшаго состраданія къ тебѣ! Но скажи только слово, и мы вырвемъ тебя у нихъ, сколько бы ихъ ни было.

Пли отрицательно покачалъ головой.

— Такъ лучше, Джо.

Бринтонъ осмотрѣлся кругомъ и съ грустью проговорилъ:

— Не этого я хотѣлъ! Но что же дѣлать. Я бы не постоялъ за цѣной, если-бъ только могъ препроводить тебя въ Америку здравымъ и невредимымъ.

— Сдаетесь вы?—спросилъ полицейскій надзиратель.

— Да, если вы дадите слово, что не надѣнете наручниковъ. Мы спокойно послѣдуемъ за вами. Но если вы вздумаете надѣвать на насъ ручные кандалы, то мы будемъ съ вами бороться.

Полицейскій надзиратель посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Даю вамъ слово.

Полицейскій надзиратель шелъ все время рядомъ съ Бринтономъ.

— Вѣдь это было очень глупо, знаете, то, что вы затѣяли!—сказалъ онъ Бринтону.—Все равно, вы не могли бы увезти его отсюда.

— Это только теперь кажется величайшею глупостью, потому что такъ глупо кончилось,—возразилъ Бринтонъ. — Подумать только, что этотъ бѣдняга будетъ повѣшенъ за то, что онъ совершилъ въ припадкѣ безумія! Я бы не позволилъ повѣсить даже осла ради Сэма!

— Никого не будутъ вѣшать, пріятель, — успокоилъ его полицейскій, и тутъ же разсказалъ ему обо всемъ, что произошло въ Минвэлѣ за послѣднюю недѣлю.

— Не думаю, чтобы я когда-нибудь пожалѣлъ Сэма, — замѣтилъ Бринтонъ. — Но если то, что вы говорите, справедливо, то, пожалуй, такъ лучше, по крайней мѣрѣ для Джо. Чортъ возьми! Вѣдь, какъ ни какъ, это онъ вызвалъ окончаніе стачки. Да!.. И ему дорого придется заплатить за

это! Совершилъ ли онъ это въ припадкѣ безумія или нѣтъ— все равно, богатые не пощадятъ его. Онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ всѣ мы. Я радъ, что стачка прекратилась, но скажу вамъ: если-бъ не то, что онъ самъ отдался вамъ въ руки, вамъ бы никогда не взять его! Это вѣрно, что онъ былъ сумасшедшимъ. Если-бъ только вы слышали, какъ онъ бредилъ! Три дня онъ не узнавалъ никого, но сердце разрывалось отъ жалости, слушая, какъ онъ обращался къ своей покойной женѣ. Я поддерживалъ его жизнь посредствомъ водки. И я былъ дуракъ! Мнѣ бы слѣдовало предоставить ему умереть.

Къ полудню плѣнники были уже приведены въ Минвэль и посажены подъ арестъ. Ихъ появленіе произвело сенсацію. Мистрисъ Бринтонъ, услышавъ, что ихъ ведутъ, накинула платокъ на голову и въ сильномъ волненіи выбѣжала на дорогу, надѣясь хоть перекинуться словомъ со своимъ мужемъ. Увидѣвъ его, она бросилась къ нему на шею и, крѣпко обнимая его, шепнула:

— Они тебя захватили тамъ наверху?

Бринтонъ, улыбаясь, высвободился изъ ея объятій и проговорилъ:

— Да, милая, но ты не тревожься. Я скоро выйду. Въ сущности, я имъ вовсе не нуженъ, они желаютъ только отличиться. Вѣдь тюрьма теперь стоитъ пустая.

— Ахъ, Джо! Отчего ты не предупредилъ меня, не взялъ меня съ собой? Я бы могла присматривать тамъ за всѣми вами.

— Ага!—возразилъ Бринтонъ.—Ты прожила беззаботно въ Меллорѣ три недѣли и тебѣ хотѣлось еще попраздновать? Я не сказалъ тебѣ именно оттого, что зналъ, что ты непремѣнно увяжешься за мной! Конечно, тебѣ бы очень понравилось тамъ, но нельзя же имѣть все сразу! Словъ нѣтъ: наверху хорошо и, если ты будешь вести себя какъ слѣдуетъ и не станешь мѣшать мнѣ поступать какъ я хочу, то въ награду я возьму тебя съ собой туда когда-нибудь. Надо только намъ сперва поправить свои обстоятельства, а то тамъ, наверху, разыгрывается такой аппетитъ, что намъ не хватитъ потомъ 40 шиллинговъ въ недѣлю.

Мистрисъ Бринтонъ улыбнулась, но затѣмъ тотчасъ же ея лицо снова омрачилось.

— Ахъ, муженекъ, если-бъ ты зналъ, какую ужасную недѣлю я провела! Я не могла спать и все думала о тебѣ,—сказала она.

— Это потому, что ты нездорова. Но ты поправишься. Я же чувствую себя прекрасно, Томъ и Билль также. Хотѣ-

лось бы мнѣ, чтобы и тотъ бѣдняга чувствовалъ себя также хорошо!

— Ай, бѣдняга!—вскрикнула мистрисъ Бринтонъ и,—подбѣжавъ къ Пли, обняла его за шею и поцѣловала.

Донниморъ посѣтилъ Пли въ заточеніи, какъ только услышалъ, что ихъ привели въ Миьвэль. Теперь не время было говорить Бринтону, что онъ совершилъ хотя и похвальный, но все же безразсудный поступокъ, желая спасти товарища; поэтому Донниморъ ни словомъ не упомянулъ объ этомъ и только сказалъ:

— Вы слышали, что стачка прекратилась? Я очень этому радъ, очень!

Бринтонъ кивнулъ головой и, указывая на Пли, прибавилъ:—Я надѣюсь, что вы сдѣлаете для него все, что можете. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе молодой леди и скажите ей, что онъ былъ сумасшедшимъ, когда совершилъ это и потомъ еще въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ этого.

— Мы знаемъ это, мистеръ Бринтонъ. Повѣрьте, что все будетъ сдѣлано, что только возможно.

— Какъ поживаетъ старый Мэтью? Мнѣ бы хотѣлось видѣть его. Я не удивлюсь, если вы мнѣ скажете, что онъ уже умеръ или близокъ къ этому.

— Онъ какъ разъ идетъ сюда, мистеръ Бринтонъ. Конечно, и онъ, и мистрисъ Леммеръ очень страдали отъ всего этого.

— Да, да, я знаю. Но Мэтью такой превосходный человѣкъ! Я съ самаго начала говорилъ, что, когда нужно сдѣлать что-нибудь крупное, то я предпочитаю, чтобы люди его сорта помогали въ этомъ, нежели тысячи такихъ, какъ я! Но вѣдь и вы, сэръ, сдѣлали очень много для себя и своей церкви. Теперь васъ будутъ слушать гораздо охотнѣе!

— А вы?—спросилъ его Донниморъ, улыбаясь.

Бринтонъ тоже улыбнулся.

— Нѣтъ, я не ходокъ по церквамъ. Я больше принесу пользы, оставаясь за ея стѣнами и указывая вамъ, что надо сдѣлать. Вѣдь, если я буду находиться въ церкви, то чѣмъ же я стану отличаться отъ другихъ? Я нисколько не лучше ихъ. И развѣ я могу тогда указывать ихъ ошибки?

— Мы должны сами признаваться во всѣхъ своихъ ошибкахъ, когда находимся въ церкви,—возразилъ, все также улыбаясь, Донниморъ. Васъ, вѣроятно, поведутъ къ допросу сегодня же, а теперь я пойду похлопочу, чтобы васъ всѣхъ троихъ отпустили на поруки.

Бринтонъ подошелъ къ нему и шепнулъ ему на ухо:

— Нѣтъ, сэръ. Возьмите на поруки Тома и Билля, если

вамъ угодно, но я не хочу оставлять товарища одного. Вѣдь онъ можетъ снова сойти съ ума!

— Я думаю, что будетъ лучше, если вы выйдете отсюда вмѣстѣ съ вашими друзьями. Сейчасъ сюда придетъ докторъ и онъ, конечно, внимательно отнесется къ Джозіи.

— Ахъ, я бы хотѣлъ, чтобы онъ далъ ему что-нибудь такое, чтобы онъ не могъ проснуться! Какой я былъ дуракъ!

Вскорѣ послѣ того впущенъ былъ Леммеръ. Печальныя событія послѣдней недѣли сильно отразились на немъ. Онъ сгорбился, лицо его еще болѣе поблѣднѣло, и когда онъ улыбнулся, чтобы привѣтствовать заключенныхъ, то всѣмъ бросился въ глаза его страдальческій видъ. Онъ молча пожалъ руки товарищамъ и, подойдя къ Пли, удержалъ его руку въ своихъ рукахъ, смотря на него долгимъ ласковымъ взглядомъ.

— Я виноватъ, Мэтью, — сказалъ Пли. — Я думалъ, что Богъ призвалъ меня совершить это дѣло, но боюсь теперь, что это были дьяволы.

Леммеръ улыбнулся ему и сказалъ ободряющимъ тономъ:

— Эй, товарищъ, если это и былъ дьяволъ, то онъ не достигъ цѣли. Ты страдалъ, и я боюсь, — тутъ голосъ его дрогнулъ, — боюсь, что тебѣ придется еще претерпѣть, но Господь подкрѣпитъ тебя.

— Не безпокойся обо мнѣ, Мэтью, — отвѣчалъ Пли улыбаясь, какъ будто это онъ долженъ былъ ободрять старика, а не наоборотъ.

— Вообще, Мэтью, не тревожься ни о комъ изъ насъ,— вмѣшался Бринтонъ, желая перевести разговоръ на другую тему.—Намъ славно жилось всю эту недѣлю, тамъ, наверху, на твои деньги: на нихъ было куплено столько виски, сколько ты не покупалъ во всю свою жизнь. Но, благодаря этому, Джозія остался живъ и мы вернулись здоровыми и веселыми. Если бы ты былъ двадцатью годами моложе, то и ты бы отправился съ нами. Къ тебѣ бы вернулась молодость тамъ. Чортъ возьми! Что мы будемъ теперь дѣлать, старина, когда намъ уже не съ кѣмъ больше сражаться? Мы будемъ снова спорить...

— Нѣтъ, товарищъ, — отвѣчалъ Леммеръ, — кладя свою руку на плечо Бринтона.—Мы съ тобою не будемъ больше спорить. Я надѣюсь, что ты будешь теперь бороться рядомъ со мной.

— О, нѣтъ! - засмѣялся Бринтонъ. — Я уже сказалъ молодому пастору, что я буду стоять въ сторонѣ и только буду говорить вамъ, какъ надо сражаться, и указывать, гдѣ находится дьяволъ, а вѣдь и этого много! Я могу убе-

речь васъ отъ безполезныхъ ударовъ, если вы будете слушать меня.

Разговоръ умолкъ, но Леммеръ все еще медлилъ уходить. Тогда Бринтонъ, улыбаясь, сказалъ ему:

— Я знаю, о чемъ ты думаешь, Мэтью. Тебѣ хочется помолиться съ нами, прежде чѣмъ ты уйдешь. Ну, такъ и быть! Ты отважный боецъ, старикъ, и я знаю, что ты дашь себя разрѣзать на куски скорѣе, нежели уступишь врагу поле битвы; поэтому мы готовы вмѣстѣ съ тобой преклонить колѣна. Томъ, Билль, становитесь на колѣни, если не для чего другого, такъ ради того, чтобы доставить удовольствіе старому борцу!

Улыбаясь, Леммеръ и Бринтонъ опустились на колѣни и другіе послѣдовали ихъ примѣру.

Предварительный судъ, опедѣляющій преданіе суду присяжныхъ, происходилъ въ Моседэлѣ, за четыре мили отъ Минвэля, и четырехъ подсудимыхъ отвезли туда на слѣдующее же утро. Изъ жителей Минвэля лишь очень немногіе явились въ судъ, такъ какъ, по желанію Бринтона, Леммеръ объявилъ имъ, что праздники миновали, и они должны теперь идти на фабрику, работать.

Противъ Ингама, Брикноля и Бринтона было выставлено обвиненіе въ томъ, что они помогали Пли укрываться и подстрекали его сопротивляться законной власти. Но такъ какъ полицейскій надзиратель заявилъ, что онъ не настаиваетъ на этомъ обвиненіи, то предсѣдатель суда послѣ краткой рѣчи, выражавшей порицаніе подсудимымъ, объявилъ имъ, что они могутъ быть отпущены на свободу, послѣ того какъ уплатятъ судебныя издержки.

— Мы не можемъ уплатить теперь!—воскликнулъ весело Бринтонъ.—Въ Минвэлѣ денегъ нѣтъ.—Но тутъ Донниморъ поднялся со своего мѣста и объявилъ судьѣ, что онъ беретъ на себя уплату.

Пли судили за нанесеніе тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій, и на вопросъ судьи, онъ твердымъ голосомъ отвѣтилъ: „виновенъ!“ Были допрошены свидѣтели, слуга и полицейскій въ Дубкахъ, миссъ Слэтеръ и докторъ, а полицейскій надзиратель разсказалъ подробности его ареста. Между прочимъ было упомянуто о томъ, что онъ бѣжалъ, но противъ этого энергично протестовалъ Бринтонъ:

— Вовсе нѣтъ, джентльмэны!—вмѣшался онъ.—Онъ и не думалъ бѣжать, но мы его увели! Мы бы конечно отправили его подальше, если бы могли, но я говорю вамъ, что онъ былъ совершенно сумасшедшій.

Бринтону было сдѣлано замѣчаніе за то, что онъ вмѣшался, а затѣмъ онъ и его товарищи были допрошены судьей относительно того, въ какомъ состояніи находился Пли въ воскресенье ночью и въ послѣдующіе дни. Въ просьбѣ отпустить на поруки арестованнаго было отказано, и Пли былъ преданъ суду присяжныхъ, гдѣ его дѣло должно было разсматриваться черезъ мѣсяцъ.

XXX.

Плоды кампаніи.

Бентли заявилъ протестъ Мабели и Доннимору противъ капитуляціи стачечникамъ, на которую они рѣшились, но въ душѣ онъ былъ доволенъ и во вторникъ самъ открылъ свои мастерскія. Въ Минвэлѣ и окрестностяхъ снова раздался стукъ машинъ. Большинство уже въ серединѣ недѣли вернулись въ свои прежніе дома, и только для тѣхъ, чьи дома были сожжены, устроены были въ городѣ квартиры.

Слэтеръ уже началъ выходить изъ дому съ помощью служителя, но для всѣхъ было ясно, что его дни, какъ человѣка и члена общества, миновали. Онъ впалъ въ дѣтство и то радовался, какъ ребенокъ, по поводу пустяковъ, то становился упрямъ и капризенъ. Друзья, навѣщавшіе его, находили, что было бы лучше для него, еслибы онъ былъ убитъ сразу. Тяжело было смотрѣть на этого, нѣкогда очень дѣловитаго человѣка, энергичнаго и настойчиваго, который превратился теперь въ жалкое слабоумное существо.

Въ числѣ другихъ посѣтителей явился къ Мабели и Педертонъ. Какъ только въ Манчестерѣ было получено извѣстіе о нападеніи на Слэтера, онъ тотчасъ же написалъ ей, отдавая себя въ ея распоряженіе. Онъ предлагалъ ей пріѣхать въ Минвэль, а если она найдетъ это нужнымъ, взять на себя руководство ея дѣлами. Но онъ былъ горько разочарованъ, получивъ ея письмо, въ которомъ она благодарила его и давала понять, что его присутствіе не нужно. Однако, онъ всетаки не терялъ надежды и только, когда онъ пріѣхалъ въ Минвэль и собственными глазами увидѣлъ Слэтера и Мабель, то убѣдился тотчасъ же, что мечты его разлетѣлись въ прахъ.

На слѣдующій день онъ явился къ Горриджу и сказалъ:—

— Не говори мнѣ больше ни слова! Я потерялъ, а пасторъ выигралъ! Тотъ рабочій нанесъ мнѣ такой же тяжелый ударъ, какъ и Слэтеру.

Съ этими словами онъ вышелъ.

— Моя дорогая,—сказалъ Донниморъ Мабели въ сочельникъ, во время обѣда.—Когда наша свадьба?

Мабель покраснѣла и улыбаясь отвѣтила:

— Я еще объ этомъ не думала, Фрэнкъ.

— Теперь вѣдь нѣтъ больше никакихъ преградъ. Твой отецъ не можетъ ни дать своего согласія, ни отнять его. Мы уже многое перенесли съ тобою въ Минвэлѣ, и оба стали другими. Я чувствую, моя милая, что нашъ бракъ явится провозвѣстникомъ новаго Минвэля.

— Я подумаю объ этомъ, Фрэнкъ. Вѣдь мнѣ надо время, чтобы приготовиться.

— Пустяки, моя красавица. Ты и такъ готова.

— Фрэнкъ, я не ожидала этого отъ тебя! Каждая дѣвушка нуждается по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ мѣсяцахъ, чтобы приготовиться къ свадьбѣ, и эти приготовленія доставляютъ ей всегда большое удовольствіе. А ты хочешь лишить меня этого! Съ твоей стороны это было бы жестоко.

— Назначимъ, въ такомъ случаѣ, въ концѣ января?

— Черезъ мѣсяцъ? Что ты! Это невозможно. При томъ же Фредъ пріѣдетъ въ февралѣ. Мнѣ бы не хотѣлось безъ него назначать день.

Донниморъ вздохнулъ:—Повидимому я долженъ уступить,—сказалъ онъ.—Но послѣ событій послѣдняго времени я горю нетерпѣніемъ связать тебя со мной.

— Есть важные вопросы, которые надо порѣшить, когда Фредъ пріѣдетъ.

— Знаю. Но я бы хотѣлъ, дорогая, если возможно, чтобы ты не отдавала своей фабрики какой-нибудь промышленной компаніи. Какъ много ты можешь сдѣлать въ Минвэлѣ, оставаясь собственницей или, хотя бы, только участницей въ дѣлѣ.

— Фредъ долженъ рѣшить этотъ вопросъ.

— Конечно, но вѣдь и ты имѣешь голосъ. Скажи мнѣ откровенно, желаешь ли ты, также какъ прежде, отдѣлаться отъ Минвэля?

Мабель немного покраснѣла и, слегка улыбнувшись, сказала:

— Нѣтъ, Фрэнкъ. Я уже не тотъ взбалмошный прихотливый ребенокъ, какимъ я была, когда ты познакомился со мной. Я выросла въ эти нѣсколько недѣль. Но, хотя ты будешь сильно разочарованъ, я всетаки не могу находить Минвэль красивымъ, пока во мнѣ осталась хоть капля художественнаго чувства.

— Да онъ и некрасивъ, моя прелесть! Я даже сомнѣваюсь, чтобы его можно было сдѣлать красивымъ. Но его можно сдѣлать болѣе привлекательнымъ и здоровымъ мѣстомъ. А

одного твоего появленія будетъ достаточно, чтобы сообщить улицамъ Минвэля болѣе веселый видъ и привлекательную внѣшность...

Мабель ничего не отвѣтила, и Донниморъ продолжалъ:

— Мнѣ было бы тяжело покинуть это мѣсто. И я измѣнился съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ сюда. Правда, это была суровая школа, но она принесла мнѣ пользу. Я полюбилъ всею душой нѣкоторыхъ изъ этихъ смѣлыхъ, людей. Я буду вспоминать Леммера и его жену, когда мнѣ понадобится принести какую нибудь жертву и я буду колебаться. Ингамъ, Бринтонъ и другіе также близки моему сердцу. Дикая, но слѣпая выходка Бринтона, спасавшаго Пли отъ полиціи, невольно привлекаетъ меня къ нему. Должно быть, и у него, какъ и у меня, течетъ ирландская кровь въ жилахъ.

— Я тоже люблю нѣкоторыхъ изъ нихъ, но постараюсь полюбить всѣхъ, - сказала Мабель.

— Я глубоко вѣрю, что наша работа должна быть здѣсь, въ Минвэлѣ, и не только работа, а также и счастье. Какъ я могу думать дурно о Минвэлѣ, когда я нашелъ здѣсь тебя!

— О Френкъ!—воскликнула Мабель и обняла его.

Фредъ Слэтеръ пріѣхалъ въ Минвэль въ началѣ февраля. Доннимору онъ совсѣмъ не понравился, когда онъ увидѣлъ его въ первый разъ. Его глаза, ротъ, манера говорить—все это напоминало отца. Онъ сказалъ Мабели, что очень жалѣетъ, что его не было дома во время стачки; онъ бы помогъ отцу проучить рабочихъ такъ, чтобы они это помнили всю жизнь. Однако онъ всетаки не порицалъ Мабель за то, что она сдѣлала, и снисходительно замѣтилъ, что такой поступокъ вполнѣ отвѣчаетъ женскому доброму сердцу. Притомъ же пожалуй лучше и выгоднѣе, что работы на фабрикѣ возстановились. Когда Мабель попробовала было указать ему оборотную сторону медали, онъ только снисходительно посмѣялся надъ ней и сказалъ, что она стала такой хорошенькой дѣвушкой, что поневолѣ приходится всегда считать ее правой! Онъ сказалъ ей, между прочимъ, что онъ думалъ, что она выберетъ человѣка съ болѣе высокимъ положеніемъ, нежели простой священникъ, но жизнь въ такомъ закоулкѣ, гдѣ общество было весьма ограничено, не представляла ей другихъ рессурсовъ, и онъ понимаетъ ея выборъ.

Съ Донниморомъ у него было мало общаго, и поэтому между ними установились только холодныя, вѣжливыя отношенія. Но капитанъ Слэтеръ сказалъ своей сестрѣ, что для духовнаго лица Донниморъ весьма недуренъ. Донниморъ, съ своей стороны, ясно видѣлъ, что капитанъ вовсе не склоненъ играть роль фиктивнаго главы.—Когда я бываю здѣсь,—

говорилъ онъ,—то всегда радуюсь, что убѣдилъ отца отпустить меня на службу въ армію. Трудненько было это, но обстоятельства помогли мнѣ. Единственная хорошая сторона жизни здѣсь заключается лишь въ томъ, что она хорошо оплачивается, несмотря на стачки.

Онъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій Мабели на ея предложеніе пригласить опытнаго управляющаго. Въ свою очередь Мабель, при помощи Доннимора, могла бы продолжать дѣло.

— Пока доходы, приносимые фабрикой, не слишкомъ уменьшаются, до тѣхъ поръ мнѣ совершенно безразлично, какъ ведется дѣло!—сказалъ онъ. Рѣшено было оставить Дубки Мабели, и Слэтеръ долженъ былъ жить тамъ вмѣстѣ съ дочерью.

— Бѣдняга!—замѣтилъ капитанъ по поводу Слэтера.— Грустно видѣть крѣпкаго и здороваго человѣка, доведеннаго до такого состоянія! Я надѣюсь, что они этого парня засадятъ на каторгу по крайней мѣрѣ на двадцать лѣтъ! Ну, а теперь, Доннимoръ, поговоримъ о свадьбѣ. Мой отпускъ оканчивается въ концѣ іюня, но я хотѣлъ бы провести май въ Ирландіи, а въ іюнѣ уѣхать въ Норвегію. Такъ вотъ, надо бы сыграть свадьбу раньше, вѣдь теперь ничто не можетъ помѣшать ей?

Рѣшено было назначить свадьбу въ концѣ апрѣля, и поэтому капитанъ Слэтеръ поѣхалъ раньше на рыбную ловлю въ Шотландію.

Опытный адвокатъ былъ приглашенъ защищать Пли. Леммеръ и его жена ежедневно посѣщали подсудимаго, ожидавшаго суда, и передавали, что онъ теперь совершенно здоровъ нравственно, но все еще находится въ рукахъ врача и выглядитъ очень слабымъ и истомленнымъ.

— Что это докторъ возится съ нимъ? — говорилъ Бринтонъ.—Онъ бы лучше сдѣлалъ, если-бъ предоставилъ ему умереть!

Когда, наконецъ, наступилъ грозный день суда, то всѣ товарищи Пли, явившіеся въ судъ, чтобы присутствовать при разбирательствѣ, или въ качествѣ свидѣтелей, были поражены его видомъ. Онъ казался совершенно надломленнымъ, больнымъ человѣкомъ, а въ глазахъ его Доннимoръ замѣтилъ цѣлое море безъисходной тоски. Въ улыбкѣ, которою онъ привѣтствовалъ своихъ друзей, было что-то безконечно трогательное, и Бринтонъ, на котораго вся обстановка суда наводила трепетъ ужаса, съ ожесточеніемъ шепнулъ Леммеру:

— Ахъ, я отъ всего сердца желаю, чтобы онъ умеръ здѣсь и сейчасъ же!

Но Леммеръ отрицательно покачалъ головой:

— Нѣтъ, товарищъ! Я все время молюсь, чтобы Господь даровалъ ему силы перенести тяжелое испытаніе и поддержалъ его. Если они отправятъ его въ тюрьму, то, значитъ, Господь уготовилъ для него тамъ работу.

— Ахъ вы, христіане!—замѣтилъ Бринтонъ.—Если васъ станутъ рѣзать по кусочкамъ, то и тогда вы будете вѣрить, что такъ нужно для чьей-нибудь пользы и добра! Ну а я, когда я смотрю на все это, — онъ указалъ на мрачную и торжественную обстановку судебной залы, - то въ душѣ ругаю себя дуракомъ за то, что я допустилъ, чтобы они захватили его! Если бы я хоть что-нибудь смыслилъ тогда, то разумѣется, я бы увелъ его подальше!

Когда предсѣдатель суда, сэръ Джемсъ Грэтели, занялъ свое мѣсто, то Бринтонъ почувствовалъ, что онъ совсѣмъ падаетъ духомъ. Онъ посмотрѣлъ на блѣдное, аскетическое лицо судьи, на его глубоко сидящіе глаза, почти скрытые густыми, нависшими сѣдыми бровями, и шепнулъ Леммеру:

— Онъ—воплощеніе дьявола, старина, или я ничего тутъ не понимаю! Ахъ, какимъ я былъ дуракомъ!

Пли не отрицалъ своей виновности, и потому судебная процедура была коротка. Донниморъ и Леммеръ дали показанія, характеризующія подсудимаго, какъ человѣка, и сообщили о его душевномъ состояніи и о причинахъ, заставившихъ пошатнуться его разсудокъ. Ингамъ, Брикноль и Бринтонъ разсказали о его состояніи, когда онъ находился съ ними, въ горномъ убѣжищѣ. Бринтонъ повернулся къ судьѣ, когда давалъ свои отвѣты на предложенные ему вопросы:

— Если какого-нибудь человѣка можно назвать сумасшедшимъ, такъ это именно его въ то время! — сказалъ Бринтонъ.—Я знаю его много лѣтъ: въ здравомъ умѣ онъ не обидитъ и мухи. Онъ изъ тѣхъ христіанъ, которые вѣрятъ...

Но тутъ Бринтона остановилъ судья. Однако, Бринтонъ непремѣнно хотѣлъ договорить свою мысль:

— Нѣтъ, сэръ, вы должны выслушать правду, — продолжалъ онъ.—Онъ изъ того сорта настоящихъ христіанъ...

— Молчать!—крикнулъ судья.

— И въ то время онъ былъ совершенно сумасшедшимъ. Это всѣмъ извѣстно, и мы всѣ ручаемся вамъ въ этомъ своимъ словомъ,—продолжалъ Бринтонъ.

Сэръ Джемсъ сверкнулъ глазами на Бринтона, но тотъ нисколько не смутился и, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ на свое мѣсто.

Тюремный врачъ засвидѣтельствовалъ, что подсудимый совершенно здоровъ психически теперь и былъ здоровъ все то время, которое находился подъ его наблюденіемъ. Однако, докторъ вполнѣ допускалъ, что во время совершенія преступленія онъ могъ быть въ ненормальномъ состояніи.

Приговоръ можно было предвидѣть заранѣе, но все же, когда сэръ Джемсъ произносилъ его, то Леммеру показалось, что его слова падаютъ на него, какъ удары тяжелаго молота, заколачивающаго склепъ.

Таковъ былъ исходъ событій, нарушившихъ миръ и спокойствіе Минвэля. Ни у кого не оставалось сомнѣнія, что подсудимый былъ на волосокъ отъ страшной опасности и могъ быть приговоренъ къ смертной казни. Но все, что было сказано о подсудимомъ, оказало вліяніе на судей, и они вынесли болѣе милостивый приговоръ, отправивъ его на каторжныя работы на семь лѣтъ.

Мистрисъ Леммеръ судорожно схватилась за грудь, какъ будто ея легкимъ не хватало воздуха, и задышала сильнѣе. Самъ Леммеръ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и закрылъ лицо руками. Донниморъ до крови закусилъ губы, а Бринтонъ бросилъ гнѣвный, вызывающій взглядъ на судъ и совершенно ясно проговорилъ: „Будьте вы прокляты!..“ Но вслѣдствіе нѣкотораго смятенія, происшедшаго въ это время въ залѣ, на это не было обращено вниманія. Онъ взялъ Леммѣра за руку и потащилъ его къ выходу. Лицо его исказилось отъ сдержаннаго негодованія, и онъ яростно прошипѣлъ, сверкая глазами:

— Что я вамъ говорилъ? Богатые всѣ стоятъ за богатыхъ! Будь я проклятъ за то, что я позволилъ имъ взять его!.. Уведите его домой, матушка, и пусть онъ молится,— сказалъ онъ вдругъ, обращаясь къ плачущей мистрисъ Леммеръ, указывая ей на совершенно подавленнаго горемъ старика.—О еслибъ я могъ вытащить оттуда того проклятаго старика,—заговорилъ онъ снова съ яростью,—я бы здорово исколотилъ его! А онъ еще говорилъ о милосердіи; Чортъ возьми! Хорошо они понимаютъ милосердіе!..

Леммеръ ничего не говорилъ, но его разстроенный видъ и страдальческіе глаза мистрисъ Леммеръ еще усиливали ярость Бринтона.

— Да, да, это христіане такого же сорта, какъ Сэмъ! — говорилъ онъ, задыхающимся отъ злобы голосомъ. — Ступайте-ка вы домой, а я пойду напьюсь пьянымъ до чортиковъ, чтобы забыться!..

— О, не дѣлайте этого, голубчикъ! Это больше, чѣмъ я могу вынести сегодня,—молящимъ голосомъ обратился къ

нему Леммеръ. Жена поддержала его. Доннимор̆ъ, который подошелъ къ нимъ незамѣченнымъ, присоединился къ старикамъ.

— Не дѣлайте этого, мистеръ Бринтонъ,—сказалъ онъ.— Это не достойно такого человѣка, какъ вы. Я теперь достаточно знаю васъ и думаю, что вы можете сдѣлать еще многое и не должны тратить своихъ силъ на пьянство; онѣ понадобятся на другое.

— Вы думаете?—Бринтонъ взглянулъ на нихъ сверкающими глазами, но затѣмъ взоръ его смягчился. — Если-бъ я зналъ, что могу этимъ причинить непріятность тому старому негодяю или могу помочь бѣднягѣ осужденному, то я бы не посмотрѣлъ ни на что!—проговорилъ онъ.—Но тебѣ, старина, я не хочу причинять огорченія. Я не пойду въ кабакъ, но вотъ что, Мэтью, и вы матушка: я бы желалъ, чтобы это послужило вамъ урокомъ и чтобы вы не принимали такъ близко къ сердцу чужое горе, какъ будто бы оно было ваше!.. Впрочемъ, что я говорю? Я знаю, что вы не свернете съ этого пути, избраннаго вами. Ступайте же и читайте свою Библію. Конечно, это принесетъ вамъ больше пользы, чѣмъ мнѣ пиво,—признаю это! Но что дѣлать!—Ты молишься по своему, а я по своему—вотъ и все!

Эпилогомъ стачки явился не только суровый приговоръ суда, но и веселые звуки свадебнаго колокола. Минвэль ликовалъ въ то ясное апрѣльское утро, когда Доннимор̆ъ повелъ къ вѣнцу Мабель Слэтеръ. Фабрика была закрыта на три дня, но рабочимъ было объявлено, что они получатъ плату за всѣ эти дни и поэтому могутъ спокойно веселиться. И, дѣйствительно, Минвэль никогда не веселился такъ, какъ въ эти дни. Рабочіе радовались счастью Доннимора, который былъ съ ними въ тяжелыя времена; его научились любить и уважать, и эта народная любовь создавала ему и его молодой женѣ въ Минвэлѣ такое прочное положеніе, какое не могло бы имъ создать все богатство Слэтера.

Приглашеннымъ на свадьбу рабочимъ былъ предложенъ чай съ сэндвичами, и Леммеръ сказалъ краткую прочувствованную рѣчь, провозглашая тостъ за здоровье новобрачныхъ. Затѣмъ заставили говорить Бринтона, хотя онъ всячески отнѣкивался.

— Я не ораторъ, — сказалъ онъ, — вѣдь вы это знаете. Я не умѣю говорить такъ, какъ старый Мэтью. Я только скажу, что Мэтью—отважный боецъ, такой же мужественный боецъ и мистеръ Доннимор̆ъ. Съ ними двумя вы можете не

бояться... я не могу сказать кого, въ присутствіи дамъ! Но все равно! Мистеръ Донниморъ получилъ дѣвушку, которую онъ хотѣлъ, а миссъ Слэтеръ — мужа, котораго хотѣла. И я скажу миссъ Слэтеръ, что она можетъ гордиться имъ: ей достался такой человѣкъ, какого многія молодыя женщины желали бы имѣть своимъ мужемъ!..

. . . .

Минвэль преобразился. Стачка, со всѣми ея бѣдствіями, была скоро забыта многими и не забыта только тѣми, кто понесъ въ этой борьбѣ невознаградимыя потери. Пережитая борьба оставила всетаки неизгладимые слѣды.

— Я бы хотѣлъ, чтобы ты выглядѣлъ счастливѣе теперь, старина,— сказалъ однажды Бринтонъ, вглядываясь въ скорбныя черты Леммера.

— Я счастливъ теперь, голубчикъ,—отвѣчалъ спокойно старикъ.

— Ты счастливъ, но я знаю: ты, такъ же какъ я, думаешь о томъ, что все могло бы быть иначе!.. Ахъ, я такъ желалъ, чтобы онъ умеръ!..

— Нѣтъ, товарищъ. Не надо этого желать. Я не хочу, чтобы онъ умеръ. Но я хотѣлъ бы, чтобы тяжелое бремя, которое на него обрушилось, лучше легло бы на мои старыя плечи...

Конецъ.

Трэдъ-юніоны.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Робертъ Блэтчфордъ училъ «Смита», коллективнаго англійскаго работника, какъ ему улучшить свое положеніе. «Если вы, Смитъ, какъ работникъ, желаете имѣть лучшую заработную плату, болѣе короткій рабочій день, больше отдыха и дешевое жилище,—то завербуйтесь немедленно въ дѣйствующую армію труда. Состоитъ она изъ трехъ дивизій. Прежде всего стоятъ трэдъ-юніоны, потомъ муниципалитеты, а затѣмъ парламентъ. Если работники желаютъ улучшить свое матеріальное положеніе, они должны сами помочь себѣ, для чего необходимо, насколько только возможно, использовать трэдъ-юніоны, мѣстное самоуправленіе и парламентъ. Если ими пользоваться умѣло, то послѣдствія для работниковъ будутъ въ высшей степени благопріятны. Вы имѣете достаточно правъ, чтобы пользоваться ими» *).

Въ этой статьѣ я хочу показать, какъ «Смитъ» использовалъ «первую дивизію», т. е. трэдъ-юніоны, и что ждетъ ихъ въ ближайшемъ будущемъ.

У насъ переведены очень хорошія книги о трэдъ-юніонахъ. Русскіе читатели, поэтому, знаютъ исторію рабочихъ союзовъ. Какъ извѣстно, отношеніе закона къ нимъ было съ самаго начала крайне подозрительное и враждебное. За каждымъ работникомъ въ отдѣльности теоретически признавалось право оставить хозяина въ случаѣ, если нанимаемый признаетъ плату недостаточной или рабочій день слишкомъ длиннымъ. Но если два или три товарища, работавшіе у того же хозяина, оставляли его по упомянутымъ выше причинамъ, то это составляло уже преступленіе, «заговоръ противъ интересовъ предпринимателя». За хозяевами признавалось право соединяться вмѣстѣ, чтобы выработать общій планъ дѣйствій, но если работники слѣдовали примѣру хозяевъ, то это составляло «criminal conspiracy», преступный заговоръ, караемый очень строго. Несмотря на запрещенія и наказанія, рабочіе группировались въ тайные союзы. Старые работники

*) Robert Blatchford, „Britain for the British“, London, 1902; p. 166.

до сихъ поръ разсказываютъ молодежи легенды, которыя слышали отъ отцовъ и дѣдовъ, легенды про то, какъ секретари рабочихъ союзовъ принимали членскіе взносы ночью, въ паркѣ или въ полѣ, подъ вѣчнымъ страхомъ «попасться». Въ концѣ XVIII вѣка секретарская должность могла довести до висѣлицы. Въ восемнадцатомъ и самомъ началѣ XIX вѣка издано около 30 законовъ, направленныхъ противъ тайныхъ союзовъ рабочихъ, т. е. противъ трэдъ-юніоновъ. Развитіе фабричной промышленности въ Англіи повело къ усиленной группировкѣ рабочихъ въ профессіональные союзы, стремившіеся, прежде всего, къ повышенію путемъ стачекъ заработной платы и къ сокращенію числа рабочихъ часовъ. И вотъ, въ самомъ началѣ XIX вѣка, парламентъ издаетъ законъ *), которымъ строго воспрещается «объединеніе рабочихъ съ цѣлью повысить заработную плату». Мировымъ судьямъ предоставлено было право отправлять въ тюрьму на три мѣсяца всякаго заподозрѣннаго въ участіи въ трэдъ-юніонѣ. Ни тюрьма, ни болѣе строгія наказанія не уничтожили трэдъ-юніоновъ и въ двадцатыхъ годахъ стали раздаваться отдѣльные голоса за извѣстное признаніе профессіональныхъ союзовъ. Въ 1825 г. парламентъ, который тогда состоялъ изъ помѣщиковъ и очень крупныхъ фабрикантовъ, назначилъ спеціальную коммиссію для изслѣдованія вопроса о трэдъ-юніонахъ. Только въ царствованіе Викторіи, послѣ того, какъ парламентъ сталъ болѣе демократичнымъ, законъ началъ относиться болѣе терпимо къ трэдъ-юніонамъ. Сперва ихъ признали не преступными, но все же незаконными сообществами. И только послѣ второго великаго билля о реформахъ, призвавшаго массы къ общественной жизни, профессіональные союзы были, наконецъ, признаны законными сообществами. Хартіей вольности трэдъ-юніоновъ признается законъ 1871 г. съ дополненіями 1876 г. **). Хартія узаконяла союзы и методъ ихъ борьбы за лучшую заработную плату, т. е. стачки. Трэдъ-юніоны занялись исключительно одними экономическими вопросами. Помимо стачечныхъ фондовъ, профессіональные союзы завели спеціальные капиталы, изъ которыхъ выдавались пособія больнымъ, потерявшимъ инструменты, затѣмъ деньги вдовамъ на похороны мужей, принадлежавшихъ къ трэдъ-юніонамъ. Богатые союзы, какъ напр., трэдъ-юніоны ткачей или машинистовъ, завели капиталы для выдачи пенсіи престарѣлымъ сочленамъ. Рабочіе союзы были организаціями, чуждавшимися политики. Сидней Веббъ, въ своей книгѣ «Socialism in England», приводитъ интересный фактъ, показывающій, до какой степени сильно было отвращеніе трэдъ-юніоновъ къ политикѣ. На международномъ конгрессѣ профессіональ-

*) 40-th George III. Cap. 106.

**) Trade-Union Acts 1871 and 1876. The 34-th and 35-th Vict. cap. 22 and the 39-th and 40-th Vict. cap. 31.

ныхъ союзовъ въ Лондонѣ въ 1888 г. англійскіе делегаты, состоявшіе почти исключительно изъ консерваторовъ, поддержали резолюцію анархистовъ противъ коллективистовъ, доказывавшихъ необходимость парламентской дѣятельности *). Рабочіе союзы отгородились тогда отъ политическихъ партій. Ихъ девизомъ стало «все своими средствами». Въ секретари трэдъ-юніоновъ избирались, по преимуществу, рабочіе. И когда стала очевидна необходимость основательныхъ знаній, которыхъ работникъ не можетъ набраться въ занятіяхъ урывками, трэдъ-юніоны придумали любопытный исходъ. Сперва союзы начали устраивать систематическіе курсы. Съ этой цѣлью на средства трэдъ-юніона приглашался лекторъ, принадлежащій къ University Extension. Затѣмъ трэдъ-юніонъ сталъ посылать наиболѣе талантливыхъ и способныхъ работниковъ въ Russkin College при Оксфордскомъ университетѣ. Рабочій союзъ давалъ стипендію на два года. Молодой работникъ изучалъ политическую экономію, государственное право. Затѣмъ онъ возвращался въ союзъ и становился секретаремъ какого-нибудь отдѣла. Такимъ образомъ, богатые трэдъ-юніоны имѣютъ теперь собственныхъ интеллигентовъ. Russkin College при Оксфордскомъ университетѣ даетъ только гуманитарное образованіе и поэтому, профессіональные союзы гарантированы, что ихъ стипендіатъ, получивъ дипломъ, не уйдетъ къ среднимъ классамъ. Въ концѣ девятидесятыхъ годовъ XIX вѣка, мы наблюдаемъ слабые признаки, показывающіе, что трэдъ-юніоны начали интересоваться политикой; но интересъ былъ настолько слабъ, что на выборахъ 1895 г. рабочіе отдали свои голоса консерваторамъ, когда тѣ обѣщали государственный пенсіонъ для престарѣлыхъ и восьмичасовой рабочій день.

На путь политики англійскихъ рабочихъ толкнули не ихъ вожди, а нѣкоторые предприниматели. Въ Англіи есть два промышленные міра. Одинъ обрабатываетъ волокнистыя, другой не волокнистыя вещества. Положеніемъ дѣлъ въ этихъ промышленныхъ мірахъ, какъ я пытался нѣсколько разъ выяснить **), опредѣляется такое явленіе, какъ имперіализмъ. Въ силу цѣлаго ряда условій, которыя я выяснялъ уже, дѣла въ томъ мірѣ, гдѣ обрабатываются волокнистыя вещества, идутъ отлично; но въ томъ мірѣ, обрабатывающемъ не волокнистыя вещества, центромъ котораго является Бирмингэмъ, промышленность сильно пошатнулась. Предприниматели, просмотрѣвъ главныя причины явленія, винятъ во всемъ свободную торговлю и профессіональные союзы. Забывается, что міръ, обрабатывающій волокнистыя вещества, обогащается именно вслѣдствіе свободной торговли. Въ Ланкаширѣ, въ сердцѣ текстильнаго производства, мы видимъ и наи-

*) Socialism in England, p. 35.
**) См. *Діонео*, „Очерки современной Англіи", стр. 33—159.

болѣе богатые трэдъ-юніоны. Это явленіе не остановило предпринимателей изъ міра, гдѣ обрабатываютъ не текстильныя вещества, въ ихъ походѣ противъ свободной торговли и трэдъ-юніоновъ. Газеты, отстаивающія интересы бирмингэмскихъ заводчиковъ, стали доказывать, что англійскую промышленность погубили фритрэдерство и трэдъ-юніонизмъ. Чтобы возродить упавшія дѣла двѣнадцати графствъ, тяготѣющихъ къ Бирмингэму, необходимы, по мнѣнію этихъ газетъ, протекціонизмъ и «свободные работники», т. е. не принадлежащіе къ союзу. Часть предпринимателей искала только поводъ, чтобы начать походъ противъ профессіональныхъ союзовъ. Хотя у власти стояли консерваторы, но надежды на то, что удастся провести въ парламентѣ законъ противъ трэдъ-юніоновъ, не было никакой. Противъ такого законопроекта высказались бы не только радикалы, но ланкаширскіе фабриканты, какъ либералы, такъ и тори. И вотъ предприниматели нашли путь, какъ добиться помимо парламента закона противъ рабочихъ союзовъ. Въ 1900 г. союзъ желѣзнодорожныхъ служащихъ (Amalgamates Society of Railway Servants), объявилъ стачку на желѣзной дорогѣ въ долинѣ Таффъ, кончившуюся неудачно. Компанія привлекла къ суду союзъ, обвиняя его въ заговорѣ противъ ея интересовъ. Дѣло шло о «пикетированіи», т. е. о «сниманіи» рабочихъ. Компанія доказывала, что «пикетированіе» незаконно и составляетъ «conspiracy», т. е. заговоръ. Судья Фэйруэллъ рѣшилъ дѣло въ пользу компаніи. Союзъ желѣзнодорожныхъ служащихъ перенесъ дѣло во вторую инстанцію. Аппеляціонная палата отмѣнила рѣшеніе судьи. Тогда компанія перенесла дѣло въ палату лордовъ, которая утвердила рѣшеніе судьи Фэйруэлла и присудила въ пользу желѣзной дороги съ союза 23 тысячи ф. ст. Это рѣшеніе составило прецедентъ, которымъ фактически отмѣнялась хартія 1871 г. Явился новый законъ, выработанный не парламентомъ, а судьями, въ силу котораго стачки становились проступкомъ, караемымъ тяжелымъ штрафомъ. За рѣшеніемъ по поводу стачки въ долинѣ Таффъ послѣдовали четыре такихъ же прецедента. Судебный приговоръ устанавливалъ, что «пикетированіе» незаконно и что трэдъ-юніонъ имущественно отвѣчаетъ за проступокъ своего секретаря или вообще сочлена. Капиталы трэдъ-юніоновъ очутились въ опасности. Поднялся вопросъ о немедленномъ переводѣ всѣхъ денегъ куда-нибудь за границу. Среди трэдъ-юніонистовъ началось сильное броженіе. Они увидали настоятельную необходимость немедленнаго изысканія такихъ средствъ, при помощи которыхъ возстановлена была бы хартія 1871 г. И трэдъ-юніоны пришли къ заключенію, что необходимо заняться политикой; необходимо имѣть свою собственную партію въ парламентѣ. Немедленно возникъ спеціальный комитетъ (Labour Representation Committee), съ цѣлью добиться осуществленія этого рѣшенія. Въ концѣ 1902 г., черезъ годъ послѣ судебнаго

рѣшенія, мы видимъ, что къ комитету присоединились 736.000 членовъ *). Впослѣдствіи комитетъ перемѣнилъ свое названіе на Labour Party (рабочая партія).

Рабочая партія, — читаемъ мы въ программѣ,—есть федерація, состоящая изъ трэдъ-юніоновъ, промышленныхъ совѣтовъ, соціалистическихъ обществъ и мѣстныхъ рабочихъ ассоціацій. Въ партію допускаются также кооперативныя общества **). Цѣль рабочей партіи—организовать и поддерживать парламентскую партію, имѣющую своихъ собственныхъ вождей и отдѣльную политику, а также обезпечить выборы соотвѣтственныхъ кандидатовъ. Послѣднихъ матеріально поддерживаетъ мѣстное филіальное отдѣленіе рабочей партіи. Всѣ кандидаты обязываются отстаивать въ парламентѣ, въ случаѣ избранія, всю программу партіи и подчиняться ея рѣшенію. Во главѣ партіи стоитъ исполнительный комитетъ изъ тринадцати членовъ: изъ нихъ—девять представляютъ трэдъ-юніоны, одинъ—рабочіе совѣты, а три—соціалистическія общества. Партія собираетъ спеціальный парламентскій фондъ, составленный изъ членскихъ взносовъ въ размѣрѣ одного пенни (4 коп.) въ годъ.

Послѣдній отчетъ показываетъ, что рабочая партія объединяетъ около милліона сочленовъ. Такимъ образомъ, членскіе взносы въ 4 коп. въ годъ составляютъ 40 тысячъ руб. (4118 ф. ст.). Изъ этихъ денегъ выдано было коммонерамъ-рабочимъ 3559 ф. ст. (Въ англійскомъ парламентѣ, какъ извѣстно, депутаты не получаютъ жалованья ***).

II.

Рѣшеніе палаты лордовъ по поводу стачки въ долинѣ Таффъ, такимъ образомъ, заставило трэдъ-юніонистовъ заняться политикой; но до общихъ выборовъ было еще далеко. У власти прочно сидѣли консерваторы. Либералы, зная то сильное впечатлѣніе, которое произвело на массы судебное рѣшеніе, внесли въ 1904 г. билль объ узаконеніи стачекъ. (Законопроектъ Паултона). Сводился онъ къ слѣдующему. «За каждымъ лицомъ въ отдѣльности или за нѣсколькими вмѣстѣ, дѣйствующими отъ себя, отъ трэдъ-юніона или отъ какой-либо другой зарегистрованной или незарегистрованной организаціи»,—признается право мирнаго «пикетированія» съ цѣлью устроить стачку. Мирное пикетированіе состоитъ въ уговариваніи стоящихъ на работѣ оставить ее и присоединиться къ стачечникамъ. Если два или нѣсколько человѣкъ уговорятся

---

*) См. The Reformers' Year Book, 1903, p. 23.

**) Дальше читатели увидятъ любопытную связь, существующую между трэдъ-юніонизмомъ и кооперативнымъ движеніемъ.

***) The Reformers, Year Book, 1907; p. 77.

вмѣстѣ, чтобы создать стачку, то это не будетъ еще заговоръ (conspiracy) противъ частныхъ интересовъ. И въ этомъ еще нѣтъ повода для привлеченія къ суду. Этотъ пунктъ требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Законъ въ Англіи, предоставляющій каждому гражданину самое широкое право критики дѣятельности правительства, — строго охраняетъ интересы частныхъ лицъ. Тяжелые штрафы (наложенные, конечно, судомъ присяжныхъ, а не въ административномъ порядкѣ) грозятъ человѣку, который какимъ-нибудь образомъ нарушитъ интересы частнаго лица. И тутъ мы видимъ примѣры слишкомъ свободнаго толкованія закона.

Если Смитъ съ женой, напр., будутъ распространять про Джонеса, что сыръ, которымъ тотъ торгуетъ, плохъ, лавочникъ можетъ привлечь критиковъ по обвиненію въ заговорѣ (conspiracy) противъ его, Джонеса, частныхъ интересовъ. Въ 1902 г. былъ случай, когда антрепренеръ привлекъ къ суду провинціальную газету, давшую очень неодобрительный отзывъ о пьесѣ. Антрепренеръ объяснилъ, что прогорѣлъ вслѣдствіе неодобрительной рецензіи и потому обвинялъ редактора въ conspiracy. Въ томъ же году романистка за такую-же неодобрительную рецензію привлекла къ суду критика и получила съ него фартингъ (1 коп.) убытковъ. Предприниматели, опираясь на законъ о conspiracy и на судебное рѣшеніе, говорили трэдъ-юніонамъ: «вы, конечно, можете устраивать стачки; но если вы будете сговариваться оставить работу, то мы васъ привлечемъ къ суду по обвиненію въ заговорѣ противъ нашихъ интересовъ». Законопроектъ Паултона долженъ былъ устранить такую возможность. Третій пунктъ билля имѣлъ въ виду охраненіе капиталовъ профессіональныхъ союзовъ. Устанавливалось, что трэдъ-юніоны неотвѣтственны имущественно за дѣятельность отдѣльныхъ членовъ или же лицъ, состоящихъ на службѣ у союза. Въ парламентѣ даже многіе консерваторы, зная настроеніе избирателей, не рѣшились открыто выступить противъ билля, и онъ былъ принятъ во второмъ чтеніи большинствомъ 238 противъ 199 голосовъ. Но законопроектъ при помощи одной изъ тѣхъ безчисленныхъ уловокъ, которыя такъ хорошо извѣстны опытнымъ парламентскимъ вождямъ, былъ снятъ съ очереди. Въ 1905 г. билль объ узаконеніи стачекъ внесъ другой коммонеръ-либералъ— Уайтекеръ. Законопроектъ тоже состоялъ изъ трехъ пунктовъ: 1) легализація «сниманія» (пикетированія); 2) подговоры къ стачкѣ не составляютъ conspiracy и 3) неприкосновенность фондовъ трэдъ-юніоновъ. Законопроектъ погибъ во второмъ чтеніи. Наступили выборы 1906 г. Консерваторы потерпѣли страшное пораженіе. Почти всѣ министры съ премьеромъ во главѣ были забаллотированы. У власти стали либералы; но самое удивительное было не это, а внезапное нарожденіе совершенно новой, большой и крѣпко сплоченной парламентской партіи—рабочей. Результаты выборовъ свидѣтельствовали о необыкновенномъ энтузіазмѣ избирателей, го-

лосовавшихъ за рабочихъ кандидатовъ. Этихъ избирателей не нужно было убѣждать, чтобы они выполнили свой гражданскій долгъ: они валили толпами къ избирательнымъ урнамъ, не смотря на погоду, не смотря на дальнее разстояніе. За кандидатовъ, принадлежащихъ къ Independent Labour Party, напр., подано 221.696 голосовъ, что, въ среднемъ, составляетъ 13.029 голосовъ на кандидата. Либеральные же кандидаты, въ среднемъ, получили по 9.763 голоса.

Въ февралѣ 1906 г., черезъ мѣсяцъ послѣ открытія новаго парламента, правительство, согласно обѣщанію, данному на выборахъ, внесло билль объ узаконеніи стачекъ. Пункты о легализаціи пикетированія и о «conspiracy» совпадали вполнѣ съ соотвѣтственными параграфами въ билляхъ Паултона и Уайтекера; но пунктъ о неприкосновенности фондовъ трэдъ-юніоновъ представлялъ нѣкоторыя особенности. Онъ заключалъ въ себѣ много неясностей. Съ одной стороны, трэдъ-юніоны были отвѣтственны имущественно за незаконные поступки своихъ секретарей; съ другой—законопроектъ какъ будто бы открывалъ лазейку профессіональнымъ союзамъ, чтобы не платить за своихъ служащихъ. Согласно законопроекту, фонды союза были неприкосновенны, если 1) секретарь свершилъ незаконный поступокъ, вопреки постановленію комитета трэдъ-юніона, 2) если комитетъ, послѣ того, какъ поступокъ былъ свершенъ, отрекся отъ него. Парламентская рабочая партія не удовлетворилась такой формулировкой билля и внесла свой законопроектъ (Hudson's Bill), состоявшій тоже изъ трехъ параграфовъ. Первые два совпадали съ правительственнымъ законопроектомъ. Что касается третьяго параграфа, то въ немъ точно говорилось, что, каковъ бы ни былъ исходъ дѣла, начатаго хозяевами противъ одного или нѣсколькихъ членовъ профессіональнаго союза, — фонды послѣдняго неприкосновенны. Вождь либеральной партіи съ прямотой, дѣлающей ему честь, призналъ, что формулировка третьяго параграфа въ биллѣ, внесенномъ рабочей партіей, лучше, чѣмъ въ правительственномъ законопроектѣ. Министерство спаяло вмѣстѣ два билля, и новый законопроектъ прошелъ во второмъ чтеніи большинствомъ 317 — противъ 44 голосовъ. Во время обсужденія законопроекта по пунктамъ (in Committee) рабочіе депутаты внесли еще нѣсколько добавленій къ третьему пункту, чтобы окончательно, такъ сказать, бронировать фонды трэдъ-юніоновъ. Поправки и поясненія были приняты, и девятаго ноября 1906 г. законопроектъ прошелъ въ нижней палатѣ въ третьемъ чтеніи. Лорды рѣзко критиковали билль; но, зная настроеніе массъ, не рѣшились измѣнить его. Билль сталъ закономъ. Всѣ «прецеденты», созданные судебными рѣшеніями, отмѣнялись. Трэдъ-юніоны опять получили хартію 1871 г., но на этотъ разъ болѣе точно формулированную. Казалось, что теперь подъ законъ не то что «комаръ носа не можетъ подточить», но даже самые ловкіе адвокаты, иску-

явившіеся въ прискаціи прецедентовъ, какъ не могутъ доказать, что фонды трэдъ-юніона прикосновенны.

Итакъ, событія толкнули трэдъ-юніоны на путь политической дѣятельности. Въ результатѣ оказалась парламентская партія, состоящая изъ 31 коммонера и поддерживаемая членскими взносами 900.000 трэдъ юніонистовъ. «Смитъ» послушался совѣта Блэтчфорда и занялъ послѣднюю линію укрѣпленій. Вмѣсто *трэдъ*-юніонизма, мы видимъ теперь *парламентскій* юніонизмъ. Профессіональные союзы—теперь громадная сила въ Англіи. По послѣднимъ отчетамъ въ Соединенномъ Королевствѣ теперь 1148 союзовъ съ почти двухмилліоннымъ числомъ членовъ (1.866.755) *). Если считать женъ и дѣтей трэдъ-юніонистовъ, то мы увидимъ, что профессіональные союзы объединяютъ почти 25% всего населенія Соединеннаго Королевства. По послѣднимъ отчетамъ сто главныхъ трэдъ-юніоновъ располагали доходомъ въ 20 милліоновъ рублей (20.974.470 ф. ст.), а годичный расходъ ихъ составлялъ 2.042.165 ф. ст.

Запасной капиталъ этихъ ста обществъ равнялся 46 милл. руб. (4.616.230 ф. ст.). Представленіе о дѣятельности трэдъ-юніоновъ получится при анализѣ расходовъ ихъ. Прежде всего, изъ чего

*) Вотъ наиболѣе крупные трэдъ-юніоны:

Названіе союзовъ.	Число членовъ.	Капиталъ.
Союзъ корабельныхъ рабочихъ	50884	331239 ф. ст.
„ столяровъ и плотниковъ	68000	112000 „ „
Лондонское общество наборщиковъ	11500	65000 „ „
Союзъ доковыхъ и гаванныхъ работниковъ	12023	7220 „ „
Національный союзъ докеровъ	12000	?
Соединенное общество машинистовъ	103500	700000 „ „
Національный союзъ работниковъ на газовыхъ заводахъ	30000	?
Союзъ работниковъ на стеклянныхъ заводахъ	2800	34749 „ „
Федерація работниковъ по металлу	60000	?
„ шахтовыхъ работниковъ Великобританіи	327000	27208 „ „
Айрширскій федеральный союзъ углекоповъ	4580	5450 „ „
Дерхэмская ассоціація углекоповъ	89914	322942 „ „
Почтовый союзъ	32200	?
Соединенное общество желѣзнодорожныхъ служащихъ	100000	330567 „ „
Общество ткачей	20300	455841 „ „
Ассоціація трамвайныхъ служащихъ	13000	23500 „ „
Союзъ ткачей сѣверныхъ графствъ	90000	?
Соединенное общество портныхъ	14277	?
Ассоціація типографскихъ работниковъ	18993	53705 „ „

состоятъ доходы профессіональныхъ союзовъ? 1.855.000 ф. ст. получены путемъ членскихъ взносовъ и прямыхъ сборовъ. Остальные 212.420 ф. ст. составляютъ проценты съ капиталовъ, помѣщенныхъ въ бумагахъ разнаго рода. Союзъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, напр., владѣетъ желѣзнодорожными акціями на 500 тысячъ рублей. Теперь, какъ расходуются деньги? Послѣдній отчетъ министерства торговли и промышленности говоритъ, что сто главныхъ трэдъ-юніоновъ израсходовали 14,6% своихъ доходовъ на стачки. Любопытно, что за послѣдніе годы замѣчается послѣдовательное паденіе стачечнаго фонда. Въ 1900 г., напр., на стачки израсходовано 18% всѣхъ собранныхъ денегъ. Пониженіе расходовъ объясняется тѣмъ, что теперь чаще, чѣмъ прежде, наблюдается полюбовное соглашеніе между хозяевами и работниками въ случаѣ возникновенія какихъ-нибудь недоразумѣній. Полюбовнымъ соглашеніемъ во многихъ отрасляхъ промышленности установлена «подвижная скала», при которой заработная плата повышается и понижается въ зависимости отъ хорошаго или плохого положенія дѣлъ. Затѣмъ, въ рубрикѣ расходовъ мы имѣемъ «Unemployed Benefit», т. е. пособіе сочленамъ, временно потерявшимъ работу. Въ десятилѣтній періодъ отъ 1895 — 1904 г. трэдъ-юніоны расходовали на пособія, въ среднемъ, 22,6% своихъ поступленій. Въ 1895 г. расходъ составлялъ 30,3%, а въ 1904 г.—даже 31,5%; но въ промежуткѣ между 1895 и 1899 гг. число безработныхъ сильно уменьшилось. Повидимому, расходъ на пособіе безработнымъ не обнаруживаетъ теперь тенденціи понижаться. Скорѣе можно предположить, что въ ближайшемъ будущемъ число безработныхъ возрастетъ.

Потомъ, въ отчетахъ трэдъ-юніоновъ мы видимъ рубрику «разные расходы»; сюда входятъ: пособіе больнымъ членамъ, помощь при несчастныхъ случаяхъ, деньги на похороны и пенсія престарѣлымъ (въ тѣхъ союзахъ, гдѣ она выдается). За десятилѣтній періодъ на рубрику эту приходится 41,4%, причемъ коэффиціентъ очень устойчивъ, не смотря на увеличеніе доходовъ. Четвертая рубрика расходовъ называется «разныя разности». Мы теперь не станемъ анализировать ее. Изслѣдованіе оффиціальнаго отчета приводитъ насъ къ выводу, что 1.127.529 работниковъ, входящихъ въ составъ ста главныхъ трэдъ-юніоновъ, израсходовали на стачки, на пособія безработнымъ и больнымъ, а равно на пенсіи старикамъ,—20 милліоновъ рублей.

III.

Парламентскій законъ возвратилъ трэдъ-юніонамъ ихъ хартію вольностей; но нѣкоторые предприниматели не отказались отъ мысли вступить въ бой съ профессіональными союзами, чтобы окончательно сломить ихъ. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить столкновеніе между желѣзнодорожными компаніями и Amalgamated Society of Railway Servants (Соединенное общество желѣзнодорожныхъ служащихъ), однимъ изъ наиболѣе сильныхъ профессіональныхъ союзовъ въ Англіи. Это тотъ самый трэдъ-юніонъ, который семь лѣтъ тому назадъ объявилъ стачку въ долинѣ Таффъ. Съ этого союза взыскано было потомъ 23 тысячи ф. ст.

Осложненіе началось еще въ прошломъ году, въ ноябрѣ, когда желѣзнодорожнымъ компаніямъ представлены были требованія, выработанныя служащими на спеціальномъ конгрессѣ. Требованія эти сводились къ слѣдующему:

Восьмичасовой или десятичасовой день, въ зависимости отъ рода службы.

Minimum отдыха въ девять часовъ до начала работы.

Повышеніе заработной платы за сверхсрочную работу на 25%.

Повышеніе заработной платы за воскресную работу на 50%.

Немедленное увеличеніе недѣльнаго заработка всѣхъ служащихъ, которые будутъ работать больше 8 часовъ въ день, на 2 шиллинга.

Увеличеніе недѣльнаго заработка работниковъ на лондонскихъ дорогахъ—на три шиллинга противъ заработка на провинціальныхъ линіяхъ.

Два машиниста, вмѣсто одного, на электрическихъ дорогахъ.

Требованія рабочихъ долженъ былъ представить директорамъ желѣзнодорожныхъ компаній секретарь трэдъ-юніона Бэллъ (членъ парламента отъ трэдъ-юніонистовъ); но директоры рѣшительно отказались признать его представителемъ рабочихъ. Тогда возникъ новый споръ о признаніи трэдъ-юніона компаніями желѣзныхъ дорогъ. Вопросъ этотъ имѣетъ такое громадное значеніе для англійскихъ профессіональныхъ союзовъ, что всѣ требованія, формулированныя выше, были сняты. Вмѣсто этого союзъ выдвинулъ одно требованіе: признаніе директорами, что секретарь трэдъ-юніона представляетъ интересы рабочихъ. Почему этотъ пунктъ имѣетъ такое громадное значеніе для рабочихъ? «Теперь, — объяснилъ Бэллъ, — когда желѣзнодорожные рабочіе имѣютъ какія-нибудь претензіи, они посылаютъ депутаціи къ директорамъ. Депутаціи состоятъ только изъ рабочіе, которые должны изложить требованія товарищей. Въ результатѣ получается, что очень часто депутаты, вслѣдствіе робости передъ хозяевами, отсутствія развит

отъ смущенія или отъ недостатка краснорѣчія, не въ состояніи точно изложить претензіи рабочихъ. Если директоръ выставляетъ какой-нибудь аргументъ, члены депутаціи не всегда въ состояніи отвѣтить на него. Они не могутъ сослаться на прецеденты или на общее положеніе промышленности. Кромѣ того членъ депутаціи въ глазахъ директора уже агитаторъ. Въ случаѣ репрессій, депутаты прежде всѣхъ получаютъ разсчетъ. Это означаетъ иногда полную невозможность найти гдѣ-нибудь заработокъ, такъ что предприниматели имѣютъ свой «черный списокъ» куда внесены, прежде всего, агитаторы. Сознаніе этого, конечно, сковываетъ иногда языкъ депутатамъ. Секретарь союза, съ другой стороны, совершенно независимый отъ хозяина человѣкъ. Онъ отлично знаетъ всѣ дѣла рабочихъ и общее положеніе дѣлъ данной отрасли промышленности. Съ директоромъ желѣзнодорожной компаніи секретарь союза встрѣчается, какъ равный съ равнымъ. Компанія не можетъ запугать представителя рабочихъ» *).

Не смотря на то, что въ Ланкаширѣ на всѣхъ фабрикахъ хозяевами признаны оффиціальные представители трэдъ-юніоновъ; не смотря на то, что теперь само правительство признало секретарей союза почтовыхъ служащихъ выразителями мнѣній членовъ этого трэдъ-юніона,—желѣзнодорожныя компаніи рѣшительно отказались вести дѣло съ Бэлломъ. Въ маѣ этого года одновременно состоялись въ разныхъ городахъ Англіи нѣсколько сотъ митинговъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. На сходкахъ этихъ рѣшено было настаивать *до послѣдняго* на признаніи компаніями трэдъ-юніона. Съ своей стороны директоры всѣхъ желѣзныхъ дорогъ столь же рѣшительно заявили, что желаютъ вести переговоры съ самими рабочими. Что же касается экономическихъ требованій, формулированныхъ конгрессомъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, то компаніи отказались удовлетворить ихъ, сославшись на неудовлетворительное положеніе дѣлъ. Въ виду чрезвычайной важности вопроса, секретарь профессіональнаго союза желѣзнодорожныхъ служащихъ рѣшилъ опросить всѣхъ членовъ трэдъ-юніона, считаютъ ли они надобнымъ идти въ создавшемся осложненіи до конца. Англичане тогда убѣдились, что впереди—возможность гигантской желѣзнодорожной стачки. Всякая «промышленная война» кончается несчастливо для одной изъ воюющихъ сторонъ, а иногда для обѣихъ. При желѣзнодорожной стачкѣ въ такой странѣ съ сильно развитой промышленностью, какъ Англія, страдаетъ еще третье лицо—общество. Возьмемъ только Лондонъ. Гигантскій городъ давно уже расползся безконечно по нѣсколькимъ графствамъ. Ежедневно утромъ десятки поѣздовъ подвозятъ къ сердцу метрополіи цѣлые полки клэрковъ, приказчиковъ, рабочихъ, стенографистокъ. При желѣзнодорожной стачкѣ запрутся банки, соединенные мѣдными

*) Interview съ Бэлломъ въ «Review of Reviews,» October, 1907, p. 349.

нервами со всѣми континентами, замретъ лихорадочная дѣятельность Сити, приводящая въ такое изумленіе иностранца, остановятся заводы. И это только въ Лондонѣ. А экспрессы, приводящіе по три раза въ день изъ Ньюгэвена, Фолькстона, Дувра, Квинборо и Гарича континентальныхъ пассажировъ и почту! А безконечные поѣзда изъ «черной страны» съ товарами! Все это остановится. Вся печать приняла дѣятельное участіе въ обсужденіи того, что нужно сдѣлать для избѣжанія стачки. Пресса раздѣлилась на два громадныхъ лагеря, причемъ демаркаціонная линія не вполнѣ совпадаетъ съ дѣленіемъ политическихъ партій. Печать, представляющая интересы міра, обрабатывающаго волокнистыя вещества, приняла сторону трэдъ-юніона и доказываетъ, что компаніямъ нѣтъ основанія не признавать профессіональныхъ союзовъ, если они признаны не только многими предпринимателями, но даже и правительствомъ. Газеты, выражающія мнѣнія міра, обрабатывающаго текстильныя вещества, доказываютъ, что трэдъ-юніоны погубили англійскую промышленность, поэтому борьба съ ними является патріотическимъ дѣломъ. Печать эта совѣтуетъ директорамъ стоять твердо и увѣряетъ, что это единственный способъ предупредить стачку. Какъ только возникло осложненіе, нѣкоторыя газеты посовѣтовали обѣимъ сторонамъ обратиться къ третейскому суду. Отъ этого отказались желѣзнодорожныя компаніи, сославшись на корреспонденцію въ «Financial Times» изъ Мельбурна, въ которой говорится, что трэдъ-юніоны подчиняются только выгодному для себя рѣшенію третейскаго суда *). Пресса, отстаивающая интересы желѣзнодорожныхъ компаній, держитъ себя крайне вызывающе. Можно подумать, что меньше всего директоры желаютъ, чтобы осложненіе разрѣшилось мирно. «Никакого кризиса не существуетъ,—пишетъ одинъ изъ директоровъ въ «Daily Mail».—

*) Въ изложеніи «Financial News» дѣло происходило такъ. На двухъ австралійскихъ желѣзныхъ дорогахъ (Millars'Karri и Jarrah Company возникли недоразумѣнія между компаніями и рабочими, которые требовали восьмичасовой день и восемь шиллинговъ, какъ minimum заработной платы. Обѣ стороны обратились къ третейскому суду, который рѣшилъ, что рабочими должны имѣть восьмичасовой рабочій день, но за то и соотвѣтственное *уменьшеніе* заработной платы. Рабочіе заявили, что не находятъ надобнымъ считаться съ постановленіемъ третейскаго суда и объявили стачку. „Мы время отъ времени жаловались на тяготы, наложенныя на насъ третейскимъ судомъ,--пишетъ корреспондентъ «Financial News», директоръ компаніи,—но подчинялись все-таки закону и давали заработную плату, опредѣленную посредникомъ. Но вотъ впервые третейскій судъ вынесъ рѣшеніе, которымъ работники остались недовольны,-—и они отказались подчиниться. Началась стачка, продолжавшаяся четырнадцать недѣль. Вотъ вамъ хваленая панацея для разрѣшенія недоразумѣній между предпринимателями и работниками!“ (Financial News August 2, 1907). Англійскіе рабочіе на всѣхъ конгрессахъ рѣшительно высказываются противъ третейскихъ судовъ съ обязательнымъ рѣшеніемъ.

Если общество и печать спокойно подождутъ недѣлю, то все «осложненіе», разсѣется, какъ дымъ. Все дѣло создано только болтовней агитаторовъ, получающихъ деньги и, поэтому, считающихъ необходимымъ шумѣть. Союзъ желѣзнодорожныхъ служащихъ насчитываетъ только 100 тысячъ человѣкъ, тогда какъ на всѣхъ дорогахъ служащихъ 580.000. На стачку не пойдутъ даже многіе члены трэдъ-юніона. Если же они сдѣлаютъ это, то нѣтъ никакого труда, замѣнить ихъ. На службѣ у компаніи находятся сотни начальниковъ станцій и помощниковъ, умѣющихъ обращаться съ самыми сложными сигнальными аппаратами. Если трэдъ-юніонисты по глупости объявятъ стачку, то компаніи будутъ рады отдѣлаться навсегда отъ нихъ. На основаніи опыта я знаю, что члены трэдъ-юніона охотнѣе всѣхъ другихъ заявляютъ претензіи, хотя работаютъ хуже. Что касается претензій, то, въ дѣйствительности, рабочіе ихъ не имѣютъ. Все выдумано трэдъ-юніонистами. Желѣзнодорожнымъ служащимъ живется лучше, чѣмъ какимъ-либо другимъ работникамъ. Правда, иногда имъ приходится работать сверхъ срока, но служащіе любятъ это. Стремленіе къ признанію трэдъ-юніона не серьезно. Оно создано Бэлломъ, желающимъ увеличить, такимъ образомъ, число сочленовъ и усилить собственное значеніе. Результатомъ признанія трэдъ-юніона былъ бы пандемоніумъ: секретарь профессіональнаго союза сталъ бы постоянно вмѣшиваться въ дѣла желѣзнодорожныхъ компаній». Директоръ заканчиваетъ свою статью такъ: «стачки не будетъ, потому что у рабочихъ нѣтъ причины начинать ее» *). Въ тѣхъ же газетахъ выступаютъ анонимные «рабочіе», восхваляющіе желѣзнодорожныя компаніи, объясняющіе, какъ выгодно служить у нихъ, ругающіе трэдъ-юніонъ. «Теперь, когда компаніи отказались принять Бэлла и приспѣшниковъ его,—пишетъ одинъ такой «рабочій», — я увѣренъ, что стачки не будетъ сравнительно съ условіями въ другихъ отрасляхъ промышленности, положеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ завидно. Подумайте только: 1) съ шестидесяти лѣтъ намъ идетъ пенсія въ размѣрѣ 2/3 жалованья; 2) мы имѣемъ ежегодно отпуски съ даровымъ проѣздомъ на мѣсто отдыха; 3) наши семьи получаютъ 75% скидки при проѣздахъ по желѣзнымъ дорогамъ. Назовите мнѣ еще предпринимателей, у которыхъ служащимъ было бы такъ же хорошо! Съ какой стати мы должны потерять все это, послушавшись наемнаго агитатора, добивающагося, чтобы директоры признали его? Кто тѣ, которые объявятъ стачку? Плохіе работники, ни на что не способные, лѣнтяи, завидующіе болѣе трудолюбивымъ товарищамъ» **). И такъ далѣе. Статистика показываетъ, что обвиненія рабочаго не точны: Союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ состоитъ не изъ «лѣнтяевъ» и «неспособ-

*) „Daily Mail", October 18, 1907.
**) «Observer», October 20, 1907.

ныхъ», а изъ цвѣта служащихъ. 20% его—кондукторы, 3%—машинисты, 20%—стрѣлочники и т. д.

Въ «Times» выступаютъ директоры съ такими-же заявленіями, какъ въ «Daily Mail», но формулированными болѣе корректно. Одинъ и тотъ же господинъ держитъ себя различно въ загородномъ ресторанѣ двусмысленной репутаціи и въ гостиной, хотя натура его, конечно, не можетъ измѣниться. «Въ обществѣ теперь мы постоянно слышимъ восклицанія добрыхъ, но близорукихъ людей: «какой ужасъ, если дѣло дойдетъ до желѣзнодорожной стачки!»—пишетъ директоръ. Компаніямъ настоятельно совѣтуетъ уступить во избѣжаніе стачки. Но въ томъ то и дѣло, что всеобщей стачки не будетъ. Бэллъ и друзья его недостаточно сильны, чтобы создать ее. Они представляютъ лишь 1/5 всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Можетъ ли союзъ рабочихъ создать частичную стачку? Это очень трудно, хотя все же возможно,—отвѣчаетъ директоръ. Если частичная стачка начнется, рабочіе будутъ побѣждены. Въ Англіи теперь можно насчитать десятки тысячъ рабочихъ, добивающихся мѣста на желѣзной дорогѣ, — продолжаетъ директоръ. На каждой желѣзной дорогѣ, кромѣ того, есть тысячи работниковъ, ждущихъ повышенія. На каждую должность есть готовый кандидатъ. Частичная стачка вызоветъ массовое повышеніе низшихъ служащихъ и увольненіе забастовщиковъ. Члены союза желѣзнодорожныхъ работниковъ,—говоритъ директоръ,—знаютъ, что не найдутъ нигдѣ такой выгодной службы, какъ у нихъ. Агитація, ведущаяся теперь, означаетъ не подготовленіе къ стачкѣ, а только желаніе напугать стачкой. Если общество испугается и общественное мнѣніе окажетъ давленіе на директоровъ, чтобы они признали трэдъ-юніонъ,—тогда стачка будетъ непремѣнно. Если же компаніямъ предоставлять свободу дѣйствій,—все разрѣшится мирно. Компаніи не могутъ признать трэдъ-юніона,—продолжаетъ директоръ,—такъ какъ желѣзнодорожное дѣло, не въ примѣръ другимъ предпріятіямъ, требуетъ строгой дисциплины, которая не можетъ быть соблюдена при наличности двухъ хозяевъ: директоровъ и трэдъ-юніона. Компаніи не могутъ подбирать наиболѣе способныхъ работниковъ, если каждое повышеніе будетъ критически обсуждаться секретаремъ трэдъ-юніона. Правда, секретарь скажетъ, что ничего подобнаго онъ не намѣренъ дѣлать; но можетъ ли онъ поручиться за то, что будутъ дѣлать другіе секретари, которые явятся ему на смѣну?» *) Директору было указано, что онъ пытается напугать общество и излагаетъ вещи не такъ, какъ онѣ есть въ дѣйствительности. Трэдъ-юніоны признаны многими предпринимателями, стоящими во главѣ великихъ отраслей промышленности, на которыхъ держится богатство и могущество Англіи; но тѣмъ не менѣе ланкаширскіе фабриканты, корнуэльскіе шахтовладѣльцы или ньюка-

*) Times, October 18, 1907.

стельскіе собственники верфей не жалуются на то, что секретари профессіональныхъ союзовъ—хозяева, желающіе диктовать свои условія. Суровая дисциплина, о которой говоритъ директоръ, нужна и на почтѣ; но тѣмъ не менѣе правительство признало трэдъ-юніонъ почталіоновъ. «Когда мы слышимъ, какимъ языкомъ говорятъ директоры желѣзныхъ дорогъ,—пишетъ очень умѣренная либеральная газета,—намъ понятно, почему трэдъ-юніонъ настаиваетъ такъ на признаніи. Въ наше время рабочіе съ чувствомъ собственнаго достоинства не могутъ безусловно отдать себя во власть директорамъ, категорически заявляющимъ, что ихъ служащіе не могутъ имѣть претензій, и объясняющимъ всѣ требованія вліяніемъ агитаторовъ *). Подобныя же мысли были высказаны нѣкоторыми консервативными газетами. Онѣ доказывали директорамъ необходимость признать трэдъ-юніонъ. Видя, что общественное мнѣніе далеко не на ихъ сторонѣ, желѣзнодорожныя компаніи выпустили обращеніе къ обществу, или «манифестъ», какъ здѣсь говорятъ, подписанный лордомъ Клодомъ Гамильтономъ. «Общество полагаетъ, что желѣзнодорожныя компаніи отказываются удовлетворить желаніе своихъ работниковъ,—говоритъ лордъ Гамильтонъ. Это совершенно невѣрно. Компаніи не хотятъ только выполнить требованіе *трэдъ-юніона*, что совсѣмъ другое». По словамъ манифеста, рабочіе, въ общемъ желаютъ, чтобы по прежнему, въ случаѣ надобности, они объяснялись прямо съ директорами, которымъ «безусловно довѣряютъ». Рабочіе знаютъ, что «компаніи желаютъ, по мѣрѣ возможности, улучшить матеріальное положеніе служащихъ». Рабочіе отнюдь не сочувствуютъ трэдъ-юніону. Это доказывается «массой адресовъ, полученныхъ въ послѣднее время отъ служащихъ». Лордъ Гамильтонъ приводитъ выдержку изъ одного такого адреса, посланнаго «безъ всякаго давленія извнѣ, по доброй волѣ рабочихъ». «Мы почтительно предлагаемъ вамъ нашу поддержку,—говорится въ адресѣ,—и обѣщаемъ стоять за васъ въ борьбѣ, которую вы ведете. Мы убѣждены, что уступки трэдъ-юніону причинили бы вредъ не только желѣзнымъ дорогамъ и акціонерамъ, но также и работникамъ, не присоединившимся къ профессіональному союзу. Мы увѣрены, что не скоро еще наступитъ время, когда наемному агитатору позволятъ вмѣшаться между вашей милостью и желѣзнодорожными работниками. Мы высоко цѣнимъ всѣ благодѣянія, оказанныя намъ вашей милостью, и увѣрены, что разъ ополчившись на защиту нашихъ общихъ интересовъ, вы будете стоять твердо». Директоры,—продолжаетъ лордъ Гамильтонъ,—получивъ такой адресъ отъ своихъ работниковъ, не чувствуютъ за собою права измѣнить имъ, т. е. не могутъ сдѣлать никакихъ уступокъ трэдъ-юніону» **). Благородный лордъ говоритъ, что за четыр-

*) Westminster Gazette, October, 19, 1907.

**) „Если бы директоры откровенно и прямо объяснили, почему они не желаютъ уступить трэдъ-юніону,—то это представляло бы извѣстную

надцать лѣтъ онъ знаетъ только пять случаевъ нарушенія субординаціи со стороны подчиненныхъ. И во всѣхъ случаяхъ виновниками были члены трэдъ-юніона. Рабочіе абсолютно не могутъ имѣть никакихъ претензій. Въ 1901 г. желѣзныя дороги выработали проектъ пенсіи въ 25 и 50 ф. ст. для всѣхъ служащихъ, достигшихъ 65 лѣтъ и вносившихъ въ кассу опредѣленную часть жалованья. Компаніи предполагали сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ служащихъ участіе въ кассѣ, «но вслѣдствіе агитаціи трэдъ-юніона въ палатѣ общинъ», участіе факультативно. Теперь въ кассѣ состоятъ 14.348 участниковъ. Кромѣ того, желѣзныя дороги установили отъ себя уже пенсіи для всѣхъ работниковъ въ размѣрѣ 5 ш. и 7 ш. 6 пен. въ недѣлю. Компаніи не могутъ признать трэдъ-юніона Amalgamated Society of R. S. еще потому,—говоритъ лордъ Гамильтонъ,—что онъ—не единственный. Служащіе на желѣзныхъ дорогахъ образуютъ еще другіе трэдъ-юніоны:

Союзъ машинистовъ и кочегаровъ,
Соединенное общество механиковъ,
Общество кузнецовъ,
Союзъ желѣзнодорожныхъ клэрковъ,
Общество желѣзнодорожныхъ телеграфистовъ.

«Манифестъ категорически отрицаетъ фактъ, что работники сами не могутъ излагать хозяевамъ свои претензіи». Желѣзнодорожныя компаніи держатся слѣдующихъ принциповъ, отъ которыхъ не могутъ отступиться,—заканчиваетъ лордъ Гамильтонъ.—Во многихъ случаяхъ дѣятельность желѣзныхъ дорогъ контролируется министерствомъ торговли и промышленности, отвѣтственнымъ передъ парламентомъ. Вотъ почему дополнительный контроль со стороны организаціи, не отвѣтственной ни передъ кѣмъ,—неумѣстенъ. Желѣзныя дороги не могутъ остановить свою дѣятельность, т. е. компаніи не могутъ объявить локаутъ, тогда какъ рабочіе по собственной иниціативѣ, или побуждаемые другими трэдъ-юніонами, имѣютъ всегда возможность начать стачку. Вотъ почему трэдъ-юніоны, въ случаѣ признанія ихъ со стороны компаній, находились бы въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ желѣзныя дороги. Точнѣе говоря, профессіональный союзъ явился бы хозяиномъ положенія. Если бы компаніи признали трэдъ-юніонъ, то всѣ работники, стоящіе теперь внѣ союза, принуждены были бы вступить въ него. Требованіе желѣзнодорожнаго союза—только начало ши-

---

цѣнность, какъ документъ,—комментируетъ либеральная газета заявленіе лорда Гамильтона.—Но манифестъ, въ которомъ лордъ выступаетъ народнымъ трибуномъ и объясняетъ, что не можетъ признать трэдъ-юніонъ, потому что не имѣетъ права измѣнить своимъ работникамъ: манифестъ, въ которомъ благородный лордъ ополчается въ защиту пролетаріата противъ тираніи рабочаго союза, прибавляетъ комическійш трихъ къ картинѣ, которая безъ того была бы слишкомъ мрачна». (Daily News, October 24, 1907.

роко задуманнаго похода соціалистовъ противъ индивидуализма и капитала».

«Манифестъ» составленъ слишкомъ не двусмысленно. Онъ не убѣдилъ тѣхъ либераловъ и консерваторовъ, которые считаютъ трэдъ-юніонизмъ не только не вреднымъ, но, напротивъ, «національнымъ учрежденіемъ». Печать, выражающая мнѣніе этой части англійскаго общества, отнеслась къ выступленію лорда Гамильтона иронически. «Лорды ополчаются въ защиту интересовъ англійскаго народа! Всѣмъ извѣстно, что они всегда вмѣшиваются только для того, чтобы спасти принципъ демократизма отъ тираніи палаты общинъ. Историческій пережитокъ, какимъ является въ Англіи аристократія, представляетъ одно изъ чудесъ нашего времени. Наслѣдственный титулъ находитъ себѣ оправданіе въ способности къ самопожертвованію, въ благородномъ альтруизмѣ, въ инстинктивной симпатіи, въ силу которой благородные лорды лучше понимаютъ интересы рабочаго класса, чѣмъ самозванные вожди послѣдняго. Только въ аристократическихъ школахъ Гарро и Итона, изъ Гомера и Горація молодые люди могутъ узнать, что именно необходимо пролетаріату. «Наемные агитаторы» не имѣютъ подобной возможности. Правда, директоръ тоже получаетъ жалованье, т. е. онъ тоже «наемный агитаторъ», какъ и секретарь союза; но благородный лордъ вѣдь получаетъ деньги за то, что изучаетъ желаніе подчиненныхъ. Правда, секретарь трэдъ-юніона не «наемный агитаторъ», а избранъ всѣми сочленами; но властители умовъ, какъ Побѣдоносцевъ, у котораго, повидимому, учился лордъ Гамильтонъ, давно уже доказали гибельность выборной системы» *).

Одновременно съ манифестомъ къ обществу, желѣзнодорожныя компаніи обратились съ воззваніемъ ко всѣмъ работникамъ. Все осложненіе объясняется тѣмъ, что директоры не желаютъ признать требованій трэдъ-юніона. Компаніи выставляютъ на видъ, что онѣ сдѣлали для работниковъ. «Въ послѣдніе годы заработная плата служащихъ повысилась на 19%. Прежде компаніи платили, въ общемъ, работникамъ 3,051.000 ф. ст., а теперь 3,970.000 ф. ст.». Если теперь случится стачка, которая будетъ гибельна для всѣхъ работниковъ, то произойдетъ она только по винѣ Желѣзнодорожнаго союза, требующаго, чтобы компаніи измѣнили установленный порядокъ. Признаніе трэдъ-юніона повело бы къ дальнѣйшимъ требованіямъ со стороны секретаря союза. Вотъ почему компаніи рѣшили отвѣтить Бэллу отказомъ. Ими руководили слѣдующія соображенія,—говорится въ обращеніи къ работникамъ:

1. Компаніи не вѣрятъ, чтобы Бэллъ выражалъ мнѣніе большинства желѣзнодорожныхъ рабочихъ.

2. Большинство рабочихъ не желаетъ, чтобы компаніи признали трэдъ-юніонъ.

---

*) „Daily News“, October 26, 1907.

3. Положеніе дѣлъ, существующее теперь на желѣзныхъ дорогахъ, удовлетворяло до сихъ поръ служащихъ, какъ принадлежащихъ къ профессіональному союзу, такъ и стоящихъ внѣ его.

4. Знанія и краснорѣчіе, проявленныя рабочими, являвшимися къ директорамъ съ претензіями отъ товарищей, доказываютъ, что они не нуждаются въ независимомъ выразителѣ ихъ мнѣній.

5. На желѣзной дорогѣ первое дѣло—дисциплина, необходимая для общей безопасности. И хотя секретарь союза категорически отрицаетъ приписываемое ему желаніе вмѣшиваться въ дѣла дисциплины, но на основаніи предшествующаго опыта можно предсказать, что такое вмѣшательство непремѣнно будетъ, если Желѣзнодорожный Союзъ станетъ посредникомъ между компаніями и работниками.

6. Уступка, если бы даже и устранила стачку теперь, во всякомъ случаѣ, не упрочитъ мира надолго и не создастъ хорошихъ отношеній между компаніями и служащими. Обращеніе заканчивается угрозами: «Такъ какъ желѣзныя дороги должны дѣйствовать постоянно, то пусть рабочіе знаютъ, что, если они начнутъ стачку, компаніи немедленно найдутъ новыхъ служащихъ».

Желѣзныя дороги имѣли цѣлый годъ, чтобы подготовиться къ стачкѣ. Въ центральныхъ графствахъ компаніи устроили громадные бараки, въ которыхъ кормятъ теперь цѣлую армію стачконарушителей на случай кризиса. Бараки охраняются, какъ военный лагерь на форпостахъ. Многіе предприниматели уже давно задумали сломить трэдъ-юніоны и съ этой цѣлью организовали, такъ называемыхъ, «вольныхъ» рабочихъ, или Національную Ассоціацію Свободнаго Труда (National Free Labour Association). Этотъ союзъ стачконарушителей похваляется въ отчетахъ за то, что благодаря его вмѣшательству, трэдъ-юніонисты проиграли 546 стачекъ *). «Свободные» рабочіе это—жалкіе люди, не могущіе вступить въ трэдъюніоны и находящіеся всецѣло въ зависимости отъ союза предпринимателей. Каждый разъ, когда назрѣваетъ большая стачка, хозяева собираютъ конгрессъ «свободныхъ» рабочихъ, которые голосуютъ за резолюцію противъ трэдъ-юніоновъ. И теперь повторилось то же самое. Предприниматели устроили въ Лондонѣ конгрессъ стачконарушителей, на которомъ предсѣдательствовалъ одинъ изъ крупныхъ служащихъ на желѣзной дорогѣ. Съѣздъ принялъ цѣлый рядъ рѣшеній, направленныхъ противъ трэдъ-юніонизма вообще и въ частности противъ Желѣзнодорожнаго Союза. О характерѣ этихъ резолюцій можно заключить по слѣдующимъ выдержкамъ: «Трэдъ-юніонизмъ выросъ и усилился по причинѣ симпатій къ нему общества. Теперь онъ зазнался; не довольствуется уже добытымъ, а стремится къ господству. Все движеніе до самаго корня осквернено теперь соціализмомъ и анархизмомъ. Пред-

*) Daily Mail Year Book, 1907, p. 53.

приниматели должны, поэтому, бороться съ трэдъ-юніонизмомъ и поддерживать возстающихъ противъ профессіональныхъ союзовъ (т. е. стачконарушителей)». «Большинство трэдъ-юніонистовъ—глупые люди, совершенно подчинившіеся безпокойнымъ и беззаконнымъ соціалистамъ и анархистамъ, за которыми слѣдуютъ, какъ овцы». Ясное представленіе о томъ, кто руководитъ «свободными» работниками, мы получаемъ изъ первой же резолюціи, принятой на конгрессѣ. «Мы всѣ—жертвы парламентскаго закона, разрѣшившаго трэдъ-юніонистамъ «мирно убѣждать» во время стачекъ,—гласитъ резолюція. Поэтому, мы рѣшили начать агитацію за отмѣну послѣдняго закона о трэдъ-юніонахъ». (Trades Dispute Act, 1906 г.). Одинъ изъ ораторовъ заявилъ: «Свободные» рабочіе вполнѣ готовы теперь помѣряться силами съ Союзомъ Желѣзнодорожныхъ рабочихъ». Другой обличалъ «безстыдство парламентской партіи, увѣряющей, что она представляетъ англійскихъ рабочихъ». Повидимому, часть предпринимателей готовится къ серьезному и систематическому походу противъ профессіональныхъ союзовъ. Trades Dispute Act какъ будто бы сдѣлалъ фонды трэдъ-юніоновъ совершенно неприкосновенными; но предприниматели не отчаялись еще создать «прецедентъ» судебнымъ рѣшеніемъ. Одновременно съ назрѣвающей большой желѣзнодорожной стачкой мы видимъ нѣсколько другихъ попытокъ, остающихся покуда въ тѣни, но имѣющихъ громадное значеніе. Суду въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ разсмотрѣніе иска предпринимателей къ Союзу портныхъ и портнихъ (Amalgamated Society of Tailor and Tailoresses). Дѣло возникло на почвѣ неудачной стачки, и предприниматели хотятъ сдѣлать союзъ отвѣтственнымъ за дѣятельность «исполнительнаго комитета» трэдъ-юніона. Причины, почему избранъ Союзъ портныхъ, такъ сказать, дипломатическія. Когда предприниматели вступаютъ въ борьбу съ англійскимъ трэдъ-юніономъ, общественныя симпатіи всегда на сторонѣ союза, такъ какъ англичане въ общемъ абсолютно не раздѣляютъ взглядовъ «свободныхъ» рабочихъ на профессіональные союзы. Англичане, въ общемъ, признаютъ, что трэдъ-юніоны объединяютъ цвѣтъ работниковъ. Но Союзъ портныхъ и портнихъ почти *не англійскій:* большинство рабочихъ иностранцы. И вотъ предприниматели разсчитываютъ, что въ борьбѣ хозяевъ-англичанъ съ работниками иностранцами общественное мнѣніе станетъ на сторонѣ «своихъ». Уличная печать можетъ всегда начать вопль объ иностранцахъ, отбивающихъ хлѣбъ у англичанъ. Затѣмъ Союзъ портныхъ молодъ и не богатъ средствами, поэтому есть надежда разсчитывать, что онъ не можетъ оказать такую отчаянную защиту на судѣ, какъ богатый трэдъ-юніонъ (Гражданскій процессъ въ Англіи обходится страшно дорого). Между тѣмъ, побѣда надъ Союзомъ портныхъ, хотя онъ состоитъ изъ иностранцевъ, составитъ необходимый «прецедентъ»,

на который можно уже смѣло опереться въ борьбѣ съ другими трэдъ-юніонами.

Возвратимся, однако, къ Союзу желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Онъ вполнѣ сознаетъ крайнюю серьезность положенія. Рабочіе знаютъ, что стачка, если она кончится неудачно, будетъ имѣть гибельныя послѣдствія не только для нихъ, но и вообще для всѣхъ трэдъ-юніоновъ. Вотъ почему они проявляютъ большую сдержанность, несмотря на провокацію. Исполнительный комитетъ Союза, какъ мы видѣли, рѣшилъ опросить всѣхъ сочленовъ, прежде чѣмъ объявить стачку. Затѣмъ Союзъ ведетъ дѣятельные переговоры съ другими желѣзнодорожными трэдъ-юніонами для выработки общаго плана дѣйствій. Съ этой цѣлью въ серединѣ октября состоялся въ Манчестрѣ съѣздъ делегатовъ отъ шести трэдъ-юніоновъ, на которомъ рѣшено было поддержать Союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Тутъ мы наталкиваемся на фактъ, все болѣе и болѣе выясняющійся въ послѣдніе годы: на крѣпнущее сознаніе *всѣхъ* трэдъ-юніоновъ, что интересы у нихъ общи. Когда я пишу эти строки, между желѣзнодорожными компаніями и трэдъ-юніономъ вмѣшался министръ торговли и промышленности, предложившій обѣимъ сторонамъ свое посредничество.

IV.

Все разсказанное только что показываетъ, что далеко не всѣ предприниматели въ Англіи помирились еще съ трэдъ-юніонизмомъ. Дѣлаются отчаянныя попытки разгромить профессіональные союзы и замѣнить организованный трудъ «свободнымъ», т. е. всецѣло зависящимъ отъ произвола нанимателя. Но трэдъ-юніонизмъ теперь колоссальная сила; это союзъ, объединившій четвертую часть всего населенія Англіи и имѣющій въ парламентѣ свою собственную партію. Трэдъ-юніонизмъ вступилъ въ парламентъ не только для того, чтобы настоять на принятіи закона о стачкахъ,—говоритъ Тэйлоръ. Профессіональные союзы намѣтили программу, совершенно мѣняющую характеръ ихъ дѣятельности до послѣдняго времени. Прежде трэдъ-юніонизмъ основанъ былъ на теоріи, что онъ представляетъ собою только узко-классовое движеніе; рабочіе признавали только самопомощь. Въ основѣ трэдъ-юніонизма будущаго ляжетъ и уже легло національное движеніе, которое станетъ развиваться въ законодательной палатѣ. Депутаты отъ рабочихъ явились въ парламентъ съ требованіемъ билля объ узаконеніи стачекъ. Это требованіе уже осуществлено. Но еще раньше того, какъ билль о легализаціи стачекъ сталъ закономъ, рабочая партія намѣтила другіе законопроекты. Консерваторы и либералы обѣщали дать билль, облегчающій положеніе безработныхъ. Рабочая партія въ парламентѣ потребовала, чтобы билль дѣйствительно

разрѣшилъ бы вопросъ, а не составлялъ бы только украшеніе выборной программы. Партія предъявила требованіе на государственную пенсію для престарѣлыхъ работниковъ. Государственное страхованіе рабочихъ близко къ осуществленію. Подъ вліяніемъ примѣра Австраліи и Новой Зеландіи англійскіе рабочіе требуютъ установленія minimum'а заработной платы. Другими словами, это означаетъ слѣдующее. До послѣдняго времени трэдъ-юніоны полагали, что всѣ вопросы, имѣющіе для рабочихъ жизненное значеніе, возможно разрѣшить только путемъ Self-help (самопомощи), черезъ посредство союзовъ и стачекъ. Теперь же рабочіе пришли къ заключенію, что вопросы можно разрѣшать еще законодательнымъ путемъ. Прежде работники старались вырвать уступки у предпринимателей, для чего устраивали стачки. Теперь трэдъ-юніонисты поняли, что, дѣйствуя черезъ парламентъ, можно добиться гораздо лучшихъ результатовъ. Сперва отдѣльные трэдъ-юніоны стали дѣлать попытки объединиться въ одну федерацію, потомъ они начали устраивать общіе съѣзды *). На конгрессѣ трэдъ-юніоновъ въ 1903 г. рѣшено было дѣйствовать сообща во время большихъ стачекъ. Тогда же постановлено было соединиться въ одинъ трэдъ-юніонъ съ цѣлью имѣть въ парламентѣ свою собственную партію. Рабочіе депутаты въ палатѣ общинъ, дѣйствительно, являются представителями федераціи трэдъ-юніоновъ» **). Въ отчетѣ парламентскаго комитета, прочитанномъ на конгрессѣ трэдъ-юніонистовъ въ 1906 г., мы находимъ тотъ идеалъ, къ которому стремятся профессіональные союзы. «Мы добиваемся не только повышенія заработной платы, но и общаго поднятія нашего жизненнаго уровня (Standard of Life), который далъ бы намъ возможность воспитать дѣтей, наслаждаться искусствомъ, литературой, музыкой и всѣмъ тѣмъ, что доставляетъ комфортъ и дѣлаетъ жизнь пріятной. Рабочій, не желающій стремиться къ этимъ благамъ жизни, вполнѣ заслуживаетъ тѣ цѣпи, которыя носитъ теперь. Трэдъ-юніонизмъ пытается дать возможность рабочимъ скрасить ихъ жизнь и поставить ихъ въ возможно лучшія условія» ***). Этотъ идеалъ профессіональные союзы намѣрены те-

---

*) Въ этомъ году состоялся уже сороковой конгрессъ делегатовъ отъ всѣхъ трэдъ-юніоновъ. Въ 1867 г. на первый конгрессъ въ Манчестрѣ прибыло 31 делегатъ. Въ этомъ году на конгрессѣ было столько же членовъ парламента отъ трэдъ-юніоновъ. Кромѣ того были трэдъ-юніонисты мэры, муниципальные совѣтники и магистраты. Всѣхъ делегатовъ прибыло 500 слишкомъ. Въ 1906 г. ихъ было 491, въ 1905 г.—458. Эти годичные конгрессы давно уже называются въ Англіи—съѣздами „Рабочаго парламента“. Первое требованіе, выставленное делегатами на конгрессѣ 1907 г., касается государственнаго пенсіона для престарѣлыхъ работниковъ. Конгрессъ нашелъ, что реформа можетъ быть осуществлена немедленно же, во время сессіи 1908 г.

**) G. R. Taylor, The Future of Trade Unionism.

***) Amalgamated Engineers Journal, October, 1906.

перь осуществить въ парламентѣ. Прежнія цѣли, къ которымъ стремились трэдъ-юніоны, не измѣнились.

Они, какъ и раньше, добиваются болѣе высокой заработной платы, сокращенія числа рабочихъ часовъ, облегченія положенія безработныхъ, больныхъ и старыхъ сочленовъ. Старыя цѣли остались, но только трэдъ-юніоны идутъ теперь къ нимъ иными путями. Профессіональные союзы прежде имѣли передъ собою отдѣльныхъ конкретныхъ работниковъ опредѣленной профессіи: сапожниковъ, машинистовъ, плотниковъ и т. д. Каждый трэдъ-юніонъ въ отдѣльности стремился улучшить положеніе *своихъ* сочленовъ. Теперь трэдъ-юніоны поняли, что имъ предстоитъ разрѣшить вопросы, касающіеся не въ отдѣльности сапожниковъ, машинистовъ и плотниковъ, а вообще трудящихся классовъ. Прежде трэдъ-юніонъ интересовался только положеніемъ одной отрасли промышленности. Теперь профессіональные союзы знаютъ, что измѣненіе условій въ одномъ трэдъ-юніонѣ зависитъ отъ общаго положенія промышленности. Прежде наблюдателя поражала узость отдѣльныхъ трэдъ-юніоновъ. Теперь работники знаютъ, что старый ихъ лозунгъ: «mind your own business» (думай только о собственномъ дѣлѣ) не годится уже. Рабочій знаетъ, что онъ не только членъ трэдъ-юніона, а еще и гражданинъ. Словомъ, трэдъ-юніонисты стали интересоваться политикой, которой совершенно чуждались раньше. Они возложили всѣ надежды на парламентъ и на *свою* партію въ немъ. По мнѣнію Тейлора, результаты этой перемѣны должны быть въ высшей степени важны. «Рано или поздно послѣдствіемъ явится рядъ законовъ, какъ государственный пенсіонъ для престарѣлыхъ работниковъ, арбитражные суды, minimum заработной платы, обязательная государственная страховка рабочихъ на случай несчастья и билль о безработныхъ. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ совсѣмъ не нужно, чтобы Англія превратилась въ утопію. Нѣкоторые изъ этихъ законовъ осуществлены уже въ колоніяхъ, гдѣ дѣйствуютъ очень хорошо. И если трудящіяся массы въ Англіи только захотятъ, то всѣ эти законы станутъ также дѣйствительностью и здѣсь. Тогда государство будетъ оплачивать всѣ тѣ расходы, на покрытіе которыхъ трэдъ-юніоны собираютъ теперь деньги. Въ самомъ дѣлѣ. Если установится законный minimum заработной платы, то не для чего будетъ собирать стачечный фондъ. Государственная страховка рабочихъ на случай несчастья сдѣлаетъ излишнимъ сборъ денегъ трэдъ-юніономъ въ помощь больнымъ. Если государство найдетъ работу для всѣхъ потерявшихъ ее, тогда станетъ излишнимъ Unemployed Benefit, т. е. фондъ для безработныхъ, и т. д. Но тогда возникаетъ вопросъ, что будутъ дѣлать трэдъ - юніоны съ 2 мил. ф. ст., которые собираютъ ежегодно, и 4 мил. ф. ст. запаснаго капитала?» *) Трэдъ-юніоны будутъ необходимы рабо-

*) The Future of Trade Unions. The Albany Review. October, 1907, p. 72.

чимъ даже тогда, когда многія функціи ихъ перейдутъ къ государству. Въ каждой отрасли промышленности есть такія детали, которыя извѣстны хорошо только работникамъ, занятымъ въ ней. Такъ, напр., когда въ парламентѣ будетъ обсуждаться фабричный законъ или билль объ углекопахъ, необходимы рабочіе, которые детально знали бы, что такое отравленіе свинцовыми бѣлилами или угольной пылью. Если теперь считается вполнѣ понятнымъ присутствіе въ парламентѣ представителей отъ пивоваровъ или отъ фабрикантовъ, обрабатывающихъ текстильныя вещества, то въ ближайшемъ столь же понятно будетъ присутствіе въ законодательномъ собраніи представителей отъ углекоповъ, отъ ткачей или отъ литейщиковъ. Для этого необходимо будетъ, чтобы трэдъ-юніоны продолжали существовать. Трэдъ-юніонизмъ необходимъ также для того, чтобы содѣйствовать избранію рабочихъ депутатовъ, хотя жалованье имъ будетъ платить уже государство, а не профессіональные союзы, какъ теперь. Не только трэдъ-юніонизмъ будетъ существовать, но профессіональные союзы будутъ такъ же собирать членскіе взносы, какъ и теперь, даже тогда, когда осуществятся упомянутыя уже реформы. Трэдъ-юніонизмъ *тогда найдетъ новое примѣненіе для громадныхъ капиталовъ*, которые теперь идутъ на стачки, на помощь больнымъ и безработнымъ и на пенсіи. Одно примѣненіе намѣчено въ англійской спеціальной литературѣ уже давно. Еще лѣтъ двадцать тому назадъ Беатриса Потеръ указывала на родство, которое должно существовать между трэдъ-юніонизмомъ и кооперативнымъ движеніемъ. Даже участіе въ однихъ потребительныхъ обществахъ,—доказывала Потеръ,— можетъ оказать громадную помощь работникамъ. Такія лавки сберегаютъ работнику около 3 ф. ст. въ годъ, что равно увеличенію заработной платы на ½ пенни въ часъ. «Мое мнѣніе, поэтому,— говоритъ Беатриса Потеръ,—что трэдъ-юніонисты и кооператоры обязаны всѣми силами поддерживать другъ друга. Ремесленникъ-кооператоръ, не состоящій въ то же время членомъ своего трэдъ-юніона, измѣняетъ основнымъ принципамъ кооператизма. Трэдъ-юніонистъ, не состоящій членомъ кооперативной лавки, цѣлуетъ свои цѣпи и не пытается принять участіе въ борьбѣ, цѣль которой—демократическій контроль надъ промышленностью. И трэдъ-юніонистъ, и кооператоръ забываютъ также свой долгъ и отвѣтственность передъ страной, если они, кромѣ того, не принимаютъ энергичнаго участія въ политической жизни страны. Кооператоры и трэдъ-юніонисты должны стремиться къ муниципализаціи орудій производства» *). Трэдъ-юніонизмъ и кооператизмъ,—заканчиваетъ авторъ,—кажутся мнѣ идеальнымъ бракомъ, въ которомъ каждая сторона уважаетъ индивидуальность другой, но въ то же время

*) *Sidney and Beatrice Webb*, „Problems of Modern Industry", p. 204.

обѣ помогаютъ другъ другу и обѣ стремятся къ общей цѣли: кооперативному государству.

Кооперативныя потребительныя общества сильно развились теперь въ Англіи. Пятьдесятъ три года тому назадъ первая кооперативная лавочка, открытая группой рочдэйлевскихъ ткачей, помѣщалась «въ задней комнатѣ дома въ Жабьемъ переулкѣ». Въ Россіи мы имѣемъ нѣсколько оригинальныхъ книжекъ о «рочдэйлевскихъ піонерахъ» (напр., книжка проф. И. Х. Озерова), поэтому читатели знаютъ, какъ открытіе первой кооперативной лавочки было привѣтствовано насмѣшками, свистомъ и улюлюканьемъ. Теперь, согласно Cooperative Union Report, въ Англіи 1.457 потребительныхъ обществъ, насчитывающихъ 2.153.185 сочленовъ. Годовой оборотъ обществъ—610 мил. р. (61.086.991 ф. ст.), а прибыль—95 мил. руб. *). Распредѣленіе прибыли между всѣми членами потребительной лавки имѣетъ огромное значеніе для рабочихъ; но еще болѣе важны производительныя общества. Въ настоящій моментъ въ Англіи мы имѣемъ чисто производительныя общества и производительно-потребительныя (Cooperative Wholesale Society). О дѣятельности ихъ даютъ представленіе слѣдующія цифры:

Производительныя общества:	Число обществъ.	Число участвующихъ.	Оборотъ въ фунт. стерлинговъ.	Прибыль въ фунт. стерлинговъ.
въ Англіи и Уэльсѣ	122	6433	2453219	126186
„ Шотландіи	17	1864	722840	78383
Cooperative Wholesale Society въ Англіи	1	11468	3543501	98543
Cooperative Wholesale Society въ Шотландіи	1	4599	1942321	72982
	141	24364	8661881	376094 **)

Въ производительныхъ и въ производительно-потребительныхъ обществахъ открывается новое примѣненіе для освобождающихся капиталовъ трэдъ-юніоновъ. Профессіональные союзы дадутъ сразу и деньги на устройство производительныхъ обществъ, и искусныхъ мастеровыхъ, и потребителей. Коопераціи тогда достигнутъ еще большаго расцвѣта, чѣмъ теперь. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось говорить въ «Русскомъ Богатствѣ» о послѣдовательномъ развитіи коопераціи. Сперва нарождается потребительное общество; затѣмъ оно устраиваетъ мастерскую для того предмета, на который существуетъ наибольшій спросъ въ обществѣ. Потомъ общество берется еще за одно производство, считаясь съ запросами обезпеченнаго рынка, т. е. потребительной лавки. При

*) Hazell's Annual, 1907; p. 109.
**) Reformers'Year Book, 1907; p. 174.

нормальномъ развитіи такое общество *кончаетъ* коопераціей, съ которой Робертъ Оуэнъ *начиналъ* всегда при опытахъ въ Америкѣ, Шотландіи и Лондонѣ (исключеніе составляетъ Нью-Лэнеркъ), т. е. земледѣльческой артелью. Трэдъ-юніоны при оборудованіи кооперацій будутъ находиться въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ какіе-либо устроители ихъ до настоящаго времени.

Второе примѣненіе для освободившихся капиталовъ у трэдъ-юніоновъ Тэйлоръ видитъ въ техническомъ образованіи. Собственно говоря, обученіе—обязанность государства. Тэйлоръ имѣетъ въ виду тонкости каждаго производства, извѣстныя только спеціалистамъ. Необходимо, чтобы каждый молодой работникъ понималъ весь процессъ производства. Это можетъ превратить работу въ живое и интересное дѣло. Кромѣ того, въ такомъ случаѣ, мысль работника постоянно была бы занята. И если бы онъ работалъ на себя, т. е. въ кооперативной мастерской, то, понимая процессъ производства, онъ постоянно вносилъ бы въ него новыя усовершенствованія. Въ извѣстной степени, Тэйлоръ предлагаетъ возвращеніе къ средневѣковымъ гильдіямъ; но послѣднія были узки и замкнуты, тогда какъ трэдъ-юніонъ будетъ открытъ и «вполнѣ націоналенъ». Терминъ «національный», который такъ часто употребляется въ Англіи, не имѣетъ того узкаго значенія, какъ на континентѣ въ устахъ воинственныхъ шовинистовъ, проповѣдующихъ господство одной національности надъ другой. Англичане знаютъ, что такой узкій національзмъ невозможенъ, хотя бы уже потому, что исторія не знаетъ чистыхъ расъ, не смѣшанныхъ съ другими. «Въ жизни не существуетъ чистокровнаго Джона Смита,—говоритъ самый талантливый англійскій народный писатель.—Англичане являются потомками древнихъ бриттовъ, римлянъ, пиктовъ, скотовъ, датчанъ, норвежцевъ, французовъ. Кровь этихъ различныхъ народностей текла въ венахъ предка Джона Смита уже много вѣковъ тому назадъ. Предки Смита, кромѣ того, женились на ирландкахъ, шотландкахъ, голландкахъ, нѣмкахъ, итальянкахъ, полячкахъ и испанкахъ. Мы давали у себя пріютъ бѣглецамъ изъ всѣхъ странъ Европы: гугенотамъ изъ Франціи, голландскимъ протестантамъ, венгерцамъ, евреямъ, полякамъ, итальянцамъ, грекамъ. Всѣ эти бѣглецы смѣшивались съ кореннымъ населеніемъ, шлифовались общей культурой, принимали общій языкъ и называются теперь англичанами. Въ жилахъ лондонца течетъ кровь всѣхъ народностей Европы. Въ Іоркширѣ мы видимъ нѣсколько народностей, хотя нѣтъ ни одной чистой. Тутъ мы можемъ узнать потомковъ сѣверныхъ пиратовъ, фламандскихъ эмигрантовъ и нормандскихъ завоевателей. Мнѣ говорятъ объ ирландской національности, которую противопоставляютъ англійской; но въ Ирландіи есть ирландцы, предки которыхъ изъ Даніи и Норвегіи, затѣмъ изъ семитическаго Карѳагена. Въ графствѣ Карри живутъ потомки иберійцевъ. Ирландецъ-иберіецъ ростомъ не высокъ, волосомъ черенъ, смуглолицъ

съ орлинымъ носомъ и съ сардоническимъ складомъ губъ. Ирландецъ, потомокъ викинговъ, высокъ ростомъ, тѣлосложенія крѣпкаго, глаза у него сѣрые или голубые, а волосы на лицѣ и бородѣ рыжіе. Оба эти типа отшлифованы общей культурой и одинаковыми внѣшними условіями, хотя между ними большая разница, чѣмъ между саксонцемъ и испанцемъ. Одинъ изъ такихъ ирландцевъ иберійскаго типа женится, предположимъ, на іоркширской датчанкѣ. Сынъ ихъ женится на дочери ланкаширскаго гугенота отъ бритонки изъ Флинта. Дѣти ихъ будутъ *англичане*. Джонъ Смитъ имѣетъ въ своихъ жилахъ кровь римскаго солдата, древняго бритта, пирата, прибывшаго на кораблѣ викинговъ, фламандскаго ткача, корнуэльскаго рыбака, ирландскаго пастуха, лондонской актриссы, уэльской крестьянки... Джонъ Смитъ не датчанинъ, не пиктъ, не фламандецъ, не бриттъ: онъ—*человѣкъ*, выработанный опредѣленной культурой и извѣстными внѣшними условіями жизни» *). То же самое разсужденіе примѣнимо, конечно, для любой страны, между прочимъ, для Россіи. Кусокъ сахара, брошенный въ стаканъ чая, не уничтожается, хотя невидимъ. Народность не испаряется въ воздухѣ, какъ роса на солнцѣ, даже тогда, когда, повидимому, перестала существовать: она растворяется въ другой народности. Русскіе нижняго теченія Волги растворили въ себѣ хозаръ. Курскіе дворяне имѣютъ, какъ и все населеніе, въ своихъ жилахъ кровь десятка различныхъ національностей, различныхъ по происхожденію. Общая культура и одинаковыя внѣшнія условія при нормальныхъ условіяхъ создаютъ изъ различныхъ племенъ одну народность, одушевленную истиннымъ патріотизмомъ, т. е. желаніемъ видѣть свою общую родину самой прогрессивной, самой счастливой и самой культурной страной. Въ *такомъ* смыслѣ употребляютъ англійскіе радикалы понятіе «національный», которое такъ часто можно слышать здѣсь...

V.

Мы видѣли, что трэдъ-юніоны изъ профессіональныхъ союзовъ съ узкими задачами стали большой политической партіей, намѣтившей рядъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ, какъ государственный пенсіонъ для престарѣлыхъ работниковъ, восьмичасовой рабочій день и пр. Я пытался также опредѣлить тотъ путь, по которому, вѣроятно, пойдутъ трэдъ-юніоны, когда намѣченныя реформы осуществятся и у профессіональныхъ союзовъ освободятся большіе капиталы. «Трэдъ-юніоны изъ организацій съ узко-классовыми стремленіями быстро превращаются въ новую политическую партію, имѣющую соціалистическіе идеалы»,—говоритъ Тэйлоръ**).

*) *Robert Beatchford*. A Defence of the Botton Dog. London, 1906; p. 62.
**) The Future of Trade Unionism.

Слово «соціализмъ» въ Англіи не является такимъ пугаломъ, какъ на континентѣ, хотя Англія, конечно, самая индивидуалистическая страна въ Европѣ. «Мы всѣ соціалисты теперь»,—заявилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ парламентѣ министръ финансовъ, подразумѣвая при этомъ, что дѣйствительность натолкнула всѣ партіи на необходимость экономическихъ и соціальныхъ реформъ. Слѣдуетъ прибавить, что англійскій соціализмъ—растеніе вполнѣ туземное, а не ввезенное изъ Германіи. Въ рабочей партіи много соціалистовъ, но ни одного соціалъ-демократа. Social-Democratic Federation, т. е. соціалъ-демократическая партія насчитываетъ теперь только 10 тысячъ сочленовъ, большинство которыхъ принадлежитъ къ среднимъ классамъ. Единственная газета партіи «Justice», имѣетъ тиражъ въ три-четыре тысячи. За двадцать лѣтъ своего существованія Social Democratic Federation не могла, хотя пыталась много разъ, послать въ парламентъ хотя бы своего вождя, талантливаго, но не оригинальнаго экономиста Гайдмэна (по профессіи, биржевой маклеръ). Съ другой стороны, талантливая газета, выражающая интересы чисто англійскаго соціализма, «Клэріонъ», имѣетъ громадный тиражъ. Итакъ, соціализмъ вообще не пугаетъ въ Англіи. Радикалы и виги, тори и либералы-юніонисты сознаютъ, что только большими уступками можно спасти Англію отъ такихъ же конвульсивныхъ содроганій, какія наблюдаются на континентѣ. Вожди главныхъ политическихъ партій стараются только опредѣлить, наступилъ ли уже моментъ, послѣ котораго «прать противъ рожна» становится невыгодно или, наоборотъ, время еще терпитъ. За послѣдніе двадцать лѣтъ осуществлены такія важныя реформы, какъ муниципальное и земское самоуправленіе, какъ муниципализація земли, не говоря уже о цѣломъ рядѣ фабричныхъ законовъ. Англійское мѣстное самоуправленіе, превратившее всю страну въ конгломератъ независимыхъ клѣточекъ,—самое демократическое въ мірѣ. Мелкая земская единица въ Англіи болѣе независима, чѣмъ въ Австраліи и въ Новой Зеландіи, не говоря уже о Соединенныхъ Штатахъ. Англичане политическихъ призраковъ не боятся, хотя бы и красныхъ. И вотъ среди англійскихъ соціалистовъ мы видимъ много священниковъ-диссентеровъ. Такъ было до самаго послѣдняго времени, покуда консерваторамъ не понадобился боевой лозунгъ, чтобы собрать подъ свои знамена средніе классы, которые на послѣднихъ выборахъ присоединились къ либераламъ. Къ чисто политическимъ мотивамъ присоединились еще экономическіе, тѣ самые, которые вызвали походъ противъ трэдъ-юніонизма. Консерваторы пытались сперва найти такой лозунгъ въ протекціонизмѣ. Объ этомъ мнѣ не разъ приходилось писать. Но общіе выборы 1906 г. и дополнительные выборы, состоявшіеся потомъ, доказали, что населеніе крайне враждебно относится къ протекціонизму и къ налогу на хлѣбъ. И вотъ, вмѣсто похода противъ свободной торговли, консерваторы объявили теперь

войну соціализму. Возникла новая лига, British Constitution Asso ciaton, которая выволокла красный призракъ и пробуетъ запугать имъ средніе классы. «Берегитесь! соціализмъ идетъ! Бѣгите къ намъ, чтобы спасать культуру и собственность!» Такъ говоритъ новая лига. Въ своемъ «манифестѣ», подписанномъ лордомъ Бальфуромъ Бурлейскимъ, лига, между прочимъ, говоритъ: «Ростъ политическаго соціализма такъ быстръ, что возникновеніе лиги не нуждается въ оправданіи. Самое существенное условіе прогресса это—личная инициатива каждаго индивидуума, входящаго въ составъ общества. Она можетъ быть пробуждена только тогда, когда общество гарантируетъ индивидууму право на все то, что онъ заработаетъ. Наша система правосудія именно въ томъ и состоитъ, чтобы обезпечить индивидууму результаты его труда, т. е. чтобы охранить личность производителя отъ грабежа. Но теперь забываютъ, что грабителемъ можетъ явиться не только индивидуумъ, но и общество. Въ томъ и другомъ случаѣ у индивидуума отнимаютъ часть его труда. Законодательство послѣдняго времени,—говоритъ лордъ Бальфуръ Бурлейскій,—стремится къ тому, чтобы ограбить энергичнаго и трудолюбиваго производителя въ пользу слабовольнаго и лѣниваго индивидуума». Англія, по мнѣнію манифеста, вступила изданіемъ законовъ «въ пользу лѣниваго» на тотъ путь, который привелъ Римъ къ гибели. «Ассоціація Британской Конституціи» зоветъ населеніе на бой съ соціализмомъ. «Манифестъ» вызвалъ рядъ щекотливыхъ вопросовъ для благороднаго лорда. Если законъ долженъ защитить «производителя отъ грабежа» то выиграетъ ли отъ этого подписавшій манифестъ? Кто производитель: тотъ ли, который работаетъ, или тотъ, который получаетъ ренту за землю и доходъ съ чужого труда? Если законодательство, стремящееся улучшить экономическое и соціальное, положеніе массъ, есть «соціализмъ», т. е. по терминологіи лорда Бальфура Бурлейскаго, «грабежъ» фабрикантовъ и землевладѣльцевъ, то почему авторъ манифеста зоветъ избирателей въ ряды консерваторовъ, которые сами осуществили много такихъ законовъ? Анти-соціалистическая лига, между тѣмъ, образовалась. Она рѣшила бороться съ соціалистами ихъ же оружіемъ: соціалисты издаютъ брошюры; стала издавать памфлеты и «лига». Соціалисты посылаютъ по всей Англіи странствующихъ проповѣдниковъ; сдѣлала то же самое и лига. Соціалисты устраиваютъ митинги и конференціи. То же самое стала дѣлать и «лига». Но у соціалистовъ мало денегъ и много энтузіазма; у «лиги» же какъ разъ наоборотъ. За деньги можно нанять человѣка съ крѣпкими легкими, который будетъ обличать по книжкѣ что угодно; но трудно найти талантливыхъ людей. И вотъ обличители, которыхъ «лига» отправляетъ съ апостольской миссіей, снабжены грамофонами. Обязанность нанятаго защитника священныхъ правъ собственности будетъ состоять только въ томъ, чтобы вставить соотвѣтственную пластинку и завести грамофонъ. Соціалисты

обрадовались кампаніи. Для нихъ это—великолѣпный случай разбить «въ лоскъ» аргументы противника. Должно сознаться, что «лига» очутилась въ очень курьезномъ положеніи. Съ одной стороны, она обличаетъ министерство за «соціалистическіе законы». Съ другой—консерваторы отлично понимаютъ, что исходъ выборовъ зависитъ отъ массъ, а народъ нельзя прельстить «манифестомъ» въ родѣ того, который приведенъ выше. Манифестъ не годится не только для массъ, но и для среднихъ классовъ, которые въ Англіи слишкомъ умны и слишкомъ практичны, чтобы, выражаясь вульгарно, ихъ можно было провести на мякинѣ. Средніе классы умѣютъ думать и понимаютъ дѣйствительное значеніе явленій, происходящихъ на континентѣ. И вотъ, послѣ всѣхъ громовъ «лиги» противъ «соціалистическаго законодательства», консерваторъ Уотсонъ Гетфордъ (членъ парламента) выступаетъ теперь съ «программой тори-демократовъ», въ которой находимъ такіе пункты:

Національзація желѣзныхъ дорогъ.

Плата членамъ парламента.

Реформа палаты лордовъ.

Распространеніе избирательнаго права на всѣхъ совершеннолѣтнихъ, безъ различія пола.

Уничтоженіе стачекъ путемъ третейскихъ судовъ.

Восьмичасовой рабочій день.

Отношеніе къ преступленіямъ, какъ къ болѣзнямъ.

Низшее, среднее и высшее образованіе на счетъ государства.

Прогрессивный налогъ на «незаработанное приращеніе» ренты.

Особое министерство труда.

Государственный пенсіонъ для престарѣлыхъ работниковъ.

Программа эта, въ иныхъ пунктахъ, болѣе радикальна, чѣмъ, то, что предлагаютъ либералы, которыхъ лордъ Бальфуръ Бурлейскій обличаетъ въ соціализмѣ и въ намѣреніи уготовить Англіи такой же конецъ, какой имѣлъ Римъ.

Уличная пресса, ставшая на сторонѣ «лиги», не надѣется, что соціалистовъ можно разбить путемъ критики ихъ аргументовъ. Вообще эта пресса во всѣхъ странахъ чувствуетъ себя неловко, когда приходится вести теоретическій споръ. И вотъ уличная пресса пошла по слѣдамъ своихъ товарищей на континентѣ: вмѣсто того, чтобы доказывать, почему считаетъ доводы соціалистовъ невѣрными, она предпочитаетъ болѣе легкій путь. «Daily Mail» и «Daily Express» выставляютъ классическое обвиненіе соціалистовъ въ «атеизмѣ» и въ проповѣди «свободной любви». Уличная пресса, конечно, не смущается тѣмъ, что это не имѣетъ никакого отношенія къ поднятому вопросу. Атеистами были столпы консервативной Англіи, какъ Болингброкъ, Четерфильдъ, и въ послѣднее время лордъ Солсбери. Если среди соціалистовъ есть свободные мыслители, какъ Блэтчфордъ, то, съ другой стороны, глубоко вѣрующіе, какъ Кейръ Гарди, или какъ священники диссентеры. Сво-

бодная любовь» и даже любовь моносексуальная, выражаясь деликатнѣе, процвѣтаетъ, судя по судебнымъ отчетамъ, скорѣе въ рядахъ благородныхъ товарищей лорда Бальфура Бурлейскаго, чѣмъ въ другихъ классахъ. Но «лига» поспѣшила выпустить брошюру, въ которой Ботомли обличаетъ современныхъ англійскихъ соціалистовъ, въ томъ числѣ извѣстнаго у насъ автора фантастическихъ разсказовъ, Уэльса, въ проповѣди «свободной любви». Первый блинъ вышелъ комомъ. Защитника нравственности Ботомли обличили въ грубомъ передергиваніи и даже въ поддѣлкѣ цитатъ. Вышелъ большой конфузъ, и брошюру пришлось изъять изъ обращенія.

P.S. Желѣзнодорожный кризисъ, который готовъ былъ разразиться, повидимому, грандіозной стачкой, закончился, благодаря вмѣшательству министра торговли, «семилѣтнимъ миромъ». Министръ Ллойдъ-Джорджъ порвалъ со всѣми традиціями, препятствующими ему, члену кабинета, предлагать свое посредничество. Въ послѣдній моментъ, когда стачка была уже неизбѣжна, Ллойдъ-Джорджъ созвалъ на конференцію представителей работниковъ и хозяевъ— и въ результатѣ миръ, радостно привѣтствованный всѣми газетами, безъ различія направленія. Ллойдъ-Джорджъ, котораго консервативныя газеты ненавидѣли за крайній радикализмъ, восхвалялся ими за великую услугу, оказанную странѣ. По радостному тону всѣхъ газетъ можно судить, какъ хорошо сознавалась ими великая опасность, угрожающая странѣ отъ желѣзнодорожной стачки.

Теперь, каковы условія «семилѣтняго мира». Представители желѣзныхъ дорогъ и работниковъ подписали слѣдующее условіе: на каждой желѣзной дорогѣ рабочіе раздѣляются по спеціальностямъ. Каждая такая группа рабочихъ выбираетъ представителей въ примирительную камеру (Conciliation Board), куда посылаютъ также своихъ представителей и желѣзныя дороги (по возможности, директора и крупнаго представителя администраціи). Эти примирительныя камеры разбираютъ всѣ недоразумѣнія, возникшія между предпринимателями и работниками по поводу заработной платы, рабочаго дня и т. д.

Если примирительная камера не можетъ вынести рѣшенія, пріемлемаго для обѣихъ сторонъ, спорный вопросъ передается Центральной примирительной камерѣ (Central Conciliation Board), состоящей изъ представителей отъ желѣзныхъ дорогъ и отъ всѣхъ отдѣльныхъ камеръ. Въ томъ случаѣ, если и эта Центральная камера не можетъ помирить желѣзныя дороги и рабочихъ, вопросъ передается третейскому суду, назначенному спикеромъ палаты общинъ и генералъ-архиваріусомъ. Рѣшеніе третейскаго суда окончательно и обязательно для обѣихъ сторонъ.

Договоръ этотъ дѣйствителенъ шесть лѣтъ; затѣмъ, если одна

изъ подписавшихся сторонъ желаетъ освободиться отъ него, она должна дать годичное предупрежденіе. Такимъ образомъ, на семь лѣтъ Англія застрахована отъ желѣзнодорожной стачки.

Выборы въ примирительную камеру происходятъ такъ: записки съ назначеніемъ кандидатовъ, подписанныя не меньше, чѣмъ 20 рабочими, посылаются министру торговли. Министерство разсылаетъ потомъ всѣмъ рабочимъ печатныя карточки съ именами всѣхъ кандидатовъ. Рабочіе ставятъ крестъ противъ имени своего кандидата и возвращаютъ записки въ министерство, гдѣ производится подсчетъ.

Читатели видятъ, что этотъ договоръ подтверждаетъ одно изъ положеній, высказанныхъ въ статьѣ: мало по малу у трэдъ-юніоновъ будутъ освобождаться громадные капиталы, такъ какъ недоразумѣнія между предпринимателями и рабочими станутъ разрѣшаться не стачками, а третейскимъ судомъ.

Директоры желѣзныхъ дорогъ хотѣли воевать съ трэдъ-юніономъ и выдвинуть «вольныхъ» рабочихъ. Что же мы видимъ вмѣсто этого? Примирительныя камеры избираются *всѣми* рабочими. Такимъ образомъ, создается учрежденіе, объединяющее, какъ трэдъ-юніонистовъ, такъ и стоящихъ внѣ союзовъ.

«Семилѣтній договоръ», помимо всего, долженъ внушить еще всѣмъ глубокое уваженіе къ государственному уму и замѣчательному такту англійскихъ министровъ, для которыхъ преданность родинѣ не сводится къ отстаиванію интересовъ маленькой группы богатыхъ людей.

Діонео.

Милитаризмъ и соціализмъ.

(По поводу послѣднихъ соціалистическихъ конгрессовъ).

I.

Я уже нѣсколько разъ указывалъ, что по мѣрѣ того, какъ соціализмъ растетъ, развивается и становится все болѣе и болѣе замѣтной общественной силой, ему приходится переходить черезъ рядъ кризисовъ, которые въ глазахъ иныхъ наблюдателей сливаются въ картину общаго великаго кризиса, а нѣкоторыми считаются даже прямо симптомами «распада» соціалистической теоріи и практики. И, однако, намъ нечего удивляться этому обстоятельству. Оно показываетъ только, что современное міровоззрѣніе труда проникло во всѣ каналы политической и соціальной жизни; и что оно должно отвѣчать на всѣ запросы нашихъ дней. Немудрено,

что въ этомъ процессѣ приложенія къ различнымъ сторонамъ дѣйствительности общая соціалистическая формула терпитъ извѣстныя видоизмѣненія, приспособленія, ограниченія и даже искаженія. Именно потому, что соціализмъ есть живая формула и осуществляется на практикѣ живыми людьми, защитники этого міровоззрѣнія обнаруживаютъ нерѣдко значительныя колебанія, когда имъ приходится примѣнять общія основанія соціализма къ рѣшенію того или другого конкректнаго вопроса. Задача состоитъ, дѣйствительно, для нихъ въ томъ, чтобы между этими общими принципами и частными жизненными цѣлями даннаго момента провести нити логическихъ и моральныхъ заключеній, которыя позволяли бы соціалистамъ жить и дѣйствовать въ духѣ ихъ міросозерцанія. Ибо одно дѣло—отвлеченныя, по необходимости черезчуръ общія начала, соціализма, и другое дѣло—личная жизнь соціалистовъ и ежедневная тактика соціалистическихъ партій. Для того, чтобы рѣшить, какъ поступить въ данномъ частномъ случаѣ, и личность, и партія нуждаются въ посредствующихъ умозаключеніяхъ, съ одной стороны, восходящихъ къ основнымъ принципамъ міровоззрѣнія, а съ другой—спускающихся до практическихъ потребностей момента. А эта работа отнюдь не всегда легкая и заключаетъ въ себѣ возможность немаловажныхъ ошибокъ.

Но не только необходимостью выводить изъ общихъ началъ правила порою очень сложнаго личнаго и партійнаго поведенія объясняется распространенность тактическихъ промаховъ. Едва ли еще не большее значеніе тутъ имѣютъ свойства личностей и слоевъ, начинающихъ примыкать къ соціализму, когда онъ становится крупной общественной силой. Несомнѣнно, что между этими заново примыкающими къ міровоззрѣнію труда элементами есть не мало такихъ, интересы и идеи которыхъ лежатъ далеко не въ одной плоскости съ интересами и идеями истинныхъ соціалистовъ и которые присоединяются къ новому ученію лишь подъ вліяніемъ впечатлѣнія успѣха, моднаго увлеченія или, еще хуже того, низменнаго эгоистическаго разсчета. Сильное замѣшательство въ практику, а потомъ, отраженнымъ ударомъ, и въ теорію соціализма вносится именно этими «попутчиками»,—Mitläufer'ами, какъ называютъ ихъ нѣмцы,—отравляющими привкусомъ своей половинчатости и неискренности цѣльность соціалистической мысли и послѣдовательность соціалистической дѣятельности.

На вопросѣ объ отношеніи современнаго соціализма къ милитаризму можно убѣдиться, какъ нельзя лучше, въ справедливости только что развитыхъ соображеній, вызванныхъ во мнѣ главнымъ образомъ характеромъ преній на нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ соціалистическихъ конгрессовъ: нансійскомъ конгрессѣ «объединенныхъ соціалистовъ» Франціи; штутгартскомъ международномъ конгрессѣ; эссенскомъ партейтагѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Нечего говорить, что, стараясь подкрѣпить фактическими указаніями свой

взглядъ на одновременный ростъ и кризисъ соціализма, я дѣлаю это не съ злорадствомъ врага, пишущаго пасквиль на крупнѣйшее движеніе нашихъ дней, а въ сознаніи долга, лежащаго на каждомъ убѣжденномъ соціалистѣ, способствовать скорѣйшему торжеству новаго строя, путемъ правдивой оцѣнки того, что говорится и дѣлается въ великомъ лагерѣ труда.

II.

Соціализмъ, какъ и всякое универсальное движеніе, объединяющее людей независимо отъ ихъ расы, ихъ языка, ихъ принадлежности къ тому или другому государству, вообще враждебенъ милитаризму и всякому узкому патріотизму. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ универсальное религіозное движеніе христіанства и универсальное же умственное движеніе въ «вѣкъ просвѣщенія». Не мѣшаетъ кстати замѣтить по этому поводу, что, если представители современной религіи и современнаго государственнаго патріотизма съ комичнымъ ужасомъ отмѣчаютъ отвращеніе соціалистовъ къ военщинѣ и націоналистической политикѣ, то это показываетъ лишь крайнее незнаніе или умышленное забвеніе своихъ предшественниковъ этими хранителями «основъ». Такъ, блюстителей оффиціальнаго христіанства можно было бы отослать къ писаніямъ первыхъ отцовъ церкви, въ которыхъ сплошь и рядомъ ненависть къ милитаризму доходитъ до прямого совѣта—дезертировать! (напр., въ тертулліановскомъ *De corona militis*). Точно также буржуазныхъ патріотовъ нашихъ дней можно было бы буквально задушить цитатами изъ сочиненій великихъ мыслителей и поэтовъ третьяго сословія,—Монтескьё, Вольтера, Лессинга, Шиллера и т. д.,—то высказывавшихъ свое отвращеніе къ «грубой солдатчинѣ», къ «маніи постоянныхъ войнъ», къ «кровавому зуду завоевателей», то выдвигавшихъ на первый планъ,—въ пику «узкому патріотизму»,—«великую родину гражданина міра: человѣчество».

Какъ бы то ни было, когда соціализмъ, начавшій быстро развиваться во второй трети XIX вѣка, сталъ дѣлаться настоящимъ евангеліемъ трудящихся массъ, по крайней мѣрѣ въ лицѣ наиболѣе чуткихъ и энергичныхъ представителей ихъ, онъ долженъ былъ, конечно, именно въ качествѣ такого всеобъемлющаго міросозерцанія, занять извѣстную позицію и по отношенію къ націоналистическимъ стремленіямъ, и быстро усиливавшемуся милитаризму. Пока онъ носилъ еще характеръ такъ называемаго «утопическаго соціализма», т. е. представлялъ собою главнымъ образомъ выработку кабинетныхъ системъ, творцы которыхъ обращались въ цѣляхъ ихъ осуществленія преимущественно къ вѣнценоснымъ особамъ и привилегированнымъ классамъ, до тѣхъ поръ и въ его отношеніяхъ къ милитаризму идиллическія фантазіи брали верхъ

надъ трезвымъ пониманіемъ сущности современнаго милитаризма. Съ одной стороны, соціалисты этой школы, подобно наиболѣе гуманнымъ людямъ буржуазнаго лагеря, вѣрили въ возможность избѣгать войнъ при помощи пропаганды мира и апеллированія къ благороднымъ чувствамъ націи и правящихъ сферъ. Съ другой стороны, они много носились съ планами преобразованія обыкновенныхъ постоянныхъ армій, «армій разрушенія», въ «индустріальныя арміи» и изобрѣтали болѣе или менѣе остроумные способы совмѣщенія военной дисциплины и промышленной свободы производителя. Укажу хотя бы на мало извѣстныя, но любопытныя сочиненія въ этой области фурьериста Кранца: «Этюдъ о приложеніи арміи къ общественно полезнымъ работамъ» и «Проектъ созданія арміи общественныхъ работъ» *),—сочиненія, центръ тяжести которыхъ лежитъ въ слѣдующей мысли, заключенной въ предисловіи ко второму этюду: «... Промышленная утилизація арміи была бы поистинѣ великой и полезной мѣрой. Я долженъ, однако, сказать, что какъ она ни желательна, она не могла бы совершенно удовлетворить новымъ потребностямъ нашей индустріальной эпохи. Всѣ тѣ, кто понимаютъ эти потребности, согласятся со мной, что, не отказываясь отъ утилизаціи для мирныхъ трудовъ стараго орудія войны, должно уже теперь же подумывать о томъ, чтобы выковать совершенно новые инструменты будущаго. Гнетущее и воинственное общество, которое умираетъ, создало арміи разрушенія; новое, мирное и либеральное общество, которое выростаетъ на его мѣстѣ, должно будетъ создать арміи производства» **).

Съ возникновеніемъ рабочаго международнаго соціализма, который нашелъ свое выраженіе въ знаменитомъ Интернаціоналѣ, протестъ трудящихся массъ противъ милитаризма принялъ уже болѣе рѣшительныя формы. На третьемъ конгрессѣ международнаго общества, засѣдавшемъ въ Брюсселѣ 6-13 сентября 1868 г., была принята резолюція, которая имѣла своею цѣлью рекомендовать рабочимъ всѣхъ странъ принятіе непосредственныхъ мѣръ для предупрежденія кровавыхъ столкновеній между народами. Это было особенно важно въ виду смутнаго политическаго положенія Европы и безпрестанныхъ слуховъ о войнѣ, усилившихся съ 1866 г. Я приведу послѣднюю часть этой резолюціи, такъ какъ въ этой части заключается замѣчательная для того времени попытка, вскрывая общія причины современнаго милитаризма съ соціалистической точки зрѣнія, подчеркнуть тѣмъ не менѣе спеціальныя условія возникновенія войнъ и указать на практическій путь къ ихъ устраненію.

---

*) J. B. Krantz, Etude sur l'application de l'armée aux travaux d'utilité publique; Парижъ, 1847;— и Projet de création d'une armée des travaux publics; Парижъ, 1847.

**) Projet, стр. 1.

«...Принимая во вниманіе, что при настоящемъ положеніи Европы правительства не представляютъ законныхъ интересовъ рабочихъ; что если главнымъ основаніемъ войнъ дѣйствительно является недостатокъ экономическаго равновѣсія и что поэтому онѣ могутъ быть устранены лишь соціальной реформой, то дальнѣйшее основаніе ихъ лежитъ въ произволѣ, вытекающемъ изъ централизаціи и деспотизма; что такимъ образомъ народы могутъ уменьшить число войнъ, сопротивляясь тѣмъ, кто ихъ объявляетъ и ведетъ; что это право въ особенности принадлежитъ рабочему классу, который почти исключительно обреченъ на военную службу и можетъ одинъ обосновать его; что для этого существуетъ дѣйствительное, законное и непосредственно выполнимое (sofort durchführbares) средство; что общество не можетъ существовать, если производство пріостанавливается на нѣкоторое время; что такимъ образомъ трудящемуся населенію достаточно прекратить работу, чтобы сдѣлать невозможными воинственные планы личнаго и деспотическаго режима,—«Конгрессъ» со всей энергіей, къ какой только способенъ, протестуетъ противъ войны. Онъ обращается ко всѣмъ секціямъ Ассоціаціи, равно какъ ко всѣмъ рабочимъ обществамъ и союзамъ, какого бы рода они ни были, съ просьбою работать въ своихъ странахъ изо всѣхъ силъ надъ тѣмъ, чтобы препятствовать войнѣ между народами, въ которой должно видѣть ни больше ни меньше какъ гражданскую войну, какъ борьбу между братьями и товарищами. Конгрессъ особенно рекомендуетъ рабочимъ пріостановку всякой работы въ случаѣ, если въ ихъ странахъ должна вспыхнуть война. Конгрессъ, разчитывая на духъ солидарности между рабочими всѣхъ странъ, надѣется, что они не преминутъ оказать всевозможную помощь этой *стачкѣ народовъ противъ войны* (курсивъ въ подлинникѣ. Н. К.)» *).

Политическія событія скоро показали, въ какой степени была бы необходима эта стачка народовъ противъ войны, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружили, что даже въ самыхъ культурныхъ странахъ лишь наиболѣе передовые и сознательные элементы трудящихся массъ были въ состояніи оказать активное сопротивленіе милитаризму и шовинистскимъ вожделѣніямъ имущихъ и правящихъ классовъ. Я говорю о франко-прусской войнѣ и ея непосредственныхъ послѣдствіяхъ. Именно сравнительной незначительностью этого сознательнаго меньшинства, состоявшаго изъ прямолинейныхъ интернаціоналистовъ среди рабочаго класса по обоимъ берегамъ Рейна, и объясняется разница въ оцѣнкѣ силы тогдашняго антимилитаристскаго движенія между нѣмецкими и французскими рабочими со стороны буржуазныхъ и соціалистическихъ писателей.

*) См. статью „Internationale Arbeiter-Association“ въ: Carl Stegmann und C. Hugo, Handbuch des Socialismus; Штуттгартъ, 1894, стр. 357.

Такъ, въ своей «Исторiи нѣмецкой соцiалъ-демократiи» Мерингъ рѣзко противоставляетъ шовинистской лихорадкѣ буржуазiи мирное настроенiе «сознательнаго пролетарiата», который «какъ по сю, такъ по ту сторону Рейна ясно понималъ (klar war) истинный характеръ войны» *). Между тѣмъ Жоржъ Вейль, авторъ «Исторiи соцiальнаго движенiя во Францiи», считаетъ себя въ правѣ утверждать, что именно «война противъ Пруссiи остановила соцiалистическое движенiе», и что за немногими исключенiями, «большинство рабочихъ отнюдь не протестовало или даже позволило увлечь себя воинственной горячкѣ» **). Все дѣло въ томъ, что одинъ авторъ обращаетъ преимущественно вниманiе на то, какъ велъ себя въ данномъ случаѣ мыслящiй авангардъ рабочаго класса во Францiи и Германiи, а другой потопляетъ дѣятельность этого сознательнаго меньшинства въ настроенiи широкихъ слоевъ трудящихся массъ, всколыхнутыхъ воинственной пропагандой высшихъ сословiй. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что протестъ противъ братоубiйственнаго столкновенiя двухъ народовъ раздался съ несравненно большею силою въ рядахъ пролетарiата, чѣмъ въ рядахъ буржуазiи, среди которой быстро замолкли голоса членовъ «Лиги мира и свободы».

Какъ только слухи о предстоящемъ кровопролитiи приняли вполнѣ опредѣленный характеръ, еще до объявленiя войны парижскiе рабочiе, принадлежавшiе къ Интернацiоналу, выпустили горячее воззванiе къ рабочимъ всѣхъ нацiй, протестуя противъ «династической войны», какъ противъ «преступной нелѣпости». И въ разныхъ концахъ Францiи появлялись негодующiя заявленiя передовыхъ элементовъ пролетарiата, осуждавшихъ предстоявшую бойню, какъ дѣло «монарховъ, уязвленныхъ въ своемъ честолюбiи» ***). Эти протесты находили откликъ въ сознательной же части нѣмецкаго рабочаго класса, организовавшей народныя собранiя въ

*) Franz Mehring, Geschichte der Deutschen Sozialdemokratie; Штуттгартъ, 2-е изд., 1904, т. IV, стр. 1.

**) Georges Weill, Histoire du mouvement social en France 1852--1902); Парижъ, 1904, стр. 133.

***) Въ самый разгаръ войны, послѣ Седанской капитуляцiи и почти на слѣдующiй день основанiя республики, появилась 6-го сентября 1870 г., энергичная прокламацiя на нѣмецкомъ языкѣ, выпущенная парижскими интернацiоналистами отъ имени рабочихъ товариществъ и французскихъ секцiй Международной ассоцiацiи рабочихъ",и обращенная къ нѣмецкому народу и къ соцiалъ-демократiи нѣмецкой нацiи". Въ этомъ любопытномъ документѣ, оригиналъ котораго находится у меня подъ руками, авторы прокламацiи (между прочимъ, Ш. Белэ, Камелина, Фрэнкель, Лонгэ, Малонъ, Варлэнъ, Толэнъ, Вальянъ) горячо увѣщеваютъ „нѣмецкiй народъ“ „возвратиться обратно на Рейнъ“, а по отношенiи къ „соцiалъ-демократамъ Германiи" выражаютъ надежду, что они рука объ руку съ „соцiалъ-демократiей Францiи будутъ бороться надъ истребленiемъ (Ausrottung) международной ненависти всеобщимъ разоруженiемъ и экономической гармонiей".

Брауншвейгѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Хемницѣ, Нюренбергѣ, Мюнхенѣ и т. д., при чемъ германскіе пролетаріи, слѣдовавшіе за соціалистическими вожаками, часто выражали безусловное осужденіе роковой войнѣ, а въ другихъ случаяхъ если и признавали за своими соотечественниками право вести войну, то лишь строго оборонительную. Такова была и точка зрѣнія Генеральнаго совѣта Интернаціонала, который въ своемъ адресѣ отъ 23-го іюня, бичуя съ одинаковой энергіей и политику Бонапарта, и политику Гегенцоллерновъ, усиленно рекомендовалъ нѣмецкимъ рабочимъ употребить всѣ усилія, чтобы оборонительная война не выродилась въ наступательную. Правда, эта тактика встрѣчала лишь слабое эхо въ широкихъ слояхъ народа, особенно по мѣрѣ того, какъ начавшееся кровопролитіе стало одурять своимъ варварскимъ туманомъ обѣ націи и увлекать въ своемъ потокѣ и болѣе сознательные элементы. Если Бебель, Либкнехтъ и нѣсколько другихъ соціалъ-демократическихъ вожаковъ не уставали горячо протестовать противъ продолженія войны съ Франціей, войны, превращавшейся теперь въ завоевательную кампанію, направленную нѣмецкимъ юнкерствомъ и нѣмецкой буржуазіей уже не противъ французскаго императора, какъ неоднократно заявлялъ король прусскій, а противъ французскаго народа; если имъ удалось цѣною процессовъ и тюремнаго заключенія втянуть наиболѣе передовыя группы рабочаго класса въ агитацію противъ присоединенія Эльзаса-Лотарингіи, то все же трудящіяся массы въ ихъ цѣломъ были отравлены шовинистскимъ ядомъ. Въ «Воспоминаніяхъ» Либкнехта разсказывается, напр., что даже лассалеанствующіе рабочіе устроили враждебную демонстрацію передъ окнами его квартиры за «измѣну отечеству» и чуть было не убили камнемъ его малолѣтняго сына.

По другую сторону Рейна, именно среди парижскихъ рабочихъ и вообще низшихъ слоевъ населенія патріотизмъ, возбужденный нашествіемъ завоевателя, выразился въ наиболѣе энергичной и боевой формѣ. И несомнѣнно, что въ возникновеніи самой коммуны немалую роль играло чувство негодованія противъ буржуазнаго «правительства національной защиты», не умѣвшаго или не хотѣвшаго утилизировать противъ врага живыя силы народа. Пусть припомнятъ хотя бы прокламацію «Центральнаго комитета національной гвардіи» отъ 4-го марта 1871 г., въ которой ровно за двѣ недѣли до великой инсуррекціи ставилась задачей «республиканская федерація національной гвардіи съ цѣлью организовать ее такимъ образомъ, чтобы оборонять страну лучше, чѣмъ могли это сдѣлать до сихъ поръ постоянныя арміи, и защищать всѣми возможными средствами угрожаемую республику» *). Мало того, у такого искреннаго соціалиста и непреклоннаго революціонера, какъ

*) См. Louis Fiaux, Histoire de la guerre civile de 1871; Парижъ, 1879, стр. 35.

Бланки, часто вырываются на столбцахъ его «Отечества въ опасности» тирады въ родѣ нижеслѣдующей, выражающей самую горячую расовую ненависть къ завоевателю: «Тевтоны перешли Рейнъ и еще разъ угрожаютъ цивилизаціи. Южныя расы встрепенулись отъ шума шаговъ этихъ свирѣпыхъ шаекъ, вышедшихъ изъ лѣсовъ Сѣвера, чтобы отдать народы Средиземнаго моря въ рабство своимъ королямъ и феодаламъ... Цѣлый міръ волнуется при зрѣлищѣ этой великой борьбы между узкой и свирѣпой національностью и идеей общечеловѣческаго братства. Они устремили теперь бѣгъ чрезъ наши плодородныя нивы,—они, эти люди съ плоскими ступнями, съ руками обезьянъ, они, которые утверждаютъ, что они соль рода человѣческаго, а на самомъ-то дѣлѣ были всегда лишь бичемъ его и которые явились, чтобы отбросить насъ на тысячу лѣтъ назадъ, къ мрачнымъ туманамъ Балтійскаго моря. О, вы, великія расы Средиземнаго моря, расы съ тонкими и деликатными формами, идеалъ человѣческаго рода, вы, которыя взростили и заставили восторжествовать всѣ великія мысли, всѣ благородныя стремленія, встаньте же на послѣдній роковой бой, встаньте, чтобы истребить звѣрскія орды ночи, эти зеландскія племена, что присѣли и перевариваютъ пищу на развалинахъ человѣчества» *).

Насильственное присоединеніе Эльзаса-Лотарингіи къ Германіи, мнимая необходимость котораго горячо защищалась нѣмецкими милитаристами и нѣмецкой буржуазіей, взростило для Европы и для всего міра тѣ самые ядовитые плоды національной ненависти, противъ которыхъ предостерегалъ Генеральный совѣтъ Интернаціонала, пророчески заявляя, что этотъ грабежъ территорій броситъ неминуемо Францію въ руки деспотической Россіи и надолго остановитъ нормальное развитіе общества. И если Парижская коммуна, вспыхнувшая 18-го марта и окончательно подавленная версальцами въ кровавую недѣлю 21-28 мая, снова оживила горячія симпатіи къ интернаціональному соціализму сознательныхъ рабочихъ всѣхъ культурныхъ странъ и самой побѣдительной Германіи *), то франкфуртскій договоръ, заключенный какъ разъ въ

*) Gustave Geffroy, L'Enfermé; Парижъ, 1897, стр. 317.—Надо замѣтить, что эти страстные выпады Бланки противъ „тевтоновъ" вызывались отчасти не менѣе страстными выпадами германскихъ патріотовъ,—антропологовъ, историковъ, публицистовъ,—противъ французовъ, которымъ шовинистская quasi-наука нѣмцевъ еще со временъ почтеннаго Якова Гримма отказывала во „всякомъ истинно нравственномъ чувствѣ" и на которыхъ какъ разъ во время войны педантизмъ побѣдителей высыпалъ цѣлыя кучи націоналистическаго мусору.

**) Пусть читатель вспомнитъ только рѣчь Бебеля въ первомъ германскомъ парламентѣ, представляющую апологію коммуны (см. Fr. Mehring, Geschichte etc., IV, стр. 21); брошюры Блосса (Wilhelm Bloss, Zur Geschichte der Kommune von Paris; Брауншвейгъ, 1876, 2-е изд.), Моста (Johann Most, Die Pariser Kommune vor den

это время (10-го мая) создавалъ такое положеніе вещей, при которомъ вся Европа превращалась въ ощетинившійся штыками военный лагерь и милитаризмъ садился властнымъ господиномъ у очага передовыхъ народовъ.

Этимъ объясняется въ значительной степени, почему современный соціализмъ, столь сильно проникнутый началами интернаціонализма и, со времени Парижскаго конгресса 1889 г., снова правильно собирающійся для обмѣна мыслей на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ, до сихъ поръ, однако, не достаточно рѣзко высказывается противъ ненавистной военщины и вполнѣ отрицательнымъ антимилитаристскимъ резолюціямъ предпочитаетъ длинныя и неопредѣленныя рѣшенія, боящіяся бить прямо въ забрало націоналистическимъ предразсудкамъ. Укажу для примѣра на рѣшенія о милитаризмѣ, принятыя на брюссельскомъ конгрессѣ 16-23 августа 1891 г. Здѣсь краткую и яркую резолюцію предлагалъ было Домела-Ньевенхейсъ (Nieuwenhuis), которому его анархическія тенденціи мѣшаютъ понять важность собственно политической и въ частности парламентарной борьбы для развитія партіи труда, но который обладаетъ дѣйствительно революціоннымъ темпераментомъ. Эта резолюція гласила, что такъ какъ «война есть результатъ вожделѣній международнаго капитализма», то конгрессъ приглашаетъ «соціалистовъ всѣхъ странъ отвѣтить на случай объявленія войны призывомъ народа ко всеобщей забастовкѣ». Но это рѣшеніе пришлось не по вкусу большинству конгрессистовъ, которое вотировало гораздо болѣе умѣренную, а главное не ясную резолюцію, выдвинутую Либкнехтомъ и (обыкновенно гораздо болѣе революціонно настроеннымъ) Вальяномъ. Это рѣшеніе высказывало само по себѣ вѣрную мысль, что основною причиною милитаризма и состоянія постоянной войны, въ которомъ находится современное человѣчество, служитъ «система эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и вытекающая отсюда классовая борьба». Но подъ тѣмъ предлогомъ, что «лишь установленіе соціалистическаго строя положитъ конецъ милитаризму», авторы резолюціи смазывали, такъ сказать, всю остроту непосредственныхъ поводовъ къ столкновеніямъ между

Berliner Gerichten; тамъ же); отзывъ о парижскомъ возстаніи во второмъ изданіи „Критической исторіи національной экономіи и соціализма" Дюринга (остался и въ послѣднемъ изданіи, несмотря на то, что авторъ, гипнотизируемый своимъ лютымъ антисемитизмомъ, любитъ называть себя теперь уже не соціалистомъ, а „персоналистомъ" (см. Eugen Dühring, Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus; Лейпцигъ, 1900, 4 изд., стр. 549 и слѣд.). Несомнѣнно, что „адресъ" Генеральнаго совѣта Интернаціонала, написанный Марксомъ въ отмщеніе только что подавленной Тьеромъ парижской инсуррекціи, лично способствовалъ уясненію міроваго значенія коммуны (См. Der Bürgerkrieg in Frankreich; Берлинъ, 1891, 3-е изд., стр. 68: „Парижъ рабочихъ со своей Коммуной будетъ вѣчно праздноваться, какъ славный предвѣстникъ новаго общества»).

націями и приходили въ концѣ концовъ къ лишенному всякаго практическаго значенія заключенію, что «тріумфъ соціализма... есть единственное средство для предотвращенія ужасной катастрофы міровой войны». И, въ сущности, такое же якобы принципіальное, а на самомъ дѣлѣ ничего опредѣленнаго не дающее отношеніе къ милитаризму было господствующимъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ въ рядахъ соціалистовъ различныхъ странъ, а особенно въ рядахъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, этой наилучше организованной рабочей партіи во всемъ мірѣ. Подъ знаменемъ все устрояющаго, все разрѣшающаго въ будущемъ соціализма практиковалась самая оппортунистская, самая примирительская тактика, при рѣшеніи надвигавшихся каждый день то въ той, то въ другой странѣ проклятыхъ вопросовъ шовинистствующей политики вообще, и милитаризма въ частности.

Подъ прикрытіемъ этой формулы съ трибуны германскаго рейхстага, соціалъ-демократы объявляли «присоединеніе Эльзаса-Лотарингіи совершившимся фактомъ», «провозглашая самымъ категорическимъ образомъ», что они «признаютъ законнымъ настоящее положеніе вещей» (Ауэръ) и обѣщая «не остаться позади какой бы то ни было партіи въ защитѣ отечества отъ внѣшняго врага» (Либкнехтъ). Подъ прикрытіемъ этой формулы, когда возникалъ и закрѣплялся противоестественнный франко-русскій союзъ, — союзъ безконтрольнаго бюрократическаго режима и основанной на всеобщей подачѣ голосовъ республики,—французскіе соціалисты оправдывали бѣснованіе всемірной столицы, встрѣчавшей адмирала Авеллана фейерверками, восторженными криками и поцѣлуями, тѣмъ, что «Парижъ хотѣлъ выразить свое довѣріе къ возрождающейся силѣ своего отечества... и привѣтствовать миръ не приниженный и ненадежный, но прочный и гордый» (Жорэсъ). Подъ прикрытіемъ этой же формулы, когда нѣсколько лѣтъ спустя французскій милитаризмъ справлялъ настоящія оргіи въ дѣлѣ Дрейфуса, и только что упомянутый Жорэсъ уже боролся противъ поддѣлывателей документовъ въ ясныхъ пуговицахъ и эполетахъ, большинство соціалистовъ считало еще возможнымъ стоять въ сторонѣ отъ міровой борьбы и смотрѣть на «взаимныя гримасы обѣихъ половинокъ капиталистическаго лица».

Лишь въ послѣдніе годы, послѣ ряда кризисовъ, и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ очень крупныхъ, можно сказать всемірныхъ событій, борьба противъ милитаризма приняла въ рядахъ соціалистовъ разныхъ странъ гораздо болѣе рѣзкія формы и если не дала еще крупныхъ непосредственныхъ результатовъ, то по крайней мѣрѣ вскрыла размѣры стыдливо-шовинистской болѣзни. Но діагнозъ зла есть уже половина его излѣченія, если зло вообще излѣчимо, и потому отношеніе къ милитаризму со стороны соціалистическихъ партій въ настоящій моментъ является однимъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ дѣйствительности. Главнѣйшими при-

чинами, заставившими представителей международнаго соціализма болѣе опредѣленно высказаться по поводу отравляющей современный міръ военщины, были: уже упомянутое дѣло Дрейфуса; ростъ революціоннаго синдикализма, который, представляя собою отрицательное явленіе своими анархическими, аполитическими сторонами, составляетъ, однако, спасительную реакцію противъ увлеченія голымъ парламентаризмомъ; русская революція, подѣйствовавшая ободряющимъ образомъ на соціалистическія партіи міра и толкнувшая влѣво самые умѣренные элементы между ними. Можно даже по этому послѣднему поводу прибавить, что временное и кажущееся пониженіе революціонной волны въ Россіи заставило снова качнуться вправо тѣ соціалистическія партіи и тѣхъ представителей этихъ партій, которые въ силу общихъ политическихъ условій или своего темперамента склонны наиболѣе держаться почвы легальности и мирной эволюціи. Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ изъ послѣднихъ соціалистическихъ конгрессовъ и присмотримся, что они даютъ поучительнаго своими преніями о милитаризмѣ.

III.

Партія «объединенныхъ соціалистовъ», т. е., проще сказать, единственныхъ настоящихъ соціалистовъ Франціи, собралась на свой обычный ежегодный конгрессъ, который въ этомъ году состоялся въ Нанси, съ твердымъ желаніемъ выяснить, между прочимъ, свое отношеніе къ милитаризму. И этому вопросу нансійскій конгрессъ, засѣдавшій 11 - 14 августа, посвятилъ половину своего времени. Важность дебатовъ въ этой сферѣ обусловливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ на очередь предстоявшимъ штуттгартскимъ международнымъ конгрессомъ, фигурировалъ именно вопросъ о «милитаризмѣ и международныхъ столкновеніяхъ». Идя на всемірный парламентъ труда, французскіе соціалисты должны были запастись опредѣленной формулой, характеризующей ихъ взглядъ на то, какъ должны вести себя рабочіе разныхъ странъ въ случаѣ столь всегда возможной въ современномъ строѣ войны.

Въ основѣ оживленнаго обмѣна мыслей по поводу милитаризма на нансійскомъ конгрессѣ лежала борьба между тремя различными точками зрѣнія на предметъ, которыя выражались и въ трехъ различныхъ резолюціяхъ, предлагавшихся на разсмотрѣніе «объединенныхъ соціалистовъ». Первая резолюція выдвигалась соціалистической федераціей департамента Дордони и въ сущности резюмировала взгляды Гэда и его товарищей. Эти взгляды отмѣчены обычными недостатками ортодоксальнаго, даже и революціоннаго марксизма. Подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣятельность соціалиста должна заключаться въ организаціи класса рабочихъ съ цѣлью

захвата имъ политической власти и низверженія капиталистическаго строя, Гэдъ часто высказывался противъ участія въ агитаціи по разнымъ злобамъ дня, какъ «отклоняющимъ» будто-бы членовъ соціалистической партіи отъ упомянутой выше главной, или, лучше сказать, единственной цѣли ихъ работы. Такова была его тактика въ борьбѣ съ клерикализмомъ. Такова же она была въ борьбѣ съ шовинистскими тенденціями. И, говоря такъ, я отнюдь не думаю обвинять Гэда въ недостаткѣ революціонности или въ политической трусости. Но на этого мужественнаго человѣка, обладающаго несомнѣнно революціоннымъ темпераментомъ, оказываетъ неблагопріятное дѣйствіе, — какъ я уже высказалъ однажды въ его подробной характеристикѣ,—«абстрактная прямолинейность его міровоззрѣнія», которая «всегда поддерживала въ немъ иллюзію, будто достаточно развивать въ четвертомъ сословіи классовое сознаніе противоположности его экономическихъ интересовъ интересамъ имущихъ и правящихъ, чтобы сами трудящіяся массы выводили за тѣмъ уже отсюда всѣ необходимыя политическія и моральныя послѣдствія. Конечно,въ концѣ концовъ, рабочій классъ и долженъ будетъ сдѣлать эти выводы. Но весь вопросъ въ томъ, когда? А между тѣмъ... политическіе кризисы... требуютъ немедленно политическаго же отвѣта отъ массъ, ибо при неблагопріятномъ исходѣ могутъ разрушить самую почву для открытой борьбы классовъ, замѣнивъ свободныя учрежденія цезаристскими» *).

Такъ и резолюція, выдвинутая Гэдомъ на нансійскомъ конгрессѣ, упорно рекомендуетъ рабочему классу держаться исключительно на почвѣ классовой, экономической и политической, борьбы и отнюдь не прибѣгать къ пріемамъ спеціальной борьбы съ милитаризмомъ. Судите сами:

«Принимая во вниманіе, что милитаризмъ, какъ то признали и провозгласили всѣ международные конгрессы, есть естественное и необходимое слѣдствіе капиталистическаго строя, основаннаго на антагонизмѣ интересовъ и классовъ, и что онъ можетъ исчезнуть лишь вмѣстѣ со своею причиною;

«Принимая далѣе во вниманіе, что, сосредочивая всѣ усилія рабочихъ на уничтоженіи милитаризма въ современномъ обществѣ, мы хотимъ ли того или нѣтъ, но дѣлаемъ дѣло соціальнаго консерватизма, такъ какъ отвлекаемъ (en détournant) рабочій классъ отъ того, что должно быть его единственной заботой: захвата политической власти съ цѣлью экспропріаціи капиталистовъ и овладѣнія средствами производства;

«Принимая, съ другой стороны, во вниманіе, что средства, рекомендуемыя этимъ антимилитаризмомъ, играющимъ роль жертвы обмана или же участника въ обманѣ (начиная съ дезертирства и

*) „Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей"; С.-Петербургъ, 1906, стр. 369.

военной стачки и вплоть до возстанія), лишь усложняютъ и затрудняютъ соціалистическую пропаганду и вербовку новыхъ приверженцевъ, отдаляя такимъ образомъ моментъ, когда пролетаріатъ будетъ достаточно организованъ и силенъ, чтобы покончить путемъ соціальной революціи со всякимъ милитаризмомъ и всякой войной;

«Конгрессъ заявляетъ, что единственною кампанею противъ милитаризма и въ пользу мира, непредставляющею утопіи или опасности, является кампанія соціалистическая, организующая рабочихъ всего міра для разрушенія капитализма; и что до тѣхъ поръ международныя столкновенія могутъ быть предупреждены въ предѣлахъ возможнаго только при помощи сокращенія срока службы, проводимаго интернаціональнымъ соглашеніемъ единовременнаго отказа въ кредитахъ на армію, флотъ и колоніи и всеобщаго вооруженія народа, замѣняющаго постоянную армію» *).

Здѣсь мы встрѣчаемся, какъ, конечно, можетъ судить и самъ читатель, съ обычнымъ у Гэда ходомъ мысли. Все, что выходитъ изъ рамокъ борьбы съ капиталистическимъ строемъ, кажется ему утопіей, иллюзіей, опасностью. Когда соціалисты начинаютъ заниматься, между прочимъ, и антимилитаристской агитаціей, ему уже начинаетъ представляться, что «всѣ усилія рабочихъ сосредоточены на уничтоженіи милитаризма», и что ими забыта «единственная» настоящая задача ихъ дѣятельности: низверженіе капитализма.

Полярную противоположность резолюціи Гэда составляетъ резолюція федераціи Йонскаго департамента или, проще сказать, Эрве (Hervé), пользующагося среди мѣстныхъ товарищей большой популярностью. Эрве, какъ извѣстно, примкнулъ къ соціалистической партіи сравнительно недавно, въ эпоху великаго нравственнаго кризиса, вызваннаго во Франціи дѣломъ Дрейфуса. Раньше онъ былъ просто крайнимъ демократомъ, проводившимъ съ каѳедры учителя исторіи въ гимназіи и въ своихъ учебникахъ очень радикальныя, почти анархическія идеи; подвергся преслѣдованію правительства, былъ вынужденъ подать въ отставку, нашелъ поддержку среди соціалистовъ и вступилъ въ ихъ ряды, сохранивъ вкусъ къ постановкѣ преимущественно политическихъ вопросовъ, а въ частности открывъ энергичную и умышленно (по его собственному признанію) шумливую кампанію противъ милитаризма и вообще «патріотизма». Нѣкоторыя перипетіи этой борьбы, напр., когда онъ совѣтовалъ въ день празднованія Ваграмской битвы бросить въ навозъ знамя 4-го полка, несомнѣнно, самою утрированностью своею скорѣе вредили, чѣмъ приносили пользу антимилитаристской пропагандѣ. Но въ общемъ безстрашіе, съ которымъ Эрве напалъ на любимый грѣхъ французовъ, ихъ національную кичливость и ихъ декламаторскій патріотизмъ, сдѣлало свое дѣло и пріучило публику съ меньшимъ лицемѣріемъ и притворнымъ ужасомъ слушать кри-

*) Цитирую по „L'Humanité“, № 1214, отъ 14-го августа 1907 г.

тику «знамени», «чести отечества» и тому подобныхъ условныхъ лжей шовинистской метафизики. Словомъ, несмотря на поверхностность и крикливость нѣкоторыхъ своихъ антипатріотическихъ разсужденій, Эрве сыгралъ и продолжаетъ играть полезную роль enfant terrible'я, не дающаго покоя любителямъ завертывать острые вопросы дѣйствительности въ ничего не выражающія эластичныя и изукрашенныя фразой формулы.

На нансійскомъ конгрессѣ резолюція Эрве отличалась наибольшей краткостью и яркостью и гласила такъ:

«Конгрессъ, принимая во вниманіе, что пролетаріямъ нѣтъ дѣла до національнаго и правительственнаго ярлыка капиталистовъ, которые ихъ порабощаютъ;

«Что классовой интересъ рабочихъ заключается въ борьбѣ противъ всего интернаціональнаго капитализма, безъ различія;

«Отбрасываетъ буржуазный и правительственный патріотизмъ, который лживо настаиваетъ на существованіи общности интересовъ между всѣми жителями одной и той же страны;

«Утверждаетъ, что долгъ соціалистовъ всѣхъ странъ состоитъ въ томъ, чтобы сражаться лишь для защиты коллективистическаго и коммунистическаго строя, когда имъ удастся его установить;

«И, въ виду дипломатическихъ инцидентовъ, которые съ разныхъ сторонъ угрожаютъ нарушить европейскій миръ, приглашаетъ всѣхъ гражданъ отвѣтить на всякое объявленіе войны, откуда бы оно ни исходило, военной стачкой и возстаніемъ» *).

Среднее мѣсто между двумя этими резолюціями заняла резолюція, представленная сенской федераціей и поддержанная Жорэсомъ и Вальяномъ. Она, какъ увидитъ читатель, и восторжествовала. Это—компромиссная резолюція, вотированная большинствомъ еще на прошлогоднемъ, лиможскомъ конгрессѣ (1—4 ноября 1906 г.) и, какъ всѣ резолюціи, которыя основаны на желаніи найти равнодѣйствующую расходящихся стремленій, грѣшащая пространностью и довольно замѣтною несогласованностью частей. Она, прежде всего, состоитъ изъ двухъ половинъ, первая изъ которыхъ скорѣе резюмируетъ въ общей формѣ pia desideria международнаго соціализма, чѣмъ предлагаетъ какія-либо опредѣленныя мѣры, и лишь вторая яснѣе указываетъ на практическіе пріемы борьбы съ военщиной.

Первая часть читается такъ:

«Конгрессъ подтверждаетъ снова резолюціи предшествовавшихъ международныхъ конгрессовъ относительно:

«1) дѣятельности противъ милитаризма и имперіализма, представляющихъ собою не что иное, какъ военную организацію, установленную государствомъ для удержанія рабочаго класса подъ экономическимъ и политическимъ игомъ класса капиталистовъ;

---

*) Ibid.

«2) напоминанія рабочему классу всѣхъ странъ о томъ, что какое-либо правительство не можетъ угрожать независимости чужой націи, не совершая преступнаго покушенія на эту націю, на ея рабочій классъ, а также на рабочій классъ всего міра; что нація и ея рабочій классъ, которымъ угрожаетъ упомянутая опасность, должны считать своимъ неотложнымъ долгомъ отстоять свою независимость и самостоятельность отъ этого покушенія и имѣютъ право разсчитывать на содѣйствіе рабочаго класса всѣхъ другихъ странъ; что антимилитаристская и исключительно оборонительная политика соціалистической партіи предписываетъ ей добиваться съ этой цѣлью разоруженія буржуазіи и вооруженія рабочаго класса путемъ всенароднаго вооруженія».

Вторая же часть (съ нѣкоторыми сокращеніями) гласитъ:

«Конгрессъ, подтверждая рѣшенія предшествующихъ международныхъ конгрессовъ и международнаго бюро,

«Разсматриваетъ международную солидарность пролетаріевъ и соціалистовъ всѣхъ націй, какъ ихъ первѣйшій долгъ;

«Напоминаетъ имъ, что 1-го мая они устраиваютъ каждый годъ манифестаціи ради этой солидарности и ея ближайшаго необходимаго слѣдствія, поддержанія международнаго мира;

«И приглашаетъ ихъ, въ моментъ возникновенія русской революціи и агоніи самодержавія, которому собирается помогать имперіализмъ сосѣдей, и предъ лицомъ безпрестанныхъ капиталистическихъ и колоніальныхъ пиратствъ... приглашаетъ...

«...къ національной и интернаціональной, рабочей и соціалистической организаціи координированной дѣятельности, которая употребила бы всю энергію и всѣ усилія рабочаго класса и соціалистической партіи на то, чтобы предупредить войну и воспрепятствовать ей всякими средствами, начиная съ парламентскаго вмѣшательства, общественной агитаціи, народныхъ манифестацій и вплоть до всеобщей рабочей стачки и до возстанія».

Столкновеніе трехъ различныхъ точекъ зрѣнія, развитыхъ въ трехъ только что приведенныхъ резолюціяхъ, представляетъ громадный интересъ для всякаго, интересующагося соціалистическимъ движеніемъ, потому что даетъ возможность выяснить себѣ отношеніе современныхъ выразителей міровоззрѣнія труда къ такому серьезному врагу всякаго общественнаго прогресса, какимъ является милитаризмъ. Рѣчи наиболѣе выдающихся вожаковъ «объединенныхъ соціалистовъ» на нантскомъ конгрессѣ въ этомъ смыслѣ гораздо даже любопытнѣе самихъ резолюцій, въ защиту которыхъ онѣ произносились. Тутъ воочію раскрывалась борьба старыхъ и новыхъ идей, происходившая не только между взглядами различныхъ ораторовъ, но въ самой душѣ иныхъ изъ наиболѣе, казалось бы, послѣдовательныхъ соціалистовъ.

Вотъ вамъ, напр., короткая, по обыкновенію хорошо построенная и энергичная рѣчь Гэда: посмотрите, какъ эта ясность и

энергія формы скрываетъ робость мысли, пасующей передъ борьбой съ милитаризмомъ во имя яко бы надлежащимъ образомъ понятыхъ интересовъ соціализма. Глава французскихъ марксистовъ начинаетъ прямо съ рѣзкой критики французскаго антимилитаризма, которому онъ противоставляетъ цѣлесообразную, по его мнѣнію, тактику заграничныхъ соціалистовъ и, разумѣется, прежде всего нѣмецкой соціалъ-демократіи, къ которой Гэдъ, несмотря на свою революціонность, питаетъ горячую симпатію: «Говорятъ, иностранныя соціалистическія партіи—стара штука (vieux jeu). Можетъ быть. Но мы-то ужъ во всякомъ случаѣ странная партія. Мы занимаемся всѣмъ: антиклерикализмомъ, антимилитаризмомъ, всѣмъ—только не соціализмомъ... Единственно живой вопросъ въ этомъ отношеніи это тотъ, который поставленъ на очередь въ Штуттгартѣ: «милитаризмъ и международныя столкновенія...» Относительно милитаризма внутри страны мы всѣ и всегда были согласны. Мы всегда говорили, что рабочій, служащій солдатомъ, не можетъ стрѣлять въ своихъ братьевъ. Но теперь ставится вопросъ о международныхъ столкновеніяхъ. Мы обязаны спросить себя, можемъ ли мы явиться въ Штутгартъ съ резолюціей, вотированной въ Лиможѣ... Вторая ея часть, совѣтующая возстаніе и всеобщую стачку, находится въ прямомъ противорѣчіи съ началомъ. Я протестовалъ и еще протестую противъ этого, и говорю, что если мы напоминаемъ о правѣ на возстаніе, то дѣлать возстаніе слѣдуетъ лишь ради освобожденія труда, а не по причинѣ объявленія войны и не для того, чтобы спасти свою шкуру... Наконецъ, со времени Лиможа у насъ есть новый фактъ: заявленіе нѣмецкой соціалъ-демократіи, устами Бебеля сказавшей, что она намѣрена принимать участіе въ оборонительной войнѣ Германіи. Итакъ, значитъ, возьмутся за оружіе. Но тогда вы отправитесь въ Штуттгартъ съ такимъ видомъ, какъ будто вы хотѣли предать свою страну» *).

Такимъ образомъ, нерѣшительность и полупатріотическая фразеологія нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, вмѣсто того, чтобы вызвать отпоръ со стороны Гэда, заставить его призвать зарейнскихъ братьевъ къ лучшему пониманію международныхъ интересовъ труда, внушаютъ, наоборотъ, французскому революціонеру мысль на слабость отвѣтить слабостью и отозваться на патріотическій куплетъ нѣмцевъ патріотическимъ же припѣвомъ, т. е. нанести жестокій ударъ международной солидарности трудящихся классовъ.

Это почувствовалъ старый бланкистъ Вальянъ и пытался объяснить Гэду странность его позиціи, указывая на то, что или интернаціонализмъ пустое слово, или же трудящіяся массы разныхъ странъ, все болѣе и болѣе связываемыя узами солидарности, должны выработать и практическія формы вмѣшательства въ без-

*) „L'Humanité", № 1213, отъ 18-го августа 1907 г.

умную провокаціонную политику правительствъ, которыя могутъ бросить въ бойню милліоны людей-братьевъ: «Что мы понимаемъ различно вещи въ разныхъ странахъ, это такъ... Но чего мы хотимъ, путемъ координаціи нашихъ дѣйствій, такъ это не дать вспыхнуть войнѣ, не предпринявъ ровно ничего противъ этого... Надо создать новую среду, новую психологію (mentalité), которыя сдѣлаютъ возможнымъ соціализмъ... Мы приведемъ Интернаціоналъ къ единодушному вмѣшательству. Мы потребуемъ отъ Бебеля исполненія сказаннаго имъ въ Маннгеймѣ: «Нѣмецкіе рабочіе возстали бы, если бы нашъ императоръ пожелалъ вмѣшаться въ русскія дѣла, съ цѣлью подавить тамъ революцію». Мы потребуемъ отъ него, чтобы онъ пошелъ еще далѣе и призналъ, что всеобщая стачка представляетъ собою дѣйствительное средство какъ для того, чтобы отстоять всеобщую подачу голосовъ, такъ и противъ войны.

«Наконецъ, если приходится защищать отъ вашихъ нападеній мнимое «отклоненіе», то не имѣемъ ли мы право сказать, что нашъ долгъ—лишить государство всѣхъ тѣхъ силъ, на которыя оно опирается: милитаризма, какъ и клерикализма. Мы боремся съ вооруженнымъ капитализмомъ, съ тѣмъ, напр., который въ Нарбоннѣ стрѣлялъ въ народъ. Намъ должно вырвать изъ его рукъ оружіе. Не слѣдуетъ дѣлать изъ партіи чисто избирательную организацію. А прислушайтесь искренно къ внутреннему голосу совѣсти: наша партія уже стала почти исключительно партіей выборовъ... И развѣ не Всеобщей конфедераціи труда мы обязаны революціонной дѣятельностью послѣдняго времени? Нѣтъ, если вы хотите приблизиться къ ней, то идите бороться на той же почвѣ. Пускайте въ ходъ непосредственное политическое воздѣйствіе.

«Мы пойдемъ въ Штуттгартъ съ тѣмъ, чтобы ясно и просто сказать: «вотъ докуда идемъ мы. Докуда хотите идти вы? Скажите намъ это, и вашъ отвѣтъ будетъ принятъ нашей партіей».

Въ то время, какъ предшествовавшему оратору, Гэду, несмотря на то, что говоритъ онъ блестяще, апплодировали не мало, но и не особенно много, цѣлый взрывъ рукоплесканій и настоящая буря криковъ: «да, да, къ дѣлу!» сопровождаютъ заключительныя слова тусклаго, хотя и умѣлаго оратора, какимъ является Вальянъ. И не даромъ. Начинаешь понимать, что смѣлая, хотя бы временами и крикливая пропаганда антимилитаризма со стороны Эрве и Конфедераціи труда сдѣлало свое дѣло: въ 1907 г. Вальянъ защищалъ тѣ самыя всеобщую стачку и возстаніе, какія онъ, рука объ руку съ Либкнехтомъ, хоронилъ на брюссельскомъ конгрессѣ 1891 г. въ резолюціи, принятой большинствомъ противъ резолюціи Домелы Ньевенхейса. Съ другой стороны, въ рѣчи Вальяна звучало уже имѣющее болѣе общій революціонный характеръ предостереженіе противъ превращенія соціалистической партіи въ чисто выборную машину, равно какъ отмѣчалось признаніе положитель-

наго элемента въ дѣятельности Конфедераціи труда, революціоннаго синдикализма, къ которому Вальянъ и Жорэсъ отнюдь не думаютъ относиться такъ враждебно, какъ Гэдъ и его товарищи, французскіе марксисты. Эта-то позиція, занятая Вальяномъ въ его рѣчи, и вызвала овацію среди большинства конгрессистовъ, въ душѣ которыхъ могутъ временно замолкать, но никогда не атрофируются совершенно революціонныя традиціи французскаго пролетаріата.

На слѣдующій день точка зрѣнія Вальяна была поддержана Жорэсомъ, который, какъ извѣстно, принялъ близко къ сердцу резолюцію международнаго амстердамскаго конгресса 1904 г., резолюцію, указывавшую соціалистамъ всѣхъ странъ на необходимость болѣе послѣдовательной тактики, и, послѣ нѣкотораго колебанія, занялъ выдающееся мѣсто въ партіи объединенныхъ соціалистовъ, при томъ на ея лѣвомъ крылѣ. Краснорѣчивый ораторъ, предостерегая товарищей противъ крайностей «эрвеизма», тѣмъ не менѣе приглашалъ ихъ предпринять что-нибудь положительное противъ язвы современной военщины. Я приведу самыя существенныя мѣста по обыкновенію длинной рѣчи Жорэса, начавшаго съ критики антимилитаристской агитаціи, какъ ее понимаетъ Эрве.

«Я не особенно люблю манеру Эрве, который постоянно упрекаетъ несогласныхъ съ нимъ товарищей въ томъ, что они черезчуръ думаютъ о выборахъ. Конечно, если бы необходимая пропаганда какой-нибудь справедливой идеи должна была вооружить противъ насъ всѣхъ избирателей, то мы изъ-за этого ничуть не оставили бы ее. Но не слѣдуетъ легкомысленно и по пустякамъ (frivolement) создавать недоразумѣнія между партіей и страной. Эрве испортилъ свою дѣятельность противъ войны тѣмъ, что недостаточно ясно высказался за независимость націй.

«Намъ должно разсѣять недоразумѣніе. Многіе товарищи присоединились къ эрвеизму, какъ къ самой энергичной формѣ протеста противъ войны. Но надо знать, что собственно они хотятъ вотировать, вотируя предложеніе йоннской федераціи. Для меня различныя отечества представляютъ собой не только фактъ, но обладаютъ еще человѣческимъ и соціалистическимъ значеніемъ. Лишь въ мастерской націй пролетаріатъ можетъ работать надъ своимъ освобожденіемъ. Ихъ оригинальность необходима для единства человѣческаго рода, какъ необходима свободная дѣятельность личностей. А что вы сдѣлали съ націями, Эрве?.. Я ставлю вамъ вопросъ: если бы, на основаніи вѣрныхъ признаковъ, вы могли узнать, какой народъ является въ данномъ случаѣ нарушающимъ миръ, и какой жертвой нападенія, то что бы вы сдѣлали?..

«Мало того. Сами же вы хотѣли организовать защиту русской революціи. Но въ такомъ случаѣ ваша теорія противорѣчитъ вашей революціонной волѣ. Въ случаѣ войны лишь сопротивленіе

Франціи можетъ способствовать нѣмецкой революціи въ ея борьбѣ съ имперіей; Франція, которая бы сдалась, измѣнила бы нѣмецкому соціализму...

«Вы отстаете, Эрве; вы стоите по отношенію къ отечеству на той точкѣ зрѣнія, на какой стояли сто лѣтъ тому назадъ по отношенію къ машинамъ рабочіе, которые ихъ разбивали. Не разбить отечество долженъ пролетаріатъ, а соціализировать. Дѣйствительно, это ошибка—противопоставлять классъ и отечество. Наоборотъ, у рабочихъ нѣтъ отечества, пока они не представляютъ собой класса. Лишь по мѣрѣ того, какъ они группируются для борьбы, они пріобрѣтаютъ отечество».

Можно, конечно, спорить противъ извѣстныхъ положеній оратора въ родѣ хотя бы уподобленія отдѣльныхъ «отечествъ» отдѣльнымъ личностямъ. Исчезновеніе личностей поведетъ за собою и исчезновеніе обществъ, да мы и не можемъ себѣ представить этого исчезновенія: вѣдь не срастутся же люди буквально въ одно цѣлое, въ родѣ различныхъ,—плавательныхъ, питательныхъ, половыхъ и т. п.,—придатковъ къ стволу сифонофоры. Но мы прекрасно можемъ представить себѣ существованіе человѣчества и съ исчезновеніемъ «отечествъ», по крайней мѣрѣ въ ихъ настоящей формѣ. Стоитъ только сравнить современное отечество цивилизованнаго человѣка, заключающее въ себѣ массу національностей, классовъ, профессій съ отечествомъ первобытной дикой орды, группировавшейся даже не вокругъ отца, а вокругъ матери рода, чтобы понять, въ какой степени существующая форма большихъ культурныхъ общежитій измѣнится въ свою очередь въ будущемъ соціалистическомъ строѣ и, по всей вѣроятности, исчезнетъ въ великой всемірной родинѣ: человѣчествѣ. Такъ что, несмотря на грубую и кричащую внѣшность заявленій Эрве, послѣдній, несомнѣнно, ближе къ истинѣ, чѣмъ выражающій плавными и могучими фразами свою мысль первоклассный ораторъ Франціи. Но за то Жорэсъ правильно указываетъ на историческую невозможность для современнаго соціалиста относиться совершенно индифферентно къ различнымъ «отечествамъ» нашихъ дней, такъ какъ они обладаютъ совершенно различною цѣнностью именно съ точки зрѣнія соціальнаго прогресса. Сравните хотя бы въ этомъ смыслѣ республиканскую Францію и полуфеодальную Германію. Тутъ можно скорѣе понять пламеннаго французскаго патріота, Армана Каррэля, кстати сказать, родоначальника буржуазныхъ республиканцевъ, который перешелъ на сторону испанцевъ, защищавшихъ свою конституцію съ оружіемъ въ рукахъ отъ покушенія вѣроломнаго Фердинанда VII и сражался противъ французскихъ войскъ, посланныхъ Бурбонами на помощь коронованному преступнику, чѣмъ прямолинейнаго эрвеиста, для котораго всѣ «отечества» одинаково заслуживаютъ презрѣніе. Мы, впрочемъ, увидимъ ниже, что и самъ Эрве дѣлаетъ нѣкоторыя поясненія и

ограниченія своей теоріи, чтобы придать ей болѣе пріемлемый видъ. Но возвратимся къ Жорэсу.

Во второй половинѣ своей рѣчи онъ подвергъ мягкой по формѣ, но рѣзкой по сущности критикѣ тактику Гэда, выраженную въ резолюціи Дордонской федераціи:

«...Меня безпокоитъ, когда вы, Гэдъ, обличаете антиклерикализмъ и антимилитаризмъ, какъ «отклоненія». Но самъ Бебель, въ своей резолюціи, признаетъ, что возможно воспрепятствовать войнѣ и до разрушенія капитализма. Милитаризмъ, дѣйствительно, налагаетъ на общество такое бремя, что не мало классовъ готовы бороться противъ него.

«Я знаю, Гэдъ, что вы постоянно боитесь этой антимилитаристской дѣятельности, какъ смѣшенія и неясности понятій (Жорэсъ употребилъ собственно терминъ «конфузіонизмъ», вошедшій въ моду за послѣдніе годы между соціалистами Франціи, Италіи и Германіи. Н. К.). Я, дѣйствительно, стою за борьбу на всякаго рода почвѣ. И если вы называете это конфузіонизмомъ, то смотрите, чтобы ваша резолюція сама не представляла безграничнаго конфузіонизма...

«О, какую бы силу развилъ соціализмъ, если бы въ день объявленія войны онъ заявилъ правительству, что онъ хочетъ, чтобы столкновеніе было разрѣшено обращеніемъ къ третейскому суду, и что въ случаѣ отказа правительства отъ посредничества онъ предпочтетъ поднять возстаніе. Да! было бы преступленіемъ дать совершиться войнѣ! Примите въ разсчетъ, что дѣйствіе, даже исходящее отъ меньшинства, можетъ въ одну изъ этихъ трагическихъ минутъ быть рѣшающимъ, и что, впрочемъ, и сами правительства будутъ не въ состояніи точно измѣрить силу оппозиціи, которая поднимется противъ нихъ...

«Намъ говорятъ, что нѣмцы не смогутъ принять въ Штуттгартѣ рѣшенія этого рода. Увидимъ. Что касается меня, то я боюсь, что нѣкоторые изъ нашихъ товарищей болѣе благоразумны здѣсь, чѣмъ нѣмецкіе соціалисты. Вспомнимъ слова Каутскаго относительно вмѣшательства Германіи для подавленія русскаго революціоннаго движенія. Не писалъ ли онъ также, что соціализмъ уже достаточно силенъ не для того, чтобы осуществить во что бы то ни стало посредничество, но для того, чтобы нѣмецкое правительство почувствовало дрожь ужаса передъ войной? Я и говорю, что это заявленіе уже очень приближается къ лиможской резолюціи».

Изъ послѣдующихъ рѣчей мы остановимся только на отвѣтной рѣчи Эрве, которую онъ началъ съ того, что объяснилъ смыслъ нѣкоторыхъ изъ своихъ самыхъ шумливыхъ формулъ въ родѣ «въ навозъ знамя» и указалъ, что онъ нарочно употреблялъ эти выраженія съ цѣлью обратить вниманіе страны на необходимость

энергичной борьбы съ милитаризмомъ и ударить въ забрало нестерпимому шовинизму правящихъ классовъ.

«Нашъ патріотизмъ,—продолжаетъ онъ,—есть классовый патріотизмъ. А патріотизмъ Гэда и Жорэса есть патріотизмъ, въ которомъ перемѣшиваются всѣ классы». Переходя къ вопросамъ, поставленнымъ ему во время преній относительно случаевъ, въ которыхъ нація, находящаяся подъ угрозой войны, имѣетъ право защищаться, Эрве заявляетъ: «Что касается до защиты русской революціи, то я полагаю, что долгъ соціалъ-демократіи—воспротивиться силою всякому вмѣшательству въ русскія дѣла. Воспротивиться потому, что при земельномъ строѣ Россіи есть шансы, чтобы изъ этого зародыша общаго владѣнія возникло соціалистическое общество. А сами русскіе соціалисты должны постараться захватить въ свои руки средства производства и обмѣна. Возникни случай, предположенный Жорэсомъ, когда одна страна потребовала бы посредничества, а другая напала бы на нее, напр., когда Германія бросилась бы на Францію, то нѣмецкая соціалъ-демократія должна бы поднять возстаніе дома у себя, а французская соціалъ-демократія у себя».

Эрве, заканчивая свою рѣчь, высказалъ убѣжденіе, что Жорэсъ, дѣйствительно, нападаетъ на него не единственно по избирательнымъ соображеніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ возможнымъ утверждать, что большое число любителей парламентаризма между соціалистами только и заботятся, что о своихъ выборахъ.

Въ концѣ концовъ, послѣ преній, главнѣйшія перипетіи которыхъ мы отмѣтили, лиможская резолюція, выдвинутая сенской федераціей и защищавшаяся Вальяномъ и Жорэсомъ, была вотирована большинствомъ 190 голосовъ противъ 16, при значительномъ числѣ воздержавшихся, доходившемъ до 100. Несмотря на длинноты и неясности, она все же, какъ припомнитъ читатель, включала въ себѣ признаніе необходимости для соціалистовъ, въ случаѣ войны, организовать всеобщую стачку и даже прямое возстаніе. Съ этимъ багажемъ французскіе «объединенные соціалисты» и должны были явиться на Штуттгартскій конгрессъ.

IV.

Занавѣсъ падаетъ, чтобы подняться снова. Сейчасъ мы были во Франціи, на нансійскомъ конгрессѣ. Теперь мы переносимся въ Германію, въ Штуттгартъ, куда нѣмецкая соціалъ-демократія приглашала соціалистовъ всего міра на международный конгрессъ, разсчитывая на то, что сравнительно либеральная конституція и не очень реакціонное правительство Вюртемберга не станутъ непреодолимымъ препятствіемъ для засѣданія всемірнаго парламента труда въ столицѣ маленькаго королевства. Эти надежды осуществи-

лись, хотя одного изъ англійскихъ делегатовъ, Квелча, вюртембергское правительство изгнало во время самого конгресса за рѣзкую характеристику гаагской конференціи...

Значеніе штуттгартскаго конгресса, по мысли устроителей, было очень велико. Проявившееся на амстердамскомъ конгрессѣ стремленіе создать между соціалистическими партіями разныхъ странъ гораздо болѣе тѣсную практическую связь, сдѣлать резолюціи международныхъ конгрессовъ если не легально, то морально обязательными для рабочаго класса каждой національности, пріобрѣло въ послѣдніе годы особую силу, и именно по отношенію къ милитаризму. Опасенія войны между Англіей и Германіей, между Германіей и Франціей; марокккскій вопросъ, чуть было не вызвавшій всеобщій конфликтъ въ Европѣ; вожделѣнія прусскихъ юнкеровъ вмѣшаться въ русскія дѣла съ цѣлью подавить русское освободительное движеніе, и т. д.,—все это выдвигало на первый планъ задачу дружнаго сотрудничества соціалистовъ всего міра съ цѣлью рѣшительно воспрепятствовать войнѣ. Естественно, что центромъ преній на штуттгартскомъ конгрессѣ было обсужденіе практическихъ мѣръ для осуществленія этой цѣли. Увы! читатель увидитъ, что именно въ практическомъ отношеніи было сдѣлано очень мало; и что резолюція, принятая на конгрессѣ, хотя и была вотирована единогласно при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ всѣхъ участниковъ, въ сущности представляетъ собою очень обширную пустую скобку, которая заключаетъ въ себѣ всѣ оттѣнки мнѣній соціалистовъ по данному вопросу. На конгрессѣ, продолжавшемся съ перерывами шесть дней (18 - 24 августа), язва военщины служила, несомнѣнно, предметомъ страстнаго обсужденія,—не столько, впрочемъ, на общихъ засѣданіяхъ, сколько на очень сильно посѣщавшихся конгрессистами и публикою засѣданіяхъ спеціальной коммиссіи, избранной для выработки резолюціи и носившей названіе «коммиссіи по милитаризму и международнымъ столкновеніямъ». Но изъ этихъ оживленныхъ дебатовъ для внимательнаго наблюдателя можно было вывести лишь одно, а именно, что если все ростущее меньшинство въ рядахъ соціалистовъ считаетъ долгомъ бороться непосредственно съ милитаризмомъ, то большинство представителей труда до сихъ поръ боится, къ сожалѣнію, стать на почву активнаго сопротивленія націоналистическимъ тенденціямъ. При чемъ одни дѣлаютъ это изъ опасенія ослабить къ себѣ симпатіи трудящихся массъ, а другіе вслѣдствіе того, что сами не отрѣшились окончательно отъ традиціонныхъ воззрѣній.

Читатель, надѣюсь, найдетъ интереснымъ познакомиться съ наиболѣе яркими оттѣнками идей, боровшихся за преобладаніе на конгрессѣ по вопросу о милитаризмѣ. Съ этой цѣлью мы приводимъ здѣсь выдающіяся мѣста изъ рѣчей ораторовъ. Первымъ въ коммиссіи говорилъ Бебель, главнымъ образомъ, противъ Эрве:

«Эрве думаетъ, что отечество представляетъ собой лишь оте-

чество правящихъ классовъ, и, значитъ, до него нѣтъ дѣла пролетаріямъ... Но это еще крупный вопросъ, кому собственно принадлежитъ отечество. Вѣдь до сихъ поръ вся культурная жизнь развивается на основѣ родного языка, на почвѣ національности. Всякій народъ, страдающій подъ иноземнымъ владычествомъ, даже если оно въ другихъ отношеніяхъ благодѣтельно для него, бросается всею массою своею въ борьбу за свободу и отодвигаетъ назадъ всѣ другія цѣли... Попробуйте, Эрве, приложить на практикѣ ваше ученіе, и вы увидите, что ваши соотечественники первые же затопчутъ васъ»...

Здѣсь многіе конгрессисты и публика, главнымъ образомъ изъ нѣмцевъ, кричатъ дружнымъ хоромъ: «правда! правда»! И Бебель продолжаетъ:

«Либкнехтъ и я уже въ 1870 г. испытали, чѣмъ это пахнетъ, когда даже только воздержишься отъ вотированія военныхъ займовъ. А между тѣмъ мы уже знали, что именно Бисмаркъ вызвалъ войну; и впослѣдствіи, когда было доказано, что онъ поддѣлалъ депешу изъ Эмса, это стало извѣстно всему свѣту... Какъ разумный человѣкъ, я долженъ откровенно сказать вамъ, что если бы мы даже хотѣли, мы не могли бы дать того, чего требуетъ отъ насъ Эрве»...

Хоръ нѣмцевъ: «правда! правда»! И снова звучитъ рѣзкое, властное слово оратора:

«Я боюсь, что и во Франціи вамъ пришлось бы плохо (böse Erfahrungen machen), если бы вы попытались въ случаѣ войны прибѣгнуть къ средствамъ, пропагандируемымъ Эрве: массовой стачкѣ, дезертирству и возстанію»...

На сей разъ опять-таки нѣмцы спѣшатъ отвѣтить знаками и восклицаніями одобренія за французовъ, но изъ послѣднихъ Бебеля поддерживаетъ видимо лишь меньшинство. Ораторъ продолжаетъ все болѣе и болѣе властно:

«Если бы мы захотѣли нарушить строгую нейтральность по отношенію къ арміи, нейтральность, которую мы въ настоящее время принуждены практиковать, то на нашу шею обрушились бы всѣ статьи уложенія о наказаніяхъ. Сверхъ того, удайся антимилитаристская агитація и въ самой Франціи, она могла бы нарушить всеобщій миръ. Ибо нѣмецкіе военные круги слѣдятъ за ней съ величайшимъ интересомъ, и дезорганизованная армія, словно магнитъ, будетъ притягивать къ себѣ сильнаго противника»...

Здѣсь нѣмцы считаютъ долгомъ восклицаніями «слушайте! слушайте»! обратить вниманіе зарейнскихъ братьевъ на грозящую имъ опасность со стороны нѣмецкихъ стратеговъ. Къ нимъ присоединяется нѣсколько французовъ. Но большинство послѣднихъ пожимаетъ плечами. Бебель заключаетъ:

«Мы противъ войны, мы стараемся ввести систему милиціи. Генералъ Мольтке говорилъ, что легко дать народу оружіе, но

трудно его отобрать у него. Наши правители знаютъ, что не при *всѣхъ* обстоятельствахъ они могутъ полагаться на два милліона соціалистовъ въ рядахъ ландвера. Мы боремся такимъ образомъ съ милитаризмомъ въ каждомъ пунктѣ и каждый день, но мы не можемъ сдѣлать и никогда не сдѣлаемъ шаговъ, заходящихъ за эту цѣль, шаговъ, которые могутъ оказаться въ высшей степени опасными для всей партійной жизни, для самаго существованія партіи. Мы вотируемъ противъ бюджета, мы противопоставляемъ моральную силу трехъ милліоновъ людей воинственнымъ планамъ правительства. И если бы возникъ конфликтъ, то мы показали бы, что мы способны сопротивляться. Но если вы потребуете отъ насъ вотировать резолюцію Эрве или послѣднюю часть нансійской резолюціи, то мы рѣшительно откажемся. Впрочемъ, и наша резолюція допускаетъ поправки» *).

Бебель умолкаетъ подъ звукъ дружныхъ апплодисментовъ своихъ сторонниковъ. Но немалая часть аудиторіи не рукоплещетъ и ждетъ возраженія Эрве. Сначала конгрессисты не безъ любопытства вслушиваются въ аргументацію Эрве. Но скоро нѣмцы, задѣтые рѣзкимъ и, мѣстами, дѣйствительно несправедливымъ отношеніемъ къ германской соціалъ-демократіи со стороны оратора, — который указалъ вѣрно на недостатки партіи, но проглядѣлъ ея достоинства,— обнаруживаютъ въ свою очередь непріязнь къ говорящему и встрѣчаютъ нѣкоторые выпады Эрве громкимъ ироническимъ смѣхомъ. Страстность сообщается и всей аудиторіи. Но къ чести нѣмцевъ надо сказать, что ихъ партійная дисциплина и выдержка дали возможность Эрве довести рѣчь до конца, и лишь въ частныхъ разговорахъ нѣмецкіе товарищи награждаютъ французскаго антимилитариста эпитетами «паяцъ», «нахалъ» и т. п. Вотъ что говорилъ Эрве:

«Я не знаю, дѣйствительно ли слѣдитъ берлинскій главный штабъ за моей агитаціей съ такимъ интересомъ и съ такой радостью. Но я знаю одно: это то, что не только мои ближайшіе друзья, но вся рабочая и республиканская Франція, весь соціалистическій міръ съ изумленіемъ и скорбью услышатъ рѣчь Бебеля и увидятъ настоящее отношеніе нѣмецкой соціалъ-демократіи къ милитаризму. Позвольте мнѣ прежде всего выяснить происхожденіе нашей кампаніи.

«Мы узнали, что въ тотъ моментъ, когда революціонной Россіи угрожала Германская имперія, нѣмецкіе соціалисты противоставляли этому лишь моральную силу трехъ милліоновъ голосующихъ; и то же было во время марокскаго переполоха. И вотъ тогда-то, видя,

---

*) За неимѣніемъ подробнаго стенографическаго отчета воспроизвожу рѣчь Бебеля, по отчетамъ, появившимся съ одной стороны въ „L'Humanitè“ (№ 1220, отъ 20-го августа 1904 г.), съ другой въ „Schwäbische Tagwacht“ (перепечатано въ „Frankfurter Zeitung“, № 232, отъ 22-го августа 1907 г.

что вы ничего не дѣлаете, мы, французы, подняли громкій крикъ: «мы не пойдемъ на войну за Марокко», и тогда же мы поставили вопросъ: что будетъ дѣлать соціализмъ въ случаѣ войны? Какъ вы, Бебель, мы знаемъ, что современный режимъ грозитъ намъ преслѣдованіями. Но мы получили отъ васъ же урокъ въ Амстердамѣ, и мы узнали, что для соціалистовъ всякое отечество не мать, а мачиха. Мы хотѣли, не взирая на границы, отдѣлить повсюду волковъ отъ овецъ, и нашимъ крикомъ было: наше отечество это нашъ классъ! И мы бросаемъ этотъ кличъ и въ лицо нашему Клемансо, и въ лицо вашему императору...

«Нашъ тезисъ отнюдь не былъ столь смѣшнымъ и былъ гораздо болѣе соціалистичнымъ, чѣмъ его хотѣли представить. Эти идеи увѣнчались успѣхомъ, который я могъ бы назвать по истинѣ грознымъ, ибо мы сознаемъ нашу отвѣтственность...»

Здѣсь нѣмецкая часть аудиторіи разразилась пренебрежительнымъ смѣхомъ, найдя, что слова оратора отзывались большимъ самохвальствомъ. Кстати сказать, смѣхъ еще болѣе возобновился по окончаніи рѣчи Эрве, когда ее стали переводить на нѣмецкій, и въ самомъ переводѣ сказалось ироническое отношеніе къ оратору, который какъ разъ въ этомъ мѣстѣ передачи оказался нанизывающимъ цѣлую вереницу эпитетовъ для характеристики своего успѣха: den grössten, durchschlagendsten, grossartigsten, — «величайшій, рѣшительнѣйшій, грандіознѣйшій»—успѣхъ вмѣсто короткаго и энергичнаго французскаго redoutable.

Но Эрве, не смущаясь смѣхомъ нѣмцевъ, а наоборотъ, словно подхлестываемый имъ, бросался смѣло впередъ, нарочно противоставляя революціонность темперамента французовъ медлительности германской соціалъ-демократіи:

«Я повсюду могъ говорить, что въ моментъ объявленія войны солдаты резервныхъ частей ни за что не пойдутъ. Въ Нанси седьмая часть конгресса одобрила меня. Даже резолюція Гэда показываетъ успѣхъ нашихъ доктринъ, такъ какъ оно прямо обвиняетъ насъ въ томъ, что мы отвлекаемъ пролетаріатъ отъ соціалистической дѣятельности. Въ сущности, французское правительство знаетъ, что оно не можетъ разсчитывать на рабочія массы...

«Но, ведя эту пропаганду, мы надѣялись, что вы, нѣмецкіе товарищи, послѣдуете нашему примѣру, и мы вамъ въ этомъ отношеніи довѣряли. А сами шли впередъ, опираясь на наши революціонныя традиціи, ибо ужъ, конечно, не ваша прусская армія дала намъ республику. Но сегодня Бебель не оставилъ намъ никакихъ иллюзій относительно вопроса, двинется ли за нами нѣмецкая соціалъ-демократія. Я отнюдь не отрицаю великихъ заслугъ ни Маркса и Энгельса, ни Лассаля и Каутскаго, ни Бернштейна,— единственнаго человѣка, у котораго сохранилось еще мужество въ Германіи. Но вы представляете собою лишь великолѣпную избирательную и собирающую членскіе взносы машину, партію манда-

товъ и кассъ. Вы хотите избирательнымъ бюллетенемъ завоевать міръ. Точно также вы можете идти очень далеко въ заоблачныхъ высяхъ мысли. Но вы не умѣете возставать противъ правительствъ. Я спрашиваю васъ: когда нѣмецкіе солдаты будутъ посланы для реставраціи сосѣдняго трона, или когда Пруссія бросится на пролетаріевъ Франціи, что сдѣлаете вы? Отвѣчайте, отвѣчайте не метафизически и діалектически, но просто и ясно: каково будетъ ваше рѣшеніе? Въ прежнее время люди не боялись идти въ тюрьмы. Но вся нѣмецкая соціалъ-демократія очень обуржуазилась, и Бебель перешелъ къ «ревизіонистамъ», говоря: пролетаріи всѣхъ странъ, избивайте другъ друга!..»

Здѣсь оратора, который, дѣйствительно, въ эту критику нѣмцевъ вноситъ излишнюю рѣзкость и произноситъ раздражающія значительную часть аудиторіи фразы, прерываетъ гулъ неодобренія. Но Эрве становится въ своихъ обвиненіяхъ все рѣзче и рѣзче:

«Да, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ возможности познакомиться лично съ нѣмецкой соціалъ-демократіей, которую я вотъ уже сколько лѣтъ видѣлъ занятою мельчайшимъ истолкованіемъ каждаго слова Карла Маркса, и которая заставляла меня пожимать плечами. Теперь я видѣлъ ихъ, этихъ нѣмецкихъ пролетаріевъ, на улицахъ Штуттгарта: то добродушные, славные, довольные, сытые мелкіе буржуа...»

Громкій взрывъ ироническаго смѣха заглушаетъ слова Эрве.

«Я знаю, впрочемъ, со времени амстердамскаго конгресса, что скрывается за вашею революціонною фразеологіею. Какъ у насъ во Франціи, когда папа Гэдъ,—говорю это дружески,—произнесъ свое сужденіе, то сейчасъ же кто-нибудь воскликнетъ «аминь», такъ у васъ черезчуръ много народу и черезчуръ легко и слѣпо повинуется соціалъ-демократическому императору Бебелю,—говорю и это совершенно дружески...»

Новый смѣхъ, но часть аудиторіи возмущена выраженіями оратора, который заканчиваетъ такъ:

«Французскій генеральный штабъ совершенно обезоруженъ нравственно: онъ знаетъ, что война означаетъ у насъ возстаніе пролетаріата. Но интернаціонализмъ *нѣмецкой* соціалъ-демократіи весь лишь на устахъ и выливается только въ шатаньи по конгрессамъ. Скажу вамъ одно: если нѣмецкіе соціалъ-демократы пойдутъ противъ насъ безпрекословно за германскимъ императоромъ, пусть они знаютъ, что ихъ штыкъ встрѣтитъ грудь французскихъ пролетаріевъ, которые будутъ защищать развѣвающееся на баррикадахъ красное знамя возставшихъ коммунъ...»

Много слушающихъ провожаютъ Эрве смѣхомъ, тогда какъ другіе не могутъ сдержать своего негодованія. На слѣдующій день, въ засѣданіяхъ все той же коммиссіи, стянувшей на свой высоко интересный идейный турниръ массу конгрессистовъ и публики, говорятъ сначала Вальянъ и Жорэсъ, стараясь отстоять нансійскую

резолюцію и отъ нападеній въ общемъ находящаго мало сторонниковъ Эрве, и отъ гораздо болѣе популярной атаки Бебеля.

Вальянъ прежде всего, видимо, хочетъ разсѣять непріятное впечатлѣніе, произведенное на умѣренное большинство конгресса и особенно на нѣмцевъ рѣзкостями Эрве, отъ котораго онъ тутъ же отмежевывается, и пытается показать, что нансійская резолюція можетъ быть принята и другими странами:

«У насъ отнюдь не было намѣренія поставить въ затруднительное положеніе какую бы то ни было часть Интернаціонала. Мы привѣтствуемъ успѣхи организаціи соціалистической партіи въ Германіи. Мы отмѣчаемъ ихъ съ тѣмъ, чтобы предложить ей принять участіе въ полезномъ дѣлѣ... Конечно, она не можетъ отказаться отъ этой дѣятельности, ведущей къ устраненію конфликтовъ. Нѣмецкій умъ, отличающійся одновременно и идеалистическимъ, и реалистическимъ характеромъ, пойметъ, что изъ самыхъ фактовъ нужно вывести необходимую дѣятельность.

«Мы стоимъ предъ лицомъ современнаго государства, арміи, и, можетъ быть, войны, которую вызовутъ между націями ихъ правительства... Потому-то, рядомъ съ нашей общей соціалистической дѣятельностью, есть мѣсто для спеціальной дѣятельности противъ милитаризма, и она должна быть энергичной...

«Я не сторонникъ резолюціи Эрве, рекомендующей военную стачку. Я думаю, что въ чемъ мы нуждаемся, это въ коллективной дѣятельности массъ въ смыслѣ нашей резолюціи. Въ соотвѣтствіи съ рѣшеніями предшествовавшихъ конгрессовъ Интернаціонала мы пропагандируемъ всѣ реформы, ведущія къ организаціи милицій. Мы, несомнѣнно, считаемся и съ существованіемъ націй, этихъ элементовъ, на которыхъ будутъ основываться дальнѣйшіе успѣхи Интернаціонала. Но, что бы ни говорили, въ томъ нѣтъ никакого противорѣчія, если мы отъ каждой изъ этихъ націй требуемъ работать надъ сохраненіемъ національной неприкосновенности всѣхъ... Я патріотъ-интернаціоналистъ, и нашимъ преобладающимъ чувствомъ должна быть страстная привязанность къ поддержанію Интернаціонала, который предполагаетъ автономію націй...»

Раздаются рукоплесканія. Но уже начинаетъ говорить Жорэсъ, этотъ съ нетерпѣніемъ ожидаемый виртуозъ рѣчи, пытающійся и на сей разъ то тонко разсчитанными заявленіями, то ораторскимъ энтузіазмомъ привлечь на сторону французской резолюціи то значительное большинство конгрессистовъ, которое повидимому осталось не убѣжденныхъ дѣльной аргументаціей Вальяна.

«Я являюсь предъ вами съ цѣлью поддержать резолюцію Вальяна, которая стала, при все болѣе и болѣе растущемъ большинствѣ, резолюціей всей французской соціалистической партіи. У меня нѣтъ новыхъ аргументовъ, которые я могъ бы прибавить къ тѣмъ, что были уже развиты Вальяномъ. Но французская секція Интернаціонала не располагала другимъ средствомъ показать всю

важность, какую она приписываетъ этой резолюціи, какъ поручивъ защищать ее двумъ членамъ партіи, которыхъ раньше раздѣляла разница въ убѣжденіяхъ. Что касается до меня, то я остаюсь вѣренъ политикѣ дѣйствія, бывшей нашею въ Амстердамѣ. Какъ тогда я требовалъ отъ парламентарной дѣятельности максимума активности, такъ теперь я остаюсь при убѣжденіи, что максимумъ активности является наилучшимъ средствомъ и для предупрежденія международныхъ конфликтовъ».

И Жорэсъ старается еще разъ отграничить взгляды своихъ товарищей отъ Эрве, котораго онъ упрекаетъ въ томъ, что онъ своимъ индифферентизмомъ по отношенію къ существующимъ національностямъ обнаруживаетъ «атавистическое» тяготѣніе къ черезчуръ грубой постановкѣ вопроса. Впрочемъ, продолжаетъ онъ, эрвезмъ во Франціи клонится къ упадку, и Бебель и Эрве сходятся въ томъ, что преувеличиваютъ силу такого черезчуръ примитивнаго антимилитаризма. Между тѣмъ не таковъ смыслъ нансійской резолюціи:

«Если мы чего требуемъ отъ Интернаціонала, такъ это систематизировать и усилить старанія сохранить миръ. Развѣ есть въ этомъ какая-нибудь утопія, что нибудь противорѣчащее самой идеѣ соціализма? Въ нашихъ резолюціяхъ я читаю, что война вытекаетъ изъ самой сущности капитализма. Но вѣдь это не значитъ, что существуетъ какой то желѣзный законъ войны. Въ самой сущности капитализма лежитъ, напр., стремленіе безконечно удлиннять рабочій день, и, однако, пролетаріатъ борется съ этой тенденціей. Точно также въ настоящее время пролетаріатъ пытается умертвить войну, этотъ проклятый плодъ, безпрестанно возрождающійся въ нѣдрахъ капитализма...

«И пусть не говорятъ намъ, что тутъ заключается «отклоненіе». Капитализмъ не есть какой-то неподвижный идолъ: онъ повсюду простираетъ свое дѣйствіе, и повсюду мы должны бороться съ нимъ. Когда мы ведемъ борьбу противъ клерикализма, мы боремся и съ капитализмомъ, поскольку онъ пытается путемъ религіи усыпить революціонную силу пролетаріата»...

Оратора перебиваютъ рукоплесканія, и онъ снова продолжаетъ:

«Когда мы боремся и съ милитаризмомъ, мы опять таки вступаемъ въ борьбу съ капитализмомъ, поскольку онъ стремится войною противопоставить во всемъ мірѣ однихъ пролетаріевъ другимъ. Во всемъ этомъ нѣтъ никакой опасности отклоненія... И средства, рекомендуемыя нами, не такъ уже новы. Сами нѣмцы, напр. Каутскій, въ извѣстные моменты рекомендовали ихъ».

Обращаясь спеціально къ нѣмецкой соціалъ-демократіи, Жорэсъ заклинаетъ ее не противиться принятію общихъ практическихъ мѣръ противъ войны:

«Мы не хотимъ ничуть компрометтировать васъ. Если бы вы

хотѣли вмѣстѣ съ нами, въ подкоммиссіи, поискать, какимъ путемъ проявить эту общую волю, это коллективное желаніе энергичной дѣятельности безъ ущерба для васъ, то мы охотно занялись бы этимъ. Но вы, какъ кажется, преувеличили затрудненія».

Развертывая передъ аудиторіей грозящія миру и мѣшающія развитію соціализма перспективы, Жорэсъ указываетъ прежде всего на возможность для правящихъ классовъ Германіи и Франціи втянуть оба великіе народа въ войну, чтобы внѣшней диверсіей отвлечь рабочій классъ отъ соціалистическаго движенія:

«Возникни столкновеніе между Германіей и Франціей, и съ какой необузданностью шовинистское звѣрство набросится на каждаго изъ насъ, на самыхъ разумныхъ и самыхъ дальновидныхъ. При этихъ обстоятельствахъ, самое лучшее для насъ, это—просто на просто исполнить свой долгъ, ясно и рѣшительно заявить буржуазіи, что хотя мы признаемъ неприкосновенность и независимость каждой страны, и ни одну не хотимъ отдать въ жертву гнету и эксплуатаціи врага, мы не позволимъ, однако, чтобы одна часть международнаго пролетаріата избивалась другой... Нѣтъ, мы не можемъ допустить этой войны, не употребивъ самыхъ отчаянныхъ усилій, чтобы остановить ее. Если бы мы не сдѣлали этого, мы опозорили-бы себя и съ той, и съ другой стороны»...

Здѣсь краснорѣчиваго оратора встрѣчаетъ громъ апплодисментовъ, которые возобновляются въ перемежку съ криками одобренія, когда Жорэсъ въ заключеніе указываетъ на то, что въ нѣмецкой партійной программѣ уже тридцать лѣтъ фигурируетъ требованіе разрѣшенія международныхъ конфликтовъ при помощи третейскаго суда; что сама буржуазія дѣлаетъ интернаціональному соціализму извѣстныя уступки своими мирными конференціями; и что весь старый міръ дрожитъ, приглядываясь къ росту соціализма. «Этотъ ли моментъ вы изберете для того, чтобы признать себя безсильными и объявить банкротство интернаціональной соціалистической партіи»?

Но не успѣло улечься возбужденіе, вызванное патетическимъ заключеніемъ Жорэса, какъ передъ аудиторіей выступилъ Фольмаръ, произнесшій въ высшей степени искусную, талантливую, но глубоко оппортунистскую рѣчь, въ которой патріотизмъ защищается уже самъ по себѣ, а не только въ качествѣ преходящаго культурнаго явленія, могущаго стать почвой и для развитія международнаго соціализма. Эта рѣчь въ сущности выражала идеи и чувства большинства нѣмецкой соціалъ-демократіи и уже потому заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Фольмаръ началъ съ тонкаго вышучиванья Эрвэ, рѣзкостями котораго онъ ловко воспользовался, чтобы дать удовлетвореніе своимъ обиженнымъ соотечественникамъ и привлечь на свою сторону всѣхъ тѣхъ конгрессистовъ, чьи симпатіи къ интернаціональному

соціализму перевѣшиваются традиціонными воззрѣніями и опасеніями стать непопулярными среди широкихъ слоевъ населенія.

«Гражданинъ Эрве сообщилъ намъ, какъ результатъ этого своего перваго путешествія въ Германію съ цѣлью ея изученія, что нѣмцы—добродушные люди. Это онъ совершенно вѣрно подмѣтилъ; ибо не много найдется странъ, въ которыхъ члены партіи могли бы выслушать подобную рѣчь съ такимъ добродушіемъ и терпѣніемъ (*Очень хорошо!* на скамьяхъ нѣмцевъ)... Гражданинъ Эрве распространялся о готовности идти въ тюрьму,—вещь, о которой не только всякій соціалъ-демократъ, но и всякій человѣкъ со вкусомъ долженъ бы говорить безъ хвастовства,—равно какъ о разныхъ другихъ вещахъ, по отношенію къ которымъ немало нѣмецкихъ товарищей полагаютъ, что онѣ заходятъ за предѣлы шутокъ. И иные думали, что я ему долженъ былъ бы отвѣтить въ томъ же тонѣ. Но простое самоуваженіе запрещаетъ намъ серьезно разбирать такія разсужденія и терять по поводу ихъ хоть еще одно слово (*Очень хорошо*! среди нѣмцевъ)... Жорэсъ упрекнулъ насъ, что мы принимаемъ Эрве слишкомъ въ серьезъ. Да, если бы вы сами только не принимали черезчуръ въ серьезъ его идеи и, на половину отрицая ихъ, не соглашались бы съ конечными выводами изъ нихъ. Могу васъ увѣрить, что, когда мы познакомились лично въ образѣ Эрве съ этимъ грознымъ антимилитаризмомъ (ораторъ иронически говоритъ здѣсь два слова по-французски: antimilitarisme redouable. Н. К.), мы понимаемъ теперь многое изъ того, что дѣлается во Франціи, и не удивляемся больше ничему (*Смѣхъ*)...

«На этомъ я оставляю гражданина Эрве и обращаюсь къ Жорэсу и Вальяну... Кто меня знаетъ, тотъ знаетъ также, что я отнюдь не являюсь лишеннымъ всякой критики восхвалителемъ всего, совершаемаго нашей партіей въ Германіи. Но я могу сказать: ни въ одной партіи съ самаго начала шовинитсткое и націоналистическое пристрастіе не играло столь малой роли, какъ среди нѣмецкой соціалъ-демократіи (*Совершенная правда!* въ рядахъ нѣмцевъ). Нигдѣ съ самаго начала не боролись такъ рѣшительно и успѣшно съ милитаризмомъ и самой войной, какъ въ нѣмецкой соціалъ-демократіи (*Правда*! *Совершенная правда*! среди нѣмцевъ). Мы и теперь готовы продолжать безпрерывно и неустанно эту борьбу на старый ладъ. Но мы не хотимъ допустить искаженія смысла этой борьбы. Неправда, что интернаціонализмъ то же самое что антимилитаризмъ. Неправда, что у насъ нѣтъ отечества (*Громкія одобренія* на скамьяхъ нѣмцевъ). У насъ есть отечество, я говорю это безъ всякихъ мелочныхъ комментаріевъ къ слову «отечество». Никакая любовь къ человѣчеству не въ состояніи помѣшать намъ быть хорошими нѣмцами. Насколько мы признаемъ общность культурныхъ интересовъ всѣхъ народовъ, насколько мы осуждаемъ и боремся съ науськиваніемъ одной націи на другую,

настолько же мы не раздѣляемъ утопическаго воззрѣнія, будто желательно уничтожить націи и сготовить изъ нихъ какую то кашу, въ которой нельзя ничего разобрать»...

Здѣсь Жорэсъ прерываетъ Фольмара восклицаніемъ и пожатіемъ плечъ. Но ораторъ продолжаетъ съ возрастающей живостью, не обращая вниманіе на прерывающія его восклицанія Эрве, Алльмана и другихъ французовъ:

«Пока гражданинъ Эрве находится еще въ вашихъ рядахъ, вы не можете слагать съ себя отвѣтственность за него простымъ пожатіемъ плечъ. Мы осмѣиваемъ каррикатурный націонализмъ шовинистовъ. Но мы сами въ свою очередь не хотимъ являться въ глазахъ враговъ каррикатурой интернаціонализма. Уже Либкнехтъ, котораго, къ сожалѣнію, нѣтъ больше между нами, выяснилъ, что нѣмецкая партія хочетъ пріобрѣсти вліяніе на интернаціональную политику съ цѣлью устраненія войны путемъ пріобрѣтенія власти надъ государствомъ и общественною совѣстью, а не дѣтскими заговорами въ казармахъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ громадное большинство нѣмецкаго пролетаріата. Но дѣтскимъ заговоромъ въ казармѣ являются и тѣ средства, которыя предлагаетъ для борьбы съ опасностью войны резолюція Вальяна-Жорэса... Мы считаемъ антимилитаристскую пропаганду не только тактически неблагоразумной, но и принципіально ложной. Она не понимаетъ совокупности соціалистическаго движенія, не схватываетъ сущности соціалистическаго вопроса, а цѣпляется лишь за внѣшнія формы. Мысль уничтожить войну путемъ военной стачки столь же умна, какъ идея, что всеобщей забастовкой можно въ одну ночь разрушить капиталистическое государство... Смѣлыя выраженія Каутскаго могутъ обязывать лишь его одного, а партія подъ ними не подпишется и за нихъ не беретъ на себя отвѣтственности... Мы не настаиваемъ на каждой буквѣ резолюціи Бебеля, но мы должны васъ настоятельно просить не связывать насъ опредѣленными средствами борьбы и оставить намъ свободу самоопредѣленія согласно жизненнымъ условіямъ нашего партійнаго движенія».

Изъ груди большинства нѣмцевъ вырывается дружное браво. Но многіе изъ французовъ и бельгійцевъ въ свою очередь громко смѣются надъ доктриной соціалистическаго патріотизма, какъ она вылилась изъ устъ умнаго, но отнюдь не революціоннаго «короля баварскихъ соціалъ-демократовъ».

Но главный интересъ страстныхъ дебатовъ уже истощенъ. Мы не будемъ останавливаться на послѣдующихъ рѣчахъ ораторовъ, ни даже на второй рѣчи Бебеля. Одинъ за другимъ представители различныхъ національностей высказываются въ томъ или другомъ смыслѣ за предложеніе Бебеля или за предложеніе Вальяна-Жорэса. Съ послѣднимъ читатель уже знакомъ, такъ какъ оно было вотировано на нансійскомъ конгрессѣ. Что касается до резолюціи, предложенной Бебелемъ, то намъ нечего цитировать ее: во пер-

выхъ, она говоритъ лишь въ другихъ выраженіяхъ, то же самое, что говорила резолюція Гэда, отвергнутая на нансійскомъ конгрессѣ; во-вторыхъ, она войдетъ значительною частью въ вотированную штуттгартскимъ конгрессомъ резолюцію, о которой рѣчь будетъ ниже. Прислушиваясь къ мнѣніямъ ораторовъ, высказывающихся за два сталкивающіяся предложенія, вы чувствуете, что представители большинства странъ, по крайней мѣрѣ крупныхъ странъ, или такихъ, въ которыхъ соціалисты обладаютъ сильными организаціями, тяготѣютъ къ предложенію Вальяна-Жорэса, но ихъ смущаетъ властное non possumus огромной соціалъ-демократіи Германіи и престижъ имени Бебеля. Въ результатѣ чего нѣкоторые изъ сочувствующихъ въ душѣ болѣе рѣшительной французской резолюціи заявляютъ, однако, что они будутъ вотировать за резолюцію Бебеля, хотя... хотя «читая ее не въ духѣ Фольмара, а въ духѣ революціонномъ». Получалось нѣсколько комическое положеніе, похожее на то, которое изображается въ анекдотѣ о лаконическомъ письмѣ солдата къ своимъ роднымъ: «отецъ, пришли сапоги», причемъ одни, читая его грубымъ голосомъ, возмущались его повелительнымъ тономъ, а другіе, читая его нѣжно-чувствительно, находили въ немъ, наоборотъ, трогательную мольбу почтительнаго сына.

«Революціонно» читаютъ резолюцію Бебеля австріецъ Адлеръ и голландка Ролландъ-Хользтъ. «Революціонно» же читаетъ ее партія русскихъ соціалъ-демократовъ, которая желаетъ въ бебелевскую формулу внести поправку и заявляетъ, что она въ одномъ пунктѣ пойдетъ «даже далѣе, чѣмъ Вальянъ и Жорэсъ», изъявляя свою готовность «воспользоваться войной для совершенія соціальной революціи». Русская же соціалъ-революціонная партія высказываетъ мнѣніе, что никакими поправками нельзя измѣнить духа бебелевской резолюціи, и потому она присоединяется къ французамъ. Извѣстный лидеръ бельгійской рабочей партіи Вандервельдъ, итальянецъ Коста отдаютъ рѣшительное предпочтеніе резолюціи Жорэса-Вальяна. И въ большей или меньшей степени, съ тѣми или другими оттѣнками, таково настроеніе нѣкоторыхъ другихъ болѣе мелкихъ странъ. Впрочемъ, все больше и больше чувствуется, что нѣмцы не уступятъ ни шагу, и потому конгрессъ начинаетъ склоняться къ мнѣнію, что если интернаціональный парламентъ труда не хочетъ разослать своихъ членовъ по домамъ съ пустыми руками, то надо «сочетать лавръ и миртъ, квасъ и спиртъ», принявъ нѣчто среднее между резолюціей Жорэса-Вальяна и резолюціей Бебеля. Назначается подкоммиссія изъ тринадцати членовъ, выносящая послѣ дня усиленной работы на «пленарное» засѣданіе конгресса безконечно-длинную резолюцію, резолюцію-Левіафана, въ каковомъ блюдѣ самая рыба была сервирована Бебелемъ, а море соуса представителями различныхъ оттѣнковъ противоположнаго взгляда. Этотъ соусъ обильно заливалъ сущность резолюціи и давалъ возможность болѣе рѣшительнымъ антимилитаристамъ

утверждать, что они не видятъ въ ней рыбы, предложенной нѣмецкою партіею, а послѣдней справедливо торжествовать по тому поводу, что какъ ни какъ, а соціалъ-демократическая рыба будетъ все же проглочена болѣе революціонными гостями.

Надо, дѣйствительно, читать всю эту резолюцію, написанную Бебелемъ, Жорэсомъ и Вандервельдомъ,—въ особенности читать ее на французскомъ языкѣ, этомъ классическомъ по своей ясности и точности языкѣ международныхъ сношеній,—чтобы убѣдиться, какъ мало положительнаго давала она съ нетерпѣніемъ ея ждавшему міру труда. Подумайте, что ея французскій, наиболѣе короткій, текстъ занимаетъ, напр., чуть не три страницы очень мелкаго шрифта въ журналѣ, издаваемомъ французскими умѣренными соціалистами *). Въ посылкахъ, напоминающихъ своими размѣрами длинную газетную статью, пространно разсказывается, что «дѣйствіе противъ милитаризма нельзя отрывать отъ дѣйствія противъ капитализма»; пространно выясняются экономическія,—и вскользь политическія,—причины войнъ; пространно упоминается, что было уже сдѣлано рабочимъ классомъ разныхъ странъ для предупрежденія столкновеній между народами (въ томъ числѣ отмѣчаются усилія «русскихъ и польскихъ рабочихъ и крестьянъ, чтобы помѣшать войнѣ, предпринятой абсолютизмомъ, и изъ самаго кризиса извлечь свободу для всѣхъ народностей Россіи и ея пролетаріата»). А въ заключеніи лишь слѣдующее:

«Конгрессъ заявляетъ:

«Если угрожаетъ вспыхнуть какая-нибудь война, то на рабочемъ классѣ заинтересованныхъ странъ и на ихъ представителяхъ въ парламентахъ лежитъ обязанность, при помощи Интернаціональнаго бюро,—этого органа координаціи дѣйствій,—употребить всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать войнѣ всѣми средствами, которыя покажутся имъ наилучше ведущими къ цѣли и которыя, конечно, измѣняются въ соотвѣтствіи со степенью остроты борьбы классовъ и съ общимъ политическимъ положеніемъ.

«Въ случаѣ если бы война тѣмъ не менѣе вспыхнула, они должны вмѣшаться, чтобы ее скорѣе прекратить, и утилизировать изъ всѣхъ силъ экономическій и политическій кризисъ, созданный войною, чтобы привести своей агитаціей въ движеніе самые глубокіе народные слои и ускорить паденіе капиталистическаго строя» **).

Иначе говоря, никакого общаго практическаго пріема для объединенныхъ интернаціоналомъ трудящихся массъ разныхъ странъ не рекомендуется. И въ то время, какъ французы, бельгійцы, итальянцы будутъ, можетъ быть, пытаться возстаніемъ предотвратить чудовищную войну братьевъ, нѣмцы будутъ по преж-

---

*) См. La Revue socialiste", сентябрь 1907 г., стр. 270—272.
**) Ibid., стр. 272.

нему противополагать отечественному милитаризму «моральную силу трехъ милліоновъ голосовъ на выборахъ», ссылаясь на то, что большаго имъ и не позволяютъ «степень остроты классовой борьбы и общее политическое положеніе» въ Германіи.

Предложеніе это было, однако, вотировано единодушно конгрессомъ, ибо всякій понималъ, что въ сущности оно даетъ carte blanche каждой странѣ дѣйствовать, какъ она считаетъ полезнымъ и удобнымъ для себя. Единогласный ходъ резолюціи былъ даже встрѣченъ оглушительными рукоплесканіями всѣхъ конгрессистовъ. Ему апплодировалъ самъ Эрве, который считалъ, однако, необходимымъ передъ вотомъ,—одинъ во всемъ конгрессѣ,—вскрыть истинное значеніе этой резолюціи. Вотъ выдающіяся мѣста въ его рѣчи, которая любопытна не своими рѣзкостями, а откровенностью, съ какою ораторъ показалъ, что въ международномъ смыслѣ резолюція—чистѣйшій нуль:

«Товарищи,

«Элегантная форма прекращенія преній, которую вамъ только что предложили, дѣлаетъ честь ловкости Интернаціональнаго бюро. Я, впрочемъ, никогда и не сомнѣвался въ ловкости нашихъ товарищей, но я думаю, что эта ловкость шита, какъ говорится у насъ, французовъ, бѣлыми нитками, т. е. въ сущности представляетъ собою очень неловкую вещь.

«Кого вы думаете ввести въ заблужденіе, полагая такимъ образомъ конецъ преніямъ? Или вы думаете, что цѣлый міръ не знаетъ противорѣчія, существующаго между резолюціей въ томъ видѣ, въ какомъ вы ее сейчасъ проголосуете единодушно, и рѣчами, которыя раздавались тамъ, наверху, въ коммиссіи, изъ устъ нашихъ товарищей, делегатовъ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Это противорѣчіе таково, что я,—отнюдь не дипломатъ и отнюдь не ловкій человѣкъ,—поднимаю обѣ руки за штуттгартскую резолюцію. Я желаю нашему товарищу Фольмару вотировать ее съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ дѣлаю это я. Но рѣчи Бебеля и тѣ, что говорились въ коммиссіи, означаютъ почти прямую противоположность.

«Я думаю, что вы не можете достойнымъ образомъ закончить эти пренія подобнымъ экивокомъ, безъ откровенныхъ объясненій. Пока какой-нибудь пользующійся авторитетомъ товарищъ изъ рядовъ нѣмецкой соціалъ-демократіи не заявитъ съ высоты этой трибуны, что мысль его партіи заключена въ резолюціи, а не въ рѣчи Бебеля, до тѣхъ поръ я буду противиться закрытію преній.

«У меня есть еще другое основаніе. Хоть одинъ-то разъ мы нашли въ Германіи свободную трибуну, съ которой мы можемъ высказать все, не подвергаясь другому неудобству, какъ быть изгнаннымъ, въ родѣ нашего товарища Квелча, или поставить правительство Германской имперіи въ смѣшное положеніе разогнать уже и безъ того почти закончившійся конгрессъ. Я говорю вамъ

откровенно, что если вы упустите подобный случай братски высказать свое мнѣніе нѣмецкой соціалъ-демократіи и нѣмецкому народу, то вы сдѣлаете крупную ошибку.

«Во всякомъ случаѣ, вашъ способъ прекращать пренія будетъ походить, въ глазахъ общественнаго мнѣнія, на ловкость фигляра и на желаніе удушить вопросъ».

Интересно, что эта рѣчь, которую немало сторонниковъ Жорэса и Вальяна находятъ «искусною», встрѣчается въ иныхъ мѣстахъ аплодисментами на большомъ числѣ скамей. Чувствуется, что въ душѣ у многихъ конгрессистовъ возникаютъ тѣ же сомнѣнія, которыя выбросилъ на судъ общественнаго мнѣнія enfant terrible французскаго соціализма. Но иные, революціонно настроенные представители міровоззрѣнія труда, все же надѣятся, что если резолюція конгресса нуль, то, однако, изъ нея можно будетъ выжать, въ случаѣ активнаго выступленія, оправданіе болѣе энергичныхъ пріемовъ, чѣмъ тѣ, какіе рекомендуются большинствомъ нѣмецкой соціалъ-демократіи.

Во всякомъ случаѣ, когда стремишься объективно всмотрѣться въ результаты конгресса, то не испытываешь желанія такъ восторгаться единодушіемъ его резолюцій, какъ это дѣлаетъ, напр., въ своемъ журналѣ Каутскій, констатирующій «нѣкоторую изолированность» своихъ соотечественниковъ въ вопросѣ о милитаризмѣ т. е., значитъ, признающій то, о чемъ говорилъ Эрве, но все же считающій возможнымъ, самъ будучи настроенъ болѣе революціонно, чѣмъ другіе нѣмецкіе вожаки, говорить о томъ, что и въ этомъ «центральномъ пунктѣ» конгресса, какъ и въ остальныхъ, интернаціональный парламентъ трудящихся «выковалъ новое оружіе изысканной силы, которое существенно облегчитъ и ускоритъ наше шествіе впередъ» *).

Гораздо вѣрнѣе и, конечно, торжествуя, понялъ смыслъ преній конгресса по вопросу о милитаризмѣ органъ «ревизіониста» Бернштейна: «И въ этомъ вопросѣ нѣмецкая партія не сдѣлала ни малѣйшей уступки *революціонной* фразѣ. Она осталась на своей точкѣ зрѣнія, которую развили въ превосходныхъ и рѣшительныхъ рѣчахъ товарищи Бебель и Фольмаръ: объ антимилитаризмѣ они ничего не хотятъ знать... Резолюція, принятая конгрессомъ, предоставляетъ просто-на-просто отдѣльнымъ національнымъ секціямъ дѣлать то, что онѣ считаютъ справедливымъ и за что могутъ принять на себя отвѣтственность» **).

Мнѣ остается, передъ окончательнымъ заключеніемъ, сказать лишь нѣсколько словъ о милитаризмѣ на эссенскомъ партейтагѣ

*) K. Kautsky, Der Stuttgarter Kongress; въ „Neue Zeit“, n° 48, отъ 31 августа 1907 г., стр. 724.

**) „Sozialistische Monatshefte“, сентябрьскій № 1907 г., стр. 786.

нѣмецкой соціалъ-демократіи, который имѣлъ мѣсто вскорѣ послѣ штуттгартскаго конгресса. Здѣсь, вдали отъ посторонних смущающихъ взоровъ, еще рѣзче выразилась та точка зрѣнія нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, которая создала имъ «извѣстную изолированность» на международномъ конгрессѣ. Недаромъ тотъ же органъ Бернштейна не нахвалится рѣчью, произнесенною Бебелемъ отчасти въ защиту товарища Носсэ, который, какъ извѣстно, своею «военною» рѣчью въ рейхстагѣ возбудилъ неудовольствіе наиболѣе революціонно настроенныхъ соціалъ-демократовъ. Бебель рѣшительно покрывалъ Носсэ и самъ же старался стереть разницу, на которую хотѣли указать нѣкоторые товарищи, между взглядами Бебеля и упомянутой рѣчью Носсэ въ рейхстагѣ. Нападеніе на виновника военной рѣчи было отбито. Оно «не удалось»,—какъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ органъ Бернштейна,—«не только благодаря энергичному и симпатичному выступленію въ защиту Носсэ обвиненнаго вмѣстѣ съ нимъ Бебеля, но и психологіи цѣлой партіи, которая именно въ этой области никогда не переходитъ границъ добросовѣстности» *)...

Намъ, собственно, нечего дѣлать подробные выводы изъ заключающагося въ настоящей статьѣ матеріала: читатель самъ сдѣлаетъ ихъ. И, конечно, въ числѣ этихъ выводовъ будетъ констатированіе того факта, что до сихъ поръ борьба съ милитаризмомъ сталкивается въ рядахъ даже наилучше организованныхъ и наиболѣе могучихъ соціалистическихъ партій отчасти съ отголоскомъ націоналистическихъ переживаній, отчасти съ преувеличенною осторожностью въ данномъ вопросѣ иныхъ вожаковъ, которые боятся энергичною агитаціею противъ военщины потерять популярность въ широкихъ слояхъ населенія или вызвать жестокую репрессію имущихъ и правящихъ классовъ. А между тѣмъ только принципіальная борьба противъ милитаризма, борьба, которая вовсе не предполагаетъ необходимо рѣзкостей à la Эрве, можетъ нанести серьезный ударъ и всему зданію современнаго капиталистическаго строя, опирающагося на экономическую эксплуатацію и на политическое порабощеніе массъ...

Н. Е. Кудринъ.

---

*) „Sozialistiche Monatshefte", октябрьскій № 1907 г., стр. 886.

Обновленный рейхсратъ.

(*Письмо изъ Австріи*).

I.

На дняхъ закончится вторая сессія австрійскаго парламента, впервые избраннаго на основаніи всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ. И первая, и вторая сессія даютъ намъ возможность опредѣлить, какія измѣненія внесла въ политическую жизнь народовъ Австріи реформа избирательнаго закона, которой юго-западная сосѣдка Россіи въ немалой степени обязана освободительному движенію послѣдней.

Достаточно бѣглаго взгляда, чтобы понять, какъ радикально отличается политическая физіономія новаго австрійскаго представительства отъ физіономіи предыдущаго парламента, въ которомъ верховодили группы, теперь оттѣсняемыя на задній планъ элементами, совершенно ничтожными въ періодъ куріальной системы.

Выборы, давшіе въ результатѣ новый, демократическій парламентъ, внесли пертурбацію въ жизнь политическихъ партій всѣхъ австрійскихъ національностей, создали новую группировку политическихъ силъ. Послѣднія должны были такъ или иначе примѣниться къ запросамъ тѣхъ соціальныхъ и національныхъ элементовъ, которые до сихъ поръ государство держало «въ черномъ тѣлѣ» и которые теперь властно заявили о своемъ существованіи, выставляя вполнѣ опредѣленныя требованія.

До сихъ поръ вѣнскій парламентъ имѣлъ почти чисто нѣмецкій характеръ. По-нѣмецки говорили въ немъ кромѣ нѣмцевъ и депутаты всѣхъ другихъ національностей. Только чехи и отчасти юго-славяне пытались произносить рѣчи на своемъ родномъ языкѣ, но и это имѣло только демонстративный характеръ или же примѣнялось въ видахъ обструкціи. Принципіально, каждый депутатъ имѣлъ право говорить на одномъ изъ употребляемыхъ въ Австріи языковъ, но рѣчи, произносимыя не по-нѣмецки, не вносились въ протоколъ, такъ какъ ихъ не стенографировали. Въ результатѣ чешская или хорватская рѣчь, произнесенная въ парламентѣ, могла быть конфискована, если ее печатала какая-нибудь газета, нѣмецкая же рѣчь конфискованію не подлежала. Что же касается предложеній и интерпелляцій, то, если они не были внесены на нѣмецкомъ языкѣ, ихъ прямо считали не существующими.

Такое положеніе вопроса о языкѣ вѣнскаго парламента было признано теперь совершенно несовмѣстимымъ съ національнымъ до-

стоинствомъ не нѣмецкихъ группъ и, прежде всего, чеховъ. Послѣдніе потребовали весьма значительныхъ уступокъ для чешскихъ рѣчей, предложеній и интерпелляцій. Это требованіе было особенно сильно поддержано соціалъ-демократами. Центральный органъ партіи—«Arbeiter Zeitung»—помѣстилъ статью, въ которой доказывалось, что требованія чеховъ вовсе не результатъ ихъ націоналистической заносчивости. Пока избирательный законъ опирался на высокомъ цензѣ, депутатами были почти исключительно крупные помѣщики, священники, литераторы, адвокаты, однимъ словомъ, люди той сферы, въ которой—по крайней мѣрѣ прежде—нѣмецкій языкъ былъ въ широкомъ употребленіи. Чехи, напримѣръ, въ свое время были чуть ли не лучшими нѣмецкими ораторами вѣнскаго рейхсрата. Это объяснялось фактомъ, что чешская интеллигенція получала образованіе въ нѣмецкихъ школахъ. Въ настоящее время чешскіе, польскіе и другіе нѣмецкіе интеллигенты получаютъ все образованіе, начиная съ элементарныхъ школъ и кончая высшими учебными заведеніями, на своемъ родномъ языкѣ и вслѣдствіе этого для нихъ нѣмецкій языкъ потерялъ свое прежнее значеніе. Затѣмъ, всеобщая подача голосовъ демократизовала не только составъ избирателей, но и самый парламентъ, въ которомъ появилось громадное количество чешскихъ рабочихъ и мелкихъ буржуа, чешскихъ и польскихъ крестьянъ, очень плохо или даже совсѣмъ не владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ. Для нихъ прежнее привилегированное положеніе нѣмецкаго языка въ парламентѣ является сущей аномаліей.

Всѣми чешскими партіями вопросъ о равноправности языковъ въ дѣлопроизводствѣ парламента былъ поставленъ ребромъ. Чешскій клубъ пустилъ даже въ ходъ спеціальную форму бойкота. Чешскіе депутаты рѣшили не произносить никакихъ рѣчей до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ не будетъ рѣшенъ въ благопріятномъ для чешскаго представительства смыслѣ.

И вотъ, не смотря на яростные крики нѣмецкихъ шовинистовъ, пришлось удовлетворить требованіе чеховъ и другихъ славянъ. Введено спеціальное прибавленіе къ протоколу, и въ этомъ прибавленіи нашли мѣсто запросы, предложенія и петиціи, вносимыя не нѣмецкими депутатами. Оригиналы снабжены нѣмецкими переводами, при чемъ оригиналы печатаются на первомъ мѣстѣ. Не нѣмецкія рѣчи стенографируются и, такимъ образомъ, получаютъ то же значеніе, что и нѣмецкія: ихъ нельзя конфисковать.

Въ обновленномъ парламентѣ не нѣмецкія рѣчи стали весьма обычны, хотя ораторы по большей части только начинали свою рѣчь по-чешски, по-польски или по-украински *), продолжали же ее

*) Депутаты Марковъ и Глибовицкій, принадлежащіе къ младо-москвофильской группѣ (русинская „черная сотня"), пытались говорить по-русски; ихъ рѣчи, однако, были встрѣчены, какъ демонстрація. Предсѣ-

по-нѣмецки. Только чешскіе соціалъ-демократы въ нѣсколькихъ случаяхъ говорили исключительно на своемъ родномъ языкѣ.

Любопытно, что застрѣльщиками по національному вопросу въ первую сессію новаго парламента явились не представители буржуазныхъ націоналистическихъ партій, а соціалъ-демократы. Такъ, напр., итальянскій соціалъ-демократъ Питтони произнесъ сильную рѣчь, въ которой горячо защищалъ національно-итальянскіе интересы и рѣзко нападалъ на правительство, которое медлитъ съ учрежденіемъ итальянскаго университета и ассигнуетъ совершенно мизерныя средства на итальянскіе юридическіе курсы въ Роверето.

Питтони доказывалъ, что прежняя политика Австріи по отношенію къ національному вопросу является лишь штопаньемъ стараго платья, между тѣмъ какъ слѣдуетъ сшить новое для всѣхъ національностей Австріи. Этого же можно достигнуть только путемъ обезпеченія за ними національной автономіи. «Прямой государственный эгоизмъ требуетъ, чтобы нужды народныхъ массъ и національностей Австріи были удовлетворены,—говорилъ Питтони.— Если и въ другихъ государствахъ необходимо, чтобы отдѣльнымъ провинціямъ удѣлялось заботливое вниманіе, то въ Австріи это является еще болѣе настоятельной необходимостью. Что же насъ держитъ вмѣстѣ? Вѣдь не національное чувство. Поэтому-то разумный государственный эгоизмъ требуетъ, чтобы отдѣльныя національности были удовлетворены».

Польскіе соціалъ-демократы, Регеръ и Куницкій, выступили съ требованіями въ области польскаго школьнаго дѣла въ Силезіи, гдѣ поляки являются—въ противоположность отношеніямъ, господствующимъ въ Галиціи—элементомъ, угнетаемымъ нѣмцами и тѣснимымъ чехами. Чешскій соціалъ-деморатическій клубъ внесъ предложеніе, касающееся учрежденія чешскаго университета въ столицѣ Моравіи—Брюннѣ. Украинскіе соціалъ-демократы, Витыкъ и Остапчукъ, вмѣстѣ съ польскими соціалъ-демократами, Либерманомъ и Мрачевскимъ, выступили съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Украинскій народъ, насчитывающій 32 милліона душъ, изъ которыхъ $3^1/_2$ милліона живетъ въ Галиціи и Буковинѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ политическихъ условій можетъ только въ Австріи развивать свою культуру и науку. Этотъ народъ, наравнѣ съ другими народами, несетъ бремя государственныхъ повинностей и поэтому имѣетъ такое же право на полноту развитія, а слѣдовательно и на собственный университетъ. Новыя времена и новыя теченія ускорили развитіе украинскаго народа. Стремленіе къ наукѣ, къ знанію, къ культурѣ даетъ себя чувствовать во всѣхъ общественныхъ классахъ, и учрежденіе собственнаго университета стало

датель парламента констатировалъ фактъ, что русскій языкъ не принадлежитъ къ числу австрійскихъ краевыхъ (landesüblich) языковъ и лишилъ младо-москвофильскихъ депутатовъ слова.

настоятельной потребностью. Болѣе тысячи студентовъ-украинцевъ посѣщаютъ австрійскіе университеты, украинцы профессора и доценты въ большомъ количествѣ успѣшно работаютъ во всей Европѣ, возникаютъ и процвѣтаютъ украинскія научныя учрежденія, какъ, напр., «Общество имени Шевченка», «Педагогическое общество», культурное общество «Просвіта» и др. Безъ собственнаго университета дальнѣйшее культурное развитіе украинскаго народа не возможно. Однако, университетъ можетъ прочно обосноваться только тамъ, гдѣ существуютъ благопріятныя условія: въ такомъ культурномъ центрѣ, гдѣ всякаго рода вспомогательныя средства накоплялись въ теченіе продолжительнаго времени. Для украинскаго населенія Галиціи такимъ центромъ является главный городъ края—Львовъ *).

«Поэтому мы вносимъ слѣдующее предложеніе: на правительство возлагается обязанность немедленно же приступить къ учрежденію самостоятельнаго украинскаго университета во Львовѣ».

Эти національныя выступленія не нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ были большой неожиданностью для всѣхъ политиковъ. Особенно сильное удивленіе, смѣнившееся сейчасъ же негодованіемъ, охватило нѣмецкихъ націоналистовъ, надѣявшихся, что выборы на основаніи всеобщей подачи голосовъ, дающіе большое преимущество соціалъ-демократамъ, ослабятъ въ результатѣ національный натискъ славянъ и итальянцевъ на нѣмецкія привилегіи. И вотъ различные нѣмецкіе депутаты начинаютъ горько жаловаться на «шовинизмъ» и «національзмъ» соціалъ-демократовъ не нѣмецкихъ національностей, которые (по словамъ нѣмецкаго прогрессиста Пергельта) ставятъ національный вопросъ на первый планъ.

Конечно, сильнымъ нападкамъ подверглись и нѣмецкіе соціалъ-демократы, которые поддерживаютъ всѣ требованія своихъ славянскихъ и итальянскихъ товарищей во вредъ «нѣмецкому національному дѣлу». Депутатъ Бахманнъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Neue freie Presse» обратился непосредственно къ правленію соціалъ-демократіи Австріи, требуя отъ его нѣмецкихъ членовъ обузданія «шовинизма» не нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Органы нѣмецкой соціалъ-демократіи, конечно, не остались въ долгу и не замедлили обличить все лицемѣріе націоналистическихъ партій вмѣстѣ съ классовой, глубоко антинаціональной подкладкой ихъ національзма.

Все это свидѣтельствуетъ о фактѣ, что всеобщее избирательное право нисколько не ослабило естественныхъ стремленій не нѣмецкихъ національностей къ полноправію и къ завоеванію тѣхъ правъ, которыми до сихъ поръ пользовались только «beati possi-

*) Польскіе націоналисты пропагандируютъ въ послѣднее время мысль объ учрежденіи украинскаго университета не во Львовѣ, а въ Черновицахъ (Буковина).

dentes» нѣмцы и, отчасти, поляки. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что соціалъ-демократическія партіи, считаемыя въ широкой публикѣ космополитическими и индифферентными въ національномъ отношеніи, готовы вести борьбу съ національными привилегіями гораздо энергичнѣе, нежели буржуазные націоналисты.

Новый австрійскій парламентъ долженъ будетъ приступить къ радикальному разрѣшенію національныхъ вопросовъ Австріи и къ водворенію въ ней національнаго мира, что въ высшей степени невыгодно для націоналистовъ народностей, почерпающихъ свою силу именно въ борьбѣ и междоусобіяхъ національностей.

II.

Первымъ вопросомъ, на которомъ выяснилось взаимоотношеніе силъ новаго парламента, былъ выборъ его предсѣдателя. Чешская националистическая печать требовала, чтобы предсѣдателемъ сталъ непремѣнно «славянинъ», но въ дѣйствительности даже среди чеховъ не было подходящей личности, на которой сошлись бы всѣ фракціи чешскаго блока: старочехи, младочехи, аграріи, клерикалы и радикалы разныхъ оттѣнковъ. «Польское Коло» въ настоящее время слишкомъ слабо, чтобы изъ его среды выбирать предсѣдателя. Впрочемъ, кандидатура «славянина»-поляка встрѣтила бы самую энергичную оппозицію именно среди членовъ «славянскаго» украинскаго клуба. Соціалъ-демократы прочили, съ своей стороны, въ предсѣдатели парламента одного изъ своихъ вождей, испытаннаго въ бояхъ парламентскаго дѣятеля, Пернерсторфера. Однако, громадное большинство голосовъ получилъ ставленникъ Люэгера и его подчиненный, директоръ вѣнскаго магистрата, Вейсекирхнеръ. Предсѣдателемъ австрійскаго парламента сталъ, такимъ образомъ, клерикалъ-антисемитъ, что явилось символомъ господства блока, группирующагося вокругъ клерикаловъ.

Существованіе и упроченіе такого блока обнаружилось съ поразительной ясностью во время преній по поводу галиційскихъ выборовъ. Такъ какъ громадная часть полномочій членовъ «Польскаго Кола» была опротестована какъ захваченная благодаря неслыханнымъ злоупотребленіямъ, то соціалъ-демократы и украинцы потребовали назначенія спеціальной коммиссіи, которая занялась бы разслѣдованіемъ всѣхъ подробностей галиційскихъ выборовъ. Въ теченіе двухъ дней галиційскіе оппозиціонные депутаты, поляки и украинцы, перечисляли сотни фактовъ, свидѣтельствующихъ о вопіющихъ злоупотребленіяхъ. Членамъ «Польскаго Кола» и представителю правительства, министру Биннерту, не удалось ослабить впечатлѣніе этихъ рѣчей. Однако, предложеніе выбрать спеціальную коммиссію было отвергнуто значительнымъ большинствомъ голосовъ. Въ пользу предложенія высказались только

соціалъ-демократы, польскіе народники, украинцы, сіонисты, чешскіе радикалы и реалисты да нѣсколько «дикихъ» нѣмцевъ. Большинство образовали клерикалы, нѣмцы всѣхъ оттѣнковъ, чехи, «Польское Коло» и юго-славяне.

Съ такимъ большинствомъ встрѣчались соціалъ-демократы и идущія рука объ руку съ ними группы на каждомъ шагу. Существованіе анти-соціалистическаго блока обнаруживалось сейчасъ же, какъ только соціалъ-демократы вносили какое-нибудь предложеніе, клонящееся къ улучшенію быта и условій труда широкихъ массъ рабочаго люда. Органъ антисемитовъ съ полной откровенностью заявилъ, что задачей клерикально-націоналистическаго и аграрнаго блока является борьба съ вожделѣніями рабочихъ, представляемыхъ въ парламентѣ соціалъ-демократами.

Нѣчто подобное промелькнуло и въ рѣчи министра Биннерта, хотя онъ и подчеркнулъ, что съ соціалъ-демократами слѣдуетъ бороться, главнымъ образомъ, путемъ осуществленія соціальныхъ реформъ и совѣтовалъ буржуазнымъ партіямъ искать сближенія съ народными массами. То же самое говорилъ и министръ-президентъ Беккъ, констатируя, что въ парламентѣ черезчуръ много соціалъ-демократовъ. — Впрочемъ, добавилъ онъ, я гораздо охотнѣе вижу соціалъ-демократовъ здѣсь, нежели внѣ парламента. На это ему очень остроумно отвѣтилъ лидеръ соціалъ-демократіи, д-ръ Адлеръ, совѣтуя не воображать, что чѣмъ больше соціалъ-демократовъ въ парламентѣ, тѣмъ меньше ихъ внѣ парламента. «Мы, — говорилъ онъ, — являемся лишь показателемъ того факта, что въ странѣ много соціалъ-демократовъ, гораздо больше, чѣмъ вамъ кажется. Поэтому мы надѣемся, что намъ удастся, благодаря нашей организаціи и агитаціи, поставить дѣло такъ, что количество соціалъ-демократовъ будетъ возрастать и тутъ, и тамъ. *Hic et ubique* — вездѣ вы встрѣтитесь съ нами. Министръ-президентъ сказалъ еще: «мы не боимся соціалъ-демократовъ». Между тѣмъ, въ дѣйствительности, вы насъ весьма и весьма побаиваетесь. Объ этомъ свидѣтельствуетъ картина парламента, въ которомъ бросается въ глаза ваша концентрація противъ соціалъ-демократовъ. Но мы этого ожидали и заявляемъ вамъ безъ всякихъ обиняковъ, что такую концентрацію мы считаемъ явленіемъ совершенно нормальнымъ».

Однако, образованіе общаго анти-соціалистическаго блока, въ который входятъ самые различныя партіи всѣхъ національностей, еще не давало правительству барона Бекка возможности чувствовать себя хозяиномъ положенія. Нужно было создать прочное, вполнѣ надежное большинство, на которое можно было бы опереться не только въ борьбѣ съ соціалъ-демократами, но и въ положительной парламентской дѣятельности. Нужно было, прежде всего, заручиться поддержкой крупныхъ парламентскихъ фракцій по вопросу о соглашеніи съ Венгріей.

А эта послѣдняя задача была не изъ легкихъ. Дѣло въ томъ, что законопроектъ, касающійся соглашенія съ Венгріей, встрѣчаетъ противниковъ именно въ тѣхъ партіяхъ, на которыя баронъ Беккъ только и можетъ опереться. Самая сильная, антисемитско-клерикальная партія въ теченіе двадцати лѣтъ разражалась самыми яростными нападками на «ожидовѣвшихъ мадьяръ», которые третировались ею какъ заклятые враги Австріи и нѣмцевъ. Борьбу съ мадьярами антисемиты провозглашали въ качествѣ «священной войны» и ставили ее въ обязанность каждому австрійскому министерству, поскольку оно не хочетъ играть роли «измѣнника отечества». И вотъ теперь правительство должно обратиться къ этой, ненавидящей мадьяръ партіи, предлагая ей поддержать законопроектъ, весьма выгодный для Венгріи и обозначающій новый шагъ ея по пути къ полной самостоятельности. Аграріи всѣхъ національностей тоже являются противниками соглашенія съ Венгріей, такъ какъ для нихъ выгоднѣе было бы создать таможенную границу между Цислейтаніей и Транслейтаніей. При существованіи такой границы цѣны на венгерскій хлѣбъ значительно бы поднялись, что облегчило бы австрійскимъ аграріямъ сбытъ ихъ собственныхъ продуктовъ. А между тѣмъ бар. Бекку необходима поддержка нѣмецкихъ, чешскихъ и польскихъ аграріевъ по вопросу о соглашеніи. Противниками соглашенія являются всѣ тѣ славянскія группы австрійскаго парламента, для которыхъ антипатична національная политика Венгріи, основанная на грубой, насильственной мадьяризаціи славянъ. И, не смотря на это, бар. Беккъ долженъ былъ обратиться за поддержкой и къ ярымъ противникамъ венгровъ среди славянъ.

Начались конфиденціальные переговоры съ руководителями почти всѣхъ парламентскихъ фракцій. Вопросъ такимъ образомъ былъ перенесенъ на «реальную» почву. Предъ руководителями тѣхъ партій, которыя будутъ усиленно содѣйствовать заключенію соглашенія съ Венгріей, открылась перспектива, что они войдутъ въ кабинетъ, составятъ новое правительство, и такимъ образомъ, съ одной стороны, станутъ вершителями судебъ государства, а съ другой—извлекутъ не малыя личныя выгоды.

И вотъ начинаются торги изъ за министерскихъ портфелей, отражающіе борьбу за власть отдѣльныхъ партій и отдѣльныхъ лицъ въ этихъ партіяхъ. Чешскіе аграріи, ставшіе послѣ выборовъ самой сильной чешской партіей, потребовали мѣста въ кабинетѣ для своего руководителя, Прашека. Отъ нихъ рѣшили не отставать и нѣмецкіе аграріи, требуя для своего главаря того-же. Потянулись за министерскими портфелями и антисемиты съ клерикалами, и поддержка правительственнаго законопроекта о соглашеніи съ Венгріей вдругъ превратилась изъ «измѣны отечеству» въ «патріотическій долгъ».

Въ результатѣ на сцену появляется новый кабинетъ, личный

составъ котораго не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что новое австрійское правительство имѣетъ ярко-выраженный клерикально-аграрный характеръ.

III.

Самой видной личностью въ новомъ кабинетѣ несомнѣнно является Гесманъ--пока что «министръ безъ портфеля», въ ближайшемъ же будущемъ руководитель министерства труда и общественныхъ работъ, министерства, которое создается спеціально для удовлетворенія чрезмѣрнаго аппетита антисемитской партіи. Гесманъ-человѣкъ еще сравнительно не старый. Вѣнскій уроженецъ, онъ долгое время былъ чиновникомъ университетской библіотеки въ Вѣнѣ. Въ 1882 году онъ, вмѣстѣ съ Люэгеромъ, основалъ и организовалъ партію христіанскихъ соціалистовъ. Въ качествѣ недюжиннаго оратора, одареннаго къ тому же перворазряднымъ талантомъ организатора и агитатора, онъ вскорѣ сталъ душой антисемитской партіи. Гесманъ быстро поднимался по ступенькамъ политической карьеры. Сначала онъ былъ членомъ городского совѣта, затѣмъ онъ попадаетъ въ нижне-австрійскій ландтагъ, становится депутатомъ парламента и членомъ нижне-австрійскаго Landesauschuss'а Онъ выработалъ законопроектъ объ избирательной реформѣ нижне-австрійскаго ландтага, утвержденный недавно и обезпечивающій за антисемитами полное господство. Во время болѣзни главнаго вождя антисемитовъ-Люэгера Гесманъ руководилъ избирательной кампаніей. Это фанатикъ-клерикалъ, настоящій бичъ свободомыслящихъ учителей и свободной школы, ненавидящій соціалистовъ всѣми силами души. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ качествѣ министра труда и общественныхъ работъ Гесманъ поведетъ наступательную политику противъ соціалистовъ. А такъ какъ это человѣкъ очень ловкій и опытный, то борьба съ нимъ не будетъ легкой.

Другимъ ставленникомъ антисемитовъ въ новомъ кабинетѣ является д-ръ Эбенгохъ, министръ земледѣлія. Онъ по профессіи адвокатъ, съ 1882 г. членъ верхне-австрійскаго ландтага, съ 1888 г. депутатъ вѣнскаго парламента. Бывшій демократъ, онъ сталъ клерикаломъ, очень скоро занялъ руководящее положеніе въ клерикальной партіи и много работалъ въ области клерикализаціеи школы. Вмѣстѣ съ цѣлой группой альпійскихъ клерикаловъ онъ присоединился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ къ антисемитской партіи и былъ выбранъ ея вице-предсѣдателемъ.

И Гесманъ и Эбенгохъ люди выдающіеся, настроенные агресивно по отношенію ко всѣмъ элементамъ, не поддающимся клерикальному вліянію. Вступая въ кабинетъ министровъ, они поведутъ свою опредѣленную линію, энергично и неуклонно.

Представители аграріевъ, какъ нѣмецкихъ, такъ и чешскихъ,

богатые крестьяне-земледѣльцы, люди малообразованные, но очень вліятельные въ своей средѣ. Они вошли въ кабинетъ министровъ не вслѣдствіе своей талантливости, а единственню потому, что аграріи потребовали портфелей для своихъ вожаковъ.

Характерна карьера аграрія Прашека, ставшаго въ новомъ кабинетѣ чешскимъ министромъ безъ портфеля. Онъ человѣкъ еще молодой—лѣтъ подъ сорокъ. Окончивъ народное училище и отслуживъ военную службу, изъ которой вышелъ съ чиномъ капрала, Прашекъ посвятилъ себя всецѣло политической дѣятельности, въ свободное же время занимался хлѣбопашествомъ на своемъ участкѣ земли въ деревнѣ Рживно въ Богеміи. Достигнувъ 30-лѣтняго возроста, Прашекъ попадаетъ въ богемскій ландтагъ, а нѣсколько лѣтъ спустя и въ вѣнскій парламентъ.

Прашекъ былъ съ самаго начала своей политической дѣятельности ярымъ сторонникомъ возстановленія чешскаго госутарственнаго права. На публичныхъ собраніяхъ и въ богемскомъ ландтагѣ онъ рѣзко выступалъ противъ младочеховъ, обвиняя ихъ въ оппортюнизмѣ. Большую извѣстность получила одна изъ его направленныхъ противъ младочеховъ рѣчей, заключавшая рядъ выходовъ противъ императора Франца Іосифа. «Слѣдуетъ сказать народу—говорилъ Прашекъ,—что на тронѣ возсѣдаетъ нѣмецъ, который никогда не согласится съ равноправностью чеховъ и нѣмцевъ. Народъ долженъ узнать, гдѣ источникъ зла». Эта рѣчь была встрѣчена негодованіемъ большинства ландтага и рукоплесканіями ничтожной кучки сторонниковъ Прашека.

Выбранный въ 1901 г. въ парламентъ, Прашекъ всталъ во главѣ чешской аграрной группы, состоящей изъ четырехъ депутатовъ. Однако, онъ не принималъ почти никакого участья въ парламентской дѣятельности, посвящая все свое время борьбѣ съ младочехами на родинѣ и организаціи тамъ аграрной партіи. Эта работа подвигалась весьма успѣшно. При каждомъ дополнительномъ выборѣ по случаю смерти или выхода въ отставку кого нибудь изъ младочешскихъ депутатовъ, Прашекъ организовывалъ избирательную кампанію, заканчивавшуюся обыкновенно пораженіемъ младочешскаго и торжествомъ аграрнаго кандидата. Этимъ путемъ къ концу засѣданій предыдущаго парламента чешскія аграрныя группы насчитывали въ своихъ рядахъ уже 10 членовъ: аграріи основали свою собственную ежедневную газету «Venkov» (Деревня) и мало по малу укрѣпили свое вліяніе въ чешской деревнѣ. Прашекъ не прекращалъ рѣзкихъ нападокъ на младочешскій оппортюнизмъ въ богемскомъ сеймѣ. Одна изъ его рѣчей, направленная спеціально противъ вождя младочеховъ, д-ра Грегра, имѣла фатальныя послѣдствія. Старикъ Грегръ такъ принялъ къ сердцу обвиненіе Прашека, что вернувшись домой изъ ландтага, расхворался и умеръ. Этотъ фактъ вызвалъ такой взрывъ всеобщаго негодованія, что Прашеку не оставалось ничего другого, какъ сложить съ себя

депутатскія полномочія. Онъ такъ и сдѣлалъ, но аграріи выбрали его опять депутатомъ. Ни смерть Грегра, ни скандальный процессъ, героемъ котораго вскорѣ послѣ вторичнаго выбора сталъ Прашекъ, не помѣшали ему продолжать политическую карьеру. А процессъ, проигранный Прашекомъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые обыкновенно ведутъ за собоюуходъ со сцены политическихъ дѣятелей. Дѣло возникло по слѣдующему поводу.

Въ соціалъ-демократическомъ листкѣ появилось обвиненіе Прашека въ томъ, что онъ, будучи предсѣдателемъ чешской секціи мѣстнаго культурнаго совѣта, бралъ вознагражденіе за дѣйствія, которыхъ онъ вовсе не производилъ и заставлялъ кассу возмѣщать ему издержки по поѣздкамъ, которыхъ не предпринималъ. Прашекъ привлекъ распространявшаго эти свѣдѣнія рабочаго Новака къ суду за клевету. Однако, обвиняемый блестяще доказалъ правоту своихъ словъ и былъ оправданъ. Но этотъ вердиктъ нисколько не повліялъ на настроеніе избирателей Прашека. Во время послѣднихъ выборовъ Прашекъ вмѣстѣ съ 28 своими товарищами, чешскими аграріями, побѣдоносно входитъ въ рейхсратъ. Младочехи превращаются въ мелкую сравнительную группу, а ихъ мѣсто занимаютъ аграріи. И вотъ главарь послѣднихъ забываетъ о всѣхъ своихъ радикальныхъ фразахъ, о своей ненависти къ «нѣмцу, сидящему на тронѣ» и спѣшитъ принять изъ рукъ этого нѣмца министерскій портфель.

Кромѣ представителей антисемитовъ и аграріевъ, въ составъ новаго кабинета вошли: представитель младочеховъ (министръ торговли д-ръ Фидлеръ), представитель «Польскаго Кола» (министръ для Галиціи Абрагамовичъ), нѣмецкій прогрессистъ Мархетъ (министръ народнаго просвѣщенія), членъ нѣмецкой народной партіи Дершатта (министръ путей сообщенія). Остальные министры, вмѣстѣ съ министромъ-президентомъ, бар. Беккомъ, являются чиновниками, не представляющими въ кабинетѣ ни одной изъ парламентскихъ партій.

Путемъ созданія новаго кабинета бар. Беккъ располагаетъ 96 голосами антисемитовъ, 72 голосами чеховъ, 54 голосами «Польскаго Кола», 51 голосомъ «Нѣмецкаго союза» вмѣстѣ съ нѣмецкими аграріями да 20 голосами нѣмецкихъ прогрессистовъ. Это составляетъ большинство, при которомъ возможно проведеніе всякаго законопроекта, желательнаго для правительства. Что же касается соглашенія съ Венгріей, то его утвержденіе вполнѣ обезпечено, такъ какъ именно по этому вопросу оппозиція не представляетъ изъ себя компактной массы, и правительству не трудно будетъ пробить въ ней брешь.

Съ украинскимъ клубомъ, который, благодаря всеобщей подачѣ голосовъ, изъ ничтожной количественно величины превратился въ довольно серьезную силу, бар. Беккъ уже началъ переговоры. Вожаки украинцевъ получили кое-какія обѣщанія. Крупная суб-

сидія для «Просвіты», дающая ей возможность развивать плодотворную экономическую дѣятельность, двѣ новыхъ украинскихъ кафедры въ львовскомъ университетѣ, извѣстное ослабленіе административнаго гнета въ Восточной Галиціи — вотъ что должно превратить украинскій клубъ изъ оппозиціоннаго въ такой, который станетъ пассивнымъ зрителемъ и, не поддерживая правительства по вопросу о соглашеніи съ Венгріей, не будетъ и противодѣйствовать ему.

Юго-славяне тоже не опасные противники, тѣмъ болѣе, что только меньшинство изъ нихъ принципіально противъ соглашенія съ Венгріей. Пока хорватскіе депутаты въ венгерскомъ сеймѣ борются путемъ обструкціи противъ соглашенія, до тѣхъ поръ ихъ австрійскіе сородичи считаютъ своей обязанностью поддерживать ихъ усилія оппозиціонной тактикой въ Вѣнѣ. Однако, это оппозиціонное настроеніе хорватовъ и далматинцевъ не такъ ужъ непоколебимо, чтобы бар. Бекку не удалось его ослабить. Въ печать уже проникли слухи о проектѣ созданія новаго поста министра безъ портфеля спеціально для юго-славянъ, по примѣру существующихъ уже постовъ министровъ безъ портфеля «для нѣмцевъ», «для чеховъ» и «для Галиціи».

Остаются соціалъ-демократы, польскіе народники, нѣмецкіе и чешскіе радикалы, которыхъ ни подъ какимъ видомъ нельзя переманить въ правительственный лагерь. Однако, ни соціалъ-демократы, ни польскіе народники, находясь въ оппозиціи, не выйдутъ изъ рамокъ объективной критики правительственнаго законопроекта. Обструкціи со стороны сотни съ небольшимъ депутатовъ входящихъ въ обѣ эти фракціи, барону Бекку нечего бояться Обструкціей угрожаютъ только радикалы — чешскіе и нѣмецкіе. Первыхъ въ парламентѣ 11, вторыхъ же 13. Конечно, двѣ дюжины крикуновъ, вродѣ Вольфа или Клофача, которымъ терять нечего, могутъ быть очень непріятны, разъ они захотятъ дѣйствовать во всю, но, въ концѣ концовъ, у нихъ нѣтъ силъ помѣшать большинству принять правительственный законопроектъ.

Успѣхъ соглашенія съ Венгріей обезпеченъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, господство клерикально-аграрнаго большинства, которое должно реализовать это соглашеніе, пріобрѣтаетъ твердую почву. И прогрессивнымъ элементамъ обновленнаго рейхсрата придется напречь всѣ усилія, чтобы выдержать натискъ реакціи, захватившей въ свои руки государственную власть Австріи. Руководящую роль въ борьбѣ съ реакціей должна сыграть соціалъ-демократія, къ которой примкнутъ всѣ искреннія прогрессивныя и демократическія группы. Благодаря всеобщей подачѣ голосовъ, эта коалиція не такъ ужъ безсильна, какъ въ прежнемъ куріальномъ парламентѣ, и сотня съ небольшимъ депутатовъ всегда будетъ въ состояніи сказать свое вѣское слово, какъ только дѣло коснется интересовъ широкихъ массъ трудового населенія.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Люди союза 17-го октября.

(Къ 3-й Государственной Думѣ).

Между тѣмъ одни кричали одно, а другіе другое; ибо собраніе было безпорядочное, и большая часть собравшихся не знали, за чѣмъ собрались. (Дѣянія Апостоловъ, Гл. 19).

Въ первый разъ за огромный двухлѣтній промежутокъ русской жизни на ея историческую сцену выходитъ политическая партія или, какъ вѣрнѣе опредѣляетъ она себя, союзъ 17-го октября, Въ первый разъ... Они еще не разыгрывали своей пьесы, публика знала о какихъ-то «лефортовскихъ» репетиціяхъ, иногда отдѣльные актеры произносили монологи и можно было видѣть ихъ лица, а за этими отдѣльными лицами шли въ глубинахъ Россіи таинственные незнакомцы, и было скучно отъ нихъ, и никто серьезно не ставилъ вопроса: «кто они», никто не пытался отвѣтить на этотъ вопросъ. Они вышли на историческую сцену, эти туманные, блѣдно очерченные силуэты, съ недодуманными мыслями, недосказанными словами въ трагическій моментъ русской жизни, когда всѣ слова договорены, всѣ отношенія выяснены, когда русская жизнь подошла вплотную къ Чермному морю и встаетъ во всей огромности вопросъ, переплывать ли Чермное море или возвратиться назадъ, въ старое египетское плѣненіе...

Трагическій моментъ...

Мнѣ не хочется загромождать вниманіе читателя отзывами лѣвыхъ, кстати и не загромождающихъ въ настоящее время русскую жизнь своими соображеніями, и я приведу мнѣніе несомнѣнно праваго литературнаго органа,—«С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

«Скверно пишутъ изъ деревни. Мужикъ не доволенъ... Онъ не бунтуетъ, но смотритъ звѣремъ. Вѣковая, затаенная вражда раба къ господину прорвалась наружу и наполняетъ деревенскую атмосферу опасными, нездоровыми микробами.

«Помѣщикъ недоволенъ. Онъ не чувствуетъ безопасности дома и склоненъ себя считать уже не господиномъ, а рабомъ.

«Не лучше извѣстія изъ города. Фабричный недоволенъ. Онъ не бастуетъ, не строитъ баррикадъ, но кому-то грозитъ кулаками. Мѣщанинъ не доволенъ и плюетъ вслѣдъ интеллигенту, хотя только что ломалъ передъ нимъ за двугривенный картузъ. Купецъ ворчитъ, хотя и причисляетъ себя къ «правымъ». Духовная особа, молясь о мирѣ всего міра, злобствуетъ на то, что уже настало царство антихриста. Не доволенъ чиновникъ, не довольны люди сво-

бодныхъ профессій. Не довольны всѣ лѣвые обыватели, но не довольны и правые. Не довольна бюрократія, не довольна и оппозиція. Не доволенъ темный, безграмотный человѣкъ и тѣмъ же настроеніемъ одержимъ лучшій представитель науки».

Эта выдержка довольно вѣрно передаетъ общее настроеніе Россіи, но изъ нея не вытекаетъ опредѣленнаго вывода. Выходитъ какъ будто въ родѣ игры: «довольны ли вы своимъ сосѣдомъ?» и дѣлаемый газетой общій выводъ — «всѣми не доволенъ» — не вполнѣ правильно отражаетъ русскую дѣйствительность. И даже, можно сказать, въ извѣстномъ смыслѣ вполнѣ неправильно. Въ дѣйствительности взаимное недовольство распредѣляется очень опредѣленно, и понятіе «сосѣди» установилось за послѣднее время довольно точно. Два сосѣдства выросли совершенно опредѣленно въ русской жизни, двѣ стѣны встали и вполнѣ точно вырисовались на фонѣ русской дѣйствительности,—въ этомъ смыслѣ Россія «самоопредѣлилась»...

17-е октября опредѣляетъ сосѣдство. 17-е октября раздѣляетъ двѣ стѣны... Люди, стоящіе по сю и по ту сторону 17-го октября, самоопредѣлились въ русской жизни совершенно точно, и нѣтъ между ними мостковъ, по которымъ можно было бы переходить съ одного берега на другой. Между ними стоитъ верстовой столбъ «17-е октября», и онъ раздѣляетъ людей на двѣ толпы, которыя бьются около верстового столба. И острота теперешняго положенія на мѣстахъ,—необходимость для обывателя самоопредѣлиться въ ту или другую сторону. Нельзя теперь оставаться въ провинціи просто порядочнымъ человѣкомъ, нельзя отстраниться отъ политики, нельзя оставаться въ положеніи нейтралитета. Я помню такую сцену, — дѣло было нынѣшнею осенью. Штукатуръ со своимъ сыномъ 16-тилѣтнимъ мальчикомъ, окончившимъ городское училище,— штукатурятъ комнаты и ссорятся. Отецъ говоритъ:

— Ты революціонеръ! Начитался книжекъ!.. Смотри, подъ разстрѣлъ попадешь!..

А сынъ отвѣчаетъ:

— А ты съ кѣмъ связался? Самая что ни на есть дрянь въ городѣ—ты съ ними... Знамя-то носилъ? Развѣ ты такой?

И такъ какъ они ссорятся каждый день, и конца не видится ссорамъ, они идутъ на разбирательство къ барынѣ, у которой работаютъ, которую оба признаютъ за серьезную, разсудительную барыню.

— Чисто революціонеръ! — говоритъ отецъ. — Вотъ вы послушайте его, барыня, не иначе, какъ подъ разстрѣлъ ему...

Мальчикъ рѣчисто и освѣдомленно выкладываетъ свои доводы о союзѣ русскаго народа, отецъ слушаетъ, и огромное, бородатое, корявое лицо становится добрымъ и ласковымъ, — онъ безконечно любитъ своего сына, сынъ—единственная мечта его жизни. Онъ слушаетъ и восхищается, какъ рѣчисто, не хуже ора-

тора на митингѣ, совсѣмъ какъ образованный, излагаетъ сынъ его свои мысли, поддается этой своей радости и говоритъ:

— Это справедливо, барыня,— народишко тамъ паршивый... Прямо надо сказать, оборышъ!.. — Но его рабочая *нужда* снова зажигаетъ гнѣвомъ его сердце.

— Вотъ, барыня, на него всю жизнь жилъ, одинъ онъ у меня,— разсудите... Всю жизнь я работалъ...—онъ перечисляетъ казенныя учрежденія, въ которыхъ онъ работалъ,—теперь тамъ объявили, что, кромѣ союзниковъ, никого не принимаютъ... И деньги платятъ,—нигдѣ такъ. Что же, мы съ нимъ книжками проживемъ?

Я интересовался, чѣмъ кончился споръ,—такъ и вышелъ отецъ изъ союза русскаго народа... Эта дилемма стоитъ не передъ однимъ штукатуромъ.

Священникъ,—обыкновенный, заурядный священникъ, только вѣрующій и совѣстливый, не синодскій христіанинъ... Въ «Воздвиженіе животворнаго креста» союзники пожелали освятить свой стягъ въ церкви и укрѣпить его передъ алтаремъ; батюшка уѣзжаетъ по болѣзни въ отпускъ на двѣ недѣли, но когда онъ возвращается, его немедленно настигаютъ союзники и говорятъ: «Завтра вотъ тоже праздникъ, освятите!..» Батюшка брезгаетъ; ему, какъ христіанину, совѣстно въ храмъ божій вносить стягъ, замазанный кровью и грязью, онъ знаетъ, что брезгаютъ имъ и большинство его прихожанъ, обыкновенныхъ, скромныхъ, вѣрующихъ людей, которые находятъ, что стягъ оскверняетъ церковь,— онъ отказываетъ союзникамъ и трепещетъ сейчасъ, чѣмъ кончится его отказъ.

И всѣ такъ. Чиновникамъ земской управы генералъ-губернаторъ дѣлаетъ запросъ, почему они не присутствовали на такой-то панихидѣ, на такомъ-то молебствіи, на освященіи союзническаго знамени,—и они должны отвѣчать... Учитель, купецъ, домовладѣлецъ, всякаго званія человѣкъ не можетъ сейчасъ оставаться просто порядочнымъ человѣкомъ, не входить въ политику, онъ долженъ опредѣлить свое мѣсто: по сю или по ту сторону 17 октября.

Жизнь выработала свое обычное право; разно рѣшаютъ свою позицію обыватели. Одни вносятъ стяги союза русскаго народа и ставятъ рядомъ съ древними священными реликвіями, другіе брезгаютъ; одни записываются въ союзъ, чтобы получить штукатурную работу, машинистскую, губернаторскую, другіе становятся въ положеніе Субботича, архимандрита Михаила или поступаютъ въ бродячую Русь, лишенную хлѣба и крова. Есть хитроумные люди которые такъ или иначе приспособляются къ жизни. Я знаю два случая, гдѣ кадеты дѣлаютъ взносы въ кадетскую кассу и въ союзъ русскаго народа. Я знаю случай въ фабричной мѣстности, гдѣ купцы, зависящіе исключительно отъ рабочихъ, дѣлаютъ обязательные двадцатипятирублевые взносы въ партію .-д. и разно, по мѣрѣ силъ и усердія, въ союзъ русскаго народа. Вся русская

жизнь знаетъ многочисленные примѣры, какъ представители высшей, губернской и уѣздной администраціи строго и неуклонно проявляютъ полноту твердой власти П. А. Столыпина и дружески жмутъ руку власти Александра Дубровина и мѣстныхъ союзническихъ представителей.

Но... «скверно пишутъ изъ деревни...» Если бы меня спросили, какое чувство опредѣляетъ теперешнюю Россію, я бы не колеблясь отвѣтилъ: ненависть... На офиціальномъ языкѣ она называется успокоеніемъ Россіи. И въ этомъ есть доля правды, такъ какъ именно то успокоеніе Россіи, которое идетъ вотъ уже два года, неизбѣжно связано съ пробужденіемъ и широкимъ распространеніемъ чувства ненависти въ населеніи. Цифра 100 тысячъ «крамольниковъ», о которой я упоминалъ въ предшествующей статьѣ, конечно, небольшая цифра для 140-милліонной Россіи, но если принять во вниманіе, что у каждаго крамольника есть отецъ, мать, сестры, братья, дѣти, есть друзья, есть наконецъ, люди, связанные съ нимъ дѣловыми и всякими иными отношеніями, то количество «привлекаемыхъ» и «недовольныхъ» людей выраститъ въ значительной мѣрѣ и будетъ звучать гораздо болѣе внушительно. Нужно помнить, что не только путешествіе въ Сибирь, но и передвиженіе изъ губерніи въ губернію людей подъ статьей и безъ статьи не увеселительная прогулка съ тросточкой, что люди разоряются, гибнутъ ихъ дѣла, что голодаютъ не только тѣ, которые высланы или бродятъ, скитаются по Россіи, но и семьи ихъ, что ужасъ идетъ теперь по Россіи, и чувство ненависти разливается пропорціонально жестокости, примѣняемой во имя успокоенія общества.

Самыя формы этого успокоенія... Было отмѣчено, что отъ еврейскихъ погромовъ страдали, разорялись не одни евреи, а и русскіе, даже истинно-русскіе, такъ или иначе связанные съ евреями коммерческими отношеніями. Отъ военныхъ положеній, чрезвычайныхъ охранъ и вообще исключительныхъ законовъ страдаютъ не одни крамольники и анархисты, но все населеніе и опять-таки, случается и истинно-русскіе люди, у которыхъ разстрѣливаются дома, разгоняются жильцы, прекращаются торговыя дѣла. А потомъ система круговой отвѣтственности, которая проводится правительствомъ въ его борьбѣ съ крамолой, по которой карается не только виновный, а и все окрестъ его стоящее; когда карается не только произведшій выстрѣлъ, а разстрѣливается весь домъ, сносятся съ лица земли цѣлыя деревни и кварталы, когда, какъ въ Елизаветполѣ, секвеструются цѣлые кварталы; больше 70 домовъ,— эта система, дѣлающая виновникомъ за отдѣльный фактъ цѣлый коллективъ, — семью, деревню, кварталъ, цѣлую національность, евреевъ, или армянъ, или грузинъ,—эта система словно нарочно придумана для того, чтобы безпокоить широкіе слои населенія, чтобы втянуть въ водоворотъ всю Россію, чтобы, выражаясь пра-

вительственнымъ языкомъ, выростали все новыя и новыя головы на гидрѣ ненависти и анархіи.

Не одно это «успокоеніе» родитъ ненависть, его родитъ и быть можетъ еще въ большей степени, то отсутствіе всякаго закона, которое вотъ уже два года установилось въ Россіи, какъ нормальная жизнь страны, которое разнесло по вѣтру старыя привычныя нормы людскихъ взаимоотношеній и не дало новыхъ, которое обнажило интересы всѣхъ и не защитило ничьихъ интересовъ, предоставило ихъ голой, неприкрытой, ничѣмъ не урегулированной взаимной враждѣ.

«Мужикъ... не бунтуетъ, но смотритъ звѣремъ»... «Фабричный не бастуетъ, не строитъ баррикадъ, но кому-то грозитъ кулакомъ»... Помѣщикъ бросаетъ усадьбу и снимаетъ номера въ губернскихъ меблированныхъ комнатахъ... Купецъ, мѣщанинъ, священникъ... Кажется, всѣ ненавидятъ другъ друга, — министерство, союзъ русскаго народа, политическія партіи, сословныя группы. Они обвиняютъ другъ друга, союзъ русскаго народа говоритъ, что предатели и измѣнники — министерство, министерство опасается говорить вслухъ, но, видимо, недовольно союзомъ русскаго народа, правые ненавидятъ октябристовъ, октябристы кадетовъ, кадеты лѣвыхъ и т. д. Но и въ этомъ морѣ ненависти, вспыхнувшемъ сейчасъ въ Россіи, тоже можно опредѣлить два теченія, взаимно сталкивающіяся, двѣ стѣны, давно вставшія во всей своей высотѣ и отвѣсности, — взаимная ненависть людей, стоящихъ по ту и по сю сторону 17-го октября, людей, желающихъ новаго закона согласно 17-му октября, и людей, не дающихъ и не желающихъ дать этого закона.

Но тихо кругомъ,—такъ тихо, что слышно хрипѣніе обнявшихся въ предсмертной схваткѣ враговъ. Поблескиваютъ зарева далекихъ пожаровъ, доносятся выстрѣлы браунинговъ, взрывы бомбъ, стоны изъ тюремъ и ссылокъ. Но тихо кругомъ, ненависть не кричитъ. Кричитъ гнѣвъ, вопитъ ярость,—ненависть молчитъ. Она какъ змѣя безшумно ползетъ по землѣ, она какъ пожаръ стелется по сухой травѣ. Вспыхнетъ, какъ свѣчка, елочка, далеко освѣтитъ землю огромное пламя хлѣбной скирды, и опять огонь безшумно охватываетъ землю, травка за травкой, кустикъ за кустикомъ. Она ползетъ подъ землей, какъ тотъ торфяной пожаръ, который охватываетъ огромныя пространства, но котораго не видно, не слышно. Земля холодна надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ внутри огонь. Тамъ можно ходить по грибы, собирать бруснику, устраивать веселые пикники,— только изрѣдка душная гарь и змѣйки дыма вырываются изъ разрѣзовъ земли.

Тихо и холодно кругомъ.

Собирается третья Государственная Дума, — Дума реставраціи, рецидива старыхъ чувствъ, реставраціи привычныхъ исконныхъ

отношеній верхнихъ слоевъ къ власти. Бурливо кипѣла и пѣнилась русская жизнь, расходилась широкими кругами по поверхности русскаго пруда и снова остановилась,—клубящаяся и пѣнистая, но остановилась у старой плотины. Два года революціи окончились возстановленіемъ нарушенныхъ взаимныхъ владѣній. Снова въ подпольѣ лѣвыя партіи. Нѣкоторые не пожелали выходить на поверхность земли въ зданіе Таврическаго дворца, тѣ, которые войдутъ, будутъ блѣднымъ отраженіемъ того движенія низовъ, которые представляютъ они.

Попробовали ходить по поверхности земли кадеты, но по старому, какъ союзъ освобожденія, собираются въ Гельсингфорсѣ для обсужденія партійныхъ дѣлъ. И какъ Гейне говорилъ: «И бѣлье и登 упованья растерялъ въ своемъ скитаньи» — они растеряли въ своихъ скитаніяхъ значительную часть упованій. Поскольку можно судить по категорическому отмежевыванью отъ лѣвыхъ и неуклонному стремленію столковаться съ октябристами, можно думать, что они не используютъ свою позицію меньшинства и оппозиціи въ Государственой Думѣ и еще болѣе укрѣпились на своей платформѣ законодательной работы съ правительствомъ.

Ни судить, ни расцѣнивать я не собираюсь и констатирую только фактъ, совершенно логически вытекающій изъ всей позиціи партіи народной свободы. Отъ «думы народнаго гнѣва» до партіи здраваго смысла, какъ назвалъ П. Н. Милюковъ свою партію на одномъ изъ послѣднихъ предвыборныхъ собраній въ Петербургѣ, таковъ путь тѣхъ, кто желаетъ работать только въ Таврическомъ дворцѣ и учитывать реальное соотношеніе силъ только тамъ, въ кулуарахъ, въ бѣломъ залѣ съ сомнительно шатающимся потолкомъ и въ смежныхъ областяхъ.

Старый русскій здравый смыслъ, воспитанный поколѣніями, говоритъ: «Даютъ такъ бери, бьютъ такъ бѣги». И они будутъ брать то, что можно будетъ взять для народной свободы, будутъ стремиться взять возможно больше, но будутъ бѣжать, когда ихъ будутъ бить угрозой роспуска Думы.

Гораздо раньше юридической формулировки третья Государственная Дума изъ законодательной обратится въ законосовѣщательную Думу. Таково реальное отношеніе силъ въ кулуарахъ и въ бѣломъ залѣ Таврическаго дворца. Верхніе слои населенія вернулись домой къ старой психологіи, къ старымъ взаимоотношеніямъ съ властью,— къ тому, на чемъ захватила ихъ два года назадъ волна 17-го октября. Жизнь все-таки продвинулась, — тогда шелъ вопросъ объ уничтоженіи губернскаго земства, теперь въ Таврическій дворецъ собирается обще-русское земство. Но земство... Налажена соотвѣтствующая обстановка. Печать загнана въ уголъ, на хоры и изолирована отъ кулуаровъ, гдѣ за хорошимъ завтракомъ тихо и уютно гласные будутъ рѣшать тактическіе пріемы ближайшаго

засѣданія. Канцелярія изъята изъ вѣдѣнія президіума Думы и уже набрана соотвѣтствующимъ начальствомъ.

По газетнымъ свѣдѣніямъ увеличено и болѣе тщательно профильтровано агентско-охранное отдѣленіе. «Будутъ снимать съ очереди вопросы, выходящіе изъ круга вѣдѣнія Государственной Думы». Количество этихъ вопросовъ не ограничится устраненіемъ свѣдущихъ людей отъ работы въ думскихъ коммиссіяхъ и развернется во всю полноту власти теперешняго министерства. Тамъ будетъ центръ, управская партія, — октябристы; будетъ лѣвая оппозиція, будетъ и правая оппозиція, а такъ какъ хотя земство расширенное, но въ то же время и обновленное, то правая оппозиція будетъ представлена гораздо больше и ярче, чѣмъ лѣвая оппозиція.

Будетъ борьба за конституцію, будетъ торгъ съ переторжкой. Одни будутъ надбавлять цѣну, другіе сбавлять, компромиссъ будетъ развертываться во всю ширь съ общей тенденціей опускаться внизъ, а не подниматься вверхъ,—будетъ законодательно законосовѣщательно-земско-конституціонное собраніе. Разно будутъ складываться и взаимоотношенія, и общая психологія третьей Государственной Думы... Гласные изъ широкихъ оконъ Таврическаго дворца будутъ присматриваться къ поблескивающимъ зарницамъ далекихъ пожаровъ, будутъ прислушиваться къ далекимъ отзвукамъ браунинговъ и бомбъ и будутъ пробовать землю,—холодная ли она или горячая... И если будетъ холодная, будетъ идти сдвигъ вправо всѣхъ конституціонныхъ силъ внутри Таврическаго дворца. А если потеплѣетъ земля и гарь и змѣйки дыма будутъ проникать въ Таврическій дворецъ, будетъ общій сдвигъ влѣво.

Пришли въ Государственную Думу новые господа положенія—октябристы... Они были во второй Государственной Думѣ, но они были оппозиціей, они не успѣли сказать свое положительное, законодательное слово. Они не одни новые люди въ третьей Государственной Думѣ,—еще въ большемъ количествѣ туда вошли правые... Они тоже были ничтожной оппозиціей и не успѣли сказать своихъ творческихъ, законодательныхъ или законоразрушительныхъ, — но положительныхъ словъ. Но слова ихъ извѣстны. Они говорились давно въ дворянскихъ собраніяхъ, они сказаны на съѣздахъ объединеннаго дворянства, въ кулуарахъ Славянскаго Базара, и если въ послѣдніе два года слова выросли до яростнаго вопля,—то только потому, что явилась угроза не только ихъ дворянскимъ земельнымъ интересамъ, но и всей ихъ позиціи въ государствѣ, явилась опасность потери того истинно-русскаго кормленія, которымъ издревле пропитывалось русское дворянство.

Можно думать, что прошлогодняго козлогласованія не будетъ и правымъ будутъ даны совершенно опредѣленныя «директивы»; но не на нихъ сосредоточено общественное вниманіе въ данный моментъ, они слишкомъ просты, элементарны и совершенно не таинственны.

Менѣе ясны пока октябристы. Кто они, откуда пришли, что несутъ съ собой, что отъ нихъ можно ждать и чего нельзя ждать,—вотъ вопросы, которые занимаютъ въ настоящее время,—не то что широкіе слои населенія, но всѣхъ тѣхъ, которые сосредоточиваютъ свое вниманіе на Государственной Думѣ, которые вѣрятъ и надѣются, которымъ страшно не вѣрить и которымъ боязно не надѣяться.

Возможно, что нѣкоторая часть октябристовъ прошла не только благодаря избирательному закону 3-го іюня... Сложная, трудная, больная психологія обывателя, изстрадавшагося отъ беззаконія и страстно тоскующаго по новомъ законѣ, о которой говорилъ я въ прошлой книжкѣ, несомнѣнно, сказалась на выборахъ. Я знаю несомнѣнные случаи, гдѣ обыватель, нисколько не разочаровавшійся ни въ людяхъ, ни въ упованіяхъ партіи народной свободы, несъ свои избирательные бюлетени за октябристовъ, съ горестью объясняя что кадеты не достигли новаго закона, можетъ быть эти достигнутъ. Я вполнѣ допускаю, что тѣ хитроумные, учитывающіе реальное соотношеніе силъ кадеты, которые вносятъ деньги въ кадетскую кассу и въ союзъ русскаго народа, и тѣ, которые вносятъ и въ соціалъ-демократическую кассу, и въ союзъ русскаго народа, вопреки партійной дисциплинѣ несли избирательные бюллетени октябристамъ. Теперь октябристы центральные люди. Мало кто вѣритъ имъ, но для обыкновеннаго обывателя, смирнаго, плохо освѣдомленнаго на счетъ программъ и удовлетворяющагося вывѣской не злопыхателя, они всетаки надежда. Можетъ быть, *эти* достигнутъ новаго закона. Я увѣренъ, что, если бы экспропріаторы объединились въ партію и выставили свои кандидатуры въ Государственную Думу, въ глухихъ, темныхъ слояхъ они собрали бы небольшое, но всетаки извѣстное число голосовъ. Не потому, чтобы имъ кто-нибудь сочувствовалъ, а именно изъ этого смутнаго не формулированнаго ожиданія: а можетъ быть именно эти доймутъ, можетъ быть именно они заставятъ воплотить въ жизнь законъ 17-го октября. Это нелѣпо, но нелѣпа русская жизнь, — люди изстрадались беззаконіемъ, люди истосковались по новому закону...

Меня могутъ спросить, да есть ли тамъ такіе люди? Гдѣ разразграничительныя линіи между ними и умѣренными правыми, и просто правыми, и даже союзомъ русскаго народа, съ которымъ во многихъ мѣстахъ октябристы вмѣстѣ шли къ избирательнымъ урнамъ и представителей котораго они поспѣшили выбрать въ президіумъ?

Такіе,—честные, искренніе люди несомнѣнно есть между октябристами, какъ несомнѣнно существуютъ хотя и неясныя, колеблющіяся, трудно уловимыя разграничительныя линіи.

Нужно знать, какъ разселялись люди по партіямъ въ провинціи. Я спросилъ какъ-то, вскорѣ послѣ 17-го октября знакомаго, весьма либеральнаго помѣщика, почему у нихъ въ губерніи мало оказалось

кадетовъ и нѣкоторые хорошіе, настоящіе земцы записались въ союзъ 17-го октября, и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Какъ вамъ сказать... Не нашлось дѣятельныхъ и всѣмъ извѣстныхъ кадетовъ,—некому было собрать людей... И потомъ, у насъ думаютъ,—вѣдь все тамъ, въ 17-мъ октября, что нужно, сказано...

Не въ одной губерніи партіи октябристовъ и кадетовъ размежовывались по случайнымъ причинамъ и признакамъ. И я совершенно понимаю психологію людей на возрастѣ,—порядочныхъ, искреннихъ и доброжелательныхъ. но смирныхъ людей, которые разсуждаютъ приблизительно такъ: свалилась съ неба этакая благодать,—чего еще надо? Все вѣдь есть, – и свободы и Дума и равноправіе... Какіе еще кадеты? У октябристовъ въ программѣ все есть. Только чтобы безъ обмана.

Я совершенно выбрасываю изъ моихъ опредѣленій волковъ въ овечьей шкурѣ и пытаюсь понять лишь тѣхъ, къ кому, повторяю, не зазорно прикладывать кличку 17-го октября. Я сознаю, что это очень трудно.

Кто они,—октябристы? Не парламентская фракція, не тѣ, что прошли въ Таврическій дворецъ отъ тѣснаго дружескаго блока съ правыми дворянами и съ союзомъ русскаго народа; не тѣ, у кого изъ подъ овечьей шерсти выглядываютъ оскаленные волчьи зубы, не тѣ, наконецъ, шустрые люди, которые маклерствуютъ и дѣлаютъ свою личную «политику»,—а настоящіе октябристы, къ которымъ не зазорно прикладывать эту кличку.

Ни одна политическая партія, ни одна общественная группа не представляетъ такихъ огромныхъ трудностей въ ея опредѣленіи, какъ октябристы. Это скользкій угорь, который выскальзываетъ изъ рукъ, какъ бы вы ни пытались захватить его.

Они еще и не торговали, но уже надѣлали долговъ; у нихъ нѣтъ прошлаго, политическаго прошлаго до 17-го октября, но есть наслѣдство, нажитое съ 17-го октября, — бокалы шампанскаго, многочисленныя «печальныя» слова. Ихъ нога не оставила слѣда на русской почвѣ, и будущій историкъ, изслѣдуя дороги и тропы, протоΡенныя съ 17-го октября различными политическими и общественными группами, тщетно будетъ искать собственныхъ слѣдовъ октябристовъ: отпечатокъ ногъ ихъ онъ будетъ находить въ чужихъ тропахъ, въ чужихъ слѣдахъ,—въ кадетскихъ, Дубасовскихъ, Столыпинскихъ. Не упала тѣнь отъ нихъ на русскую землю, какъ блѣдные призраки шли они до сего дня, и русскій обыватель, всматриваясь въ эти появившіяся на русской исторической авансценѣ фигуры, спрашиваетъ: кто они?

Кадеты ихъ заслонили. За яркими импозантными фигурами людей партіи народной свободы долго не видно было блѣдныхъ октябристскихъ силуэтовъ, людей безъ обличья, людей безъ слѣда, безъ тѣни. И какъ-то никто не всматривался въ нихъ, ихъ сразу

заподозрили, въ нихъ усумнились; какъ-то сразу установилось, что это не настоящіе люди и невзаправдашная политическая партія,— не серьезная, не настоящая, а все аплике, — подъ партію, подъ политику. Получило права гражданства опредѣленіе: «кадеты второго разряда», и на этомъ люди успокоились... А между тѣмъ октябристы имѣютъ свою опредѣленную физіономію и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляютъ характерную для русской жизни если не политическую партію, то общественную группу.

Да, великій сепараторъ русской жизни отдѣлилъ сливки въ видѣ кадетовъ изъ того «общества», къ которому въ равной мѣрѣ принадлежали кадеты и октябристы, но центробѣжная сила увлекла въ сливки много людей, не принадлежащихъ къ тому, что называется общество, и этотъ огромный придатокъ разночинскаго элемента, такъ называемой интеллигенціи и третьяго элемента, придалъ двойственный характеръ партіи народной свободы, постоянно вскрывавшійся, вскрывающійся и быть можетъ имѣющій еще вскрыться въ голой обнаженности. Да, осталось снятое молоко, но за то настоящее молоко русской жизни, не хмѣльная и горькая, старая брага правыхъ, а то млеко, которое текло въ рѣкѣ русской жизни въ недавнія блаженныя времена.

И въ этомъ смыслѣ они гораздо болѣе, такъ сказать, натуральные русскіе люди, чѣмъ кадеты—они исконніе, тутошніе... И даже осталось немного сливокъ,—пожиже.

Если вы спросите въ губернскомъ городѣ про мѣстнаго октябриста, — я говорю о людяхъ, къ которымъ не совѣстно прилагать этотъ ярлыкъ—вамъ скажутъ: «хорошій господинъ»... Вамъ скажетъ это горничная, кучеръ, дворникъ, ближайшій лавочникъ, подчиненный служащій. Не озорникъ, скажутъ, не мордобойщикъ, не обидчикъ, за товаръ расплачивается... Другими словами, но въ томъ же духѣ скажетъ вамъ общество: Платонъ Михайловичъ хорошій человѣкъ; и объяснятъ, что онъ не воровалъ, не расхищалъ, сыскомъ не занимался, не предательствовалъ,—однимъ словомъ— «хорошій господинъ...

Октябристы именно люди «не...» Я любилъ читать некрологи, появлявшіеся за истекшія двадцать пять лѣтъ по поводу «безвременной», или «преждевременной» кончины русскихъ общественныхъ дѣятелей, начиная отъ сановниковъ и губернаторовъ и кончая дѣятелями мѣстнаго самоуправленія и людьми либеральныхъ профессій. Всѣ некрологи были одного типа. Когда умиралъ почтенный человѣкъ, въ газетахъ писалось: онъ никогда не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ, не продавалъ себя за... онъ никогда не пользовался своимъ положеніемъ, чтобы... Онъ не оставилъ крупнаго состоянія, не разорялъ губернію, не искоренялъ народности и вѣроисповѣдованія... И это были правильные некрологи, которыхъ заслужили несомнѣнно почтенные люди, такъ какъ во времена категорическаго русскаго «да», они были «не», такъ какъ нужно было имѣть

совѣстливость и даже гражданское мужество, чтобы оставаться «не», когда люди такъ легко измѣняли, продавали себя, разоряли, предательствовали, искореняли народности и вѣроисповѣданія.

Такъ и октябристы. Въ городскихъ думахъ и земскихъ собраніяхъ они не стояли горячо за народное образованіе, за земскую медицину и санитарію, за статистику и агрономію, но и не противодѣйствовали и вотировали скорѣе благосклонно за,—во всякомъ случаѣ, не лаяли при этомъ, какъ правые. Только они не яркіе, не цвѣтные, сѣрые и смирные. Правда, что угроза ихъ интересамъ и яростныя нападки на нихъ не только лѣвыхъ, а и кадетовъ, смежныхъ людей, можно сказать, сосѣдей, обозлили ихъ теперь до сжатыхъ кулаковъ и хриплыхъ криковъ. Кромѣ того теперь труднѣе, чѣмъ прежде, оставаться внѣ стана «ликующихъ и обагряющихъ руки въ крови», нельзя не разорять губернію, нельзя не громить старое земство, нельзя не искоренять крамолу въ канцеляріяхъ, палатахъ и министерствахъ. Не то, что нельзя, а неловко, неудобно, несогласно съ партійной тактикой оставаться въ сторонѣ, — нельзя не пить за здоровье Дубасова, нельзя не говорить о печальной необходимости...

Но въ личной жизни они остаются тѣми же сравнительно «хорошими, смирными господами». Они люди общества; всегда безукоризненно одѣты, у нихъ хорошія манеры. Любятъ играть въ винтъ, но ходятъ и въ театръ, и не только въ балетъ, какъ правые, но и въ оперу, въ концерты, — иногда и сами музицируютъ. Серьезные знатоки въ культурѣ комнатныхъ растеній. Они лѣтъ на десять старше кадетовъ, имъ подъ пятьдесятъ, и они чаще ѣздятъ въ Карлсбадъ, Маріенбадъ и Киссингенъ.

Повторяю, въ существѣ они смирные, добрые, хорошіе господа, и самой судьбой, всѣмъ прошлымъ Россіи, своими личными, родственными и классовыми традиціями именно они пріуготовлены для того, чтобы быть центромъ,—не въ русской жизни, а въ русскомъ парламентѣ Таврическаго дворца, созванномъ по закону 3 іюня. Ихъ лидеръ—купецъ, но это простое недоразумѣніе. Торгово-промышленная партія сформировалась отдѣльно и только въ послѣднее время, за полной безнадежностью самостоятельнаго существованія, вошла въ союзъ 17-го октября. Союзъ тянетъ къ бюрократіи и дворянству, и газета лидера-купца благосклонно относилась въ своихъ передовицахъ къ постановленіямъ земскаго съѣзда въ «Славянскомъ Базарѣ».

Октябристы—по преимуществу служащіе дворяне. Они служатъ при вѣдомствахъ и министерствахъ, при наукахъ и искусствахъ, при земскомъ и городскомъ самоуправленіи; очень многіе служатъ при капиталѣ, но и дворяне и въ своемъ лицѣ объединяютъ и бюрократію, и дворянство, и капиталъ. Они люди «нашего круга», но и люди общества, болѣе широкаго круга, соприкасающагося по своимъ многообразнымъ отношеніямъ съ чрезвычайно разнообраз-

ными кругами населенія. Поскольку они люди «нашего» круга и дворяне, служащіе при государствѣ, они тянутъ къ прошлому, къ старому режиму; поскольку они люди широкаго общества и поскольку они служатъ при капиталѣ,—они конституціоналисты и такимъ образомъ объединяютъ въ своемъ лицѣ и неограниченное самодержавіе, и конституцію. Больше родни у нихъ на правой сторонѣ, тамъ родные и двоюродные и всѣ въ свойствѣ; но и съ кадетами тоже родня, — больше двоюродные и троюродные, но тоже не чужіе... И можно надѣяться, что, не смотря на окрики лидеровъ, сойдясь въ кулуарахъ Таврическаго дворца, люди вспомнятъ свои родственныя отношенія, и третья Дума сложится изъ колеблющихся настроеній, мѣняющихся родственныхъ чувствъ.

Средніе люди по натурѣ, октябристы средніе и по своей позиціи. Какъ поется въ старой дѣтской пѣсенкѣ:

И не низокъ, не высокъ—
Въ самой серединкѣ.
И не бѣденъ, не богатъ—
Въ самой серединкѣ.
Не уменъ и не дуракъ—
Въ самой серединкѣ.
И не холостъ не женатъ
Въ самой серединкѣ,

. . . . .

«Серединка», конечно, звучитъ нѣсколько вульгарно, но «конституціонный центръ» въ третьей Государственной Думѣ звучитъ гордо. Не столько для тьмутараканской земли, довольно освѣдомленной въ центрѣ и периферіи, сколько для «Европъ», плохо освѣдомленныхъ въ русскихъ центрахъ и периферіяхъ. Конституціонный парламентскій центръ!.. Будетъ два центра. Тотъ, старый русскій центръ,—не правительство какъ таковое, а министерскій центръ—все равно, будетъ ли онъ воплощаться въ П. А. Столыпинѣ или въ Акимовѣ, чье премьерство предсказывали газеты, — и новый конституціонный центръ союза 17-го октября и во имя 17-го октября. И оба центра будутъ въ непрерывной, постоянной и дружеской диффузіи. Да, конечно, у октябристовъ есть свои личные взгляды, есть отзвуки міровоззрѣній ихъ юности, у нихъ есть классовые интересы, но и ихъ личныя воззрѣнія и классовые интересы испоконъ вѣковъ подчинялись общей правительственной «директивѣ», даже и не всегда совпадавшей съ ихъ личными воззрѣніями и классовыми интересами.

Они пожалуй будутъ «работоспособны». Они всю долгую русскую жизнь работали съ правительствомъ и психологически не могутъ вообразить себя работающими безъ правительства. Иначе не можетъ быть. Правительство всегда поддерживало ихъ, какъ классъ, аккуратно 20-го числа выдавало имъ жалованье и совершенно понятно, что первая декларація октябристовъ гласитъ о «могущественной» поддержкѣ правительства.

Это давнее взаимоотношеніе въ значительной степени облегчаетъ тактику конституціонно-парламентскаго центра... Тотъ, старый центръ опредѣлитъ и укажетъ, кого изъ родныхъ и свойственниковъ признавать таковыми октябристамъ—кадетовъ или правыхъ,— и техническія, и психологическія условія образованія парламентскаго блока въ значительной степени облегчены для октябристовъ.

Собственно говоря, Платонъ Михайловичъ совсѣмъ не хотѣлъ бы ѣхать на балъ. «Теперь въ отставкѣ, былъ военный», онъ снова надѣлъ мундиръ только по настоянію Натальи Дмитріевны. Она заставила его, слабаго здоровьемъ, но «единственнаго, безцѣннаго» ѣхать на балъ, увѣряя, что ему очень весело. И теперь на балу положеніе его не то что трудное, а нѣсколько непріятное. Тамъ, въ Таврическомъ дворцѣ все родня,—и Фамусовъ, который мечтаетъ только о дворѣ «государыни Екатерины», и полковникъ Скалозубъ, и всѣ княжны, и Загорѣцкій, и Репетиловъ, но и Александръ Андреевичъ Чацкій,—только что вернувшійся изъ дальнихъ странствій. Платонъ Михайловичъ хотѣлъ бы перекинуться двумя-тремя словами съ Чацкимъ и даже съ нимъ больше, чѣмъ съ полковникомъ Скалозубомъ, съ которымъ они хоть и вмѣстѣ служили, но не дружили раньше, но Наталья Дмитріевна, въ виду слабаго здоровья и нѣкоторой нерѣшительности его дѣйствій, строго и неуклонно даетъ ему «директиву»: Не разговаривай съ Чацкимъ! Танцуй съ графиней внучкой!

И бѣдный октябристъ сторонится отъ Чацкаго и присоединяется къ общему мнѣнію «людей нашего круга», что Чацкій сумасшедшій, не легализированный, и танцуетъ Платонъ Михайловичъ съ графиней внучкой, вступаетъ въ блокъ съ Загорѣцкими и Репетиловыми, хотя они нѣсколько и претятъ ему, въ значительной степени пріобыкшему къ культурѣ...

Въ настоящій критическій моментъ русской жизни, гдѣ рѣшается вопросъ о конституціи или реставраціи, въ тотъ мудреный, трудный моментъ, когда страшно выросли мнѣнія и понизились дѣйствія,—на октябристахъ сосредоточено вниманіе той Россіи, которая еще ждетъ чего то отъ третьей Думы. Не потому, чтобы имъ вѣрили, не потому, чтобы на нихъ надѣялись, не потому чтобы считали ихъ серьезной политической гражданской партіей, а потому, что тѣ, другіе, уже давали представленія на исторической сценѣ, и лѣвые, и кадеты, и не собрали сбора, а они хотя люди безъ слѣда, люди безъ тѣни, но выходятъ въ первый разъ.

Можетъ быть эти достигнутъ... Чѣмъ чортъ не шутитъ,—а можетъ быть... Ахъ, такъ много теперь въ Россіи измученныхъ людей, изстрадавшихся за себя, за близкихъ, такъ много людей, сдвинутыхъ съ мѣста, отъ своихъ дѣлъ, такъ много людей, которымъ грозитъ разореніе, что они, не говоря вслухъ, не признаваясь даже самимъ себѣ, смотрятъ на Таврическій дворецъ и думаютъ: а можетъ быть достигнутъ... Скучно имъ отъ этой Думы, и не вѣрятъ они въ

сущности, и не надѣются, и не бросаются, какъ прежде, на парламентскіе отчеты; но помимо ихъ разума, ихъ сознанія, смутное чувство надежды теплится въ душѣ: а можетъ быть эти достигнутъ?..

Достигнутъ-ли? Да, конституціонный центръ установитъ конституцію, если тотъ старый центръ согласенъ будетъ установить ее... Да, октябристы выработаютъ законопроекты въ духѣ 17-го октября, если тотъ, другой центръ будетъ согласенъ на эти законопроекты. И быть можетъ они выработаютъ и реставрацію, если старый центръ пожелаетъ реставраціи.

Впрочемъ... Быть можетъ стыдъ объявится въ Таврическомъ дворцѣ,—въ той части октябристской парламентской фракціи, которую можно называть людьми 17-го октября... Стыдъ не равномѣрно распредѣленъ въ человѣческомъ обществѣ, въ отдѣльныхъ группахъ его, но стыдъ вездѣ есть, и чувства чести и совѣсти не лишены никакія общественныя группы, какъ бы ни были забронированы онѣ служебными, классовыми интересами и старыми русскими рабскими инстинктами. Я понимаю всю дерзость моей мысли, но вѣдь начнется, началась уже трагедія въ Союзѣ 17-го октября и, быть можетъ, она разбудитъ спящихъ людей. Не тѣхъ шустрыхъ людей, которые вьются около Союза 17-го октября, которые шныряютъ между партіями, подписываютъ секретныя отъ своей партіи обязательства, шныряютъ между министерствомъ и Таврическимъ дворцомъ, маклерствуютъ, покупаютъ, продаютъ,—пока что, только продаютъ,—а о тѣхъ людяхъ, къ которымъ, повторяю, не совѣстно, не зазорно прикладывать кличку 17-го октября, о тѣхъ, которыхъ можетъ разбудить трагедія, переживаемая политической партіей, называющейся Союзъ 17-го октября.

Вотъ теперь, въ великій и трудный историческій моментъ, когда вся Россія дрожитъ отъ ненависти и бьется въ судорогахъ отъ беззаконія, на историческую сцену идутъ они, октябристы. Они, люди «не»—великой ироніей русской жизни призваны сказать «да». Они, «не холостые» «не женатые» въ смыслѣ конституціи, призваны утверждать русскую конституцію. Они, люди безъ слѣда и безъ тѣни, эти «образы безъ лицъ», они—Маниловы, Обломовы, Платоны Михайловичи—поставлены на гребнѣ волнующагося моря и призываются вести государственный корабль.

Однако, не въ этомъ одномъ трагедія ихъ положенія, не въ этомъ нелѣпомъ несоотвѣтствіи огромности историческаго момента съ немощью духовной и фактической людей 17-го октября заключается трагедія ихъ,—а въ томъ, что они люди 17-го октября.

Съ ними сыграли печальную, злую, нехорошую шутку. Случилось 17-е октября. Начальство одобряло. Одно время считалось признакомъ хорошаго тона даже для чиновниковъ записываться

въ октябристы, а не въ правые... И октябристы присоединялись,— не только за страхъ, но и за совѣсть, такъ какъ и они вѣдь были люди, а не злодѣи; хотя они и не прилагали никакихъ усилій къ достиженію 17-го октября, но и не имѣли существенныхъ возраженій противъ него; въ качествѣ *не* злодѣевъ они тоже желали, чтобы русская жизнь устраивалась по хорошему, правильному, чтобы русское государство устраивалось, а не разстраивалось, какъ разстраивалось оно постепенно до 17-го октября.

Тогда у нихъ былъ лозунгъ: «Ни шагу впередъ, ни шагу назадъ». Тогда этотъ лозунгъ казался реакціоннымъ, такъ какъ самъ манифестъ предусматривалъ шагъ впередъ, въ смыслѣ расширенія избирательнаго права. И тогда никто не думалъ о шагѣ назадъ... Жизнь шла, начальство покинуло ихъ и шагало назадъ, октябристы бѣжали за нимъ съ бокаломъ въ рукѣ, съ удостовѣреніемъ печальной необходимости; начальство уходило все быстрѣе и быстрѣе назадъ, и нельзя было угнаться за нимъ, такъ какъ 17-е октября, какъ гиря, висѣло на ногѣ октябриста и мѣшало ему идти въ ногу съ начальствомъ, поспѣвать за нимъ.

И вотъ случилось, что реакціонное стало революціоннымъ, и «ни шагу назадъ» звучитъ теперь, какъ «вооруженное возстаніе», «учредительное собраніе», «активное выступленіе». Теперь и начальство рветъ и мечетъ при одной мысли о возможности блока, именно на почвѣ 17-го октября, октябристовъ съ кадетами, которые тоже уже давно не шагаютъ впередъ. Теперь всю Думу раздираютъ споры, сказать ли въ адресѣ «конституція», «обновленный строй», или «самодержавіе», и октябристамъ страшно выговаривать слово конституція.

Люди стоятъ на мѣстѣ, опредѣленномъ 17-мъ октября не могутъ снять своей вывѣски. Пусть они забыли свою програму,— они давно не читали ее, пусть они забыли слова манифеста 17-го октября, самую дату 17-го октября, но ихъ придется вспомнить, когда они войдутъ въ Таврическій дворецъ. На колеблющемся потолкѣ Таврическаго дворца, какъ «Мене, факелъ, фаресъ»—могутъ загорѣться слова: «17-е октября». Слова эти отвѣтственны, слова страшны, слова обязываютъ...

Въ этомъ трагедія если не людей союза 17-го октября — они вообще люди не трагическаго типа, — то ихъ положенія, ихъ идеи...

Вѣдь ихъ избирали, за нихъ клали избирательные бюллетени разные люди...

Въ далекихъ углахъ, въ темныхъ мѣстахъ, — тамъ, гдѣ лѣвые разсажены по надлежащимъ мѣстамъ, гдѣ кадеты списаны со счетовъ, гдѣ, наконецъ, многіе боятся идти въ Таврическій дворецъ, зная, что оттуда не легко возвратиться домой,—разные люди голосовали за октябристовъ.

«Сказываютъ, Платонъ Михайловичъ хорошій человѣкъ... За

17-е октября, говорятъ, стоитъ»... Провожаютъ ихъ въ Таврическій дворецъ сомнѣвающіеся и вѣрующіе глаза робкихъ русскихъ людей, такъ не любящихъ сомнѣваться, такъ легко вѣрующихъ, такъ легко успокаивающихся на словахъ, на вывѣскахъ. Даютъ наказъ эти люди октябристамъ: «Вы говорите, что лѣвые только разрушаютъ государство, кадеты не искренни, перемигивались съ лѣвыми и хотѣли работать съ революціонерами... А вотъ вы искренніе, настоящіе, правильные люди 17-го октября... Мы хотимъ вѣрить вамъ и разрѣшаемъ вамъ поступать, какъ угодно. Работайте съ правительствомъ, съ кѣмъ хотите, только найдите, воротите пропавшее 17-е октября. Мы не можемъ жить иначе, намъ нельзя дальше жить такъ, какъ мы живемъ, воротите, найдите, укрѣпите»...

Войдутъ октябристы въ Таврическій дворецъ и оглянутся на пустыя кресла кадетовъ и лѣвыхъ и предъ ними встанетъ вопросъ: почему опустѣли эти кресла и почему полны кресла ихъ, октябристовъ, и правыхъ монархистовъ? Предъ ними встанетъ 17-е октября, говорящее о расширеніи избирательнаго права, и встанетъ 3-е іюня, сжавшее это избирательное право, 3-е іюня, благодаря которому они прошли въ Таврическій дворецъ. Какъ рѣшатъ они? Какъ будутъ говорить объ избирательномъ законѣ, который, несомнѣнно, встанетъ предъ ними? Упразднятъ ли они себя или укрѣпятъ? Я не знаю: они могутъ упразднить себя, но могутъ и укрѣпить... О, ихъ соображенія будутъ серьезныя, важныя, государственныя... «Тѣ двѣ Думы были не работоспособны, онѣ не желали или не могли воплотить въ жизнь новый строй, новый законъ, намѣченный 17-мъ октября. Нужны, слѣдовательно, другіе люди, болѣе работоспособные, болѣе искренно желающіе провести законъ 17-го октября—нужны они, октябристы»... Пусть, но вѣдь ихъ спросятъ: гдѣ же самое-то 17-е октября, которое они собираются укрѣплять?

Они будутъ вырабатывать законопроектъ о мѣстномъ самоуправленіи... Можетъ быть, даже будутъ говорить, что, конечно, земство и мѣстное самоуправленіе должно быть безсословно... Но, «въ виду неподготовленности крестьянъ, въ интересахъ культуры и мѣстной жизни, нужно дать въ должномъ размѣрѣ представительство сословнымъ и культурнымъ элементамъ, уже давно и превосходно заявившимъ себя въ дѣлѣ мѣстной культурной работы». Россія стонетъ отъ беззаконія, переполнены тюрьмы и мѣста ссылки, русскіе литераторы грезятъ, какъ о несбыточной мечтѣ, объ одиночной камерѣ для отбытія наказанія за литературныя преступленія. Я знаю осужденнаго человѣка, который уже полтора мѣсяца ходитъ въ подлежащія мѣста съ просьбой посадить его,— его не сажаютъ. Некуда: набито по 8—10 человѣкъ писателей въ камерѣ; поднимается вопросъ,—о, не объ амнистіи!—а объ исключительныхъ законахъ, военныхъ положеніяхъ, чрезвычайныхъ охра-

нахъ, о елисаветпольскихъ, лодзинскихъ, одесскихъ, ялтинскихъ и иныхъ прочихъ генералъ-губернаторахъ... У октябристовъ будутъ опять «резонные, серьезные, реальные» доводы: «печальная необходимость»!.. Нельзя «обыкновенное» положеніе вводить въ Россіи при настоящихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ; невозможно введеніе закона при теперешнемъ беззаконіи, нельзя не вооружить власть противъ необузданности революціонеровъ, нельзя терпѣть тѣхъ внутреннихъ враговъ всей Россіи, про которыхъ самъ П. Н. Милюковъ сказалъ, что они «разнуздали низшіе инстинкты человѣческой природы и дѣло политической борьбы превратили въ дѣло общаго разрушенія»... Все это, конечно, очень реально. Но Россія всетаки спроситъ: «Господа,—«октябристы!» Гдѣ же у васъ самое 17-е октября»?

О, она не потребуетъ отъ октябристовъ рѣшенія трудныхъ вопросовъ, соціальныхъ реформъ, рѣшенія аграрной проблемы,—гдѣ ужъ! Чего ужъ! — Люди, заинтересованные въ нихъ, не посылали октябристовъ... Но она потребуетъ отъ нихъ 17-е октября и всего того, безъ чего 17-е октября не обновленный строй, а старый строй... Свободы печати, союзовъ, собраній, равноправія, свободы совѣсти и проч., и проч. Я не знаю, какъ поступятъ октябристы. Быть можетъ и тутъ явятся у нихъ соображенія серьезныя, важныя, государственныя. Еврейское равноправіе «опасно и вредно прежде всего для самихъ евреевъ»; свобода «печати должна быть русская свобода», какъ объясняла газета «Россія»; свобода собраній и союзовъ—«да, конечно, но не для революціонеровъ, кадетовъ, лѣвыхъ; конституція, но по профессору Герье. Нельзя позволять открыто католикамъ и старообрядцамъ совращать православныхъ въ свое иновѣріе и невозможно допустить, чтобы крамольный архимандритъ Михаилъ сдѣлался старообрядческимъ епископомъ...» Но Россія спроситъ: гдѣ же 17-е октября?

Да, они можетъ быть станутъ «работоспособны» и быть можетъ, если не случится инцидентовъ сверху и снизу, проработаютъ полностью свои пять лѣтъ... Я не знаю, какой законъ они выработаютъ, быть можетъ, по существу онъ будетъ не конституціонный строй, самого названія котораго они, повидимому, такъ боятся, а будетъ именно «обновленный строй» государства съ старой сущностью и новой видимостью.

Но они вернутся домой и тогда начнется воздаяніе. Они вернутся домой въ свою обстановку, въ свой кругъ знакомствъ, къ своимъ друзьямъ, къ своимъ роднымъ и близкимъ, къ своимъ избирателямъ... И избиратели спросятъ ихъ: гдѣ же 17-е октября, которое ты обѣщалъ, за которымъ ходилъ въ Таврическій дворецъ? Встрѣтитъ ихъ родной и близкій и скажетъ: ты говорилъ, что кадеты не искренни, что ты настоящій, правильный человѣкъ 17-го октября; гдѣ же твое 17-е октября?

И когда исторія будетъ писать о нихъ некрологъ, она не ска-

жетъ «не», а скажетъ «да». Скажетъ: именно эти люди, называвшіе себя октябристами, разнесли по вѣтру 17-е октября, они вбили осиновый колъ въ мертвое тѣло русской конституціи.

С. Елпатьевскій.

О г. Сергѣевѣ-Ценскомъ.

(*С. Сергѣевъ-Ценскій*. I. Книгоиздательство „Міръ Божій". Спб. 1907).

I.

По основному настроенію г. Сергѣевъ-Ценскій весьма близокъ къ г. Леониду Андрееву. Сходство между обоими настолько бросается въ глаза, что при поверхностномъ знакомствѣ можетъ показаться, что г. Сергѣевъ-Ценскій, какъ позднѣйшій по времени, является простымъ подражателемъ: по проторенной другимъ дорогѣ идетъ къ болѣе или менѣе обезпеченному успѣху. Но такое впечатлѣніе возможно только при поверхностномъ знакомствѣ съ г. Сергѣевымъ-Ценскимъ. Онъ говоритъ несомнѣнно самъ за себя и отъ себя. Какъ ни близка тема, взятая имъ для своего разсказа «Дифтеритъ», къ темѣ, затронутой г. Андреевымъ въ «Жизни Человѣка», не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ дѣло съ *общностью* мысли: «Дифтеритъ» написанъ въ 1904 году, на нѣсколько лѣтъ раньше Андреевскаго «представленія» о Сѣромъ распорядителѣ жизни человѣка. — Читатель, который не забылъ фразы, чудившейся въ стукѣ маятника башенныхъ часовъ одноглазому часовщику Леонида Андреева: «такъ было, такъ будетъ»,—не можетъ пройти мимо совпаденія, почти курьезнаго, что и у г. Сергѣева-Ценскаго есть человѣкъ, которому въ звукахъ (около него гудятъ комары) чудится почти та же вѣщая фраза: «такъ и будетъ, и будетъ, и будетъ» («Садъ»). Тѣмъ не менѣе и здѣсь—совпаденіе, обусловленное лишь взаимной близостью писателей, потому что «Садъ» имѣетъ дату 1904 года, и авторъ его, естественно, не могъ подчиниться тону Андреевскаго «Такъ было», появившагося черезъ два года послѣ «Сада».

Необходимо, однако, оговориться. Подчеркивая независимость основного тона въ разсказахъ г. Сергѣева-Ценскаго, мы совсѣмъ не имѣемъ въ виду отрицать всякое вліяніе на него г. Леонида Андреева. Въ мрачномъ настроеніи болѣе сильнаго и авторитетнаго художника г. Сергѣевъ-Ценскій, если такъ можно выразиться, нашелъ оправданіе и поддержку своему собственному настроенію. И это совпаденіе, нужно думать, не было для него безразличнымъ.

Найти опору собственному отношенію къ жизни для г. Сергѣева-Ценскаго представлялось дѣломъ живой необходимости, такъ какъ, при всемъ постоянствѣ его писательскаго настроенія, впечатлительная неустойчивость передъ вліяніемъ извнѣ—характерная для него черта. Въ этомъ, къ сожалѣнію, намъ придется убѣдиться, столкнувшись съ стремительной готовностью г. Сергѣева-Ценскаго плыть по теченію при разработкѣ такъ называемой «проблемы пола».

«...Нѣтъ ни добра, ни зла, есть только факты» («Маски»).

Въ устахъ г. Сергѣева-Ценскаго это, несомнѣнно, фраза, лишь случайно вырвавшаяся. Въ дѣйствительности для него нѣтъ фактовъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово натуралисты, а есть только проявленія чьей-то воли, надміровой, непонятной, непостижимой и въ то же время явно враждебной человѣку. Около людей въ изображеніи г. Сергѣева-Ценскаго почти всегда есть «кто-то» или «что-то». Одному кажется, что «онъ не одинъ, что кругомъ торчитъ что-то между столомъ и печкой, между печкой и потолкомъ, торчитъ что-то невидимое, но тяжелое, и мѣшаетъ жить» («Умру я скоро!»). Другому кажется, когда онъ думаетъ, что «кто-то большой и могучій надвинулъ колоколъ воздушнаго насоса, крѣпко придавилъ его краями къ землѣ и выкачалъ изъ подъ него воздухъ, оттого въ жизни тѣсно, густо и нечѣмъ дышать» («Маски»). Третій, пораженный горемъ, чувствуетъ, какъ «въ душѣ его заколыхался животный страхъ передъ чѣмъ-то большимъ и всесильнымъ, имя которому на человѣческомъ языкѣ—Жестокость». («Дифтеритъ»). Дѣвушка, изнывающая отъ скуки, чувствуетъ, что «на нее движется что-то желтое и сухое... движется медленно, плотной массой и хочетъ смять» («Скука»). Юнецъ, удрученный впечатлѣніями отъ мужицкой жизни, «смотрѣлъ и чувствовалъ, что кругомъ всюду разлито что-то жестокое, по всѣмъ направленіямъ вошедшее въ жизнь, какъ тонкія стекла»... («Садъ»). Въ разсказѣ «Батенька» «кто-то» принимаетъ почти ощутительныя формы Дьявола.

Такъ и разсматриваетъ жизнь г. Сергѣевъ-Ценскій. Онъ не анализируетъ, не устанавливаетъ связи между фактами, а подходитъ къ нимъ, какъ къ непонятнымъ результатамъ чужой воли. Человѣкъ какимъ то образомъ оказался вброшеннымъ въ окружающую жизнь. Въ душѣ его живетъ представленіе о «божественномъ» въ человѣческой природѣ, какъ о чемъ-то, что *должно* бы быть по природѣ вещей. Но этого въ дѣйствительности не оказывается, и это удручаетъ и мучитъ героевъ г. Сергѣева-Ценского, вызывая въ ихъ душѣ страстный безсильный протестъ противъ оскорбленія наносимаго жизнью *человѣку*.

Вотъ въ короткихъ словахъ общій обликъ г. Сергѣева-Ценскаго въ его лучшихъ произведеніяхъ: «Маски», «Дифтеритъ», «Батенька», «Убійство», «Взмахъ крыльевъ»...

Вѣритъ или не вѣритъ читатель въ дьявола, на котораго былъ

объявленъ конкурсъ «Золотымъ Руномъ», для интереса произведеній г. Сергѣева-Ценскаго безразлично. Онъ интересенъ самъ по себѣ. Интересенъ, какъ представитель особаго міроотношенія. Интересенъ, какъ выразитель испуганной жизнью мысли. Интересенъ, какъ изобразитель живыхъ людей, которымъ онъ могъ довѣрить свою тревогу. Интересенъ, потому что—талантливъ и въ основѣ искрененъ.

II.

...Только теперь вспомнилъ онъ настойчивыя увѣренія, слышанныя въ дѣтствѣ и юности, увѣренія, вписанныя въ толстыя старыя книги, строгія и упрямыя увѣренія, что надъ землей есть Богъ и что этотъ Богъ—любовь („Батенька“).

Раньше это не вспоминалось герою г. Ценскаго. Благодушный ротный командиръ, котораго и солдаты, и товарищи звали «батенькой», былъ очень далекъ отъ вопросовъ, кто именно управляетъ міромъ, въ которомъ ему приходится утромъ производить ученье, а вечеромъ играть въ карты. Это не мѣшало ему быть по своему вѣрующимъ и даже перекреститься отъ душевной жути передъ тѣмъ, какъ онъ скомандовалъ—накапунѣ—стрѣлять въ «бунтовавшихъ» рабочихъ.. Семнадцать убитыхъ—не вѣрившихъ, что въ нихъ могутъ стрѣлять и на должностныя угрозы отвѣчавшихъ «Батенькѣ» камнями.

Послѣ безтолковаго доклада о происшедшемъ командиру полка, который интересовался, сколько было при этомъ «издержано» патроновъ, Батенька остается наединѣ. То, что случилось, требуетъ яснаго отчета передъ собой. Но Батенька не способенъ дать этотъ отчетъ. Онъ чувствуетъ себя втянутымъ въ какой-то чужой его совѣсти механизмъ, приводимый въ движеніе извнѣ и имѣющій назначеніемъ формовать поступки его, Батеньки, солдатъ и полкового командира такъ же, какъ на кирпичномъ заводѣ формуютъ кирпичи. Всего непонятнѣе — это, что онъ, Батенька, эти сформованные извнѣ машиной поступки долженъ признать за свои собственные, совершенные имъ добровольно, по совѣсти, по долгу... Въ итогѣ у Батеньки, — первый разъ въ жизни,—чувство неизгладимаго дикаго противорѣчія между привитой когда-то идеей Бога и жизнью, которая дѣлаетъ эту идею какъ-бы наглядной несообразностью.

Та же ошеломленность передъ жизнью—у юнаго героя разсказа «Маски». Этого поражаетъ малоцѣнность эволюціи человѣчества вообще. Тысячи лѣтъ изнываетъ человѣчество, двигая «культуру»; тысячи лѣтъ «прогрессируетъ», и въ результатѣ этого тысячелѣтняго прогресса — городской голова Чинниковъ, какъ нормальный типъ *человѣка*.

Съ чувствомъ отвращенія входитъ юный второкурсникъ Хохловъ въ танцовальную залу провинціальнаго клуба, гдѣ «было жарко, душно и пахло противною смѣсью духовъ и пота». Ему кажется позорнымъ, что отъ *человѣка* можетъ вонять потомъ: «...было что-то позорное для человѣка, рабское, животное въ этомъ запахѣ пота, боязливо скрашенномъ духами».

Въ маскарадѣ Хохловъ оказался случайно. Въ качествѣ поднадзорнаго, только что водвореннаго на родинѣ, онъ сейчасъ дома выслушалъ нотацію отца о «позорѣ», который онъ навлекъ на семью. Чтобы уйти отъ «обожженнаго болью и злобой» голоса отца, онъ пробуетъ зайти въ клубъ, гдѣ идетъ нудный, убогій маскарадъ, а отъ маскарада, въ свою очередь, уходитъ въ буфетъ. Пьетъ, съ непривычки быстро хмѣлѣетъ и поражается новыми впечатлѣніями отъ давно знакомой дѣйствительности. Вернувшись въ танцовальный залъ, за купцомъ, котораго онъ тщательно разсматривалъ, Хохловъ находитъ еще новое: онъ не можетъ различить раскрашенныхъ масокъ отъ незакрытыхъ лицъ. «Маски казались ему лицами, а лица масками». Особенно его поражаетъ лицо купца, за которымъ онъ идетъ.

Неотступно идя вслѣдъ за купцомъ, онъ хотѣлъ точно опредѣлить, сколько въ немъ человѣка и гдѣ онъ спрятанъ.

Ему казалось яснымъ, что на человѣка здѣсь кто-то сознательно навертѣлъ толстые бинты, переслоилъ ихъ мясомъ и жиромъ, въ отверстіе рта воткнулъ хищные зубы,—и вышелъ Чинниковъ.

...У Хохлова поднимается смутное чувство злости:

Тысячи лѣтъ существованія только затѣмъ, чтобы создать маску... А маска, чтобы не было человѣка... Это то, что задавило жизнь!.. Десятки тысячъ лѣтъ на то, чтобы... маска!..

— «Сними маску!.. Маску сними, противно смотрѣть!»—неожиданно кричитъ студентъ, обращаясь къ купцу.

— Это вы, должно быть, ошиблись, господинъ студентъ, это мое собственное лицо...

— Это—человѣческое лицо?.. Развѣ можетъ быть такое человѣческое лицо?.. Лицо? Человѣческое?

Хохловъ въ пьяной ярости бросается на Чинникова, душитъ его и кричитъ: «Сними маску!» Когда его тащутъ изъ зала, онъ упирается и все проситъ разсудить: «*Это*—человѣческое лицо? На это десятки тысячъ лѣтъ? Десятки тысячъ?..»

Тѣ же «маски» вмѣсто «прекраснаго лица», живущаго въ душѣ учинителя смѣшного скандала, удручаютъ и другого юнца г. Сергѣева-Ценскаго («Садъ»). «Кацапъ», какъ его именуютъ мужики-сосѣди, Шевардинъ только что окончилъ земледѣльческую школу и пытается осѣсть на землю, заарендовавъ у причта фруктовый садъ. Въ школѣ онъ былъ увѣренъ, что жизнь—«резиновая и

всякому по мѣркѣ». Въ арендованномъ саду онъ скоро, даже слишкомъ скоро—въ изображеніи г. Сергѣева-Ценскаго—убѣждается, что жизнь—резиновая только для протестующихъ ударовъ по ней... Кругомъ него земля огромной производительности, а люди нищи и отвратительны по своей убогости, потому что вся земля кругомъ нихъ составляетъ майоратъ, принадлежащій прожигателю жизни—холостяку графу... Было бы понятно, если бы на одной сторонѣ было желаніе купить, хотя бы и цѣной огромныхъ лишеній другихъ, какія-нибудь сказочныя, завидныя наслажденія. Но этого нѣтъ... Было бы понятно, если бы другая сторона на вынужденную звѣриную жизнь отвѣчала звѣриной, яростной враждой. Но и этого нѣтъ. Какимъ-то чудомъ связалось и соединилось въ одно: и вѣра въ то, что надъ землей есть управляющая любовь, и вѣра въ то, что звѣриная, вѣрнѣе—скотская жизнь, можетъ быть нормальнымъ удѣломъ ея, голой нищей массы.

Шевардинъ лежалъ на своемъ возу, упершись глазами въ звѣзды, и чувствовалъ, какъ отъ скопившейся около нищей толпы на землѣ тѣсно, и какъ тѣсно на небѣ отъ скопившихся звѣздъ; и тѣснилъ его душу недоумѣнный, тупой вопросъ: кто это, огромный и могучій, такъ устроилъ жизнь, что отвелъ человѣку слишкомъ мало „можно" и слишкомъ много „нельзя", и почему человѣкъ этому повѣрилъ и возвелъ это въ культъ, какъ святыню.

Шевардинъ кончаетъ тѣмъ (онъ прожилъ въ саду лѣто), что ненавидитъ и ту, и другую сторону.

...Молчатъ люди—и это меня душитъ, и хочется мнѣ,—съ неуклюжей цвѣтистостью исповѣдуется Шевардинъ въ письмѣ къ школьному товарищу,—рявкнуть во весь голосъ съ какой-нибудь высокой точки, ну хоть съ монастырской часовни на горѣ:—Да сколько же еще,—сто лѣтъ, тысячу лѣтъ, вы будете молчать, проклятые? Вы—колоколъ милліонно-пудовый! Какимъ рычагомъ можно раскачать и хватить въ борта вашимъ языкомъ такъ, чтобы дрогнулъ около воздухъ?..

. . . .

Скажи, откуда взялся этотъ страшно лѣнивый и страшно тупой народъ, высшее счастье котораго быть пьянымъ? Скажи, почему такъ легко пошелъ онъ въ петлю вѣковой кабалы и смиренно терпитъ опыты надъ прочностью своей кожи? Забитый народъ, и тупой, и жалкій, но доколѣ онъ будетъ такимъ?

Несмотря на эти озлобленные вопросы, переносящіе центръ вниманія, повидимому, на самихъ людей, конечная причина того, что есть, всетаки не въ нихъ самихъ, и для Шевардина, какъ и для Хохлова, какъ и для самого автора,—характерно гнѣвное чувство за человѣка, за человѣческую жизнь, *кѣмъ-то* устроенную, *кѣмъ-то* оскорбляемую.

Какъ мы уже упоминали, въ разсказѣ «Батенька» этотъ «кто-то», огромный и могучій, устроившій жизнь такъ, какъ она есть, пріобрѣтаетъ образъ почти конкретнаго дьявола. «Батенька» *видитъ* ясно:

За толстыми стволами тополей ему не видно было всей лунной дали, ни цѣльнаго неба, ни цѣльной земли, но то, что онъ видѣлъ, онъ видѣлъ ясно. Онъ видѣлъ сухія, когтистыя и огромныя лапы, спустившіяся съ неба и вонзившіяся въ землю.

Можетъ быть, это были просто сучья, затуманенные ночными тѣнями, но они были отчетливы, остры и жадны, и отъ ихъ когтей было больно Землѣ.

«Можетъ быть, это были просто сучья...» Читателю, однако, не приходится воспользоваться этой оговоркой. Г. Сергѣевъ-Ценскій говоритъ: «ясно видѣлъ» дьявола *или* сучья. Но сучья обычно не растутъ книзу и, слѣдовательно, не могутъ показаться вонзившимися въ землю. А Батенька «ясно видѣлъ» что-то, что *вонзилось* въ землю. И читатель, если онъ вѣритъ г. Сергѣеву-Ценскому, не можетъ не придти къ единственному возможному выводу, что передъ Батенькой персонально былъ самый подлинный и реальный дьяволъ.

Это—одинъ изъ нерѣдкихъ, къ сожалѣнію, техническихъ недосмотровъ у г. Сергѣева-Ценскаго, которые останавливаютъ читателя и заставляютъ его улыбнуться, какъ ни серьезенъ въ замыслѣ авторъ, какъ ни серьезенъ подъ давленіемъ его художественнаго таланта самъ читатель.

Вернемся, однако, къ совсѣмъ не смѣшному. Къ вопросу объ издавна грустномъ словѣ: счастье; о людяхъ, способныхъ на «взмахъ (душевныхъ) крыльевъ»; о томъ, чѣмъ вообще люди живы у г. Сергѣева-Ценскаго...

III.

Когда «кто-то» или «что-то» на время оставляетъ въ покоѣ человѣка, послѣднему кажется, что онъ счастливъ и что это счастье—его заслуга, дѣло его собственныхъ рукъ, которымъ онъ вправѣ гордиться, какъ герой «Дифтерита». И чѣмъ дольше продолжается этотъ покой, тѣмъ больше гордится человѣкъ и считаетъ себя завоевателемъ судьбы.

Съ больной внимательностью присматривается авторъ «Дифтерита» къ жизни и съ больнымъ любопытствомъ выбираетъ образчики, какъ случай смѣется надъ человѣкомъ, его предвидѣніями и борьбой. Его симпатіи всецѣло на сторонѣ неудачника Ульяна Ивановича, который въ «Дифтеритѣ» исповѣдуетъ твердую увѣренность:—вся сила въ случаѣ.

То, другое, мало ли человѣкъ ни выдумалъ, а вся сила въ случаѣ; и ни подъ какую науку его, этотъ самый случай, не подведешь.

Ульянъ Ивановичъ привыкъ къ своей философіи такъ же, какъ привыкъ съ семьей голодать въ промежуткахъ между переходами на службу изъ страхового агентства въ банкъ, изъ банка къ нота-

ріусу, отъ нотаріуса на пивоваренный заводъ. Философія случая его нисколько не угнетаетъ и даже приноситъ облегченіе, помогая на что то надѣяться въ болѣе или менѣе близкомъ или въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ: «когда-нибудь».

Къ своей философіи онъ настолько привыкъ—какъ къ самому вѣрному средству, что пробуетъ ею развлечь и своего угрюмаго хозяина—двоюроднаго брата, къ которому пріѣхалъ просить мѣста или помощи. Для вящаго подтвержденія своей философіи онъ разсказываетъ цѣлый анекдотъ о томъ, какой у нихъ въ Курскѣ «былъ фактъ»: изъ гостей шелъ домой «уважаемый одинъ, умный человѣкъ, въ газетахъ писалъ». Не замѣтилъ впотьмахъ тумбы, зацѣпился за нее и ударился головой о другую. «Утромъ подобрали его, а къ вечеру Богу душу отдалъ... Какъ тутъ объяснить? Къ чему это?—Случай, только»...

Слушателю становится невмоготу. По душевному складу двоюродные братья—антиподы. Насколько Ульянъ Ивановичъ сгорбленъ душевно, настолько Модестъ Григорьевичъ прямъ передъ жизнью. Онъ—разбогатѣвшій изъ ничего помѣщикъ. Онъ, что называется, сдѣлалъ положеніе, сдѣлалъ жизнь собственными руками. Съ «двумя копѣйками въ карманѣ», какъ онъ выражается, вооруженный только своими техническими знаніями и энергіей, онъ въ молодости началъ съ роли арендатора крупнаго имѣнія. Теперь онъ—собственникъ этого имѣнія, почти освобожденнаго отъ долговъ. Онъ никому и ничему не обязанъ. Правда, ему благопріятствовалъ исключительный урожай въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ, но онъ не склоненъ придавать значеніе этой подробности. Гордый завоеваннымъ жизненнымъ успѣхомъ, Модестъ Григорьевичъ вѣритъ въ свои силы повернуть жизнь куда захочетъ. И когда Ульянъ Ивановичъ до конца пытается исчерпать свою тему, удачникъ обрываетъ рѣзкимъ окрикомъ:

— Дуракъ ты всегда былъ, и философія твоя дурацкая... То судьба, то случай. Не должно быть ни судьбы, ни случая, никакой этой ерунды не должно быть,—все должно быть ясно! Есть слѣдствіе, значитъ, должна быть причина, и больше ничего... Твой умный человѣкъ убился оттого, что на улицѣ было темно; темно было оттого, что не было фонаря; фонаря не было оттого, что твой умный человѣкъ не позаботился,—значитъ, онъ самъ виноватъ, только и всего. Долженъ быть виноватый...

Долженъ быть виноватый, т. е. должна быть причина. И ничего не можетъ быть, кромѣ причинъ и слѣдствій. Какъ въ *его* жизни. «...Если разрубить полѣно на четыре части, то и должно быть только четыре, а не пять и не шесть...»—резюмируетъ свое жизнеотношеніе Модестъ Григорьевичъ. Правда, у него незадолго передъ тѣмъ умеръ сынъ отъ дифтерита. Но и здѣсь не было никакого случая, никакой «ерунды», по его терминологіи. Просто въ земской больницѣ, по винѣ опредѣленнаго «виноватаго», оказался всего одинъ флаконъ съ цѣлебной сывороткой. А больныхъ было

два: оба его мальчика. Пришлось сдѣлать прививку только одному, по выбору: который былъ слабѣе. Ребенокъ, которому не хватило сыворотки, не вынесъ болѣзни. Все это тяжело было, но все это совсѣмъ ясно. И за второго сына Модестъ Григорьевичъ не безпокоится или, вѣрнѣе, не хочетъ безпокоиться. По совѣту врача онъ отправилъ сына въ Канны, и врачъ гарантируетъ ему, что ребенокъ оправится.—Сдѣлано все, что должно,—результатъ долженъ быть несомнѣненъ, безъ всякой «ерунды».

Черезъ нѣсколько дней, однако, получается письмо отъ сестры, уѣхавшей съ больнымъ ребенкомъ и женой Модеста Григорьевича, что ребенокъ, несмотря на всѣ мѣры ухода, умеръ, а мать его, потрясенная смертью обоихъ дѣтей, близка къ сумасшествію: врачи не ручаются за благополучный исходъ.

Торжествуетъ философія Ульяна Ивановича, но проповѣдникъ ея принужденъ въ испугѣ бѣжать отъ бурныхъ экссцесовъ, сопровождающихъ обращеніе Модеста Григорьевича къ дурацкой философіи... Обрушился мостъ между жизнью и имъ самимъ, и Модестъ Григорьевичъ бросается, какъ за какимъ-то неотложнымъ дѣломъ, къ врачу—иниціатору поѣздки въ Канны. «...Всѣ умерли... всѣ съ ума сошли! Цѣлую жизнь для того и работалъ, чтобы всѣ умерли...»—полуневмѣняемо выкрикиваетъ онъ у врача и бьетъ, когда тотъ пытается говорить что-то о безсиліи науки...

Если безсильна наука, значитъ силенъ Ульянъ Ивановичъ.

IV.

Та же тема о «пятомъ» кускѣ въ разрубленномъ на «четыре» части полѣнѣ повторяется въ разсказахъ: «Скоро я умру!» и «Вѣрю».

Примирился ли Модестъ Григорьевичъ съ новымъ для него чувствомъ резиньяціи, какъ выражались наши дѣды (увы! между темами новыми и хорошо забытыми въ литературѣ нѣтъ никакой разницы!),—мы не знаемъ. Сильно и сжато написанный разсказъ оставляетъ его одинокаго среди ночной мятели—на обратномъ пути отъ побитаго доктора,—захваченнаго и «животнымъ страхомъ передъ чѣмъ-то большимъ и всесильнымъ», и дикой яростью возбужденія, въ которомъ онъ гонитъ лошадей и не замѣчаетъ, что усадьба и домъ его давно уже остались назади...

Какъ жить и сохранить душевное равновѣсіе среди «масокъ», судьбой которыхъ управляетъ, по вопросительному опредѣленію Пшибышевскаго, — «Богъ, Сатана, Судьба»?—Этотъ вопросъ задаетъ себѣ герой безнадежнаго «Вѣрю».

Я смотрю на него (маленькаго сына, брошеннаго матерью) и вѣрю, что, когда я умру, онъ будетъ жить—не такъ жить, какъ прожилъ я тускло и слѣпо, не такъ, какъ живутъ около меня тысячи людей, а такъ, какъ будутъ жить будущіе люди.

Я смотрю на него и вѣрю: мы были животными,— онъ будетъ человѣкомъ, мы были каторжниками, прикованными къ тачкамъ,—онъ будетъ свободенъ.

Жизни нелѣпыхъ случайностей и ненужныхъ смертей долженъ быть конецъ—я вѣрю... Вѣрю! Вѣрю!

Если нельзя забыть, нужно вѣрить.

Онъ вступитъ на порогъ той жизни, гдѣ нѣтъ лжи, нѣтъ случайностей, нѣтъ страданій... Онъ вступитъ и побѣдитъ—я вѣрю!

Когда настанетъ это счастливое время необидности человѣческаго существованія, видно изъ замѣчанія, сдѣланнаго разсказчикомъ немного раньше:

...чѣмъ больше я думалъ, тѣмъ яснѣе казалось мнѣ, что человѣкъ—злостное смѣшеніе божества и амфибіи, что въ его страданіяхъ виновато его тѣло, что онъ только тогда перестанетъ страдать, когда будетъ безсмертенъ.

Ждать, очевидно, придется болѣе, чѣмъ долго...

Очень можетъ быть, что читатель, пробѣгая послѣднія строки, снова улыбнулся. Но стоящій за вычурнымъ разсказчикомъ г. Сергѣевъ-Ценскій серьезенъ. Если можно вѣрить, что люди когда-нибудь будутъ жить какъ люди, то почему нельзя вѣрить, что они будутъ—къ тому самому времени—безсмертны? Для г. Сергѣева-Ценскаго оба ожиданія равно вѣроятны. Credo quia absurdum. И въ томъ и въ другомъ случаѣ.

V.

Не смѣшной въ своихъ пьяныхъ галлюцинаціяхъ новичекъ провинціальнаго буфета искалъ за «маскою»—человѣка, котораго было бы не «обидно» признать. Была минута, когда такого человѣка въ себѣ нашелъ желѣзнодорожный слесарь изъ разсказа «Взмахъ крыльевъ». Къ чему привелъ его взмахъ крыльевъ, разсказываетъ по своимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ сынъ врача той больницы, куда слесаря привезли съ рѣзко выраженными признаками бѣшенства (спасая свою улицу, нѣсколько недѣль тому назадъ, отъ огромной бѣшеной овчарки, онъ былъ ею укушенъ въ руку).

Помѣщенный, по какимъ-то причинамъ, въ свободной комнатѣ (курительной) терапевтическаго отдѣленія, несчастный наводитъ на всѣхъ ужасъ и скоро его искренно ненавидятъ всѣ больные сосѣди:

...въ больничной церкви была всенощная.

. . . .

Все было мирно и торжественно, празднично и молитвенно; но за стѣной, рядомъ съ хорами, въ курительной комнатѣ сидѣлъ бѣшеный, о которомъ забыли.

Онъ напомнилъ о себѣ къ концу всенощной, когда пѣвчіе тихо и сдержанно вступили въ волнистую мелодію баюкающей пѣсни: «Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе».

Онъ заревѣлъ, глухо слышный сквозь плотно затворенныя двери, но могучій, неутомимый, протестующій, точно хотѣлъ властно обличить сладкоголосую церковную пѣснь въ вѣковой неправдѣ, властно заявить, что на землѣ нѣтъ мира и благоволенія, нѣтъ, не было и не будетъ.

Что «благоволенія» нѣтъ и не будетъ, доказательства принесла ближайшая ночь.

Бѣшеный, придя въ ярость, освободилъ руку изъ горячечной рубашки и съ свирѣпымъ напряженіемъ готовился выломать дверь изъ своей комнаты въ общій корридоръ... Больные, сначала собравшіеся изъ любопытства передъ дверью, пока она казалась прочною, разбѣгаются испуганные по палатамъ... Спасаетъ положеніе худосочный 17-лѣтній парень Гаврюшка, лѣчившійся какими-то водами въ сифонахъ.

Когда всѣ разбѣжались отъ дверей курительной, я увидѣлъ Гаврюшку съ сифономъ, поспѣшно идущаго къ этимъ самымъ дверямъ.

Онъ остановился передъ окошкомъ и хладнокровно направилъ свѣжую струю воды на голую руку бѣшенаго.

И вышло то, чего никто не ждалъ. Бѣшеный завылъ, какъ собака, въ которую попали камнемъ, и бросился въ дальній уголъ. Прекратились стуки, торжествующій ревъ смѣнился жалкимъ плачемъ.

Плохенькій Гаврюшка побѣдилъ. Что было потомъ—месть? ликованіе?—я не могу точно сказать, но изо всѣхъ палатъ высыпали больные съ оловянными кружками, со стаканчиками, съ чашками воды. Всѣ вспомнили, вдругъ, что бѣшенство—водобоязнь. Всякому хотѣлось плеснуть водою туда, въ страшное, маленькое окошко курительной комнаты.

Кто-то вытащилъ изъ кладовой старый гидропультъ... Кругомъ всѣ смѣялись.

Побѣжденный бѣшеный жалобно кричалъ, какъ большая хищная птица, гонимая стаей ласточекъ.

И мнѣ сдѣлалось его жаль и хотѣлось, чтобы снова поднялся онъ, несокрушимый и дикій, и началъ трясти дверь.

Въ глазахъ мальчика, хоть онъ самъ боялся бѣшенаго, это было бы справедливо; во всякомъ случаѣ—справедливѣе.

О любви, о «естественномъ влеченіи человѣка къ человѣку» при условіяхъ, въ которыхъ живутъ люди у г. Сергѣева-Ценскаго, естественно, не можетъ быть и рѣчи. «Люди спереди, люди сзади, люди съ боковъ»—все это «только символъ безысходности» въ глазахъ героя «Вѣрю». И если, тѣмъ не менѣе, у г. Сергѣева-Ценскаго въ разсказѣ «Садъ» фигурируетъ человѣкъ, принесшій себя въ жертву, то не изъ любви въ обычномъ смыслѣ этого слова, а изъ чувства оскорбленія. Шевардинъ не любитъ своихъ сосѣдей мужиковъ, обламывающихъ у «кацапа» фруктовыя деревья и не желающихъ работать у него, когда нѣтъ острой нужды въ день-

гахъ. Но, не любя ихъ, онъ все же не въ состояніи спокойно жить, глядя на жизнь людей, «хуже которой нельзя придумать».

Если что случится со мной,—замѣчаетъ онъ въ вышеупоминавшемся письмѣ къ школьному товарищу,—и ты услышишь, не удивляйся; знай только, что мнѣ опротивѣло до предѣла. Долженъ быть такой предѣлъ, дальше котораго нельзя терпѣть, иначе самъ себѣ опротивѣешь.

Говоря о томъ, что можетъ «случиться», Шевардинъ разумѣетъ свое намѣреніе (не высказываемое въ письмѣ) убить графа, холостяка, владѣльца огромнаго майората, который на всей безземельной и малоземельной округѣ лежитъ какъ камень. Какимъ то образомъ Шевардинъ въ изображеніи г. Сергѣва-Ценскаго приходитъ къ выводу, что смерть холостяка графа сдѣлаетъ майоратъ безхозяйнымъ, а это облегчитъ положеніе «стада» мужиковъ.

Майоратъ давитъ меня со всѣхъ сторонъ,—говоритъ онъ въ томъ же письмѣ. Онъ, какъ огромное чудовище, съѣвшее все, что вдали, и все, что вблизи, и отъ него тѣсно плечамъ, какъ въ клѣткѣ. Онъ сталъ для меня живымъ, этотъ майоратъ... Скажи мнѣ, что я не сошелъ съ ума, или я самъ себѣ не повѣрю!

По ночамъ я пересталъ почти спать. По ночамъ виднѣе небо и не видно земли, и майората не видно. Тогда я представляю, какая красивая и полная смысла жизнь могла бы быть здѣсь, если бы не было майората. Теперь вокругъ нѣтъ людей, есть стадо, и нѣтъ людей. Скажи мнѣ, что если бы не было здѣсь майората, то были бы люди...

Письмо съ мучительными недоумѣніями юноши осталось не отправленнымъ. Шевардинъ разорвалъ его передъ тѣмъ, какъ пошелъ выслѣживать графа, катавшагося по парку съ невѣстой...

Когда на слѣдующій день сознавшагося въ убійствѣ Шевардина вели черезъ Татьяновку въ городъ, въ тюрьму, на него вышло смотрѣть все село:

„Фроська-а! Та иды бо швыдче! Злодіяку ведутъ, шо грахва убывъ!"

. . . .

...оживленныя и непонимающія желтѣли кругомъ человѣчьи лица.

Шевардинъ двигался по скользкой дорогѣ, опустошенный и спокойной; загадкой казалось ему, что было впереди, сказкой, что было сзади, сномъ, что было около.

VI.

Разсказано все это съ той искренней болью душевной, которая дѣлаетъ вещи г. Сергѣева-Ценскаго цѣнными независимо отъ выводовъ, къ которымъ пришелъ разсказчикъ.—Такъ же, какъ герою-мальчику его повѣсти «Уголокъ», ему ближе всего знакомы угрожающія стороны жизни.

Нѣжные отецъ и мать, пріобрѣвшіе уголокъ въ Крыму спеціально для воспитанія сына въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, не устаютъ предупреждать своего мальчика о разныхъ грозящихъ ему опасностяхъ: упасть съ «опасной» дорожки; простудиться, бѣ-

гая у моря и пр. Мальчикъ вбираетъ въ себя эту мудрость, боится всего и не понимаетъ, какъ можетъ не бояться ничего дѣвочка—случайная гостья въ ихъ домѣ... Есть ли у г. Сергѣева-Ценскаго въ жизни что-нибудь похожее на крымскій уголокъ, мы не знаемъ, но жизнь для него окрашена полосами въ ровные сѣрый и черный цвѣта скуки и тоски (у г. Сергѣева-Ценскаго есть цѣлый разсказъ о стихійномъ началѣ — «Скукѣ»), въ которыхъ если и есть огнистые просвѣты, то только для тяжелыхъ неожиданностей.

О богомольцахъ, приходившихъ въ монастырь («Молчальники») искать облегченія, потому что «жизнь стала тѣсная и жесткая, какъ спицы желѣзной клѣтки» и «неизвѣстно, куда идти и что дѣлать, и гдѣ искать правды и счастья»,—авторъ говоритъ: «Жизнь испугала ихъ, какъ кошмарное видѣніе...» Эта фраза могла бы служить эпиграфомъ для всего сборника разсказовъ г. Сергѣева-Ценскаго и наиболѣе сжатымъ опредѣленіемъ коренного въ его собственномъ настроеніи...

Намъ уже пришлось мимоходомъ, по поводу «лапъ» у Дьявола, отмѣтить невыдержанность въ построеніи разсказовъ г. Сергѣева-Ценскаго. Иногда недосмотры почти бросаются въ глаза, и трудно понять, какъ ихъ не замѣтилъ самъ авторъ. Такъ, въ «Дифтеритѣ» умершему мальчику два дня не прививаютъ цѣлебной сыворотки, такъ какъ ея нельзя достать: городъ, гдѣ можно достать, находится въ 90 верстахъ. Въ то же время оказывается, что усадьба вблизи отъ станціи желѣзной дороги. Другими словами, достать весьма нетрудно. Несомнѣнно, что для основного въ разсказѣ это не существенная подробность: болѣзнь могла требовать немедленнаго вмѣшательства, и отсутствіе лишняго флакона могло имѣть то роковое значеніе, которое имѣетъ въ «Дифтеритѣ».

То же съ разсказчикомъ «Вѣрю». Во время пожара въ театрѣ онъ выноситъ на рукахъ дѣвушку въ обморокѣ. Среди паники онъ идетъ—самъ «бьетъ, давитъ и толкаетъ» и при этомъ размышляетъ, что «самой страшной драмой въ исторіи человѣчества былъ потопъ».—Вѣроятно, мы не ошибемся, если подвергнемъ сомнѣнію и возможность «бить, давить и толкать» съ взрослымъ человѣкомъ на рукахъ (на *обѣихъ*—по разсказу—рукахъ) и возможность воссоздавать себѣ картину потопа, пробиваясь черезъ толпу, которая уже идетъ по тѣмъ, кто упалъ, по дорогѣ къ выходу. Такими сравненіямъ, конечно, можно заниматься только на досугѣ—послѣ событій. И опять все это—подробности, которыя совсѣмъ не нужны для сущности разсказа.

Но это, конечно, тѣ незначительныя погрѣшности, отъ которыхъ не свободенъ самъ Л. Н. Толстой, обрекающій свою Кити въ «Аннѣ Карениной» на беременность въ теченіе 13 мѣсяцевъ.

Существеннѣе неправдоподобность въ «Садѣ». Умышленно или неумышленно—на основаніи предыдущаго, можно думать, что неумышленно—авторъ заставляетъ своего Шевардина убить графа,

владѣльца майората, потому что онъ еще не женатъ. Этому обстоятельству, что владѣлецъ майората покуда еще холостъ, придается очень существенное значеніе, опредѣляющее развязку. Едва ли, однако, возможенъ такой все же интеллигентный человѣкъ, какъ Шевардинъ, который бы не зналъ, что никакая земля, хотя бы и майоратная, безъ собственника остаться не можетъ и достанется, если не боковой линіи родственниковъ, то государству, а ни въ какомъ случаѣ не мужикамъ, которыхъ облагодѣтельствовать хочетъ Шевардинъ... Было бы еще понятнымъ, если бы эту неосвѣдомленность авторъ приписалъ человѣку, къ которому онъ относится иронически,—Шевардинъ, несомнѣнно, трагическое въ замыслѣ лицо, которое авторъ не могъ умышленно обставлять юмористическими подробностями, сводя всю трагедію юноши къ простой неграмотности въ вопросахъ соціальнаго характера.

Но не это, къ сожалѣнію, самое грустное въ произведеніяхъ г. Сергѣева-Ценскаго.

Мы говорили выше, въ самомъ началѣ замѣтки, о томъ, что г. Сергѣевъ-Ценскій искрененъ *въ основномъ* своихъ произведеній. Этой оговоркой мы имѣли въ виду раздѣлить искренность въ общемъ настроеніи его разсказовъ отъ искренности въ тонѣ и манерѣ этихъ разсказовъ. Въ послѣднихъ у г. Сергѣева съ самаго начала чувствуется искусственность. И эта искусственность не уменьшается, а растетъ.

«Маски».—Не кажется ли вамъ, что этотъ разсказъ какъ нельзя лучше характеризуетъ и современное положеніе русской художественной литературы?... Что именно передъ вашими глазами: лицо или литературная «маска»—подчасъ весьма трудно сказать.

Въ періодъ, удачно обозначенный когда-то г. Красносельскимъ временемъ *нана*турализма, художники тщательно скрывали свое лицо и все-таки явно имѣли его.

Теперь художники слова считаютъ для себя обязательнымъ прежде всего и раньше всего имѣть характерное лицо. И въ суммарномъ результатѣ будущій историкъ литературы не можетъ не обозначить весь періодъ современной литературы какъ время литературныхъ масокъ по преимуществу: серьезныхъ и смѣшныхъ, значительныхъ и забавныхъ, пристойныхъ, непристойныхъ и непристойнѣйшихъ. Даже тѣ, у кого есть свое несомнѣнное лицо, старательно татуируютъ и разрисовываютъ его. Татуируетъ и разрисовываетъ г. Андреевъ, татуируетъ и г. Сергѣевъ-Ценскій, отчасти, вѣроятно, подъ вліяніемъ перваго. Ему тоже необходимо гипертрофировать общее впечатлѣніе, которое онъ хочетъ передать читателю. Ему мало создать атмосферу безнадежности около своего юнца въ южно-русскомъ саду. Ему нужно, чтобы этому юнцу было страшно слушать даже пѣсни, которыя дѣвки поютъ около гуменъ. Въ его разсказѣ эти дѣвки поютъ не просто скверно, а «тѣми страшными голосами, въ которыхъ нѣтъ музыки, а есть отслоившаяся

боль, и вой вѣтра въ трубѣ, и рѣжущій скрипъ ножа по стеклу». Такъ же страшно поютъ бабы въ разсказѣ «Бредъ». Больному члену суда въ бреду чудится паромъ: «на паромѣ бабы—красныя, синія, желтыя. Слышно, какъ онѣ поютъ хоромъ... Звуки визгливыя, какъ ржавое желѣзо (?), страшные и старые, точно идутъ изъ-за тысячи верстъ, тысячи лѣтъ...» А Хохлову страшны «уродливыя тѣла» маскарадныхъ Адама и Евы: страшны—еще до ухода въ буфетъ.

Словами «страшно» и «жутко», разсыпанными и въ другихъ разсказахъ, г. Сергѣевъ-Ценскій пытается усилить впечатлѣніе отъ подлинной жути въ своихъ художественныхъ переживаніяхъ, и результатъ, естественно, какъ разъ обратный заранѣе обдуманному намѣренію.

Въ деталяхъ та же погоня за экстраординарнымъ, неожиданнымъ и преувеличеннымъ. Для г. Сергѣева-Ценскаго все въ природѣ живо и одухотворено, если обладаетъ способностью двигаться. Это дѣлаетъ его описанія въ общемъ интересными и симпатичными. Но ему этого мало, и онъ оживляетъ вокругъ себя рѣшительно все, пользуясь въ качествѣ сказочныхъ живой и мертвой воды словечками въ родѣ: дыбиться («бѣлыя кровати тихо дыбились»), «горная палка... съ двумя струистыми тѣнями», издыхать («издыхаютъ звуки оркестра»). Ударные звуки маятника у г. Сергѣева-Ценскаго «ложатся рядомъ» съ мальчикомъ въ постель. Высокая часовня на площади у него «ползетъ въ небо», а минареты въ него «цѣлятся». Камни «обнимаются». У ночи «бѣлый глазъ» и «тоненькій ужиный язычекъ», которымъ она черезъ замочную скважину «дразнитъ» мальчика. Ночь «пьетъ» дневныя краски и «растворяетъ» въ себѣ мужика... Въ тишинѣ чудится «замогильный голосъ, съѣдающій тишину», и «чернымъ пятномъ на прозрачный воздухъ» ложится... спина и тоже «съѣдаетъ»—но не тишину, а прозрачность воздуха. Огонь кажется мокрымъ («мокрый на видъ красный огонекъ»). Пятна свѣта «глотаютъ темноту» и при томъ — авторъ считаетъ нужнымъ отмѣтить—совершенно «беззвучно», т. е. такъ, какъ это дѣлаютъ за столомъ благовоспитанные люди.

Къ сожалѣнію, эту эволюцію къ скучному, но модному у г. Сергѣева-Ценскаго можно установить датами, обозначенными на каждой вещи. Въ разсказахъ, помѣченныхъ 1902 годомъ, этихъ замысловатыхъ виньетокъ еще нѣтъ. Въ 1903 году онѣ уже имѣются. Въ послѣднихъ же вещахъ г. Сергѣева-Ценскаго имя имъ легіонъ. На 10 страницахъ разсказа въ «Современномъ Мірѣ» (февраль, 1907 г.) ихъ больше, чѣмъ во всемъ сборникѣ первыхъ лѣтъ писательства. Здѣсь счастливое лицо «струится какъ паръ отъ самовара», а барышня «расплескивается» въ кофточкѣ «какъ въ ваннѣ». Звуки «дрожатъ какъ пѣнное кружево», а лица «скучнѣютъ» и «восковѣютъ».

Содержаніе тоже — говоря языкомъ варварскихъ новшествъ г. Сергѣева-Ценскаго—тоже моднѣетъ. Какъ «всѣ», г. Сергѣевъ-Ценскій захваченъ «тягой похоти», какъ выразился, кажется, г. Бѣлый. Эта таинственная сила такъ хорошо гармонируетъ съ враждебнымъ «кто-то и что-то», управляющимъ жизнью и міромъ г. Сергѣева-Ценскаго, что авторъ Бабаева, можно сказать, съ жадностью остановился на этой темѣ, анализируя какъ «отъ нея къ нему перебросилась горячая сплошная сѣтка желаній и жжетъ»...

Нужды нѣтъ, что еще недавно (въ 1904 г.) у г. Сергѣева-Ценскаго находились иныя слова для той же самой темы. Нужды нѣтъ, что еще недавно, пытаясь *исчерпывающе* опредѣлить отношенія, привязывающія къ женщинѣ, г. Сергѣевъ-Ценскій («Бредъ») считалъ возможнымъ говорить о «правдѣ и небѣ» въ глазахъ и органически связанной съ ними «красивой землѣ въ изломѣ губъ»—у дѣвушки, которой бредитъ его больной («...и такъ много правды и неба въ глазахъ и такъ много красивой земли въ изломѣ губъ»).

Ужъ много лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я...

«Правды и неба», которыя авторъ «Бреда» въ 1904 году почти сентиментально находилъ въ женскихъ глазахъ, больше не существуетъ. Существуютъ только «правда и сѣтка», передъ которой всѣ одинаково безсильны. И поручикъ Бабаевъ («Снѣжное поле»), и крещеныя по обрядамъ православной церкви гориллы, колоритно расписанныя въ «Лѣсной топи» (Альманахъ «Шиповника»).

Скучнѣйшій поручикъ Бабаевъ зашелъ къ знакомымъ. Подполковника нѣтъ дома, и Бабаева принимаетъ дочь-хозяйка. Бабаевъ, знаетъ, что она «ждетъ мужа». Ждетъ по дѣвичьи: «трогательно и нѣжно»,—даже играя на пьянино не играетъ, а ищетъ, въ присутствіи Бабаева, «какую-то старую тропинку къ алтарю и дѣтской».

Какъ выражается это трогательное нѣжное ожиданіе алтаря и дѣтской, разсказчикъ не замедлитъ показать:

Онъ смотрѣлъ на ея профиль и думалъ. „Вотъ эта линія, которой никогда не было раньше, и которая никогда больше не повторится; черезъ полгода, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ, можетъ быть, завтра даже это будетъ совсѣмъ другая линія, непремѣнно скучная и тупая".

Бабаевъ чувствовалъ, что если онъ что-нибудь любилъ теперь, то любилъ онъ именно эту тонкую линію профиля, прядку волосъ надо лбомъ, матовую кожу лица. Но почему-то смѣшно было сказать это даже самому себѣ отчетливо и просто.

Это, конечно, еще не кошмаръ вмѣсто дѣйствительности. Бабаевъ «Снѣжнаго поля»—тотъ самый поручикъ Бабаевъ, который

въ «Проталинѣ» («Факелы», I кн.) убилъ во время погрома еврея, потому что проститутка, отъ которой онъ заразился, вѣроятно, была «тоже жидовка».

Кошмаръ начинается дальше, когда дѣвушка, обуреваемая сѣткой, не выдерживаетъ и, зная, что Бабаевъ пользуется проститутками, рѣшается предложить себя гостю въ качествѣ жены—во избѣжаніе необходимости пользоваться проститутками!

«Она» спрашиваетъ изъ сѣтки: «Ну, отчего вы не женитесь?»

Герой г. Сергѣева-Ценскаго испытываетъ всѣ муки, какія ему полагаются.

Здоровое, просящее ласки тѣло всего въ двухъ вершкахъ отъ Бабаева за какимъ-то простенькимъ сиреневымъ платьемъ съ кружевами.

И никого нѣтъ въ комнатѣ, кромѣ трехъ бѣлыхъ кошекъ — Милки, Муньки и Мурки: спятъ всѣ три рядомъ на старомъ диванѣ.

— Вѣдь вы же не.. пустынникъ? Вамъ нужна женщина...—говоритъ она, опустивъ глаза.—Почему же у васъ непремѣнно должна быть женщина съ улицы... грязная—фи!.. больная... захватанная.

Но «онъ» почему-то медлитъ, хотя въ головѣ его и вырисовывается:

Нужно взять ее... Нужно обхватить ее руками тамъ, гдѣ она ближе всего къ рукамъ,—въ перегибѣ тѣла.

Но кто-то стукнулъ и помѣшалъ.

Руки его тяжелѣютъ вдругъ,—невозможно поднять. Что-то поднялось въ мозгу холодное, какъ сталь на морозѣ, и захотѣлось на улицу, и чтобы иней падалъ съ деревьевъ.

Всталъ со стула.

Голова ея пришлась вровень съ его плечомъ. Кофточка на ней была широкая; она расплескалась въ ней какъ въ ваннѣ. Будетъ сидѣть въ ней годъ, два, десять лѣтъ... Три кошки будутъ спать на диванѣ: Мурка, Милка и Мунька...

А тѣ, на улицахъ,—все хотятъ, ищутъ... все новыя, веселыя, безъ будущаго, безъ прошлаго,—одинъ вечеръ...

Это значитъ, что Бабаевъ испугался перспективы имѣть женой расплескавшуюся въ кофтѣ дочь подполковника и предпочитаетъ и впредь имѣть дѣло съ проститутками, потому что тѣ будто бы всегда «новыя» и «веселыя».

Оскорбивъ дѣвушку, Бабаевъ уходитъ. По дорогѣ его шаги «ноютъ», а Бабаевъ слушаетъ ихъ и думаетъ, что «въ его душѣ одно могучее, и это могучее жадность... Припасть сразу ко всѣмъ ключамъ жизни и выпить»...

Дома его ждетъ одинъ изъ такихъ «ключей» съ высокимъ животомъ отъ «жадности» Бабаева.

Начинается эта главка совершенно неожиданно:

Изо рта жены псаломщика пахло вареным мясомъ.

Она стояла у калитки. Ждала когда онъ придетъ. Сѣрѣла мутнымъ пятномъ въ своемъ тепломъ платьѣ, пропитаннымъ самоварнымъ чадомъ.

Когда подошелъ онъ, тихо, радостно вскрикнула, не хотѣла впускать его, жалась къ нему высокимъ животомъ, плакала почему-то.

Что это? Новый «кошмаръ» или новая «маска», дополнительно на свое дарованіе надѣтая?

И кошмаръ и маска,—какъ обычно у автора Бабаева.—Только «маска» на этотъ разъ, не только въ расцвѣчиваніи деталей, но и въ придуманномъ содержаніи.

VIII.

Наша замѣтка была уже написана, когда въ печати появился второй томъ разсказовъ—о Бабаевѣ*).

Доминирующее впечатлѣніе отъ сборника концентрированно скучное. Скучно отъ начала и до конца. Не перестаетъ быть скучно ни отъ «колеса изъ смѣха» («Греза»), похожаго на тучу, ни отъ «подслѣповатой улыбки рѣки», улыбающейся «широко и влажно» - «какъ дѣти, когда они хотятъ и никакъ не могутъ проснуться» («Ясный день»), ни отъ жуткихъ предчувствій Бабаева о томъ, что ночь будетъ темная, сырая и долгая, потому что у Матрены (жены дворника) руки были «спрятаны подъ фартукомъ!..» Отъ всего этого въ сборникѣ — еще больше, чѣмъ въ отдѣльно появлявшихся разсказахъ, вѣетъ какой-то усталой изобрѣтательностью и выдумкой черезъ силу, которая удручаетъ. Чтобы недалеко ходить, возьмите хотя бы эпитеты и сравненія, касающіеся человѣческаго голоса въ разныхъ разсказахъ сборника... Голосъ у капитана Качуровскаго «мокрый, мягкій, какъ тряпка» («Гроза»). У студента, говорившаго рѣчь на какомъ-то неимовѣрномъ ночномъ собраніи, голосъ былъ «зыбкій, дрожащій, какъ оконная занавѣска при вѣтрѣ» («Ясный день»). У душевно больного въ «Проталинѣ», пристрѣленнаго Бабаевымъ, голосъ не только леденѣетъ, но и «повисаетъ въ темнотѣ, сверкая, какъ сталактитъ». Еще удивительнѣе голосъ у старухи въ «Ожиданіи»: онъ «низкій, тяжелый, будто по грязной осенней дорогѣ везли на волахъ (непремѣнно — на волахъ!) камень, *а въ это время* накрапывалъ дождь, вились вороны». Черезъ 13 страницъ этотъ же самый голосъ становится—«неприкрытый, грубый, злой; даже и не женскій, а какой-то безполый, жужжащій», при чемъ нѣтъ никакихъ указаній, почему раньше онъ *могъ* квалифицироваться какъ женскій, хотя и былъ «низкимъ и тяжелымъ», напоминая одновременно и возъ, и воронъ, и накрапывающій дождь? За то очарователенъ голосъ у проститутки, поющей въ номерѣ рядомъ съ Бабаевымъ: у нея—«голосъ былъ, какъ молитва, и имѣлъ запахъ. Пахнулъ зе-

*) *С. Сергѣевъ-Ценскій.* Разсказы. „Бабаевъ". Т. 2-ой. Изд. Шиповникъ. СПБ. 1908.

леною травой, когда садится солнце». Въ скорости, однако, Бабаеву приходится слышать около баррикадъ, среди выстрѣловъ по войскамъ, какъ у батальоннаго командира «смущенный голосъ распластался, какъ жаба въ водѣ» («Отъ трехъ бортовъ»)...

Не мудрено, что послѣ обоза такихъ сравненій, съ трудомъ влекомаго на волахъ — если говорить авторской метафорой — по осенней разбитой дорогѣ, вы съ самымъ искреннимъ облегченіемъ вздыхаете, когда Бабаева, послѣ ряда дикихъ выходокъ, смертельно ранятъ:—не будетъ больше повѣсти о Бабаевѣ... Однако, вы слишкомъ поторопились отпустить себя, потому что осталось еще нѣчто почти горшее—«Безстѣнное» съ умираніемъ Бабаева на двѣнадцати страницахъ съ однимъ единственнымъ вполнѣ яснымъ словомъ: «умеръ» за двѣ строчки до конца всей книги! Передъ смертью Бабаевъ видитъ надъ собой и около себя «кого-то» Огромнаго; онъ же «Огромно-колѣнный»; онъ же «Сѣрый»; онъ же «Пыльный»; онъ же «Костистый» и проч. и проч. Смерть наступаетъ въ присутствіи «пыльныхъ лучей солнца» (въ этихъ лучахъ Бабаевъ и видитъ Огромнаго и Пыльнаго), за что они и несутъ возмездіе, такъ какъ въ послѣдней строкѣ г. Сергѣевъ-Ценскій заставляетъ уже ихъ, а не читателя,—«глотать тоску».

А это, къ сожалѣнію, г. Сергѣевъ-Ценскій умѣетъ дѣлать, чѣмъ дальше—тѣмъ больше.

Это тѣмъ больше жаль, что онъ задался крупной задачей: показать, какъ неудовлетворенность жизнью, въ ея вѣчныхъ и временныхъ условіяхъ, и безысходный порывъ къ простору и красивому смыслу въ красивой жизни—могутъ человѣка одареннаго превратить въ поручика Бабаева, который будетъ съ удовольствіемъ пороть мужиковъ, разстрѣливать и издѣваться надъ тѣми, кого разстрѣливаетъ—за ихъ и свое собственное безсиліе и униженіе.

А. Е. Рѣдько.

Новыя книги.

Пушкинъ („Библіотека великихъ писателей"). Подъ редакціей **С. А. Венгерова.** Вып. III. Спб. 1907.

Новое замѣчательное изданіе фирмы Брокгаузъ-Ефрона энергично подвигается впередъ. Передъ нами уже III выпускъ, заканчивающій I томъ. По объему этотъ выпускъ-левіаѳанъ равняется первымъ двумъ, взятымъ вмѣстѣ (327 страницъ большого формата, каждая въ два столбца).

Планъ изданія тотъ же: на правой страницѣ—стихи Пушкина, украшенные многочисленными портретами, рисунками, заставками, виньетками и концовками, на лѣвой—редакціонныя примѣчанія къ нимъ. Среди послѣднихъ выдѣляются по своему интересу статьи П. О. Морозова («Отъ лицея до ссылки») и А. Н. Веселовскаго («Періодъ Зеленой Лампы»). Проф. Веселовскій обстоятельно разбираетъ и разрушаетъ обидную для памяти великаго поэта и созданную простымъ недоразумѣніемъ легенду о распутномъ, «оргіастическомъ» характерѣ общества «Зеленой Лампы», въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе по выходѣ изъ лицея. Въ дѣйствительности, это былъ самый обыкновенный литературный кружокъ, въ которомъ читались новыя произведенія его сочленовъ, и по ихъ поводу, за стаканомъ вина, велись горячіе дружескіе дебаты. Къ собраніямъ этимъ могъ бы быть примѣненъ развѣ эпитетъ «эпикурейскій»...

Какъ уже сказано, и III выпускъ изобилуетъ художественными иллюстраціями: кромѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ фототипій и автотипій, редакція даетъ огромное количество простыхъ рисунковъ въ текстѣ, между прочимъ портреты—самого Пушкина-лицеиста, кн. Евд. Голицыной, Чаадаева въ гусарскомъ мундирѣ, А. И. Тургенева, Кривцова, будущаго канцлера кн. Горчакова, Жуковскаго, Павла I, бр. Зубовыхъ, архим. Фотія, гр. Орловой-Чесменской и т. д., и т. д.

Стихотворенія кончаются въ этомъ выпускѣ «Русланомъ и Людмилой» (1820 г.). Здѣсь же впервые появляется въ полномъ видѣ пушкинскій «Ноэль» («Ура! въ Россію скачетъ»), гдѣ поэтъ, какъ извѣстно, ядовито вышучиваетъ данное Александромъ I на варшавскомъ сеймѣ торжественное обѣщаніе конституціонной реформы во всей Россіи... Отмѣтимъ, кстати, досадный редакціонный недосмотръ въ стихѣ:

Законъ поставлю на мѣсто вамъ Горгòли...

Здѣсь, очевидно, недостаетъ одного слога. И дѣйствительно, въ академическомъ изданіи Пушкина читается *постановлю*; а въ одномъ изъ рукописныхъ списковъ «Ноэля» мы видѣли этотъ стихъ въ такомъ чтеніи:

Законъ поставлю *я* на мѣсто вамъ Горголи.

Относительно двухъ мадригаловъ къ Голицыной («Краевъ чужихъ неопытный любитель» и «Простой воспитанникъ природы») замѣтимъ, что въ нихъ нѣтъ, по нашему мнѣнію, даже и тѣни намека на искреннее, страстное чувство, и эти учтивые и остроумные альбомные стихи не даютъ ни малѣйшаго основанія считать кн. Голицыну,—эту извѣстную впослѣдствіи ханжу и святошу,—въ числѣ первыхъ пушкинскихъ «пассій»; свидѣтельство Карамзина, имѣющее характеръ легкой салонной сплетни, въ данномъ случаѣ также не авторитетно. Между тѣмъ, С. А. Венгеровъ, съ свойственной ему широкой щедростью, даетъ намъ два портрета княгини (одинъ—въ превосходной фототипіи) и посвящаетъ ея біографіи дюжину столбцовъ (въ статьѣ г. Кубасова). «Memento mori!»—хотѣли бы мы еще разъ напомнить почтенной редакціи: объемъ изданія слишкомъ малъ и тѣсенъ для того грандіознаго содержанія, какое оно еще должно вмѣстить, и мы все боимся, какъ бы чрезмѣрная щедрость въ мелочахъ не заставила, въ концѣ концовъ, пожертвовать чѣмъ-либо важнымъ и существеннымъ... Примѣръ: не важнѣе ли и не интереснѣе ли было бы читателямъ получить портретъ и біографическій очеркъ извѣстнаго бреттёра 20-хъ годовъ, а впослѣдствіи декабриста А. И. Якубовича, котораго Пушкинъ даже въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ называетъ «героемъ своего воображенія»? Но, можетъ быть, этотъ пробѣлъ будетъ еще восполненъ въ дальнѣйшихъ выпускахъ.

Что касается, собственно, редакціонныхъ примѣчаній къ стихамъ, то нельзя, между прочимъ, не посѣтовать на недостаточное вниманіе, удѣляемое ими варіантамъ и ихъ исторіи. Въ качествѣ маленькаго примѣра укажемъ на заключительный стихъ эпиграммы на А. М. Колосову-Каратыгину:

И *широкая* нога...

Въ изданіи г. Ефремова и во многихъ другихъ, нами видѣнныхъ, такого чтенія нѣтъ—вездѣ читается: «И *огромная* нога...» Необходимо было бы, поэтому, редакціонное объясненіе.

Мы хотѣли бы также въ этомъ поистинѣ классическомъ изданіи величайшаго изъ русскихъ поэтовъ не видѣть даже и мелкихъ опечатокъ, вродѣ «Никокай» (Зубовъ), «приписываются» и т. п.

Гуго фонъ-Гофмансталь. Электра. Трагедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ. Пер. О. Н. Чюминой. Изд. книжн. маг. „Наша Жизнь" Спб. 1907. Стр. 70. Ц. 30 коп.

Даже въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ, богатой такими противорѣчивыми и своеобразными фигурами, какъ Ведекиндъ, Рильке, Шницлеръ, литературный образъ фонъ-Гофмансталя одинъ изъ наиболѣе спорныхъ. Утонченный эстетъ, настойчиво стремящійся къ простотѣ и элементарной силѣ, романтикъ, обратившійся къ классическому міру и къ классическому стилю, изобрѣтательный писатель, охотно перерабатывающій чужіе сюжеты, онъ неизмѣнно привлекаетъ къ себѣ вниманіе каждымъ новымъ своимъ произведеніемъ и неизмѣнно — слишкомъ долго, однако, — продолжаетъ считаться надеждой нѣмецкой литературы. Трудно сказать, въ какой степени основателенъ этотъ оптимизмъ; осторожнѣе, думается намъ, было бы видѣть въ умномъ и образованномъ вѣнскомъ писателѣ не болѣе, чѣмъ очень интереснаго представителя новыхъ литературныхъ порывовъ, способнаго къ развитію, но уже показавшаго, что развитіе это имѣетъ предѣлы. Въ «Электрѣ», которая теперь въ переводѣ г-жи Чюминой становится доступной русскому читателю, онъ проявилъ лучшія стороны своего дарованія. Онъ взялъ старые образы греческаго миѳа, но влилъ въ нихъ такъ много свѣжаго содержанія, сообщилъ ихъ душевной жизни такое напряженіе, выразилъ ихъ конфликты въ такой колоритной, ясной, здоровой формѣ, что даже въ чтеніи его трагедія производитъ потрясающее впечатлѣніе. Это большая заслуга въ наше время, когда обезкровленная драма, въ погонѣ за бытовой типичностью и постановкой текущихъ вопросовъ, потеряла былой трагизмъ и довольствуется тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ ея жанровая сторона. Трагедія характеровъ какъ будто не находитъ ни драматическихъ выразителей, ни сценическихъ исполнителей — и фонъ Гофмансталь, попытавъ свои силы въ этомъ царственномъ жанрѣ, заслуживалъ бы привѣта даже если бы попытка его увѣнчалась меньшимъ успѣхомъ. Его задача была трудна. Электра, дочь Клитемнестры, убившей своего мужа и ея отца Агамемнона, такъ въ сущности чужда и нашимъ воззрѣніямъ, и унаслѣдованнымъ нами душевнымъ навыкамъ, и размѣрамъ нашихъ силъ, что невѣроятно трудно привлечь къ ней не только сочувствіе, но и интересъ читателя. Между тѣмъ это удается Гофмансталю въ полной мѣрѣ. Сказавъ, что его Электра всецѣло поглощена мыслью о священной мести убійцамъ ея отца—матери и ея нынѣшнему мужу Эгисту — мы и въ отдаленной степени не выразимъ того ада ненависти, рѣшимости, религіознаго самозабвенія, который бушуетъ въ душѣ этой дѣвушки; съ маніакальнымъ упорствомъ она вся, въ каждомъ своемъ движеніи, обратилась въ одну идею— и многообразныя преломленія этого единаго всепоглощающаго состоянія при прохожденіи чрезъ различные фазисы борьбы охарак-

теризованы Гофмансталемъ съ неизмѣнно возрастающей силой. Разсказываетъ ли Электра сестрѣ, какъ полна она изступленіемъ мстительнаго чувства, бросаетъ ли матери въ лицо кровавые упреки, бьется ли въ отчаяніи при ложной вѣсти о смерти брата Ореста, уговариваетъ ли младшую сестру помочь ей въ дѣлѣ мести, когда надежда на естественнаго мстителя Ореста рухнула, пляшетъ ли въ дикомъ торжествѣ вокругъ Ореста, который, обманувъ враговъ, пришелъ и исполнилъ долгъ священной мести, — вездѣ чувство потрясеннаго читателя съ нею и за нее, вездѣ онъ преклоняется предъ громадой этой душевной силы.

Но въ характерѣ и даже размѣрахъ этой силы, какъ опредѣлилъ ее Гофмансталь, быть можетъ, запечатлѣлось нѣчто роковое для автора. Велика сила Электры, но подчасъ чувствуется въ ней нѣчто болѣзненное, надорванное, истерическое: точно это—сила судороги, говорящая лишь объ ослабленіи руководящихъ центровъ, безсильная въ своемъ напряженіи. Есть эта напряженность и въ его творчествѣ, слишкомъ литературномъ, слишкомъ интереснымъ, слишкомъ увлекательномъ.

Г-жа Чюмина хорошо справилась съ переводомъ, представляющимъ значительныя трудности. Гофмансталь — мастеръ языка, и воспроизвести изысканную простоту его сверкающихъ репликъ и величавыхъ монологовъ просто невозможно. Но тонъ въ переводѣ взятъ хорошій, смыслъ переданъ точно, пятистопный ямбъ трагедіи звучитъ красиво и выразительно. Именно потому, что переводъ хорошъ и что, несомнѣнно, лежащее передъ нами изданіе не послѣднее, мы хотѣли бы указать, въ какомъ направленіи должно идти его улучшеніе. Онъ долженъ быть проще. Систематически переводчица употребляетъ торжественные архаизмы тамъ, гдѣ Гофмансталь старается быть простымъ, грубымъ, первобытнымъ. Она говоритъ *ликъ* тамъ, гдѣ у него *лицо* (Gesicht), *жены* тамъ, гдѣ больше подходили бы *женщины* и даже *бабы* (Weiber), *ложе* вмѣсто *кровать* (Bett), *пахарь* вмѣсто *мужикъ* (Bauer), *жилища* вмѣсто *дома* (Häuser), *покровы* вмѣсто *простыни* (Tücher), *скончался* вмѣсто *умеръ* (ist tot) и т. д.: дурная привычка къ риторизму въ классическомъ языкѣ, воспитанная въ насъ Гнѣдичемъ. Empire былъ хорошъ для своего времени и звучитъ мертво въ наши дни. Есть также погрѣшности, изъ которыхъ отмѣтимъ двѣ, происшедшихъ отъ явнаго недосмотра. Тамъ, гдѣ Электра говоритъ, что ея косы «омочены слезами», переводчица, очевидно, прочла verthränt, тогда какъ въ подлинникѣ versträhnt — всклокочены. Тамъ, гдѣ о лицѣ своей матери Электра говоритъ, что оно «и до убійства было такое же», переводчица приняла von за vor: смыслъ подлинника прямо противоположный: «лицо ея такое отъ ея поступковъ».

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. Пер. Ликіардопуло и Курсинскаго. Кн-ство «Скорпіонъ». Москва, 1907. Стран. 63. Цѣна 30 коп.

Русскіе издатели постарались добыть рукопись посмертнаго произведенія Уайльда—и переводъ становится доступнымъ его читателямъ раньше оригинала, а англійскій литературный душеприказчикъ Уайльда предпослалъ русскому переводу статью, заканчивающуюся увѣреніемъ, что это—«произведеніе, которому суждено жить внѣ времени и пространства, не взирая ни на какіе господствующіе предразсудки и капризы вкусовъ. Это величественное сплетеніе трагизма и паѳоса, хотя и не безъ мелодраматическаго элемента, но совершенно свободное отъ тѣхъ слишкомъ легкихъ штриховъ, которыми отличаются комедіи Уайльда».

Познакомившись съ трагедіей Уайльда, мы не нашли въ ней никакихъ особыхъ основаній ни для поспѣшности русскихъ издателей, ни для увѣреній англійскаго критика. Объ Оскарѣ Уайльдѣ хорошо было сказано, что онъ слишкомъ остроуменъ, чтобы быть драматургомъ. И нигдѣ это замѣчаніе не оправдывается болѣе очевидно, чѣмъ въ «Флорентинской трагедіи». Именно трагизма въ ней нѣтъ,—и нѣтъ именно потому, что трагическій паѳосъ вытѣсненъ тѣми характерными для Уайльда «слишкомъ легкими штрихами», которыхъ критикъ не нашелъ въ «трагедіи».

Быть можетъ, недоступный намъ пока подлинникъ блещетъ красотами языка, которыя углубляютъ его смыслъ и возвышаютъ настроеніе; переводъ не даетъ о нихъ представленія. Въ переводѣ—вѣроятно, и въ оригинвлѣ—это не трагедія, а парадоксъ: психологическій парадоксъ, который оглушаетъ своей неожиданностью, но, конечно, недостаточенъ для того, чтобы спасти отъ банальности предшествующую ему пьесу. Это не описка: вся пьеса предшествуетъ этому парадоксу, который заключенъ въ послѣднихъ двухъ репликахъ пьесы.

Жена флорентинскаго купца Біанка, въ отсутствіе мужа, принимаетъ у себя принца Гвидо Барди. Она кокетничаетъ съ нимъ такъ долго, что наконецъ является мужъ. Симоне тоже долго соперничаетъ съ принцемъ въ тонкой игрѣ словъ,—а трагедія пока стоитъ на мѣстѣ, и зритель, возбужденный ожиданіемъ событій, начинаетъ находить это словесное фехтованіе скучнымъ. Тогда соперники переходятъ къ настоящему фехтованію, въ которомъ—противъ всякаго ожиданія—пожилой и мирный купецъ Симонэ убиваетъ юнаго и отважнаго принца Гвидо Барди. Если бы онъ послѣ этого убилъ жену, то это было бы, быть можетъ, въ нравахъ времени и въ предѣлахъ традиціонной драматургіи. Но гдѣ же былъ бы парадоксъ. Поэтому, когда Гвидо умираетъ, «Симонэ поднимается и глядитъ на Біанку. Она подходитъ къ нему, словно ослѣпленная изумленіемъ, съ широко раскрытыми руками».—«Зачѣмъ ты мнѣ не сказалъ, какъ ты могучъ?»—въ восторгѣ спрашиваетъ

она мужа.—«Зачѣмъ,—въ такомъ же восторгѣ отвѣчаетъ онъ,— ты не сказала мнѣ, какъ ты прекрасна?..» Онъ цѣлуетъ ее въ губы и занавѣсъ падаетъ.

Широкъ человѣкъ—и нѣтъ той душевной возможности, которую можно было бы отрицать a priori. Но психологическіе парадоксы надо дѣлать правдоподобными: иначе они производятъ впечатлѣніе пустого противорѣчія общепринятому только потому, что оно общепринято. И оттого «Флорентинская трагедія» не трагедія, какъ дважды два пять не математика.

Владиміръ Бонди. Миражи. Спб. 1907. Стр. 284. Ц. 1 р. 30 к.

По размѣрамъ «новеллы» г. Бонди рѣдко переступаютъ предѣлы газетнаго фельетона; онѣ разсказаны съ бойкостью, которую грѣшно было бы назвать иначе какъ фельетонною; содержаніе ихъ создано для фельетона; міровоззрѣніе въ нихъ отраженное; все какъ въ фельетонѣ. Читатель фельетона безконечно разнообразенъ — и въ ту же мѣру разнообразны темы и настроенія г. Бонди. Если угодно, онъ либерально поскорбитъ надъ судьбой крестьянскаго депутата, «разъясненнаго» самой Думой и обратившагося въ простого мужика, къ звѣрской радости бурбонистаго земскаго начальника. Побывать въ Шлиссельбургѣ и пролить слезу умиленія, изобразить «свѣтлый восторгъ и торжественную радость» по случаю открытія первой Государственной Думы г. Бонди готовъ въ высшей степени. Онъ же изобразитъ въ чертахъ трагической яркости аграрный разгромъ съ чудовищными убійствами, сожженіемъ благодушнаго помѣщика и т. п. Въ этомъ разсказѣ — въ наши ужасные дни—правдоподобно все; но убитаго героя зовутъ Пикъ, а сожженную героиню Карри, и эти экзотическія имена въ средней Россіи наводятъ на мысль, что все это правдоподобіе—слѣдствіе того, что автору аграрные безпорядки извѣстны исключительно изъ того-же источника, что и читателю: изъ газетныхъ корреспонденцій; ихъ перелагаютъ въ беллетристику, сдабриваютъ Пикомъ и Карри, причемъ, конечно, Пикъ подсматриваетъ какъ Карри купается,—въ наши дни безъ этого нельзя —и получается «новелла». Надо сказать, что Пикъ подсматривалъ купающуюся кузину гораздо раньше, чѣмъ этимъ пріятнымъ дѣломъ занимался его сверстникъ, Санинъ г. Арцыбашева: пріоритетъ за г. Бонди. У него не только въ этомъ есть выдумка; онъ всегда знаетъ, на какія темы и позы есть спросъ; онъ умѣетъ держать въ напряженіи своего читателя. Онъ разскажетъ и о мистическихъ радѣніяхъ столичнаго декадентскаго кружка, и о разныхъ комбинаціахъ мужского и женскаго элементовъ съ психологическими загадками и физіологическими откровенностями. Его читателю, либеральному и буржуазному, всегда хочется знать, какъ живутъ тамъ. повыше,—и г. Бонди сообщитъ ему объ этомъ, не настаивая на

своемъ всезнайствѣ: мягко, весело и пикантно. Чрезвычайно удобный писатель—и надо удивляться, что слова его не переходятъ за страницы руководимой имъ газеты.

Статья г. Бонди о томъ, какъ онъ побывалъ въ Шлиссельбургѣ, называется «На островѣ отверженныхъ» и начинается скромной оговоркой: «Заглавіе было написано, и шевельнулась мысль: не покажется ли оно претенціознымъ?». Вотъ это напрасно, Полагаемъ, и самъ г. Бонди достаточно сознателенъ, чтобы не думать, что въ немъ что нибудь можетъ показаться претенціознымъ. О нѣтъ: онъ такъ просто и наивно предлагаетъ себя въ качествѣ общественнаго забавника, что, конечно, можетъ показаться чѣмъ угодно, только не претенціознымъ.

Новое слово. Товарищескіе сборники. Книга первая. Москва. 1907. Стр. 242. Ц. 1 р.

Непонятно, какой ядовитый насмѣшникъ предложилъ издателямъ названіе для ихъ сборника. Въ немъ есть все кромѣ новаго слова; наоборотъ, всѣмъ своимъ существомъ онъ говоритъ, что не хочетъ и не можетъ быть новымъ словомъ. Форматъ сборниковъ «Знанія», благополучные разсказы Бунина и Юшкевича, Ѳедорова и Скитальца, Чирикова и Тимковскаго, и даже еще одинъ актъ «Дѣтей Ванюшина»—все это, отъ именъ и произведеній до формата и сакральной цѣны, говоритъ о чемъ угодно, только не о новомъ словѣ. Нельзя же считать таковымъ то, что въ сборникъ вошли еще двѣ біографическія статьи — о Чеховѣ и о Левитанѣ. И авторы, какъ бы стараясь своими произведеніями опровергнуть названіе сборника, дали разсказы не очень дурные и не очень хорошіе, но ровно ничего не прибавляющіе къ ихъ литературной физіономіи. Г. Бунинъ въ нѣжномъ этюдѣ изъ области дѣтской психологіи показалъ себя задушевнымъ лирикомъ, какого мы знали въ немъ и раньше. Г. Ѳедоровъ далъ путевой очеркъ «Азорскіе острова», который еще разъ показалъ, что путешественникъ видитъ въ новыхъ краяхъ столько, сколько приноситъ съ собой. Путешествіе, конечно, хорошая школа — это давно извѣстно,—но лучше, когда его дѣлаютъ послѣ хорошей школы. Если г. Чириковъ серьезно собирается стать еврейскимъ бытописателемъ, то надо отдать ему справедливость: его разсказъ «Соломонъ и Розалія» отдаетъ въ сюжетѣ и еще больше въ языкѣ анекдотомъ изъ еврейскаго быта, но зато гораздо конкретнѣе и живѣе его книжныхъ «Евреевъ». При всей романтичности и нервической приподнятости, гораздо правдивѣе и богаче чертами дѣйствительности еврейскіе маклаки и фактора, изображенные г. Юшкевичемъ въ видѣ порывистыхъ идеалистовъ, въ реальность которыхъ онъ давно заставляетъ насъ вѣрить. Г. Скиталецъ изображаетъ новый фазисъ въ исторіи своихъ «Кандаловъ»: октябрьскіе дни съ ихъ энтузіаз-

момъ и послѣдовавшимъ затѣмъ избіеніемъ манифестантовъ; получаетъ дальнѣйшее развитіе фигура Челяка—интеллигентнаго крестьянина, — симпатичный типъ, выдвинутый новыми условіями жизни. Если въ изображеніи его чувствуется больше благихъ пожеланій, чѣмъ современной дѣйствительности, то и это — законная идеализація, доставляющая читателю нѣсколько пріятныхъ минутъ. Въ воспоминаніяхъ г. Крашенникова «Восемь лѣтъ» и разсказѣ г. Тимковскаго «Мечты» хорошо отразился кошмарный міръ казенной гимназіи въ чертахъ, правда, въ значительной степени не новыхъ, но достаточно выразительныхъ. Г-нъ М. Чеховъ сообщилъ рядъ интересныхъ мелочей изъ жизни Антона Чехова — писемъ, литературныхъ бутадъ, характерныхъ фактовъ. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ письма половины восьмидесятыхъ годовъ: «Питеръ великолѣпенъ. Я чувствую себя на седьмомъ небѣ. Улицы, извозчики, провизія—все это отлично, а умныхъ и порядочныхъ людей столько, что хоть выбирай. Каждый день знакомлюсь. Вчера, напр., съ $10^1/_2$ часовъ утра до трехъ я сидѣлъ у Михайловскаго въ компаніи Глѣба Успенскаго и Короленко: ѣли, пили и дружески болтали. Ежедневно видаюсь съ Суворинымъ, Буренинымъ и проч.». Вѣроятно, тоже «дружески болтали»; къ концу жизни Чехова это едва ли было возможно... Очень любопытны матеріалы и соображенія, приводимые въ статьѣ г. Сергѣя Глаголя о пейзажистѣ И. И. Левитанѣ. Авторъ считаетъ покойнаго художника не только удивительнымъ «поэтомъ русскаго пейзажа», но новаторомъ, такъ сказать, открывшимъ русскій пейзажъ, главою школы, внесшимъ русскую точку зрѣнія въ изображеніе русской природы, дотолѣ страдавшее извѣстной абстрактностью космополитизма. На фонѣ этого эстетико-національнаго панегирика особенно эффектно выдѣляется такое сообщеніе: «любопытно, что Левитанъ, даже достигнувъ большой извѣстности, все-таки постоянно терпѣлъ всевозможныя непріятности изъ-за своего еврейства. Однажды въ 1892 году во время гоненія, воздвигнутаго противъ евреевъ въ Москвѣ, Левитана чуть было даже не выселили изъ Москвы въ 24 часа». Авторъ разсказываетъ, какъ Левитанъ спасался отъ выселенія бѣгствомъ, какъ его водворяли въ Москвѣ, — гдѣ онъ жилъ съ дѣтства,—властныя «связи въ Спб.» и т. д. Хорошо, когда объ этомъ можно разсказывать съ печальной ироніей, какъ о мелкой невзгодѣ, но въ сущности — какая трагедія въ этомъ фактѣ, и какой свѣтъ онъ бросаетъ на цѣлую полосу нашихъ житейскихъ отношеній.

Вл. Беренштамъ. Около политическихъ. Изд. Бунина. Спб., 1908. Стр. IX+289. Ц. 1 р.

Авторъ былъ защитникомъ по извѣстному дѣлу «о вооруженномъ возстаніи романовцевъ», которое разбиралось въ Якутскѣ. Путешествіе въ далекій край было однимъ изъ наиболѣе затрудни-

тельныхъ обстоятельствъ этой юридической помощи, но яркія и разнообразныя впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ его продолжительной поѣздки въ достаточной степени вознаградили его за ея трудности. О процессѣ романовцевъ вышла большая книга П. И. Теплова, гдѣ исчерпаны матеріалы относящіеся къ этому любопытному эпизоду изъ исторіи русской политической ссылки, кромѣ того, защитительная рѣчь г. Вл. Беренштама издана отдѣльной брошюрой.

Въ новой своей книгѣ онъ только дѣлится съ читателемъ своими путевыми впечатлѣнія въ «гиблыя мѣста». Онъ называетъ свою книгу «сводкой» впечатлѣній,—но именно «сводки» здѣсь нѣтъ, нѣтъ никакихъ обобщеній, и книга отъ этого не пострадала ни въ малой степени. Авторъ—живой наблюдатель съ разносторонними интересами и художественной жилкой; онъ умѣетъ видѣть и еще болѣе умѣетъ слушать. Онъ схватилъ на пути, и записалъ, и воспроизвелъ въ своей книгѣ длинную вереницу типичныхъ разсказовъ, анекдотовъ, мелкихъ фактовъ—и изъ этого, иногда случайнаго, иногда извѣстнаго, но всегда перечувствованнаго матеріала, въ общемъ складывается недурной образъ великой россійской неурядицы. Авторъ ѣхалъ по желѣзному сибирскому пути во время войны— и точно въ живой фотографіи смѣняются предъ нами его встрѣчи и разсказы, неизмѣнно говорящіе о чемъ-то нестройномъ, нелогичномъ, нелѣпомъ. Здѣсь и нагрузка вагоновъ, которая безъ нужды загромождаетъ ихъ, и охрана поѣзда, которая ничего не охраняетъ, и прибалтійскіе пасторы по дорогѣ на войну принятые за англійскихъ шпіоновъ, и солдаты безчинствующіе, и солдаты просящіе милостыню, и превосходный обѣдъ для войскъ, котораго хватаетъ только на половину отряда, и Иркутскъ, гдѣ ночью надо ходить съ оружіемъ и куда перегруженная дорога не доставляетъ припасовъ, и сибирскій врачъ, у котораго отъ трупа, подлежавшаго вскрытію, осталась одна голова, и дѣвушка, везшая изъ ссылки жениха въ жестокой чахоткѣ, и похоронившая его по дорогѣ, и партія ссыльныхъ, избитая до полу-смерти конвойнымъ офицеромъ. Желѣзная дорога смѣняется возкомъ, долгій путь въ лодкѣ примитивнымъ пароходомъ. Ямщики разсказываютъ автору о «политическихъ»—о забавныхъ и трагическихъ эпизодахъ ихъ существованія; цѣлая глава посвящена разнообразнымъ побѣгамъ, остроумно задуманнымъ и смѣло выполненнымъ. На пароходѣ отъ Усть-Кута вдова послѣдняго начальника вилюйской тюрьмы, гдѣ многіе годы томился Н. Г. Чернышевскій, разсказала ему кой-что интересное о жизни писателя, о томъ, какую всеобщую любовь умѣлъ онъ къ себѣ внушить. На одномъ станкѣ телеграфисты сообщили автору о смерти Плеве,—и онъ ѣдетъ дальше, волнуя встрѣчающихъ его ссыльныхъ извѣстіемъ, которое такъ близко ихъ касается. Фигуры ссыльныхъ смѣняютъ другъ друга, всегда эпизодическіе, но и въ эскизномъ наброскѣ отчетливыя, красочныя

и разнообразныя. Особенно выдѣляется эта яркость живого наблюденія при сравненіи набросковъ автора съ подлинными автобіографіями политическихъ ссыльныхъ, также вошедшими въ его книгу. Какъ незамѣнимый и достовѣрный матеріалъ, эти краткія автобіографіи, конечно, очень цѣнны, но часто мелкія черточки, схваченные авторомъ въ его разговорахъ и непритязательно переданныя, кажутся намъ болѣе значительными, чѣмъ протокольная правда автобіографій. На одномъ изъ такихъ эскизныхъ портретовъ—пожалуй, самымъ характернымъ въ книгѣ—она нѣсколько неожиданно обрывается, не заставивъ, однако, читателя пожалѣть о времени, потраченномъ на знакомствѣ съ нею.

Проф. А. И. Чупровъ. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Изд. Г. Ѳ. Львовича. Его же брошюры: **Реформы земледѣлія въ Италіи, Мелкое земледѣліе въ Россіи и его нужды, Агрономическая помощь населенію въ Италіи, Аграрная реформа и ея вѣроятное вліяніе на сельскохозяйственное производство, Къ вопросу объ аграрной реформѣ.** Изд. «Свободной Россіи».

Горячій защитникъ мелкаго земледѣлія А. И. Чупровъ въ своей работѣ собралъ всѣ важнѣйшіе доводы въ пользу именно этой формы сельскаго хозяйства и намѣтилъ пути, по которымъ мелкій сельскій хозяинъ Западной Европы выбился изъ своего недавняго разоренія, пути, которые обѣщаютъ привести мелкое земледѣльческое хозяйство еще къ большимъ побѣдамъ, пути, которыхъ не можетъ миновать и наше крестьянство, если ему суждено выйти въ ближайшее время изъ своего жалкаго хозяйственнаго положенія.

Первыя главы названнаго труда посвящены теоретической защитѣ мелкаго хозяйства. Послѣднія данныя сельскохозяйственной статистики съ несомнѣнностью доказали фактъ устойчивости мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Эти данныя А. И. Чупровымъ и извлекаются изъ различныхъ источниковъ. Но указанный фактъ не остался голымъ фактомъ: онъ получилъ освѣщеніе и въ теоретической разработкѣ вопроса. Новѣйшія изслѣдованія сумѣли выяснить данный вопросъ въ трехъ направленіяхъ: особенности сельскаго хозяйства сравнительно съ индустріей, особенности мелкаго земледѣлія сравнительно съ крупнымъ и особенности конца XIX вѣка сравнительно съ предшествующими эпохами въ области сельскаго хозяйства. Съ изслѣдованіями въ этихъ трехъ направленіяхъ А. И. Чупровъ и знакомитъ своего читателя въ дальнѣйшихъ главахъ.

Но на своихъ обособленныхъ путяхъ мелкое хозяйство не сумѣло бы сдѣлать большихъ завоеваній, если бы въ самыя послѣднія десятилѣтія его силы не были бы многократно «умножены», благодаря открытіямъ въ области раціональнаго земледѣлія (минеральныя удобренія и бактеріальная теорія азотнаго удобренія)

и новымъ способомъ группировки общественныхъ земледѣльческихъ силъ (кооперація). И то и другое излагается у А. И. Чупрова съ достаточной полнотой и чрезвычайной ясностью.

Однако, эти величайшія открытія остались бы безъ всякаго сколько нибудь значительнаго вліянія на мелкое земледѣліе, если бы не удалось ихъ внести въ самыя нѣдра деревенской жизни. Способы и средства пропаганды новыхъ способовъ земледѣлія и организаціи земледѣльческихъ массъ, поэтому, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія и описываются въ книгѣ А. И. Чупрова съ большимъ вниманіемъ. Не трудно далѣе убѣдиться въ названномъ трудѣ А. И. Чупрова, что результаты, благодаря описаннымъ новымъ пріемамъ земледѣлія и организаціи земледѣльцевъ, получились блестящими.

Вторая половина труда А. И. Чупрова посвящена русской дѣйствительности. Все усиливающееся разореніе крестьянскихъ массъ не находитъ себѣ оправданія въ какихъ-либо стихійныхъ, непреоборимыхъ условіяхъ. Стоитъ только примѣнить въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ тѣ способы, которые оказались столь благодѣтельными для мелкаго земледѣльца въ Западной Европѣ, и крестьянство наше станетъ неузнаваемымъ. Даже робкія и недостаточно выдержанныя попытки нашей общественности въ этомъ направленіи даютъ возможность съ увѣренностью высказывать подобную надежду.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разбираемой нами работы. Глубокое знаніе предмета, жизненность затронутыхъ вопросовъ, высоко гуманное настроеніе автора — все это придаетъ особенную цѣнность этой интересной книгѣ. Однако, нельзя не указать, что увлеченіе излюбленными идеями иногда заставляетъ автора рисовать картины слишкомъ яркими тонами, когда для этого нѣтъ достаточныхъ основаній въ дѣйствительности. Таково именно отношеніе автора къ коопераціи. Несомнѣнно, что сельскохозяйственная демократическая кооперація является одной изъ величайшихъ силъ даннаго момента. Но въ томъ-то и дѣло, что такой силой будетъ только кооперація, основанная на дѣйствительно *демократическихъ* началахъ. Въ противномъ случаѣ, эта новая сила можетъ стать не доброй, а злой силой. Доказательство этого мы можемъ видѣть хотя бы на примѣрѣ французскихъ синдикатовъ. Нашему журналу уже доводилось объ этомъ говорить. Эта мысль совершенно затушевана въ изложеніи проф. Чупрова, и потому освѣщеніе сельскохозяйственнаго кооперативнаго движенія мы не можемъ признать достаточно точнымъ. Само собою разумѣется, что это замѣчаніе касается лишь одной частности изложенія и не роняетъ другихъ огромныхъ достоинствъ названнаго труда.

Изъ пяти брошюръ А. И. Чупрова, приведенныхъ въ заголовкѣ рецензіи, самостоятельный интересъ имѣютъ: «Аграрная реформа и ея вѣроятное вліяніе на сельскохозяйственное производ-

ство» и «Къ вопросу объ аграрной реформѣ». Въ первой изъ этихъ брошюръ авторъ подробно изслѣдуетъ значеніе крупныхъ и мелкихъ нашихъ частновладѣльческихъ хозяйствъ и на основаніи интересно подобраннаго матеріала показываетъ все хозяйственное ихъ убожество и безусловную безполезность ихъ (за исключеніемъ ничтожнаго числа случаевъ) въ дѣлѣ прогресса нашего сельскаго хозяйства. Во второй брошюрѣ авторъ разбираетъ рядъ проектовъ земельной реформы, выдвинутыхъ за послѣднее время. Самъ авторъ стоитъ за расширеніе площади крестьянскаго землепользованія (исключительно путемъ выкупа) и поднятіе нашей агрикультуры.

Въ остальныхъ трехъ брошюрахъ читатель встрѣтитъ лишь повтореніе, — мѣстами дословное, — того, что А. И. Чупровымъ сказано въ нѣкоторыхъ главахъ «Мелкое земледѣліе и его основныя нужды».

Фр. Паульсенъ. Основы этики. Пер. съ 6-го нѣм. изданія подъ ред. привать-доцента Ивановскаго. М. 1906. XIV+474.

Фр. Паульсенъ, профессоръ берлинскаго университета и почетный членъ московскаго психологическаго общества, хорошо извѣстенъ русской публикѣ своими книгами «Введеніе въ философію», о Кантѣ, Шопенгауэрѣ и др. Вышедшія въ русскомъ переводѣ «Основы этики» составляютъ первый изъ двухъ томовъ «Системы этики» Паульсена, содержащій ея общую часть. Паульсенъ относитъ этику къ практическимъ дисциплинамъ, основывая ее на антропологіи, подобно тому, какъ медицина основывается на физіологіи и анатоміи, и ставитъ ей двоякую задачу. Во первыхъ, этика должна опредѣлить цѣль жизни или высшее благо, а во-вторыхъ, указать путь къ нему, средства для его достиженія. Свои собственныя воззрѣнія на этотъ счетъ Паульсенъ называетъ «телеологическимъ энергизмомъ» (стр. 221). Терминъ «энергизмъ» указываетъ на то, что «абсолютное благо состоитъ въ объективныхъ свойствахъ человѣка и въ объективной жизненной дѣятельности», въ противоположность гедонизму, по которому «абсолютнымъ благомъ будетъ чувство удовольствія» (стр. 249). Критика гедонизма и положительное обоснованіе энергизма составляетъ самую цѣнную часть книги. Гедонизмъ опровергается, прежде всего, положеніемъ волюнтаристической психологіи, что «влеченіе и потребность въ дѣятельности предшествовали всякому представленію удовольствія, а не наоборотъ». Точно такъ же съ біологической точки зрѣнія удовольствіе (и страданіе) является только орудіемъ для руководства воли. Наконецъ, и сами гедонисты не сочли бы цѣнными тѣ удововольствіе, которое происходятъ помимо нашей духовной дѣятельности, напр., подъ вліяніемъ морфія, если бы даже они было вполнѣ безвредны. Поэтому «цѣль, на которую направляется воля всякаго живого существа, состоитъ (въ наиболѣе

ея общей формулировкѣ) въ нормальномъ выполненіи жизненныхъ функцій, способности къ которымъ заложены въ его природѣ» (стр. 265). Высшее же благо Паульсенъ опредѣляетъ, какъ «совершенную человѣческую жизнь, т. е. жизнь, ведущую къ полному развитію тѣлесныхъ и духовныхъ силъ и къ разносторонней дѣятельности во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни» (стр. 4).

Эта цѣль служитъ послѣднимъ основаніемъ оцѣнки человѣческихъ поступковъ, какъ хорошихъ такъ и дурныхъ. Тѣмъ самымъ телеологическая (или утилитарная) этика Паульсена отграничивается отъ формально-интуитивной этики, по которой «понятія хорошаго и дурного прилагаются къ поступкамъ и поведенію безъ всякаго отношенія къ его послѣдствіямъ, какъ абсолютныя качества, познаваемыя непосредственно» (220). Сторонники этого воззрѣнія, по остроумному выраженію Паульсена, «слишкомъ рано прекращаютъ изслѣдованіе». Въ дѣйствительности, съ объективно-матеріальной точки зрѣнія, «различные поступки и способы поведенія хороши или дурны, поскольку они по своей природѣ обладаютъ тенденціей вызывать благопріятныя или неблагопріятныя послѣдствія» (стр. 223). Точно такъ же, съ субъективно-формальной точки зрѣнія, «поступать по совѣсти хорошо потому, что совѣсть обладаетъ тенденціей опредѣлять поведеніе отдѣльныхъ личностей... въ направленіи сохраненія и возвышенія всѣхъ человѣческихъ благъ» (231). А такъ какъ всякій человѣкъ стремится къ благу, то съ его стороны возможны ошибки въ пониманіи этого блага или путей къ нему, но безнравственныхъ поступковъ, собственно говоря, вовсе не бываетъ. Правда, Паульсенъ не отрицаетъ, что иногда влеченія и склонности человѣка сталкиваются съ такъ называемымъ долгомъ и, какъ реакцію, вызываютъ муки совѣсти. Но самый долгъ и совѣсть, по его мнѣнію, есть накопленная мудрость рода, присутствующая въ душѣ индивида и напоминающая ему объ его ошибочномъ пониманіи блага. Долгъ первоначально повелѣваетъ жить согласно съ нравами, т. е. съ обычными способами поведенія, цѣлесообразно разрѣшающими сложныя задачи жизни. Совѣсть же есть «сознаніе предписанія нравовъ», какъ обязанности поступать опредѣленнымъ образомъ. Но эта обязанность ведетъ къ благу индивида, и, такимъ образомъ, по Паульсену, устраняется противорѣчіе между склонностью и долгомъ. «Нравы, какъ таковые, стремятся къ сохраненію и благополучію общества... Но благополучіе общества заключаетъ въ себѣ благополучіе отдѣльныхъ членовъ», такъ что «воля въ сущности направлена на то самое, что повелѣваетъ ей долгъ» (344). Точно такъ же, не отрицая наличности зла, пороковъ и страданій на землѣ, Паульсенъ пытается доказать, что такъ и должно быть, что «страданіе—составная часть жизни: оно принадлежитъ къ необходимѣйшимъ условіямъ жизни человѣка» (стр. 330), что «и порокъ до извѣстной степени обусловливается телеологической необходимостью» (стр. 321).

Какъ ни усовершенствованъ утилитаризмъ въ этой этической системѣ Паульсена, онъ имѣетъ тѣ же самыя черты, какъ и мораль Бентама и Дж. Ст. Милля. Въ этихъ системахъ нравственность смѣшана съ чуждыми ей элементами, и при всѣхъ достоинствахъ изслѣдованій утилитаристовъ, они всегда написаны не на тему. Паульсенъ правъ, что человѣкъ стремится къ всестороннему развитію заложенныхъ въ немъ силъ и способностей. Но въ числѣ ихъ есть имѣющая исключительную важность этическая потребность, изслѣдованіе которой и составляетъ спеціальную задачу этики.

Паульсенъ не различаетъ этой этической потребности, выступающей въ видѣ чувства долга, отъ эгоистическихъ стремленій и совершенно затушевываетъ противорѣчія между ними существующія. «Нравы и личная воля, долгъ и склонность, говоритъ онъ, стремятся опредѣлять поведеніе въ его глубочайшемъ основаніи въ одномъ и томъ же направленіи. Только случайно и въ видѣ исключенія можетъ происходить между ними разногласіе». (стр. 346). Цѣлая глава («Эгоизмъ и альтруизмъ») посвящена у него доказательствамъ, что «противорѣчіе между собственнымъ и чужимъ благополучіемъ, между эгоистическими и альтруистическими мотивами составляетъ не правило, а исключеніе» (390). Доказывать несостоятельность этихъ разсужденій, повторяющихъ Бентама и Ст. Милля, нѣтъ особой надобности. Въ нашъ вѣкъ непрерывной борьбы націй и классовъ и ожесточенной конкурренціи только близорукіе гелертеры могутъ толковать о соціальномъ мирѣ, какъ о фактѣ. Но Паульсенъ не только отрицаетъ противорѣчіе интересовъ, но и пытается доказать, что противорѣчія не можетъ быть. Доказательства основываются на извѣстномъ софистическомъ пріемѣ: между эгоизмомъ и альтруизмомъ нельзя провести реальной границы, ни въ ихъ мотивахъ, ни въ ихъ результатахъ, а потому они одинаковы, а не противоположны. Такимъ пріемомъ можно доказать что угодно, въ томъ числѣ и то, что день есть ночь, ибо между ними нѣтъ реальной границы. Этимъ пріемомъ широко пользуется метафизика и въ частности Паульсенъ, доказывая въ своемъ «Введеніи въ философію» одушевленность растеній и неорганическаго міра. Въ дѣйствительности и при наличности пограничной области, вещи по обѣ стороны отъ нея могутъ быть рѣзко развиты и противоположны, какъ это мы и находимъ относительно эгоизма и самоотверженія. Нечего и говорить, что зло только временно является составной частью человѣческой жизни, и что на борьбу съ нимъ должна прежде всего направиться самоотверженная дѣятельность людей.

Смѣшавъ нравственность съ чуждой ей областью эгоистическихъ мотивовъ и примиряясь съ необходимостью зла и страданій людей, Паульсенъ, при всемъ своемъ «идеализмѣ», религіозности и прочихъ прекрасныхъ качествахъ, обнаруживаетъ такое же отсутствіе

чуткости и въ частныхъ этическихъ вопросахъ. Онъ защищаетъ смертную казнь (стр. 466), порку дѣтей, въ частности крапивой (стр. 468), онъ говоритъ о «могучей соціализирующей силѣ войны» (307), онъ доволенъ великими результатами, достигнутыми нѣмецкимъ народомъ: «императоръ и государство, высшая слава и парламенты—чего же больше»?

Въ книгѣ Паульсена, кромѣ указаннаго выше, заслуживаетъ вниманія недурный очеркъ исторіи этическихъ ученій отъ грековъ до нашего времени и прекрасная глава о свободѣ воли. Паульсенъ опровергаетъ обычное мнѣніе, будто эта послѣдняя проблема принадлежитъ къ труднѣйшимъ и величайшимъ проблемамъ философіи. Онъ очень ясно показываетъ, что всеобщая причинная обусловленность, детерминизмъ, нисколько не исключаетъ свободы воли въ психологическомъ смыслѣ, т. е. свободы выбора и способности «опредѣлять свою жизнь при помощи разума и совѣсти независимо отъ чувственныхъ побужденій и склонностей и согласно съ цѣлями и законами» (474).

Переводъ въ общемъ удовлетворителенъ, хотя далеко не передаетъ блеска и красоты языка Паульсена, а кое-гдѣ попадаются довольно тяжеловатыя мѣста.

Карлъ Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Пер. подъ ред. и съ предисл. прив.-доц. І. М. Кулишера. Вып. II. Книгоиздательство „Новая Жизнь". Спб., 1907 г. Стр. 206, ц. 75 к.

Мы говорили уже о первомъ выпускѣ русскаго перевода сочиненія Бюхера; съ выходомъ второго (послѣдняго) выпуска перевода русская публика имѣетъ, наконецъ, всю книгу Бюхера цѣликомъ, и ей предоставлена возможность ознакомиться съ этимъ выдающимся произведеніемъ, сыгравшимъ столь важную роль въ развитіи экономической науки. Конечно, и въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ, есть взгляды, съ которыми можно не соглашаться, и здѣсь въ особенности проводится—какъ это указано въ предисловіи редактора перевода къ первому выпуску, идеализація средневѣковаго ремесленнаго строя, въ частности подчеркивается то равномѣрное расширеніе имущества, которое яко бы господствовало въ средневѣковомъ городѣ; тогда какъ новѣйшія работы по этому вопросу относительно различныхъ городовъ—Бюхеръ пользовался данными, касающимися только Франкфурта—говорятъ какъ разъ противоположное; во многихъ городахъ XIV и XV ст. неравномѣрность имущественнаго распредѣленія была не только не меньше, а пожалуй, даже больше чѣмъ въ настоящее время: рядомъ съ немногими богачами мы находимъ въ тѣ времена незначительный средній классъ и огромное количество неимущаго населенія.

Но суть, конечно, не въ этомъ. Будемъ ли мы рѣшать этотъ

и другіе вопросы, такъ или иначе, крупныя достоинства сочиненія Бюхера отъ этого не умаляются. Значеніе его изслѣдованій заключается, прежде всего, въ ихъ глубокой научности, въ томъ, что здѣсь знатокъ предмета и мастеръ изложенія даетъ въ ясной, удобопонятной формѣ истинную науку—науку, столь же далекую отъ всякой тенденціозности. какъ и отъ схоластики и безплодныхъ умствованій современнаго, такъ наз., теоретическаго направленія, нашедшаго выраженіе въ австрійской школѣ политической экономіи. При этомъ широкій кругозоръ историка, этнографа и экономиста одновременно являются столь же характерной чертой Бюхера, какъ и его глубина мысли и оригинальность взглядовъ. Взять хотя бы такой, казалось бы, совершенно устарѣлый отдѣлъ въ курсахъ политической экономіи, какъ раздѣленіе труда, о которомъ уже давно повторялись однѣ и тѣ же забытыя фразы, Бюхеръ сумѣлъ изъ него сдѣлать своего рода chef d'oeuvre. Или проблема переселеній. Кто, кромѣ спеціалистовъ-статистиковъ когда-либо интересовался ею? А между тѣмъ Бюхеръ освѣтилъ ее съ такихъ точекъ зрѣнія, поставилъ ее на такой широкій культурно-историческій фундаментъ, что получились совершенно новые глубоко-интересные выводы. Мы не говоримъ уже о той картинѣ средневѣковаго экономическаго и соціальнаго строя, которую Бюхеръ сумѣлъ написать яркими красками, въ посвященномъ этому вопросу XI очеркѣ.

Вслѣдствіе этого небольшіе очерки Бюхера пріобрѣтаютъ первостепенное значеніе – они являются экономической пропедевтикой. И всякому приступающему къ изученію политической экономіи можно рекомендовать начать свое чтеніе именно съ Бюхера, на котораго онъ можетъ спокойно положиться.

Переводъ сдѣланъ весьма тщательно. Въ концѣ приложенъ указатель, а въ примѣчаніяхъ сдѣланы ссылки на существующіе русскіе переводы сочиненій, цитируемыхъ Бюхеромъ.

М. Г. Диканскій. Квартирный вопросъ и соціальные опыты его рѣшенія. 138 рисунковъ въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1908. Цѣна 2 руб.

Окажется устойчивымъ новое отношеніе практическаго соціализма къ тому, что еще недавно носило презрительное названіе «малыхъ дѣлъ» или вновь усилія, направленныя на частичное облегченіе условій жизни трудящихся массъ, будутъ признаны тормазомъ для великаго процесса, — мы во всякомъ случаѣ теперь вынуждены считаться съ профессіональнымъ и кооперативнымъ движеніемъ не какъ съ спорной теоріей, но какъ съ значительнымъ фактомъ. Энергиченъ его ростъ, широки результаты.

Наряду съ наростающимъ движеніемъ мы имѣемъ въ послѣднее время и изрядную о немъ литературу. Но среди различныхъ кредитныхъ и потребительныхъ товариществъ и обществъ забыты строительныя товарищества—и этотъ пробѣлъ восполняетъ лежащая

предъ нами книга. Намѣтивъ основные типы существующихъ въ Германіи и другихъ западныхъ странахъ строительныхъ обществъ, авторъ даетъ ихъ обстоятельную характеристику, указываетъ ихъ различія, необходимыя условія ихъ возникновенія, основныя задачи ихъ дѣятельности и попутно иллюстрируетъ свое изложеніе планами выстроенныхъ этими обществами домовъ.

Задавшись, повидимому, чисто практическими цѣлями, авторъ далъ множество разнообразныхъ полезныхъ свѣдѣній какъ объ организаціи этого рода предпріятій со стороны соціальной и юридической, такъ и объ ихъ чисто архитектурной дѣятельности: въ данномъ случаѣ техническая сторона играетъ немаловажную роль и неразрывно связана съ сущностью вопроса. Въ приложеніи сообщены уставы различныхъ строительныхъ обществъ.

Помимо кооперативовъ, въ книгѣ указаны и другіе способы борьбы съ квартирной нуждой, примѣняемые на Западѣ. Здѣсь изучена помощь государства и городскихъ управленій, организація союзовъ для борьбы съ жилищной нуждой, дѣятельность съѣздовъ и конгрессовъ. Съ технической, а равно и съ соціальной стороны очень интересны новые «города-сады», идея которыхъ заключается въ стремленіи скомбинировать преимущества города и деревни безъ ихъ недостатковъ. Это «города-сады», возникающіе теперь въ Англіи, должны привлечь серьезное вниманіе у насъ, гдѣ большинство городовъ только теперь находится въ періодѣ роста, и слѣдовательно пока еще возможно урегулировать дальнѣйшее развитіе городовъ и придать ихъ росту наиболѣе раціональныя формы.

Не считая отдѣльныхъ журнальныхъ статей и брошюрной литературы, мы имѣемъ, пожалуй, только два крупныхъ изслѣдованія по жилищному вопросу,—работы г.г. Федоровича и В. Святловскаго. Эти обѣ работы устарѣли, такъ какъ движеніе въ пользу квартирной реформы именно за послѣднее десятилѣтіе достигло значительнаго развитія въ Европѣ. Особенно развились строительные кооперативы. Они не представляютъ собою, конечно, панацеи, но для средняго элемента городского населенія при существующихъ условіяхъ являются едва ли не единственно раціональною формою самопомощи. Истинно государственная точка зрѣнія на этотъ предметъ заключается въ широкой помощи общественнымъ ассоціаціямъ, преслѣдующимъ цѣли борьбы съ жилищной нуждой—въ помощи капиталами, льготами и пр. Таково положеніе этого дѣла на Западѣ. «Подъ давленіемъ городской демократіи — говоритъ авторъ — современное общество, какъ мы видѣли это, въ жилищной области начинаетъ выступать на путь въ нѣкоторомъ родѣ «соціализма», сначала въ переносномъ смыслѣ, т. е. центральные и мѣстные правительственные органы начинаютъ принимать къ свѣдѣнію интересы общества, взятаго въ цѣломъ, а потомъ демократизирующіяся власти начинаютъ содѣйствовать уже въ собственномъ смыслѣ «обобществленію» жилищъ и жизни вообще. Послѣднее происходитъ въ различныхъ

странахъ въ зависимости отъ исторически сложившихся условій либо путемъ «муниципализаціи», какъ въ Англіи, либо путемъ государственнаго соціализма, какъ въ Германіи».

Къ этому выводу авторъ приходитъ послѣ объективнаго изложенія фактической стороны вопроса и этотъ выводъ имѣетъ для насъ большую практическую цѣнность. Именно потому квартирная проблема достигла у насъ своего крайняго напряженія, что она не имѣла широкой общественной постановки, внѣ которой практическая политика безсильна. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящій моментъ, характеризующійся жаждой кооперативнаго строительства, работа г. Диканскаго является особенно своевременной. Авторъ не ограничивается теоретическою разработкою вопроса — онъ даетъ цѣлый рядъ практическихъ данныхъ для основанія строительныхъ коопераціи и на опытѣ другихъ странъ предостерегаетъ отъ возможныхъ ошибокъ въ этомъ новомъ дѣлѣ. Съ такой точки зрѣнія цѣнными являются также техническія и архитектурныя данныя изъ строительной практики германскихъ строительныхъ кооперативовъ, иллюстрированныя соотвѣтствующими рисунками.

Необходимая поправка. Въ отдѣлѣ «Новыя Книги» въ № 10 «Р. Б.», на стр. 175, въ послѣдней строкѣ *снизу*, случайно пропущено нѣсколько словъ; именно послѣ словъ «гласящей, что» слѣдуетъ вставить: «объемлющее болѣе объемлемаго, я долженъ признать, что».

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. „Знаніе". Спб. 1907. ***Семенъ Юшкевичъ***. Король. Ц. 60 к. — ***С. Найденовъ***. Пьесы. Ц. 1 р.—***Густавъ Флоберъ***. Искушеніе св. Антонія. Ц. 30 к. - ***П. Кропоткинъ***. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. Ц. 1 р.

Изд. С. В. Бунина. Спб. 1908. ***Ивановъ-Разумникъ***. Что такое „махаевщина"? Ц. 50 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1908. ***В. Муйжель***. Разсказы. Т. I. Ц. 1 р.

Изд. А. и И. Гранатъ. «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. I, II, III, IV и V. Ц. каждаго выпуска по 1 р. 35 к.

Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1908. ***Діонео***. На темы о свободѣ. Часть I и II. Ц. по 1 р. 25 к.- ***Д. Мережковскій***. Вѣчные спутники. Маркъ Аврелій. Плиній младшій. Ц. 30 к. — ***К. Бальмонтъ***. Три расцвѣта. Драма. Ц. 60 к.

Изд. „Право". Современныя конституціи подъ ред. ***В. М. Гессена***. т. II. Ц. 3 р.

Изд. газ. „Россія". ***В. Головановъ***. Земельный вопросъ во второй Государственной Думѣ. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Изд. М. М. Стасюлевича. Спб. 1908. ***Н. С. Русановъ*** (***Н. Е. Кудринъ***).

Соціалисты Запада и Россіи. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Молодое Крестьянство“. М. 1907. Страдная пора. Сборникъ. Ц. 12 к. Для всего крестьянства. Вып. I. Ц. 10 к.

Изд. И. Д. Сытина. М. 1907. ***К. Н. Рашевскій***. Основанія аналитической геометріи. Ц. 50 к.— ***С. Мельгуновъ***. Гдѣ выходъ? Ц. 15 к.

Изд. „Трибуна“. ***М. Шанинъ***. Муниципализація или раздѣлъ въ собственность? Вильно. 1907. Ц. 50 к.

Изд. „Сѣверная Россія“. Для народа. I. Ц. 20 к.—Народный сборникъ. II. Ц.

Современные вопросы. Сборникъ. I. Ц. 15 к.

Изд. „Правда“. М., Спб., Од., 1906. ***С. М. Дубновъ***. Эмансипація евреевъ. Ц. 20 к.

Изд. М. М. Зензинова. Декабристы. Матеріалы для характеристики. М. 1907. Ц. 1 р.

Изд. т-ва „Художественной печати“. Статистическій справочникъ. Спб. 1908. Ц. 40 к.

Изд. „Общественная Польза“. ***В. Корчемный***. Лунная соната. Разсказы. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Изд. „Вятскаго т-ва“. ***Н. Костомаровъ***. Кудеяръ. Ц. 35 к.—***Жоржъ Ренаръ***. Республика 1848 года. Ц. 1 р. 50 к.—***А. Бойзенъ***. Новая Зеландія. Ц. 30 к.—Э. Лабулэ. Принцъ-пудель. Ц. 25 к.

Е. П. Пашинская. Е. П. Де-Турже-Туржанская. Безправные. Смоленскъ. 1907. Ц. 50 к.

Н. К. Кульманъ. Къ исторіи масонства въ Россіи. Спб. 1907.

М. Гершензонъ. П. Я. Чаадаевъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Доклады бюджетной коммиссіи II Государственной Думы. Спб. 1907. Ц. 2 р. 25 к.

И. Е. Ивановъ. Военно-походныя впечатлѣнія отъ Владивостока до Вафангоу. Спб. 1907.—***Его же***. Впечатлѣнія изъ военно-походной жизни въ 1900—1903 г.

М. Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. Ц. 1 р.

А. Бѣдный. Итоги прошлаго. Спб. 1908. Ц. 15 к.

Дмитрій Дриль. Этюды по педагогической психологіи. Вып. 1-й. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Н. С. Карцовъ. Записки по педагогической психологіи. Спб. Ц. 70 к.

М. Е. Сибирь и Дальній Востокъ. Спб. Ц. 75 к.

Ив. Наживинъ. Въ долинѣ скорби. М. 1907. Ц. 1 р.

Т. Рамакришна. Падмини. Спб. 1907. Ц. 40 к.

В. Чертковъ. Наша революція. Съ послѣсловіемъ Л. Н. Толстого. М. 1907. Ц. 20 к.

А. И. Платоновъ. На зарѣ новой жизни. Тифлисъ. 1907. Ц. 10 к.

А. А. Берсъ. Естественная исторія чорта. Религіозно-историческое изслѣдованіе. Ц. 30 к.—***А. А. Берсъ***. Нравственность, какъ неминуемый продуктъ общественныхъ инстинктовъ. Ц. 40 к.

Изд. „Шиповникъ“. ***Евг. Тарасовъ***. Земныя дали. Ц. 60 к.—***Франкъ Ведекиндъ***. Кн. 2. Лулу. Ц. 1 р. 25 к.—***К. А. Ковальскій***. Терновый вѣнецъ. Разсказы. Ц. 1 р.

Изд. „Наша Жизнь“. ***С. Прокоповичъ***. Рабочее движеніе въ Германіи. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ. тов. И. Сытина. ***Гр. Рокиньи***. Союзы въ сельскомъ хозяйствѣ. М. 1907. Ц. 1 р.

Изд. Моск. о-ва распространенія с.-хоз. знаній. М. 1907.—***Ив. Шуловъ***. Обработка земли. Ц. 6 к.—***А. Е. Льговскій***. Крестьянское хозяйство. Ц. 5 к.—***Н. Т. Тулайковъ***. О почвахъ. Ц. 16 к.

Изд. „Общественная Польза“. Законодательные проекты и предположенія партіи народной свободы 1905—1907 гг. Ц. 1 р. 50 к.

Журналы засѣданій совѣта имп. Новоросс. университета. Одесса. 1907.

Матеріалы для оцѣнки земель Харьк. губ. Выпускъ III. Харьковъ. 1907.

Изд. О-ва русскихъ врачей въ память Пирогова. — Библіографическій указатель по общественной медиц. литературѣ, Сост. ***Д. Н. Жбанковъ***. М. 1907. Ц. 2 р. 25 к.

Журналы Тверского очередного губ. земскаго собранія сессіи 1906 г.

Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губ. за 1906 г. Вып. II.

Отчетъ Тверской губ. земск. управы за 1905 г.

Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1905 г. Спб. 1907.—Отчетъ госуд. двор. земельнаго банка за 1905 г.—Отчетъ особаго отдѣла госуд. двор. земельнаго банка за 1905 г.—Отчетъ госуд. двор. земельнаго банка за 1905 г.

Наброски современности.

XIII.

Первые шаги третьей Думы.

Третья Дума сдѣлала свои первые политическіе шаги, и эти первые шаги оказались въ высшей степени знаменательными, вполнѣ оправдавъ всѣ ожиданія, какія можно было заранѣе связывать съ Думою 3 іюня. Въ первыхъ же засѣданіяхъ Думы опредѣлился ея характеръ, и то, о чемъ мѣсяцъ тому назадъ возможно было говорить лишь въ видѣ болѣе или менѣе вѣроятнаго предсказанія, къ настоящему моменту успѣло принять форму совершенно законченнаго факта. И въ рѣчахъ отдѣльныхъ депутатовъ, и въ общихъ постановленіяхъ Думы какъ нельзя болѣе наглядно обрисовались характерныя черты односторонняго представительства привилегированныхъ класовъ, вызваннаго къ жизни контръ-революціонными стремленіями правительства и охотно берущаго на себя роль орудія этихъ стремленій.

Эти черты выступили наружу уже въ первый моментъ думской жизни, во время выборовъ Думою своего президіума. Въ этотъ же моментъ выяснились позиціи различныхъ думскихъ партій и намѣтился характеръ взаимныхъ отношеній между послѣдними. Октябристы, являющіеся наиболѣе многочисленной партіей въ третьей Думѣ, намѣтили на мѣсто ея предсѣдателя кандидата изъ своей среды въ лицѣ г. Хомякова. Правые, объединенные во фракціяхъ «союза русскаго народа», «окраиннаго союза русскаго народа», «монархистовъ», «умѣренныхъ правыхъ» и т. д., сперва хотѣли было выставить собственнаго кандидата на постъ предсѣдателя Думы, но затѣмъ рѣшили поддерживать г. Хомякова. Правда, они рѣшились на такую поддержку лишь послѣ того, какъ ихъ собственные вожаки объяснили имъ, что кандидатура г. Хомякова является весьма желательною въ глазахъ правительства. Казалось бы, это послѣднее обстоятельство, вскрывая истинный смыслъ названной кандидатуры, должно было создать весьма опредѣленное отношеніе къ ней въ рядахъ всей думской опозиціи. На дѣлѣ однако произошло иное. Конституціонно-демократическая партія, упорно мечтающая о союзѣ съ октябристами и о созданіи такимъ путемъ въ Думѣ «работоспособнаго» центра, въ свою очередь рѣшила отдать свои голоса г. Хомякову, и въ результатѣ кандидатъ октябристовъ или, точнѣе говоря, ставленникъ правительства былъ почти единогласно избранъ на постъ предсѣдателя Думы. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ положеніе уяснилось еще болѣе. Первымъ

шагомъ къ такому уясненію послужила рѣчь г. Хомякова, въ которой онъ благодарилъ членовъ Думы за свое избраніе. Въ этой безцвѣтной и безсодержательной рѣчи, по общему тону своему скорѣе подходившей директору департамента, чѣмъ предсѣдателю представительнаго учрежденія, г. Хомяковъ ни словомъ не обмолвился о томъ мѣстѣ, какое должна занимать Дума въ русскомъ государственномъ строѣ, но за то счелъ нужнымъ говорить о своей вѣрѣ «въ свѣтлую будущность великой единой и нераздѣльной Россіи» и въ то, что всѣ члены Думы пришли въ нее, чтобы «исполнить долгъ передъ государствомъ, чтобы умиротворить Россію, покончивъ вражду и злобу партійную, чтобы уврачевать язвы истрадавшейся родины, осуществивъ на дѣлѣ державную волю царя, зовущую къ себѣ избранныхъ отъ народа людей, чтобы осуществить тяжелую и отвѣтственную государственную работу на почвѣ законодательнаго государственнаго строительства». Конституціонно-демократическая «Рѣчь», въ свое время не обратившая, повидимому, достаточнаго вниманія на характеръ кандидатуры г. Хомякова, послѣ его дебюта недвусмысленно выразила свое огорченіе, но огорчаться въ сущности было уже поздно, а думское большинство поторопилось дать к.-д. партіи и новые поводы для огорченія. Всѣ попытки конституціоналистовъ-демократовъ добиться для себя мѣста въ президіумѣ Думы, въ видѣ ли мѣста товарища предсѣдателя, секретаря или даже старшаго помощника секретаря, были отброшены сплотившимися правыми и октябристами, пожелавшими оставить думскій президіумъ въ своемъ исключительномъ владѣніи. Товарищами предсѣдателя были избраны: октябристъ баронъ Мейендорфъ и членъ «союза русскаго народа» кн. Волконскій, при чемъ роль замѣстителя предсѣдателя была поручена второму изъ названныхъ лицъ. На мѣсто секретаря Думы былъ избранъ крайній правый г. Сазоновичъ, во второй Думѣ навлекшій на себя своимъ неприличнымъ поведеніемъ высшую кару въ видѣ исключенія изъ Думы на пятнадцать засѣданій. Правому же досталось и мѣсто старшаго помощника секретаря, такъ что изъ пяти голосовъ президіума на долю крайнихъ правыхъ пришлось три голоса и на долю менѣе откровенныхъ октябристовъ—два.

Такой результатъ выборовъ смутилъ было даже нѣкоторыхъ изъ октябристовъ и въ «Голосѣ Москвы» появилась статья, отразившая это смущеніе въ октябристскомъ лагерѣ. Правда, для этого «Голосу Москвы» понадобилось принять такой видъ, какъ будто при выборахъ думскаго президіума за октябристовъ дѣйствовалъ кто-то другой, а сами они пребывали пассивными и лишь случайно потеряли свою невинность.

«Эти выборы—писала октябристская газета—имѣютъ важное значеніе, такъ какъ они обрисовываютъ партійную группировку Думы, которая, хотѣлось бы думать, не является окончательной. Правые оказали сильное давленіе при выборахъ товарищей предсѣдателя. Октябристы первона-

чально предполагали не праздновать побѣду по-кадетски. Они, съ чисто джентльменской корректностью, предполагали предложить мѣсто одного изъ товарищей предсѣдателя Думы кадетскому кандидату. Имѣлось въ виду, что кандидатъ будетъ намѣченъ не по выбору самихъ кадетовъ, а по взаимному соглашенію октябристовъ и кадетовъ.

„Всѣ эти предположенія не оправдались. Мѣсто одного товарища предсѣдателя вручено барону Мейендорфу. Выборъ вполнѣ удачный... Но крайніе правые все-таки восторжествовали и провели на мѣсто второго предсѣдателя Думы кн. Волконскаго. Князь Волконскій состоитъ кореннымъ и вѣрнымъ членомъ союза русскаго народа. Въ дальнѣйшей характеристикѣ нѣтъ никакой надобности.

„Нельзя не сожалѣть о томъ, что октябристы оказались не въ силахъ провести на мѣсто второго товарища предсѣдателя человѣка, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ вполнѣ подходящаго къ этой важной и почетной роли. Товарищемъ предсѣдателя Думы долженъ быть человѣкъ, по крайней мѣрѣ не отрицающій необходимости конституціоннаго строя. Кн. Волконскій принялъ мѣсто товарища предсѣдателя въ такомъ законодательномъ собраніи, необходимость котораго имъ отрицается...

„Мы не склонны—заключалъ октябристскій органъ—преувеличивать значеніе такого не отраднаго факта, какъ избраніе въ товарищи предсѣдателя человѣка, отрицающаго конституцію. Но фактъ все-таки краснорѣчиво говоритъ о демонстраціи силъ правыхъ и объ ихъ чрезмѣрной настойчивости, которая заставитъ конституціонный центръ подумать о дальнѣйшей тактикѣ. Вѣдь многое, что до сихъ поръ казалось яснымъ, теперь стало весьма запутаннымъ» ... [1])

Оставаясь вѣрной дѣйствительности, октябристская газета должна была бы въ сущности сказать другое: многое, что старались запутать, стало яснымъ послѣ первыхъ же думскихъ голосованій, когда различнымъ партіямъ, встрѣтившимся въ Думѣ, пришлось лицомъ къ лицу другъ съ другомъ опредѣлять свои взаимныя отношенія и позиціи. И этотъ процессъ выясненія позицій отдѣльныхъ партій и физіономіи всей Думы въ цѣломъ, начавшійся съ момента сформированія думскаго президіума, въ ближайшихъ же засѣданіяхъ Думы, посвященныхъ преніямъ объ адресѣ монарху, продвинулся еще далѣе впередъ.

Проектъ адреса былъ представленъ октябристами и по своему содержанію вполнѣ отвѣчалъ характеру этой безформенной по своимъ очертаніямъ, но обладающей вполнѣ опредѣленными тенденціями группы, которая, хромая на обѣ ноги, поспѣшно идетъ за правительствомъ по дорогѣ реакціи и старается сохранить старые порядки, окутавъ ихъ завѣсой новыхъ словъ, возможно болѣе громкихъ и возможно менѣе содержательныхъ. Авторы проекта выражали «чувства преданности и благодарности за дарованныя Россіи права народнаго представительства, упроченныя основными законами имперіи», и заявляли о своей готовности «укрѣпить обновленный манифестомъ 17 октября монаршею волею государственный строй, успокоить отечество, утвердить въ немъ законный порядокъ, развить народное просвѣщеніе, поднять всеобщее благосостояніе, упро-

*) „Голосъ Москвы“, 6 ноября 1907 г.

чить величіе и мощь нераздѣльной Россіи и тѣмъ оправдать довѣріе государя и страны». Къ этому и сводилось все содержаніе проекта адреса, предложеннаго Думѣ октябристами, проекта, полнаго умолчаній и словъ, говорящихъ прямо обратное своему прямому смыслу.

Составленный такимъ образомъ проектъ вызвалъ оппозицію со стороны двухъ другихъ крупныхъ думскихъ группъ, между которыми стали октябристы. Правые пожелали вставить въ адресъ указаніе на «самодержавіе» верховной власти. Конституціоналисты-демократы, съ своей стороны, настаивали на необходимости говорить не просто объ «обновленномъ», а о «конституціонномъ» строѣ, водворившемся въ Россіи послѣ 17 октября.

„Дебаты о формѣ правленія!..—писала по этому поводу к.-д. „Рѣчь".—Едва-ли есть тема, болѣе необыкновенная для представительнаго собранія или болѣе жгучая для народнаго представительства въ Россіи. Въ этой темѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилась вся та глубоко затаенная боль, которая копилась годами мучительной борьбы. Около нея скопились всѣ тѣ недоразумѣнія, на которыхъ спекулировали всѣ скрытыя пружины, приводившія въ движеніе событія послѣднихъ годовъ. Открытый вопросъ русской современности—получитъ ли онъ ясный, не допускающій сомнѣній отвѣтъ со стороны высшаго законодательнаго учрежденія страны?..

„Предлагаемый на обсужденіе палаты текстъ адреса —продолжала газета—не избѣгаетъ постановки коренного вопроса. Но онъ старается формулировать отвѣтъ на этотъ вопросъ такъ, чтобы отвѣтъ удовлетворилъ по возможности всѣ части Думы. Дать *такой* отвѣтъ на вопросъ, изъ-за котораго ведется въ сущности вся борьба, раздѣляющая Думу на части, очевидно, невозможно. Отвѣтъ, удовлетворяющій *всѣхъ*, не можетъ удовлетворить никого"...

К.-д. оффиціозъ допускалъ еще возможность примириться съ октябристскимъ текстомъ адреса въ томъ случаѣ, «еслибы партіи, вносящія такой текстъ, сговорились и были единодушны въ его пониманіи и еслибы это пониманіе было не совмѣстимо съ пониманіемъ антиконституціонныхъ партій». Но болѣе вѣроятнымъ «Рѣчь» считала такой исходъ, при которымъ «не только одному толкованію будетъ противопоставлено другое, но и одному термину будетъ противопоставленъ другой». И при этомъ условіи газета предвидѣла для Думы необходимость «выбирать между проведеніемъ двусмысленнаго текста или расколомъ на части, съ полнымъ обнаруженіемъ разногласій, ее разъединяющихъ по основному вопросу русской жизни».

„Несомнѣнная польза всѣхъ предстоящихъ дебатовъ--продолжала к.-д. газета—та, что, наконецъ, сказано будетъ съ думской каѳедры все то, что до сихъ поръ такъ тщательно замалчивалось, и тѣмъ обнаружено будетъ передъ всѣми коренное зло нашей современности. Еслибы громкое и публичное указаніе на источникъ болѣзни могло указать слѣпымъ врачамъ на способъ ея лѣченія, то цѣль дебатовъ была бы вполнѣ достигнута. Но даже если споры о формѣ правленія и не достигнутъ этой естественной цѣли, то все же одно лишь лицемѣріе могло бы пожалѣть о томъ, что

открылась возможность въ Думѣ, передъ лицомъ всей страны, вести эти пренія. Сила и слабость каждой позиціи—моральная сила или физическая—станетъ ясна, какъ только противники развернутъ другъ передъ другомъ свои аргументы» *).

Въ такой обстановкѣ развернулись въ Думѣ пренія объ адресѣ. Съ защитою октябристскаго проекта выступилъ г. Гучковъ, сумѣвшій и на этотъ разъ остаться вполнѣ вѣрнымъ традиціямъ своей партіи, которая все время своего существованія ухитрялась громко и радостно говорить о пріобрѣтенныхъ правахъ, не только не замѣчая ихъ исчезновенія, но даже привѣтствуя—правда, съ «печальнымъ» сердцемъ—ихъ нарушеніе. По словамъ г. Гучкова, октябристскій проектъ долженъ былъ именно удовлетворить всѣхъ, такъ какъ въ немъ «схвачено все то, что насъ, разномыслящихъ, объединяетъ», и «исключено все то, что является спорнымъ и неяснымъ». «Для насъ несомнѣнно,—заявилъ лидеръ октябристовъ—что тотъ государственный переворотъ, который совершенъ былъ нашимъ монархомъ, является установленіемъ конституціоннаго строя въ нашемъ отечествѣ, и тѣмъ не менѣе мы считаемъ себя не въ правѣ навязывать кому то ни было наше толкованіе». «Поэтому—продолжалъ г. Гучковъ—мы не называемъ того, что дано, тѣмъ спорнымъ терминомъ, о которомъ говорятъ со всѣхъ сторонъ. Мы говоримъ: обозначимъ даръ государя такъ, какъ онъ его обозначилъ, назовемъ обѣщаніемъ актъ 17 октября, назовемъ выполненіемъ обѣщанія основные законы... Мы сказали себѣ, что въ этой формулѣ мы найдемъ объединеніе». Иначе говоря, г. Гучковъ предлагалъ крайнимъ правымъ: будемте говорить объ «обновленномъ строѣ», причемъ вы будете разумѣть подъ этимъ самодержавіе, а мы конституцію. Что касается самой конституціи, то она въ пониманіи октябристовъ, по словамъ г. Гучкова, сводится къ «освобожденію царя», такъ какъ «государь, опираясь на народное представительство, становится свободнымъ отъ придворной камарильи и отъ чиновничьяго средостѣнія». А вмѣстѣ съ тѣмъ октябристы «сознаютъ, что въ тѣхъ историческихъ и политическихъ условіяхъ, въ которыхъ находится наше отечество, намъ нужна сильная царская власть». И именно поэтому октябристы возражаютъ противъ парламентаризма: «вѣдь не для того освободилъ себя царь отъ чиновниковъ и придворныхъ, чтобы отдать свою власть, свой священный ореолъ, ту духовную мощь, которая связана съ царскимъ именемъ, въ распоряженіе политическихъ партій и центральныхъ комитетовъ».

Крайніе правые, однако, не приняли предупредительно протянутой къ нимъ руки г. Гучкова и настойчиво требовали включенія въ адресъ титула «самодержца». Необходимость такого включенія они отстаивали самыми разнообразными аргументами, ссылаясь то

*) „Рѣчь“, 13 ноября 1907 г.

на основные законы, то на Св. Писаніе, то говоря о мистическомъ значеніи самодержавной власти, то грозя противникамъ гнѣвомъ народныхъ массъ, якобы жаждущихъ сохраненія этой власти, то, наконецъ, указывая, что власть, о которой говоритъ защищаемый ими титулъ, существуетъ и дѣйствуетъ въ жизни. «Я полагаю,— восклицалъ по этому поводу г. Пуришкевичъ,—что Европа и міръ отлично понимаютъ, что царь, даровавшій намъ манифестъ 17 октября и издавшій затѣмъ указъ 3 іюня, увидавъ, что народныя массы отозвались на его первый актъ не такъ, какъ слѣдовало, что этотъ царь—самодержавный». И тотъ же г. Пуришкевичъ въ свою очередь обратился къ октябристамъ съ предложеніемъ, аналогичнымъ предложенію, обращенному г. Гучковымъ къ крайнимъ правымъ. «Если вы боитесь—говорилъ г. Пуришкевичъ по адресу октябристовъ—слова самодержавіе такъ, какъ мы его понимаемъ, если вы не хотите внести это слово въ томъ смыслѣ, какъ мы добиваемся, то вы имѣете исходъ: покопайтесь въ исторіи и вы увидите, что, безъ урона для своихъ убѣжденій, вы могли бы внести это слово, понимаемое нами нѣсколько иначе... Вы будете понимать его какъ терминъ, мы будемъ понимать его какъ знамя. Тѣмъ не менѣе, давъ другъ другу руку, пойдемъ тѣсными рядами»...

Передъ думской оппозиціей встала задача—опредѣлить дѣйствительную цѣну сдѣланныхъ Думѣ предложеній. И конституціоналисты-демократы начали было съ попытки устранить изъ поставленнаго вопроса внесенную въ него двусмысленность. «Насъ приглашаютъ—заявилъ г. Милюковъ, выступившій съ критикой октябристскаго проекта адреса,—высказаться такъ, чтобы каждый могъ понять то, что мы скажемъ, по своему и чтобы всѣ могли оставаться довольны. Я полагаю, что результаты будутъ противоположны: никто не будетъ доволенъ». «Полагаю,—продолжалъ тотъ же ораторъ, обращаясь спеціально къ октябристамъ,—что если вы теперь упустите выпавшую на вашу долю великую честь—назвать, наконецъ, своимъ именемъ ту вещь, къ которой стремилось столько поколѣній, то вы совершите преступленіе предъ пославшими васъ. Я полагаю, что, если вы вернетесь потомъ къ вашимъ избирателямъ, которымъ вы обѣщали защищать новый строй, называя его собственнымъ именемъ предъ выборными собраніями, то избиратели вправѣ будутъ спросить васъ, куда вы дѣли тотъ щитъ, съ которымъ обѣщали придти? Не на немъ и не съ нимъ,—вы вернетесь безъ него, совсѣмъ безъ щита». И, исходя изъ этихъ положеній, ораторъ к.-д. партіи настаивалъ на необходимости внести въ адресъ ясное и опредѣленное упоминаніе о конституціи, установленной въ Россіи.

Но, защищая эту необходимость, г. Милюковъ, а за нимъ и его товарищи по партіи, ограничились исключительно внѣшней, формальной стороной дѣла и, благодаря этому, «дебаты о формѣ правленія», поскольку они велись к.-д. партіей, вовсе не получили

того выдающагося интереса и значенія, какіе заранѣе связывалъ съ ними партійный оффиціозъ. То роковое противорѣчіе, которое мучитъ и гнететъ всѣхъ гражданъ якобы обновленной страны, которое дѣлаетъ совершенно невыносимой жизнь въ ней, противорѣчіе словъ и дѣлъ, шуйцы и десницы правительства осталось почти не вскрытымъ въ рѣчахъ к.-д. ораторовъ и нашло себѣ въ этихъ рѣчахъ лишь блѣдный и слабый отзвукъ. Главный ораторъ к.-д. партіи, г. Милюковъ, въ своей рѣчи ограничился почти исключительно толкованіемъ текста законодательныхъ актовъ, направленнымъ къ доказательству той мысли, что 17 октября въ Россіи былъ созданъ переворотъ, вызвавшій къ жизни новый, конституціонный строй, и старательно избѣгалъ оглядываться на дѣйствительную жизнь. Мало того,—и въ этихъ предѣлахъ г. Милюковъ обнаружилъ чрезвычайную сдержанность, лишь мимоходомъ упомянувъ о законѣ 3 іюня и удовольствовавшись заявленіемъ, что к.-д. партія «присоединяется» къ умолчанію октябристскаго адреса объ этомъ законѣ, если въ такомъ умолчаніи заключается «молчаливое признаніе, что 3 іюня случился не юридическій прецедентъ, а фактическая побѣда силы надъ правомъ». Вслѣдъ за г. Милюковымъ и другіе ораторы к.-д. партіи пошли по той же дорогѣ формальной критики и формальныхъ утвержденій, остерегаясь поднять спорный вопросъ во всей его широтѣ, требуя признанія слова и не сопоставляя это слово съ дѣлами.

Со стороны одной изъ лѣвыхъ думскихъ группъ, именно со стороны трудовой группы и примыкающихъ къ ней депутатовъ, сдѣлана была попытка перенести пренія объ адресѣ на болѣе широкую почву и придать имъ болѣе жизненный характеръ, но эта попытка не имѣла успѣха. Думское большинство, съ трудомъ выслушивавшее уже ораторовъ к.-д. партіи, совершенно не дало говорить представителямъ трудовой группы. Помимо того выступленіе названной группы и само по себѣ не было въ достаточной мѣрѣ послѣдовательнымъ и выдержаннымъ. Первый ораторъ, говорившій отъ имени трудовой группы, г. Ляхницкій, нашелъ возможнымъ присоединиться къ адресу, внеся лишь въ него поправку, согласно которой Дума должна была, «къ глубокому прискорбію, заявить, что она приноситъ свое привѣтствіе лишь отъ небольшой части населенія, проведшаго своихъ представителей на основаніи закона 3 іюня, изданнаго правительствомъ при нарушеніи основныхъ законовъ и лишившаго права представительства широкіе слои населенія». И только слѣдующій ораторъ группы, г. Петровъ, категорически заявилъ: «для насъ, представителей трудовой массы населенія, предложенный адресъ не пригоденъ». Но во всякомъ случаѣ ни г. Ляхницкому, ни г. Петрову не удалось сколько-нибудь обстоятельно изложить и мотивировать свое мнѣніе. Крайніе правые и октябристы чуть не на каждомъ словѣ прерывали обоихъ названныхъ ораторовъ, а предсѣдатель-

ствовавшій г. Хомяковъ, съ своей стороны, приложилъ всѣ усилія не къ охраненію свободы слова, а къ возможно большему стѣсненію ея для лѣвыхъ депутатовъ. Въ конечномъ итогѣ поправка къ адресу, внесенная трудовой группой, даже не баллотировалась, а просто была снята думскимъ большинствомъ съ очереди путемъ отказа подвергнуть ее баллотировкѣ. Однако и послѣ того трудовая группа не нашла нужнымъ вотировать противъ адреса и ограничилась лишь заявленіемъ о своемъ воздержаніи отъ участія въ его баллотировкѣ.

Еще менѣе устойчивости и послѣдовательности проявила к.-д. фракція. Начавъ съ категорическихъ заявленій о необходимости полной ясности въ адресѣ, поскольку онъ говоритъ о существующемъ въ Россіи государственномъ строѣ, и съ рѣшительныхъ утвержденій, что было бы «преступленіемъ» не назвать своимъ именемъ—именемъ конституціи—«вещь, къ которой стремилось столько поколѣній», к.-д. фракція не удержалась, однако, при этихъ, казалось бы, связывавшихъ ее заявленіяхъ и очень скоро перешла на другую позицію. Уже г. Маклаковъ, находившій, что «когда рѣчь идетъ о такомъ важномъ вопросѣ, какъ русскій государственный строй, языкъ Думы долженъ быть выше условностей придворной терминологіи и не долженъ быть ослабленъ партійными компромиссами и политическою дипломатіею», хотя и отстаивалъ съ этой точки зрѣнія поправки, предлагавшіяся къ адресу к.-д. фракціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ нужнымъ сказать, что онъ «все-таки не видитъ затрудненій, чтобы принять адресъ и въ неисправленномъ видѣ». Такимъ образомъ г. Маклаковъ обнаружилъ полную готовность перехватить руку, протянутую г. Гучковымъ по направленію къ крайнимъ правымъ. Когда же поправка этихъ послѣднихъ, требовавшая включенія въ адресъ упоминанія о самодержавіи, была отклонена октябристами, к.-д. фракція, устами г. Милюкова, взяла назадъ всѣ свои поправки и въ результатѣ октябристскій адресъ былъ принятъ Думой безъ всякихъ исправленій.

Немалая часть нашей прогрессивной печати проявила наклонность усматривать въ этомъ исходѣ преній объ адресѣ какое-то «торжество» конституціонализма, какую-то «побѣду» надъ старымъ режимомъ. Позволительно, однако, спросить, въ чемъ собственно заключается эта побѣда и по какому именно случаю провозглашается торжество. Нѣтъ надобности много говорить о томъ, что при существующихъ условіяхъ думское рѣшеніе по разбиравшемуся вопросу, будь оно даже совершенно точнымъ и опредѣленнымъ, представляло бы собою только пожеланіе Думы, и больше ничего. Для того, чтобы такое пожеланіе могло превратиться въ дѣйствительность, нужно было бы еще согласіе другой силы, стоящей внѣ Думы, а безъ этого условія рѣшеніе Думы остается висѣть въ воздухѣ и, во всякомъ случаѣ, не можетъ оказать никакого вліянія на

дѣятельность государственныхъ учрежденій. Недовольное ролью октябристовъ «Новое Время» съ гримасой замѣтило по ихъ адресу, что они приняли Думу за учредительное собраніе. Въ этихъ словахъ была доля истины, но, надо оговориться, доля весьма небольшая. Путаница нашей жизни въ настоящее время такъ велика, что даже Дума 3 іюня, незамѣтно для самой себя, дѣйствительно, приняла позу учредительнаго собранія. Но между позой и существомъ дѣла есть глубокое различіе и отъ высказыванія своихъ мнѣній и пожеланій до декретированія законовъ, опредѣляющихъ существо государственнаго строя, такъ же далеко, какъ отъ слова до дѣйствія.

Все сказанное до сихъ поръ обнимаетъ, однакоже, лишь одну сторону дѣла. Есть еще и другая сторона, въ свою очередь имѣющая серьезное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если нельзя говорить о реальной побѣдѣ, одержанной въ Думѣ надъ старымъ режимомъ въ день 13 ноября, то, можетъ быть, слѣдуетъ признать наличность моральной побѣды, достигнутой въ этотъ день и выразившейся въ томъ, что большинство третьей Думы,—Думы, собранной по закону 3 іюня,—заявило себя конституціоналистами? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо, прежде всего, вспомнить тѣ рамки, въ которыхъ велись думскія пренія. Въ этихъ преніяхъ рѣчь шла не столько о реальной сущности, сколько о формѣ, въ нихъ спорившія стороны не столько говорили о существѣ порядковъ, воцарившихся въ настоящее время въ Россіи, сколько подыскивали терминъ для опредѣленія текста законодательныхъ актовъ, совершенно независимо отъ того, имѣютъ ли эти акты дѣйствительную силу или же являются лишь мертвой буквой, беззаботно и безнаказанно нарушаемой властями. Но и въ этомъ чисто формальномъ, чтобы не сказать, чисто словесномъ, спорѣ либеральная оппозиція, представленная конституціонно-демократической партіей, не удержалась до конца на первоначально занятой ею позиціи и, испугавшись возможности остаться въ одиночествѣ, перешла на позицію октябристовъ, ту самую, которая по справедливой оцѣнкѣ публицистовъ и ораторовъ самой к.-д. партіи, предназначена удовлетворить всѣхъ и именно поэтому не способна удовлетворить никого. И двусмысленность этой позиціи, достаточно вскрывшаяся уже въ рѣчахъ октябристовъ, была еще болѣе подчеркнута присоединеніемъ къ октябристскому адресу «фракціи умѣренныхъ правыхъ», представитель которой передъ тѣмъ категорически заявилъ, что «конституцій въ смыслѣ западно-европейскомъ у насъ не существуетъ» и что поэтому его фракція «подъ словами «обновленный государственный строй» конституціи не признаетъ и не подразумѣваетъ».

При такихъ условіяхъ говорить о какой-либо моральной побѣдѣ, достигнутой думскимъ голосованіемъ 13 ноября, значитъ добровольно закрывать глаза на совершенно ясные, ясные до оче-

видности, факты. Въ дѣйствительности 13 ноября произошло нѣчто совершенно противоположное. Побѣдили октябристы, добившіеся принятія своей формулы, умышленно безсодержательной и никого ни къ чему не обязывающей. Либеральная же оппозиція въ лицѣ конституціонно-демократической партіи, добиваясь во что бы то ни стало единенія съ октябристскимъ центромъ, добровольно отступила на позицію, которая была указана этимъ послѣднимъ и занятіе которой, по опредѣленію вождя к.-д. партіи, г. Милюкова, было равносильно «преступленію» передъ избирателями.

Но «аппетитъ растетъ при ѣдѣ», говоритъ французская пословица,—и отступленіе оппозиціи немедленно повлекло за собою новое наступленіе правительства. Кампанія была открыта сперва въ прессѣ—«Новымъ Временемъ» и «Русскимъ Знаменемъ», обвинившими октябристовъ въ «измѣнѣ» за ихъ отказъ внести въ адресъ упоминаніе о самодержавіи. Вслѣдъ за тѣмъ та же кампанія была перенесена и въ Думу путемъ оглашенія въ ней предсѣдателемъ совѣта министровъ правительственной деклараціи. И общій тонъ этой деклараціи, и отдѣльныя положенія, заключавшіяся въ ней, звучали вполнѣ опредѣленно, какъ нельзя болѣе способствуя уясненію плановъ правительства и, въ частности, его отношенія къ Думѣ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ чрезвычайно характерно было уже самое начало деклараціи, въ которомъ г. Столыпинъ заявилъ, что «для успѣха совмѣстной работы Думы съ правительствомъ» ей «надлежитъ быть освѣдомленной о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ, о способахъ, намѣченныхъ для ихъ достиженія, и о существѣ законодательныхъ его предположеній». «Ясная и опредѣленная правительственная программа является въ этихъ видахъ совершенно необходимою»,—заключалъ г. Столыпинъ, самымъ недвусмысленнымъ образомъ показывая, что не правительство будетъ приспособляться къ Думѣ, а Дума должна приспособиться къ правительству.

Что касается самой правительственной программы, то она въ изложеніи г. Столыпина распадалась на двѣ части, отрицательную и положительную. Декларація прежде всего опредѣляла позицію, занятую правительствомъ по отношенію къ революціи. По словамъ г. Столыпина, «для всѣхъ теперь стало очевиднымъ, что разрушительное движеніе, созданное крайними лѣвыми партіями, превратилось въ открытое разбойничество и выдвинуло впередъ всѣ противообщественные, преступные элементы, разоряя честныхъ тружениковъ и развращая молодое поколѣніе». «Противопоставить этому явленію—продолжала декларація—можно только силу. Какія-либо послабленія въ этой области правительство сочло бы за преступленіе, такъ какъ дерзости враговъ общества возможно положить конецъ лишь послѣдовательнымъ примѣненіемъ всѣхъ законныхъ средствъ защиты. По пути искорененія преступныхъ выступленій шло правительство до настоящаго времени, этимъ путемъ

пойдетъ оно и впредь». Изъ этого общаго утвержденія г. Столыпинъ позаботился сдѣлать и нѣкоторые частные выводы. Правительству нужны «въ качествѣ орудія власти» подходящія должностныя лица и «поэтому проведеніе ими личныхъ политическихъ взглядовъ и впредь будетъ считаться несовмѣстнымъ съ государственною службою». Равнымъ образомъ «новый строй» школы, «конечно, не можетъ препятствовать правительству предъявлять соотвѣтственныя требованія къ педагогическому ея персоналу». Наконецъ, правительство «рѣшило всѣми мѣрами укрѣпить возможность быстраго и правильнаго судебнаго возмездія» и «пойдетъ къ этому путемъ созидательнымъ, твердо вѣря, что, благодаря чувству государственности и близости къ жизни русскаго судебнаго сословія, правительство не будетъ доведено смутою до необходимости предложить законодательнымъ собраніямъ законопроектъ о временной пріостановкѣ судейской несмѣняемости».

Передъ Думой была такимъ образомъ съ полной рельефностью выдвинута одна сторона правительственной программы, къ слову сказать, далеко не блещущая новизною. Революція создана крайними лѣвыми партіями, которыя являются врагами нынѣшняго правительства, а, слѣдовательно, и врагами общества. Съ ними можно только бороться, и при томъ бороться только силой, оставивъ совершенно въ сторонѣ право. И, оставаясь при этой старой своей концепціи, правительство обѣщаетъ остаться и при старой системѣ дѣйствій и даже еще болѣе обострить ее, посылая недвусмысленныя угрозы по адресу членовъ администраціи, позволяющихъ себѣ имѣть «личные политическіе взгляды», по адресу дѣятелей школы, наконецъ, по адресу судебнаго вѣдомства, при всей его податливости все еще недостаточно, по мнѣнію правительства, «близкаго къ жизни». Администрація, школа, судъ,—все это должно быть, по мысли правительста, и впредь—и впредь даже больше, чѣмъ это было до сихъ поръ,—обращено въ простое орудіе расправы съ «крамолой».

Но къ этой части своей программы правительство, устами г. Столыпина, присоединило еще другую, имѣющую, по его словамъ, положительное значеніе и касающуюся «внутренняго устроенія» государства. «Устроеніе это—говорилось въ деклараціи—требуетъ крупныхъ преобразованій, но всѣ улучшенія въ мѣстныхъ распорядкахъ, въ судѣ и администраціи останутся поверхностными, не проникнутъ въ глубь, пока не будетъ достигнуто поднятіе основного, земледѣльческаго класса государства». Для достиженія же этого поднятія благосостоянія земледѣльческаго класса необходимо «созданіе мелкой личной поземельной собственности». Къ этой цѣли правительство шло путемъ аграрныхъ законовъ, изданныхъ по 87 статьѣ, и отъ Думы оно «ждетъ усовершенствованія, быть можетъ, поправокъ въ нихъ, но въ конечномъ результатѣ твердо надѣется на приданіе имъ упроченной силы путемъ законодатель-

наго утвержденія». Иначе говоря, правительство еще разъ открыто подтвердило, что оно стремится къ насильственному разрушенію земельной общины и насильственной же постановкѣ на ея мѣсто мелкой земельной собственности. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ правительственной деклараціи, и еще болѣе въ пояснявшей ее рѣчи г. Столыпина, было рѣшительно заявлено, что, хотя и имѣется надобность въ нѣкоторыхъ частныхъ реформахъ, но дѣйствительное проведеніе ихъ въ жизнь возможно лишь послѣ окончательнаго подавленія революціи и осуществленія земельной программы правительства, принятіе которой было поставлено для Думы необходимымъ условіемъ. Такимъ образомъ то, что правительство выставило въ качествѣ своей положительной программы, въ свою очередь свелось къ одной лишь разрушительной работѣ, воплощенной въ борьбѣ съ многомилліоннымъ крестьянскимъ населеніемъ, причемъ правительство приглашало Думу явиться его союзницей въ этой борьбѣ. И лишь какъ своеобразное риторическое украшеніе мелькали при этомъ въ правительственной деклараціи обѣщанія частичныхъ улучшеній въ русской жизни, имѣющихъ наступить когда-то въ отдаленномъ будущемъ.

Что рѣчь во всякомъ случаѣ можетъ идти только о частичныхъ улучшеніяхъ, что общій порядокъ, господствующій въ русской жизни и допускающій неограниченный произволъ власти, долженъ, въ представленіи правительства, и на будущее время остаться незыблемымъ,—объ этомъ какъ нельзя яснѣе было сказано въ заключительныхъ словахъ деклараціи, явившихся прямымъ отвѣтомъ на думское голосованіе 13 ноября. Говоря о необходимости укрѣпить «прочный правовой укладъ, соотвѣтствующій русскому народному самосознанію», и включая въ такой укладъ «представительный строй», декларація тутъ же указывала и границы этого строя. «Проявленіе царской власти—говорилось въ ней—во всѣ времена показывало воочію народу, что историческая самодержавная власть и свободная воля монарха являются драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ русской государственности, такъ какъ единственно эта власть и эта воля, создавъ существующія установленія и охраняя ихъ, призвана, въ минуты потрясеній и опасности для государства, къ спасенію Россіи и обращенію ея на путь порядка и исторической правды». Въ своей пояснительной рѣчи г. Столыпинъ вновь вернулся къ тому же самому вопросу, отвергая самую возможность «обвиненія, что мы живемъ въ какой-то восточной деспотіи». По словамъ г. Столыпина, «строй, въ которомъ мы живемъ, это строй представительный, дарованный самодержавнымъ монархомъ и, слѣдовательно, обязательный для всѣхъ его вѣрноподданныхъ». Строй этотъ однако чисто русскій и долженъ остаться такимъ и впредь, такъ какъ «нельзя къ нашимъ русскимъ корнямъ, къ нашему русскому стволу прикрѣплять какой-то чужестранный цвѣтокъ». Русскія же «національныя начала» заключаются «въ развитіи земщины, въ развитіи, ко-

нечно, самоуправленія, передачѣ ему части государственныхъ обязанностей и въ созданіи на низахъ крѣпкихъ людей земли, которые были бы связаны съ государственной властью». Этому «идеалу мѣстнаго самоуправленія» соотвѣтствуетъ такой же «идеалъ наверху» въ видѣ развитія «законодательнаго, новаго представительнаго строя, который долженъ придать новую силу и новый блескъ царской верховной власти». Сама же эта власть должна оставаться самодержавною, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ въ такой формѣ, какую самодержавіе имѣло встарь. Такова, по завѣренію г. Столыпина, «зрѣло обдуманная правительственная мысль, которой воодушевлено правительство».

Такимъ образомъ передъ Думою была выставлена вполнѣ опредѣленная и законченная программа. Было произнесено, съ весьма недвусмысленными комментаріями, и то слово, котораго крайніе правые добивались но не добились отъ самой Думы въ ея адресѣ. И та рѣчь, въ которой это было сдѣлано, или, по опредѣленію «Новаго Времени», «импровизація объ историческомъ развитіи самодержавія, приведшемъ нынѣ къ народному представительству безъ ущерба исторической сущности самодержавія», «вызвала, по словамъ той же газеты, бурные аплодисменты на огромномъ большинствѣ депутатскихъ скамей и снова объединила центръ нынѣшней Думы съ правымъ ея флангомъ, что даетъ надежду на возможность возстановленія если не содружества, установившагося было (при выборѣ президіума) между центромъ и правымъ флангомъ, то ихъ согласной дѣятельности въ наиболѣе серьезныхъ моментахъ думской работы» *).

Но одними «бурными аплодисментами» дѣло не могло окончиться, и думскимъ партіямъ пришлось точнѣе и опредѣленнѣе выяснить свое отношеніе къ заявленной передъ ними правительственной программѣ. Первыми сдѣлали это крайніе правые. Ихъ ораторы, въ лицѣ гр. В. Бобринскаго и г. Маркова, выразили полную готовность «работать совмѣстно и дружно съ правительствомъ» и, «поздравивъ» послѣднее «съ той программой, которую оно объявило», высказали твердую увѣренность, что, «если правительство соблюдетъ и выполнитъ хотя бы половину того, что было объявлено, то Россія будетъ вознесена на высоту могущества, силы и покоя». Съ своей стороны, правые заявили, что они «будутъ только помогать государю въ законодательныхъ трудахъ» и въ этомъ заключается вся ихъ «программа». Такимъ образомъ въ стѣнахъ Таврическаго дворца было еще разъ торжественно продемонстрировано такъ часто обнаруживавшееся и раньше трогательное единеніе между правительствомъ г. Столыпина, съ одной стороны, и патріотическими организаціями въ родѣ «союза русскаго народа» — съ другой.

*) „Нов. Время", 17 ноября 1907 г.

Вслѣдъ за правыми наступила очередь оппозиціи. Въ частности министерская декларація дала поводъ къ первому выступленію соціалъ-демократовъ, которые до той поры воздерживались отъ всякаго участія въ думской жизни. Представитель соціалъ-демократической фракціи, г. Покровскій, въ своей рѣчи ясными и рѣзкими чертами обрисовалъ политику правительства за послѣдніе годы, характеръ третьей Думы и ту роль, какую намѣрены взять на себя въ этой Думѣ соціалъ-демократы. «Пусть,—говорилъ ораторъ,—попраны основные законы, пусть въ домѣ народнаго представительства, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны были сидѣть представители трудящихся массъ, мы видимъ ихъ эксплуататоровъ. Отсюда мы всегда и во всеуслышаніе всей страны будемъ вопіять объ этомъ беззаконіи, о необходимости осуществленія народныхъ правъ и будемъ требовать всенароднаго представительства на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Пусть думское большинство вмѣстѣ съ правительствомъ занимается вопросомъ объ успокоеніи страны и водвореніи въ ней порядка. Пусть занимается разрѣшеніемъ вопросовъ, какъ удовлетворить народныя желанія и нужды... Мы будемъ слѣдить за ихъ дѣятельностью и разоблачать эту дѣятельность. Пусть они называютъ себя народными печальниками—мы постараемся разоблачить передъ народомъ, что по поводу народнаго горя они льютъ крокодиловы слезы и что они, взявъ въ свои руки законодательную дѣятельность, поведутъ ее по линіи удовлетворенія требованій привилегированныхъ классовъ, а не большинства трудящихся массъ. Пусть правительство при поддержкѣ большинства Думы проводитъ свою прежнюю разорительную, убійственную и кровавую политику — мы отсюда будемъ слѣдить шагъ за шагомъ, пользуясь правомъ запроса, будемъ указывать на характеръ этой политики, какъ на характеръ антинародный. Шагъ за шагомъ, отъ закона къ закону, мы будемъ слѣдить за дѣятельностью правительства и дѣйствительнаго большинства Государственной Думы и ни на минуту мысль о народныхъ интересахъ насъ не оставитъ». Приблизительно въ томъ же смыслѣ опредѣлилъ позицію своихъ товарищей и представитель трудовой группы съ примыкающими къ ней депутатами, г. Розановъ.

Въ свою очередь, и конституціонно-демократическая фракція сперва попыталась было въ виду министерской декларацiи выступить въ роли рѣшительной оппозиціи правительства. Г. Милюковъ въ своей рѣчи указалъ, правда, въ очень осторожныхъ и сдержанныхъ, но все же опредѣленныхъ выраженіяхъ, на то, что политика правительства носитъ не народный, а дворянскій характеръ и, въ сущности, прямо продиктована правительству совѣтомъ объединеннаго дворянства. Еще болѣе рѣшительна и опредѣленна была рѣчь г. Родичева, проникнутая чувствомъ глубокаго негодованія, согрѣтая огнемъ ораторскаго вдохновенія и мѣстами возвы-

навшаяся до истиннаго паѳоса. Но эта же рѣчь, именно въ силу ея рѣшительности и опредѣленности, дала поводъ к.-д. фракціи измѣнить первоначально занятой ею позиціи и присоединиться къ чествованію того самаго министерства, политику котораго фракція собралась было осудить. Этотъ эпизодъ настолько характеренъ для третьей Думы въ ея цѣломъ и для ея к.-д фракціи въ частности, что на немъ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Характеризуя систему насилій, практикуемую правительствомъ, г. Родичевъ, между прочимъ, сказалъ было: «Въ то время, когда русская власть въ борьбѣ съ эксцессами революціи видѣла только одно средство, одинъ палладіумъ вашей побѣды въ петлѣ, которую г. Пуришкевичъ назвалъ муравьевскимъ воротникомъ и потомокъ Пуришкевича, быть можетъ, назоветъ столыпинскимъ галстухомъ»... Окончить ни этой фразы, ни вообще своей рѣчи оратору уже не пришлось. Крайніе правые и октябристы прервали его бѣшеными криками: «долой! вонъ!» и съ поднятыми кулаками устремились къ трибунѣ, оглашая своды думской залы такими выраженіями, какихъ ни одна стенографистка не рѣшилась внести въ стенограммы, и ни одинъ хроникеръ не могъ передать въ печати. Для успокоенія разыгравшихся страстей предсѣдателю пришлось прервать засѣданіе. Затѣмъ, однако, инцидентъ получилъ нѣсколько неожиданное теченіе. Во время перерыва думскаго засѣданія, г. Столыпинъ черезъ двухъ министровъ потребовалъ у г. Родичева извиненія и послѣдній немедленно принесъ таковое, послѣ чего услышалъ отъ г. Столыпина странныя слова: «Я васъ прощаю». Когда открылось вновь засѣданіе Думы, предсѣдательствовавшій г. Хомяковъ предложилъ ей примѣнить къ г. Родичеву, «въ виду того, что онъ позволилъ себѣ оскорбить высшаго представителя правительства», высшую мѣру наказанія, т. е. исключеніе изъ Думы на 15 засѣданій. Г. Родичевъ съ трибуны заявилъ, что онъ «беретъ свои слова назадъ», что онъ «не имѣлъ намѣренія оскорблять ни Государственную Думу, ни депутата Пуришкевича, ни тѣмъ болѣе предсѣдателя совѣта министровъ» и что онъ «принесъ свои личныя извиненія» послѣднему. Не смотря на это, предсѣдатель поставилъ свое предложеніе на баллотировку и Дума громаднымъ большинствомъ голосовъ противъ 96 приняла его, постановивъ исключить г. Родичева на 15 засѣданій. Вслѣдъ затѣмъ г. Крупенскій предложилъ Думѣ апплодисментами «выразить глубокое уваженіе главѣ русскаго правительства, подвергшемуся оскорбленію». Это предложеніе дало поводъ къ бурной оваціи по адресу предсѣдателя совѣта министровъ: громадное большинство членовъ Думы съ громкими апплодисментами поднялось съ своихъ мѣстъ и—къ этому выраженію «глубокаго уваженія» г. Столыпину неожиданно присоединилась и к.-д. фракція, во главѣ съ своимъ вождемъ, г. Милюковымъ.

Представители к.-д. фракціи позднѣе объясняли ея поведеніе

тѣмъ, что она не могла раздѣлить личнаго оскорбленія, яко бы заключавшагося въ словахъ г. Родичева, и вмѣстѣ съ тѣмъ старалась поступить такимъ образомъ, чтобы оваціи по адресу г. Столыпина не могъ быть приданъ политическій характеръ, который яко-бы уничтожался участіемъ въ этой оваціи конституціоналистовъ-демократовъ. Въ свою очередь, конституціонно-демократическая «Рѣчь» поторопилась заявить, что г. Родичевымъ допущено было «нарушеніе парламентскихъ правилъ рѣчи», которое и вызвало «законное возмущеніе». К.-д. оффиціозъ отказывался «защищать то выраженіе, которое въ пылу страстной импровизаціи вырвалось у оратора», такъ какъ «оно не должно было быть сказано съ думской трибуны, оно было не парламентскимъ и это созналъ, прежде всего, самъ г. Родичевъ» *). Надо признаться, однако, что и эти оправданія фракціи, и эти обвиненія г. Родичева по существу весьма мало убѣдительны. Казалось бы, г. Родичевъ говорилъ не о частной жизни г. Столыпина, а объ его государственной дѣятельности, и о личномъ оскорбленіи въ точномъ смыслѣ этого слова здѣсь не могло быть рѣчи. Точно такъ же и г. Крупенскій предлагалъ «выразить глубокое уваженіе» не личной жизни г. Столыпина, — да почему бы и могла интересовать Думу эта личная жизнь? — а «главѣ правительства», и укрыть политическій характеръ этой демонстраціи довольно трудно. Трудно также понять и то, что, собственно, «непарламентскаго» нашли въ словахъ г. Родичева строгіе к.-д. парламентаріи, еще въ первой Думѣ допускавшіе гораздо болѣе рѣзкія выраженія. И если странно, что самъ г. Родичевъ немедленно послѣ своей рѣчи счелъ нужнымъ извиняться и брать свои слова назадъ, то еще болѣе странно поведеніе к.-д. фракціи въ ея цѣломъ. Трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что съ г. Родичевымъ въ третьей Думѣ она повторила ту же исторію, что съ г. Зурабовымъ во второй. Только на этотъ разъ к.-д. фракція имѣла дѣло съ собственнымъ членомъ; но и это не помѣшало ей въ рѣшительную минуту покинуть его и торжественно присоединиться къ его противникамъ. Во всякомъ случаѣ, к.-д. фракція и на этотъ разъ не устояла на дорогѣ рѣшительной и послѣдовательной оппозиціи и, въ своемъ стремленіи стать поближе къ думскому центру, опять недвусмысленно уклонилась направо. Еще болѣе рѣшительно продѣлали то же движеніе думскіе «прогрессисты» и мирнообновленцы, которые довели свое усердіе до такой степени, что не постѣснялись голосовать за исключеніе г. Родичева.

Октябристскій центръ, однако, мало тронули самоотверженныя усилія к.-д. оппозиціи подойти къ нему поближе, и въ слѣдующемъ же засѣданіи Думы онъ, устами цѣлаго ряда ораторовъ, категорически опредѣлилъ свою позицію, какъ враждебную конституціоналистамъ-демократамъ и близкую къ правительству. Г. Шубинскій

*) „Рѣчь“, 18 ноября, 1907 г.

находилъ въ предыдущихъ шагахъ своей партіи въ Думѣ «сползаніе налѣво» и предупреждалъ ее объ опасности такого «сползанія», которое уже породило «призракъ оппозиціонной тѣни» между октябристами и правительствомъ; г. Плевако краснорѣчиво доказывалъ, что манифестъ 17 октября въ виду его важности слѣдуетъ вспоминать порѣже; г. Капустинъ добродушно совѣтовалъ Думѣ явиться помощницей правительства; наконецъ, г. Уваровъ отъ имени октябристовъ рѣшительно отказался принять протянутую къ нимъ руку к.-д. партіи и выразилъ полное одобреніе тому пути въ земельномъ вопросѣ, на который стало правительство. Были, правда, въ этомъ хорѣ и иныя ноты, въ родѣ рѣчи г. Петрово-Соловово, утверждавшаго, будто октябристы собираются поддерживать и защищать «представительный строй» въ обще-человѣческомъ, а не въ какомъ-то особенномъ, чисто-русскомъ смыслѣ этого слова, но въ такихъ нотахъ звучала явственная фальшь и не онѣ, во всякомъ случаѣ, создавали главный мотивъ октябристскаго хора. Этотъ мотивъ, прозвучавшій какъ нельзя болѣе явственно, свелся къ преданности и повиновенію, повиновенію и преданности.

Въ тотъ моментъ, когда я пишу настоящія строки, рѣшеніе Думы по вопросу о правительственной деклараціи еще не вынесено, но каково бы оно ни было, въ сущности, характеръ третьей Думы уже достаточно опредѣлился. Эта Дума, именующая себя собраніемъ «народныхъ представителей», ухитрилась выбрать себѣ президіумъ, наполовину составленный изъ открытыхъ враговъ народнаго представительства. Во главѣ этой Думы, на бумагѣ еще одаренной правами «законодательнаго учрежденія», стоитъ предсѣдатель, который такъ хорошо понимаетъ свои обязанности, что упорно проситъ думскихъ ораторовъ «не касаться существующихъ законовъ». Но характеръ президіума и манеры предсѣдателя стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ составомъ Думы. Хозяевами третьей Думы являются своего рода «дикіе помѣщики», которые пришли въ нее съ тѣмъ, чтобы помочь разрушить завоеванія революціи, и которые смѣло могли бы взять своимъ девизомъ слова одного изъ своихъ товарищей, г. Маркова: «Оставимъ цѣлесообразность! прочь справедливость!» Къ болѣе откровеннымъ и экспансивнымъ, держащимъ себя на-распашку правымъ въ этомъ отношеніи тѣсно примыкаютъ ихъ ближайшіе сосѣди, нѣсколько болѣе сдержанные и нѣсколько болѣе образованные октябристы, въ силу большаго своего образованія способные подчасъ проговариваться почти что либеральными словами, но умѣющіе и прятать эти слова при малѣйшемъ «призракѣ оппозиціонной тѣни» между собою и правительствомъ. Этимъ группамъ принадлежитъ рѣшающій голосъ въ третьей Думѣ. Либеральная оппозиція, представленная к. д. фракціей, въ свою очередь, клонится направо, хотя такое уклоненіе нисколько не обезпечиваетъ ей реальнаго вліянія на ходъ думской жизни и только сбиваетъ ее самое съ прямой и ясной дороги. Что касается

лѣвыхъ группъ, то, оставаясь совершенно изолированными и обладая слишкомъ ничтожной численностью, чтобы получить серьезное значеніе внутри самой Думы, онѣ могутъ ставить задачей своей дѣятельности только освѣщеніе въ глазахъ населенія истинной роли правительства и Думы.

Составленная такимъ образомъ третья Дума желаетъ «работать», желаетъ показать свою «работоспособность». Октябристы слыхали, что главная парламентская работа совершается въ коммиссіяхъ. И безъ всякаго плана, безъ всякой системы, безъ какихъ бы то ни было предварительныхъ указаній Дума выбрала цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ коммиссій, начиная съ коммиссіи по государственной оборонѣ и кончая коммиссіей о рыболовствѣ. Пусть всѣ эти разнообразныя коммиссіи остаются несогласованными одна съ другой, пусть онѣ не имѣютъ ни инструкцій, ни указаній отъ Думы, пусть онѣ даже не знаютъ, что имъ дѣлать. Все это не важно. Важно то, что этимъ путемъ создается видимость работы, «совмѣстной и дружественной работы съ правительствомъ», и важно то, что является возможность сократить общія засѣданія Думы. Но въ третьей Думѣ будутъ всетаки и общія засѣданія. Въ этихъ засѣданіяхъ будутъ вотироваться ассигновки, нужныя правительству, будетъ утверждаться заемъ, будетъ выражаться одобреніе правительственнымъ дѣйствіямъ, будутъ, пожалуй, говориться сладкія и громкія рѣчи о манифестѣ 17 октября, въ который не вѣрятъ сами авторы рѣчей и въ которомъ давно изверилось изстрадавшееся населеніе.

Какъ же отнесется это населеніе къ думскимъ рѣшеніямъ и къ думскимъ рѣчамъ? Говорятъ, что оно еще вѣритъ даже въ третью Думу, говорятъ, что оно чего-то ждетъ отъ нея. Я думаю на этотъ счетъ нѣсколько иначе. Мнѣ кажется, что громадныя массы населенія глубоко равнодушны къ третьей Думѣ. И, когда я думаю о возможныхъ отношеніяхъ между третьей Думой и народомъ, мнѣ невольно приходятъ на умъ вѣщія слова, которыми какъ-то нечаянно обмолвился одинъ изъ самыхъ правыхъ депутатовъ этой Думы: «въ глубинѣ народа, господа, дѣлается великое дѣло; тамъ идетъ священная работа, тамъ льются слезы, а не слова, и оттуда выйдетъ рѣшеніе».

В. Мякотинъ.

Хозяева.

Тотчасъ послѣ появленія избирательнаго закона 3 іюня было совершенно ясно, изъ какихъ элементовъ должно составиться большинство третьей Думы. И пока Дума находилась, такъ сказать, въ утробномъ періодѣ, къ этому предполагаемому большинству отношеніе было довольно опредѣленное. Элементы, изъ которыхъ оно должно было составиться, получили кличку: «зубры», при чемъ въ разрядъ зубровъ одинаково вносились и кн. Волконскій изъ Тамбова, и французскій эмигрантъ Дорреръ изъ Курска, и г. Родзянко изъ Екатеринослава, и представитель бессарабской семьи Крупенскихъ, которая располагаетъ на дворянскомъ собраніи «своей губерніи» 52 голосами, и черниговская семья дворянъ Глѣбовыхъ, не столь мощная, какъ Крупенскіе, но все же достаточно вліятельная... Казалось бы, фигуры эти далеко не одинаковы и по темпераменту, и по образу мыслей. Достаточно напомнить, что Родзянко, напр., не только истреблялъ оцѣночную статистику, но и участвовалъ въ работахъ земскихъ съѣздовъ. Крупенскіе не только держали въ своихъ рукахъ дворянство Бессарабской губ., но и были въ оппозиціи къ «режиму Плеве». Черниговскіе Глѣбовы еще въ серединѣ 1905 г. слыли умѣренными либерами, тогда какъ гр. Дорреръ дѣвственно чистъ отъ какихъ бы то ни было обвиненій въ либерализмѣ... Безъ сомнѣнія, эти различія учитывались. Въ нѣкоторыхъ газетахъ дѣлались попытки разобрать, гдѣ кончаются зубры одного сорта, и гдѣ начинаются зубры другого сорта. Однако, уловить сколько-нибудь замѣтную грань между ними до выборовъ не удалось.

Затѣмъ подошли выборы. Появилась очередная забота: нельзя ли изъ ожидаемаго большинства создать «конституціонный центръ». И въ этихъ видахъ зубровъ наскоро раздѣлили на двѣ части. Одна часть была признана безнадежною въ смыслѣ конституціонности,—это зубры правые. Другая часть, именующая себя октябристами, видимо, подавала въ этомъ смыслѣ нѣкоторыя надежды. И мѣсяца полтора въ газетахъ дѣлались догадки и предположенія такого, примѣрно, рода:

— Ежели бы октябристы да присоединились къ кадетамъ, то... Ежели бы кадеты да передвинулись на сторону октябристовъ, то... Ежели бы октябристамъ удалось впитать въ себя наиболѣе трезвыхъ кадетовъ да привлечь на свою сторону часть безпартійныхъ «правыхъ», то...

Это былъ длительный разговоръ объ октябристахъ вообще. Въ нихъ составъ входилъ упомянутый уже г. Родзянко, который еще въ 1901 г., будучи предсѣдателемъ екатеринославской губ. земской

управы, проектировалъ принудительное разселеніе крестьянъ и принудительный переходъ къ хуторскому хозяйству. И хотя въ Екатеринославской степи при осуществленіи столь грандіознаго плана пришлось бы вырыть до 100 тысячъ однихъ только новыхъ колодцевъ, однако, г. Родзянко этимъ не смущался. Проектъ былъ разработанъ нѣкіимъ г. Заломановымъ и изданъ подъ заглавіемъ: «Объ организаціи агрономическихъ мѣропріятій, съ цѣлью поднятія сельско-хозяйственнаго производства въ Екатеринославской губ.»... Вошелъ въ составъ октябристовъ и бывшій предсѣдатель сосницкой (Черниговской губ.) уѣздной земской управы, а нынѣ членъ Государственной Думы г. Скоропадскій, который въ 1905 г. предлагалъ улучшить экономическое благосостояніе черниговскаго края и поднять ростъ мѣстныхъ производительныхъ силъ путемъ поощренія къ уходу черниговскихъ крестьянъ на заработки въ Америку.

— «Американскія деньги,—мечтательно писалъ по этому поводу г. Скоропадскій въ «Земскомъ сборникѣ Черниговской губ.»— польются къ намъ, увеличивая наше благосостояніе, способствуя нашему прогрессу»...

Входилъ въ составъ октябристовъ и минскій дѣятель Шмидъ, который былъ руководителемъ мѣстнаго союза 17 октября, руководителемъ мѣстнаго же союза русскаго народа, въ разгаръ выборовъ оказался осужденнымъ еще въ 1891 г. за государственную измѣну отставнымъ капитаномъ второго ранга, и тѣмъ не менѣе былъ избранъ въ депутаты.

Разумѣется, октябристскій свѣтъ не на этихъ трехъ фигурахъ клиномъ сошелся. Есть въ немъ много другихъ фигуръ. Есть люди, идущіе, подобно г-ну Родзянку, сознательно, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ къ намѣченной цѣли. Есть благонамѣренные мечтатели, въ родѣ г-на Скоропадскаго, съ такимъ же наивнымъ представленіемъ объ экономической жизни народа, какимъ обладалъ анекдотическій учитель географіи, объяснявшій ученикамъ:

— Итальянцы—народъ бѣдный. Всѣ они занимаютъ другъ у друга деньги и тѣмъ поддерживаютъ свое существованіе.

Есть и двуликіе Янусы, вооруженные, на манеръ г. Шмида, манифестомъ 17 октября съ одной стороны и дубиною союза русскаго народа съ другой. Есть, пожалуй, и еще кой-какіе виды и разновидности. Но все это опять-таки валилось въ одну кучу при построеніи проектовъ конституціоннаго центра. Иногда, впрочемъ, наскоро пришпиливались надписи: «лѣвый октябристъ», «правый октябристъ»... Но прежде чѣмъ удалось разобрать, кто правѣе, — Родзянко или Скоропадскій, и кто лѣвѣе,—Скоропадскій или Родзянко, третья Государственная Дума родилась.

Къ 1 ноября личный составъ большинства, предусмотрѣннаго новымъ избирательнымъ закономъ, опредѣлился. Онъ оказался необыкновенно пестрымъ даже по заголовкамъ: 96 октябристовъ, 90

правыхъ, 44 монархиста, 33 союзника русскаго народа, 8 бессарабскихъ централистовъ, 8 балтійскихъ монархистовъ... При чемъ каждая изъ этихъ группъ разбивается на нѣсколько теченій. Такимъ образомъ, блестяще оправдалось предсказаніе, что зубры есть публика разномастная. Но блестяще оправдалось и другое предсказаніе, что эта публика, не смотря на ея разномастность, имѣетъ кое-какія общія, родовыя черты. Дѣйствительно, не только посторонніе, но сами, напр., монархисты оказались не въ состояніи опредѣлить, что ихъ отграничиваетъ отъ правыхъ; точно такъ же октябристы не знаютъ, почему они не монархисты, а монархисты—почему они не союзники... Безсильное размежеваться и вынужденное примириться съ массою взаимныхъ треній, «большинство» выступило, однако, весьма единодушно, осуществляя хозяйскія права въ русскомъ парламентѣ, уже во время переговоровъ о выборѣ президіума. И какъ разъ тогда, когда вполнѣ выяснилось, что прежде рекомые зубры и въ самомъ дѣлѣ «хозяева», стала съ разныхъ сторонъ проскальзывать надежда:

— А вѣдь они, пожалуй, могутъ...

— Могутъ,—какъ выразился «Товарищъ» въ день открытія третьей Думы,—«поставить вмѣсто произвола законъ... сдѣлать возможнымъ относительно прочное существованіе свободной печати, политическихъ партій, профессіональныхъ союзовъ, всевозможныхъ экономическихъ и культурныхъ учрежденій, къ созданію которыхъ съ такою энергіею стремятся теперь народныя массы».

— Могутъ—согласилась констуціонно-демократическая «Рѣчь», называя эту мысль «Товарища» «трезвою» мыслью.

— Могутъ—соглашается, въ свою очередь, и «Новое Время», которое начертало даже рядъ реформъ, подлежащихъ немедленному осуществленію.

Та же надежда сквозила и въ словѣ митрополита Антонія, передъ молебномъ по случаю открытія Думы:

«Въ третій разъ, — такъ обосновывалъ архипастырь свою мысль,—совершаемъ мы здѣсь наши моленія, но со скорбію вынуждаемся сказать, что молящихся въ Думѣ, за немногими изъ среды ея исключеніями, мы не видѣли. А оттого и труды ея не ыли доселѣ мирными, плодотворными и созидательными»...

«Хозяева» первыхъ двухъ Думъ не молились. «Хозяева» третьей Думы, по словамъ газетъ, молились довольно усердно. Слѣдовательно, какъ выразился высокопреосвященный, «Богъ благословитъ ихъ благоспоспѣшествомъ». Словомъ, съ какой бы стороны ни подойти, оказываются они «могутъ»...

II.

Они «могутъ водворить внутренній порядокъ». Они могутъ, вмѣсто торжества произвола, установить торжество законности... И, если разсуждать отвлеченно, то, конечно, могутъ. Скажу больше: они до извѣстной степени давно могли.

Вспомните депутатовъ первой и второй Думы: Лосевъ, Михайличенко, Тихвинскій, Сиговъ, Пьяныхъ... Они привозили съ собою въ Петербургъ вопль:

— Обезсудѣла земля. Жить нельзя.

Быть можетъ, они, забрасывая министровъ запросами, слишкомъ поддавались непосредственному чувству и жаждѣ водворить на мѣсто произвола хоть какое-либо подобіе законности. Но они могли дѣйствовать въ этомъ направленіи только на думской трибунѣ. Здѣсь, въ Думѣ, Лосевъ сумѣлъ хоть потрясти сердца своею метафорой: Россія — Самсонъ. Но тамъ, у себя, въ тамбовской глуши значеніе Лосева, въ смыслѣ вліянія на администрацію, равно нулю. Кричи, плачь, хоть лобъ расшиби,—даже урядникъ бровью не шевельнетъ.

Въ иномъ положеніи такіе люди, какъ Родзянко, Крупенскій etc. Я понимаю, что и ихъ вліяніе обусловлено извѣстными предѣлами. Однако, есть случаи настолько ясные, настолько безспорные, когда тотъ же г. Родзянко во имя законности могъ бы скомандовать: «руки по швамъ», не только урядику, но, пожалуй, и губернатору. Не вдаваясь въ общую характеристику этихъ ясныхъ и безспорныхъ случаевъ, я позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ конкретныхъ примѣрахъ.

Въ Екатеринославѣ на все время послѣдней предвыборной кампаніи мѣстнымъ союзникамъ русскаго народа была предоставлена исключительная власть «рѣшить и вязать». И на этой почвѣ произошло, между прочимъ, слѣдующее. Два пьяныхъ союзника забрались въ вагонъ трамвая, заплатить за билеты не пожелали и произвели «дебошъ». Случайно въ этомъ вагонѣ оказался, кромѣ кондуктора и контролера, директоръ трамвая. Директоръ, чтобы унять хулигановъ, приказалъ остановить вагонъ и позвать городовыхъ. Городовые явились и, по распоряженію пьяныхъ дебошировъ, арестовали директора трамвая и контролера. А такъ какъ дебоширы заявили, что директоръ и контролеръ совершили нападеніе на вагонъ въ цѣляхъ экспропріаціи, то оба арестованные, лично извѣстные всей екатеринославской полиціи, были заключены, впредь до разбора дѣла, подъ крѣпкій караулъ *). Разумѣется, ихъ пришлось вскорѣ освободить. Но, будь это люди менѣе замѣтные,

*) „Бирж. Вѣд.“, 10 октября, 1907 г.

дѣлу ничто не мѣшало попасть въ военный судъ: свидѣтели-то, вѣдь, есть.

Легко понять, почему въ это дѣло не могъ вмѣшаться депутатъ третьей Думы отъ рабочихъ Екатеринославской губерніи Кузнецовъ: какъ простого рабочаго, его бы «моментально проглотили». Но вотъ другіе депутаты отъ Екатеринославской губерніи: бывшій членъ Государственнаго Совѣта Родзянко, предводитель дворянства Каменскій, бывшій попечитель харьковскаго учебнаго округа Алексѣенко, членъ земской управы Бергманъ, совѣтникъ губернскаго правленія Гололобовъ, землевладѣлецъ Тищенко, пользующійся большимъ вліяніемъ на высшее епархіальное начальство учитель духовнаго училища Образцовъ... Этимъ людямъ ничто не мѣшало встать на защиту города, преданнаго во власть пьяныхъ хулигановъ. Они могли «устранить произволъ», хотя бы въ его ужъ черезчуръ оголтѣлыхъ формахъ. Но, вѣдь, пьяные хулиганы, по требованію которыхъ былъ арестованъ даже директоръ екатеринославскаго трамвая, находились подъ командою именно нынѣшняго депутата третьей Думы Образцова, какъ руководителя мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа. Именно его команда въ день выборовъ по городу Екатеринославу произвела цѣлый рядъ вооруженныхъ нападеній на «сомнительныхъ» избирателей. И благодаря именно этимъ своевременно принятымъ мѣрамъ, оказался избраннымъ не популярный въ Екатеринославѣ (да и за предѣлами Екатеринослава) присяжный повѣренный А. М. Александровъ, а руководитель шайки «союзниковъ» Образцовъ. И затѣмъ на губернскомъ избирательномъ собраніи гг. Родзянко, Каменскій, Алексѣенко, Бергманъ, Гололобовъ, Тищенко etc. прекрасно были освѣдомлены, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло въ лицѣ г. Образцова. Но какъ же быть, если, сверхъ избирательнаго закона 3 іюня, оказались нужны еще кое-какія приватныя мѣры, чтобы обезпечить вѣрное большинство?.. И г. Образцовъ—членъ Думы...

На первомъ съѣздѣ октябристовъ въ Москвѣ г. Ковригинъ имѣлъ мужество во всеуслышаніе «поставить точку надъ і»:

«Я,—заявилъ онъ,—рѣшительно противъ немедленной отмѣны чрезвычайной охраны. Мы, союзъ 17 октября, только и могли начать говорить по осуществленіи чрезвычайной охраны. Безъ охраны намъ будетъ трудно просуществовать, какъ значительной партіи».

Жизнь—великій учитель. И не надо прекословить, если она обнаруживаетъ, что «намъ трудно просуществовать, какъ значительной партіи», не только безъ охраны, но и безъ періодическаго предоставленія россійскихъ городовъ во власть, выражаясь мягко, агентовъ союза русскаго народа.

За послѣдніе 3—4 мѣсяца довольно широкую извѣстность пріобрѣлъ своими грандіозными «облавами» черниговскій губернаторъ Родіоновъ. Предводительствуя солиднымъ воинскимъ отрядомъ,

г. Родіоновъ проходилъ сквозь весь уѣздъ, останавливался въ селахъ и деревняхъ, требуя «выдачи зачинщиковъ», и по этому случаю произносилъ рѣчи, которыя потомъ обязательно печатались въ оффиціозномъ «Черниговскомъ Словѣ». Всѣ онѣ очень походятъ одна на другую. И для образца, пожалуй, не лишне напомнить одну изъ нихъ, напечатанную въ № 234 названнаго оффиціоза (произнесена на сходѣ крестьянъ въ с. Шаповаловкѣ борзенск. у.):

«Мнѣ лично приходилось уже быть въ вашемъ разбойномъ селѣ и собирать сходъ, такъ что теперь я говорить съ вами не буду. Вы должны сами между собою рѣшить, кто у васъ въ селѣ вредные люди, кто у васъ мутитъ и разбойничаетъ и, выдавъ ихъ полиціи, составить приговоръ о выселеніи ихъ навсегда изъ села... Вы должны собраться всѣмъ селомъ, схватить ихъ, связать и представить приставу или исправнику. Будутъ они отстрѣливаться, стрѣляйте и вы,—освободите свое общество отъ заразы. Я приказалъ приставу сейчасъ арестовать нѣсколькихъ человѣкъ, которые мнѣ извѣстны, какъ укрыватели и смутьяны, а затѣмъ я отъ васъ буду ждать исполненія моихъ требованій и выдачи виновныхъ и ихъ укрывателей» *).

Не лишне отмѣтить, между прочимъ, что губернаторское краснорѣчіе съ особенною силою обрушилось на борзенскій уѣздъ. Чтобы не только произносить такія рѣчи, но печатать ихъ во всеобщее свѣдѣніе, нужно обладать нѣсколько своеобразными представленіями о правахъ и обязанностяхъ администратора. И для мѣстныхъ людей съ самаго начала не составляло секрета, что побѣдоносные походы г-на Родіонова имѣютъ свою закулисную сторону, гдѣ дѣйствовали режиссеры болѣе тонкой конструкціи, нежели нынѣшній черниговскій губернаторъ. Къ счастью, одинъ уголокъ этой закулисной стороны теперь уже раскрытъ, а одинъ изъ дѣйствовавшихъ тамъ режиссеровъ уже пойманъ съ поличнымъ, устраненъ отъ должности и, по газетнымъ свѣдѣніямъ, будетъ преданъ суду.

Режиссеръ этотъ—борзенскій исправникъ и членъ союза русскаго народа Влодзимірскій. Раньше онъ былъ въ Черниговѣ помощникомъ полицеймейстера и въ Конотопѣ помощникомъ исправника. Попавъ въ Борзну исправникомъ, онъ избралъ себѣ въ негласные помощники нѣкоего Локтя, содержателя пивной,—тоже члена союза русскаго народа. По всему уѣзду начались усиленные аресты,—особенно зажиточныхъ крестьянъ, а содержатель пивной Локоть взялъ на себя трудъ хлопотать объ освобожденіи арестованныхъ. И вскорѣ для всего уѣзда было совершенно ясно, что Локоть—«исправниковъ агентъ». Въ его пивную потянулись семьи арестованныхъ. Онъ назначалъ цѣну. И если она уплачивалась, начиналъ «хлопотать», и арестованнаго отпускали на свободу. Здѣсь же, въ пивной Локтя, можно было за извѣстную сумму «по-

*) Цит. по „Кіев. Вѣст.“, 1 окт., 1907 г.

хлопотать объ арестѣ». Напр., волостной старшина Дмитренко очень былъ золъ на нѣкоего Копыловскаго. Дмитренко «не пожалѣлъ ста карбованцевъ», и Копыловскій, не взирая на полную свою благонадежность, былъ не только арестованъ, но и высланъ въ административномъ порядкѣ изъ предѣловъ Черниговской губ.

Такъ шло, пока г. Влодзимірскій дѣйствовалъ въ предѣлахъ предоставленной ему, какъ исправнику, власти. Затѣмъ явилась мысль—поставить дѣло на широкую ногу. Для этого требовалось лишь заранѣе толково составить проскрипціонные списки. Тутъ и выступилъ на сцену губернаторъ со своими облавами, рѣчами, массовыми арестами мужчинъ и женщинъ,—по указкѣ Влодзимірскаго... Разсчетъ, конечно, оказался правильнымъ: въ пивную Локтя чающіе освобожденія потянулись буквально со всего уѣзда. По словамъ очевидцевъ, эта «пивная превратилась въ какой-то базаръ, гдѣ съ Локтемъ торговались за освобожденіе». И лишь послѣ того, какъ г. Родіоновъ досыта наохотился и вдосталь наговорился, нѣкоторые добрые люди дали ему понять, что тутъ не все чисто. Къ чести г-на Родіонова надо сказать, что онъ согласился отправить своего чиновника особыхъ порученій Максимовскаго для внезапной ревизіи. И къ чести г. Максимовскаго надо сказать, что онъ не взялъ борзенскаго режиссера подъ свою защиту. «Произведеннымъ слѣдствіемъ слухи о многочисленныхъ взяткахъ Влодзимірскаго, объ освобожденіи за деньги арестованныхъ и проч. подтвердились; открыта масса злоупотребленій по службѣ» *). Влодзимірскій телеграфнымъ распоряженіемъ губернатора уволенъ отъ должности. Владѣлъ же онъ Борзенскимъ уѣздомъ съ конца іюля 1906 г., т. е. около 15 мѣсяцевъ.

Спрашивается, могли сильные мѣстные люди, въ родѣ семьи тѣхъ же, напр., предводителей дворянства Глѣбовыхъ, предпринять хоть какіе-либо шаги къ защитѣ населенія отъ столь энергичнаго исправника? Поймите, они ничѣмъ не рисковали. Дѣянія Влодзимірскаго были таковы, что самому Родіонову оставалось бы лишь радоваться и благодарить, если бы его во время предупредили. Но—увы!—населеніе нашло защиту не у Глѣбовыхъ. Помогли борзенскому уѣзду избавиться отъ Влодзимірскаго кое-какіе мелкіе полицейскіе чины, которымъ удалось собрать вѣскія улики и представить, куда слѣдуетъ. Правда, мнѣ пришлось читать въ газетахъ и такое объясненіе, почему въ данномъ случаѣ полицейскіе сочли нужнымъ возстать «противъ произвола во имя законности». Дѣло въ томъ, что «за время исправничанья Влодзимірскаго перемѣнилась масса надзирателей, такъ какъ исправникъ желалъ быть единственнымъ получателемъ доходовъ». Допустимъ, что такъ. Допустимъ, что Влодзимірскій владычествовалъ бы дольше, если бы не стремился монополизировать въ свою пользу «всѣ полицейскіе

*) „Кіев. Вѣсти.“, 18. X. 1907.

доходы». Но, вѣдь, это лишь значитъ, что, будь онъ не такъ жаденъ, то продолжалъ бы засѣдать совмѣстно съ предводителемъ дворянства и съ прочими мѣстными особами, какія по штату полагаются, и въ училищномъ совѣтѣ, и въ воинскомъ присутствіи, и въ другихъ уѣздныхъ учрежденіяхъ. Властные въ Борзенскомъ у. люди, безъ сомнѣнія, прекрасно знали бы «подноготную» Влодзимірскаго. Въ россійскихъ захолустьяхъ вѣдь всѣмъ извѣстно не только то, что сосѣдъ дѣлаетъ, но и что у него на кухнѣ варится, и когда онъ бѣлье мѣняетъ. Но развѣ это мѣшало бы властнымъ людямъ при встрѣчѣ съ предпріимчивымъ исправникомъ обмѣняться пріятельскими рукопожатіями?

Помните, какъ мопасановскій врачъ разсуждаетъ о своемъ пріятелѣ-аптекарѣ:

— Говоря откровенно, — это порядочный негодяй. Но, знаете ли, намъ, врачамъ, нельзя ссориться съ аптекарями.

И думаю, это сравненіе въ данномъ случаѣ вполнѣ умѣстно. Необходимо помнить о той почвѣ, на которой появилась оригинальная агентура содержателя пивной Локтя. Почва эта — отказъ «допустить рѣшеніе земельнаго вопроса путемъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель въ порядкѣ законодательномъ». Это вѣдь главная причина, почему съ 1904 г. Черниговская губернія остается одною изъ весьма неблагополучныхъ въ смыслѣ аграрнаго движенія. Отсюда вѣдь идетъ цѣлый рядъ эксцесовъ снизу: сначала черниговскіе «дядьки» жгли пановъ вообще; потомъ стали жечь пановъ съ разборомъ. По недавнему сообщенію октябристскаго «Голоса Москвы», въ Черниговской губерніи, между прочимъ, «происходятъ систематическіе поджоги имѣній помѣщиковъ, примыкающихъ къ союзу русскаго народа; за послѣднее время произошло болѣе ста пожаровъ» *). А по телеграфному извѣстію «Руси» именно въ борзенскомъ уѣздѣ «часто горятъ крупныя экономіи». И если Влодзимірскіе въ борьбѣ съ «нашимъ» врагомъ во имя «нашихъ» интересовъ не забываютъ о собственномъ карманѣ, то что же дѣлать? «Гдѣ пьютъ, тамъ и льютъ». Гдѣ война, тамъ нельзя обойтись безъ мародеровъ.

— Нашъ аптекарь можетъ быть очень сквернымъ человѣкомъ. Но врачу нельзя ссориться съ аптекаремъ.

Ради краткости я позволилъ себѣ остановиться только на двухъ эпизодахъ—екатеринославскомъ и черниговскомъ. Полагаю, однако, что для характеристики нынѣшняго думскаго большинства они имѣютъ общее значеніе. Это большинство избрано властными въ мѣстной жизни людьми всей Россіи. Это всероссійское представительство властныхъ въ мѣстной жизни людей. И оно оказалось не только въ политической, но и въ личной пріязни съ представителями именно той организаціи, членами которой подготовлено, между про-

*) «Рѣчь», 20. X. 1907.

чимъ, убійство Герценштейна и Іолоса и оборудованъ цѣлый рядъ погромовъ.

Я вовсе не хочу все большинство третьей Думы окрашивать въ одинъ цвѣтъ и еще разъ признаю несомнѣннымъ, что тамъ есть разные цвѣта и разные оттѣнки. Пуришкевичъ и Келеповскій не совсѣмъ то, что Крупенскій и еп. Евлогій. Крупенскій не совсѣмъ то, что Гучковъ и Родзянко. Родзянко нѣсколько въ иномъ родѣ, чѣмъ Алексѣенко, Алексѣенко въ иномъ родѣ, чѣмъ Капустинъ. Тамъ есть своя просто правая сторона и крайняя правая. Есть октябристы и есть лѣвые октябристы. Въ этой чрезвычайно пестрой и нескладной семьѣ возможны междоусобныя распри и взаимныя потасовки. Нельзя даже ручаться, что та или иная потасовка не закончится взаимнымъ причиненіемъ болѣе или менѣе тяжкихъ увѣчій. Но возьмите даже тѣхъ, кого считаютъ наиболѣе лѣвымъ,—ну, хотя бы проф. Капустина. Вѣдь онъ не можетъ не знать. что обвиняемые въ убійствѣ Герценштейна — члены союза русскаго народа. Вѣдь самъ союзъ не скрываетъ ни своихъ трудовъ по организаціи погромовъ, ни своихъ тактическихъ мѣропріятій послѣдняго времени, прямо направленныхъ, между прочимъ, къ тому, чтобы вызвать холерные бунты. Не можетъ проф. Капустинъ не понимать и того, ради какихъ вполнѣ сознательныхъ политическихъ цѣлей это дѣлается. И понимая все это, онъ, однако, не отказался при выборѣ думскаго президіума пойти рука объ руку съ союзомъ русскаго народа. Правда, черезъ нѣсколько дней послѣ выбора президіума по случаю разногласія во время обсужденія адреса 13 ноября намъ пришлось присутствовать при довольно таки крупной семейной размолвкѣ. Нѣкоторыя газеты сгоряча заговорили было о расколѣ большинства. Но черезъ два дня, 15 ноября лишь только с.-д. Гегечкори произнесъ нѣсколько словъ о крестьянскомъ безземельѣ, пестрая семья снова оказалась тѣсно сплоченной и на рѣдкость единодушной... Это въ родѣ семейной сценки у Мирбо въ «Дневникѣ горничной». Мужъ кричитъ женѣ: «потаскушка». Жена отвѣчаетъ мужу: «воръ». А затѣмъ... затѣмъ слѣдуютъ аппетитные супружескіе поцѣлуи.

III.

Для насъ вовсе не интересно входить въ оцѣнку личныхъ достоинствъ или недостатковъ какъ г. Капустина, такъ и всѣхъ его политическихъ друзей, до Келеповскаго и Пуришкевича включительно. Дѣло совсѣмъ не въ личныхъ достоинствахъ или недостаткахъ.

Среди помѣщиковъ, которые нынѣ во многихъ мѣстахъ организуютъ отряды ингушей и черкесовъ, надо бы полагать, есть лично честные люди, обладающіе многими достоинствами. И все-таки прямо направленная противъ крестьянъ организація вольно-

наемныхъ воинскихъ командъ—не что иное, какъ усугубленіе поводовъ и средствъ къ междоусобицѣ и кровопролитію. И когда сами организаторы этихъ командъ жалуются, что населеніе неспокойно и озлоблено, что надъ нимъ потеряли власть былые авторитеты, что въ странѣ страшную силу пріобрѣли стремленія центробѣжныя, направленныя къ распаду общественнаго организма, то невольно хочется отвѣтить:

— Не сѣйте вѣтеръ, и тогда вамъ не придется пожинать бурю.

Точно также,—пусть бы нынѣшнее думское большинство состояло сплошь изъ людей, которые одарены только личными достоинствами и совершенно не имѣютъ личныхъ недостатковъ, — отсюда вовсе не слѣдуетъ, что дорога, по которой оно можетъ и хочетъ идти, ведетъ именно туда, гдѣ въ самомъ дѣлѣ, «на мѣсто произвола можно утвердить законъ».

Намъ не зачѣмъ также вскрывать классовый характеръ тѣхъ интересовъ, какіе представлены большинствомъ 3-ей Думы. Классовый интересъ, какъ и всякое другое человѣческое стремленіе, можетъ быть при извѣстной исторической обстановкѣ силою творческой, организующей, и можетъ стать силой дезорганизующей и разрушительной. Все зависитъ отъ того, куда и какъ онъ направленъ. Весьма понятно, что тому же хотя бы г-ну Родзянку дороги и близки интересы крупнаго землевладѣнія. И вполнѣ естественно, что онъ защищаетъ эти интересы. Надо лишь учитывать, какъ защищаетъ.

Въ видѣ примѣра, я позволю себѣ вкратцѣ напомнить совершенныя имъ въ качествѣ предсѣдателя екатеринославской губернской земской управы статистическія чудеса. Секретъ этихъ чудесъ въ екатеринославскомъ земствѣ былъ такъ же азбучно простъ, какъ и во многихъ другихъ земствахъ. Оцѣночное статистическое бюро въ 1901 г. вполнѣ закончило обработку матеріаловъ по одному уѣзду Екатеринославской губ. и научными данными подтвердило, что крестьянское хозяйство совершенно не можетъ выдержать возложеннаго на него налоговаго бремени. Вотъ, собственно, какая реальность открылась передъ землевладѣльцами. И вмѣсто того, чтобы считаться съ этою реальностью, вмѣсто того, чтобъ учитывать ее, пусть даже съ точки зрѣнія своихъ интересовъ, землевладѣльцы предпочли устроить въ нѣкоторомъ родѣ бунтъ: предсѣдатель губернской земской управы Вл. И. Карповъ былъ низвергнутъ, на его мѣсто возвели г-на Родзянка. А этотъ послѣдній не совсѣмъ удачно воспользовался первымъ подвернувшимся предлогомъ, чтобы оцѣночное статистическое бюро «расkассировать» и роль его свести на нѣтъ.

Повторяю, мнѣ понятенъ классовый интересъ. Съ точки зрѣнія крупнаго землевладѣльца, конечно, желательно и даже нужно главную тяжесть налоговаго бремени взвалить на мелкое крестьянское

хозяйство. Но даже стоя на этой точкѣ зрѣнія, все таки нужно знать возможно точнѣе, до какой степени крестьянское хозяйство приспособлено выносить ту или другую тяжесть. Но въ томъ-то и дѣло, что крупные землевладѣльцы—не одной только Екатеринославской губ.—желали лишь сохранить status quo. И въ отвѣтъ на очевидныя доказательства, что сохраненіе status quo физически невозможно, они пускали въ ходъ лишь одинъ аргументъ: «молчать!..» Стараясь держать крестьянское хозяйство подъ физически невозможнымъ бременемъ, каждый изъ нихъ, несомнѣнно, сохранилъ въ своемъ карманѣ нѣсколько тысячъ рублей,—считая съ того времени, когда физическая невозможность была документально доказана. Но тѣмъ самымъ каждый изъ нихъ, несомнѣнно, внесъ лепту въ общую совокупность причинъ, создавшихъ «пожаръ Россіи».

Теперь крестьяне «жгутъ пановъ». Жгутъ въ Орловской, жгутъ въ Полтавской, въ Черниговской, въ Кіевской, Подольской, Екатеринославской губерніяхъ. Жгутъ во многихъ другихъ мѣстахъ. Передъ нами, несомнѣнно, страшное явленіе. Страшнымъ его считаютъ и соціалистическія партіи и, какъ извѣстно, онѣ не разъ убѣждали крестьянъ не жечь и не грабить. Страшнымъ его считаютъ и конституціоналисты-демократы, и октябристы. Страшно оно и для правительства. Сами крестьяне признаютъ, что это дѣло страшное, разорительное для всей страны. Однако пановъ продолжаютъ упорно жечь... Уже одно это свидѣтельствуетъ, что въ основѣ даннаго явленія лежатъ общія, глубокія причины. Не могло же, въ самомъ дѣлѣ, столь крупное общественное событіе возникнуть зря, случайно. И вотъ, чтобы найти, кто виноватъ, стараются поймать подстрекателей и агитаторовъ. Но зачѣмъ же искать, когда главнѣйшіе подстрекатели собственно на виду? Конечно, г-да Родзянки прокламацій не разбрасывали, зажигательныхъ рѣчей на митингахъ не произносили. Но вѣдь значеніе прокламацій и зажигательныхъ рѣчей вовсе не такъ ужъ велико,—несравнимо болѣе серьезную роль играютъ дѣйствія. И стараясь, вопреки здравому смыслу, удержать крестьянство подъ гнетомъ, физически невозможнымъ, г. Родзянко тѣмъ именно и занимается, что дѣлаетъ неустранимыми, между прочимъ, и «аграрныя иллюминаціи».

Нѣтъ спора, классовые интересы такая же несомнѣнная величина, какъ и личный эгоизмъ. Эгоизмъ можетъ толкнутъ человѣка на дѣла высокой общественной важности. И тотъ же эгоизмъ создаетъ шуллеровъ, жуликовъ и разбойниковъ. Классовый интересъ во времена оны декретировалъ революцію 1789 г., а въ ближайшіе къ намъ дни участвовалъ въ созданіи республиканской Франціи. Но что декретируетъ, что сможетъ создать тотъ классовый интересъ, представителями котораго являются такіе люди, какъ г.г. Гучковъ, Крупенскій и Родзянко?

Въ 1901 году г. Родзянко проектировалъ ниспровергнуть существующій общественный строй, основанный на общинномъ земле-

владѣніи, путемъ принудительнаго разселенія крестьянъ на «отрубные участки». Судя по упомянутой выше брошюрѣ г. Заломанова, тогдашняя аргументація г-на Родзянка сводилась къ слѣдующему.

Крупному землевладѣльческому хозяйству чрезвычайно трудно выдерживать конкурренцію съ хозяйствомъ мелкимъ, крестьянскимъ, такъ какъ помѣщику нуженъ опредѣленный доходъ, а крестьянинъ сократилъ свои потребности до минимума, и это даетъ ему возможность продавать свои сельско-хозяйственные продукты слишкомъ дешево. Чтобы освободить крупныхъ помѣщиковъ отъ конкурренціи, необходимо упразднить общину и разселить крестьянъ по хуторамъ.

Съ точки зрѣнія опредѣленныхъ классовыхъ интересовъ, этотъ проектъ массовой пролетаризаціи малоземельныхъ и слабосильныхъ въ хозяйственномъ смыслѣ крестьянъ, несомнѣнно, цѣлессообразенъ. И примѣняемый во-время, исподволь, онъ, несомнѣнно, помогъ бы достигнуть кое-какихъ результатовъ. Но г. Родзянко выступилъ въ 1901 г., какъ разъ въ то время, когда обнаружился промышленный застой, обусловленный отсутствіемъ у населенія «покупательной способности». Оживленные на казенный счетъ заводы вынуждены были сокращать производство. Ростъ безработныхъ уже давалъ себя чувствовать. Было уже ясно, что въ Россіи нѣкоторое перепроизводство пролетаріата, не покрываемое возможнымъ въ странѣ развитіемъ фабрично-заводской промышленности. Не буду касаться многихъ другихъ сторонъ, ускользнувшихъ отъ г. Родзянка. Но сама по себѣ мысль о массовой пролетаризаціи была бы понятна въ моментъ кажущагося промышленнаго оживленія. Однако, г. Родзянка угораздило выступить именно во время краха: вы, молъ, и безъ того не знаете, какъ быть съ совершенно свободными рабочими руками, а я вамъ предлагаю устроить еще нѣсколько милліоновъ совершенно свободныхъ рабочихъ рукъ и тѣмъ вѣрнѣе перейти отъ кризиса къ катастрофѣ. Словомъ, даже въ 1901 г. по поводу проекта г. Родзянка имѣлось полное основаніе повторить слова Бѣлинскаго о Хомяковѣ, отцѣ нынѣшняго предсѣдателя Государственной Думы:

— «Тонъ дѣтскій, взгляды невысокіе, недостатокъ такта дѣйствительности совершенный» *).

Прошло шесть лѣтъ. Безработица выросла въ тяжелое бѣдствіе. Страна доведена до поножовщины и буйнаго разгула центробѣжныхъ силъ. А знакомые дятлы сидятъ все на томъ же старомъ суку и все такъ же долбятъ носами:

— Отрубные участки... Хуторское хозяйство... Принудительное разселеніе...

Я понимаю психологію дятловъ: они не забыли, что массовая пролетаризація для нихъ полезна. Но настаивать на этомъ при ны-

*) См. ст. Бѣлинскаго: „Русская литература въ 1843 г.“.

нѣшнихъ условіяхъ... сколь дѣтская мысль нужна, чтобы обладать столь «совершеннымъ отсутствіемъ такта дѣйствительности»!.. У этихъ людей, безспорно, есть классовый интересъ. Но онъ направленъ безотносительно къ здравому смыслу и съ полнымъ отсутствіемъ пониманія реальныхъ возможностей.

Къ сожалѣнію, для классоваго интереса, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, характерно не только это. Я позволю себѣ остановиться еще на одномъ эпизодѣ изъ дѣятельности г-на Родзянка въ качествѣ предсѣдателя екатеринославской губернской земской управы.

Въ 1903 г. среди рабочихъ богатѣйшей владѣльческой экономіи Коммисаровки, Славяносербскаго уѣзда, появился тифъ, быстро принявшій размѣры повальной эпидеміи. Нѣкоторое время заболѣвшихъ «пользовалъ» ветеринарный фельдшеръ экономіи, владѣлецъ которой очень заботился о здоровьѣ своего рабочаго скота. Но эпидемія такъ разрослась, что дѣлу поневолѣ пришлось дать огласку. Земство командировало врачей. И благодаря этому, были документально установлены обстоятельства, весьма обыкновенныя и, тѣмъ не менѣе, жуткія. Рабочіе—больные рядомъ со здоровыми—должны были жить въ сараѣ, рядомъ съ хлѣвомъ. Имъ разрѣшалось брать воду только изъ опредѣленнаго «родника», куда стекали нечистоты скотнаго двора. Имъ давали пищу въ грязныхъ, никогда не моющихся посудинахъ. Словомъ, владѣлецъ оказался матеріально отвѣтственнымъ передъ семьями людей, умершихъ и искалѣченныхъ. Не лишне упомянуть, что эту непріятность владѣльцу Коммисаровки причинили врачи Славяносербскаго уѣзда, гдѣ предсѣдателемъ земской управы въ ту пору былъ «кадетъ» Радаковъ.

Какъ только «коммисаровская исторія» получила огласку, немедленно вмѣшалось организованное г-номъ Родзянкомъ губернское санитарно-эпидемическое бюро. И моментально произошелъ цѣлый рядъ чудесъ. Водоемъ, загрязненный нечистотами, оказался «колодцами съ чистой и свѣжей водой». Свиныя корыта превратились въ «многогранную посуду», правда, сдѣланную изъ дерева, но единственно по винѣ рабочихъ, ибо, видите-ли, рабочіе не выносятъ даже вида эмалированной, напр., посуды,—эта послѣдняя напоминаетъ имъ туалетныя принадлежности и вызываетъ тошноту. Волшебнымъ способомъ исчезъ и самый брюшной тифъ, отъ котораго умирали и продолжали умирать рабочіе. Оказалось, что брюшного тифа совсѣмъ даже не было, а если и приключилось нѣсколько смертей, то опять-таки по винѣ рабочихъ, которые принесли съ собою эпидемію изъ Полтавской губ. и тѣмъ—явное дѣло—причинили тяжкій ущербъ владѣльцу Коммисаровки.

Этотъ рядъ волшебныхъ превращеній послужилъ предметомъ довольно остраго спора между уѣздными врачами и санитарами г-на Родзянка. При чемъ въ распоряженіи послѣдняго оказался

санитарно-эпидемическій врачъ, который весьма откровенно заботы о здоровьѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ назвалъ «декадентствомъ». Въ столкновеніе уѣздныхъ врачей съ губернскими удалось вмѣшаться и печати. Въ частности, мнѣ тоже пришлось высказаться о коммисаровской исторіи,—сначала въ мѣстномъ «Вѣстникѣ Юга» (замѣтка: «Санитарный перлъ», № 533, 1903 г.), потомъ въ «Мірѣ Божіемъ» (мартъ 1904 г.). Въ пылу полемики, между прочимъ, выяснилось, что коммисаровскія условія вовсе не представляютъ чего-либо исключительнаго. Оказалось, что для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ при экономіяхъ властныхъ людей это довольно обыкновенныя условія далеко не въ одной Екатеринославской губ. Разница лишь въ томъ, что въ однѣхъ экономіяхъ «многогранная посуда» все-таки время-отъ-времени моется, въ другихъ это считается роскошью; одни владѣльцы велятъ варить для рабочихъ «мясо съ душкомъ», другіе приказываютъ класть въ котелъ «для навара» сибире-звенное падло, т. е. мясо животныхъ, павшихъ отъ сибирской язвы. И механизмъ санитарно-эпидемической организаціи собственно приноровлялся, между прочимъ, опять-таки къ сохраненію status quo,—дабы не выносить сора изъ избы. А до какой степени все приноровлялось именно къ этой цѣли,—можно судить по примѣру Новомосковскаго уѣзда Екат. губ. Этотъ уѣздъ—«родной» для г. Родзянка. Здѣсь нынѣшній «лидеръ октябристовъ» основательно считается самымъ властнымъ человѣкомъ и господиномъ положенія. И этотъ же уѣздъ въ 1903 г. былъ оффиціально признанъ однимъ изъ самыхъ неблагополучныхъ по тифу. Однако, удалось «установить», что здѣсь «своего» тифа нѣтъ и нѣтъ условій для его образованія, а эпидемія, дескать, заносится изъ сосѣдняго Кобелякскаго у. Полтавской губ., хотя нѣкоторые екатеринославскіе земскіе врачи оффиціально заявляли, что, по даннымъ кобелякскаго земства, тифъ въ Полтавскую губ. заносится именно изъ Новомосковскаго у. («Вѣстн. Юга», 1903 г., № 533).

Несомнѣнно, предъ нами классовый интересъ, но выродившійся до спекуляціи такими средствами, которыя непосредственно направлены къ потрясенію и бѣдствію въ странѣ. Передъ нами люди, которые, несомнѣнно, заботятся о собственныхъ выгодахъ. Но они дошли до того, что спокойно обращаютъ въ источникъ заразы даже собственныя родовыя гнѣзда, гдѣ все таки приходится жить ихъ женамъ и дѣтямъ.

И когда эти люди говорятъ: «вотъ мы собрались и приступимъ къ созидательной работѣ», не то меня смущаетъ, что у нихъ нѣтъ, собственно, никакого плана для этой работы. Я готовъ представить себѣ возможность строительства и безъ опредѣленнаго плана. Знаете, какъ въ старину хозяйственные купцы строились: клѣтушка ему нужна,—онъ къ старому дому клѣтушку придѣлаетъ, а къ клѣтушкѣ лавочку, а къ лавочкѣ амбарчикъ, а къ амбарчику

кухню, а къ кухнѣ сѣновалъ... И такъ дальше, по мѣрѣ надобности. Кавардакъ получался отчаянный. А ничего — жить можно, по крайней мѣрѣ, до первой искры изъ кухонной трубы на сѣновалъ...

И не то меня смущаетъ, что у этихъ людей есть опредѣленный классовый интересъ. Классъ всетаки можетъ быть жизнеспособной частью человѣчества. И если онъ не выродился въ канибальство, не пренебрегаетъ реальными условіями жизни, а исходя изъ нихъ, стремится къ дѣйствительному осуществленію своихъ интересовъ, то онъ попутно можетъ осуществить и кое-какіе общечеловѣческіе интересы. И не то меня занимаетъ, сколько среди нихъ порядочныхъ людей, сколько непорядочныхъ, сколько искреннихъ, сколько продажныхъ.

Но я не знаю, что у нихъ за душою, «чѣмъ они живы», какая мысль ихъ одухотворяетъ. Они вотъ любятъ кричать «ура», говорить о любви къ отечеству, о патріотизмѣ. И оно бы ничего. Патріотизмъ, даже мѣщанскій, грубый, даже изувѣрскій,—всетаки сила. Въ немъ есть нѣчто центростремительное. Въ моменты всеобщаго распада, въ моменты небывалаго развитія центробѣжныхъ настроеній, онъ можетъ сыграть роль цемента. Но замѣчательное дѣло. Патріотическіе призывы, исходившіе отъ французскихъ буржуа конца XVIII в., дѣйствительно играли роль цемента. А патріотическіе призывы графа Артуа, принца Кондэ и другихъ французскихъ эмигрантовъ того же времени, иногда возвращавшихся на родину въ рядахъ иноземныхъ войскъ, возбуждали чувство неловкости и смѣхъ. И по отзыву кн. Е. Трубецкого, приблизительно такое же чувство возбуждали патріотическіе клики въ Думѣ 1 ноября. Патріоты нынѣшняго думскаго большинства—увы!—въ этомъ случаѣ раздѣляютъ участь современниковъ и единомышленниковъ графа Артуа... Невольно вспоминается исторія Шмида. Вспоминаются Мукденъ и Цусима: они вѣдь подготовлены друзьями, родственниками, единомышленниками и знакомыми особъ, вошедшихъ въ составъ думскаго большинства. Вспоминается многое другое... Откровенно говоря, я очень боюсь, что патріотизмъ такого большинства не далеко ушелъ отъ патріотизма Людовика XVI и Маріи Антуанеты. И въ качествѣ таковаго, онъ въ лучшемъ случаѣ—смоковница, обреченная на безплодіе.

Они говорятъ о законности. И несомнѣнно, въ авторитетѣ закона великая связующая сила,—разумѣется, если это дѣйствительно авторитетъ, если законъ соотвѣтствуетъ общественному правосознанію. Но опять—странное дѣло. Ихъ разговоры о законности возбуждаютъ такое же чувство неловкости, какъ и ихъ крики о патріотизмѣ, о любви къ «цѣлому, единому, не расчлененному отечеству». Да и не мудрено: вѣдь одновременно они говорятъ, что для нихъ жизненно необходимы «охраны», т. е. возведенное въ государственную систему отрицаніе правовыхъ нормъ. При такихъ

условіяхъ даже неловко спрашивать, о какой законности они хлопочуть,—о той ли, которая соотвѣтствуетъ общественному правосознанію, или о другой. А когда вспомнишь, что давно уже эти люди говорятъ о законности, то невольно срывается вопросъ:

— Не пустое ли слово для нихъ законъ? Развѣ не они, въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ владычествовали на мѣстахъ? И развѣ не они содѣйствовали тому, что родина наша обеззаконѣла и обезсудѣла?

Они говорятъ и даже кричатъ объ уваженіи къ собственности. И опять—уваженіе къ чужому имуществу, къ плодамъ чужого труда, несомнѣнно, сила и сила центростремительная. Но... позвольте упомянуть объ одномъ нѣсколько анекдотическомъ происшествіи. Какъ извѣстно, недавно въ Харьковѣ засѣдалъ «областной земскій съѣздъ по переселенческому дѣлу». Засѣдали тамъ представители земствъ: харьковскаго, полтавскаго, черниговскаго, херсонскаго и таврическаго, — почти сплошь единомышленники нынѣшняго думскаго большинства. И по иниціативѣ полтавскихъ земцевъ, они, между прочимъ, постановили: «признать необходимымъ принудительное отчужденіе киргизскихъ земель». Одинъ изъ участниковъ съѣзда нѣсколько смутился: «о нашихъ, помѣщичьихъ, земляхъ мы говоримъ: не допустимо, а о киргизскихъ: «необходимо»... Ему на это отвѣтили:

— Киргизскія... Киргизскія— это дѣло другое *)...

Разсчитанный на сочувствіе нынѣшняго думскаго большинства, «временный законъ» о принудительномъ даже не отчужденіи, а расхищеніи крестьянскихъ земель основанъ на столь же остроумной аргументаціи:

— Крестьянскія... Крестьянскія—это дѣло другое.

И неудивительно, если крики объ уваженіи къ собственности производятъ такое же впечатлѣніе, какъ и призывы къ патріотизму.

Будемте откровенны. Вотъ г. Пуришкевичъ, напр., говоритъ, что для него частная собственность священна. Но кто же потрясаетъ основы частной собственности, безпрерывно громя, между прочимъ, Одессу, изъ которой, по газетнымъ свѣдѣніямъ эмигрировало за послѣднее время до 100.000 человѣкъ? Развѣ погромы производитъ не союзъ русскаго народа, въ числѣ гласныхъ руководителей котораго состоитъ и г. Пуришкевичъ? Или, быть можетъ, частная собственность священна для гг. Гучкова, Родзянка, Капустина, Плевако? Но тогда какимъ же образомъ случилось, что они оказались въ Думѣ рука объ руку съ руководителями и покровителями одесскихъ громилъ? Я знаю и вижу тѣ антисоціальныя силы и стремленія, которыя выражаетъ собою большинство третьей Думы. Созданное въ полосу общественнаго распада,

*) „Бирж. Вѣд.“, 9 октября, 1907.

высокаго напряженія центробѣжныхъ силъ, оно отразило въ себѣ именно эту полосу. Какъ таковое, оно въ самой Думѣ, какъ свидѣтельствуютъ отчеты о засѣданіяхъ, оказалось лишеннымъ элементарнѣйшихъ побужденій, безъ которыхъ немыслимо сохраненіе даже внѣшняго порядка. У представителей этого большинства незамѣтно стремленія выяснить вопросъ, — иначе они не старались бы всемѣрно заглушать ораторовъ оппозиціи. У нихъ нѣтъ уваженія къ мнѣнію противника. Они не уважаютъ собственнаго предсѣдателя, безпорядочными хаотическими криками указывая ему, когда оратора остановить, что дозволять, чего не допускать. Они не уважаютъ даже самой Думы, и способны публично, громогласно выкрикивать въ залѣ засѣданія площадныя ругательства (напр., 17 ноября во время дикой сцены по поводу рѣчи деп. Родичева). Внѣ Думы, въ странѣ, такое «большинство», разумѣется, способно обострить процессъ разрушенія послѣднихъ остатковъ стараго цемента, спаивавшаго россійскую общественность, и окончательно привести страну въ расплавленное состояніе. По крайней мѣрѣ, эту задачу элементы, составившіе думское большинство, до сихъ поръ выполняли. Можетъ быть, даже необходимо, чтобы они ее довершили. Касательно же надеждъ, что они сплотятъ расплавленное, я позволю себѣ напомнить отзывъ Корана о людяхъ, которымъ «Богъ наложилъ печать на сердца и уши», а «на глаза повязку»,—между прочимъ, за то, что они «обращались съ пророками, какъ съ лжецами».

— «Недугъ точитъ сердца ихъ... Когда имъ говорятъ: не вызывайте смятенія на землѣ, они отвѣчаютъ: напротивъ, мы водворяемъ въ ней порядокъ. Увы! Они творятъ безчиніе, но не понимаютъ этого... Они глухи, нѣмы, слѣпы, для нихъ нѣтъ возврата... Они изъ боязни смерти, изъ страха передъ громовыми ударами затыкаютъ себѣ уши въ то время, какъ съ высоты небесъ начинаетъ спускаться огромная, темная туча съ громомъ и молніей, и Господь охватываетъ со всѣхъ сторонъ нечестивыхъ» (Коранъ, II, 6—18).

Они тоже, между прочимъ, «обращались съ пророками, какъ съ лжецами». И я не рѣшился бы отрицать, что для нихъ тоже «нѣтъ возврата».

А. Петрищевъ.

Письмо въ редакцію.

Въ изданной подъ нашею редакціей I части книги «Галлерея Шлиссельбургскихъ узниковъ», въ очеркѣ С. Г. Сватикова о М. Р. Поповѣ, среди показаній предателя Забрамскаго, заимствованныхъ изъ обвинительнаго акта, приводится одно, которое въ глазахъ малоосвѣдомленныхъ людей можетъ набросить тѣнь на безу-

опорочненную политическую репутацію Викторіи Викторовны Левенсонъ. Хотя въ томъ же очеркѣ упоминается и о тяжкой карѣ, постигшей В. В. Левенсонъ, изъ чего косвенно можно было бы заключить о лживости упомянутыхъ свѣдѣній обвинительнаго акта, тѣмъ не менѣе, по недосмотру, ни авторъ очерка, ни редакторы не сопроводили означенное показаніе необходимымъ историческимъ поясненіемъ, а потому мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ сдѣлать это теперь.

Дѣло въ томъ, что въ засѣданіи кіевскаго военно-окружнаго суда, разсматривавшаго лѣтомъ 1880 года дѣло «двадцати одного», Михаиломъ Родіоновичемъ Поповымъ, послѣ прочтенія показаній вышеупомянутаго Забрамскаго, было сдѣлано, какъ теперь установлено, спеціально по поводу Левенсонъ, слѣдующее заявленіе: онъ, Поповъ, съ товарищами давно уже подозрѣвалъ Забрамскаго въ предательствѣ и, желая навести его на ложный слѣдъ, *съ вѣдома и согласія самой Левенсонъ*, высказывалъ въ его присутствіи сомнѣнія въ ея политической надежности.

Лучше поздно, чѣмъ никогда, и, исправляя настоящимъ коллективнымъ заявленіемъ свой непростительный и печальный недосмотръ, мы приносимъ В. В. Левенсонъ наши горячія извиненія. Просимъ газеты и журналы перепечатать это заявленіе.

Редакторы «Галлереи»: **Н. Ѳ. Анненскій, В. Я. Богучарскій, В. И. Семевскій, П. Ф. Якубовичъ**, Авторъ очерка: **С. Г. Сватиковъ**.

ОПЕЧАТКА.

Въ статьѣ Н. Е. Курдина „Двадцать пять лѣтъ спустя“, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ, вкралась погрѣшность. На страницѣ 38, строка 6 сверху напечатано: „между крестьянами этой второй категоріи“ надо читать: „изъ крестьянъ первой категоріи“.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.: отъ Надпорожской, изъ Нарвы—6 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими . . . . 144 р. 45 к

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ группы сочувствующихъ города Дмитровска, Орловской губ.—4 р. 63 к.; отъ М. Б. 10 р.; изъ Калиша—6 р.; отъ в-ча Николаева—5 р.; отъ А. Б.—55 р.; отъ О. М., изъ Бѣлостока—3 р.; отъ Д. Ф. К.—50 р.

Итого . . . . 133 р. 63 к.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ первой и второй Государ. Думы: отъ Соколова—3 р.; «изъ Нерчинска»—25 р.; отъ служащ. матеріальнаго склада К.-В. ж. д.—34 р.

Итого . . . . 62 р.

Редакторъ-Издатель *В. Г. Короленко*.

Книгоиздательство „ЯСНАЯ ПОЛЯНА“

С.-Петербургъ, Лѣсной Корпусъ.

тратя десятки тысячъ на публикацію своихъ изданій, и **желая** выяснить, какая газета болѣе всего читается публикою, **предлагаетъ** всѣмъ читателямъ сообщить открытымъ **письмомъ** свой адресъ съ указаніемъ газеты, откуда ими **вычитано** это объявленіе; таковымъ мы въ награду въ тотъ **же** день вышлемъ нѣсколько книгъ **совершенно безплатно.**

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПОРТРЕТЫ

бывшихъ Шлиссельбургскихъ узниковъ

(фототипіи размѣра 8 × 6 верш.).

Всего 29 портретовъ.

Цѣна 1 портр. **35** к., полной коллекціи **5** р. **80 к.**

Чистый доходъ отъ изданія предназначается въ пользу бывшихъ Шлиссельбургскихъ узниковъ.

Проспекты высыл. безплатно.

Съ заказами просятъ обращаться въ контору „Русскаго Богатства“, СПБ. Баскова ул., 9.

AP
50
.R94

Russkoe bogatstvo.
Nov., 1907

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 798 257